ЛЕТНИЙ САД

Брате!
Мир стоит до рати...

Ипатьевская летопись. 1151 г.

Гомер пишет, обличая зло:
если кто во зле пребывает,
то злой конец примет,
либо злее злого.

Ипатьевская летопись. 1233 г.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

МОСКВА
2010

ББК 83.3(2Рос=Рус)1
С483

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Рисунки *Сергея Русакова*
Художественное оформление *Наталии Введенской*

С483 Слово о полку Игореве / Под редакцией Андрея Чернова; стиховая запись. перевод, комментир. прозаический перевод и статьи А. Ю. Чернова; реконструкция древнерус. текста и примеч. д. ф. н. А. В. Дыбо; статья д. ф. н. А. Г. Боброва; Ил. С. К. Русакова. — СПб.: Летний сад, 2010. — 512 с., 36 ил.
ISBN 978-5-98856-059-3

«Слово о полку Игореве» — величайшее творение древнерусской авторской поэзии. Это издание — результат совместной работы поэта и переводчика Андрея Чернова и двух академических ученых — лингвиста А. В. Дыбо и литературоведа А. Г. Боброва. Комментарии посвящены спорным местам текста, исследованию поэтики и реконструкции стихового строя памятника. Показывается, что «Слово» — написанная в традиции «темного стиля» поэма светского автора XII века. Его имя запечатлено в тексте в виде сфрагиды (подписи в третьем лице) и акростиха. Древнерусский поэт называет себя Ходыной Святославичем и может быть отождествлен со вторым сыном Святослава Киевского Владимиром Черниговским, который, как следует из сравнения летописных свидетельств, в 1185 году отстоял Путивль. Публикуется рассказ о поиске места сражения Игоря с половцами и атрибуция иконы Богородицы Пирогощей. В статье А. Г. Боброва на основании архивных материалов показано, что мусин-пушкинский сборник со «Словом» происходит не из Спасо-Ярославского, как считалось до сих пор, а из Кирилло-Белозерского монастыря. Приведены три летописные повести о русско-половецкой войне 1184—1185 гг. (две из них в новом переводе) и сводный текст разночтений памятника.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

© Чернов А. Ю., составление, перевод, комментированный перевод, статьи, 2010
© Дыбо А. В., реконструкция др.-рус. текста, 2010
© Бобров А. Г., статья, 2010
© Русаков С. К., рисунки, 2010

ISBN 978-5-98856-059-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Экспертизу поэтики «Слова о полку Игореве» проводили литературоведы. Поэты никогда не подвергали сомнению подлинность «Слова»:

О древних лет певец, полночный Осиян!
В развалинах веков погребшийся Боян!
Тебя нам возвестил незнаемый писатель,
Когда он был твоих напевов подражатель.
Так Игорева песнь изображает нам,
Что душу подавал Гомер твоим стихам;
В них слышны, кажется мне, песни соловьины,
Отважный львиный ход, парения орлины...

Эти строки Михаила Хераскова опубликованы в 1796 году. Ничего не изменилось и после того, как поэмы Оссиана оказались подделкой[1].

«Песнь древнего барда новому трубадуру дарит Андрей Тургенев в знак дружбы, на память любви. 1800. Нояб. 24» — надпись на одном из дошедших до нас экземпляров первого издания «Слова».

Новый трубадур — семнадцатилетний Василий Жуковский.

У русских стихотворцев в обычае восхищаться «подражателем Бояна», цитировать, писать свое на тему древней поэмы или, если уж совсем становится невмочь, самому засучить рукава и — за перевод.

Подделкой можно увлечься, но, чтобы любить ее всю жизнь, надо иметь привычку закрывать глаза на очевидное: имитация, пусть не сразу, но обязательно себя выдаст. А если любишь и веришь в подлинность чувства — зачем препарировать предмет своих воздыханий?

Первым, кто рассудил по-иному, был Пушкин. В 1836-м он берет у Жуковского рукопись его перевода, сделанного между 1817 и 1819 годами,

---

[1] За легендарного кельтского барда и воина Оссиана поэмы его написал увлекшийся собиранием фольклора шотландский учитель Джеймс Макферсон (1736–1796). Он обработал кельтские народные предания и в 1765 году выпустил в своих «переводах» двухтомное собрание «Творений Оссиана». Как писал Д. С. Лихачев: «в поэзии Оссиана и „Слова“ весьма мало общего» (цит. по: *ЭСПИ*. Т. 3. С. 378).

прорабатывает с пером в руках и перевод Жуковского, и вышедший в 1833 году перевод А. Ф. Вельтмана. И свою исследовательскую работу начинает с полемики с Херасковым: «Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец „Слова о полку Игореве“ не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна».

3 декабря 1836 года А. И. Тургенев писал в Лондон брату Николаю, что Пушкин «хочет сделать критическое издание <„Песни о полку Игореве“> вроде Шлецерова Нестора и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей: но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных, все основано на знании наречий славянских и языка русского».

Пушкин успел набросать краткое вступление к своему комментарию, которое приведем здесь целиком (*Пушкин*. С. 147–148):

> *Песнь о полку Игореве* найдена была в библиотеке графа А. Ив. М.<усина-> Пушкина и издана в 1800 году. Рукопись сгорела в 1812 году. Знатоки, видевшие ее, сказывают, что почерк ее был полуустав XV века. Первые издатели приложили к ней перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшим: прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными. Объяснениями важнейшими обязаны мы Карамзину, который в своей Истории мимоходом разрешил некоторые загадочные места.
>
> Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха <Rowley>[2]. Джонсон тотчас уличил Макферсона[3]. Но

[2] Томас Чаттертон (1752–1770) — английский поэт, автор баллад и поэм, которые он выдавал за творения монаха XV века Раули. Подделка разоблачена историком Орасом Вальполем. — *Прим. А. Ч.*

[3] Английский критик Самюэль Джонсон (1709–1784) — первый, кто усомнился в подлинности поэм Оссиана. — *Прим. А. Ч.*

ни Карамзин, ни Ерм.<олаев>, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности Песни о полку Иг.<ореве>. Великий скептик Шлецер, не видав Песни о полку Игореве, сомневался в ее подлинности, но, прочитав, объявил решительно, что он полагает ее подлинно древним произведением, и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидна казалась ему истина!

Других доказательств нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под которого невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? но Карамзин не поэт. Держ.<авин>? но Державин не знал и русского языка, не только языка Песни о плъку Игореве. Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Яр<ославны>, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни тем<ный> поход неизвестного князя! Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других сл.<авянских> наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание *всех* наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна? Гомер,— если и существовал, искажен рапсодами.

Ломоносов жил не в XII ст.<олетии>. Л.<омоносова> оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала перед ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирий.<ских>, ни болг.<арских>, ни богем.<ских>, ни молд.<авских> и других наречий слав.<янских>.

Перевод Жуковского найдут в бумагах А. С. Пушкина, и в 1882 году Е. В. Барсов напечатает его как пушкинский.

Литературоведы до сих пор не ответили на вопрос, что есть Игорева песнь — проза или стихи, ораторское красноречие или бардовский текст. Опираясь на двухвековой труд многих поколений исследователей и на собственный цеховой опыт стихотворца, попытаюсь обосновать, что:

— «Слово» — непосредственный отклик на Каяльскую катастрофу, и его автор — поэт, работающий со словом так, как может работать только стихотворец, существующий внутри традиции «темного стиля».

— «Слово» до XVI века было широко известно на Руси: существует ряд свидетельств знакомства с ним древнерусских книжников.

— «Слово» написано тоническим аллитерационным стихом, местами переходящим в свободный аллитерационный стих, а переход древнерусского дружинного стиха от силлабики к тонике произошел в XI столетии еще до падения редуцированных (полугласных *ъ* и *ь*), и автором этой реформы был, по всей видимости, Боян.

— При произнесении утраченных в живой речи XII века редуцированных и восстановлении разрушенного позднейшими переписчиками двойственного числа в тексте возникают десятки рифм, что доказывает и древность, и стиховую природу текста.

— Структура поэмы трехчастна: Поход — Поражение — Возвращение. Каждая часть состоит из трех песен, а в каждой песни по три темы. Силлабические пропорции частей и песен «Слова» математически гармоничны и соответствуют пропорциям древнерусских храмов. А это значит, что текст дошел до нас без существенных искажений.

— Система категорий и понятий, которыми оперирует автор, укладывается в мировоззренческую матрицу средневекового мышления. Поэт — наследник авторской традиции дружинного песнотворчества, но при этом книжник и христианин. Фразеологические и аллитерационные повторы «Слова» — часть орнаментального мышления, присущего и средневековой культуре вообще, и, в частности, культуре магических заговоров.

— Имя автора в соответствии со стиховой авторской традицией ойкумены запечатлено на последней странице произведения в виде сфрагиды (подписи в третьем лице) и акростиха. Автор «Слова» называет себя Ходыной Святославичем.

— Ходыну Святославича следует отождествить с сыном Святослава Киевского Владимиром Черниговским, который летом 1185 года вместе со своим старшим братом Олегом первым пришел на помощь Посемью и, как это становится понятным из совмещения свидетельств двух летописей (Ипатьевской и «татищевской»), отстоял Путивль.

В этот сборник, как и в посвященное памяти Д. С. Лихачева предыдущее двухтомное издание («Слово о полку Игореве», «Вита Нова», СПб, 2006; с приложением книги *Чернов А.* «Хроники изнаночного времени»), вошла *реконструкция графики* древнерусского текста, сделанная лингвистом Анной Владимировной Дыбо. В комментарии внесен ряд добавлений и уточнений. Исправлены замеченные опечатки и несколько ошибок (в частности, христианское имя жены Владимира Черниговского оказалось не Мария, а Евдокия). Уточнены переводы летописных датировок.

Стихотворный перевод, начатый осенью 1969-го и впервые опубликованный в 1979-м, благополучно пережил еще одну редакцию.

Книга дополнена новейшей статьей А. Г. Боброва, доказавшего на основе архивных материалов, что старинный Хронограф со «Словом о полку Игореве» был изъят А. И. Мусиным-Пушкиным не из Спасо-Ярославского, а из Кирилло-Белозерского монастыря.

А. Ч.

СЛОВО О ПЪЛКОУ ИГОРЕВѢ
ИГОРѦ СЫНА СВѦТЪСЛАВЛѦ
ВЪНОУКА ОЛЬГОВА

СЛОВО О РАТИ ИГОРЕВОЙ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВА,
ВНУКА ОЛЕГА

Не лѣпо ли ны
бѧшеть братие
начати старыми словесы
троудьныхъ повѣстии
о пълкоу игоревѣ
игорѧ свѧтъславлича

начати же сѧ тъи пѣсни
по былинамъ сего времени
а не по замышлению боѩню

10 боѩнъ бо вѣщии
аще комоу хотѧше
пѣснѣ творити

то растѣкашетьсѧ мыслию по древоу
сѣрымь вълкомь по земли
шизымь орьломь подъ облакы

помьнѧшеть бо речь
пьрвыхъ временъ оусобицѣ
тогда поущашеть
десѧть соколовъ
20 на стадо лебедѣи

которыѣ дотечаше
та преди пѣснь поѩше
старомоу ꙗрославоу
храбромоу мьстиславоу
иже зарѣза редедю
предъ пълкы касожьскыми
красьномоу романови свѧтъславличю

боѩнъ же братие не десѧть соколовъ
на стадо лебедѣи поущаше
30 нъ своѣ вѣщиѣ пьрсты
на живыѣ строуны въскладаше
они же сами кънѧземъ
славоу рокотахоу

Не нача́ть ли на́м,
как бывало, братия,
старым складом
скорбных повесте́й
слово о рати Игоревой,
Игоря Святославича?

Только впредь и сказывать на́ново –
по былинам нынешнего времени,
не по замышле́нию Боянову.

Ибо вещий Боян,
ежели желал кому
песню творить –

мыслию взмывал по Дре́ву,
рыскал по земле серым волком,
сизым орлом под облака́ми.

Дескать, помнит он
битвы былых времён, –
тут и напускает
десять соколо́в
на лебединую стаю.

Чей настал черёд –
та и песнь поёт
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что Реде́дю заколол
пред касо́жскими полками,
красному Роману Святославичу.

Боян же, братия, не десять соколо́в
на стаю лебеде́й насылал с высоты –
он на струны живые воскладывал
вещие свои персты,
и струны сами
славу князьям рокотали.

Почьнемъ же братие повѣсть сию
отъ стараго владимера
до нынѣшьнѧго игорѧ
иже истѧгноу оумъ крѣпостию своею
и поостри сьрдьца своего моужествомь
напълнивъсѧ ратьнаго доуха
наведе своѣ храбрыѣ пълкы
на землю половѣцькоую
за землю роусьскоую

тогда игорь възьрѣ
на свѣтьлое сълньце
и видѣ отъ него тьмою
вьсѣ своѣ воѣ прикрыты

и рече игорь къ дроужинѣ своеи
братие и дроужино
лоуце жъ бы потѧтоу быти
неже полоненоу быти
а въсѧдемъ братие
на свои бързыѣ комони
да позьримъ синего доноу

съпала кънѧзю оумъ похоть
и жалость емоу знамение застоупи
искоусити доноу великаго
хощю бо рече копие приломити
конець полѧ половецькаго
съ вами роусици
хощю главоу свою приложити
а любо испити шеломомь доноу

О боѩне соловию стараго времени
абы ты сиѣ пълкы оущекоталъ
скача славию по мысленоу древоу
летаѩ оумомь подъ облакы
свиваѩ славы оба полы сего времени
рища въ тропоу троѩню
чрес полѧ на горы

Так начнём же, братия, повесть сию
от Старого Владимира
до нынешнего Игоря,
что однажды крепостью стянул свой ум,
сердце заострил мужеством,
ратного духа исполнился
да храброй ратью нацелился
на землю Половецкую
за Русскую землю.

А когда возвёл он взор
на светлое солнце –
изошла из солнца тьма
и всё войско прикрыла.

Ну и молвил Игорь дружине своей:
– Братие и дружина!
Лучше в Поле пасть,
чем в полон попасть!
Сядем же, братья,
на бо́рзых коней –
хоть посмотрим на синий Дон!

Опалило князю разум желание.
Жажда Великого Дона вкусить
пересилила даже зна́менье:
– Хочу, – сказал – копьё преломить
о край Половецкого Поля.
Хочу, – сказал – голову сложить,
либо шлемом Дону испить
с вами, русичи!

О Боян, соловей былых времён!
Если бы тебе петь о походе том,
порхая по Мысленну Древу соловьём,
разумом паря под облака́ми,
времена свивая славой,
торопясь тропой Троя́на
через поля – на́ горы,

пѣти было пѣснь игореви
того вънoукoу

не боурѧ соколы занесе
чрес полѧ широкаꙗ
галицѣ стады бѣжать
къ доноу великомоу

чи ли въспѣти было
вѣщеи боꙗне велесовъ вънoуче

комони ржють за соулою
звенить слава въ кыевѣ
троубы троубѧть въ новѣградѣ
стоꙗть стѧзи въ поутивли

Игорь жьдеть мила брата вьсеволода
и рече емоу боуи тоуръ вьсеволодъ
одинъ братъ одинъ свѣтъ
свѣтьлыи ты игорю
оба есвѣ свѧтъславлича

сѣдьлаи брате свои
бързыѣ комони
а мои ти готови осѣдьлани
оу коурьска на переди
а мои ти коурѧни
съвѣдоми къмети
подъ троубами повити
подъ шеломы възлелѣꙗни
конецѣ копиꙗ въскърмлени

Поути имъ вѣдоми
ꙗроугы имъ знаеми
лоуцѣ оу нихъ напрѧжени
тоули отъворени
сабли изострени
сами скачють
акы сѣрыи вълцѣ

так бы ты пел для Игоря,
внука того Трояна:

– Не буря гонит со́колов
в те поля широкие –
стаи галок стелются
к Дону Великому!

Или так бы ты пел,
вещий Боян, правнук Ве́леса:

– Кони ржут за Су́лою,
а слава-то звенит в Киеве!
В Новегра́де трубы трубят.
Стяги стоят в Путивле.

Игорь ждёт, где же милый брат?
И молвил ему Буй Тур Всеволод:
– Брат один, свет един,
светлый ты Игорь!
Оба мы – Святославичи!

Ты седлай, брат, скорей
своих бо́рзых коней,
а мои готовы заране,
перед Курском звенят стременами.
А птенцы-куря́не –
опора моя,
рождены под трубами,
баюканы под шлемами,
вскормлены с копья.

Им дороги ве́домы,
овраги ими зна́емы,
луки их натянуты,
колчаны́ отворены́,
сабли наточены,
сами скачут во́ поле,
точно волки серые, –

въ полѣ ищючи
собе чьсти
а кънѧзю славы

Тогда въстоупи игорь кънѧзь
въ златъ стремень и поѣха
по чистомоу полю

сълньце емоу тъмою поуть застоупаше
нощь стоноущи емоу грозою
пътичь оубоуди свистъмь звѣри

нъ възбисѧ дивъ
кличеть вьрхоу древа
велить послоушати земли незнаемѣ
вълзѣ и поморию и посоулию
и соурожю и корсоуню
и тобѣ тьмоутороканьскыи бълване

а половьци неготовами дорогами
побѣгоша къ доноу великомоу
кричать тѣлѣгы полоунощи
рьци лебеди роспоущени

игорь къ доноу вои ведеть
оуже бо бѣды его пасеть
пътиць по дѹбию
вълци грозоу въсърошать по ꙗроугамъ
орьли клекътомь на кости звѣри зовоуть
лисици брешють на чьрленыѣ щиты

о роусьскаꙗ земле
оуже за шеломенемь еси

дълго ночь мьркнеть
заря свѣтъ запала
мъгла поля покрыла
щекотъ славии оусъпе
говоръ галичь оубоудисѧ

ищут вместе
себе чести,
а князю славы!

Вот тогда князь Игорь
в злато-стремя вступал,
выезжал он в чистое поле.

Солнце ему тьмою путь преграждало,
ночь стонала ему грозою,
птичьим свистом зверей пробудив.

Но взметнулся Див,
с вершины Древа кличет,
велит трепетать земле незнаемой –
Волге и Помо́рью, и По́сулью,
Су́рожу и Ко́рсуню,
и тебе, тмуторока́нский истукан!

Тут-то половцы дорогами нехожеными
побежали к Дону Великому.
Кричат телеги в полу́ночи,
скажи – лебеди подпу́щенные.

Игорь к Дону воинов ведёт.
Уже птица по дубравам
их беду стережёт,
волки по оврагам грозу наклика́ют,
клёкотом орлы зверей на кости созывают,
а лисицы лают на красные щиты.

О Русская земля! Ты –
уже за Шело́менем!

Долго меркнет мгла.
Заря свет расплела.
Дол туманом укрылся.
Щёкот соловьев уснул –
гомон галок пробудился.

роусичи великаꙗ поля
чьрлеными щиты перегородиша
ищючи собѣ чьсти а кънязю славы

Съ зараниꙗ въ пятъкъ потопъташа
поганыѣ пълкы половецькыѣ
и расоушася стрѣлами по полю помьчаша
красьныѣ дѣвъкы половецькыѣ
а съ ними злато и паволокы
и драгыѣ оксамиты
орьтъмами и ꙗпоньчицами и кожюхы
начаша мосты мостити
по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ
и вьсякыми оузорочьи половѣцькыми

чьрленъ стягъ
бѣла хороуговь
чьрлена челъка
сьребрено строужие
храбромоу святъславличю

дремлеть въ полѣ ольгово
хороброе гнѣздо
далече залетѣло
не было нъ
обидѣ порождено
ни соколоу ни кречетоу
ни тобѣ чьрныи воронъ
поганыи половьчине

гъзакъ бѣжить сѣрымь вълкомь
коньчакъ емоу слѣдъ править
къ доноу великомоу

Дроугаго дьни вельми рано
кровавыѣ зори свѣтъ повѣдають
чьрныѣ тоучѣ съ моря идоуть
хотять прикрыти четыре солньца
а въ нихъ трепещють синѣѣ мълнии

Русичи рядами – алыми щитами
великие поля перегородили.
Ищут себе чести, а князю славы.

И потоптали они половцев поганые полки
в пятницу спозаранок,
и рассы́пались сами, прыснув стрела́ми,
умчали красавиц половчанок.
А с ними и злато добыто,
добыты пелены́ да аксами́ты.
А наряды брали без счёта,
намостив мосты на болота
епанча́ми, ортьма́ми да ко́жухами,
половецкими разными узорочьями.

Алый стяг,
белая хоругвь,
сре́бряно дре́вко,
червлёный бунчу́к –
храброму Святославичу.

Задремало во́ поле
Олегово гнездо –
храброе, далече залетело!
Не было оно
на обиду рождено
от сокола или кречета,
или от тебя, чёрный ворон окаянный,
половча́нин поганый!

Гзак бежит серым волком,
Конча́к ему путь указует
к Дону Великому.

А назавтра по́утру ра́ным-рано
кровавые зори свет возвещают,
чёрные тучи с моря текут –
хотят четыре солнца прикрыть,
а в них сини-молнии трепещут.

быти громоу великомоу
ити дождю стрѣлами
170 съ доноу великаго

тоу сѧ копиемъ приламати
тоу сѧ саблѧмъ потроучати
о шеломы половецькыѣ
на рѣцѣ на каѩлѣ
оу доноу великаго

о роусьскаѩ землѣ
оуже за шеломенемь еси

се вѣтри стрибожи въноуци
вѣють съ морѧ стрѣлами
180 на храбрыѣ пълкы игоревы
землѧ тоутнеть
рѣкы моутьно текоуть
пороси полѧ прикрывають
стѧзи глаголють
половьци идоуть отъ дона
и отъ морѧ и отъ вьсѣхъ странъ
роусьскыѣ пълкы остоупиша
дѣти бѣсови кликомь
полѧ перегородиша
190 а храбрии роусици преградиша
чьрлеными щиты

Ѩръ тоуре вьсеволодѣ
стоиши на борони
прыщеши на вои стрѣлами
гремлеши о шеломы
мечи харалоужьными

камо тоуръ поскочаше
своимь златымь шеломомь посвѣчиваѩ
тамо лежать поганыѣ
200 головы половецькыѣ
поскепаны саблѧми калеными
шеломы оварьскыѣ
отъ тебе ѩръ тоуре вьсеволоде

Греметь грому великому!
Лететь дождю стре́лами
с Дона Великого!

Тут и копьям преломиться,
тут и саблям притупиться
о шело́мы половецкие,
на реке на Кая́ле
у Дона Великого.

О Русская земля,
ты уже за Шело́менем!

Это внуки Стрибо́га – ветры
с моря стре́лами веют
на храброе войско Игоря.
Тут земля гудит.
Реки мутно текут.
Прах в полях пылит.
Стяги глаголют:
половцы идут оттуда, где Дон,
и от синего моря, и со всех сторон
русскую рать обступали.
И кликом Поле перегородили
бесовы дети,
а храбрые русичи им путь преградили
алыми щитами.

Яр Тур Всеволод Святославич!
Удар принимаешь.
Стре́лами прыщешь,
о шлемы гремишь
мечами харалу́жными.

И куда, Ярый Тур, поскачешь ты,
золотым шеломом посвечивая,
там и лежат поганые
головы половецкие,
расщеплены саблями калёными
шлемы аварские –
рукой твоей, Яр Тур Всеволод.

каꙗ раны дорога братие
забывъ чьсти и живота
и града чьрнигова
отьнѧ злата стола
и своѣ милыѣ хоти
красьныѣ глѣбовьны
210 съвычаꙗ и обычаꙗ

Были вѣчи троꙗни
миноула лѣта ꙗрославлѧ
были пълци ольговы
ольга свѧтъславлича

тъи бо олегъ
мечемь крамолоу коваше
и стрѣлы по земли сѣꙗше
стоупаеть въ златъ стремень
въ градѣ тьмоуторокани

220 то же звонъ слыша
давьныи великыи ꙗрославъ
а сынъ вьсеволожь
владимѣръ по вьсѧ оутра
оуши закладаше въ чьрниговѣ

бориса же вѧчеславлича
слава на соудъ приведе
и на каниноу зеленоу
паполомоу постьла
за обидоу *за* ольговоу
230 храбра и млада кънѧзѧ

съ тоѣ же каꙗлы свѧтопълкъ
полелѣꙗ отьца своего
межю оугорьскыми иноходьци
ко свѧтѣи софии къ кыевоу

тогда при ользѣ гориславличи
сѣꙗшетьсѧ и растѧшеть оусобицами

Разве ранят раны, дорогие братия,
того, кто славы забудет ра́ди
и честь, и жизни величие,
и отцов злат-престол
во Чернигове-граде,
и красу своей милой Глебовны,
ее свы́чаи и обы́чаи!..

Века Трояна прошли.
Век Ярослава ми́нул.
И прошли походы Олеговы,
Олега Святославича.

То́т кня́зь Оле́г
распрю мечом выковывал,
стре́лами землю засеивал
да в Тмуторока́не
в злато-стремя вступал.

Загодя звон тот слышал
ещё Ярослав Великий,
а утро настанет – у черниговских ворот
Всеволодов сын Владимир
крепче уши заткнёт.

А Бориса Вячеславича не стало –
привела его на Суд жажда славы
и у речки Ка́нины
храбрецу младому
саваном зелёную стелила паполо́му
за обиду Олега Святославича.

Не с такой ли Кая́лы худой
прямо к Киеву, к Софии Святой,
меж уго́рских иноходцев повелел Святополк
отца своего прилелеять?

При Олеге Гориславиче посеянное зло
усобицами по земле взошло.

погыбашеть жизнь дажьбожа въноука
въ кънѧжахъ крамолахъ
вѣци человѣкомъ съкратишасѧ

тогда по роусьскои земли
рѣтко ратаевѣ кыкахоуть
нъ часто врани граѩхоуть
троупиѩ собѣ дѣлѧче
а галици свою рѣчь говорѧхоуть
хотѧть полетѣти на оуедие

то было въ ты рати и въ ты пълкы
а сицеѣ рати не слышано

Съ зараниѩ до вечера
съ вечера до свѣта
летѧть стрѣлы каленыѣ
гримлють сабли о шеломы
трещать копиѩ харалоужьнаѩ
въ полѣ незнаемѣ
середи земли половецькыѣ

чьрна землѧ подъ копыты
костьми была посѣѩна
а кровию польѩна
тоугою възидоша
по роусьскои земли

чьто ми шюмить
чьто ми звенить
давеча рано предъ зорѧми
игорь пълкы заворочаеть
жаль бо емоу
мила брата
вьсеволода

бишасѧ день
бишасѧ дроугыи
третьѩго дьни къ полоудьнию
падоша стѧзи игоревы

Достоянье правнука Даждьбо́га
в княжеских раздорах погибало.
Жизни людские сократились.

Редко пахари покрикивали
в Русской земле,
а во́роны часто кричали –
на тризне трупы делили,
а галки про своё гомонили,
где, мол, нынче пища обильней?

То было в походах да битвах былых,
но прежде не слыхано ратей таких!

От зари до вечера,
с вечера до зари
летят калёные стрелы,
сабли гремят о шлемы,
копья трещат харалу́жные
во́ поле незнаемом
среди Половецкой земли.

Черна́ земля засеяна
костьми под копыта,
а кровью поли́та.
Прорасти тоске
по Русской земле!

Что́ мне шумит,
что́ мне звенит
рано пред зорями да́веча?
Игорь полки поворачивает:
жаль ему
брата милого
Всеволода Святославича.

День бились.
Другой бились.
А на третий день к полу́дню
стяги Игоревы пали...

тоу сѧ брата разлоучиста
на березѣ быстрыѣ каѩлы
тоу кроваваго вина не доста
тоу пиръ доконьчаша
храбрии роусичи
сваты попоиша
а сами полегоша
за землю роусьскоую

ничить трава жалощами
280 а древо сѧ тоугою
къ земли преклонило

Оуже бо братие
не веселаѩ година въстала
оуже поустыни силоу прикрыла

въстала обида
въ силахъ дажьбожа вѣноука
въстоупила дѣвою
на землю троѩню

въсплескала лебединыма крылома
290 на синѣмь море оу доноу
плещючи оубоуди жирьнѧ веремена

оусобица кънѧземъ на поганыѣ погыбе
рекоста бо братъ братоу
се мое а то мое же
и начаша кънѧзи про малое
се великое мълвити
а сами на собѣ крамолоу ковати
а погании съ вьсѣхъ странъ
прихождахоу съ побѣдами
300 на землю роусьскоую

О далече заиде соколъ
пътиць быѩ къ морю
а игорева храбраго
пълкоу не крѣсити

Так на быстрой на Каяле
разлучился с братом брат –
им кровавого вина не хватило.
Так и храброе войско
пир завершило:
сватов напоили,
а сами полегли
за Русскую землю.

Травы пожухли от жалости,
а Древо в тоске
приклонилось к земле.

Братья! Уже настала
невесёлая годи́на –
немощь силу сломила.

Вот и встала Обида
в стане внука Даждьбо́га
да по земле Трояна
девою побрела.

Восплескала лебедиными крыльями
на синем море у Дона –
ну и замутила благие времена.

Так вот и закончилась усобица с погаными.
Брат говорит брату:
– И твоё, мол, – тоже моё!
Тогда же князья про малое
промолвили: – Вот великое!..
И каждый выковал крамолу на себя.
А поганые набегами
рыщут с победами
по тебе, Русская земля.

О, слишком далеко сокол залетел,
побивая птиц – до мо́ря,
а храброй рати Игоря
уже не воскресить!

за нимь кликноу карьна
и жьлѧ поскочи
по роусьскои земли
смагоу людемъ мычючи
въ пламѧнѣ розѣ

310 жены роусьскыѣ въсплакашасѧ а рькоучи
оуже намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслию съмыслити
ни доумою съдоумати
ни очима съглѧдати
а злата и сьребра
ни мало того потрепати

а въстона бо братие
кыевъ тоугою
а чьрниговъ напастьми
320 тоска разлиѩсѧ по роусьскои земли
печаль жирьна тече
середь земли роусьскыѣ

а кънѧзи сами на собе
крамолоу ковахоу
а погании сами
побѣдами нарищюще
на роусьскоую землю
емлѧхоу дань по бѣлѣ отъ двора

Та бо дъва храбраѩ свѧтъславлича
330 игорь и вьсеволодъ
оуже лъжю оубоудиста
котороую то бѧше оусъпилъ
отець ею свѧтъславъ
грозьныи великыи кыевьскыи

грозою бѧшеть притрепеталъ
своими сильными пълкы
и харалоужьными мечи

Ка́рна с кликом кинулась,
за ней Же́ля ринулась
по Русской земле,
сея людям угли
из огненного рога.

И заголосили жёны русские:
– Уже нам наших милых-любимых
ни мыслию смыслить,
ни думою сдумать,
ни очами увидать!
А се́ребром да златом
вовек не поиграть!

Ибо Киев, братья,
стал в скорбя́х стонать,
а Чернигов стонет от напастей.
Так по Русской земле разлилась тоска,
и печаль течет густа
среди земли Русской.

Но сами князья
куют крамолу на себя,
а поганые набе́гами
приходят с побе́дами
на Русскую землю –
подавай им бе́лку от каждого двора!

Так вот двое храбрых Святославичей,
Игорь и Всеволод,
спящее лихо пробудили,
а было усыпил его
отец их Святослав –
грозный, великий, Киевский!

Распрю в трепет вверг грозой –
харалу́жными мечами
да могучими полка́ми

настоупи на землю половецькоую
притопъта хълми и ꙗроугы
340 възмоути рѣкы и озера
исоуши потокы и болота

а поганаго кобѧка из лоукоу морѧ
отъ желѣзьныхъ великыхъ
пълковъ половецькыхъ
ꙗко вихърь вытърже
и падесѧ кобѧкъ въ градѣ кыевѣ
въ гридьницѣ свѧтъславли

тоу нѣмьци и венедици
тоу греци и морава
350 поють славоу свѧтъславлю
кають кънѧзѧ игорѧ
иже погроузи жиръ
во дънѣ каꙗлы
рѣкы половецькыѣ
роусьскаго злата насыпаше
тоу игорь кънѧзь высѣдѣ
из сѣдьла злата
а въ сѣдьло кощиево
оуныша бо градомъ забралы
360 а веселие пониче

А свѧтъславъ моутенъ сонъ видѣ
въ кыевѣ на горахъ

си ночь съ вечера
одѣвахоуте мѧ рече
чьрною паполомою
на кровати тисовѣ
чьрпахоуть ми синее вино
съ троудомь съмѣшено
сыпахоуть ми тъщими тоулы
370 поганыхъ тълковинъ
великыи женьчюгь на лоно
и нѣгоують мѧ

наступил на Поле Половецкое,
притоптал холмы и овраги,
замутил озёра и реки,
иссушил потоки и болота.

А потом и Кобяка́
от Лукоморья – в облака́
исторг, как вихрь,
из строя железных полков половецких,
и в Киеве Кобя́к упал сам не свой
в гри́днице Святосла́вовой.

Тут немцы и венеци́йцы,
мора́ва и греки,
славу Святославу пели,
князя Игоря ка́яли,
дескать, русское обилье
утопил он на дне
реки половецкой Кая́лы,
завалив ее русским золотом.
Тут-то князь и пересел
из седла златого –
в невольничье седло.
Городские приуныли забра́ла.
Веселье увяло.

Мутный сон приснился Святославу
в Киеве на гора́х:

– Всю ночь, – говорит –
обряжали меня
чёрной паполо́мой
на ти́совой кровати,
черпали мне синее вино,
с зельем оно перемешено.
Из худых колча́нов
толкови́нов поганых
крупным жемчугом лоно посыпа́ли,
всё-то меня ублажали…

оуже дьскы бес кънѣса въ моемь
теремѣ златовьрсѣмь

вьсю нощь съ вечера
боусови врани възграѩхоу
оу плѣсьньска на болони
бѣша дебрьскы сани
и несошасѧ къ синемоу морю

И рькоша боѩре кънѧзю
оуже кънѧже тоуга оумъ полонила
се бо дъва сокола сълѣтѣста
съ отьнѧ стола злата
поискати града тьмоутороканѧ
а любо испити шеломомь доноу
оуже соколома крильца припѣшали
поганыхъ саблѧми
а самою опоуташа
въ поутины желѣзьны

темьно бо бѣ въ третѣи день
дъва сълньца помѣркоста
оба багрѧнаѩ стълпа погасоста
и съ нима молодаѩ мѣсѧца
олегъ и свѧтъславъ
тъмою сѧ поволокоста

на рѣцѣ на каѩлѣ
тьма свѣтъ покрыла
по роусьскои земли
простьрошасѧ половьци
акы пардоуше гнѣздо

и въ морѣ сѧ погроузиста
и великое боуиство
подаста хынови

оуже сънесесѧ хоула на хвалоу
оуже тресноу ноужа на волю
оуже вьржесѧ дивъ на землю

А где был князёк – там прореха.
Уже терем златоверхий мой без верха!

И всю ночь кричали серые во́роны
на лугах Плесе́нских за го́родом...
А как тронулись сани смертные –
тут и сами дебри Киса́ни
поскакали к синему морю!..

И бояре князю сказали:
– Полони́ла, князь, твой разум кручина!
То с престола отцова высокого
слетели два со́кола
Тмутрока́нь добыть,
либо Дона шлемами испить.
Тем соко́ликам крылышки подре́зали
саблями половецкими,
а самих опутали
железными пу́тами.

Было в третий день темно,
ибо два солнца померкли,
два багряных столпа погасли,
а младые месяцы
уже и не светятся,
тьмою заволоклись...

На реке на Кая́ле
тьма свет одолела,
половцы рыщут
по Русской земле,
точно свора гепардов.

...закатились за́ море
Олег и Святосла́в,
силу великую хи́новам прида́в!

Уже напала хула на хвалу,
уже насело насилье на волю,
уже низвергся Див на землю.

се бо готьскыѣ красьныѣ дѣвы
въспѣша на березѣ синемоу морю
звонѧ роусьскымь златомь
410 поють веремѧ боусово
лелѣють месть шароканю
а мы оуже дроужина жадьни веселиѩ

Тогда великыи свѧтъславъ
изрони злато слово
съ слезами съмѣшено и рече

о моѩ сыновьча
игорю и вьсеволоде
рано еста начала
половецькоую землю
420 мечи цвѣлити
а собѣ славы искати
нъ нечестьно одолѣсте
нечестьно бо кровь
поганоую пролиѩсте
ваю храбраѩ сьрдьца
въ жестоцемь харалоузѣ съкованѣ
а въ боуести закаленѣ
се ли сътвористе
моеи сьребренеи сѣдинѣ

430 а оуже не вижю власти
сильнаго и богатаго и мъноговои
брата моего ѩрослава
съ чьрниговьскыми былѧми
съ могоуты и съ татраны
и съ шельбиры и съ топчакы
и съ ревоугы и съ ольберы
тии бо бес щитовъ
съ засапожьникы
кликомь пълкы побѣждають
440 звонѧчи въ прадѣдьнюю славоу

нъ рекосте
моужаимѣ сѧ сами

Вот и готские красны-де́вицы
перед синим морем распелися,
русским золотом позванивая,
время Бу́сово нахваливая,
лелеют месть за хана Шарука́на,
а нам, дружине, уже не весело.

Тогда Великий Святослав
изронил злато-слово,
со слезами его смешав:

– Что же вы,
мои детушки,
Игорь и Всеволод,
поспешили половцам
мечами досаждать,
славу себе добывать...
Ведь не с честью воевали,
не по чести проливали
кровь поганых!
Ваши храбрые сердца
в булате жарком ско́ваны,
бранями закалены́...
Что ж не пощадили
серебряной моей седины?

А уже не вижу власти
многоратного и богатого
Ярослава, брата моего,
с черниговскими боярами,
шельби́рами и татра́нами,
реву́гами и ольбе́рами,
могу́тами и топчака́ми!
Им не надо щитов –
с засапожными ножами
в поле кликом побеждают
в славу пра́дедов звоня.

Но двое решили:
– Мы сами большие!

передьнюю славоу сами похытимъ
а задьнею сѧ сами подѣлимъ

а чи диво сѧ братие
староу помолодити
коли соколъ въ мытехъ бываеть
высоко пътиць възбиваеть
не дасть гнѣзда своего въ обидоу
450 нъ се зъло кънѧже ми непособие
на ниче сѧ годины обратиша

се оу римъва кричать
подъ саблѧми половецькыми
а володимѣръ подъ ранами
тоуга и тоска сыноу глѣбовоу

великыи кънѧже вьсеволоде
не мыслию ти прелетѣти издалеча
отьнѧ злата стола поблюсти
ты бо можеши вългоу веслы раскропити
460 а донъ шеломы вылыати
аже бы ты былъ то была бы
чага по ногатѣ
а кощеи по резанѣ
ты бо можеши посоухоу
живыми шереширы стрѣлѧти
оудалыми сыны глѣбовы

Ты боуи рюриче и давыде
не ваю ли *боѩре*
злачеными шеломы
470 по крови плаваша
не ваю ли храбраѩ дроужина
рыкають акы тоури
ранены саблѧми калеными
на полѣ незнаемѣ
въстоупита господина
въ злата стремени
за обидоу сего времени
за землю роусьскоую

Похитим славу прошлую –
поделим грядущую!

Эко диво, братья, впредь
старому помолодеть!
Побывает в линьке сокол –
побивает птиц высо́ко,
не даёт в обиду гнезда.
Вот где зло: мне не в помощь князья.
Обратились времена наизнанку.

Возле Ри́мова кричат
под саблями погаными,
а Владимир – под ранами.
Сыну Гле́бову – тоска и печаль.

Князь Великий Всеволод!
Даже ведь и в мыслях не летишь издалека́
отчий злат-престол защитить,
а ведь можешь вёслами Волгу расплескать,
шлемами Дон вычерпать!..
А́бы да кабы́ там был бы ты, –
пошла б раба по нога́те,
а кощей-невольник по ре́зане.
Ты ж умеешь по́суху
стрелять живыми шереши́рами –
удалыми рязанскими Глебовичами!

А ты, Буй-Рюрик, и ты, Давыд!
Не ваши ли бояре
в золочёных шлемах
плавали по кро́ви?
Не ваши ли храбрые дружинники
ревели турами ранеными
под саблями погаными
в незнаемом поле?
Встаньте крепче, князья,
в золотом стре́мени –
за обиду сего времени,
за землю Русскую,

за раны игоревы
480 боуего свѧтъславлича

галичькъи осмомыслѣ ꙗрославе
высоко сѣдиши на своемь
златокованѣмь столѣ
подъпьръ горы оугорьскыѣ
своими желѣзьными пълкы
застоупивъ королеви поуть
затворивъ доунаю ворота
меча беремены через облакы
соуды рѧдѧ до доунаꙗ
490 грозы твоѣ по землѧмъ текоуть
отъворѧеши кыевоу врата
стрѣлѧеши съ отьнѧ злата стола
салътани за землѧми
стрѣлѧи господине коньчака
поганаго кощеꙗ
за землю роусьскоую
за раны игоревы
боуего свѧтъславлича

А ты боуи романе и мьстиславе
500 храбраꙗ мысль носить
ваю оумъ на дѣло
высоко плаваесте
на дѣло въ боуести
ꙗко соколъ на вѣтрехъ ширѧꙗсѧ
хотѧ пътицю въ боуиствѣ одолѣти
соуть бо оу ваю желѣзьныи папорзи
подъ шеломы латиньскыми
тѣми тресноу землѧ и мъногы страны
хынова литъва ꙗтвѧзи деремела
510 и половьци соулици своѣ повьргоша
а главы своѣ поклониша
подъ тыѣ мечи харалоужьныѣ

нъ оуже кънѧже игорю
оутьрпѣ сълньцю свѣтъ

за раны Игоря –
встаньте, князья!

А ты, Осмомы́сл Ярослав!
Восседаешь высоко́
на галицком престоле златокованом!
Ты Уго́рские горы, что палкой, подпёр –
своими полками железными.
Путь королю преступая,
Дунай затворяя,
мечешь глыбы свысока́ через облака
и суды рядишь до Дуная.
И гремит над землями воля твоя.
Ты и Киева врата отворял,
и в заморских салтанов стрелял
с отцова зла́та-престола.
Так стреляй же, Кончака́,
поганого кочёвника!
За землю Русскую,
за раны Игоря –
встань, князь!

Храбрый Роман и Мстислав!
Мысли ваши стремглав
ум переносят в дело.
Вы на битву
высо́ко летите,
на ветрах, словно соколы парите,
дабы удалью птиц превзойти.
Есть у вас подкрылки железные
под шлемами латинскими,
и земля от них просела, страны треснули,
а Литва, и Хи́нова, Ятвя́ги и Дреме́ла,
и половцы копья роняли,
а головы преклоняли
под ваши мечи харалу́жные.

Но уже для Игоря
солнца свет не светел,

а дерево не бологомь листъвие сърони
по ръси и по соулѣ гради подѣлиша
а игорева храбраго пълкоу не крѣсити

донъ ти кънѧже кличеть
и зоветь кънѧзи на побѣдоу
ольговичи храбрыи кънѧзи
доспѣли на брань

инъгварь и вьсеволодъ
и вьси трие мьстиславличи
не хоуда гнѣзда шестокрильци
непобѣдьными жеребии
собѣ власти расхытисте
кое ваши златыи шеломы
и соулици лѧцькыѣ и щиты
загородите полю ворота
своими острыми стрѣлами
за землю роусьскоую
за раны игоревы
боуего свѧтъславлича

ОУже бо соула не течеть
сьребреными строуıами
къ градомъ переıаславлѧ
и двина болотомь течеть
онымъ грозьнымъ полочаномъ
подъ кликомь поганыхъ

единъ же изѧславъ
сынъ васильковъ
позвони своими острыми мечи
о шеломы о литовьскыѣ
притрепа славоу
дѣдоу своемоу вьсеславоу
а самъ подъ чьрлеными щиты
на кровавѣ травѣ
притрепанъ литовьскыми мечи
и съхоти ю на кровъ

а древо листву не добром уронило. –
по Суле́ да по́ Роси города поде́лены,
а храброй рати Игоря вовек не воскресить!

Дон взывает к вам, князья,
зовёт на победу.
Доблестные О́льговичи
к брани подоспели...

Ингварь-князь и Всеволод,
и трое Мстиславичей,
добрый выводок шестикры́личей!
Вы-то в победных жребиях
не делили уделов!
Где же ваши копья ляшские?
Что стало со щитами да шлемами?
Загородите Полю воро́та
своими острыми стре́лами
за землю Русскую,
за раны Игоря,
славного Святославича!

А уже и не журчат
струи Су́лы серебром
городам переясла́вским,
и под топотом поганых
потекла Двина болотом
для могучих полоча́н.

И лишь Изяслав,
сын Василько́в,
один позвенел мечами острыми
о шлемы литовские.
Прирубил он славу
к славе деда Всеслава
и под красными щитами
литовскими мечами
сам подрублен на траву кровавую.
Хотел ею укрыться...

ать и рекъмо
дроужиноу твою кънѧже
пътицѣ крилы приодѣша
а звѣри кровь полизаша

не бысть тоу брата брѧчꙗслава
ни дроугаго вьсеволода
единъ же изрони женьчюжьноу доушю
ис храбра тѣла через злато ожерелие

оунылы голоси пониче веселие
троубы троубѧть городеньскыѣ

ꙗрославꙗи и вьси въноуци вьсеславꙗи
оуже понизить стѧзи свои
воньзить свои мечи вережени
оуже бо выскочисте из дѣдьнеѣ славы
вы бо своими крамолами
начасте наводити поганыѣ
на землю роусьскоую
на жизнь вьсеславлю
которою бо бѣше насилие
отъ земли половецькыѣ

На седьмомь вѣцѣ троꙗни
вьрже вьсеславъ жеребии
о дѣвицю собѣ любоу
тъи клюками подъпьрътсѧ окони
искочи къ градоу кыевоу
и дотъчесѧ строужиемь
злата стола кыевьскаго

скочи отъ нихъ лютымь звѣремь
въ пълъночи из бѣлагорода
обѣсисѧ синѣ мьглѣ
оутърже вазни съ три коусы
отъвори ворота новоугородоу
расшибе славоу ꙗрославоу
скочи вълкомь до немигы съ доудоутокъ

А про то говорится:
– Княже, твою дружину
птицы приодели крылами,
ну а звери кровь зализали.

Не было с ним брата Всеволода,
и брата Брячислава рядом не было.
Так жемчужную душу из храброго тела
он один изронил через зла́то-ожерелье.

Голоса приуныли. Поникло веселье.
Трубы трубят на городни́цах:

Внуки Ярослава и Всеслава!
Стяги свои склоните,
мечи изъязвлённые в землю вонзите!
Славу прадедов попрали
и крамолами своими
наводить поганых стали
на землю Русскую,
на нивы Полоцка.
Обернулись ваши свары
насильем от половца.

На седьмом веку Троя́на
бросил жребий Всеслав
о девице, дескать!
Он обманом за клюку ухватился,
той клюкой за коней уцепился,
наскочил на Киев и дре́вком
доткнулся зла́та-престола.

Лютым зверем отскочил в полу́ночи,
бросил киевлян у Бел-го́рода,
обернулся синей мглой
да и взял ворожбой –
в три удара отворил врата Новгорода,
расшиб славу Ярослава
и волком скакнул до реки Неми́ги с Дуду́ток.

на немизѣ снопы стелють головами
молотѧть чепы харалоужьными
на тоцѣ животъ кладоуть
вѣють доушю отъ тѣла
немизѣ кровави березі
не бологомь бѧхоуть посѣꙗни
590 посѣꙗни костьми роусьскыхъ сыновъ

вьсеславъ кънѧзь людемъ соудѧше
кънѧземъ грады рѧдѧше
а самъ въ ночь вълкомь рискаше
ис кыева дорискаше
до коуръ тьмоутороканѧ
великомоу хърсови
вълкомь поуть прерискаше

томоу въ полотьскѣ позвониша заоутренюю
рано оу свѧтыѣ софѣи въ колоколы
600 а онъ въ кыевѣ звонъ слыша
аще и вѣща доуша въ дроузѣ тѣлѣ
нъ часто бѣды страдаше
томоу вѣщеи боꙗнъ
и пьрвое припѣвъкоу съмысленыи рече

ни хытроу ни гораздоу
ни пътицю гораздоу
соуда божиꙗ не миноути

О стонати роусьскои земли
помѧноувъше пьрвоую годиноу
610 и пьрвыхъ кънѧзеи
того стараго владимѣра
не льзѣ бѣ пригвоздити
къ горамъ кыевьскымъ
сего бо нынѣ сташа
стѧзи рюрикови
а дроузии давидови
нъ розѣно сѧ имъ
хоботы пашють копиꙗ поють

На Неми́ге стелют головы снопами,
молотят харалу́жными цепа́ми.
Жизнь положив на ток,
отвевают душу от тела.
У Неми́ги-реки берега в крови́ –
не добром они были засеяны,
засеяны костьми русских сынов.

Князь Всеслав людям суд судил,
князьям города рядил,
а потом в полу́ночи по-волчьи рыскал,
прежде пенья петушиного –
от самого Киева
поспевал до стен Тмуторока́ня,
волком путь прерыскивал великому Хо́рсу.

Ему в Полоцке колокола Святой Софии
рано-по́утру к заутрене звонили,
а он-то в Киеве звон тот слушал.
Хоть и вещую душу, и два тела имел –
множество бед претерпел.
А ему ещё вот что вещий Боян
в древней припевке, мудрый, припел:

– Ни хитрому, ни гораздому,
ни в хитростях птичьих гораздому,
Божьего Суда не миновать!

О, стонать по Русской земле,
поминая первых князей
и первую годину!
Того Старого Владимира
к Киевским горам
кто бы смог приковать?
Ну а ныне встали
Рюриковы стяги
и другие, Давыдовы – в ряд,
но поврозь плещут их полотнища,
копья поют не в лад.

На доунаи ꙗрославьнинъ
620 гласъ ся слышить
зегъзицею незнаемь
рано кычеть

полечю рече зегъзицею по доунаеви
омочю бебрѧнъ роукавъ въ рѣцѣ *въ* каꙗлѣ
оутьроу кънѧзю кровавыѣ его раны
на жестоцѣмь его тѣлѣ

ꙗрославьна рано плачеть
въ поутивли на забралѣ а рькоучи

о вѣтрѣ вѣтрило
630 чемоу господине
насильно вѣеши
чемоу мычеши
хыновьскыѣ стрѣлъкы
на своею нетроудьною крильцю
на моеѣ лады вои
мало ли ти бѧшеть горѣ
подъ облакы вѣꙗти
лелѣючи корабли
на синѣ морѣ
640 чемоу господине
мое веселие
по ковылию развѣꙗ

ꙗрославьна рано плачеть
поутивлю городоу
на заборолѣ а рькоучи

о дънепре словоутицю
ты пробилъ еси каменьныѣ горы
сквозѣ землю половецькоую
ты лелѣꙗлъ еси на собѣ
650 свѧтославли носады
до пълкоу кобѧкова
възлелѣи господине
мою ладоу къ мьнѣ

Это голос Ярославны,
достигая Дуная,
зегзи́цею незнаемой
взывает, стеная:

– По Дунаю поутру́ иволгою полечу,
омочу в реке Кая́ле белый шёлковый рукав –
княжьи жаркие раны сама оботру
на теле его болезном!

Ярославна рано-по́утру стенает,
на путивльской стене причитает:

– О Ветер-Ветри́ло,
зачем, господин,
веешь против дружин лады?
Зачем ты несёшь
поганые стрелы
на лёгких своих крыла́х?
Разве мало
тебе было
в вышине под облака́ми веять,
корабли на синем море
лелеять?
Зачем, господин,
радость мою
развеял по ковылю?

Ярославна рано-по́утру стенает,
на путивльской стене
горько причитает:

– О Днепр Славу́тич! Ты пробил
каменные горы
в земле Половецкой!
Ты качал на своей спине
до Кобя́кова стана
ладьи Святослава!
Прилелей, господин,
ладу моего – ко мне,

а быхъ несълала
къ немоу слезъ
на море рано

ꙗрославьна рано плачеть
въ поутивли на забралѣ а рькоучи

свѣтьлое и тресвѣтьлое сълньце
660 вьсѣмъ тепло и красьно еси
чемоу господине простьре
горѧчюю свою лоучю на лады вои
въ полѣ безводьнѣ
жажею имъ лоучи съпрѧже
тоугою имъ тоулы затъче

Прысноу море полоунощи
идоуть съморци мьглами
игореви кънѧзю
богъ поуть кажеть
670 из земли половецькыѣ
на землю роусьскоую
къ отьню златоу столоу

погасоша вечероу зори
игорь съпить игорь бъдить
игорь мыслию полѧ мѣрить
отъ великаго доноу
до малаго доньца

комонь въ полоуночи
овлоуръ свистноу за рѣкою
680 велить кънѧзю разоумѣти
кънѧзю игорю небыть кликноу
стоукноу землѧ въшюмѣ трава
вежи сѧ половецькыѣ подвизашасѧ

А игорь кънѧзь поскочи
горьностаемь къ тростию
и бѣлымь гоголемь на водоу

чтобы слёз не посылала
я к нему в твоей волне
на́ море рано!

Ярославна рано-по́утру стенает,
на путивльской стене причитает:

– Светлое, тресветлое Солнце!
Всех ты ласкаешь, почему же
палящие лучи простираешь
на воинов мужа?
Жаждой в безводном поле
за что, владыко, луки иссушило,
тоской колчаны́ заткнуло!

И в полу́ночи море плеснуло.
Смерчи идут во мгле.
Это князю Игорю
путь Господь указывает
из земли Половецкой –
к Русской земле,
к отцову злату-престолу.

К ночи зори догорели.
Игорь спит, но не спит –
Игорь мыслью поля́ измеряет
от Великого Дона
до Малого Донца.

Вот и коня в полуночи
Овлу́р за рекою свистнул –
велит разуметь князю Игорю,
в плену, мол, ему не жить!..
Стукнет земля, травы всшумят –
вежи половецкие прянут назад.

Это Игорь поскакал
горностаем к тростника́м,
белым гоголем на́ воду упал,

въвьржесѧ на бързъ комонь
и скочи съ него босымь вълкомь
и потече къ лоугоу доньца
690 и полетѣ соколомь подъ мьглами
избиваꙗ гоуси и лебеди
завътрокоу и обѣдоу и оужинѣ

коли игорь соколомь полетѣ
тогда вълоуръ вълкомь потече
троусѧ собою стоуденоую росоу
претъргоста бо своꙗ бързаꙗ комонѧ

Донець рече
кънѧже игорю
не мало ти величиꙗ
700 а коньчакоу нелюбиꙗ
а роусьскои земли веселиꙗ

игорь рече о доньче
не мало ти величиꙗ
лелѣꙗвъшю кънѧзѧ на вълнахъ
стьлавъшю емоу зелѣноу травоу
на своихъ сьребреныхъ березѣхъ
одѣвавъшю его теплыми мъглами
подъ сѣнию зеленоу древоу
стрежаше его гоголемь на водѣ
710 чаицами на строуꙗхъ
чьрнѧдьми на ветрѣхъ

не тако ли рече рѣка стоугна
хоудоу строую имѣꙗ
пожьръши чюжи роучьи и строугы
ростьрена къ оустоу
оуношю кънѧзю ростиславоу затвори
дънѣ при темьнѣ березѣ

дънѣпри темьнѣ березѣ
плачетьсѧ мати ростислав҆ѧ
720 по оуноши кънѧзи ростиславѣ

и вскочив на спину бо́рзого коня,
быстрым волком с него соскочил
и к излучине Донца поскакал,
и со́колом под тучами полетел,
а гусей-лебедей для себя добывал
к завтраку, обеду и ужину.

Если Игорь полетел со́колом,
Овлу́р волком потруси́л по́ полю,
и студёную росу на скаку отрясали,
и бо́рзых своих коней загнали.

Говорил Донец:
– Внемли́, Игорь-князь!
Будет тебе величие,
а Кончаку́ огорчение,
а Русской земле веселие!

А Игорь в ответ: – О Малый Донец!
И в тебе немало величия!
Ты лелеял меня на волне ввечеру́,
постилал поутру́ зелену́ мураву́
на серебряных берега́х,
тёплым мо́роком запелёнывая
под сенью Древа зелёного,
ты меня стерёг гоголем на воде,
чибисом на стру́ях,
че́рнядьми на ветра́х...

Не так ли тощая Стугна́, худая струя,
чужие выпила ручьи,
раскинулась к устью
и подстерегла она
юного князя Ростислава,
на дне при тёмном бре́ге его затворив!

На Днепре́, на тёмном бе́реге,
плачет мать Ростислава
в печали по Ростиславу.

оуныша цвѣти жалобою
и древо сѧ тоугою
къ земли прѣклонило

А не сорокы вътроскоташа
на слѣдоу Игоревѣ
ѣздить гъзакъ съ коньчакомь

тогда врани не граѩхоуть
галици помълкоша
сорокы не троскоташа
730 полозие пълзоша

только дѧтьлове текътомь
поуть къ рѣцѣ кажють
соловии веселыми пѣсньми
свѣтъ повѣдають

мълвить гъзакъ коньчакови
аже соколъ къ гнѣздоу летить
соколича рострѣлѧевѣ
своими злачеными стрѣлами

рече коньчакъ ко гъзѣ
740 аже соколъ къ гнѣздоу летить
а вѣ сокольца опоутаевѣ
красьною дѣвицею

и рекъ гъзакъ къ коньчакови
аще его опоутаевѣ красьною дѣвицею
ни нама боудеть сокольца
ни нама красьны дѣвице
то почьноуть наю пътици
бити въ полѣ половецькомь

Рекъста боѩнъ и ходына
750 свѧтъславлѧ пѣснотворьца
стараго веремени
ѩрославлѧ *и* ольгова
коганѧ хоти

Увяли цветы на тризне,
ну а древо в тоске
приклонилось к земле.

А не сороки то стрекочут –
вслед за Игорем скачут
Гзак и Конча́к.

Во́роны тогда не каркали,
галки примолкли,
сороки не трещали –
по́лозы переполза́ли.

Только дятлы перестуком
путь к реке указывают,
соловьи весёлым пеньем
свет предсказывают.

Гзак промолвил Кончаку́:
– Если сами сокола не поймаем, –
золочёными стрела́ми
соколёнка расстреляем.

А Конча́к промолвил Гза́ку:
– Если сами сокола не пленим, –
мы красою-де́вицей
соколёнка пленим.

И вот та́к ответил Гзак:
– Если пленим его красою-де́вицей,
расстанемся и с ним,
и с красою-де́вицей, –
их же птенчики нас заклюют
в нашем Поле Половецком!

Это пели Боян и Ходы́на,
песнотворцы двух Святославов.
Время старое восславив
Ярослава да Олега,
скажут так любимцы государевы:

тѧжько ти головѣ кромѣ плечю
зъло ти тѣлоу кромѣ головы

роусьскои земли без игорѧ
сълньце свѣтитьсѧ на небесѣ
игорь кънѧзь въ роусьскои земли

дѣвици поють на доунаи
760 вьютьсѧ голоси чрес море до кыева

игорь ѣдеть по боричевоу
къ свѧтѣи богородици пирогощеи

страны ради гради весели
пѣвъше пѣснь старымъ кънѧземъ
а по томь молодымъ пѣти
славоу игорѧ свѧтъславлича

боуи тоура вьсеволода
владимѣра игоревича

здрави кънѧзи и дроужина
770 побараꙗ за христыꙗны
на поганыѣ пълкы

кънѧземъ слава
а дроужинѣ

аминь

– **ТЯЖКО** голове обесплеченной,
ЗЛО и телу обезглавленному, –

РУсской земле без Игоря!
Солнце вновь на небеси,
И князь Игорь на Руси!

ДЄвицы поют на Дунае –
ВЄтер вьет голоса через море до Киева.

Игорь едет вниз по Бо́ричеву взво́зу
КО Святой Пирого́щей Богородице.

Страны рады, веселы грады!
Пели мы славу князьям былым,
А после – петь молодым:
Славим **И**горя **СВЯТОСЛАВИЧА**,

Буй Тура Всеволода,
Владимира Игоревича!

Будьте же здравы, князья и дружины,
все, кто встал за христиан
пред полками чужими!

Князей славить станем,
а дружину помя́нем –

АМИНЬ

Покров (Богородица Пирогощая)
Суздальский список середины XIV в. с греческой иконы. ГТГ

ПРИМЕЧАНИЯ К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА

Реконструкция графики исходного текста «Слова» выполнена лингвистом Анной Владимировной Дыбо. Текст XII века дается в упрощенном виде: он разбит на слова и на стихи, а передан в основном средствами современной гражданской графики. Реконструируются выносные буквы. Сохраняются буквы ѣ (ять), ѧ (юс малый), диграф *оу* и лигатура ȣ (ук), то есть *о*+*у*. Восстановлено йотированное *а* (я) — ꙗ.

При чтении текста надо учитывать, что в XII веке ять произносился, скорее всего, как *иэ* (или долгое *е*); ѧ и ꙗ как *я*; ук и диграф *оу* как *у*; ъ как краткое *о*; ь как смягчающее предыдущую согласную короткое *э*.

Текст разбит мною на стихи в соответствии с выявленными принципами стиховой организации «Слова». Принципы восстановления в тексте утраченных древних синтаксических, грамматических и орфоэпических норм XII века и случаи встречающейся в бытовом письме графической замены одних гласных другими обоснованы в примечаниях А. В. Дыбо и в ее статье. Отличия нового издания от *Чернов* незначительны: восстановлена древняя форма прилагательного с основой *роусьск-* и упущенное по недосмотру двойственное число в стихе 502.

Курсивом выделены слова, пропущенные древними переписчиками.

Каждое примечание начинается с номера строки (по нумерации стиховой записи), после двоеточия идет комментируемое слово, а после тире — комментарий. Описание принципов реконструкции (в частности, обоснование восстановления двойственного числа и слабых редуцированных во всех случаях, кроме позиции внутри уже ассимилированного сочетания согласных) см. в статье А. В. Дыбо «Проблемы реконструкции первоначального текста „Слова о полку Игореве“ с лингвистической точки зрения» в кн.: *Чернов*. С. 419–464. В примечаниях А. В. Дыбо все ссылки на ее статью относятся к этой публикации.

Разночтения издания 1800 года (*П.*) и рукописной копии, снятой для Екатерины II в 1790-х годах (*Ек.*), см. на с. 500–508.

А. Ч.

7: **тъи** — нормальная для северозападных орфографий графическая замена *о* на *ъ* (этимологическое *тои*).

8: **времени** — условно сохраняем форму *П.* и *Ек.*, хотя в принципе для протографа возможны другие написания. Ср. *Смол.* 1229: *что ся дѣетъ по вѣремьнемь то отидето по вѣрьмьнемь* — в переводе на стандартную орфографию *чьто ся дѣеть по веременьмъ то отидеть по веременьмъ*.

12: **пѣснѣ** — *пѣснѣ Ек.*, может отражать графическую замену *ь* на *ѣ* в бытовой орфографии в протографе.

13: **растѣкашетьсѧ** — в *П.*, *Ек.* *-тся* — очевидно, ерь опущен в результате снесения выносной буквы из написания в рукописи XVI в. *растекашетс*.

16: **речь** — *речь П.*, *рѣчь Ек.*; вместо *рече*, 3 л. аориста. Такое написание в протографе, возможно, отражает графическую замену *е* на *ь*.

21: **которыѣ** — *П.*, *которыи Ек.* Форма род. ед. жен. адъективного склонения условно восстановлена в архаическом виде, см. статью.

22: **пѣсн҃ь** — *пѣсь П.*, *пѣснѣ Ек.* — скорее всего, в протографе было выносное *н* (**пѣсн*), потерянное при издании; переписчик *Ек.* вставил ять, ориентируясь на предыдущие написания.

23: **ꙗрославоу** — *ярослову П.*, *ярославу Ек.* — в *П.* ошибка издателя, либо сохранение описки писца: замены *а* на *о* под влиянием окружающих слогов *о* и *оу*.

31: **живыѣ** — так *П.*, *живая Ек.*, возможно, описка — частичное предвосхищение из *живыя*, т. е. из церковнославянизированной записи нашей восстановленной формы.

32: **они же сами** — так *П.*, *Ек.* — явление, возможное как для переписчика XVI в., так и для протографа, подробнее см. статью.

39: **напълнивъсѧ** — так *П.*, *-вся Ек.* — очевидно, ер опущен в результате снесения выносной буквы из написания в рукописи XVI в. *наплѣнивс*. В дальнейшем аналогичные случаи комментироваться не будут.

41: **половѣцькоую** — подробно о принципах реконструкции написания таких форм в протографе см. статью.

49: **лоуце жъ** — так *П.*, *Ек.*, вместо *жь*. Может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью.

54: **похоть** — *П.*, *похотц и Ек.* — описка-предвосхищение *и* вместо *ь*.

68, 72: **чрес** — *П.*, *чресъ Ек.*, вставка *ъ* скорее поздняя, о чем свидетельствует оглушение.

82: **рече** — так *П.*, *речь Ек.* — видимо, тут было выносное *ч* (**реч*).

93: **възлелѣꙗни** — *възлелѣяны П.*, *възлѣлѣяни Ек.*

95: **поути** — форма (не *поутие*) возможна для XII в., см. статью.

96: **ꙗроугы имъ знаеми** — см. примечание к строке 32.

103: **собе чьсти** — так *П.*, *чти Ек.* — по-видимому, результат устранения выносной буквы в рукописи: **чсти*. Для протографа следует ожидать чтения на два слога, ср. в новгородских берестяных грамотах:. *чистити* с предвосхищением *и* (грамота 831).

104: **славы** — так *П.*, *славѣ Ек.*; такие формы род. ед. мягкого варианта считаем принадлежащими псковскому переписчику XVI в., см. статью.

106: **въ златъ стремень** — в *П. злата стремень*, что может быть опиской и по отношению к форме двойственного числа (тогда **злата стремени*), и единственного. В *Ек. златъ стремень*.

108: **тъмою** — так *П.*, *тмою Ек.* Может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью.

110–111: **свистъмь звѣри нъ възбисѧ** — *свистъ звѣринъ въста зби П.*; эти слова отсутствуют в *Ек.* В принятом А. Ю. Черновым варианте, который взят здесь за основной, предполагается потеря выносных букв и случайное внесение в текст поздней приписки. Максимально простая правка, возможная для этого места, дает: *нощь стоноущи емоу грозою пѣтичь оубоуди | свистъ звѣринъ въста | събися дивъ...* Здесь только устранена поздняя ассимиляция *зби* и предположена потеря выносного *с*: **събис*. В этом случае имеем простой перевод: ночь,

стонавшая ему грозой, перебудила птиц (вин.ед. от собирательного *пътичь*, неоднократно в «Слове»), звериное (возможно, змеиное — ср. у Георгия Амартола: *И не живеть в нихъ никтоже страха ради зверина ядовита* Срезн. 1, 965) шипение (ср. *змии страшенъ свистанием своимъ* Слово Даниила Заточника) поднялось. Забился (всполошился) Див.

116: **тьмоутороканьскыи** — *тъмутороканьскый Ек., тъмутораканьскый П.*; в *П.* описка-предвосхищение *а*.

123: **по дꙋбию** — *по добию П., Ек.*; Видимо, потеряны хвостики «ука», который мог появиться в XVI в. (или раньше) вместо диграфа *оу*.

124: **въсърошать** — так *П., въсрожать Ек.* — по-видимому, имеется в виду глагол *всрашити* «возбуждать» — в такой форме в церковно-славянских памятниках болгарского происхождения. (Назианзин, панд. Антиоха, Иоанн Экзарх, т. е. с неполногласием); *всорошити* — Март. прол., *всорошитися* — «горячиться» Никон. пандекты. Этимология слова: из **vъz-soršiti*, ср. *шершáвый*, *Фасмер*. Т. III. С. 725. *-Сро-* скорее указывает на полногласную форму, записанную с первым *ъ* — см. в статье о записи полногласных сочетаний. В брянских диалектах отмечено *восрашить — взъерошить, возбудить, разбередить — Козырев 1975*. С. 66; эта форма фонетически объяснима только как церковно-славянское заимствование и не может считаться прямым рефлексом формы из «Слова». Возможно, в почерке копии XVI в., с которой работали издатели XVIII в., буквы *ш* и *ж* были близки по начертанию, ср. аналогичную ошибку *пардуже* вместо *пардуше*.

128: **шеломенемь** — *шеломянемъ П., шоломянемъ Ек.*; здесь *я* пóзднее, в Новгороде появляется только со второй пол. XIV в. (*ДНД*. С. 117).

131: **мъгла** — так *П., мьгла Ек.* Может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью.

133: **оубоуди^{с}ѧ** — *убуди П., Ек.* Но управление глагола требует предположения об утрате выносного с: **оубоуди^{с}*.

135: **перегородиша** — *прегородиша П., Ек.* Для протографа маловероятно сочетание неполногласной приставки и полногласного корня в одной словоформе.

136: **чь^{с}ти** — см. примечание к строке 103. Далее эта поправка не комментируется.

137: **пѧ^{т}ъкъ** — *пяткъ П., пякъ Ек.*; очевидно, в *П.* снесена, а в *Ек.* утеряна выносная буква: **пя^{т}къ*.

139: **расоуша^{с}ѧ** — *рассушясь П., рассушась Ек.*: очевидно, снесено выносное *с*: **расоуша^{с}*.

146: **половѣцькыми** — графическое ять вместо еря, см. статью.

155: **не было нъ** — см.: *СПИВЛ*. С. 185.

167: **синѣѣ** — *синіи П., Ек.*; архаическая форма восстанавливается условно, см. статью.

169: **ити** — *итти П., Ек.* — позднее написание.

176: **землѣ** — графическое ять вместо *е*, см. статью.

177: **оуже за шеломенемь** — *уже не шеломянемъ П., Ек.* — позднейшая ошибка. См. примечание к строке 128.

187: **остоупиша** — *отступиша П., Ек.* — наверняка позднейшая ошибка; обычно правят на *остоупиша*, т. е. «обступили».

189: **перегородиша** — *прегородиша П., Ек.* См. примеч. к стиху 135.

192: **вьсеволодѣ** — графическое ять вместо *е*, см. статью.

219: **тьмоуторокани** — мена слабых еров, вместо *тъмоуторокани*, ср. выше. В *П., Ек.* ошибка переписчика XVI в.: в окончании требуется не *-ѣ,* а *-и*; см. статью. Из тюрк. *tamantarkan*, *Фасмер*. Т. IV. С. 65–66.

220: **то же** — графическая замена *ъ* на *о*, свойственная ранним бытовым орфографиям, см. статью.

222: **а сынъ вьсеволожь** — перестановка союза *а* по смыслу — ср.: *СПИВЛ*. С. 340.

229: **за обидоу за ольговоу** — повтор предлога вставлен в реконструкцию из ритмических соображений; синтаксически такая конструкция широко распространена в древнерусском, см.: *ДНД*. С. 166, ср.: *СПИВЛ*. С. 77–78.

232: **полелѣꙗ** — *повелѣя П., Ек.* — очевидно, поздняя описка.

238: **въ кънѧжахъ** — *въ княжихъ П., Ек.* В принципе для протографа возможно еще *в княжьихъ*; о последнем типе форм см.: *ДНД*. С. 124 (*робьихъ*).

239: **съкратишаѧ** — *скратишась П., Ек.*: снесено выносное *с*: **скратиша*^с^.

241 **рѣтко** — редуцированный не восстановлен из-за ассимиляции.

241: **ратаевѣ** — графическое ять вместо *е*, см. статью.

243: **троупиꙗ** — *трупіа П., Ек.*; *-іа* — графика XVI в. *СПИВЛ*. С. 80.

247: **сицеѣ** — *сице и П., Ек.*; для протографа условно восстанавливается архаическая форма, см. статью.

252: **харалоужьнаꙗ** — *харалужныя П., Ек.*, считаем поздней (псковской) заменой, см. статью.

254: **половецькыѣ** — *половецкыи П., Ек.* Форма род. ед. жен. адъективного склонения условно восстановлена в архаическом виде, см. статью.

272: **на березѣ** — *на брезѣ П., Ек.*, полногласие восстановлено по эвфоническим соображениям.

272: **быстрыѣ** — *быстрои П., Ек.* Форма род. ед. жен. адъективного склонения условно восстановлена в архаическом виде, см. статью.

281: **а древо сѧ тоугою** <...> **преклонило** — *древо стугою* <...> *преклонилось П., Ек.* Считаем, что *с* — снесенная выносная буква (**древо^с^*), обозначавшая возвратную частицу *ся*. Относительно позиции *ся* в протографе и появления в переписанном тексте XVI в. двойного *ся* см.: *СПИВЛ*. С. 53.

289: **лебединыма крылома** — *лебедиными кры/илы П., Ек.*; для протографа восстанавливаем двойственное число, см. статью и *СПИВЛ*. С. 41.

291: **веремена** — *времена П., Ек.*; полногласие восстановлено по эвфоническим соображениям.

305: **карьна** — *карна П., Ек.*; *СРНГ*. Т. 13. С. 96 стандартное уменьшительное *карнуша* «трясавица, лихорадка» — онеж. Восстанавливаем как *карьна* «мучение» — субстантивированное прилагательное от *кара* «оплакивание», от которого др.-русск. глагол *карити* «оплакивать» (*Ипат.*), сербск.-цслав. *карьба* «забота», польск. kar диал. «поминки», слвц. kar — то же. *Кара*

«оплакивание», видимо, заимств. из д.-в.-н. kara, chara «оплакивание, траур», гот. kara «забота» *Фасмер*. Т. II. С. 199–200 (вопреки Фасмеру, возведение к *кори́ть* плохо по семантике и фонетике).

306: **жьлѧ** — *жля П.*, *Ек.*, восстанавливаем для протографа написание *ь* в значении *е*.

308: **людемъ** — вставлено по *Ек.*

310: **въсплакаша^{сѧ}** — *въсплакашась П.*, *Ек.*: очевидно, снесено выносное *с*: **въсплакаша^{с}*.

313: **съдоумати** — ср. *Смол. съдоумавъ* 1229 В, *здоумае* 1150.

322: **роусьскыѣ** — *рускыи П.*, *Ек.* Форма род. ед. жен. адъективного склонения здесь и далее условно восстановлена в архаическом виде.

329: **та бо дъва** — *тіи бо два П.*, *Ек.* — поздняя правка, см.: *СПИВЛ*. С. 41. Отметим созвучие *оТЪ ДВОРА — ТА БО ДЪВА ХРАбрая...*

331: **оубоуди^{ста}** — *убуди П.*, *Ек.*, по-видимому, потеря выносных букв.

333: **ею** — *ихъ П.*, *Ек.*, исправляем на двойственное число, см. статью и *СПИВЛ*. С. 41.

340: **възмоути** — *взмути П.*, *Ек. в'змути* (с паерком).

340: **озера** — *озеры П.*, *Ек.*, считаем поздней (псковской) заменой, см. статью.

345: **вихърь** — *вихрь П.*, *Ек.*, считаем поздним (псковским) отвердением, см. статью. Внутрисловный *ь*, вопреки нормативной форме русского литературного языка — этимологический, ср. *ви́хорь* у Пушкина и славянские параллели: укр. *ви́хор*, др.-русск. *вихъръ* (XI в.), болг. *ви́хър*, сербохорв. *ви̏хâр*, словен. *víhər* «завиток волос», слвц. *víchor*, польск. *wicher*, в.-луж., н.-луж. *wichor* (*Фасмер*. Т. I. С. 324).

356: **высѣдѣ** — вопреки *СПИВЛ*. С. 40, *-дѣ* вместо *-де* не обязательно поздняя правка, может быть принадлежностью протографа, см. статью.

364: **одѣвахоуте** — *одѣвахъте П.*, *Ек.*; *ѣ* ошибка, возможно, вместо юса большого; *-те* — написание *е* вместо *ь* может быть принадлежностью протографа.

366: **на кровати** — так *Ек.*; *на кроваты П.*, возможно, отражает позднее (псковское) отвердение.

371: **женьчюгь** — *женчюгь П.*, *Ек.*, вместо этимологического *-гъ*. Может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью. *Женьчюгъ*, с ерем между *н* и *ч* — на кресте Евфросиньи Полоцкой. для протографа можно восстановить графический ерь на конце.

373: **дьскы** — так *П.*, *дъскы Ек.*; может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью.

373: **бес** — *безъ П.*, *Ек.*; ориентируясь на общее правило и другие аналогичные случаи в «Слове», считаем такое написание поздней правкой.

376: **боусови** — в *П.*, *Ек.* перестановка гласных: *босуви*.

377: **оу плѣ^{сь}ньска** — *у плѣньска Ек.*, *у плѣсньска П.*; очевидно, в *Ек.* потеряна выносная буква.

378–379: **бѣша дебрь^{с}кы сани и несоша^{сѧ}** — *бѣша дебрь кисаню и не сошлю П.*, *Ек.*; темное место. Наша правка предполагает потерю выносных букв,

ошибочное прочтение *и* с расплывшейся правой мачтой как *ю* и *а* с затертым низом как *л*.

384: **тьмоутороканѧ** — см. примечание к строке 219.

388: **самою** — *самаю П.*, *самого Ек.*; в *П.* описка издателя, в *Ек.* неправильное прочтение *ю* как *го*.

388: **опоуташа** — так *Ек.*, в *П.* бессмысленное *опустоша*.

391: **помѣркоста** — графическая замена еря на ять.

393: **съ нима** — *съ нимъ П.*, *Ек.* — ошибка XVIII в.

395: **тъмою** — так *П.*, *тмою Ек.*, вместо *тьмою*. Может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью.

400: **пардоуше** — *пардуже П.*, *Ек.*, видимо, в рукописи буква *ш* была частично затерта (но были видны три мачты); восстанавливаем правильное притяжательное прилагательное от *пардоусъ* «гепард».

401: **въ морѣ** — графическая замена конечного *е* на ять.

403: **подаста** — *подасть П.*, *Ек.* Относительно перестановки строк 401–403, которые, разумеется, и по смыслу, и по морфологии должны стоять после *ся поволокоста,* см. *СПИВЛ*, *Мещерский, Бурыкин* и др. Оставление их в реконструкции на том же месте, что в дошедших источниках, предполагает использование здесь автором «Слова» тмесиса, что возможно, хотя синтаксически затруднительно (общая для двух возвратных глаголов клитика *ся* осталась в первом куске, что предполагает контактное — в соседних синтагмах — расположение двух глаголов; в случае сознательного разнесения синтагм автор должен был бы повторить клитику: *ся подаста хинови*).

405: **ноужа** — *нужда П.*, *Ек.*; считаем поздним церковнославянизмом, *ноужа* лучше аллитерирует с *вьржеся*.

408: **березѣ** — *на брезѣ П.*, *Ек.*, полногласие восстановлено по эвфоническим соображениям.

410: **веремѧ** — *время П.*, *Ек.*, полногласие восстановлено по соображениям эвфонии.

415: **съ слезами** — в *П.*, *Ек. слезами*, пропуск предлога *съ*.

426–427: **съкованѣ <...> закаленѣ** — *скована <...> закалена П.*, *Ек.* Мы восстанавливаем правильное двойственное число, в частности, из-за рифмы *съкованѣ — закаленѣ — сѣдинѣ,* но допускаем, что в протографе могли быть и формы на *-а*, см.: *СПИВЛ*. С. 38–39.

430: **вижю** — *вижду П.*, *Ек.*; считаем поздним церковнославянизмом; восстанавливаем древнерусскую форму ради созвучия с *оуже*.

443: **передьнюю** — *преднюю П.*, *Ек.*, полногласие восстановлено по эвфоническим соображениям.

447: **въ мытехъ** — так *П.*; *въ мытѣхъ Ек.*

448: **пътицѣ** — *птицъ П.*, *птиць Ек.*

450: **ми** — позиция энклитики *ми* указывает на некий ритмико-синтаксический барьер между *зѣло* и *кънѧже*, см.: *ДНД*. С. 187.

452: **римъ^ва^** — *римъ П.*, *Ек.* Историческое название города — Римовъ. Предположение о потерянных выносных буквах (и написании *ъ* в значении *о*) позволяет

установить аллитерацию с *володимѣръ*, хотя в принципе для протографа вполне возможно и *оу римъ*.

468: **не ваю ли боıаре** — *П.*, *Ек. не ваю ли злачеными*; предполагается пропуск слова, обычно вставляют *вои* (пропуск такого слова после *ваю* легко объясняется). *Бояре* лучше семантически (ср. позолоченные шлемы), дает аллитерацию с *боуи рюриче* и более дальнюю с *по крови*; впрочем, труднее объяснить пропуск такого слова. Возможно, *были*? В этом случае семантика та же, что у *бояре*, аллитерационно слово подстраивается к *ваю ли* и далее к *плаваша*; пропуск легко объясним, например, тем, что переписчик счел *были* очередным — уже бессмысленным в его время — комплексом частиц-клитик (слово *была* «боярин», булгарское заимствование, к XVI в. уже было неупотребительно).

476: **въ злата стремени** — *въ злата стремень П.*, *Ек.*; традиционно исправляют на двойственное число *стремени*; ср. рифму с *времени*.

478: **за землю** — *зане землю Ек.* — ошибка? Отражение выносного *не* (**време*^{не})?

481: **галичькъи** — *галичкы П.*, *Ек.* — позднейшая переинтерпретация записи *ъі* (ер + *і*)?

481: **осмомыслѣ** — так *П.*; *осмомысле Ек.*; в протографе — графическая замена *е* на *ѣ*.

483: **златокованѣмь** — *златокованнѣмъ П.*, *златокованнемъ Ек.* — поздняя интерпретация.

488: **беремены** — *времены П.*, *Ек.*, традиционно (согласно выписке Н. М. Карамзина) правят по смыслу на *бремены*. Полногласие восстанавливаем по эвфоническим соображениям.

488: **через** — *чрезъ П.*, *Ек.*; полногласие восстанавливаем по эвфоническим соображениям, редуцированный на конце этого предлога явно не читался (ср. выше *чрес* с ассимиляцией по глухости).

491: **отъворѧеши** — *оттворяеши П.*, *отворяеши Ек.*

493: **салътани** — так *Ек.*, в *П. салтани*. Вероятно, окончание *-и* в винит. падеже — новация XVI в. (но, кажется, возможно и для протографа); см. подробно статью.

501: **ваю** — *васъ П.*, *Ек.*; традиционно правят на двойственное число. Или все же псковское с-канье из *вашь*?

502: **высоко плаваесте** — *высоко плаваеши П.*, *Ек.*

523: **трие** — *три П.*, *Ек.*, условно восстанавливаем архаическую форму.

525: **жеребии** — *жребіи П.*, *Ек.*; полногласие восстановлено из эвфонических соображений.

536: **къ градо^{мъ} переıаславлѧ** — *къ граду переяславлю П.*, *Ек.* Исходная фраза содержит географическую ошибку; правим с предположением неправильной интерпретации выносных букв кем-то из переписчиков.

543: **о шеломы о литовьскыѣ** — дублирующий предлог вставлен из эвфонических соображений. Относительно этой конструкции в «Слове» см.: *СПИВЛ*. С. 77–78.

549–550: **и съхоти ю на кровъ ать и рекъ^{мо}** — *исхоти ю на кровать и рекъ П.*, *Ек.* Здесь наша реконструкция предполагает еще одну (кроме *дивицю*) замену *ѣ* на и (**схотѣ*), что для «Слова» нехарактерно (но возможно для псковского

списка XVI в.). Форма *рекъмо* восстанавливается по эвфоническим соображениям, синтаксически здесь возможно *рекъ* — сказуемое в форме неизменяемого причастия прош. вр., т. е. деепричастия — см.: *ДНД*. С. 182, 184.

552: **пътицѣ крилы приодѣша** — *птиць крилы пріодѣ П., Ек.*; можно было бы восстанавливать *пътиць крилы приодѣ* (собирательное **птичь* — подлежащее); множественное число с *ь* в значении *ѣ* и потеря выносных букв предполагаются по эвфоническим соображениям.

554: **быс^{т}ь** — *не бысь П., не бы Ек.*, пропуск выносной буквы.

554: **брѧ^{чш}слава** — *брячяслава П., брячаслава Ек.* Видимо, гласные ошибочно восстановлены после снесения выносной буквы (**брячслава*)

556: **женьчюжьноу** — *жемчюжну П., жемчужну Ек.*, но ср. *женчюгь* выше и *женьчюгь* на кресте Евфросиньи Полоцкой.

557: **ис храбра тѣла через злато** — *изъ, чресъ П., изъ, чрезъ Ек.*; как было показано выше, предлоги в протографе читаются как безъеровые, с ассимиляцией. Полногласие восстановлено по эвфонии.

559: **городеньскыѣ** — *городеньскіи П., Ек.*, в протографе восстанавливается архаическая форма.

560: **ꙗрослав^{л}и и вьси въноуци вьсеслав^{л}и** — *ярославе и вси внуце всеславли П., Ек.*, пропущенное выносное *л* (следовательно, притяжательное прилагательное) восстанавливается по соображениям семантики. Соответственно предполагаем в псковском списке XVI в. *ярослав^{л}е и вьси въноуце*, им. множ. на *-ѣ* с графической заменой на *-е*, см. статью.

561–562: **понизить** <...> **вонъзить** — *понизить* <...> *вонзить П.* и *Ек.*; на конце графическая замена *е* на *ь*, восходящая, по-видимому, к старым бытовым орфографиям. См. примечание к строке 493.

563: **дѣдьнеѣ** — *дѣднеи П., Ек.*, восстановлена архаическая форма.

563: **славы** — *П., Ек. славѣ*, считаем, что это написание из псковского списка XVI в., см. статью.

569: **половецькыѣ** — *половецкыи П., Ек.*, здесь восстановлена архаическая форма.

573: **окони** — частица в значении «как бы». См.: *СПИВЛ*. С. 93–94.

578: **въ пълъночи** — возможно, поздняя вставка предлога, см.: *СПИВЛ*. С. 77.

578: **бѣлагорода** — *бѣла-града П., Ек.*, полногласие восстановлено по эвфоническим соображениям.

581: **ворота новоугородоу** — *врата нову-граду П., Ек.*, полногласие восстановлено по эвфонически-смысловым соображениям: *отъВОРи ВОРота ноВоугОРодоу*.

588: **березі** — *брезѣ П., Ек.*, морфологическая форма из псковского списка XVI в. Полногласие восстановлено по эвфонии.

617: **нъ розѣно сѧ** — *рози нося П., Ек.*, видимо, неверная интерпретация восстанавливаемой записи, в которой *ѣ* — графическая замена *ь*.

620: **гласъ ^{сѧ} слышить** — *гласъ слышитъ П., Ек.*, видимо, потеря выносной буквы *с*, стоявшей над *с* (**глас^{с}слышить*). Такой порядок слов более вероятен, чем *слышиться*, ср.: *СПИВЛ*. С. 52.

621: **незнаемь** — графический *ь* вместо ять.

624–626: **омочю бебрѧнъ роукавъ въ рѣцѣ въ каѩлѣ...** — *омочю бебрянъ рукавъ въ каялѣ рѣцѣ П., Ек.*, что допустимо для протографа и демонстрирует те же аллитерации; предлагаемые перестановки позволяют восстановить не просто аллитерацию, но род рифмовки *рѣцѣ — жестоцѣмъ, каялѣ — тѣлѣ*.

636: **горѣ** — *горѣ П., Ек.*, видимо, неправильная интерпретация ятя.

647: **ты пробилъ еси** — ср. обсуждение этого и следующего нестандартных употреблений местоимения *ты* в *СПИВЛ*. С. 48–50 (тезисы: по ранне-древнерусской норме *ты* здесь излишне; все же в ранних текстах есть случаи употребления *ты* в похожих позициях, и во всех этих случаях можно предполагать на *ты* эмфазу, то есть логическое ударение; для данного случая, однако, более правдоподобно предполагать вставку позднейшего переписчика, поскольку в Задонщине соответствующие места не содержат *ты* и тем самым соответствуют ранней древнерусской норме). Мы все же предпочитаем считать, что *ты* здесь — не поздняя вставка, а эмфатическое употребление.

662: **лады** — *ладѣ П., Ек.*, форма, возникшая, видимо, в псковском списке XVI в.

664: **жажею** — *жаждею П., Ек.*; церковнославянизм снят из эвфонических соображений.

667: **съморцѵ** — восстанавливаем съ-, поскольку этимологически это, скорее всего, приставка, ср. формы в *Фасмер*. Т. III. С. 686.

673: **зори** — *зари П., Ек.*, в др.-рус. и ст.-слав. встречается и *заря*, и *зоря*. Здесь восстановлено *зо-* по эвфоническим соображениям.

678: **въ полоуночи** — так *П., Ек.* с предлогом. По *СПИВЛ*. С. 77 — это поздняя вставка предлога.

679: **свис^{т}ноу** — *П., Ек. свисну*; потеря выносной буквы?

685: **горьностаемь** — *горнастаемъ П.* — описка-предвосхищение *а*; *горностаемъ Ек.* Этимология не вполне ясна (см.: *Фасмер*. Т. I. С. 442–443); славянские параллели требовали бы рус. **гороностаи*; зафиксированные диалектные формы указывают на контаминацию с *горьныи*.

706: **березѣхъ** — *брезѣхъ П., Ек.* Полногласие восстановлено по эвфоническим соображениям.

707: **мъглами** — так *П., мглами Ек.*, вместо *мьглами*. Может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью.

709: **его гоголемь** — *е гоголемъ П., Ек.*, исправляем пропуск.

717: **дънѣ при темьнѣ березѣ** — видимо, строка пропущена переписчиками (или издателями) из-за графического сходства со следующей; восстановлена по смыслу.

718: **дънѣпри темьнѣ березѣ** — *днѣпрь П., Ек.* — возможно, ошибка издателя/переписчика вместо *ѣ*, появившегося в псковском списке XVI в. вместо *-и* — (о морфологических особенностях см. статью).

719: **ростислав^{і}ѧ** — *ростиславя П.*, потеря выносной буквы. *ростиславля Ек.*

721: **цвѣти** — *цвѣты П., Ек.*, правим на архаическую форму по аллитерационным соображениям, см. статью.

722–723: **и древо сѧ тоугою къ земли прѣклонило** — *и древо стугою къ земли прѣклонило П.*, *и древо стугою къ земли преклонило Ек.* См. примечание к строке 281.

730: **полозие** — *полозію П.*, *Ек.* — видимо, ошибка.

733: **пѣсньми** — *пѣсьми П.*, *пѣсньми Ек.*

743: **и рекъ** — так *Ек.*; причастие, хорошо согласуется с аллитерационными потребностями. В *П. и рече*.

749: **рекъста** — по грамматическим соображениям можно и не вставлять *-ста*: тогда это сказуемое в виде неизменяемого причастия прошлого времени, т. е. деепричастия, конструкция допустима для XII в. — см.: *ДНД*. С. 184. Выносное *-ста* аллитерирует со *СвяТЪславля* и *СТАраго*.

750: **пѣснотворьца** — *пѣстворца П.*, *пѣснотворца Ек.*

751: **веремени** — *времени П.*, *Ек.* Полногласие восстановлено по эвфонии.

752: **ꙗрославлѧ и ольгова** — союз *и* вставлен по смыслу.

754: **головѣ** — *головы П.*, *Ек.*, что должно восходить к псковскому списку XVI в.

760: **чрес** — *чрезъ П.*, *чресъ Ек.*, восстанавливаем этимологически правильную форму (безъеровый предлог).

А. В. Дыбо

КОММЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД

ПРЕДИСЛОВИЕ К КОММЕНТИРОВАННОМУ ПЕРЕВОДУ

Лихачев говорил, что любой памятник неисчерпаем. Но тем трудней отличить находку от миража, трактовку от «вчитывания». Поэтому помимо Дмитрия Сергеевича Лихачева на разных этапах этой работы моими собеседниками, слушателями и консультантами были филологи и лингвисты О. А. Державина, А. Н. Латынина, В. Б. Шкловский, А. Е. Тархов, В. В. Колесов, Л. А. Дмитриев, А. М. Панченко, О. В. Творогов, Э. Г. Бабаев, В. Н. Турбин, Вл. А. Дыбо, А. А. Зализняк, А. Д. Синявский, Т. В. Рождественская, С. Л. Николаев, А. А. Гиппиус, М. Н. Толстая, Л. В. Зубова, Л. В. Соколова, Н. И. Милютенко, И. С. Пекунова, Т. Н. Джаксон, А. В. Лебедев, А. Г. Бобров, историки Глеб Лебедев, Евгений Рябинин, Леонтий Войтович, Игорь Арзамасцев, Александр Журавель, Сергей Белецкий, музыковед Дмитрий Покровский, поэты Валентин Берестов, Арсений Тарковский, Давид Самойлов, Александр Межиров, Булат Окуджава, Аркадий Штейнберг, Александр Ревич, Александр Аронов, Александр Кушнер, Новелла Матвеева, Дмитрий Сухарев, Вадим Черняк, Анатолий Кобенков, Анатолий Головков, Илья Фоняков, Михаил Поздняев, Олеся Николаева, Геннадий Русаков, Вероника Долина, Михаил Яснов, Олег Хлебников, Денис Новиков, Татьяна Бек, Михаил Володин, Елена Дьякова, Андрей Анпилов, Екатерина Горбовская, Мария Игнатьева. Сердечная благодарность всем авторам «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“», без которой этот комментарий не мог быть написан.

Работу по восстановлению в тексте «Слова» утраченных древних синтаксических, грамматических и орфоэпических норм сделала А. В. Дыбо. Принципы реконструкции изложены ею в специальной статье (см.: *Чернов*. С. 419–464).

Комментарий построен в форме диалога переводчика и лингвиста. Все комментарии А. В. Дыбо оформлены в виде подстрочных примечаний.

Текст поэмы разбит мной на девять песен, в каждой из которых по три эпизода.

Список сокращений, используемых в книге, приведен на с. 509–510.

Андрей Чернов

Здесь мне принадлежат примечания касательно спорных мест и, соответственно, морфологического и синтаксического разбора текста «Слова». В языковом отношении в наибольшей степени надежными нам представляются комментарий Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина (в книге: Слово о полку Игореве. Л., 1985). Я хотела бы здесь дать лишь некоторые поправки, обусловленные развитием древнерусской диалектологии за последние двадцать лет. Это развитие, в первую очередь связанное с исследованиями языковых особенностей берестяных грамот, позволяет по-новому оценить многие места «Слова», ранее ставившие читателя, знакомого со «стандартным древнерусским», в недоумение.

Анна Дыбо

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ

1.1. Не пристало ли нам, как бывало, братья, начать старым складом печальные повести[1] о рати Игоревой — Игоря Святославича? Начаться же той песни по былям нынешнего времени, а не по замышлению Боянову. Ибо вещий Боян, если кому хотел творить песнь, то летел мыслью-белкой по Древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Сказывают, когда поминал он битвы начальных времен, то напускал десять соколов на стаю лебедок. Которую из них сокол настигал, та прежде песнь пела старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю перед касожскими полками, красному Роману Святославичу. Боян же, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны воскладывал. Струны же сами славу князьям рокотали.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича[2]**.** — Игорь Святославич (2 апреля 1151 — 1202) — сын Святослава Ольговича, внук Олега Святославича, с 1180 г. князь новгород-северский, с 1198 г. — черниговский. По сообщению Ипатьевской летописи, «и нарекли ему имя в святом крещении Георгий, а мирское имя Игорь». Б. А. Рыбаков предполагает, что Игорь крещен в честь его дяди, убитого киевлянами в 1146 г. и провозглашенного невинноубиенным (*Рыбаков*. С. 125).

---

[1] Переводят также: «Не пристало бы нам, братья, начать старыми словами скорбных воинских повестей <песнь>...» (Н. А. Мещерский, перевод реконструированного текста в кн.: Слово о полку Игореве. Л., 1985. С. 36), т. е. интерпретируя родительный падеж множественного числа как определениек пропущенному слову, стоящему в винительном падеже. Исходя из принципа минимальной правки, мы склонны видеть здесь родительный падеж множественного числа как прямого дополнения с партитивным оттенком при *начати*. Примеры такого управления имеются в древнерусских и в старославянских памятниках: *не смѣяхуть ни они сихъ начати, ни си онѣхъ* («Повесть временных лет», лето 6524); ст.-слав. *не облѣнихъся начяти нареченнаго съчиненья* (Супрасльская рукопись) и др. (Такое же решение принято в комментарии В. И. Стеллецкого — *СДЛ*. С. 239.) Родительный принадлежности не характерен для древнерусского — см.: *ДНД*. С. 158–159. — *А. Д.*

[2] Древнерусские цитаты, выделенные полужирным, даны по изданию 1800 г. без сохранения пунктуации первоиздателей. — *А. Ч.*

Поход Игоря против Гзака и Кончака начался в апреле 1185 г., но еще в 1181 г. Игорь в союзе с половцами (Кончаком и Кобяком) боролся на стороне Святослава Всеволодича за киевский престол. Киевский князь Рюрик Ростиславич бросил против него Мстислава Владимировича и черных клобуков. Войска претендентов были разбиты, а Игорь с Кончаком бежали с поля боя в одной ладье.

Комментарий Д. С. Лихачева: «В образе Игоря Святославича подчеркнуто, что исторические события сильнее, чем его характер. Его поступки обусловлены в большей мере заблуждениями эпохи, чем его личными свойствами. Сам по себе Игорь Святославич не плох и не хорош: скорее даже хорош, чем плох, но его деяния плохи, и это потому, что над ним господствуют предрассудки и заблуждения эпохи. Тем самым на первый план в „Слове“ выступает общее и историческое над индивидуальным и временным. Игорь Святославич — сын эпохи. Это князь своего времени: храбрый, мужественный, в известной мере любящий родину, но безрассудный и недальновидный, заботящийся о своей чести больше, чем о чести родины» (*Лихачев*. С. 127–128).

Летопись отмечает ревность Игоря к славе своего двоюродного брата Святослава Всеволодича Киевского: *Того же лѣте слышавъ Игорь Святославличь оже шелъ Святославъ на Половцѣ призва к собѣ брата своего Всеволода и сыновця Святослава и сына своего Володимѣра...* (*Ипат*. Стб. 633). В 1184 г., не приняв участия в походе Святослава, честолюбивый Игорь сам идет на половцев. Это была репетиция (в том же составе действующих лиц) его будущего большого похода в Поле. С того, что Игорь затеял поход 1185 г., «завидуя чести Святославовой», начинается и летописная повесть В. Н. Татищева.

...старыми словесы трудныхъ повѣстій... — Ссылка на *старые словесы* говорит об ориентации на песенную традицию дружинной поэзии, в которой должны были сохраняться уже ушедшие из живого языка полугласные звуки «ъ» (подобие короткого «о») и «ь» (смягчающее предыдущую согласную короткое «э»), что, собственно, и подтверждается многочисленными рифмами, аллитерацией и звукописью текста. (Подробнее см. в наст. изд. с. 299 и след.) В древнерусском языке *трудный* — печальный, скорбный. Так и в современных брянских говорах (*Козырев 1976*. С. 94)[3]. Но поскольку большинство «скорбных повестей» должно было

[3] Обобщающий «Словарь русских народных говоров» доведен до буквы «С» (включительно), а потому нельзя подтвердить или опровергнуть узкую диалектную принадлежность этого значения (как и в случаях с *троскотати, чаща и др*). — *А. Д.*

повествовать о ратных делах, полагаю, это слово могло существовать и в значении «воинский», «ратный». Тем более, что в церковных текстах встречается *трудьникъ* — духовный ратник[4].

О конструктивных особенностях зачина «Слова» см. с. 272 и след.

Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню. — Полагают, что «былина» здесь не жанр песенной словесности, а «истинное происшествие, быль» (так в архангельских и псковских говорах). Считается, что сказители былин обычно называли их «ста́ринами»[5], а заимствованный из «Слова» жанровый термин «былина» — сугубо кабинетного происхождения. Однако В. А. Козырев приводит брянскую параллель: *...эта ш былина, эта ш была так ф стърину*

---

[4] Семантика «воинский» довольно натянута. Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин пишут: «...Поэтому одни (первые издатели, В. А. Жуковский, Н. С. Тихонравов, А. А. Потебня, А. С. Орлов, В. И. Стеллецкий) переводили: печальные, горестные, другие (М. Д. Деларю, С. В. Шервинский, И. А. Новиков, Н. К. Гудзий, В. Н. Перетц, Д. С. Лихачев): воинские, ратные» (*Мещерский, Бурыкин*. С. 441). Начнем с того, что список переводчиков взят из *СССПИ* (Т. 6. С. 68), причем допущена ошибка: Д. С. Лихачеву приписан предыдущий по тексту справки перевод Е. В. Барсова («рассказы страдны — боевые»), тогда как реально Д. С. Лихачеву принадлежит (и правильно выписан в тексте справки) перевод «горестное повествованье». Значение др.-рус. прилагательного *трудьныи* в «Словаре-справочнике» представлено подзначениями «требующий больших усилий», «тяжелый, бедственный, мучительный», «находящийся в затруднительном положении», «изнемогший, усталый», «усердный, старательный». Этот список вполне соответствует тому, что мы находим у *Срезневского* (Т. 3. С. 1009): «трудный, затруднительный», «находящийся в затруднении», «утомленный трудом», «страдающий», «печальный», «тяжелый, опасный». На тех, кто переводил это слово как «воинский», «военный» и подобное, могли повлиять следующие значения других производных от *трудъ*, выписанные у *Срезневского*: *трудьникъ* — «борец», перевод *греч.* ἀγωνιστής — «ревнитель, соперник», *трудовьникъ* — «борец, боец, воин» (перевод того же греческого слова, кроме того, в латинском соответствии одного из текстов стоит *Dei miles* — «Божий воин»); по примерам во всех случаях идет речь, так сказать, о бойцах духовного фронта, подвижниках, противостоящих дьяволу и совершающих духовные подвиги. Употребление каких-либо производных от *трудъ* в прямом значении «воин, солдат» или «воинский, солдатский, военный»в древнерусских текстах, по-видимому, не встречено, так что такое толкование слова *трудьныи* остается произвольным. — *А. Д.*

[5] Комментарий заимствован у Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина, но не слишком точен. Так называли былины сказители в XIX–XX вв., причем неясно, на всей ли русской территории или только на Севере. Слово с ударением на первом слоге зафиксировано в «Словаре современного русского литературного языка» Д. Н. Ушакова; его нет у Даля и нет в источниках по древнерусскому языку, так что, как называли произведения соответствующего жанра в XII в., остается неизвестным. — *А. Д.*

(записано в Трубчевском районе Брянской области; далее — Трубчевск; *Козырев 1975*. С. 64). То есть былина — это не сказка, а миф. По определению М. И. Стеблина-Каменского, миф — это то, во что верят. А потому не исключено, что и Боян называл былинами свои «славы» и «плачи».

Ни автор «Задонщины», ни ее переписчики это слово уже не понимали (*Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1960. С. 315).

Боян, дружинный песнотворец XI столетия, семикратно упомянут в «Слове». Он назван певцом князя Святослава Ярославича (внука крестителя Руси Владимира Святославича), правившего в Киеве в 1073–1076 гг., то есть за век до центрального героя «Слова» Святослава Всеволодича. Боян пел «старому Ярославу» (Ярославу Владимировичу Мудрому, скончавшемуся в 1054 г.), «храброму Мстиславу» (Мстиславу Владимировичу Тмутороканскому, умершемув 1036 г.). Боян слагал славы «красному» (то есть еще юному) Роману Святославичу (Роман — Тмутороканский князь, сын Святослава Ярославича, был убит половцами в 1079 г.). Далее говорится, что Боян сочинил «припевку» Всеславу Брячиславичу Полоцкому (умер в 1101 г., но печально прославился своими междоусобными походами еще в конце 1060-х).

Боян назван «вещим». Этот эпитет равнозначен словам «волхв» и «кудесник». В «Слове» еще только о князе-оборотне Всеславе Полоцком говорится, что у него «вещая душа». Считается, что поэт XII в. именует Бояна «любимцем государя Олега». Но в «Слове» не сказано, что Боян дожил до междоусобных походов Олега Святославича, деда Игоря и Всеволода, и отсутствуют упоминания о припевках Бояна Олегу. Творчество Бояна ограничено третьим десятилетием — рубежом восьмого десятилетия XI века.

Это эпоха Ярослава Мудрого и его сына Святослава.

Видимо, два фрагмента из поэм Бояна процитированы в *ПВЛ* (см. с. 284–285 наст. изд.). Один из них описывает Лиственскую битву 1024 г. между двумя героями «Слова» — Мстиславом Тмутороканским и Ярославом Мудрым. Стихотворная загадка, под которой, полагаю, читается в виде сфрагиды (подписи автора) имя Бояна, процарапана под куполом «лестничной башни» Софии Новгородской (см. с. 286 наст. изд.).

О Бояне в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» сказано (цитирую в переводе): «Прежде всего восхвалим вещего Бояна, искусного киевского песенника. Тот вещий Боян, возлагая свои златые персты на живые струны, пел славу русским князьям, — первому князю Рюрику и Игорю Рюриковичу, а также Святославу Ярославичу и Ярославу Владимировичу, восхваляя их песнями и гусельными ярыми словесами...»

Отметив влияние «Слова о полку Игореве» на «Задонщину», оговоримся, что ее автор знал о Бояне не только из «Слова о полку Игореве». Из «Задонщины» следует, что, воспевая своих современников Ярослава Мудрого и его сына Святослава, Боян сравнивал их дела с делами первых русских князей — Рюрика и Игоря Рюриковича (то есть он, как и поэт XII в., «свивал славу двух сторон времени»). В «Слове» о Рюрике и его сыне не говорится, ведь автор ограничивает временные рамки своего повествования «от Старого Владимира до нынешнего Игоря», но поэт сравнивает современных ему князей с князьями конца X–XI вв. Видимо, помимо «Слова о полку Игореве» автор «Задонщины» знал какие-то былины Бояна, бытовавшие в дружинной среде несколько столетий.

Боян (Баян) — имя тюркского происхождения[6]. Так звали брата хана Аспаруха. (Последний покорил дунайских славян и включил их в состав аварского каганата.) Довольно распространено это имя у болгар. На Руси оно встречается в трех новгородских берестяных грамотах (одна 80-х гг. XI в. и две XII в.). На стене киевской Софии обнаружена процарапанная по штукатурке запись о покупке княгиней Всеволодовой (женой князя Всеволода, матерью центрального героя «Слова» Святослава Всеволодича) за 700 гривен «Бояновой земли», и нельзя исключить, что эти земли некогда принадлежали киевскому песнотворцу. С. А. Высоцкий датировал эту запись второй половиной XII в. (Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 71).

Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. — В 1833 г. Н. А. Полевой предположил, что под мыслью надо понимать какого-нибудь зверька или птичку, ибо очевидна *постепенность* сравнений: древо, земля, облака — мысль, волк, орел. После этого «мысль» стали исправлять на рысь, соловья и даже горностая. В 1854 г. петербургский филолог Н. П. Корелкин в рецензии на перевод «Слова», выполненный Н. В. Гербелем, писал: «Покойный Полевой, а вслед за ним и незабвенный Пушкин думали, что слово *мысль* здесь описка, что по аналогии с серым волком и сизым орлом тут должен быть какой-нибудь зверок, мышь например. Мы случайно узнали, что есть такой зверок, который именно бегает по деревьям — не мышь, а мысь. В Псковской губернии Опочецком

[6] Личное имя *Bojanъ* зафиксировано еще у дунайских булгар (тюрков, ближайших родственников нынешних чувашей) в надписях VIII–X вв. и, видимо, тождественно чув. *пуян* — «богатый», общетюрк. *баян* — «богатый» — производному от глагола *baj* — «становиться богатым», см.: *ЭСТЯ*. Вып. 2. С. 28–29. — *А. Д.*

уезде мысью называют белку, или векшу». Позже оказалось, что «мыслью»[7] белку зовут кое-где и в Новгородской губернии, и на Среднем Урале. Е. В. Барсов во втором томе трехтомного исследования «„Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (1887–1890 гг.) предположил, что в авторском тексте читалось «мысль мысию» (с выносным «л»), но переписчик опустил «повтор», и осталось «мыслью». Барсова поддержал О. Н. Трубачев, заметивший, что в праславянском языке существовало слово mys-tl-ь (мелкий зверек), которое затем превратилось в mysl’ и мысь. Д. М. Шарыпкин в статье «Боян в „Слове о полку Игореве“ и поэзия скальдов» (*ТОДРЛ*. 1976. Т. 31. С. 14–22) указал, что в скандинавской традиции по Мировому Древу снует именно белка, переносящая вести из Верхнего мира в Нижний. В оригинале одна лексема могла означать и мысль, и белку.

Помимо «Слова», единственное русское эхо к снующей по Мировому Древу белке мне удалось обнаружить у И. М. Дурова. (*Дуров И. М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Под ред. и с добавлениями Н. Виноградова. Соловки. 1929. С. 13).

Во время штиля помор скребет ногтями мачту, присвистывая и заклиная: *Бе́ля, беля, беля, белолапко*!.. Считая это слово несклоняемым, составитель словаря (местный краевед) и его редактор-лагерник (расстрелян в 1938-м), не знали, что значит *беля*. Вот и составители 2 тома *СРНГ* оставили это слово без перевода. Но мачта – Древо, а беля – та белка, что должна перенести просьбу о попутном ветре в тот мир, где ветер рождается. (О Мировом Древе и о Мысленом Древе см. с. 81–83; 255.)

Шизый орел — сизый орел. Выражение *конь... шизый* (сивый) обнаружено в новгородской берестяной грамоте середины XII в. (№ 735).

Старый Ярослав — Ярослав Владимирович Мудрый. Новгородский, а потом великий киевский князь. Умер в 1054 г. Д. С. Лихачев замечает, что для поэта Ярослав — князь новгородский. С ним он связывает начало новгородской славы и независимости: «Это представление о Ярославе автор „Слова“ не мог почерпнуть из *ПВЛ*, — оно взято им из народных представлений, при этом по преимуществу новгородских» (*Лихачев*. С. 85).

---

[7] Не *мысь*, а *мысль* зафиксирована в современных диалектологических источниках, родственна лат. *mustela* и осет. *mustaellaeg* — «ласка». См.: *ЭССЯ*. Вып. 1. С. 22. Мысь, о которой писал Н. П. Корелкин, — либо ослышка, либо сэкающее псковско-смоленское произношение слова «мышь». — *А. Д.* Однако в *СРНГ* только псковская *мысь* и никакой *мысли-белки*. — *А. Ч.*

Храбрый Мстислав. — Черниговский и тмутороканский князь Мстислав Владимирович, брат Ярослава. Умер в 1036 г.

В *ПВЛ* попала стихотворная строфа о его битве с Ярославом Мудрым (см. с. 285 наст. изд.). Старшим современником автора «Слова» был второй Мстислав Храбрый (скончался в Новгороде в 1180 г., похоронен в Софии; после него новгородцы призвали на княжение Владимира Святославича Черниговского, сына Святослава Всеволодича). Как и Игорь Святославич Новгород-Северский, Мстислав II Храбрый носил христианское имя Георгий. Новгородцы почитают его как святого (вероятно, за его борьбу с владимиро-суздальскими князьями Андреем Боголюбским, Михаилом и Всеволодом Юрьевичами) и именуют Георгием Храбрым. Автор «Слова» поминает его детей — «всех трех Мстиславичей». Поэт (с Владимиром Черниговским мы его и отождествляем; см. ниже) играет на совпадении имен и эпитетов двух Мстиславов, обманывая читателя и тут же уточняя, что речь о том Храбром Мстиславе, который зарезал Редедю, а не о современнике Автора. Здесь уместно процитировать мнение Б. А. Рыбакова: «У автора „Слова о полку Игореве“ каждое выражение, каждый намек представляет собою точное указание (понятное современникам), с которым мы обязаны считаться» (*Рыбаков*. С. 97).

...иже зарѣза Редедю... — В *ПВЛ* под 1022 г. рассказано о поединке Мстислава с касожским вождем Редедей. (Касоги — древнее название одного из кавказских племен, осетинское *кæсæг*[8] — кабардинец, черкес). Этот стих аллитерацией (*...зарѣ... за-Ре...де-дю*) словно бы имитирует некий прием боевого единоборства. (Кинув касожского князя Редедю на землю, Мстислав убил его кинжалом.) Ритмически рисунок стиха совпадает с *аще кому хотяше* («Боян... если кому хотел песнь творить...»).

Красный Роман Святославич — тмутороканский князь, внук Ярослава Мудрого. Убит союзными ему половцами в 1079 г.

...нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху. — Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин, ссылаясь на то, что местоимения «они» и «сами» стоят в форме множественного числа мужского рода и тем самым согласованы со словом «персты», а не со словом «струны», полагают, что речь идет о перстах Бояна (*Мещерский,*

[8] Читается *кэсэг*; о происхождении см.: *Абаев*. Т. I. С. 588–589. — *А. Д.*

Бурыкин. С. 443). А. В. Дыбо заметила, что песнь поют «лебеди», а не «соколы», и, значит, славу князьям рокочут не персты, а «живые струны»[9].

Глагол *въскладати* (возлагать, прикасаться сверху) известен древнерусским памятникам XI в. В *СРНГ* попал с пометой «фольклорное». В брянских говорах употребляется как нейтральное: *Въскладай адиялки на сена, мяхше буить* (*Козырев 1975*. С. 120).

Распространению глагола «рокотать» (особенно в поэзии) мы обязаны «Слову». Этот глагол не найден в древнерусских памятниках, но звучит, как отмечает В. А. Козырев, в псковских и брянских говорах, а также в других славянских языках. *Рокотати* — говорить невнятно (*брян., пск.*). По Далю *рокотать* — грохотать, звучать, зычно перекатываясь. Встречается в фольклорных текстах (*Козырев 1975*. 108–109).

1.2. Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, что стянул ум крепостью своею[10] и заострил сердце свое мужеством[11], исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что солнце прикрыло тьмой всех его воинов[12]. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше быть убитым, чем плененным. Сядем же, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон!» Обожгло князю ум желание, и страсть изведать Дона великого оказалась сильней знамения. «Хочу, — сказал, — копье преломить о край

---

[9] Формы именительного падежа множественного числа *а*-склонения на *-и* (в отличие от стандартно-древнерусских на *-ы*) встречаются в «Слове» — ср. ниже: *яругы имъ знаеми, ...сабли изъострени*. Из других относительно ранних памятников такие формы известны, например, по Лобковскому Прологу (XIV в.). В диалектологическом отношении они могут соответствовать современным ареалам распространения форм множественного числа предикативов типа *ради, богати* (независимо от рода). Возможно, они появляются в тексте «Слова» в результате деятельности псковского переписчика XV–XVI вв. (см. мою статью в издании: *Чернов*. С. 419–464). — *А. Д.*

[10] Буквально: «натянул ум своей силой». — *А. Д.*

[11] Ср.: «В приведенном словосочетании нельзя рассматривать форму „сьрдця“ как родительный падеж неполного объекта» (*Мещерский, Бурыкин* С. 444). Но глаголы неполного действия с приставкой *по-* очень часто требуют прямого дополнения в родительном падеже, см. многочисленные примеры в *Срезневском*. В «Слове» далее: *да позримъ синего Дону*, пример такого же управления.— *А. Д.*

[12] Буквально: «Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что все его воины прикрыты от солнца тьмой». — *А. Д.*

поля Половецкого, с вами, русичи! Хочу голову свою сложить, либо испить шлемом из Дона!»[13]**.**

...отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря... — Здесь очевидна модель библейского оборота, использованного до автора «Слова» составителем *ПВЛ*.

«Старый Владимир» дважды упоминается в «Слове». В этом персонаже можно увидеть и крестителя Руси Владимира Святославича, и усмирителя половцев Владимира Мономаха. Первую точку зрения отстаивал Д. С. Лихачев, вторую — Б. А. Рыбаков.

Как приверженец распространенного по всей ойкумене в конце XII в. «темного стиля» автор «Слова» вовсе не хочет быть стопроцентно понятным слушателю или читателю, он создает загадки, которые мы должны разгадывать и при этом ошибаться, поскольку поэт сознательно сбивает слушателя с толку, предлагая ему ложные решения. Древнерусский стихотворец играет не только поэтическим словом, но в некоторых случаях и именами князей. Однако он сам и подсказывает верное решение поэтической головоломки: не упоминая о Рюрике, Вещем Олеге, Игоре Рюриковиче и Святославе Игоревиче, автор начинает с первого христианского государя Киевской Руси. Пока звучит текст, слушатель сам сообразит, что Владимир Мономах относится к четвертому от Владимира Святославича поколению, ну а в поэме говорится о двух князьях второго поколения и о четырех князьях третьего. Следовательно, «Старый Владимир» не есть Владимир Мономах.

Вот и скандинавские саги «Вальдемаром Старым» именуют только Владимира Святославича. (*Старый*, как разъяснила скандинавист Татьяна Джаксон, и значит *первый*, *начальный*.)

Владимир Мономах, впрочем, тоже появится в «Слове», только назовет его поэт «Владимиром, сыном Всеволода». Именно о Владимире Мономахе в летописи сказано, что он «пил золотым шлемом Дон» (*Ипат.* Стб. 716), и это его победоносный и легендарный поход 1111 г. столь неудачно спародировал весной 1185 г. Игорь Святославич. Запись о золотом шлеме Мономаха относится уже к началу XIII в. Это или цитата из «Слова», или цитата из некролога Владимира Мономаха, сохранившаяся лишь в некрологе его праправнука Романа Галицкого. Но в любом случае поход Игоря сопоставляется с походом Мономаха 1111 г.

---

[13] Вариант перевода: А любо испить шеломом Дона. — *А. Ч.* Вариант маловероятен, было бы, скажем, так: *а любо мьнѣ испити...* — *А. Д.* Для поэтического текста местоимение тут избыточно: «Любо, братцы, любо, любо, братцы жить...». — *А. Ч.*

...иже истягну умь крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую. — Этот фрагмент построен не на метафоре кузнечного дела, как в 1950 г. предположил И. Д. Тиунов (см.: *СССПИ*. Вып. 2. С. 167), но, как заметил еще А. С. Пушкин, на метафоре натягивания лука. Поясним и уточним: Игорь сначала стягивает «крепостью» свой ум (натягивает тетиву на лук или натягивает сам лук), после заостряет сердце мужеством (пальцы держащей стрелу правой руки оказываются напротив сердца лучника), исполняется ратного духа (в основе метафоры — задержанное перед выстрелом дыхание) и наводит полки на землю Половецкую (то есть прицеливается).

После этого можно ожидать, что и сам поход будет стремительным, как полет стрелы (см. карту на с. 433 наст. изд.). В. Н. Добровольский ссылался на «старинную» идиому *стягнутый умъ* — ум, устремленный к цели (*Добровольский В. Н.* Песни Дмитровского уезда Орловской губернии. 1905. Вып. 3–4. С. 309; цитирую по: *Козырев 1975*. С. 81). В. Ф. Миллер и А. А. Потебня предлагали читать *и стягну*. Но в этом нет необходимости: *истягнути* — стянуть (церковная форма глагола).

Игорь вышел на половцев на Пасхальной неделе во вторник 23 апреля 1185 г. Это день его небесного покровителя Георгия Победоносца.

По Ипатьевской летописи, в поход с Игорем отправились его брат Всеволод Трубчевский и Курский, племянник Святослав Ольгович из Рыльска, сын Владимир из Путивля. Ярослав Всеволодич Черниговский по просьбе Игоря дал ему, как сообщает летопись, «Ольстина Олексича, Прохорова внука с ковуями» (отрядом черниговских тюрков).

1 мая в 3 часа 25 минут по местному времени на берегу Донца Игорь увидел «солнце, стоящее, как месяц».

Замечательно описание этого затмения у Лаврентьевского летописца (цитирую в переводе): «В год 6694. Месяца мая в первый день, на память святого пророка Иеремии, в среду, под вечер было знаменье в солнце, и стало так темно, что людям можно было звезды увидеть, и в глазах зелено было, и солнце как бы в месяц превратилось, а из рогов его словно уголья горящие исходили. Страшно видеть людям знамение Божие» (*Лавр*. Л. 134).

Игорь спросил у дружины, что может означать солнечное затмение, и получил ответ: «Не на добро это знамение». Князь возразил: «Братья и дружина! Тайны Божией никто не знает, а знамению Бог творец, как и всему миру своему. А что нам сотворит Бог — на добро или на зло, то нам и увидеть» (по Ипатьевской летописи).

Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. — Комментарий Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина: «Фраза может быть понята трояко. 1) Разожгло[14] князю ум желание (похоти), и жалость (страсть) ему знамение заступила. Это предложенное А. И. Соболевским и Р. О. Якобсоном толкование текста следует признать наиболее аргументированным и грамматически, и семантически. В таком случае „спала“ — форма 3 лица единственного числа аориста от глагола „спалати“, „умъ“ — прямое дополнение в винительном падеже единственного числа, „похоти“ — сильное желание. 2) Пришло князю на ум желание: тогда „спала“ — форма перфекта 3 лица единственного числа женского рода от глагола „спáсти“: при слове „умъ“ необходимо вставить предлог „на“ (ср. словосочетание „всласть на ум“). 3) Н. М. Дылевский видит в „спала“ существительное „огонь“, сближая его с однокоренными образованиями в славянских языках (*Дылевский Н. М.* „Спала князю умъ похоти“ в „Слове о полку Игореве“ // *Стоянов Людмил.* Изследвания и статии за творчеството му. София, 1961. С. 317–331); „похоти“ при этом прочтении — сказуемое в форме аориста 3 лица единственного числа от глагола „похытити“ (с опиской[15])» (*Мещерский, Бурыкин.* С. 444).

Тема искушения и соблазна проходит через всю поэму.

Беда Игоря, что он поддался искушению и не внял знамению.

Заступити/заступати — преграждать путь (*брян., псков., смол.*). (*Козырев 1975.* С. 79–80; 123–124). См. ниже: *Солнце ему тъмою путь заступаше...*; *Заступивъ королеви путь...* В селах Карачевского района на Брянщине (далее — Карачев) говорят: *Щто ты мне путь зъступил, атайди*! (*Козырев 1975.* С. 80).

...конець поля Половецкаго... — Д. С. Лихачев «концом поля» считал ближний его край, но чешский славист Славомир Вольман (1952) заметил, что имеется в виду дальняя граница Поля Половецкого, поскольку тут же речь ведется о «великом Доне» (*ЭСПИ.* Т. 1. С. 229)[16].

---

[14] «Сожгло князю ум желание и жажда ему заслонила знамение». — *А. Д.*

[15] Безусловно, должно быть принято первое прочтение; *похоти и* — довольно стандартная описка вместо *похоть и* с дублированием *и* перед следующим *и*. Глагол *палати* неоднократно встречается в «Слове» с разными приставками. — *А. Д.*

[16] Синтаксически *конець*, скорее всего, предлог, управляющий родительным падежом, со значением приблизительно «о; об; около» (ср. украинское *кінець стола* «у стола»), так что вряд ли осмысленным может быть вопрос о том, какой конец поля имеется в виду. — *А. Д.*

Русичи/русици. — Мнение Д. С. Лихачева: «...форма эта — русичи — характерна для племенных названий, подчеркивающая происхождение от легендарного предка; радимичи — потомки легендарного Радима, вятичи — потомки легендарного Вятки. В названии же русичи подчеркивается просто, что они „одного деда внуки“, а дедом их назван Дажьбог. И в этом проявляется временна́я эстетизация, столь типичная для „Слова“» (*Лихачев*. С. 58).

В *ПВЛ* говорится, что в Киеве при Вещем Олеге словене, чудь и русь прозвались Русью. Но византийский автор Псевдо-Симеон (конец X в.) пишет, что у росов был некий могущественный правитель Рос (имеется в виду Вещий Олег), от коего «росы получили свое имя». (Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под редакцией Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 115). Отсюда может происходить и известный лишь по «Слову» этноним *русичи*, то есть потомки Роса/Руса.

...а любо испити шеломомь Дону. — Здесь *любо* может читаться не только как союз «либо», но и как наречие «любо». Ср. со словами Святослава по Ипатьевской летописи (969 г.): *Не любо ми есть в Киевѣ жити, хочю жити в Переяславци в Дунаи, яко то есть среда земли моеи...* (*Ипат.* Стб. 55)[17]. Да и Всеслав Полоцкий в «Слове» кидает жребий *о дѣвицю себѣ любу*.

1.3. О Боян, соловей старого времени! Когда бы ты эти рати воспел, скача соловьем по Мысленному Древу, летая умом под облаками, свивая славы свои вкруг сего времени, рыща тропой Трояна через поля на горы, так бы ты пел песнь Игорю, внуку того [Трояна]: «Не буря соколов занесла через поля широкие — галки стаями летят к Дону великому!» Или так бы тебе петь, вещий Боян, Велесов правнук: «Кони ржут за Сулою. Звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новеграде. Стоят стяги в Путивле!»

О Бояне, соловію стараго времени... — Боян назван «соловьем старого времени». В Новгороде археологи обнаружили гусли середины XI столетия с вырезанным на них сбоку именем владельца: «Словиша».

---

[17] Во фразе Святослава, во-первых, имеется глагол-связка, без которого наречие не может служить предикатом предложения: *есть*; во-вторых, определено, кому «не любо» (*ми* «мне»). Поэтому это правильная фраза раннедревнерусского языка. Ни того, ни другого нет в гипотетическом предложении из «Слова», поэтому при таком толковании это не может быть правильной фразой раннедревнерусского языка. Следовательно, здесь правильно читать *любо* именно как союз «либо». — *А. Д.*

…свивая славы обаполы сего времени… — Это «обаполы» обычно понимают как «с двух сторон», «по обе стороны». Такое чтение хорошо подтверждается примерами из древнерусских сочинений (см.: *СССПИ*. Вып. 4. С. 126), но сама конструкция «с двух сторон этого времени» современному человеку может показаться абсурдной. Однако, как показывает Д. С. Лихачев, средневековые представления о времени отличны от наших. Мы отсчитываем время от себя, и для нас завтра «впереди», а вчера «сзади». Средневековый человек смотрел на время как бы со стороны. В «Слове», например, сказано, что князья хотят похитить «переднюю славу» и поделить славу «заднюю». Это показывает, что «передняя слава» — слава прошлого, а «задняя» — грядущая. Такое же употребление встречается в Ипатьевской летописи под 1146 г. (*Лихачев Д. С.* Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве» // Известия Отделения литературы и языка АН СССР. Т. VIII. 1949. Вып. 6. С. 552). В брянских говорах: *Самую заднюю убирають картошку, эта уш пасля усих, к синтибрю* (*Козырев 1976*. С. 98)[18].

Видимо, для перевода выражения «обаполы сего времени» лучше воспользоваться диалектным значением слова «обаполы», зафиксированным в «Словаре» В. И. Даля — вокруг.

Комментарий Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина: «автор, противопоставляя свой стиль Боянову, вместе с тем „свивает их“ (славы, то есть свои хвалебные песни. — *А. Ч.*), вводя в текст извлечения из песен Бояна или намеренно меняя стилистическую окраску в подражание его слогу. По-видимому, сочетание разных стилей могло быть узаконенным художественным приемом. Ф. Петрарка в одном из своих сонетов (Parte I, XL, S’amore o Morte // Petrarca Fr. Il canzoniere. Milano, 1908. P. 57) говорит, что „ткет новую ткань“ (tela novella), сплетая „стиль новых и древнюю речь“ (lo stil de moderni e’l sermon prisco). Глагол *сплетати* для обозначения поэтического творчества хорошо известен (отсюда наименование стилей: плетение словес, извитие словес) и обычен для средневековой поэзии» (*Мещерский, Бурыкин*. С. 446).

Мысленное Древо. — М. Халанский и Н. В. Шарлемань предположили, что под «Мысленным Древом» надо понимать музыкальный инструмент Бояна (лютню или гусли). Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин пишут: «Выражение „мысленое древо“ может быть поставлено в связь с древнеанглийским glēo-bēam или gamen-wudu — „дерево веселья“, „дерево радости“ и является, таким образом, заместительным словосочетанием для

[18] Однако поговорка «задним умом крепок» — общерусская. — *А. Ч.*

обозначения музыкального инструмента (см.: *Мещерский Н. А.* К изучению лексики и фразеологии „Слова о полку Игореве“ // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 46). В. Ф. Ржига, отмечая, что „растекаться мыслью по древу“ означает поэтическое творчество, приводит параллель из скальдической поэзии, где выражение „древо песен, покрытое листвою славы“, обозначает поэтическое произведение (*Ржига В. Ф.* „Мысленное древо“ в „Слове о полку Игореве“ // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1943. С. 111). Цитируемый текст принадлежит Эгилю Скаллагримсону — одному из самых известных скальдов» (*Мещерский, Бурыкин*. С. 445).

Такое отождествление может быть лишь вторичным, поскольку Мировое Древо — известная многим народам древнейшая модель Вселенной. В. Н. Топоров в первом томе энциклопедии «Мифы народов мира» (М., 1980. С. 398) пишет: «При членении Древа мирового по вертикали выделяются нижняя (корни), средняя (ствол) и верхняя (ветви) части».

При этом с верхней частью связываются птицы (зачастую именно орел), со средней — копытные, изредка пчелы, а в более поздних традициях и человек, с нижней частью — змеи, лягушки, мыши, бобры, рыбы, иногда медведь или фантастические чудовища хтонического типа.

Мнение Д. С. Лихачева: «По-видимому, все же правы А. Н. Майков („Слово о полку Игореве“. Несколько предварительных замечаний об этом памятнике // „Заря“, 1870, январь. С. 127) и А. А. Потебня (Малорусская народная песня по списку XVI в. // В кн.: Слово о полку Игореве. Текст и примечания. Изд. 2-е. Харьков. С. 229), что в „Слове“ в некоторых случаях упоминается языческое дерево жизни, притом неизменно сочувствующее русским» (*Лихачев*. С. 51).

Древнерусский поэт рисует принципиально отличную от скандинавской модель Древа, лишь формально сохраняя три яруса его вертикального членения (крона — ствол — корни). Нижний мир (с корнями Древа и драконом) в модели автора «Слова» отсутствует. Под пером поэта-христианина Древо трансформируется, и вместо Нижнего мира мы видим земной (его эмблема в «Слове» — рыскающий волк), а Срединный мир (ствол Древа) становится исключительно миром мысли, песнотворчества, миром «соловья Бояна». При этом «Древо» названо «мысленным» (воображаемым), и, следовательно, для автора XII столетья оно не мировоззренческая идеологема, а поэтическая реальность. Поэтому автор и предпочитает оговориться, что речь всего лишь о метафоре, связанной к тому же с языческой архаикой. Известно, впрочем, что после укоренения христианства на севере Европы с конца XII или начала XIII в. языческие мифологемы на некоторое время перестали восприниматься как антихристианские и

вместе с древними богами перешли в разряд метафор. Очевидно, что-то подобное происходило и на Руси[19].

…рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореви, того внуку… — По наблюдению А. В. Дыбо, «того внуку» синтаксически соотносится с именем Трояна. Это значит, что метафорически Игорь, имеющий претензии на лавры государя-завоевателя, — правнук Трояна (как Боян — правнук Велеса). В обоих случаях Троян и Велес воспринимаются автором как обожествленные герои древних времен.

О Трояне исследователи спорят уже два века. Первоиздатели писали: «Кто сей Троян, догадаться ни по чему не возможно». В 1816 г. Н. М. Карамзин предположил, что речь идет о римском императоре конца I — начала II в. н. э. Траяне, который, построив мост через Дунай, завоевал даков и возвел в западном Причерноморье знаменитые Траяновы валы.

В «Хождении Богородицы по мукам» (XII в.) о язычниках-славянах говорится: *Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша.* Того же мнения и автор XVI в. (цитирую в переводе): «...возомнили многих богами, Перуна и Хорса, Дыя и Трояна, и иных многих, которые были старейшинами: Перун в греках, Хорс на Кипре, Троян был царь в Риме» (см.: *СССПИ*. Вып. 6. С. 58; *ЭСПИ*. Т. 5. С. 131–137).

Можно согласиться с анонимными древнерусскими книжниками: мало того, что императором Траяном славяне должны были пугать детей, он еще и оставил после себя огромные валы, замкнувшие Римскую империю с востока и вплотную подошедшие к территории тогдашнего расселения славян. Поэтому вполне естествен провинциальный культ Траяна, его обожествление и некая связь с ограничением территории (и вообще с землей, как это следует из «Слова»). Троян четырежды упоминается в памятнике: 1) тропа Трояна; 2) века Трояна; 3) земля Трояна (Причерноморье); 4) седьмой век Трояна (время, когда Всеслав Полоцкий «бросает жребий» на предмет овладения «полюбившейся ему девой», то есть Киевом). Считается, что с хронологической точки зрения в последнем примере не все ладно (от Всеслава до римского Траяна десять веков, а не семь), но по-древнерусски век — это не сто, а тысяча лет. Впрочем, возможно, прав Д. С. Лихачев, и «седьмой» тут означает «последний», то есть имеется в виду — на исходе языческой Руси.

---

[19] Образ «Мысленого Древа» может восходить и к христианской образованности автора «Слова» (см.: *СССПИ*. Вып. 3. С. 123). Ср. такие выражения, как *гроздь мысльной лозы* и *древо разумьное* (Григорий Назианзин), или *купина умьная, неопально горящая,* — из ирмоса на Рождество Богородицы. — *А. Д.*

При том, вероятно, главной для автора «Слова» была именно ассоциация бога Трояна с землей: дело в том, что числительное 7 в письменной традиции обозначалось буквой «З» (земля), а игра на буквенном значении цифр вообще характерна для этого текста. (См. комментарий на с. 111–112 к *...пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ*: *половци идуть отъ Дона...*).

Мнение Б. А. Рыбакова: «Резкое возрастание количества римских денариев, зарытых в Среднем Поднепровье, наблюдается именно с императора Траяна. Огромная империя Траяна и постоянные войны в Европе и Азии требовали непрерывного пополнения продовольственных запасов; среднеднепровский рынок хлеба был важным элементом в экономическом балансе империи. Высокий уровень притока серебра держится в лесостепи несколько веков вплоть до гуннского нашествия. Это объясняет нам, почему автор „Слова о полку Игореве“ упоминает „Трояновы века“ как счастливую эпоху славянского прошлого. <...> Очевидно, эпическая память восточных славян сохранила и имя Траяна, и воспоминание о благоденствии в последующие века (до трагического „времени Бусова“, т. е. до конца IV в. н. э.)» (*Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987).

Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин: «Наиболее правдоподобным представляется мнение И. В. Ягича, согласно которому Троян „Слова“ — это результат наложения воспоминаний об императоре Траяне на народные представления о божестве Трояне (*Jagič V.* Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. Zagreb, 1867. Кн. 1. С. 99). Текст сербских народных преданий о короле Трояне, передвигавшемся на большие расстояния ночью до петухов, чтобы не быть застигнутым солнцем, близок легенде о Всеславе Полоцком, на что обратил внимание уже Ф. И. Буслаев (*Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства: Русская народная поэзия. СПб., 1861. Т. 1. С. 385–391). На основании того, что в южнославянских легендах о Трояне встречаются змееборческие мотивы, можно думать, что Троян как божество древних славян восходит к иранскому пантеону, где ему соответствует Траэтаона — победитель дракона (*Топоров В. Н.* Траэтаона // Мифы народов мира. Т. 2. С. 523–524). Параллели к иранским мифам о Траэтаоне имеются в скифской мифологии (*Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 81–86, 128)» (*Мещерский, Бурыкин.* С. 446).

Тропа Трояна. — Б. А. Рыбаков (Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 434–436) со ссылкой на А. С. Орлова (Слово о полку Игореве. М.; Л. 1938. С. 92–93) указывает, что дорога императора Траяна дважды упоминается в византийских источниках

в связи со славянами — у Феофилакта Симокатты (начало VII в.) и во всемирной хронике Феофана Исповедника (родился около 760 г.), охватывающей с 284 по 814 г. У Симокатты речь идет и о «тропе Трояна» (в подлиннике употреблено именно родственное русскому слово ατραπός — тропа[20]): «Коментиол, как будто пробудившись от какого-то долгого сна, решил избавиться от болезни. Поэтому он отправился в Новы и, желая пройти так называемой *Траяновой военной дорогой*, собрал там некоторых из местных жителей и потребовал, чтобы они дали проводника; он торопился провести зиму в Византии. Местные жители отсоветовали Коментиолу идти *этой тропой*. Придя в гнев, двоих из тех, которые ему это говорили, он велел казнить. Тогда жители Нов сказали Коментиолу, что нет у них человека, который смог бы показать ему этот путь, но что за двенадцать миль отсюда остался еще глубокий старик ста двух лет от роду; они утверждали, что он знает военную дорогу императора Траяна. (См.: *Феофилакт Симокатта*. История. М., 1957. С. 178–179.)

Император Траян строил не только оборонительные валы, но и военные дороги. Эта дорога Траяна, как отмечают историки, проходила по территории нынешней Болгарии с севера на юг и вела из Паластола (город на Дунае) через римскую крепость Мелту (ныне Ловеч), Диоклетианополь (Хисаря) к Филиппополю (Пловдив)[21]. Открыв «Атлас мира», можно убедиться, что двухсоткилометровая трасса и впрямь переваливала через Гем (Северные Балканы) по *Троянскому перевалу* (название это дожило до наших дней). Главные перевалы на Балканах — Шипкинский, Вратник и Троянский (последний находится в пятидесяти километрах западней Шипки).

Частично сохранилась и сама дорога Траяна. Чуть северней Троянского перевала на ней расположен городок Троян, где туристам показывают руины римской крепости. Столетний старик, на рубеже VI и VII вв. знавший дорогу Траяна, жил близ селения со славянским названием Новы, а местные жители (очевидно, также славяне) называли военную дорогу Траяна «тропой». Это вполне естественно, ведь речь шла о тропе через горы. И не случайно в «Слове» сказано, что Боян «рыскал во тропу Трояна через поля на горы». Упоминание о тропе Трояна в контексте выступления Игоря в поход говорит о том, что автору «Слова» были известны какие-то песни Бояна, в которых речь шла о славянских походах на Византию середины

[20] См.: *Фасмер*. Т. 4. С. 105. — *А. Ч.*

[21] Некоторые историки полагают, что труднейший участок этой Трояновой дороги (через Гем) проходил по наиболее высокому перевалу к долине Струмы. Однако Струма находится западнее, а здесь течет река Стряма. — *А. Ч.*

I тысячелетия, или о походах Святослава Игоревича. И потому идущий за Шеломя «тропой Трояна» (сейчас бы сказали *тропой войны*) Игорь Святославич (еще один исторический перевертыш «Слова») поименован «того <Трояна> внуком». В наследии Бояна фраза Игоря *любо испити шеломомь Дону* должна была относиться к Святославу и звучать *любо испити шеломомь Дунаю*. При этом под Шеломенем Боян, скорее всего, имел в виду Стару-Планину — вытянувшийся в виде разогнутой подковы пятисоткилометровый хребет в северной части Балкан, который и отделял славян от Византии.

Не буря соколы[22] **занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому...** — Первый вариант припевки, приписываемой автором Бояну, весьма двусмыслен: можно понять, что «галки» — половцы, а можно — что полки Игоря не соколы, а галки. Вторая припевка сочинена самим автором «Слова», поскольку это Игорь пошел в поход из Новгорода-Северского, а его сын Владимир из Путивля. В этом контексте и упоминание о звенящей в Киеве славе также относится к обстоятельствам похода Игоря: в 1184 г. он уклонился от участия в общерусском походе на Поле Половецкое, организованном Святославом Киевским.

Велес/Волос — древнерусский бог скота и богатства. Волосом, «скотьим богом», клянутся при заключении договора с греками Олеговы дружинники в 907 г. и воины Святослава в 971 г. Имя Велеса встречается в одном из списков «Хождения Богородицы по мукам» (XII–XIII вв.), где сказано, что язычники *Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша*. В «Житии Авраамия Ростовского» говорится, что в Ростове старец разрушил каменный идол Велеса.

Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров реконструировали миф, лежащий в основании культур многих, в том числе и индоевропейских народов (см. их работу: «Исследования в области славянских древностей», М., 1974). Они назвали его «основным мифом». Согласно основному мифу, бог неба раз в год поражает огненной стрелой выползшего на камень змееподобного бога земли. И после этого начинается очистительный дождь.

Христианство вытеснило этот сюжет праздником Преображения Господня. Отмечается он 6 августа по старому (19 по новому) стилю. На Дунае в этот день у славян было принято устраивать охоту на змей. Наши предки считали, что, семь лет пролежав под гнилой колодой, змея,

---

[22] О соколе как о геральдической эмблеме Рюриковичей см.: http://chernov-trezin.narod.ru/GerbRurika.htm

которую за то и звали подколодной, в день Преображения выползает на бел-горюч камень и оборачивается мифологическим змием.

Еще Е. В. Барсов приводил русские топонимы, связанные с культом Велеса: Велесово — село во Владимирской губернии, Велесово ребро — возвышенность в Ярославской губернии. В Киеве идол Велеса, как полагают, стоял отдельно от всего языческого пантеона, на Подоле. Известно и чешское проклятие XV в.: «к Велесу за море» (пожелание смерти).

В славянском варианте основного мифа бог Верхнего мира — Перун, а бог Нижнего мира — Велес. Космографические представления новгородских словен, как полагал археолог Г. С. Лебедев (см. его монографию «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси», СПб., 2005), и сегодня живы в топонимике реки Волхов, которая начинается с Перыни (первая возвышенность при истоке, где некогда существовало капище Перуна), а заканчивается деревушкой Велешей (в VIII–X вв. это последняя возвышенность Волхова в двух километрах ниже Старой Ладоги, близ древнего берега Ладожского озера). И сам Волхов, как предположил историк Д. А. Мачинский, должен был делиться порогами на «Верхнюю» и «Нижнюю» реку. От финского названия «Алоде-йоки» (Нижняя река) пошло и скандинавское (Альдегья), и русское имя города Ладоги, ставшего с приходом сюда Рюрика первой столицей Руси. Позже и озеро Нево получило имя Ладожское. Любопытно, что скандинавские саги называют Нижнее Поволховье «Ормаландом» (Страной Змей). В конце 1990-х выяснилось, что и сегодня жители крохотной деревни Велеши помнят, кто такой «Велес». Они называют его «Велеш» (*так*!) и полагают, что это имя жившего здесь в древности рыбака или бога (см.: *Чернов А.* Из Ладоги с любовью // Terra incognita.spb.ru. 2003. № 1. С. 4–14). Видимо, на месте деревеньки некогда существовало капище Велеса. Между этим местом и Старой Ладогой находится и погребальное урочище «Сопки» с известной по новгородским летописям «Олеговой могилой» (согласно северной летописной традиции, Вещий Олег погиб от укуса змеи близ Ладоги). А в Георгиевской церкви Старой Ладоги сохранилась фреска (ок. 1180), на которой Георгий едет с флажком, а Змея-Велеса, выползающего из реки, ведет на убрусе (пояске) дева Елисава.

Т. А. Бернштам объясняет вариантность имен Велес/Волос: «Велеса через его прибалтийские „водные“ корни можно более соотнести с северо-западными (приморскими и озерными) землями к водным культам... Волос... является персонификацией лесного культа... поскольку имя Волос приписывается и архаическому „хозяину“ поволжских лесов в обличье медведя (так называемый „медвежий культ“), и более позднему идолу и злому духу лесных пастбищ Ростово-Ярославского края»

(*Бернштам Т. А.* «Слово» об оппозиции Перун–Велес/Волос и скотьих богах Руси // Канун. Вып. 2. СПб., 1996. С. 104–105). Далее автор поясняет, что эпитет «скотий» в летописном выражении «скотий бог» означает не только бога домашнего скота, но и бога «лесного скота» — диких зверей. (В «Слове» это подтверждается обращением Бояна в волка.)

Христианским заместителем Велеса становится святой Георгий.

Победитель Змея-Велеса должен был наследовать и его функции.

Уже после выхода статьи Т. А. Бернштам в Новгороде в слое XII в. археологами найдена металлическая ручка от сосуда, выполненная в виде раскрывшего пасть змея. А на загривке змея пристроился медвежонок. (См. *Чернов*. С. 71.) Совмещение образов змея и медведя С. Л. Николаев обнаружил и в финно-угорских языках: «гондыр» на языке коми — многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей, а удмуртское «гондыр» — медведь.

Видимо, Волос был богом лесных кривичей, а Велес — богом ильменских словен, переселившихся в VII–VIII вв. из Польского Поморья в нижнее Поволховье и основавших в устье Волхова напротив Велеши каменно-земляную крепость Любшу, открытую в 1997 г. археологом Евгением Рябининым (*Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище в Нижнем Поволховье // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 196). Эта крепость старше ладожской минимум на полвека.

А. В. Дыбо полагает, что *Волосъ* и *Велесъ* — это разные диалектные рефлексы одного и того же слова, **velsъ*[23]. Однако в одних славянских диалектах бог Нижнего царства мог быть медведем (скажем, у живших в лесах кривичей), а в других — змеем (у словен, которые активно контактировали со скандинавской культурой и сами были мореходами). Видимо, не случайно в *ПВЛ* форма *Велесъ* не встречается (только *Волосъ*): для книжника Велес из-за своей змеиной природы должен был ассоциироваться с библейским змием.

Д. С. Лихачев пишет: «Как показал Е. В. Аничков, в Древней Руси существовало два взгляда на происхождение языческих богов. Согласно первому взгляду, языческие боги — это бесы. Взгляд этот опирался на Библию, высказывания апостолов и отцов церкви. Языческие боги названы бесами во Второзаконии (82: 16–17), в Псалмах (105: 37), у апостола Павла (1-е Послание к Коринфянам, 10: 20). Взгляд этот усвоен был нашей древнейшей летописью в рассказе о варягах-мучениках и о крещении Руси, в рассказе летописи под 1067 г. и т. д. Этот взгляд

[23] См. о возможности разного отражения полногласных сочетаний в различных древнерусских диалектах в работе: *ДНД*. С. 39–40. — *А. Д.*

требовал умолчания имен богов, упоминание которых считалось греховным. Е. В. Аничков обращает внимание на учение Иисуса Навина — „не вспоминайте имени богов их“ (Иисус Навин, 23: 7) — и на слова псалма „не упомяну имен их устами моими“ (15: 4), которые объясняют нежелание древнерусских книжников называть имена древнерусских богов и даже особую формулу древнерусских поучений, отмечающих, вслед за проповедью Ефрема Сирина против вновь впадающих в язычество, что о последнем „срам“ говорить.

Этот древнейший взгляд на язычество, как отмечает Е. В. Аничков, по мере успехов борьбы с язычеством сменяется более спокойным к нему отношением. Развивается второй взгляд на язычество: языческие боги не заключают в себе ничего сверхъестественного. Боги — это простые люди, которых потом обоготворило потомство. Еще в „Речи философа“ сказано, что люди творили кумиры „во имяна мертвых человек, овем, бывшим царем, другом храбрым и волъхвом, и женам прелюбодейцам“» (*Лихачев*. С. 25–28).

Называя Бояна «внуком Велеса», автор «Слова» трактует Велеса как родоначальника поэтов. В этом вновь нетрудно усмотреть опосредованную связь с «медом поэзии» скандинавского ясеня Иггдрасиль (напомним, что скандинавский мировой змей живет в корнях Иггдрасиля). Для автора «Слова» Велес с соблазнившим Еву библейским змием напрямую не связан. Велес — это обожествленный предок.

Вероятно, Боян сам именовал себя внуком Велеса, и автор «Слова» знает это из песен Бояна. В этом случае Велес автора «Слова» родом из Подунавья[24]. Б. А. Рыбаков считал Велеса медведем, а древнерусских дракончиков, чьи многочисленные изображения дошли до нас, зовет ящерами; последнее, впрочем, может быть справедливо для говоров кривичей.

Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ. — Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин пишут: «Сула — пограничная река, отделявшая русские земли от территории постоянных кочевий половцев. Возможно, этот запев в манере Бояна следует понимать так: „Кони русских воинов ржут за Сулой — весть

[24] Возможность «южного» происхождения Велеса при «северном» Волосе неплохо согласуется с фактом совпадения древнего **elT* >**olT* в восточно-славянских диалектах (ср. рус. *молоко* и *болото* при южно- и западно-слав. *млько* и *блато*). Интересно было бы попытаться связать распределение рефлексов этого имени по славянским диалектам с распределением названий мифического племени великанов *велет/волот* (см. о них: *Фасмер*. Т. 1. С. 288, 344). — *А. Д.*

о победах достигла Киева“. То, что здесь упомянут Киев, указывает на конец речений, имитирующих манеру Бояна, и на начало повествования о походе Игоря. Эта фраза не принадлежит к собственно авторской речи „Слова“, так как Киев не играл никакой роли в организации похода» (*Мещерский, Бурыкин*. С. 447).

Комментарий Д. С. Лихачева: «Едва только вражеские кони появились за пограничной рекой Сулой, как слава о русской победе над врагами уже звенит в Киеве. Едва только трубы затрубили в Новгороде-Северском, созывая войска, как войско („стязи“) уже собралось в Путивле (южный пункт Новгород-Северского княжества, откуда новгород-северские войска выступали против половцев)» (*Лихачев*. С. 205).

Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин считают, что Бояну принадлежат первые две фраза припевки. Однако текст «Слова» рассчитан на устное исполнение (как, впрочем, и большинство древнерусских текстов). Кавычки в устной речи можно поставить или указанием на то, кто произнес данные слова, и кто ему ответил, или переменой темы и ритма. Но это место подчинено общему закону постоянных переосмыслений, который ведет Автора от заглавия до «аминя». Эту припевку поэт сочиняет за Бояна (а поэтически — вместе с Бояном). И даже если бы в древнерусской письменности существовали кавычки, поставить их здесь поэт не мог. Текст принципиально устроен так, что мнимая цитата из Бояна не ограничивается четырьмя стихами, при помощи троекратного хиазма (прием синтаксически крестообразного построения соседних фраз) она естественно перетекает в рассказ о походе Игоря. Так у слушателя должно создаться впечатление, что не Автор, а сам воскрешенный его словом певец старины старыми же словесы и повествует о дальнейшем.

Итак, половецкие кони (кони Кончака) уже перед Сулой, но слава прошлогоднего похода еще не отзвенела в Киеве (и вызывает зависть прочих князей), и вот Игорь созывает полки в Новгороде-Северском, и полки его сына Владимира уже стоят в Путивле. Игорь ждет Всеволода и т. д.

Написано это тем стилем, который в XX в. был назван телеграфным. И начало следующей песни («Игорь ждет милого брата Всеволода, и молвил ему Буй Тур Всеволод...») — продолжение мнимой цитаты из Бояна[25] («Или так бы <тобой, Боян,> воспето было Игорю... »).

---

[25] Очень смелое рассуждение. Скорее его можно рассматривать как сделанный с точки зрения современности исторический комментарий к тексту, но не толкование текста. На будущее неудачное для героя повествования развитие событий автор «Слова» разве что иронически намекает, приписывая Бояну «ура-патриотический» текст. — *А. Д.* Это не толкование. Это особенности бытования текста. — *А. Ч.*

ВТОРАЯ ПЕСНЬ

2.1. Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый, — ты, Игорь, а оба мы — Святославичи! Седлай, брат, своих борзых коней, а мои-то уже готовы, оседланы перед Курском. А птенчики мои куряне — бывалые воины: под трубами запеленуты, под шеломами взлелеяны, с копья вскормлены. Пути им ведомы, овраги им известны, луки их натянуты, колчаны раскрыты, сабли наточены. А сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы.

Перейдя Донец, войска Игоря подошли к Осколу, где два дня ждали идущего из Курска Всеволода Святославича.

Всеволод (ок. 1155–1196) — родной брат Игоря, князь трубчевский и курский. Ипатьевская летопись сообщает, что он был *во Олговичехъ всихъ удалїье, рожаемь и воспитаемь и возрастомъ, и всею добротою и м<у>жьственою доблестью, и любовь имѣяше ко всимъ* (*Ипат*. Стб. 696). Эпитет Всеволода — *Буи Туръ* (Могучий дикий бык). Туры водились на Руси до середины XVII в. Ипатьевский летописец сообщает, что Игорь взял с собой *брата Всеволода ис Троубечка*, но после, надо думать, под влиянием «Слова» уточняет: «Всеволод шел иным путем из Курска» (Стб. 638). В двойном эпитете князя заключена анаграмма обоих его городов: *БУИ ТУРъ — ТРУБечь — кУРЬскъ*. То есть эпитет князю дан по его столам.

Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи ты, Игорю, оба есвѣ Святъславличя. — Поэтическая логика этого богато аллитерированного монолога Буй Тура (Яр Тура) Всеволода на прозаический язык может быть переведена примерно так: «Солнце насылает на нас тьму, но для меня есть один свет — ты, светлый Игорь, а мы оба — Святославичи». Другими словами, Всеволод кидает вызов Солнцу. И далее будет сказано, что перед битвой с моря пойдут тучи, желая «прикрыть четыре солнца» (четырех русских князей, участников похода), а в третий день битвы «два солнца (Игорь и Всеволод) померкнут...», и для Игоря «ослабеет свет солнца». В своем монологе Всеволод опирается на две весьма прозрачные реминисценции: 1) крестителя Руси Владимира Святославича былины называют Владимиром Красное Солнышко (полагаю, это прозвище появилось потому, что он первым стал печатать на Руси золотую монету со своим на ней изображением); 2) во время литургии священник произносит формулу приглашения к причастию: *Святая святым!* и в ответ хор общины поет: *Един свят, Един Господь Иисус Христос...*

Ответом *Един Свят...* верующие исповедуют, что никто из людей сам не может быть святым, что только Господь может сделать человека причастным своей святости. Пародийным парафразом этого и звучат начальные слова монолога Всеволода: *Одинъ братъ, одинъ свѣтъ — свѣтълыи ты, Игорю! Оба есвѣ — Святъславлича!..* (Не случайно формула священника и формула хора здесь копируются с инверсией, выворачиваются наизнанку.) Не только выше Солнца, но и выше самого Иисуса Христа в ратной своей гордыне ставит Всеволод брата (да и самого себя).

...а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди... — В летописи встречается выражение «ездить напереди» — быть в разведке (в сторожевом полку), или идти в авангарде. В. А. Козырев отмечает, что народным говорам «напереди» в значении «прежде, заранее» не известно (*Козырев 1975*. С. 131). Впрочем, есть русское выражение «знать наперед». (О «передних» и «задних» временах см. на с. 151 наст. изд.) В любом случае, Всеволод хвалится, что его-то воины к походу более чем готовы. Однако слушатели знают, что Буй Тур опоздает к месту встречи на Осколе на два дня, и это опоздание станет роковым. В который раз мы видим, что поэма адресована узкому кругу посвященных современников.

...а мои ти Куряне свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія[26] въскръмлени... — Интересную старофранцузскую параллель к заключительной части монолога Всеволода обнаружил А. Д. Михайлов в пергаменном кодексе второй половины XIII столетия, хранящемся в Парижской национальной библиотеке. Кодекс содержит лишь стихотворные произведения. В одном из них, озаглавленном «Une branche d'armes?», читаем: «Кто юноша-рыцарь? Тот, кто мечом был зачат и среди шлемов молоком вспоен, и на своем щите взлелеян, и мясом льва вскормлен, и средь страшного грома убаюкан...». Исследователь отмечает, что всё стихотворение не лишено пародийной окраски. (Подробнее см. сб.: Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 87.) Впрочем, еще Н. А. Мещерский нашел параллель к этому месту «Слова» в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: римляне *яко родившеся с оружием, николи отлучаются ихъ* (*Мещерский, Бурыкин*. С. 448).

Речь Всеволода иронична: *куряне* — жители Курска, но существовало и слово *куря* — птенец, птичка (см.: *Белова О. В.* Славянский

[26] *Конец копья* — «с копья», т. е. предлог, как в случае *конец поля*. — *А. Д.*

бестиарий. М., 2000. С. 154). В переводе на прозаический: «А мои-то курские птенчики — опытные воины...»[27].

Замечательно и упоминание Всеволода о том, что для его курян «пути ведомы, яруги знаемы». Яруги — овраги, но в степи это, как правило, пологие балки, зачастую поросшие лесом. На всхолмленной местности южного Подонцовья передвигаться всего удобнее вдоль берегов сухих балок, и тот, кто знает расположение яруг, знает Поле.

Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин пишут: «Къмети — отборные воины. Слово это известно в древнерусских памятниках, однако первые издатели не поняли и, неверно разделив текст на слова („къ мети“), дали перевод: „в цель стрелять знающи“. На их ошибку вскоре указал Н. М. Карамзин. В первом издании своей „Истории Государства Российского“ он повторил мусин-пушкинский текст „Слова“ и отразил это в своем пересказе, но уже два года спустя (1818) во втором издании он исправил текст цитаты из „Слова“ и оговорил: „къметями назывались слуги и дружина“ (*Карамзин Н. М.* История Государства Российского: 2-е изд. СПб., 1818. Т. 3. С. 219–220; примеч. 263, 272. См.: *Дмитриев Л. А.* Н. М. Карамзин и „Слово о полку Игореве“ // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 48–49)» (*Мещерский, Бурыкин*. С. 447).

...луци у нихъ напряжени, тули отворени... — Н. А. Мещерскому принадлежит такое наблюдение: «Обычно в качестве параллели к этому месту приводят место из „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия: „лукъ напряженъ“ (Е. В. Барсов, В. Н. Перетц и др.). В более исправном тексте хронографической редакции в данном месте читается: „лукъ съпряженъ“, что оправдывается окружением целого — иудеи говорят о бессилии сопротивляться римлянам. Следовательно, данное место может приводиться как параллель только к словосочетанию „луци съпряже“ в плаче Ярославны» (*Мещерский Н. А.* Из наблюдений над текстом

[27] *Куря* — прежде всего «детеныш курицы, цыпленок», второе значение — «взрослая курица или петух» (так в словарях: *Срезневский*. Т. 1. С. 1380; *Слов. XI–XVII*. Вып. 8. С. 142–143). При том, что от *куря* форма множественного числа — *курята*, вряд ли ассоциация с *куряне* — принадлежность сознания автора «Слова», а не современного интерпретатора — *А. Д.* «Темный стиль» устроен так же, как буквицы-инициалы в древнерусских книгах: ассоциация не требует точного совпадения контура, для нее достаточно лишь графического намека. Однако в каждой загадке, даже самой замысловатой, должна быть заключена и подсказка. В данном случае налицо парадоксальное смеховое сближение *курян-курят* со словом *кмети* (в брянских говорах и сегодня *кметьё* — опытные, сметливые люди, см.: *Козырев 1976*. С. 98; по Далю *кметь* — земский воин, ратник). — *А. Ч.*

«Слова о полку Игореве» // Вестник Ленинградского государственного университета. 1976. № 14, вып. 3. С. 85–86).

...сами скачють, акы сѣрыи влъци, въ полѣ ищучи себе чти, а Князю славѣ. — Ю. М. Лотман писал: «Честь подразумевает материальную награду (или подарок), являющуюся знаком определенных отношений. „Слава“ подразумевает отсутствие материального знака. Она невещественна и поэтому в идеях феодального общества — более ценна» (*Лотман Ю. М.* Об оппозициях «честь», «слава» в светских текстах Киевского периода // Ученые записки Тартуского университета. 1967. Вып. 19. С. 105). Однако сошлюсь на мнение, высказанное в Изборнике Святослава (1076 г.): «Слава человеку от чести отца его». В Ипатьевской летописи под 1231 г.: «не погубим чести князя своего» (*Ипат.* Стб. 765). Эффектный вывод Ю. М. Лотмана страдает некорректностью и в отношении текста «Слова». Если бы все было так, то Игорь с Всеволодом не сказали бы друг другу перед походом, мол, прошлую славу сами *похитим*, а грядущую сами *поделим*, и Святослав Киевский не смог бы упрекнуть Игоря и Всеволода в том, что они *нечестно* задумали одолеть врага и «нечестно проливали кровь поганых». Разумеется, дружинники безымянны и «славу» добывают своему князю. Они составляют основу военной касты, и их привычное дело — искать себе пропитание («материальные знаки») в тех кампаниях, которые справедливо называются «захватническими войнами». Но тем же самым, только в несравнимо больших масштабах, во время военных походов или мирного сбора дани озабочены и их князья. Поэтому «честь» столь же материальна, сколь и слава зависима от подтверждающих и обеспечивающих ее «материальных знаков». В противном случае при феодальном устройстве общества были бы просто невозможны никакие оборонительные действия: защищая от врага свой город, те же дружинники дерутся вовсе не за звонкую монету, но за жизнь и честь своих соплеменников. Слава — всеобщее признание заслуг, людская молва, а честь — понятие прежде всего внутреннее, нравственное. Честь нематериальна и не требует овеществления. А «слава» может превратиться в «похвальбу», как это произошло с Борисом Вячеславичем, которого «слава на <Божий> суд привела», или с Олегом Гориславичем, чья громкая слава основана на том зле, которое этот князь принес Руси.

2.2. Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь преграждало, ночь стонала ему грозою, птицы свистом зверей пробудили. Но взвился Див, кличет с вершины Древа,

велит прислушаться земле неведомой — Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тмутороканский истукан. А половцы непроторенными дорогами побежали к Дону великому. Скрипят их телеги в полуночи, точно лебеди подпущенные. Игорь к Дону войско ведет. Уже птицы по дубравам стерегут его беды[28], волки грозу бередят по оврагам, орлы клекотом на кости зверей созывают, лисицы лают на алые щиты. О Русская земля! Ты уже за Шеломенем! Долго ночь гаснет. Заря свет зажгла. Туман поля покрыл. Щебет соловьев уснул. Говор галок пробудился. Русичи перегородили широкие поля алыми щитами, ища себе чести, а князю славы.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень… — Как указывают многие комментаторы, эпитет «золотой» — атрибут княжеской власти. Далее последуют «золотой шлем» Буй Тура Всеволода, «Золотое слово» Святослава Киевского, пятикратно «золотой (и один раз златокованый) престол», «золотое седло», «златоверхий терем», «золотое ожерелие». Но обратим внимание на то, что дважды этот высокий эпитет будет снижен: «золоченые шлемы» (речь, видимо, о боярах-воеводах) и «золоченые стрелы» Гзака и Кончака (надо понимать, что автор не признает половецких правителей ровней русским князьям).

По Ипатьевской летописи, после встречи на берегу Оскола братья направились к речке Сальнице. Там к ним присоединились посланные «языка ловить» лазутчики («сторожа»). Они сообщили, что видели половцев, которые «ездят в доспехах» (видимо, это была разведка Кончака, каким-то образом предупрежденного о походе Игоря). Лазутчики рекомендовали Игорю или напасть на половцев немедленно, или отступить, *яко не наше есть веремя*. Игорь возразил, мол, если вернуться без боя, *то соромъ ны боудеть поущеи смерти*. Князья приняли первое предложение «сторожей», и поход продолжался всю следующую ночь.

…нощь стонущи ему грозою птичь убуди свисть звѣринъ въ стазби дивъ кличетъ връху древа… — Перевод первоиздателей: «...грозная восставшая

[28] *Игорь къ дону вои ведетъ уже бо бѣды его пасетъ птиць подобію.* Обычная конъектура *по дубию* (подразумевается, таким образом, потеря переписчиком хвостов ука: ȣ > о) требует перевода, приведенного выше. При этом он вызывает определенные сомнения: а) в древнерусском у *пасти* нет значения «стеречь с дурными намерениями», только «оберегать» и «запасать»; б) при *пасти* «оберегать» прямой объект должен быть одушевленным, а «запасать» здесь странно семантически. Возможно, следует читать *птиць по подобію*. Тогда перевод может быть: «Вот уже от урона оберегает (или руководит) его (войско) как детей» (что, конечно, в данном контексте возможно только в качестве сарказма). — *А. Д.*

ночью буря пробуждает птиц; ревут звери стадами; кричит филин на вершине дерева...». В конце XVIII в. толкование этого фрагмента было не по силам даже знатокам: в последнем дошедшем до нас рукописном тексте «Слова», сделанном со сборника Мусина-Пушкина для Екатерины II, слова *свистъ звѣринъ въ стазби* вообще отсутствуют.

В Диве видели и филина, и удода, и дозорного половца. Однако некое женское божество Дива упомянуто в списках древнерусских языческих богов еще в XIV в.: *И словеньскыи языкъ кланяется виламъ и Мокошьи, Дивѣ, Перуну...* (*СССПИ*. Вып. 2. С. 29)[29].

Д. С. Лихачев пишет: «Многобожие в отличие от монотеизма всегда отличалось терпимым отношением к «чужим» богам. В связи с этим отметим, что и Див явно „чужой“, а не русский бог, и „тьмутороканьскыи блъван“. <...> Ведь клича с дерева, какое-то языческое божество — Див обращается к „чужим“ странам: «велитъ послушати земли незнаемѣ (так чаще всего именовалась, даже и в „Слове“, половецкая степь), Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутороканьский блъванъ“. Страна могла быть названа по главному божеству, которому в ней поклонялись и где стояли идолы (ср. многочисленные топонимы по названиям идолов: Перынь, Волотово, Велесово и т. д.)» (*Лихачев*. С. 28–29). Уточним: архаический Див уже не воспринимается автором-христианином как один из прародителей. Это (согласимся с Л. В. Соколовой; см.: *ЭСПИ*. Т. 2. С. 113) — враждебное, а потому и «чужое» существо. В брянских говорах *див* — леший, то есть, как и в «Слове», на Брянщине он и сегодня ассоциируется с лесом и, вероятно, живет на дереве. (*Суетенко В*. Гимн русскому народу: гипотезы, догадки, предположения // Литературная Россия. 1980. 5 сентября. № 36).

Див сидит на вершине Древа. Но Грифон и Сирин венчают старинные русские прялки, а на прялках XIX в. их место иногда занимает двуглавый орел. (За эту подсказку спасибо писателю Леониду Латынину.)

Див — спутник или заместитель Перуна, его птицеподобный двойник. Как выглядел Див, узнаем, сравнив три его изображения.

Первое обнаруживаем на археологической капители портала Борисоглебского собора в Чернигове (1120-е). «При раскопках Борисоглебского собора было найдено несколько белокаменных капителей, покрытых великолепной резьбой явно романского характера», — пишет исследователь древнерусской архитектуры П. А. Раппопорт (*Раппопорт П. А.*

---

[29] Ср. болг. *самодива, самовила* — мифологические персонажи женского пола, связанные с ветром, с вихрем и подобным. — *А. Д.*

Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 49.) Г. К. Вагнер называет это существо «драконовидным барсом» (*Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф.* Искусство Древней Руси. М., 1993. С. 62). Но ничего «кошачьего» в этом образе нет: на вершине Древа (капитель колонны) клюет плоды «драконовидное» крылатое существо с птичьими лапами. (См. с. 98 наст. изд.).

Второй портрет Дива видим на арке бронзовой напрестольной сени XII в. из Вщижа. Это работа русского мастера Константина, чье имя читается на отливке. Вщиж — город на Брянщине, в котором до своей смерти в 1201 г. сидел Владимир, второй сын центрального героя «Слова» Святослава Всеволодича Киевского. Две арки найдены при раскопках середины XIX в. в алтаре разрушенной Батыем церкви. Сегодня они хранятся в *ГИМ* (подробнее см. на с. 256—257 наст. изд.). Див на вщижских арках в той же позе и так же клюет плод Древа, как на капители из Чернигова. А под ним дракон-Велес, заглатывающий свой хвост.

Б. А. Рыбаков, и сам копавший Вщиж, указал, что арка представляет из себя модель языческой вселенной, а держат ее вертикальные штыри, оформленные в виде головок ящеров. Однако дракончиков, грызущих свои хвосты (или корни Мирового Древа), историк принял за Симарглов (хотя их изображений мы не знаем), а на Дива внимания не обратил.

В верхней части арки еще один Див. (См. с. 98 и 508 наст. изд.).

И ту же композицию находим на наруче (браслете) из киевского Тереховского клада (XII — начало XIII в.). Вновь сверху Див, клюющий то ли плод, то ли собственное крыло (превратившееся здесь в чудовищную лапу), а под ним дракон. (Полное воспроизведение этого наруча см.: *Плешанова И. И., Лихачева Л. Д.* Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985. Ил. 15).

Див в «Слове» противопоставлен знамению солнечного затмения.

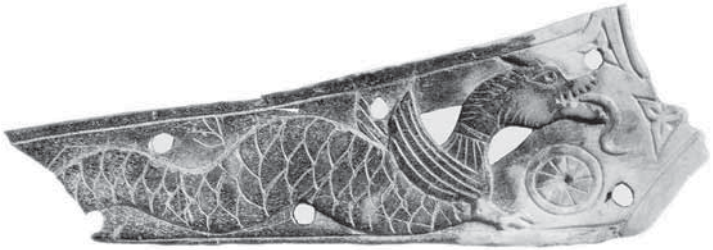
Солнце и гроза предупреждали Игоря о роковой опасности, но Див с вершины Древа объявил «незнаемой земле» о походе, и отступать уже нельзя. При такой логике это место отсылает нас к походам Святослава Игоревича, последнего русского князя-язычника. В *ПВЛ* под 964 г. есть стихотворный фрагмент (видимо, из наследия Бояна, см. с. 284 и след. наст. изд.), где о Святославе сказано: *И посылаше къ странамъ, глаголя*: «*Хочю на вы ити*». Объявив это, Святослав идет на Оку и Волгу. А в «Слове» Див «велит послушать земле незнаемой... Волге, Поморию...». Удивительным образом и лексика «Слова» совпадает с лексикой летописца. В летописи в этом отрывке (помимо прочего) звучат слова *възмужавшу*; *вои многи*, а также редкое слово *пардус* (гепард). Но это в «Слове» Игорь и Всеволод скажут «помужествуем сами», Ярослав Черниговский будет назван эпитетом «многовоя», а гепард, с которым в летописи сравнивается Святослав,

Идол Перуна на облаке
Гравировка на кости.
Высота рисунка 2,6 см.
Середина IX в. Старая Ладога,
капище на Варяжской улице,
раскопанное Валерием Петренко.

Рисунок объясняет, почему
по *ПВЛ* у киевского идола Перуна
был «ус злат»: судя по графике,
усы небесного бога — молнии.

Три Дива и два Велеса

Слева направо: 1. Капитель портала Борисоглебского собора в Чернигове (археологическая находка). *20-е годы XII в.* 2. Фрагмент бронзовой напрестольной сени из алтаря церкви во Вщиже (под Дивом Велес, грызущий корни Мирового Древа или свой хвост). *XII в.* 3. Фрагмент гравировки наруча из киевского Тереховского клада (Див под аркой небесного свода, а ниже Велес). *XII — начало XIII в.*



Велес. Накладная пластинка.
Кость. Длина 10 см. Середина XIV в. Новгород

мелькнет в «Слове» в негативном плане в виде выражения «половцы, как выводок гепардов». Налицо прямая отсылка к летописи. И фраза: *Хочю на вы ити* также откликается в «Слове» кратким монологом Игоря: *Хощу бо рече копіе приломити... Хощу главу свою приложити....* Разница лишь в том, что не Игорь, а Див произносит горделивую свою угрозу «незнаемой земле». Из этого следует, что Див — воплощение темной языческой архаики, гордыни и агрессии. Для Игоря он оказался сильнее Божьего знамения. И потому при втором упоминании о Диве (уже после поражения Игоря) будет сказано, что хула насела на хвалу, нужда на волю, а Див набросился на землю[30].

...птичь убуди свистъ звѣринъ въ стазби дивъ... — Возможны следующие переводы первой части предложения: 1) «Птица свистом разбудила зверей»; 2) «Свист зверя разбудил птиц». Традиционный перевод близок ко второму варианту. Было прочтено *свистъ звѣринъ*. Указывалось даже, что в степи свистят суслики.

Если следовать логике метафоры, то Солнце не пускало князя в Поле, ночь стонала ему грозой, то есть предупреждала об опасности, птицы свистом пробудили зверей[31]. И те завыли, как перед бедой.

Через несколько строчек, когда Игорь продолжит поход, птицы будут взывать к зверям: *Орли клектомъ на кости звѣри зовутъ...*

При таком чтении от слова *звѣринъ* у нас остаются *звѣри* (в винительном падеже множественного числа) и одно «лишнее» *нъ*. Это *нъ* — противительный союз или частица «но». В *СССПИ* читаем: «Начинательный союз. Выделяет новый эпизод, новую мысль, сохраняя общее противительное значение „однако“» (Вып. 3. С. 166; см. также: *СПИВЛ*. С. 185–193). В тексте первоиздателей все написания союза и частицы *нъ* даны через «ъ»: *нъ своя вѣщіа...*; *не было нъ...*; *нъ нечестно одолѣсте...*; *нъ рекосте...*; *нъ сезло...*; *нъ розно ся...*; *нъ часто бѣды...*; *нъ часто врани...*; *нъ уже княже...* Это «однако» и становится ключом к данному отрывку: небесное знамение и сама природа предупреждают Игоря о смертельной опасности, но Див велит ему продолжать поход. Без частицы «но» это место неудобочитаемо. Невозможно представить, что после сообщения о солнце и грозе, препятствующих походу Игоря, через запятую идет сообщение о Диве, предупреждающем всю «землю незнаемую».

---

[30] Учитывая, что выделение союза *но* перед пассажем о Диве — лишь одно из многих возможных чтений (см. ниже), политическую атрибуцию образа Дива нельзя не рассматривать здесь как довольно произвольную. — *А. Д.*

[31] Конечно, для такого чтения следует предполагать опущенные издателем выносные буквы: *птичь убуди свистъ^мь^ звѣри*. — *А. Д.*

В 1891 г. В. А. Яковлев предложил читать *збися*. Это 3-е лицо единственного числа аориста от *збитися*. В 1926 г. такое чтение горячо поддержал академик В. Н. Перетц (*Перетц В. Н.* «Слово о полку Ігоревім» — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Київ, 1926. С. 172.). Глагол *збитися* — 1) подняться, забраться наверх. В *СССПИ* находим пример из онежской былины: «Ударил он змею было по хоботам, / Отшиб у змеи двенадцать тых же хоботов, / Сбился на змею да он с коленками...»; 2) сорваться, освободиться, порвав путы. В «Сказаниях про храбраго витезя про Бову Королевича» (XVII в.): «и добрый конь богатырский з 12 цепей збился; уже пробивает последние двери» (*СССПИ*. Вып. 2. С. 112).

Оба значения вписываются в логику метафоры: 1) Див взлетел на вершину Древа; 2) Див очнулся и, порвав путы, встрепенулся на вершине Древа. И хотя Игорь пошел в Поле тайно от Святослава Киевского (да и половцам он не собирался сообщать, что «идет на вы»), Див своим кликом предупредил «землю незнаемую». А дальше мы узнаем, что Див бросится на Русскую землю и станет терзать ее.

Вернемся к фрагменту *въ ста*. Легче всего увидеть в нем глагол *въста*, ведь ниже в издании 1800 г.: *Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы...* Если убедить себя, что автор «Слова» мог написать: «восстал, взвился Див...», то останется лишь поздравить читателя с еще одним (формально безупречным) текстологическим монстром, ведь пластически логичному движению Девы Обиды (восстала, вступила, восплескала) противопоставлено явно избыточное поведение Дива (восстал, но еще и взвился, кликнул). Похоже, что в случае с загадочным Дивом переписчик, дойдя до «параллельного» места со столь же загадочной Девой Обидой, наконец «прозрел» (тем более что исправить ему в первом случае, как мы покажем ниже, надо было всего две буквы). Теоретически эту правку мог сделать и древнерусский книжник, и первоиздатели. Но те не виновны, поскольку в их издании *Въстала обида...* записано в два слова, а *въ стазби Дивъ* в три. Это может означать, что не первоиздатели, а средневековый редактор «прояснил» поведение Дива через поведение Девы Обиды и получил формально связный текст. Тот текст, который до нынешнего дня остается «темным местом».

Однако А. И. Мусин-Пушкин вспоминал, что рукопись «Слова» была «писана на лощеной бумаге в конце летописи...». Учитывая это, можно предположить, что *ста* — неверно прочтенная маргиналия, ссылка на летописную статью *<въ лѣто> 6360*. (Записывалось тремя буквами под титлом[32]:

[32] Титло (титлос) — надстрочный знак в виде волнистой черты, указывающий на то, что слово записано в сокращенном виде.

«ѕтꙋ»). Речь о помете автора (или читателя) в протографе (или в одном из списков), помещенной над строкой, но после внесенной переписчиком в текст:

ѕтꙋ
ПТИЧЬ ОУБОУДИ СВИСТЪ^МЬ ЗВѢРИ НЪ ВЪЗБИ^СѦ ДИВЪ

В рукописи «Слова» первоиздатели (или предшествующий им переписчик) не заметили многих выносных букв. Если маргиналия была написана мелко, или текст был затерт, то ѕтꙋ (над въ) легко принять за глагол *въста* («встал, восстал»). Так и возникло загадочное *въста зби*.

Чем примечателен 6360 год (852 г. от Р. Х.)? Это ключевая дата русской летописи, год «начала Русской земли». В статье, помеченной этим годом, высчитывается число лет от Адама до греческого царя Михаила и от Михаила до написания первой редакции *ПВЛ*. Там же, в частности, сказано, что от Александра Македонского до Христа — 333 года.

Поход Игоря состоялся в лето 6693 (1185 г. от Р. Х.), но это как раз 333-й год, если считать от летописного «начала Руси». А число триста тридцать три — половина библейского «числа Зверя». А. Г. Бобров установил, что мусин-пушкинский сборник с «Хронографом» происходил не из Спаса-Ярославского, а Кирилло-Белозерского монастыря, и древнейшая его часть, видимо, была составлена Ефросином Белозерским на рубеже XV–XVI веков (см. с. 466–483 наст. изд.). И именно Ефросин в «Кратком летописце» делает попытку высчитать дату ратных деяний Александра Македонского, отнимая 333 года от Рождества Христова (указано мне А. Г. Бобровым. См.: Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 256).

Помета с датой начала Русской земли должна была комментировать текст поэмы, указывая на онтологическую детерминированность Игорева похода (и явления небесного знамения, которым князь пренебрег) именно в лето 6693 г. А если так, то перед нами древнейшее текстологическое наблюдение древнерусского книжника.

Полагаю, что маргиналия была записана без предлога «въ», и читать надо *възбися*[33]. А переписчик понял, что Див не только «взвился»,

[33] Во-первых, написание *збися* в значении «сбился» для раннего текста невозможно (озвончение приставки *съ-* в ранних текстах не зафиксировано), следует тогда предполагать, что соответствующая ошибка сделана переписчиком XVI в. с текста XVI же века, скорее всего белорусского (что не невозможно, но нежелательно, так как представляет собой умножение сущностей — предположение еще одной стадии переписывания). Во-вторых, глагольная приставка *съ-* предполагает направление движения вниз, что подходит для нападения героя-человека на змею, но не подходит для взлета Дива на вершину дерева. Приемлем разве что вариант *възби^ся*. — *А. Д.*

но и «восстал». Первоиздатели не заметили выносного «ся» и возникло абсурдное *свистъ звѣринъ въ стазби*.

Трудный для понимания текст нередко подсказывает ложные трактовки. Так еще Ф. Е. Корш предложил чтение *свистомъ звѣрии въ стада зби* (свистом зверье в стада сбилось). В этом случае оказалось виновато само «Слово». Вспомним: *Галици стады бѣжать къ Дону великому*.

Однако «свист звериный встал» и «звери в стада сбились» поэтически столь же невероятны, как дублирование глагола в случае «восстал, взвился Див». Читать *нощь стонущи ему грозою, птичь убуди свистъ звѣри. Нъ въста, збися Дивъ, кличеть върху Древа*...[34] представляется насилием над поэтическим текстом[35].

...велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутораканьскый блъванъ. — Части «*земли незнаемой*»: *Волга* — это в первую очередь Волжская Булгария.

Поморие — северное побережье Азовского моря и Причерноморье.

Посулие — левобережье Сулы, где русских городков уже не было.

Сурож (ныне Судак) и *Корсунь* (Херсонес Таврический, теперь на территории Севастополя) — греческие колонии в Крыму.

В конце XII в. «незнаемая земля» делилась на Белую и Черную Куманию. Белая Кумания — приднестровские и приднепровские половецкие объединения. В Черную Куманию входили Посулье, Придонье, Предкавказье, Поволжье, Поморье, Крым, морские порты Сурож, Корсунь, Тмуторокань. Этой, принадлежащей Кончаку «земле незнаемой», Див и

---

[34] То, что в первом издании явно ошибочное словоделение, не вызывает сомнений. Единодушно признается, что следует читать *свистъ звѣринъ въста*... «Надо полагать (вслед за Н. С. Тихонравовым, В. Н. Щепкиным, А. С. Орловым), что *зби* представляет собой внесенную в текст маргиналию „зри“: „перевернутое“ *р*, сходное с *б*, характерно для скорописных почерков конца XVI — начала XVII вв. — времени, которым обычно датируется мусин-пушкинская рукопись „Слова“» (*Мещерский, Бурыкин*. С. 448). При этом можно читать так: *Ночь, стонущи ему грозою, птичь^мь^ убуди свистъ^мь^ звери. Нъ въста дивъ, кличеть върху дрѣва*... Еще одна возможность: *Ночь, стонущи ему грозою, птичь убуди свистъ; зверинъ въі въста. Дивъ кличеть върху дрѣва*... (т. е. «ночь... разбудила птичий свист, поднялся звериный вой»; предлагаемая правка — пропущенное издателем дублирование *въ*, разделенных незаметным *і*; написание слова *вой* через *ъ* — проявление обычной для «Слова» графической особенности записи *о* через *ъ* (см. мою статью в издании: *Чернов*. С. 419–464). Возможны также различные сочетания из предложенных конъектур. — *А. Д.*

[35] Читателю таким образом предлагается выбирать между насилием над поэтическим текстом и насилием над принципом минимальной правки? — *А. Д.* Да, если принцип минимальной правки не обеспечивает минимально приемлемого чтения. — *А. Ч.*

велит *послушать*. Есть тут и ирония автора: христианин Игорь, в отличие от язычника Святослава, пошел в поход тайно даже от Святослава Киевского, то есть *нечестно*. Да и врагу он не объявлял: «Иду на вы...», надеясь, что Кончак той весной не успеет вернуться из Причерноморья.

Тмуторокань (Тмутаракань) — древнерусский город на Таманском полуострове, ранее хазарская Таматарха и античная Фанагория. Тмутороканское княжество основал в 965 г. Святослав Игоревич. В XII в. оно отпало от Руси, ибо было отрезано от нее половцами. Город обнаружен археологами после находки на Таманском полуострове в 1792 г. мраморной плиты с древнерусской надписью 1068 г. В переводе: «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по льду: от Тмутороканя до Корчева 14000 саженей». (Подлинность этой записи блистательно доказала А. А. Медынцева в своей книге «Тмутараканский камень», М., 1979.)

Ширина пролива между вставшими, словно в деисусе, тмутороканским богородичным храмом и церковью Иоанна Предтечи на берегу Керчи (Корчева) — 23,92 км. Это 14 тысяч ростовых саженей (по 1,71 м). См. мою заметку о древнерусских саженях «Семь раз отмерь»:

http://chernov-trezin.narod.ru/ZS_2.htm

Тмуторокань — имя мужского рода (как, к примеру, Ярославль).

Тмутороканский болван — не каменная баба, каких в Поле Половецком было множество (на реке Быстрой в Тацинском районе Ростовской области последняя похищена в 2000 г.), а некое нерядовое каменное изваяние. Г. Ф. Корзухина предположила, что в Тмуторокане стоял маяк, а маяки в эллинистическую эпоху венчались статуями (*ЭСПИ*. Т. 1. С. 132). Д. С. Лихачев считал, что тмутороканский болван — идол.

Но на Руси идолами могли называть и античные статуи.

...лебеди роспущени. — Обычно правят на *лебеди роспужени*. Но вот выписка А. С. Пушкина из «Урядника, или Нового уложения и устроения чина сокольничья пути» (1668) Алексея Михайловича, не откомментированная ни Пушкиным, ни исследователями: «Пущенная птица — для обучения сокола». Сравнение половецких телег со стаей *подпущенных* лебедей основано на том, что *кумане* (одно из известных на Руси самоназваний половцев) можно перевести как *лебедяне*[36].

[36] Такое отношение к этимологии этнонима «куманы» действительно бытует среди читателей «Слова», ссылаются обычно на книгу Н. А. Баскакова «Тюркская лексика в „Слове о полку Игореве“» (М., 1985), где стоит: «Quw „лебедь“ + афф. man > половец, лебедянин» (с. 73). Толкование Н. А. Баскакова довольно произвольно. На него,

Влъци грозу въсрожатъ по яругамъ… — Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин пишут: «Глагол „въсрожати, въсрожити“ в древнерусских памятниках не встречается. В современных брянских говорах обнаружено слово „всражить“ — разбередить... (*Козырев 1976*. С. 96). Однако заслуживает внимания и предлагавшаяся конъектура: „върожать, ворожать“ (И. М. Снегирев, Ф. Е. Корш). Возможно, что написание „въсрожать“ могло возникнуть из „ворожать — вѡрожать“ с омегой, не разобранной первыми издателями» (*Мещерский, Бурыкин*. С. 449–450).

Однако В. А. Козырев не приводит варианта *всражить*, а только *восрашить* — взъерошить. В обоих случаях смысл одинаков: волки воют в оврагах, и это приближает грозу. Существовало поверье, что волк воет перед бурей или сечей. См.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 38 (на это мне указал А. В. Журавель).

Слово *въсрашати* лишь однажды мелькает в памятниках XI–XII в. (см.: *СССПИ*. Вып. 1. С. 149). Править *въсрожатъ* на *въсрашать* предложил А. А. Потебня (его поддержали А. С. Орлов и Д. С. Лихачев).

несомненно, очень сильное влияние оказала его работа с горно-алтайским диалектом племени куу-кижи (этот этноним действительно переводится как «лебединцы»). Еще тюркский по языку «лебединый» этноним засвидетельствован для двух монгольских племен в Туве (*ак куулар* — «белые лебеди» и *кара куулар* — «черные лебеди»). Все остальные тюркские лебединые этнонимы очень предположительны (хотя среди тюркологов эта мифология весьма распространена) — см.: *Менгес*. С. 65–67. Из этнонимов «Слова» более или менее фонетически приемлемо (но совершенно не обязательно) возведение к названию лебедя «ковуи» (но если, как это часто делают, связывать его с шорским этнонимом *кобуи* — то последнее соотносится скорее не с названием лебедя, а с названием дупла), однако про половцев и их тотем вопрос остается открытым. Для пратюркского языка реконструируется два названия лебедя: **kugu* (превращается в *куу* примерно в XV в. по текстам, в памятниках XIV в. еще *кугу* — см.: *Clauson EDT*. P. 609) и **kuba* (созвучно пратюрк. **kuba* — «бледный»). Слово «бледный» зафиксировано в XI в. как *куба* и в 1303 г. в половецко-латинском словаре («Codex Cumanicus») как *кув*. Как случилось, что слово *половцы* явилось народной интерпретацией этнонима *ку-ман* (по аналогии с такими этнонимами, как *турк-мен*) при помощи слова *куба* — «бледный», можно понять из рассуждения в работе: *Менгес*. С. 69–71. Но хронологически фонетические изменения в тюркских языках проходили таким образом, что здесь нельзя предполагать действительного происхождения этнонима *куман* от названия бледного цвета, или названия лебедя, а также лебединого тотема для соответствующего этноса. Однако славянское слово «половцы» весьма вероятно, действительно переинтерпретация *куман* через *кув-ман* (в связи с тюркским «лебедем» или «бледным»), но именно как деэтимологизация, не как тотем, а как дразнилка (ср. нынешнее *тюрки — чурки*). Тогда такое же происхождение может иметь и вся лебединая символика, связываемая с половцами не самими половцами, а соседними народами. Ср. еще страну *Леведию* — родину племени *туркой* по рассказу Константина Багрянородного о происхождении венгров. — *А. Д.*

Въсрашыла быбъръм виски, въсрашыла — эта ж адно и то жа, што взйаршыла (записано в Карачеве В. И. Чагишевой). Там же записано: *Уш так тъмнавала, так галосила, аш усю душэньку мне въсрашыла* (*Козырев 1975*. С. 66). В переносном значении *въсрашати* — разбередить.

Яруга — овраг, буерак, крутобокая лощина. Обнаружено лишь в рязанских и брянских говорах (*Козырев 1975*. С. 116). Подробнее см. на с. 93 наст. изд.

…лисицы брешуть… — *Лисицы брешуть злей волка, и брешуть, и гавкъють.* (Записано в Трубчевске. *Козырев 1975*. С. 118.)

Шеломя. — Б. А. Рыбаков полагал, что это водораздел Днепра и Дона (*Рыбаков*. С. 234), но предлагаемый им маршрут не выдерживает проверки скоростью передвижения на первом этапе похода (см. с. 434—435 наст. изд.). По той же причине Шеломя не может быть и Изюмским курганом. О горе на реке Суурли (Сюурлие), за которую отступили половцы, пустив по стреле перед первым столкновением в пятницу, говорит и Татищев (с. 495 наст. изд.). (Напомним: историк «Слова» не знал.) Если строго следовать всей сумме имеющихся у нас ориентиров, к большой горе на восточном торце Донецкого кряжа полки Игоря должны были выйти именно вечером в четверг. До этого на их пути гор не было. Это Караул-гора в устье Белой Калитвы. (См. с. 426—**427** наст. изд. и карту на с. 433.) Здесь, на окраине города Белая Калитва, по инициативе Д. С. Лихачева в 1970 г. и был установлен памятный знак воинам Игоревой рати.

Длъго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала… — «Долго ночь меркнет» может быть понято как «ночь спускается» и как «ночь угасает», то есть наступает утро, а форма глагола *запала* может быть и аористом 3 л. ед. ч. от *запалати* (зажечь), и перфектом 3 л. ед. ч. от *запасти* (погаснуть). Одна заря превращается в другую, и, играя на этом, автор «Слова» наглядно демонстрирует слушателям, как коротка ночь и сколь краток отдых ратников. (См. у Пушкина: «Одна заря сменить другую...».)

2.3. Поутру в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, умчали красных девок половецких, а с ними злато, и паволоки, и драгоценные оксамиты. Покрывалами, и плащами, и кожухами начали гати мостить по болотам и топким местам — и всякими драгоценностями половецкими. Алый стяг, белая хоругвь, алый бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу! Дремлет в поле Олегово храброе гнездо — далеко залетело. Но ведь не было рождено оно на обиду ни от

сокола, ни от кречета, ни от тебя, черный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь указывает к Дону великому.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы половецкыя… — Подойдя к Сюурлию, русские увидели половцев (Ипатьевская летопись). Те, через реку «пустив по стреле на Русь», начали отходить. Их преследовали полки Святослава Ольговича, Владимира Игоревича и Ольстина, которые захватили половецкие вежи (кибитки кочевников) и богатый полон. Передовые части вернулись к следовавшему за ними «помалу» Игорю только к ночи. Игорь предложил немедленно отходить, но Святослав сказал, что его коням нужен отдых. Решено было ночевать. Наутро оказалось, что русские окружены. (Подробнее см. с. 413 и след.)

Аллитерацию этого отрывка (*пя-по-пта-по-по...*) еще в середине XIX в. заметил П. П. Вяземский, сын поэта и горячий поклонник русской старины. В Ипатьевской летописи о том же и почти теми же словами: *Заутра же, пятъку наставшу, во обѣднее веремя, устрѣтоша полкы половѣцькиѣ...* (*Ипат.* Стб. 639). На это обратил внимание В. Н. Перетц (*ЭСПИ*. Т. 4. С. 84). Объяснить такое можно, пожалуй, лишь заимствованием из «Слова»: две богато аллитерированные строки, врезавшиеся в память летописца, процитированы, как это часто случается, не совсем точно. Надо думать, экспрессивный глагол *потопташа* смутил монаха скоромной ассоциацией (*потопта́ли*, как петух курицу).

Но если летописец заимствует из «Слова», значит, оно ему известно (вероятно, звучало в Киеве в конце лета или осенью 1185 г.).

Описание этой первой стычки с половцами и захвата добычи выполнено в традициях откровенных двусмыслиц скоморошьей культуры.

В церковном уставе Ярослава Мудрого говорится, что за изнасилование или *умчание девки*, если она боярская дочь, похититель должен заплатить ей 5 гривен золота (и еще столько же митрополиту).

Товарищи похитителя именуются *умычниками*.

Сцена набега изображена как «умчание» и насилие: сначала воины похищают девиц, потом мостят гати по «грязевым местам», после приносят Игорю трофеи, среди которых *чрьлена чолка* и *сребрено стружіе*. При этом ритм стиха, как и конский аллюр, трижды меняется: галоп, потом рысь, а в перечислении трофеев князя — усталый шаг.

Брянский журналист Владимир Суетенко заметил, что автор «Слова» вовсе не стар: «Почему-то все исследователи поэмы, словно сговорившись, считают, что написал ее немолодой, умудренный жизнью человек. <...> Здесь перед нами круг чувств молодого человека» (*Суетенко В.* Соловей древней Руси // Огонек. 1975. № 42).

Чувственная экспрессия пронизывает всю ткань поэмы: женщина в ней всегда молода: кроме половецких красных девок, мы видим готских красных дев, видим, как Всеслав Полоцкий бросает жребий на Киев, словно «на полюбившуюся девицу», слышим рассуждение Гзака и Кончака о «красной девице», которой Кончак опутал молодого соколенка Владимира Игоревича, из Киева «через море» слышим и пение дев на Дунае. Поэма дышит земной любовью: Ярославна любит Игоря, Всеволод — Глебовну, русские жены — своих злато- и среброкудрых мужей. Автор невольно залюбовался даже Девой Обидой, которая так страшно и так красиво плещет лебедиными крыльями.

Книжник и христианин, автор «Слова» не стесняется поэтической стихии и стихии страстей (а та и другая — традиционно языческие). И это также выдает в нем молодого человека. Да и все без исключения герои поэмы живут нешуточными и невымороченными страстями.

Зарание. — В. П. Адрианова-Перетц предлагала два объяснения этого слова: либо это удержавшийся в тексте поэмы архаизм, либо искаженная форма древнего *израния,* возникшая по аналогии с появившимся в языке в XVI в. наречием *заранее* (*Адрианова-Перетц.* С. 81). Это слово в значении «раннее утро» известно брянским говорам: *З зарания идеть дощь* (*Козырев 1976.* С. 98). Но *зарание* как утро зафиксировано в белорусских говорах, а украинское *зарания* — утреннее время (*Козырев 1975.* С. 79). И хотя А. В. Дыбо указала, что прилагательное от него — *заранний* (имеющий место рано утром) встречено в московских говорах, а стандартный глагол от него *заранниться* — псковский, отметим, что существительное «зарание» в русских говорах сохранилось лишь на Брянщине.

Пяток — пятница, пятый день недели. Многократно встречается в древнерусских памятниках. Отмечено у Даля. Сохранилось в псковских и брянских говорах (*Козырев 1975.* С. 135).

...и рассушясь стрѣлами по полю... — *Рассутися* — рассыпаться. Ср. *рассунуться*: *Ну-ка, бабы, рассуньтися, пъсяжу трохи* (записано в Трубчевске, см.: *Козырев 1975.* С. 141).

Грязивый — грязный или топкий, болотистый, вязкий («Словарь» В. И. Даля, без указания места записи). Кроме «Слова», встречается лишь в акте 1475 г. (*СССПИ.* Вып. 1. С. 183). В Трубчевске записано: *Грязивъе места — ино нискъе, кагда жыж бувала* (*Козырев 1975.* С. 70).

...сребрено стружіе... — Б. А. Рыбаков считал, что *стружие* — не древко копья, так как древко не бывает серебряным, а нечто вроде длинного

(около 180 см) «маршальского жезла» (подобные серебряные жезлы известны по погребениям половецких вождей XII в.). Но в другом месте о Всеславе сказано, что он «доткнулся стружием золотого престола киевского». Видимо, просто «стружие» — древко копья[37], а «серебряное стружие» — серебряный жезл или посеребренное древко особого воинского знака — бунчука («челки»).

Гнездо. — У охотников термин «гнездо» (к примеру, гнездо волков) сохраняется до сих пор. (*Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. Т. VI. 1948. С. 119–121). Владимирского князя Всеволода, одного из адресатов «Золотого слова», за чадолюбие прозовут *Большое Гнездо*. Слово *гнездо* в значении человеческая семья, род обнаружено в брянских говорах: *нехарошъва гнезда хлопцы* (*Козырев 1976*. С. 96) — ср. в «Золотом слове»: *не худа гнѣзда шестокрилци*.

Гзак (Кза) — сын Беглюка (в летописи назван Бурновичем), глава союза донских половцев Бурчевичей, лишь дважды упомянут в летописи. В 1169 г. вежи этого правителя (с его женой и детьми) захватил Олег Святославич, брат Игоря. В 1185 г. Гзак после поражения Игоря разорил Северскую землю, сжег острог Путивля, но кремль не взял.

Кончакъ ему слѣдъ править… — Кончак Отрокович — сын хана Атрака (Отрока), внук того самого Шарукана, который в 1068 г. первым из половцев пришел на Русь и почти сорок лет угрожал ее южным границам.

В летописи Кончак мелькает с 1172 по 1203 г.

Это некоронованный «император» Поля Половецкого, бывший то врагом, то союзником разных русских князей.

Сын Игоря Владимир был помолвлен с его дочерью, видимо, еще до 1185 г. А Юрий, сын Кончака, погиб на Калке.

Правити следъ — указывать направление, дорогу. *Давай правь новую дорогу в луга* (*брян*. по Чагишевой). См.: *Козырев 1975*. С. 107.

---

[37] Строго говоря, значение слова точно неизвестно. Единственная славянская параллель — украинское *стру́же* — «древко», значение «копье» для древнерусского языка выводится авторами из употреблений в «Слове» плюс из одного (!) испорченного места в «Хождении Даниила» (*...распятие Господне... есть же на камени высоко было, яко стружия выше*; в другом списке — *стражия*). — *А. Д.* То, что в «Хождении Даниила» читать надо именно стружие, и имеется в виду древко копья, понятно из евангельского текста: «но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Иоанн, 19: 34). — *А. Ч.*

ТРЕТЬЯ ПЕСНЬ

3.1. На другой день рано поутру кровавые зори рассвет возвещают, черные тучи с моря идут, хотят закрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям преломиться, тут саблям притупиться о шлемы половецкие — на реке на Каяле, у Дона великого. О Русская земля! Ты уже за Шеломенем! Вот и ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги глаголют: половцы идут от Дона и от моря, и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы криком поля перегородили, а храбрые русичи преградили красными щитами.

Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго... — Д. С. Лихачев пишет: «...автор „Слова о полку Игореве“ углублял, развивал старые образы, раскрывал их значение, детализировал их, заставлял читателя ярко почувствовать их красоту. Он брал то, что уже было в русском поэтическом языке, брал общее, а не случайное, брал укоренившееся» (*Лихачев*. С. 195, 199–200). Автор, как показал Д. С. Лихачев, выворачивает наизнанку летописное клише «стрелы идут дождем», и перелицованная формула оборачивается новым содержанием: Игорь идет на «поле незнаемое», где все враждебно русским, и даже дождь прольется на них потоком стрел.

Каяла. — Так в «Слове» и в Ипатьевской летописи названа река, у которой Игорь потерпел поражение (по Ипатьевской летописи, первый бой в пятницу был у реки Сюурлий, но за день войска русских подошли к другой речке). Поскольку ниже Каялой названа река Канина (Канин ручей), исследователи полагали, что Каяла — не гидроним, а поэтическое имя реки *Суда* и *расплаты* или *плача* и *скорби* (от глагола «каять»). Но Каяла — реальный гидроним (в переводе с тюркского — *скалистая*). Автор «Слова» локализует эту реку в междуречье Дона и Малого Донца на границе «поля безводного». И «два брата (Игорь и Всеволод) разлучились на берегу *быстрой* Каялы». Но последний левый приток Северского Донца, огибающий северный край тянущегося до Дона обширного сухого плато, и сегодня зовется рекой Быстрой. В нижнем течении левый берег Быстрой состоит из скальных отложений и достигает высоты 25 метров над уровнем реки. (Подробнее см. с. 413 и след.)

Стрибог — один из древнерусских языческих богов. В *ПВЛ* под 980 г. сказано (цитирую в переводе): «И начал княжить Владимир один в Киеве,

и поставил кумиров на холме вне двора терема: Перуна деревянного с главой серебряной и золотыми усами, и Хорса, Даждьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь». У южных славян есть некий «Стари бог» (в русском варианте «Николин Батька»), которого поминают накануне Николы Весеннего (8 мая, поскольку 9 мая по старому стилю — перенесение мощей Святого Николая). См.: *Успенский*. С. 42.

Николай Чудотворец, покровитель путешествующих, после христианизации славян заместил Велеса. Стари бог как громовержец (и противник Велеса) связан с воздушной стихией, а следовательно, и с ветрами. (Недаром и сейчас отправляющемуся в путешествие желают «попутного ветра».) Б. А. Успенский пишет: «В Купянском уезде Харьковской губернии „Николин батька“ празднуется накануне зимнего Николы, но (во второй раз. — *А. Ч.*) после Николы вешнего» (Там же. С. 43).

Значит, мифологический календарь «Слова» дает ту же дату битвы на Каяле, что была высчитана исследователями.

Видимо, древнерусский Стрибог — либо переосмысленное через число «три», либо искаженное в книжной традиции имя Старибога[38]. Но как бы там ни было, мы должны констатировать, что упоминание о Стрибожьих внуках датирует первый бой с половцами 10 мая. И, может быть, решение, принятое Игорем после встречи со своими разведчиками у Сальницы, продиктовано тем, что сторожа приехали 9 мая — в Николин день. Понадеявшись на покровительство Николы (как при выступлении 23 апреля на Георгия), Игорь Святославич и решил продолжить свое путешествие в «незнаемое поле».

В распоряжении В. Н. Татищева, который «Слова о полку Игореве» не знал, были неизвестные нам древнерусские материалы — пергаменная летопись (историк называл ее «Раскольничей», поскольку приобрел в Сибири у какого-то старообрядца), и доведенная до 1198 г. Голицынская летопись (обе сгорели в имении Татищева уже после его смерти). На основании их историк утверждал, что Игорь потерпел поражение «во вторую неделю Пасхи» (*Татищев*. С. 136). Как считал Б. А. Рыбаков, «это совпадает со всеми расчетами ученых, почему-то не принимавших во внимание сообщений татищевского свода и самостоятельно высчитывающих дату окончания битвы» (*Рыбаков*. С. 198–199). Но это ошибка, замеченная еще в начале XIX в. В. В. Капнистом (см. его комментарии в приложении

---

[38] Скорее наоборот, Стари бог (т. е. старший бог) либо никак не связан со Стрибогом, либо его название появилось вследствие народной этимологии слова *Стрибогъ*. Последнее успешно этимологизируется исследователями как иранское заимствование (из др.-ир. **Srībaγa* — «возвышенный бог», ср. эфталитск. *Śribaγa* — *Фасмер*. Т. 3. С. 777). — *А. Д.*

к публикации Д. С. Бабкина «„Слово о полку Игореве“» в переводе В. В. Капниста // Слово о полку Игореве. М.; Л. 1950. С. 354): 12 мая — не вторая, а четвертая неделя по Пасхе (четвертое воскресенье, считая вместе с пасхальным). Вторая же «неделя» (второе воскресенье) приходилась на 28 апреля, но солнечное затмение было, как известно, еще до соединения Игоря со Всеволодом 1 мая. (Эта ошибка показывает, что Татищев не сам высчитывал день битвы, а просто не проверил сообщение той летописи, которой пользовался.)

Ярославна говорит, что солнце жаждой *расслабило* луки и тоской заткнуло колчаны русских. Это вывернутая наизнанку самоцитата: Всеволод перед походом похвалялся, дескать, у его воинов луки напряжены, а колчаны отворены. Перед нами поэтическая датировка: поражение на Каяле свершилось 12 мая 1185 года в четвертое воскресенье по Пасхе, в «Неделю *о расслабленном*» (см. Деяния Апостолов, IX, 32–35).

По сведениям Татищева, в плен попало 5000 русских. Причем, как подчеркивает Рыбаков, историк XVIII столетья цитировал летопись в своем переводе, сохраняя некоторые древнерусские формулы: *Такъ окончися сей нещастливый бой во вторую недѣлю Пасхи, и бысть печаль и плачь въ Руской, паче же въ Северской земли*. Замечу, что формула «печаль и плач» столь близка и к рассказу Ипатьевской летописи, и к «Слову» (см. таблицу на с. 155–156), что вкупе с другими уникальными, но все же отчасти поддающимися проверке сведениями Татищева, не позволяет всерьез отнестись к попытке А. П. Толочко объявить первого российского историка мистификатором (см.: *Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005).

…земля тутнетъ… — земля гудит. Помимо Брянщины, как свидетельствует картотека Словаря русских народных говоров, глагол *тутнети* находим только в окрестностях Байкала (см.: *Козырев 1975*. С. 138).

…пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ: половци идуть отъ Дона… — Обратим внимание на несколько непривычную для нас, но вполне обычную и для древнетюркской, и для скальдической поэзии рифму по началам стихов: *пороси* — *половци*. Как для русских из катящегося по степи вала пыли вдруг проступили половецкие войска, так из слова *пороси* сами собой склубились *половци*. Древнерусский поэт прекрасно понимает магический механизм рифмы как *метаморфозы образа при сходстве звучания* и играет на этом: то, что для воинов Игоря произошло наглядно, поэт передает через звук.

Выражение *стязи глаголютъ* может быть понято одновременно в нескольких смыслах: 1) русские или половецкие стяги «переговариваются»

(стягами в бою отдавались команды); 2) стяг — наименьшее воинское подразделение, которое в бою «стягивается» вокруг своего стяга, значит, это разные полки русских дают знать князю, что на них наступает враг; 3) Алишер Навои сравнивал арабскую букву алеф, записывающуюся вертикальной черточкой, с гордо поднятым стягом, но за два века до него древнерусский поэт увидел в развевающемся стяге славянскую букву «Г» («глаголь»); 4) по-древнерусски *глаголать* — не только «говорить», но и «пророчить». Смысл этого пророчества будет раскрыт в следующем упоминании о стягах: *третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы*. Дело в том, что буквой «Г» под титлом обозначалась цифра 3. И именно в воскресенье, в третий день битвы, если мы вслед за автором «Слова» будем считать с первого столкновения с половцами в пятницу, русские потерпят поражение. (О такой же игре на буквенных значениях древнерусских цифр см. с. 84.) В брянских говорах: *сароки дож глаголють* — сороки дождь возвещают (*Козырев 1976*. С. 96).

3.2. Яр Тур Всеволод! Стоишь в обороне, сыплешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами харалужными. Куда, Тур, поскачешь, посвечивая своим золотым шлемом, там лежат поганые головы половецкие. Расщеплены саблями калеными шлемы аварские от руки твоей, Яр Тур Всеволод! И, кляня раны, дорогие братья, забыл он почести и жизнь, и города Чернигова отчий златой престол, и своей милой жены прекрасной Глебовны совет да любовь…

Утром в субботу 11 мая русские, увидев, что окружены, повернули в направлении Северского Донца, и Всеволод, шедший на правом фланге, оказался в авангарде. (Подробнее о битве на Каяле см. с. 413 и след.)

…гремлеши о шеломы мечи харалужными… — В древнерусских памятниках прилагательное «харалужный» — большая редкость. Слово «харалужный» не понимал уже автор «Задонщины»: у него «харалужные» не только копья и мечи (заимствования из «Слова»), но и берега.

Комментарий к этому месту Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина:

«Словосочетание „копія харалужная“ встречается в некоторых редакциях „Сказания о Мамаевом побоище“, куда оно также попало из „Слова о полку Игореве“. Предлагалось более десятка этимологий слова „харалуг–харалужный“: от тюрк. *qara* — черный, вороненый металл (П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, Л. Н. Гумилев), от тюркского этнонима *qarluq* — карлукский (А. Заки Валиди, А. Зайончковский, А. Н. Кирпичников), от араб. *harab* — гибельный (В. Ф. Ржига), *quryluγly* — гибельный, *qyry-luγ* —

отточенный, *qaruwly* — тяжелый, доступный только опытному воину (Н. А. Баскаков), *caroling* — каролингский (С. А. Гедеонов, Р. О. Якобсон, К. Г. Менгес). Перечисленные этимологии малоправдоподобны. По-видимому, слово „харалуг“ или самый эпитет „харалужный“ в применении к мечам и копьям заимствованы из индоиранских языков. Ср. санскритские корни *khára* — твердый, острый и *langh* — поражать, сверкать, блестеть; соответствующее русскому „харалужный“ — *kharalanghyana*, т. е. сверкающий остротой, поражающий остротой (*Мещерский Н. А., Бурыкин А. А.* Заметки к восточной лексике «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. 1984. № 14. Вып. 3. С. 67–73)» (*Мещерский, Бурыкин*. С. 452–453).

Если комментаторы правы, то слово это должно было прийти на Русь из Хазарского каганата[39].

Неожиданное решение проблемы харалужных мечей предложили украинские исследователи (цитирую из письма Л. В. Войтовича):

«На Волыни существует село Харалуг (ныне Корецкого района Ровенской области на Украине), где найдены следы древнего металлургического производства (*Савка М. Т., Тимчишин Я. Д.* До історії виробництва „мечів харалужних“ // Український історичний журнал. 1965. № 10. С. 123–125). В окрестностях Харалуга и соседних сел Зализница (Железница!) и Коловерть (!) находятся значительные месторождения болотной руды с содержанием железа 20–30 процентов. Болотная руда из Центрально-Восточной Европы в основном непригодна для изготовления мечей, поэтому большинство найденных на Руси экземпляров рейнского или скандинавского происхождения (*Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли. М.; Л., 1966; Его же. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 23–27). Донецкий металлург В. Свитящук, который исследовал крицу из Харалуга, убежден, что в процессе термообработки харалужной стали можно получить ударную вязкость с достаточной твердостью. Такие клинки не крошатся и мало затупляются (*Свитящук В.* Где ковались мечи харалужные? // Вечерний Донецк. 1992. № 130–134, 136–139, 146; *Дмитриевский А.* Вначале были мечи харалужные // Донецкий кряж. 2005. № 1777 (6 марта); *Войтович Л.* Чи були мечі харалужні? // Вісник інституту археології. Вип. 2. Львів, 2007. С. 74–79). Понятно, что «мечи харалужные» у волынской дружины не могли не привлечь внимания автора „Слова“ как человека военного, что он считал нужным подчеркнуть (*Войтович Л.* Знову про

[39] Хазарское происхождение вероятно, если правильна какая-нибудь из тюркских этимологий. Если же слово иранское, то, скорее всего, аланское, то есть древнеосетинское, и, действительно, можно, например, предположить связь с осет. *xaerae* — «серый» и, возможно, *lug* — «разрубать». Необходимо дальнейшее исследование. — *А. Д.*

дискусію з приводу автентичності „Слова о полку Ігоревім“ та стосовно його авторів // Записки НТШ. – Т. 256. – Львів, 2008. – С. 32–49)».

Святослав Киевский в своем «Золотом слове» скажет, что сердца Игоря и Всеволода в жарком харалуге скованы, а *буестью* (доблестью, яростью) закалены, и тут же спросит: «Это ли вы сотворили моей серебряной седине?» Но что — «это»? Булатный клинок способен перерезать пополам брошенный на него шелковый платок и даже человеческий волос. Но по древним поверьям обрить — лишить силы и могущества[40] (вспомним пушкинского Черномора и то, как обошелся с ним Руслан).

Посвечивая — то есть поблескивая. Помимо «Слова» встречается только в «Задонщине». В диалектах обнаружено в Карачеве (брянские говоры): *Мъланьня пасвешивъеть, а грому ня слышна* (*Козырев 1975*. С. 105). Ср.: *Посветкать — посверкать* (*о молнии*; *арх.*) *Посветить* (*арх.*) — 1) поджечь, подпалить; 2) придти в голову, угораздить (*арх., новг.*).

Сабли каленые — сабли из закаленной стали. В фольклоре этот эпитет встречается лишь в сочетании «стрелы каленые» (см. также в «Слове»), но «современные русские народные говоры сохранили следы „былой свободы“ этого эпитета»: в брянских, смоленских и псковских говорах каленый — крепкий, твердый, жесткий, сильный, здоровый, настойчивый и пр. (*Козырев 1975*. С. 82–83).

Шеломы оварьскыя — шлемы, выделанные аварами (или по аварской технологии)[41]. Шлемы кочевников имели деревянную основу и были лишь обтянуты толстой кожей и скреплены железной окантовкой, и потому их можно было *поскепать* — «расщепить» (см.: *Ржига В. Ф.* Восток в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве / Под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947. С. 179–182).

...забывъ чти и живота... — Мнение Д. С. Лихачева: «О способности воина забыть о своих ранах в бою пишет и летопись. Даниил Галицкий

---

[40] По моему мнению, следовало бы переводить обсуждаемое место как: «И вот так вы поступили с моей серебряной сединой»; ассоциация с бритьем — очень произвольная. — *А. Д.*

[41] Народ аваров (не путать с одним из современных дагестанских народов, аварцами), вероятно, тюркский, или, во всяком случае, входивший в свое время в гуннский племенной союз, а впоследствии образовавший в Причерноморье и Подунавье аварский каганат, просуществовавший с VI по VII в., упоминается в начальной русской летописи под именем обров. — *А. Д.*

в битве на Калке „младеньства ради и буести, не чюаше раны бывши на телеси его“ (Сузд. лет. по Академическому списку, под 1223 г.). Князья Мстислав Мстиславич и *Володимер* Рюрикович, „укрепляя“ своих новгородцев и смолян, говорили им: „забудем, брате, домов, жен и дети“ (там же, под 1216 г.)» (*Лихачев*. С. 67).

…и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая. — Именовать княгинь только по отчеству — в традиции XII в. По Ипатьевской летописи: *В то же лѣто приведе Всеволодъ за сына своего Святослава Василковну Полотьского князя* (1143, стб. 313). *Том же лѣте умре Андрѣевна за Олгомъ за Святославичем* (1168, стб. 527). *Того же лѣта Святославъ ожени внука своего Давыда Олговича Игоревною* (1190, стб.; 6698). В других случаях отчество заменяется *мужеством*: Глебовна (дочь Ярополка Изяславича, жена Глеба Всеславича, 1158, стб. 492), Давыдовна (дочь Игоря Святославича, жена Давыда Ольговича (1190 г., Ермолаевский список, л. 231 об.).

Комментарий Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина: «Ольга Глебовна, дочь князя Глеба Юрьевича (умер в 1171 г.), сестра князя Владимира Глебовича Переяславского, жена Всеволода. В литературе отмечалось, что эти сведения восходят к примечаниям первого издания „Слова“ и не могут считаться достоверными (*Творогов О. В.* Некоторые принципиальные вопросы изучения „Слова о полку Игореве“ // Русская литература. 1977. № 4. С. 92–93)». И все же эта гипотеза сегодня принята практически всеми исследователями, поскольку этот брак объединял две княжеские ветви — Ольговичей и Мономашичей.

Хоть — любимая супруга.

Слова *свычай и обычай* зафиксированы в ряде народных говоров (*влад., сарат., забайк., том., волог., костр., арх., пенз., ряз.*). Также и в брянских говорах (пожелание любви и согласия): *Савет вам дъ любовь, свычий и абычий*; или: *Живитя хърашо, па звычьчю и абычьчю* (*Козырев 1976*. С. 100).

3.3. Были века Трояновы, минули лета Ярослава, были походы Олеговы, Олега Святославича. Тот Олег мечом распрю выковывал и стрелы по земле сеял. Вступал в золотое стремя в городе Тмуторокане, и звон тот слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши затыкал [и запирал ворота] в Чернигове. А Бориса Вячеславича похвальба на Божий Суд привела и на Канине-реке храброму и молодому князю за обиду Олега зеленый покров расстелила. С такой же Каялы

Святополк бережно повез отца меж угорских иноходцев к святой Софии, к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче сеялась, росла и погибала в усобицах жизнь Даждьбогова внука, в княжеских распрях век человечий сократился. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны кричали, трупы деля, а галки про свое гомонили, собираясь лететь на поживу. То было в те рати и в те походы, но такой рати прежде и не слыхано!

Олег Святославич — сын киевского князя Святослава Ярославича, дед Игоря и Всеволода, князь тмутороканский и черниговский (умер в 1115 г.). Прозвище «Гориславич» (Гореславич), как следует из поэтического контекста, автор дает Олегу Святославичу от слова «горе». Олег — один из зачинщиков междоусобных войн, он первым из русских князей пошел на союз с половцами и привел их на Русь.

10 апреля 1078 г. Олег ушел от родного дяди Всеволода Ярославича из Чернигова в Тмуторокань. А в августе вместе с двоюродным братом Борисом Вячеславичем и половцами вернулся на Русь. На реке Сожице он разбил Всеволода, и тот бежал к брату, киевскому князю Изяславу, а Олег вступил в Чернигов. Ожидая нападения дядьев, он вновь отправился в Тмуторокань собирать войска. (См.: *Татищев*. Т. 2. С. 133.)

В это время Изяслав с сыном Ярополком и Всеволод с сыном Владимиром (Мономахом) подошли к Чернигову и взяли «окольный град», но не смогли занять кремль.

3 октября в битве на Нежатиной Ниве близ речки Канины Олег и Борис Вячеславич сражались против старших Ярославичей — Изяслава и Всеволода, а также Владимира Мономаха. С обеих сторон погибло по одному князю: в битве пали Борис и великий князь Изяслав.

Той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше… — Д. С. Лихачев показывает, что идиомы «ковать ложь» и «ковать лесть» обычны для древнерусской письменности: «Автор „Слова“ конкретизирует выражение тем, что вводит в него понятие меча, которым Олег кует „ложь“, „лесть“ — „крамолу“. В этом гениальном образе ковки крамолы мечом воплотилось то же противопоставление мирного труда войне, что и в обычном для „Слова“ образе битвы-жатвы, но с предельным лаконизмом, причем вся богатая семантика слова „меч“ вложена в этот образ: Олег злоупотребил своею властью — „мечем“, куя им крамолу: он ковал крамолу „мечем“ — междоусобной войной; каждый взмах меча Олега как молотом усиливал, „ковал“ эту крамолу, укреплял ее; и само употребление священного меча для крамолы выступает как святотатство. Множество ассоциаций ковки и войны встает в этом

образе: крамола раскалена, как железо на наковальне, поле битвы — наковальня» (*Лихачев*. С. 201–202).

Тоже звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ Всеволожь, а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ... — Еще А. А. Потебня понимал это место так: Олег только лишь вступает в стремя, а этот звон слышит на том свете Ярослав Мудрый. Д. С. Лихачев чуть смещает акценты: Ярослав, призывавший в своем завещании детей к миру, предугадывал звон Олегова стремени. (Выражение «ступить в стремя» значило выступить в поход.) Обычно это место исправляют на «*давныи великыи Ярославь, а Владиміръ сынъ Всеволожь...*» (и полагают, что речь идет о Ярославе Мудром) или на «*Ярославь сынъ Всеволожь, а Владиміръ...*» (речь идет о Всеволоде Ярославиче и его сыне Владимире). Однако во втором случае переписчиком потеряно выносное «л», и потому надо исправить «Ярославь» на «Ярославль» (так же, как сделал Д. С. Лихачев, заменивший *Ярославе и вси внуце Всеславли* на *Ярославли и вси внуце Всеславли*), а *сынъ Всеволожь* на *сынъ Всеволодъ*. (К такому чтению пришел в 1838 г. фольклорист И. М. Снегирев.)

Впрочем, последняя правка вовсе не обязательна, ведь здесь мы имеем дело с тем, что называется «темным стилем» — игрой автора смыслами и значениями слова: заметим, что если некто слышит звон междоусобиц, выковываемых мечом Олега (а заодно и лязг его стремени), то другой вправе и заткнуть уши (в прямом смысле этого слова), чтобы не слышать этого. Ярослав — дед, Всеволод — отец, Владимир — внук первого и сын второго. А эпитеты «давний великий» подходят и к первому, и ко второму, ведь в некрологе Всеволода сказано: *преставися великыи князь Всеволодъ сынъ Ярославль, внукъ Володимерь*. Видимо, перед нами еще и игра именами князей, и в этой игре переосмысление происходит по мере произнесения текста. Механизм этого переосмысления таков: слыша строку *давныи великыи Яросла...*, слушатель уверен, что речь о Ярославе Мудром, но звучит *...вль сынъ Всеволожь, а Владиміръ...*, и текст переосмысливается еще дважды: «давний великий Ярославов сын Всеволодов Владимир» (такое словесное кружево и есть «темное», магическое «свивание славы с двух сторон времени». Кстати, еще как минимум трижды мы увидим в тексте такую же игру поэта одинаковыми именами разных князей)[42].

---

[42] Вообще говоря, поиск авторских намеренных затемнений смысла при работе с многократно искаженным при переписывании текстом обречен на успех. Представляется все же, что кеннинги скальдической поэзии рассчитаны скорее на легкое разгадывание посвященными, чем на их окончательное запутывание. — *А. Д.*

В древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия находим: *гневомъ затворише уши* (см. с. 228—229 наст. изд.).

Незадолго до битвы на Нежатиной Ниве Владимир Мономах, приступив к Чернигову, через восточные ворота взял «окольный город». Сторонники Олега заперлись в кремле. Сложилась парадоксальная ситуация, когда по утрам Владимир, ожидающий подхода неприятеля, должен был не открывать ворота, а запирать.

Впервые подобное чтение предложил в 1846 г. историк Н. Г. Головин. К нему в 1870 г. присоединился поэт и переводчик «Слова» Аполлон Майков, полагавший, что под «ушами» следует понимать «калитки по бокам больших ворот» и переводивший это место «в стенах закладывал ворота». В 1959 г. его поддержал Д. Д. Мальсагов, утверждавший, что речь идет о проушинах городских ворот, ведь «затыкать уши» — закладывать изнутри уши (ушаки, проушины) ворот бревном. В этом значении идиома *ухи закладать* и сегодня жива в брянских говорах, например, в Трубчевске (см.: *Козырев 1976*. С. 94). Впрочем, *закладать* (запирать с помощью задвижки) — *курск., смол., орл.*; производное *закладка* (вид засова) — *псков., новг., арх., оренб.* (*СРНГ*).

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову храбра и млада князя… — Фраза построена на инверсии. (Так и в другом месте: «Покрывалами, и плащами, и кожухами начали гати мостить по болотам и топким местам — и всякими драгоценностями половецкими».)

По *ПВЛ* Борис перед боем *похвалився велми, не вѣды, яко Богъ гордымъ противится* (лето 6586). Слова *храбра и млада князя* относятся, видимо, к Борису, которому было лишь двадцать четыре года. Впрочем, мы не знаем, когда родился Олег.

Канина. — М. А. Салмина в статье «Канина» (*ЭСПИ*. Т. 3. С. 9.) приводит длинный список попыток понять это слово: первые издатели увидели здесь «конскую попону». В бумагах А. Ф. Малиновского находим: «на Казанину зелену». Последовали варианты: «конский зеленый ковер» и «ткань ину» (Д. Н. Дубенский); «конина — „конечная, смертная“» и подобное (А. Ф. Вельтман, Н. Павлов, П. П. Вяземский). Д. И. Прозоровский предложил читать «на капину» (капь — тело, труп), но его поправил С. А. Гедеонов: «канина — тело, обреченное на съедение коршунам», мотивируя тем, что в славянских языках «каня, канюх» — полевой коршун. (Смысл, который вполне мог быть вложен в рамках игры *Канин ручей — каня/коршун* и самим автором «Слова»; см. в VII песни об Изяславе Васильковиче.) Я. О. Пожарский считал, что речь о «шелковом черве,

называемом по-польски *кани*». Чешский переводчик М. Гаттала читал «тканину», а А. А. Потебня предлагал две версии: «на конь ину зелену...» (то есть «под конец иную, зеленую паполому...» — траву) или «на кровать ину». А. В. Лонгвинов: «на казнь ину». Я. Малашев и Ф. Е. Корш: «на Каялину». Н. И. Маньковский: «и на Каялу ину». Е. В. Барсов увидел здесь другое название села Нежатина Нива: «на каа^{л}ниву». Актер МХАТа Иван Кудрявцев говорил Д. С. Лихачеву, что в рукописи мог поминаться библейский братоубийца и читать надо «на Каину». Н. С. Тихонравов и др. полагали, что речь о ковыле: «на ковылу». И т. д.

Однако еще Р. Ф. Тимковский в начале XIX в. пришел к выводу, что имеется в виду местность или город близ Чернигова, ведь в Лаврентьевской летописи под 1152 г. упомянут некий Канин: *Гюргеви же идущю в Русь, пришедъ ста у Глухова. И приде къ нему множъство половець и Ольговичь Святославъ. И здумавше вси поидоша к Чернигову и перешедше Сновъ, и ста у Гуричева близь города, перешедше Канинъ* (*Лавр*. Л. 113). Обшиный комментарий Тимковского не был опубликован и утрачен после смерти ученого, последовавшей в 1820 г. Идеи и наблюдения московского профессора популяризировали его ученики И. М. Снегирев и М. А. Максимович. Под их влиянием Аполлон Майков переводил: «на зеленом поле у Канина».

Но *Канин* мужского рода, а *Канина* в «Слове» — женского. Значит, имеется в виду берег речки Канины или Канина ручья. Так понял переводчик Георгий Шторм, и большинство исследователей с ним согласились. Где находился Гуричев, пока не ясно. Но К. В. Кудряшов установил, что между рекой Свинь и Черниговым в Десну километрах в двух восточнее города и впрямь впадает ручей (*СССПИ*. Вып. 2. С. 176–177). (Река Канина существует и в Болгарии.)

Автор «Слова» знает имя не упомянутого в летописных рассказах о событиях 1078 г. ручья (и даже называет его рекой). Значит, он хорошо ориентируется в окрестностях Чернигова.

(Напомним, что в *ПВЛ* дан совсем другой ориентир — село Нежатина Нива.)

Зеленая паполома — то есть зеленый плащ, — трава, которую на Нежатиной Ниве постелила умирающему Борису его жажда славы.

Съ тоя же Каялы... — Упоминание Каялы в данном месте вызывает удивление исследователей. Наиболее последовательные позитивисты предлагают исправить здесь Каялу на Канину. Делать это, — значит не учитывать поэтической специфики «Слова», его динамических перевертышей, постоянного и последовательного *свивания обаполы* событий

прошлого и настоящего. Канина 1078 г. действительно рифмуется с Каялой 1185 г. На Канине впервые русский князь сам привел половцев на Русь, и впервые в междоусобной битве пал великий русский князь, на Каяле русские князья впервые попали в плен к половцам. Значит, *Съ тоя же Каялы...* можно перевести и как «С такой же Каялы». Так имя становится метафорой.

...Святоплъкь повелѣя отца своего междю угорьскими иноходьци... — Принимаем правку А. А. Потебни: *полелѣя отца своего* («нежно повез, колыхая, отца своего»), поскольку она подтверждена народными говорами (см.: *Козырев 1975*. С. 94–96).

Лелеять — тихо качать, бережно колыхать. Ярославна будет просить Днепр «возлелеять» к ней Игоря.

Иноходец — конь, который на бегу выносит вперед то две правые, то две левые ноги. На паре таких коней, прикрепив к ним носилки, перевозили больных, раненых или убитых князей. (См. миниатюру Радзивиловской летописи на с. 379. наст. изд.) Угорские (венгерские) кони высоко ценились на Руси и в Европе. У иноходца более плавный шаг, и потому такой конь стоил дороже, чем обыкновенный. В диаконнике староладожской Георгиевской церкви на современной «Слову о полку Игореве» фреске с Чудом Георгия о змие святой воин также едет на иноходце.

Святополк — Святополк Изяславич в битве на Нежатиной Ниве не участвовал (он был в Новгороде), а тело Изяслава в Киев к церкви Святой Богородицы (к Десятинной церкви, построенной еще Владимиром Святославичем) сопровождал младший сын Ярополк. Но, как предположил, развивая мысль М. Д. Приселкова (1940), Д. С. Лихачев, автор «Слова» пользовался сокращенной Новгородской Софийской первой летописью и изложил события так, как они ему виделись (по древнерусским представлениям, отца должен хоронить старший сын).

И. М. Кудрявцев в 1949 г. обнаружил, что именно в Софийской первой летописи (*ПСРЛ*. Т. VI. Вып. 1. Стб. 204) сказано: *...и положиша и Изяслава въ святѣи Софии в Киевѣ* (что и процитировано в «Слове» практически дословно). Можно подумать, что на Руси существовали две версии о захоронении Изяслава. Однако, как показали Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин со ссылками на Е. Е. Голубинского (История русской церкви: 2-е изд. М., 1901. Т. 1. С. 182, примеч. к с. 181) и немецкого хрониста XI в. Титмара Мерзебургского, Десятинная церковь до возведения Софийского собора и, может быть, даже позднее иногда называлась Софией (*Мещерский, Бурыкин*. С. 456).

Рассказ поэта не во всем совпадает с летописью. По летописи Владимир Мономах сжег окольный город Чернигова, а в «Слове» сказано, что он каждое утро запирал (изнутри) ворота окольного города. Значит, автор «Слова» не киевлянин и, видимо, пользовался новгородскими древними источниками.

На Нежатиной Ниве Олег потерпел поражение и бежал в Тмуторокань. Всеволод стал великим киевским князем, а Владимир Мономах сел в Чернигове. В 1079 г. Олег попал в плен к хазарам и был сослан в Византию, но через четыре года бежал и вернулся в Тмуторокань. Когда в 1094 г. он в союзе с половцами снова подошел к Чернигову, Владимир Мономах уступил ему город без боя.

Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. — Этот текст отсылает нас к записи в Псковском Апостоле 1307 г., сделанной переписчиком Домидом (*ГИМ*. Синодальное собрание. № 722). Запись была открыта в 1813 г. К. Ф. Калайдовичем: *при сихъ князехъ сеяшется и ростяше усобицами гыняше жизнь наша въ князехъ которы и веци скоротишася человекомъ*» (см.: *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка X–XIV вв. 2-е изд. СПб., 1882. С. 170–171). Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин со ссылкой на «Историю древнерусского языка» Л. П. Якубинского (М., 1953. С. 323) отмечают, что языковые формы в записи на Апостоле 1307 г. архаичнее соответствующих форм в «Слове» и что Домид имел в распоряжении более древний и исправный экземпляр «Слова». Однако комментаторы полагают, что разночтения этих текстов — результат того, что фрагмент неизвестного нам источника XI в. дошел без изменений в записи на Апостоле и подвергся переработке под пером автора «Слова». Мне представляется естественным предположение, что монах-переписчик, правильно поняв, что внук Дажьбога — русский народ, просто убрал упоминание о языческом божестве.

Мнение Д. С. Лихачева: «В Олеге „Гориславиче“ и во Всеславе Полоцком автором „Слова“ обобщены два крупнейших исторических явления: усобицы Ольговичей и Мономаховичей и усобицы Всеславичей и Ярославичей. Вот почему характеристики этих князей занимают такое большое место в „Слове“. Ограниченный в средствах художественного обобщения законами художественного творчества средневековья, замкнутого в кругу исторических фактов весьма узкого ряда, автор „Слова“ прибег к характеристикам родоначальников тех князей, обобщающую характеристику которых он собирался дать» (*Лихачев*. С. 96).

Б. А. Рыбаков полагал, что Ольговичами мог бы называть черниговских князей лишь сторонник Мономашичей и что употребление этого термина прекращается после 1196 г., поскольку умирает киевский боярин и летописец Петр Бориславич. (*СССПИ*. Вып. 6. С. 231). Историку это было нужно для доказательства того, что «Слово о полку Игореве» и написал Петр Бориславич. Однако именно в 1196 г. почил Буй Тур Всеволод, а за два года до того глава всего «черниговского гнезда» Святослав Киевский. Через пять лет умрут Игорь Святославич и Владимир Святославич (сын Святослава Киевского).

В Лаврентьевской летописи, как отмечает сам Б. А. Рыбаков, термин «Ольговичи» в последний раз встречается под 1210 г.

Однако обратим внимание на контекст: *Того же лѣта прислаша с молбою к великому князю Всеволоду митрополита Матфѣя Всеволодъ Чермныи и вси Олговичи прося мира и во всем покаряющеся великыи же князь видѣвъ покоренье ихъ к собѣ не помяна злобы ихъ цѣлова к ним крестъ а митрополита оучредивъ отпусти и с честью* (*Лавр*. Л. 148).

Описана капитуляция Ольговичей. А это значит, что Петр Бориславич ни при чем. Сыновья Игоря Святославича в это время будут претендовать уже не на киевский, а на галицкий престол. Но двоих или троих из них в 1211 г. в Галиче казнят бояре. Термин исчезает, поскольку в начале XIII в. влияние Ольговичей на общерусскую политику сходит на нет.

Петр Бориславич импонировал Б. А. Рыбакову своей светскостью и «патриотизмом», но все же этот боярин — неподходящий кандидат в авторы «Слова». О его клевете и предательстве им киевлян, за которыми в 1169 г. последовал разгром Киева, сообщают Никоновская летопись и В. Н. Татищев. (Подробнее см. статью Л. А. Дмитриева «Петр Бориславич»: *ЭСПИ*. Т. 4. С. 195.)

Гориславич — прозвище Олега Святославича, известное лишь по «Слову». Отчество Гориславич найдено в новгородской берестяной грамоте № 262 (*Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956–1957 гг. М., 1963. С. 88–89) и встречается в Новгородской первой летописи под 1223 и 1240 г. Первый компонент прозвища может восходить к словам *горѣ* (вверху) и *го́ре* (горести), однако автор «Слова», повествуя о том горе, которое принес своим походом внук Олега Игорь Святославич, никогда не употребляет самого слова «горе», заменяя его словами «туга», «печаль», «напасть». Полагаю, что дело в поэтическом табуировании слова «горе», которое в тексте поэмы неизбежно рифмовалось бы с именем Игоря и пророчило бы новое горе Русской земле от только что вернувшегося из плена Игоря Святославича. Игоря поэт рифмует и аллитерирует со словами *горы*, *възьрѣ*,

зори, *море* (чаще всего), *нИ ГОРазду*; *поскочИ ГОРЬностаемь*; *Боричев*, но не со словом «горе». Это тем более естественно, что «старыми словесы» само имя *Игорь* звучало как *Игор/е* (с ударением на первый слог, но в *ни горазду* и *поскочи горьностаемь* ударение также дважды на «и»).

При этом Даниил Заточник, младший современник автора «Слова», такой табуировки не знает и рифмует: *Кому Переяславль, / А мне Гориславль. / Кому Боголюбово, /А мне горе лютое*. К чему бы этимологически ни восходило прозвище Гориславич, поэтически в нем звучит слово «горе» (в значении «туга» или «напасть»), ведь именно с Олега Гориславича началась *гореслава* Ольговичей, потомков Олега.

Дажьбог /Даждьбог — языческий славянский бог (ср. Дабог, Дайбог — бог солнца южных славян) появляется в «Слове» дважды, причем один раз не в церковнославянизированном, а восточнославянском по фонетике, то есть в исконном варианте своего имени: *Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука*... Оба раза языческий бог упомянут как прародитель русских. Видимо, это верховное божество восточнославянского пантеона, и заселение Русской равнины этой ветвью славян началось с того, что они пошли на восток, навстречу Даждьбогу. Более молодой бог солнца Хорс, которому Всеслав Полоцкий будет *перебегать путь* (см. с. 187) позднее возьмет на себя часть функций Даждьбога.

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЬ

4.1. С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья харалужные в поле неведомом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями засеяна и кровью полита, скорбью взошел этот посев по Русской земле. Что мне шумит, что мне звенит давеча рано перед зорями? Игорь полки поворачивает — жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы. Тут кровавого вина не хватило, тут пир довершили храбрые русичи — сватов напоили, а сами полегли за Русскую землю. Никнет трава от жалости, и дерево в печали к земле склонилось.

Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода... — В галицких народных песнях зафиксирован практически идентичный оборот: *Ой чо жь ты шумишь, ой чо жь ты звенишь?..* (*СССПИ*. Вып. 6. С. 185).

Давеча — недавно, накануне. Именно *утром* в воскресенье бежали черниговские ковуи и произошел перелом в сражении.

Д. С. Лихачев пишет: «В „Слове о полку Игореве“, как и в chansons de geste (средневековых западноевропейских воинских песнях. — *А. Ч.*), сильно сказывается авторское начало» (*Лихачев*. С. 17).

Было бы странным, если б автор «Слова» каким-то образом не определил своего места в событиях 1185 г. Здесь мы впервые сталкиваемся с *авторским я* поэта: «Что мне шумит, что мне звенит давеча рано перед зорями? Игорь полки заворачивает...» Это речь не очевидца событий, а сопереживающего (но находящегося вдалеке от поля брани) современника: никаких подробностей, только мотивировка известных всем обстоятельств пленения Игоря — хотел придти на помощь брату и попал в плен. Дело же было так: когда ковуи дрогнули, Игорь поскакал наперерез беглецам, пытаясь их возвратить. Более ничего о роли Игоря в решающем сражении ни автор, ни летописцы нам не сообщают. Но, собственно, никакого ратного подвига Игорь на Каяле совершить не успел. Когда он уже возвращался к своим полкам, на расстоянии полета стрелы половцы его перехватили.

Последнее, что видел плененный Игорь, — «крепко бьющегося Всеволода». Видимо, тот бросился на выручку брату, но не поспел. Летописец считает, что цель одиночного рейда Игоря — вернуть ковуев. Автор «Слова» описывает ту же ситуацию, но мотивировка у него иная: Всеволод и так «стоит в обороне» (сдерживая основные силы Кончака), но, если передовые полки покинут поле битвы, полк Игоря примет на себя только удар Гзака, а Всеволод — и Кончака, и Гзака.

Глагол *заворочати* (поворачивать назад или в сторону) не встречается в древнерусских памятниках. В диалектах он зафиксирован только под Смоленском, да еще в окрестностях Трубчевска говорят: *зъвърачяй каня* (*Козырев 1975*. С. 76–77).

Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. — В эпитете Каялы, видимо, и заключено древнерусское ее название. Каяла — это река Быстрая, последний левобережный приток Северского Донца.

Почти напротив ее устья в семнадцати километрах ниже современного города Белая Калитва в конце XII в. было основано древнерусское поселение (открыто ростовскими археологами в 2000 г., раскопки начаты в 2002-м). Существовало оно и в ордынское время. (См.: *Прокофьев Р. В.* Раскопки древнерусского поселенья на Северском Донце. Предварительные итоги // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2005. С. 110–119.) Подробне о локализации Каялы см. с. 413 и след.

…ту пиръ докончаша храбріи русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. — Игорь в самом деле был сватом Кончака, как на это указывает и летописец. Автор про то знает, и потому в глаголе *докончаша* звучит и слово «чаша», и отчество Кончаковны (дочери Кончака), с которой, как полагают, Владимир Игоревич был помолвлен еще до похода 1185 г. Комментарий Д. С. Лихачева: «Однако половцы были „сватами“ русских князей далеко не в одном случае. Олег „Гориславич“ был женат на дочери хана Асалупа. Святополк Изяславич Киевский был женат на дочери Тугорхана. Юрий Долгорукий был женат на дочери хана Аепы, внучке хана Осеня. Сын Мономаха Андрей Добрый был женат на дочери Тугорхана; Рюрик Ростиславич — на дочери хана Беглюка. Внучка хана Кончака была выдана замуж за Ярослава Всеволодовича. Как видим... автор „Слова о полку Игореве“ имел право назвать с горьким чувством врагов Руси — половцев — „сватами“» (*Лихачев*. С. 130).

4.2. Ибо уже, братья, не веселое время настало, уже немощь силу накрыла. Встала Обида в стане Даждьбожьего внука, вступила девою на землю Троянову, восплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском пробудила мутные времена[43]. Борьба князей с погаными прекратилась, потому что сказали братья друг другу: «То — мое, а это — тоже мое!» И начали князья про малое молвить: «это великое!» и сами на себя распрю выковывать, а поганые со всех сторон приходили с победами на Русскую землю.

Дева Обида — олицетворение обиды-несправедливости. Д. С. Лихачев в статье «Устные истоки художественной системы „Слова о полку Игореве“» (Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 53–92) показал, что слово «обида» здесь относится к феодальной терминологии XII в. и означает «нарушение права, несправедливость». Для времени автора «Слова» употребление этого термина по отношению не к частной обиде (князя, княжества или города), а ко всей Русской земле было смелой метафорой. Образ «девы Обиды» пытались объяснить через Деву-Артемиду (А. В. Лонгинов) или ее римскую «сестру» Диану (А. С. Шишков), через погубившую Трою Елену (П. П. Вяземский), греческую богиню вражды и распрей Ерис (А. Н. Афанасьев), одну из валькирий (Ф. И. Буслаев).

[43] Вариант: «Пробудила жадные, неразборчивые времена» — такое значение слова *жирный* представлено в белорусском диалектном словаре. Ср. последующие рассуждения об имущественных спорах князей. — *А. Д.*

Ближе всех к цели, видимо, был П. П. Вяземский. Дело в том, что Елена Прекрасная — вылупившаяся из яйца дочь античной богини девы Немезиды, дочери Никты (Ночи). Немезида — богиня мести, наблюдающая за справедливым распределением благ меж людьми и карающая тех, кто преступает закон. По одному из мифов, Немезида, пытаясь спастись от Зевса, превратилась в гусыню, но Зевс обернулся лебедем. Насилие над Немезидой привело к рождению Елены и, в конечном счете, к падению Трои. Так и Игорь с Всеволодом после того, как русские князья стали воевать друг с другом за уделы, отправились «поискать град Тмуторокань». Полагаю, что столь насыщенное параллелями сближение (земля Трояна как античное Причерноморье и связь с греческой цивилизацией; Дева Обида и богиня справедливости и мести Немезида; образ плещущих гусино-лебединых крыльев при зачатии Елены и распря, которая охватила весь античный мир после ее рождения) *странным* быть не может. Кстати, ссылка на Гомера (Омира) есть в Ипатьевской летописи (стб. 770).

Другое дело, что на образ девы Обиды, видимо, повлияли и фольклорные представления: А. Н. Веселовский сравнивал его с образом Судинушки (судьбы) из северорусских причитаний, М. А. Максимович — с литовской Девой-Чумой, которая огненным платом навевает на землю смерть, А. А. Потебня — с Кручиной и Горем народных песен, О. Ф. Миллер — с Кривдой и Лихом, А. С. Орлов — с былинной девой-лебедью. Возможно и книжное христианское влияние: в Византии была распространена легенда, согласно которой Антихрист родится от девы по имени «Несправедливость» и по прозвищу «Гибель», которая зачнет его, съев голову рыбы (см.: *Клейн И.* «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература // *ТОДРЛ*. XXXI. Л., 1976. С. 110).

Дева Обида *восплескала* лебедиными крыльями на море у Дона. Отмечено, что, хотя *въсплескати* (*плескати*) по данным письменных памятников «хлопать в ладоши» или «рукоплескать», в современных брянских говорах это слово употребляется в значении хлопать по воде: *Гуси... тады васплешшуцца*; *Аны как васплешшуцца, тък усю ваду узбурдычять* (*Козырев 1976*. С. 95–96). *Всплескаться* (начать усиленно разбрызгивать воду) — *тул., курск.* (*СРНГ*).

Восплескав, Дева Обида замутила обильные времена. Видимо, можно отказаться от конъектуры В. Ф. Грамматина, исправившего *убуди* («разбудила») на *упуди* («вспугнула, встревожила»). Хотя *убуди* — «пробудила», речь идет о дне реки или моря, а потому плеск лебединых крыл именно пробуждает *жирня времена*, то есть поднимает со дна ил, взбаламучивает воду. Об Игоре сказано, что он «погрузил жир во дне Каялы, реки половецкой, русского золота насыпав». И потому: «Тоска разлилась

по Русской земле, печаль обильно течет среди земли русской». То есть жир-обилье превращается в черную грязь, в начальное свое состояние. По-древнерусски *жир* — место кормления, в том числе и пастбище, и заливной луг. Отсюда глагол *жировать*. В брянских и псковских говорах *жир* — «богатство» (*Козырев 1976*. С. 97; *СРНГ*).

После *убуди* аллитерационный подхват (*усобица*) более внятен.

...рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же... — Здесь, как отмечает Д. С. Лихачев, налицо выворачивание наизнанку этикетной формулы *се мое, а то твое*: «Автор „Слова о полку Игореве“ нарушает эту двучастность, он сатирически изображает договоры князей и пишет не „се мое, а то твое“, а „се мое, а то мое же“, подчеркивая этим стремление князей захватить себе как можно больше. Таким образом, и здесь термин, формула перерастает в образ, становится средством художественного воздействия» (*Лихачев*. С. 217–218).

Замечательно и двойственное число глагола *рекоста*, смысл которого в том, что это не один брат сказал другому, а оба друг другу.

В 1947 г. Б. А. Романов высказал такое соображение: во времена «Слова» междоусобицы столь вошли в быт, что само слово *усобица* стало синонимом вообще войны (*СССПИ*. Вып. 6. С. 106). Однако примеров такого смещения в других памятниках не обнаружено, а потому данное явление, видимо, следует отнести к сфере поэтики «Слова». То, что прозой можно перевести как «борьба князей с погаными прекратилась», дословно звучит как как мощная в своей парадоксальности метафора: «усобица князей с погаными погибла».

4.3. О, далеко залетел сокол, птиц побивая, — к морю! А Игорева храброго войска не воскресить. О нем заголосила Карна, и Желя помчалась по Русской земле, сея людям уголья и болезни[44] из огненного рога. Жены русские заплакали, причитая: «Уже нам своих милых лад ни мыслию

[44] Сма́га, собственно, — «жар», ср.: «жар, пламя, сухость во рту»; «жажда»; «сажа, копоть», *вологодск.* (Даль), *укр., блр. сма́га* — «сухость на губах; жажда», *др.-рус., рус.-цслав. смага* — «огонь» (*СПИ*), *рус.-цслав. смаглъ* φαιός («темный»), *сербохорв. смàгнути, смàгнêм* — «темнеть», *словен. smága* — «смуглая кожа», *smágniti, smagnem* — «изнывать от тоски», *чеш. smaha, smáha* — «жар, зной, ожог», *smahlý* — «сушеный», *smahnouti* — «сушиться, сохнуть», *smažiti* — «жарить, поджаривать; загорать», *словац. smažiť* — то же, *польск. smaga* — «сухость во рту», *smazyć* — «сушить, поджаривать», *в.-луж. smaha* — «загар», *smahnyć* — «сушить», *н.-луж. smaga* — «ожог; поле под паром», *smagy* — «загорелый», *smagnuś* — «сушить», *Фасмер*. Т. 3. С. 682–683. — *А. Д.*

смыслить, ни думою сдумать, ни очами увидать, а злата да сребра и вовсе не потеребить!» А застонал, братья, Киев от скорби, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильно течет среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу выковывают, а поганые сами с победами приходят на Русскую землю, собирая дань по белке от двора.

В «Слове» описано то, что обычно принимают за последствия разорения Посемья Гзаком. Но летописное свидетельство (*Ипат.* Стб. 645–646) позволяет понять, что речь о том умноженном мятежами горе, которое обрушилось на Посемье после известия о каяльской катастрофе.

…а Игорева храбраго плъку не крѣсити. — В основе этого выражения, как указал Д. С. Лихачев, встречающаяся в летописи формула отказа от кровной мести. В 945 г. ее притворно произносит Ольга после убийства древлянами Игоря Рюриковича (см.: *Лихачев*. С. 216).

Но, поскольку христианское имя Игоря Святославича — Георгий, а на слух слова «Игорева храброго...» практически неотличимы от «Егорева храброго» (Егорий Храбрый — народное имя Георгия Победоносца), значит, мы имеем дело со смысловой (применительно к ситуации 1185 г.) перелицовкой старинной формулы. Две идущие практически друг за другом реминисценции из летописного рассказа о мести Ольги (см. ниже) говорят о наличии в этом месте подтекста.

Кресити — воскрешать (*брян., тул.*) См.: *Козырев 1975*. С. 128.

…за нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. — Карна и Желя — Печаль и Скорбь. Первые издатели полагали, что Карна и Жля — имена половецких ханов, но в 1866 г. А. Ф. Вельтман показал, что в Ипатьевской летописи под 1185 г. сказано: *..наведе на ны Господь гнѣвъ свои в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю на рѣцѣ Каялы* (*Ипат.* Стб. 642–643) и предположил, что карна — плач по умершим (от *карити* — оплакивать).

Карна (*брян.*) — скорбь, мука (см.: *Козырев 1976*. С. 94)[45].

Смага в разных русских говорах (*брян., калуж., смол., пск.*) — 1) жар, сухость во рту, оскомина, изжога, лихорадка, болезненный налет на губах от высокой температуры; 2) жажда (*курск.*, *орлов.*, *псков.*, *смол.*, производное *смаговать* — в *смол.*); 3) грязь (*волог., курск.*); 4) чернота, сажа,

[45] Стандартное уменьшительное *карнуша* (трясавица, лихорадка) — онежское (архангельские говоры). См.: *СРНГ*. Т. 10. С. 96. О слове *карьна* см. мои примеч. к реконструкции древнерусского текста (наст. изд., с. 60). — *А. Д.*

копоть (*волог.*) И только в «Слове», в брянских и саратовских говорах *смага* встречается в значении «горе». (*Козырев 1975*. С. 82–85; *СССПИ*. Вып. 5. С. 175–180). На Брянщине диалектологи В. И. Чагишева и Т. А. Бабешкина в 1969 г. записали песню: *Смагу мыкъл гърямыкъй, дённъй пищи не имел* (*СССПИ*. Вып. 6. С. 238).

...въ пламянѣ розѣ... — Огненный рог (при всех апокалиптических ассоциациях) — или атрибут древнего похоронного обряда трупосожжения, или трубка для метания «живого огня» (в недавнем походе на половцев Святослав Всеволодич захватил такой аппарат вместе с обслуживающим его «мужем бесурменином»), или — и то, и другое.

Жены рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. — По догадке писателя Алексея Югова, здесь (и ниже в тексте) под золотом и серебром имеются в виду не драгоценности, а золотые кудри и седины русских воинов (см.: Слово о полку Игореве. М., 1970. С. 164. Библиотечка школьника). Это и есть то самое «злато и сребро», которое Игорь утопил на дне Каялы, принеся жертву ратной своей гордыне.

Въсплакатися — громко заплакать, причитая. Вне фольклорно-поэтического контекста слово встречается на ограниченной территории в брянских, курских, орловских, псковских и тульских говорах: *Приехъли з вукуации, нема ничего, васплакълися мы, уш так жалка плакъли, што у нас нима ничяго* (записано в Трубчевске); *...ана каталься, кричала, фсе кругом васплакълись* (записано в Карачеве). См.: *Козырев 1975*. С. 120.

...емляху дань по бѣлѣ отъ двора. — Бела (*беля* в *СРНГ*, см. с. 74 наст. изд.) — не только шкурка белки (о дани «отъ двора» в три голубя и три воробья в *ПВЛ* см. в рассказе о мести Ольги древлянам), но и новгородская серебряная монета. В поэме упоминаются только деньги Новгорода (бе́ла, нога́та и ре́зана). Значит, автор был как-то связан с этим городом.

Обратим внимание, как лукаво перетекают созвучия: *по бѣлѣ отъ двора — та бо дъва хра...брая Святъславлича...* (реконструкция текста А. В. Дыбо). А. А. Зализняк полагает, что слово «два» — позднейшая вставка, поскольку при двойственном числе оно избыточно. Однако тогда придется признать, что и рифма *двора — дъва хра...* — простая случайность. Дело в том, что применительно к Игорю и Всеволоду Святославичам рифменная растяжка слова «храбрые» здесь внятно окрашена и болью, и иронией.

Комментарий Д. С. Лихачева: «Поразительна точность выбора выражений в характеристике последствий поражения Игоря: „а въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми“. Черниговская земля действительно подверглась „напастям“, реальным несчастиям, Киев же и Киевщина непосредственному разорению не подверглись; „туга“ — тоска, печаль — за всю Русскую землю распространялись здесь как в центре Руси; Киев страдает, следовательно, не собственными несчастиями, а несчастиями всей Русской земли» (*Лихачев*. С. 126).

Уточним, что по Ипатьевской повести «напасти» Черниговской земли начались еще до нападения на нее Гзака — с мятежей и грабежей, вспыхнувших после известия о каяльской катастрофе.

ПЯТАЯ ПЕСНЬ

5.1. Ибо те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже неправду пробудили, которую прежде усыпил отец их Святослав — грозный великий Киевский. Он прибил ее грозою — своими сильными полками и харалужными мечами, когда наступил на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, замутил реки и озера, иссушил ручьи и болота. А поганого Кобяка в Лукоморье исторг, как смерч, из строя железных великих половецких полков, и упал Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецийцы, тут греки и морава поют славу Святославу, корят князя Игоря, который утопил благополучие на дне Каялы, реки половецкой, насыпав в нее русского злата. Тут Игорь-князь и пересел из золотого седла в седло невольника. Приуныли городские стены, а веселье поникло.

…уже лжу убуди… — *Лжа* — ложь, неправда, обман. Но в двух древнерусских памятниках оно встречается в значении «распря» (см.: *СССПИ*. Вып. 2. С. 59). В. А. Козырев пишет: «Диалектных параллелей обнаружено не было. В связи с этим особый интерес представляют брянские материалы: *лжа* — раздор, несогласие. *В доме лжа ръзвелась, бронюцца уси* (Трубчевск). Ср. также *лжа* — неправда, ложь. *Лжа — эта брихня, идеть, адин нъ аднаго брешуть...* (Трубчевск). См.: *Козырев 1975*. С. 96

…отецъ ихъ Святъславь грозный великый кіевскый. — Автор вновь играет именами князей. Может показаться, что речь о Святославе Ольговиче, отце Игоря и Всеволода. Однако поэт начинает рассказ об их двоюродном брате Святославе Всеволодиче (ок. 1125–1194). Он старший среди Ольговичей и самый старый среди русских князей, с шестой

попытки удержавшийся на киевском престоле и ставший великим киевским князем только в 1181 г., — не родной, а феодальный отец «храбрых Святославичей» (это и дает ему право ниже обратиться к двоюродным братьям, назвав их «сыновцами» — племянниками). Автор идеализирует Святослава и несколько преувеличивает его реальную роль в политической жизни тогдашней Руси, что, вероятно, говорит о близости автора «Слова» к киевскому князю. На самом деле Святослав правит только Киевом, а всей Киевщиной повелевает сидящий в Белгороде Рюрик Ростиславич. В 1181 г. Рюрик в борьбе за киевский престол одолел Святослава, на чьей стороне тогда были и Игорь с Кончаком, но пригласил его соправительствовать.

Близость автора «Слова» к Святославу очевидна: в «Слове» одна из девяти песен целиком посвящена полоцким князьям, а женой Святослава Всеволодича была Мария Васильковна Полоцкая. На это указал А. В. Соловьев в статье «Политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“ (Исторические записки. М., 1948. Т. 25. С. 71–103). Лингвисты находят в «Слове» многочисленные свидетельства северо-западного (псковского или полоцкого), а диалектологи — брянского происхождения текста. (Подробнее см. с. 360 и след. наст. изд.).

...а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихръ выторже, и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ въ гридницѣ Святъславли. — Кобяк Карлыевич — половецкий правитель. В 1184 г. его вместе *со двема сынома* пленил Святослав Всеволодич Киевский (а если точнее, — участвовавший в том походе Владимир Глебович Переяславский). Имя Кобяк, возможно, восходит к кыпчакскому (половецкому) *köbek* — собака[46].

Железные полки — видимо, ирония, ведь речь о легкой коннице.

Гридница — зал для пиров в княжеском тереме, где собираются *гридни* — высшие дружинники.

Ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поютъ славу Святъславлю, кають князя Игоря... — *Венедици* — венецианцы, *морава* — население Моравии. Исследователи отмечают, что близкая параллель к такому

[46] Скорее, судя по значениям в современных кыпчакских языках, не просто собака, а специфическая порода — крупная лохматая охотничья собака. Возможно, русское кобель является переразложением более раннего *кобелёк*, которое может быть заимствованием из старокыпчакского *köbe-lek* — производного от *köbek* — «порода собак», см.: Новое в русской этимологии. Т. I. М., 2003. С. 104–105. — *А. Д.*

перечислению народов содержится в *ПВЛ* (1111), а также в «Житии Александра Невского» и в «Слове о погибели Русской земли» (XIII в.). Провал похода Игоря в перспективе мог открыть половцам путь в юго-западную Европу.

Кстати, именно с моравы, племени, которое осело по реке Мораве, начинает свой рассказ о расселении славян с Дуная автор *ПВЛ*.

Каять — в современных русских говорах глагол с несколькими значениями: 1) проклинать, бранить (см. о Буй Туре Всеволоде в бою: *кая раны...*); 2) раскаиваться (*урал.*); 3) исповедовать (*олонец.*); 4) вскармливать, выращивать (*липецк.*); 5) выпытывать (*орл.*); 6) ныть, канючить, выпрашивать (*иркут.*) 7) осуждать (*брян., орл., дон., арх.*); 8) воспитывать (*брян.*); 9) жалеть (*брян.*).

В. А. Козырев полагает, что в данном месте более всего подходит последнее значение, и приводит записанное в Карачеве: *Тогда деда усе кают*: *сколько он горюшка хлебнул* (*Козырев 1975*. С. 86–87). Заметим, что в данном контексте подходит и «жалеть», и «осуждать» (оба значения брянские). Игоря *кают* за Каялу, в которой он утопил «русское золото». Перед нами еще один пример «темного стиля».

...иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкія, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощіево... — В *ПВЛ* под 1114 г. киевский летописец рассказывает о том, что в Ладоге дети приносили ему необычные предметы — «глазки стеклянные, и малые и крупные, проверченные»: часть «выплескивает вода», а другие находят после бури прямо на территории самого поселения.

«Глазки» — это стеклянные бусы (в том числе и так называемые «глазчатые»), которые за век до прихода Рюрика стали у славян Приладожья первой валютой. Здешняя стеклодельня, как установил в 1980-х археолог Е. А. Рябинин, работала с 780-х до 830-х. Тут по арабской технологии (из привозимой с Востока золы солончаковых растений и местного кварцевого песка) низкотемпературным способом изготовлялись бусы и бисер. Ладожане обменивали их у финских охотников на меха, а меха продавали арабским и скандинавским купцам за серебро. (*Рябинин Е. А.* Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе // Дивинец Староладожский: Междисциплинарные исследования. СПб., 1997. С. 43–50.)

В 1114 г. в Ладоге посадником Павлом и новгородским князем Мстиславом была заложена новая каменная крепость (вероятно, это было приурочено к 250-летию закладки Рюриком Новгорода). Престарелый Нестор, пытаясь ответить на свой же вопрос: «откуда есть пошла земля Русская», посетил в то лето Ладогу, древнейший город восточных

славян, ставший первой столицей призванного сюда в 862 г. Рюрика, и при помощи местных мальчишек собрал, как он сам сообщает на последних страницах своей летописи, коллекцию более чем из ста ладожских «глазков». При этом Нестор полагал, что ладожские «глазки» выпадают непосредственно «из тучи».

В другую крайность впадают современные археологи, считающие, что все «глазки» были собраны из размытого культурного слоя (в том числе и те, которые после бури *выполаскиваеть вода*). Согласно арабским источникам, в X в. за красивую бусину на Руси можно было купить раба или рабыню, и даже на Староладожском Земляном городище одна глазчатая бусина попадается в среднем на десять квадратных метров культурного слоя. Потому невозможно, чтобы после дождя в реку могло попасть значительное количество «глазков».

Средневековые серебряные монеты, в том числе и арабские дирхемы IX–X вв., до сих пор можно найти на берегу Волхова и Ладожки. Когда вода спадает, современные дети собирают их с илистой поверхности волховского дна. По воспоминаниям ладожских старожилов, в 1930-х гг. у ладожской пристани швартовались колесные пароходы, и на берег вымывало столько бус, что дети приносили их домой десятками, а их матери не знали, что с этим сомнительным богатством делать, и по ночам возвращали его Волхову.

Вот и в Новгороде до середины XX в. существовал обычай: проходя мимо Перыни, рыбак кидал в воду монету (плату Перуну). Об этом, в частности, вспоминает и археолог В. Д. Берестов (*Берестов В. Д.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 464).

Такую же плату должны были приносить Велесу и выходящие из Ладожской гавани купцы. Обычай приносить в дань языческим богам золото или другие драгоценности известен с древнейших времен. Следы его мы обнаруживаем и в евангельском осуждении того, кто зарыл в землю свой талант (Матфей 25: 24–30), и в шекспировском «Гамлете» (Горацио говорит, что призраки осуждены бродить ночами за то, что при жизни предали земле сокровища).

Дожил этот обычай и до наших дней: во всем мире принято кидать монетку в море или фонтан, чтобы «обязательно вернуться».

Насыпав в Каялу «русского золота», Игорь совершил обряд жертвоприношения, причем человеческого, ведь под «золотом» и «серебром» здесь имеются в виду не монеты, а русые и седые головы дружинников.

Дно. — Здесь — «глубина» (*брян., смол.* См.: *Козырев 1975.* С. 122).

Кощей. — Это слово было принято первоиздателями за имя собственное. В дальнейшем оно было обнаружено в трех древнерусских памятниках

или в значении «пленник, раб, слуга» (*СССПИ*. Вып. 3. С. 16) или, возможно, — «кочевник» (глава коша, то есть рода). В брянских говорах кощей — «слуга»: *Слуги, работники, тък ых тады кашшэями звали* (*Козырев 1976*. С. 98).

...уныша бо градомъ забралы... — *Забрало/забороло* — верхняя часть крепостной стены, крытая галерея с внутренней ее стороны. На забралах находились сторожа, а во время осады города и его защитники. С путивльского забрала прозвучит плач Ярославны. Во владимирских говорах *забороло* — забор (*Козырев 1975*. С. 139).

5.2. А Святослав тревожный сон видел в Киеве на горах: «Этой ночью с вечера, — рассказывал он, — укрывали меня черной пеленой на ложе тисовом, черпали мне синее вино, со скорбью смешанное, сыпали мне пустыми колчанами язычников-толмачей крупный жемчуг на грудь и ублажали меня. Уже кровля без конька на моем тереме златоверхом. Всю эту ночь с вечера серые вороны каркали, на лугу у Плесенска стояли адовы сани[47] (вариант: леса Кисанские) и двинулись они к синему морю!»

Д. С. Лихачев пишет: «Как и в „Песне о Роланде“, где седобородый император Карл сочувствует Роланду и оплакивает его, хотя и осуждает, — в „Слове о полку Игореве“ седой киевский князь Святослав оплакивает гибель Игорева войска, жалеет о судьбе Игоря и одновременно его осуждает» (*Лихачев*. С. 16).

Святослав узнал о самовольном походе Игоря не в Киеве, а в Новгороде-Северском, возвращаясь из Карачева, где он собирал воинов «с верхних земель», чтобы идти на Дон на все лето. Н. А. Мещерский и

---

[47] Скорее, «вороны вскрикивали у Плесенска». *На болони бѣша дьбрь кисаню*: испорченное место. Минимальные необходимые конъектуры: *саню* — ошибочное прочтение *сани* (со слегка размазанной второй мачтой *и*); *дьбрьки* — из *дьбрьски* с потерянным выносным *с*. *Дьбрьски сани* может быть переведено либо как «овражные змеи», либо (если брать метафорическое значение *дьбрь* «яма, овраг» как «преисподняя», встречающееся в памятниках) как «адские сани». *Бѣша* — множ. число, поэтому, если не принимать второй конъектуры и считать, что подлежащее предложения — *дьбрь*, следует считать, что это графическое изображение формы *дьбрѣ*, что, в принципе, возможно для ранней графической системы «Слова», но не находит себе морфологического подтверждения, так что перевод «Кисанские леса» очень маловероятен не только из-за того, что соответствующий топоним нам неизвестен, но и по морфологическим причинам. — *А. Д.*

А. А. Бурыкин предлагают читать: «А Святослав мутный сон видел: „В Киеве на горах этой ночью с вечера...“». Однако такое чтение нарушает интонационную завершенность экспозиции сна Святослава. Далее комментаторы справедливо отмечают, что, «согласно Ипатьевской летописи, Святослав, будучи в Чернигове, слушает рассказ Беловолода Просовича, *прибежавшего съ тоя брани*, о поражении Игоря; в „Слове“ же местом действия является Киев — стольный град великого князя». Но поэт переживает события по-своему. Фольклорная статуарность вещего сна требует, чтобы киевский князь увидел сон «в Киеве на горах».

Тисовая кровать — кровать из тиса. Тис в Скандинавском мире почитался священным и смертным деревом. В русском фольклоре тисовая кровать превращается в «тесовую», то есть в гроб. Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин отмечают, что слово «кровать» на Русь пришло из греческого и «в эпоху создания памятника было, по всей вероятности, заметным, ярким и экзотичным; на кровати могли лежать либо знатные, либо больные». Комментаторы считают, что «„синее вино“ — символ скорби и печали. В русском фольклоре выразительно противопоставление „зеленого вина“ (молодого виноградного вина), непременного атрибута пиров, и „синего вина“ (крепкой водки или спирта), которое могло быть ритуальным питьем при похоронном обряде или употребляться при бальзамировании умершего» (*Мещерский, Бурыкин*. С. 462–463). А. В. Дыбо полагает, что здесь «синее» явно в значении «темно-красное» (ср., например, сербское *црно вино* — «красное вино» (буквально «черное», а нормальное значение слова *синий* для раннего древнерусского — «багровый»). Соглашусь, что символика этого сна стандартна для фольклора: красное вино символизирует кровь, а крупный жемчуг — слезы. Однако как тогда быть с «синим морем»?

А. М. Панченко, отмечавший, что древнерусский книжник, как правило, не нуждается в цвете, подчеркивал: «наиболее окрашенным оказывается самое талантливое произведение древнерусского словесного искусства — „Слово о полку Игореве“» (*Панченко А. М.* О цвете в древней литературе восточных и южных славян // *ТОДРЛ*. Л., 1968. Т. 23. С. 3–15). О цвете в «Слове» см. на с. 324 наст. изд.

...сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно... — *Тулы* — колчаны. Но по-скандинавски «тулы» — списки скальдических эпитетов. Поэты-скальды были нередкими гостями при дворе киевских князей, и потому упоминание о «тощих тулах поганых толкователей», скорее всего, — насмешка древнерусского поэта над архаично-этикетной

поэтикой северных иноземцев. Без этого *второго дна* вся фраза выглядит дико, и толмачи, черпающие жемчуг тощими колчанами и при этом ублажающие Святослава, смотрятся малоубедительно.

...и негують мя... — *Неговать* — нежить, ласкать. Слово известно по трем памятникам XIII–XV вв. Встречается и у Даля (без региональной привязки). Обнаружено в брянских говорах (*Козырев 1975*. С. 98).

...уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ. — *Кнѣсъ* — «верхний продольный брус кровли», который в разных русских диалектах называют и коньком, и князьком. В Новгороде это *кнезь (СРНГ)*. Но в смоленских говорах кнес — «матица»: *на кнесе усе доски пъталка лижать* (*Козырев 1975*. С. 90–91). Матица — балка, положенная поперек досок потолка и поддерживающая их.

Гатчинский архитектор-реставратор А. А. Семочкин, с которым я консультировался в конце 1970-х, предположил, что в «Слове» имеется в виду не матица, а охлупень. Эту часть кровли изготавливают из крупного бревна и укладывают на гребень двускатной тесовой крыши. Еще в XIX в. на Руси считалось, что для облегчения страданий умирающего (особенно колдуна) надо приподнять охлупень. Если с гребня тесовой кровли снять охлупень, то при боковом ветре с противоположной стороны кровли образуется область низкого давления, и тесовый настил крыши, выбитый снизу силой атмосферного давления, начнет разлетаться. (В основе тот же физический эффект, что приводит к отрыву самолета от земли.)

В 1972 г. диалектолог В. И. Чагишева записала в Брянской области: *крепка пъ кнису тикеть*. (Речь о дожде и, значит, о гребне крыши.)

Заметим, что в обоих случаях строение без кнеса (охлупня или матицы) — метафора государства без князя. Однако предпочтительней брянская параллель, ведь говорится о *златоверхом* тереме (эпитет подсказывает, что терем увиден снаружи) и имеется в виду образ саморазрушающегося без видимых причин дома.

Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху у Плѣсньска на болони, бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю. — Темное место. А. А. Потебня предлагал править это на «*дебри кияне*» (Киянские овраги или леса. Речка Киянь протекала неподалеку от Киева).

Уже А. Ф. Вельтман, М. А. Максимович и А. Ф. Гильфердинг исправляли *не сошлю* на *несошясь* или *несошяся*. Получалось, что овраги, находящиеся севернее Киева, подступают к городу и простираются дальше на

юг, к синему морю[48]. Однако до моря с полтысячи верст. Да и «расползающиеся овраги» хоть и аукаются с теми «холмами и яругами», которые Святослав притоптал во время своего похода в Лукоморье, почему-то все же не представляются достойными венчать сон Святослава.

Поскольку в предыдущих строках речь идет о саморазрушающемся тереме и летящих по ветру досках кровли, полагаю, что здесь говорится о неких лесах (Кисанских дебрях), которые вместо того, чтобы защищать Киев, сами срываются и двигаются к синему морю. Если так (правим на *дебри Кисани*), то это смысловая рифма к одному из самых поэтичных выражений *ПВЛ*. Метафора обступающих (или проступающих, как лес на рассвете) вражеских полков в летописи впервые встречается в рассказе о походе на половцев 1111 г. Владимира Мономаха: *...иноплеменницы собраша полки своя многое множество и выступиша яко борове велиции и тмами тмы и оступиша полкы Рускыи* — «...Иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили, точно великий лес, тысячами тысяч. И обложили полки русские...» (*Ипат.* Стб. 267). Это и цитирует летописец в рассказе о походе Игоря: *И облегоша ту свѣтающи же суботѣ начаша выстоупати полци Половецкии, акъ боровѣ <...> бысть бо ихъ бещисленое множество...* — «И окружили тут, и как начало светать в субботу, то проступили полки половецкие, как леса...» (*Ипат.* Стб. 641).

Заснули в степи — проснулись, окруженные лесом врагов.

Разница лишь в нюансах метафорической мотивировки. У летописца 1111 г. полки половцев выступают, как леса (непонятно откуда), и обступают русских (видимо, в оригинале было: «иноплеменники собрали полки свои и выступили; и, как великие леса, обступили полки русские»). В 1185 г. другой летописец поправил: половецкие полки проступают на рассвете, как леса (и князья не знают, кому против кого идти, поскольку их так же окружили, как и в 1111 г.).

Цитирует летописный рассказ 1111 г. и автор «Слова». Его *Рускыи пълкы оступиша* — эхо к *и оступиша полкы Рускыи*.

Но не исключено, что читать надо *дьбрьски сани*. Выражение *огнь дьбрьский* («адский огонь») зафиксировано в памятнике XII в. (перевод Евангелия; см.: *СССПИ*. Вып. 2. С. 17). Здесь может иметься в виду множественное от *сань* («змея, дракон»), как считали В. Н. Перетц, А. С. Орлов и

[48] Перевод «простерлись, распространились» для *несошася* возможен, но только в сочетании с субъектом типа *мълва* (см.: *Слов. XI–XVII*. Вып. 11. С. 308); вряд ли такое словоупотребление возможно с оврагами, не говоря о морфологической несогласованности (см. предшествующую сноску). — *А. Д.*

М. В. Щепкина. Тогда к синему морю во сне Святослава ринулись «адовы змеи» (Гзак и Кончак, с двух сторон спешащие перехватить Игоря). Но поскольку «сани» были у Плесенска на лугу, то, скорее, речь о санях на полозьях, как указал писатель и автор первого советского перевода «Слова» (1926 г.) Георгий Шторм. Если так, то первая ассоциация — поход на половцев Владимира Мономаха 1111 г., который отправился к Дону (то есть к синему морю) по снегу на санях, но у Хорола «сани побросал». И тот же Владимир Мономах начал свое завещание потомкам выражением «сидя на санях», то есть «готовясь к смерти» (сейчас бы сказали «одной ногой в могиле»).

Вряд ли в XII в. это было только идиомой. Древний обычай в любое время года увозить покойника к его последнему жилищу на санях еще не был повсеместно утрачен. (Иначе летописец не осуждал бы древлян, соблюдавших «звериные обычаи», а также радимичей, вятичей, северян и кривичей, которые жили в лесу, а мертвецов сжигали и выставляли прах в горшках по лесным дорогам на столбах. И тем более не добавлял бы, что вятичи «делают это и теперь».)

В рассказе Святослава эхом откликается «Слово о князьях» (вторая половина XII в. — до 1185), анонимная черниговская проповедь, осуждающая княжеские усобицы. Здесь, в частности, рассказывается о чуде: у терема разошелся верх, и сквозь щель влетает белый голубь. Это и переосмыслено в «Слове о полку Игореве» — не белого голубя, а серых воронов всю ночь слушает Святослав Всеволодич.

Похоже, что Святослава усадили на «дебрьские» (адские, погребальные) сани, такие, на которых покойника отвозили для сжигания в лес или в лесной овраг (*дебрь*), и под крик плесенских воронов повезли к синему морю. Но в рамках «темного стиля» возможна каламбурная комбинация из нескольких толкований этого места.

Название *Плеснеск/Плесенск* (от *Плѣсьньскъ*) образовано от слова «плес», как и первоначальное имя Пскова — Плесков.

Это или большой город на рубеже Волынской и Галицкой земли у истоков реки Серед, упомянутый в Ипатьевской летописи под 1188 и 1232 годом (Прѣсньск; Плѣсньскъ), или селение Плоское за Подолом близ Киева (см.: *Творогов О. В. // ЭСПИ*. Т. 4. С. 116–118).

Однако *Дебри Кисани* — мета именно волынского Плеснеска/Плесенска. Они упоминаются в фундаментальном австрийском земельном кадастре 1788 г., известном как Йосифинская метрика, единственный экземпляр которой сохранился в Центральном государственном историческом архиве Украины во Львове (Ф. 19. Оп. XVIII. Д. 165–167).

См. *Войтович Л.* Кілька зауваг до нової дискусії навколо «Слова о полку Ігоревім» // Фортеця. Збірник заповідника «Тустань»: на пошану Михайла Рожка. Львів, 2009. С.40–56.

Святослав и сам когда-то правил на Волыни, а потому его сон может быть навеян какими-то событиями 1140-х.

5.3. И сказали бояре князю: «Уже, князь, кручина ум полонила: то два сокола слетели с отцова злата престола, чтобы возвратить град Тмуторокань или хотя бы испить шеломом Дона. Уже тем соколам крылышки подрезали саблями поганых, а самих опутали путами железными. Темно было в третий день, два солнца померкли, оба багряных столпа погасли, и с ними два молодых месяца, Олег и Святослав, оба тьмою заволоклись… На реке на Каяле тьма свет покрыла, по Русской земле рыщут половцы, точно выводок гепардов… И оба в море погрузились, и великую силу придали хину. Уже напала хула на хвалу, уже насело насилие на волю, уже набросился Див на землю. Вот и готские красны девицы запели у берега синего моря, звеня русским златом, поют о времени Бусовом, лелеют месть Шаруканову. А мы уже, дружина, лишились[49] веселья!»

М. И. Стеблин-Каменский полагал, что толкование сна боярами близко к стихотворным висам, вставленным в исландские саги, где также в иной форме сообщается то, что уже известно читателю (см.: *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги: Становление литературы. Л., 1984. С. 64).

Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями… — Н. С. Тихонравов писал: «Сокол с обрубленными крыльями называется в народной поэзии пешим» (*Тихонравов Н.* Слово о полку Игореве. М., 1866. С. 65). Метафора очевидна: двух соколов, Игоря и Всеволода, спéшили, подрубив им саблями крылышки (*крильца* — уменьшительное). В переносном значении *припешать* — потерять силу. Слово найдено в брянских, орловских, смоленских говорах (*Козырев 1975*. С. 108).

…два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца Олегъ и Святъславъ тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла… — До этого говорилось о «четырех (русских)

[49] Ср. такие современные (и позднесредневековые) значения, как *укр.*, *белорус. жадний* — «никакой», *польск. żaden* — «никакой, ни один». — *А. Д.*

солнцах» — удельных князьях Игоре Новгород-Северском, Всеволоде Трубчевском и Курском, Владимире Игоревиче Путивльском и Святославе Ольговиче Рыльском, которых хотят прикрыть черные тучи идущих с моря половцев. Вот и Ипатьевский летописец назвал лишь князей, вышедших с собственными дружинами. И указал, кто и откуда шел: Игорь из Новгорода-Северского, Всеволод из Трубчевска, Владимир Игоревич из Путивля. Отдельно оговаривается, что Ярослав дал полк ковуев во главе с Ольстином. Но в Лаврентьевской летописи сказано об участии в походе *двух сыновей* Игоря (*Лавр*. Л. 134 об.).

Полагают, что слова «Олег и Святослав» — позднейшая вставка, а «два багряных столпа» — след, оставленный померкшими солнцами (вспомним слова Всеволода: «Один брат, один свет светлый...»).

Тогда «два молодых месяца» — Владимир Игоревич и Святослав Ольгович. Неясно, впрочем, почему у экономного и поэтически точного автора «Слова» двое из «четырех солнц» («черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца») вдруг превращаются в два месяца. При этом двойственное число *въ морѣ ся погрузиста* говорит о том, что в море и «погрузились» лишь эти «два молодых месяца».

«Погрузиться в море» — умереть. Но Владимир придет через год на Русь с женой Кончаковной и ребенком, и в конце «Слова» Игорю, Всеволоду и Владимиру Игоревичу поется (или, скорее, обещается в будущем) слава. Мнение Д. С. Лихачева: «...в Киеве знали о женитьбе Владимира на Кончаковне в плену и, следовательно, не могли рассматривать его как жертву похода. Вряд ли было бы уместно говорить о Владимире как о померкшем месяце в то самое время, когда в ставке Кончака ему пелась свадебная слава» (*Лихачев*. С. 131).

Значит, предположение о позднейшей вставке имен двух молодых князей принципиально ничего не меняет.

Место это все равно остается неудобочитаемым.

Если речь идет о четырех «солнцах», двух «багряных столпах» и двух «месяцах», то два «солнца» — это, разумеется, Игорь и Всеволод.

Кто же «оба багряные столпы», то есть те два «солнца», которые толком-то и взойти не успели на общерусском политическом небосклоне? Это не может быть пара Владимир Игоревич и Ольстин Олексич, ведь последний всего лишь воевода. Подходят лишь Владимир Игоревич и Святослав Ольгович Рыльский (одному лет тринадцать или пятнадцать, другому восемнадцать).

Ипатьевская летопись среди участников похода 1184 г. за реку Мерлу (приток Ворсклы) называет и родившегося 8 октября 1173 г. Владимира Игоревича (*Ипат*. Стб. 562).

Впрочем, год рождения здесь под вопросом (см. с. 208 наст. изд.).

Может быть, «молодые месяцы» — это, как предположила в 1986 г. Л. И. Сазонова, — младшие сыновья Игоря, десятилетний Олег и девятилетний Святослав? Такую точку зрения поддержала Н. С. Демкова, позже к ней присоединился и Б. А. Рыбаков. Правда, историк полагал, что до двенадцатилетнего возраста княжичей в походы не брали, и малолетние Олег со Святославом «погрузились в море», потому что «остались полусиротами» (*Рыбаков*. С. 96).

Самому Игорю было восемь, когда отец взял его на встречу князей в Лутаву. Вспомним также, что в 946 г. в битве с древлянами Святослав Игоревич был так мал (*велми дѣтескъ*), что едва смог перебросить копье (имеется в виду легкий метательный дротик — сулица) через уши коня, и оно ударило коня по ногам. *И рече Свенгелдъ и Асмудъ*: «*Князь уже почалъ, потягнемъ, дружино, по князи*» (И сказали Свенгельд и Асмуд: «Князь уже начал, поможем, дружина, князю!» *Ипат*. Стб. 46).

За год до похода в Поле Игорь послал своего сына Святослава с Владимиром Галицким к своему тестю Ярославу Осмомыслу. Не побоялся отправить семилетнего мальчика к деду почти через пол-Руси (*Ипат*. Стб. 634). Вернулся ли Святослав из Галича до весны 1185 г., мы не знаем.

Святославу Игоревичу всего одиннадцать, когда в 1188 г. Игорь женит его на дочери Рюрика Ростиславича. Но это случится уже после Каяльского похода. Святослав фигурирует в Галицко-Волынской летописи до 1207 г., и поскольку этот «молодой месяц» на Каяле не «померк», в данном контексте он нас мало интересует.

Олег Игоревич родился в 1176 г. и крещен Павлом (*Ипат*. Стб. 600.) Возможно, именно о нем идет речь в статье лета 6691 (1184 г.): *Игорь же возвороти киевьскии полки и пристави к нимъ Олга сыновца своего Святослава* («Игорь возвратил киевские полки и приставил к ним Олега [и] племянника своего Святослава». Стб. 629).

Но тогда первый поход Олега состоялся в 1184 г. И более о нем нам ничего не известно.

Напомним, что поход за Мерлу был для Игоря репетицией большого похода в Поле. Участвовали в нем те же князья, что весной 1185 г. выйдут в дальний поход на Северский Донец: Игорь, Буй Тур Всеволод, Святослав Ольгович и чуть подросший к тому времени Владимир Игоревич. Но в 1185 г. Олегу Игоревичу десятый год, то есть примерно столько же, сколько было Владимиру, когда отец взял его впервые в Поле. Правда, А. В. Соловьев полагал, что в летописи здесь описаны события 1170 г. (*Соловьев А. В.* Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». 6: Жена и дети Игоря // *ТОДРЛ*. 1964. Т. 20. С. 378–382).

Но почему мы не должны верить Лаврентьевскому летописцу в том, что на Каяле сыновей Игоря было именно двое, если так выходит и по «Слову»?

Остается лишь один вариант. Летопись ничего не сообщает о детях Буй Тура Всеволода. Однако какой-то пришедший из Чернигова Святослав Трубчевский (*Приидоша ис Чернигова <...> съ княземъ Святославомъ Трубечьскымъ*) упоминается под 1232 г. в Новгородской первой летописи младшего извода (л. 155). Если это сын Буй Тура Всеволода, может быть, он назван в честь погибшего на Каяле старшего брата? В 1185 г. Всеволоду самому не более тридцати, а это значит, что если у него с «милой Глебовной» были дети, то его сын не может быть многим старше Олега Игоревича. Ему максимум тринадцать.

Мы должны поверить поэту на слово, что на Каяле какие-то два юных княжича — Олег и Святослав — «тьмою поволоклись и в море погрузились», то есть были убиты. Если, как утверждает Лаврентьевский летописец, Игорь взял в Поле двух детей, то логично будет предположить, что и его брат пошел в поход с сыном. Дети, конечно, не должны были участвовать в военных столкновениях, и в походе к ним наверняка приставили самых лучших, ловких и преданных дядек. Но никто не мог предположить, что придется драться двое суток в окружении, и драка в последние часы будет «лютой». Метафора «в море погрузились» (буквально понятая летописцем как «в море утонули») намекает на то, что дядьки попытались детей спасти, переправив их на себе через разлив Каялы. Но половцы с берега добивали плывущих стрелами и вряд ли разбирали, кто и с кем там плывет. Если отрок Святослав Всеволодич (полный тезка Святослава Всеволодича Киевского) существовал, то погибнуть он должен был вместе с юным Олегом Игоревичем, ведь в плен попали лишь те, кто не пытался переплыть Каялу[50].

Тогда становится понятным замечание автора «Слова» о том, что в бою Всеволод забыл о своей чести и жизни, об отеческом Черниговском престоле и о «свычаях и обычаях милой Глебовны». В этом ряду упрек Всеволоду в бесчестии (тут переосмыслена ратная формула) весьма красноречив: в пылу схватки он забыл не только о «милой жене», но и о малолетнем сыне, которому теперь уже никогда не вернуться на Русь, не вырасти и не сесть на «отчий злат престол».

---

[50] Сама гипотеза о гибели малолетних княжичей, в общем, внушает доверие. Но, конечно, подробную реконструкцию этого печального события (хотя и вполне вероятную) сложно основывать на фразе *и въ морѣ^ся погрузиста*, поскольку она может иметь чисто метафорический смысл. — *А. Д.*

В плену Игорь восклицает: *...гдѣ нынѣ возлюбленыи мои братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо рожения моего?* Далее по нисходящей: где бояре? где мужи? где *рядъ польчныи* (полковой ряд, то есть ратники)? (*Ипат.* Стб. 643). Вроде бы все логично: четыре князя вышли в поход, и Игорь вопрошает о судьбе брата, племянника и собственного сына. В этом случае риторические вопросы Игоря касаются только судьбы пленных, которых половцы поделили и развели по своим кочевьям. Но, поминая бояр, «мужей» и дружинников, Игорь оплакивает погибших. Значит, перед нами погребальный плач. И в начальной его части речь не о Буй Туре Всеволоде и Владимире Игоревиче.

В первой триаде князь поминает пошедшего в Поле с дружиной своего «брата» по княжескому статусу (а по родству племянника) Святослава Рыльского, очевидно, умершего в плену: *гдѣ нынѣ возлюбленныи мои братъ?*, потом сына брата своего Всеволода: *гдѣ нынѣ брата моего сынъ?* и, наконец, собственного сына: *гдѣ чадо рожения моего?* (Это эмоциональный центр плача Игоря.) Если так, то Ипатьевский летописец знает, что на Каяле погибли малолетние сыновья Игоря и Всеволода, и в плену умер (видимо, от ран) Святослав Ольгович Рыльский.

Для половцев, которые черными тучами шли на рассвете в роковую пятницу прикрыть «четыре солнца», отроки-княжичи не представляли никакой опасности. Но если было известно, что в той «лютой сечи» погибли два «молодых месяца», то поэт должен был их помянуть хотя бы по имени. Скажем иначе: поскольку автор «Слова» говорит о двух погрузившихся в море (убитых) молодых месяцах Олеге и Святославе, значит, в Поле ходили с отцами и два этих княжича.

Предполагалось, что под Олегом и Святославом в «Слове» имеются в виду дед и отец Игоря — Олег Святославич и Святослав Ольгович (так считал еще в середине XX в. переводчик А. Г. Степанов, которого поддержали в 1981 г. А. Чернов, а в 1990 г. Н. С. Демкова). Мы были неправы: в данном контексте давно умершие предки участников похода ни при чем, поскольку никакого «великого буйства» они «подать хиновам» не могли.

Замечу еще, что в этом месте автор, видимо, применяет известный скальдам прием тмесиса — искусственного переплетения предложений[51].

Принято считать, что переписчик просто перепутал порядок предложений, но эта гипотеза не подтверждается текстом поэмы.

---

[51] Вполне солидаризуясь с А. Ю. Черновым о предполагаемом наличия дву- (или более) смысленных метафор, специально затемненных намеков (аналогов скальдических *ofljóst* [«слишком ясное», «двусмыслица»], кеннингов и хейти) и пр. в таком поэтическом тексте как «Слово», я все же усомнюсь в возможности для такого текста

серьезных искажений синтаксиса фразы. А. Ю. Чернов ссылается на прием тмесиса или «переплетения словес», употребительного в скальдической поэзии. Действительно, синтаксические приемы затемнения смысла употребляются в висах, специально рассчитанных на дешифровку (как упоминает О. А. Смирницкая, такой расчет не идет на пользу поэтическому восприятию вис современным читателем). Но остальные принципы организации текста вис делают такую дешифровку вполне возможной для слушателя. Висы, во-первых, основаны на совершенно четком силлаботоническом стихе (основной размер, которым сочинено 5/6 скальдической поэзии — дроттквет — 6-сложный размер с тремя ударными слогами в строке, в котором в четных строках используется полная рифма, в нечетных — консонанс; второй размер — чаще всего применяемый в XIV в. — хрюнхент — 8-сложный размер с четырьмя ударными слогами в строке, ритмически приближающийся к 4-стопному хорею). Во-вторых, строфа висы состоит из двух полустроф-хельмингов, каждый хельминг состоит из четырех строк и представляет собой завершенную метрическую единицу не только в синтаксическом, но нередко и в смысловом отношении. Порядок слов внутри предложения в дроттквете достаточно строго фиксирован. Синтагмы с наиболее тесными синтаксическими связями (подлежащее — сказуемое, подлежащее — определение) не часто разрываются скальдами. Элементы этих синтагм помещаются последовательно, и если и разъединяются, то в основном членами того же предложения. Например, в стихах Арнора Скальда Ярлов контактно располагаются 200 из 300 подлежащих и сказуемых, 150 из 250 прилагательных и существительных (*D. Edwards*. Clause Arrangement in Scaldic Poetry. Arkiv för nordisc filologi. 1983. Bd. 98.) Перед сказуемым никогда не находится вставное предложение. Переплетение предложений (Verschlingung, см.: *K. Reichardt*. Studien zu den Skalden des 9 und 10 Jahrhunderts. S. 73 ff.) относится к распределению предложений внутри хельминга и заключается в разъединении двух предложений, члены которых переплетаются друг с другом; при строгом порядке слов и четких границах хельмингов, таким образом, можно рассчитывать, что слушатель сможет «расплести» их. (Справка по скальдической поэзии была любезно предоставлена мне А. Е. Маньковым). Совершенно не так устроено «Слово», в котором отсутствует силлабически организованный стих (слоговая организация «Слова», которую реконструирует А. Ю. Чернов, относится к значительно более крупным единицам текста, чем стих или строфа, и ничем не помогает слушателю, когда речь идет о кусках текста, близких по размеру к предложению; нет никаких количественных правил употребления рифм и аллитераций; встречающиеся в нескольких местах равносложные и/или каким-либо образом рифмованные парные строки-фразы резко выделяются на фоне остального текста), так и фиксированный порядок слов. Синтаксис «Слова» в целом подчиняется общим для древнерусских текстов правилам, которые оставляют много свободы для расположения отдельных членов предложений. Употребление синтаксических «переплетений» в таком тексте просто не оставляет шансов для нормального читателя (слушателя) распутать их, что, по-моему, все-таки не может быть целью поэта, а значит, сомнительно, чтобы «переплетение» работало здесь как регулярный поэтический прием. Впрочем, в данном случае, можно, как это делает А. Ю. Чернов, найти синтаксические оправдания для тмесиса. — *А. Д.*

Дважды употребленное двойственное число позволяет легко разобраться в том, кто именно «погрузился в море», и в перестановке нет нужды. В контексте «темного стиля» тмесис — художественный прием наглядного (даже на уровне синтаксиса) «свивания славы обаполы сего времени». Юные княжичи Олег и Святослав ушли с Каялы «к Велесу за море» туда, где они встретят праотцов — «старых» Олега и Святослава.

...по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо... — Гнездо пардусов — выводок гепардов. В естественных условиях эти дикие кошки выходят на охоту всем выводком. Гепардов привозили на Русь из Средней Азии, дрессировали и охотились с ними, как с гончими псами. С гепардом сравнивает язычника Святослава другой древнерусский поэт, чей стихотворный отрывок о походах Святослава цитирует *ПВЛ*, а на фреске в Софии Киевской есть изображение трех гепардов, поваливших на землю коня. См. также в апокрифе «От скольких частей создан был Адам»: *Куманин пардос есть, угрин рысь есть* (см.: *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной литературы. Т. II. М., 1863. С. 447).

От древнерусского *пардусъ* правильным было бы написание *пардуше гнѣздо*. Но обратим внимание на аллитерацию:

...акы пардУЖЕ гнѣздо...
УЖЕ сънесеся хула на хвалу
УЖЕ тресну нУЖА на волю
УЖЕ вьрЖЕся дивъ на землю

Если бы *пардуже* шло не до, а после трехкратного *уже* (а также *нужа* и *вьржеся*), то это было бы легко объяснить графической ассимиляцией. Но, скорее всего, начальный текст был записан самим автором, ценившим аллитерационное эхо и рифменные подхваты, вероятно, выше грамматики[52]. Сравнение половцев с дрессированными гепардами говорит о том, что те — игрушка в княжеской забаве — «крамолах».

...и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть хинови. — в 1914 г. В. Ф. Миллер предположил, что *хинова — финова*, то есть финны. Однако

[52] Смелое предположение. Во-первых, оно содержит внутреннюю неточность: человек, делающий такую ошибку, должен ценить аллитерацию не выше грамматики (что для поэта, может быть, и не порок — ср. лермонтовское *из пламя и света*), а выше лексики (что как раз порок для поэта). Во-вторых, большое количество «аллитерационных» ошибок в «Слове», отмечавшееся еще С. П. Обнорским и Л. А. Булаховским,

А. И. Соболевский в 1921 г. полагал, что это славянское обозначение гуннов, перенесенное и на других кочевников. В 1964 г. А. В. Соловьев связал «хинову» с венграми, которых в средневековой Европе отождествляли с теми же гуннами[53].

Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин считают, что *буиство* — беспокойство, страх, ужас (ср. дальше *буесть* — ярость, неистовство). Однако В. Л. Виноградова показала, что здесь *буиство* — смелость, дерзость (*СССПИ*. Вып. 1. С. 76–77). В брянских говорах *буйный мужик* — плечистый, высокий, здоровый: *Крепкий и сильный ён, харошый хлопец, плечистый, плечи так шырокие, буйный, адно слова буйный* (*Козырев 1976*. С. 95)[54]. Значит, гибель княжичей придала сил врагам Руси.

Се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово… — В 1846 г. историк Н. Г. Головин под псевдонимом Н. Г. издал в Москве книгу «Примечания на „Слово о полку Игореве“». Помимо прочего, он высказал предположение, что Бус — антский вождь (Боус, Бож или Бооз), о котором рассказывает римский историк Иордан в «Готской истории». В 375 г. готский король Винитар победил антов и приказал распять на кресте их вождя Бооза, его сыновей и семьдесят знатных мужей. В последнее время исследователи склонны осторожно относиться к этой трактовке. М. А. Салмина, написавшая статью «Время Бусово», в I томе *ЭСПИ* цитирует мнение О. В. Творогова о том, что гипотеза Головина «требует признать, что русские книжники XII века знали об этом эпизоде IV в. до н. э.» (С. 244). Но это ошибка: готы и анты воевали друг с другом в начале I тысячелетия, и у Иордана описаны события IV в. н. э. От автора «Слова» до антского Буса не полторы тысячи лет, а те же 800, как и от нас до эпохи «Слова». А это вполне прозрачная для народной памяти глубина. Как мы спустя четыре века говорим: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», так

может самым естественным образом принадлежать переписчикам: при самодиктовке хорошо аллитерированного текста такие описки возникают постоянно. Тем более что описка *пардуже* сбивает аллитерацию с *простьрошася*, которая связывала предыдущий кусок текста. — *А. Д.*

[53] Относительно этого этнонима см.: *Менгес*. С. 168–170. Здесь скорее употреблен дат. ед. от Хын, *u*-склонения (**xu:nu-s*), что легко интерпретируется как заимствованное **hunnu*, гунн; от того же слова производное — и хиновские стрелы; *хинова*, встречаемое позже, может быть совершенно другим словом — образованием ж. р. как литва — и относиться к другому народу. — *А. Д.*

[54] *Буйный* — большой, крупный (*СРНГ*). Найдено в *калуж., курск., орл., псков., смол.* говорах. — *А. Д.*

автор *ПВЛ* расселение славян начинает с Дуная, ссылаясь не на Хронику Георгия Амартола, а на народное предание. И приводит поговорку начала VII в., относящуюся к аварам: *И есть притъча в Руси и до сего дне*: *погибоша аки обрѣ*... Мы не знаем ни фольклорных, ни многих письменных источников, которыми мог бы пользоваться автор XII столетия, но если Ярославна летит зегзицей по Дунаю, а в Трояне «Слова» справедливо видят обожествленного римского императора Траяна (рубеж I–II вв.), то почему бы остготским девам, жившим во времена «Слова о полку Игореве» в Крыму, не «петь время Бусово»? Во всяком случае, упоминание об антском вожде, разбитом, кстати, где-то в Приднепровье, в данном контексте куда более естественно, чем предлагаемое М. А. Салминой чтение «время бус» (где буса — морское судно, род галеры).

...лелѣютъ месть Шароканю. — Мнение Д. С. Лихачева: «Шарукан был дедом хана Кончака. Месть за деда, как и слава дедовская, была естественной в представлениях того времени. Шарукан потерпел жестокое поражение от Владимира Мономаха. Его сына, Отрока, Владимир Мономах загнал на Кавказ за Железные ворота. Внук Шарукана и сын Отрока — хан Кончак — впервые смог отомстить после поражения Игоря за бесславие своего деда и своего отца» (*Лихачев Д. С.* Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950. С. 27–28).

Б. А. Рыбаков указал, что в жизни Шарукана была ситуация, тождественная плену Буса и плену Игоря. В 1068 г. поражение половцев закончилось пленением Шарукана. Историк указывает, что автор «Слова» мастерски сочетал здесь все три своих хронологических горизонта: древнюю антскую старину, первые битвы с половцами и *былины сего времени*. Другой историк, В. В. Мавродин, писал в 1940 г., что поход Игоря угрожал не только половцам, но и готам-тетракситам, которые жили на Тамани и в Крыму и к которым в конце концов попало «русское золото» (*СССПИ*. Вып. 1. С. 175).

В. Ф. Ржига считал, что имя Шарукана фонетически откликается в заключительной фразе сна Святослава: *бѣьША дебРЬ КисАНЮ*[55] (1926 г. см.: *ЭСПИ*. Т. 1. С. 52). Бояре толкуют сон Святослава по всем правилам мифологической реальности.

---

[55] Вообще-то, нам в точности неизвестно, что было написано здесь в протографе. — *А. Д.* Да, но и при *бѣша дебрьски сани* анаграмма сохраняется. — *А. Ч.*

ШЕСТАЯ ПЕСНЬ

6.1. Тогда великий Святослав изронил злато слово, со слезами смешанное, так сказав: «О мои племянники, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами язвить, а себе славы искать. Не одолели вы врагов с честью, ибо не по чести кровь поганых проливали. Ваши храбрые сердца в жарком харалуге скованы, а в ярости закалены. Что же вы учинили моим серебряным сединам? А уже не вижу власти сильного, и богатого, и войсками обильного брата моего Ярослава, — с черниговскими его старейшинами, и с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Те ведь без щитов с засапожными ножами кликом полки побеждают, звоня в прадедову славу. Но двое сказали: „Сами помужествуем: прежнюю славу сами похитим, а грядущую сами поделим!“ А диво ли, братья, старому помолодеть? Когда сокол перелиняет — высоко птиц возбивает: не дает гнезда в обиду. Но вот беда — князья мне не в помощь. Наизнанку времена обратились. То у Римова кричат под саблями половецкими, но и Владимир изранен. Печаль и тоска сыну Глеба. Великий князь Всеволод! И в мыслях своих не летишь издалека защитить отцов злат-престол. А ведь можешь ты Волгу веслами раскропить и Дон шлемами вычерпать. Подоспел бы ты, была б невольница по ногате, а невольник по резане. Ты же можешь посуху стрелять живыми шереширами, удалыми сынами Глебовыми!

С этого места начинается «Злато слово» Святослава Киевского.

Д. С. Лихачев полагал, что последовательность, в которой автор «Слова» взывает к русским князьям, — «живая, непосредственная, лишенная особых расчетов и этикета. Он обращается прежде всего к тем князьям, чьего участия в будущем походе он больше всего добивается, от кого прежде всего ждет отклика» (*Лихачев*. С. 132).

Однако Б. А. Рыбаков, хотя и считал, что под Старым Владимиром имеется в виду Владимир Мономах, однако показал, что Святослав Киевский в «Золотом слове» обращается к русским князьям строго по старшинству, по порядку княжеских поколений (*Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 131–132). Разумеется, это поколения от Владимира Святого.

Заметим, что «Злато слово», как и все девять выделенных нами песен «Слова», членится на три темы. Первая тема — обращение к князьям шестого от Владимира Святого поколения, вторая — князья седьмого поколения, третья — князья восьмого поколения.

Изронить. — См. комментарий на с. 178.

О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! — *Сыновец* — племянник. Святослав Киевский называет своих двоюродных братьев племянниками, хотя по иерархии он их феодальный *отец.* И поскольку Игорь сам в 1180 г. обратился к Святославу «отче», (*Ипат.* Стб. 616), брошенное здесь слово «племянники» — жест отстранения от себя Игоря и Всеволода.

...половецкую землю мечи цвѣлити... — *Цвелить* — дразнить, раздражать, терзать, обижать. В том же значении употребляется в современных диалектах глагол «квелить». «Нечестность» Игоря и Всеволода в том, что они отправилсь в поход тайно от Святослава Киевского.

Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. — Ср. с фольклорной песней: «<У свекра> сердце каменно, в буести заковано, в булате сварено» (*Шептаев Л. С.* Заметки к древнерусским литературным памятникам // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1957. Т. 13. С. 427). См. также с. 113 наст. изд.

Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! — Комментаторы «Слова» не часто замечают звуковую организацию текста. Однако об этом месте Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин пишут: «Обращает на себя внимание аллитерация — скопление слов с начальным „с“: это один из самых ярких примеров аллитерации в „Слове“» (*Мещерский, Бурыкин.* С. 467).

Вынужден уточнить: «Злато слово» рождается из самого имени Святослава, и его начало наполнено аллитерацией на *ЕСТА* и *ЕСТЕ/ИСТИ* и т. д. (9 случаев):

тогда великыи СВЯТ/О/СЛАВ/О
изрони ЗЛАТО СЛОВО
Съ Слезами Съмѣшено и рече
о моя Сыновьча
игорю и вьСеволоде
рано ЕСТа начала
половецькую землю мечи цвѣлити
а Собѣ Славы иСкати
нъ нечЕСТ/Е/но одолѣСТЕ
нечЕСТ/Е/но бо кровь
поганую пролиЯСТЕ
ваю храбрая Сьрдьца

въ жЕСToцемь харалузѣ Съкованѣ[56]
а въ буЕСТИ закаленѣ
Се ли СътворИСТЕ
моеи С/Е/ребренеи СѢдинѣ
а уже не вижю влаСТИ...

А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего Ярослава... — Ирония очевидна. Родной брат Святослава Киевского Ярослав Черниговский дважды отказывался от участия в походах на половцев (1184 и 1185), но благословил поход подчиненных ему Игоря и Всеволода и даже дал им полк ковуев — легкую конницу тюркских лучников.

Объективистски-обезличенное, прямолинейное восприятие поэтического слова (то трагического, то трагически-смехового), как и игнорирование авторского *я*, привели к смещению акцентов поэмы и загнали исследователей в текстологический тупик. Примеров этого в тексте десятки.

...съ черниговьскими былями, съ могуты и съ татраны и съ шельбиры и съ топчакы, и съ ревугы и съ ольберы. — «Относительно этого перечня собственных имен, — читаем в комментарии Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина, — существуют две точки зрения. Одни исследователи (С. Е. Малов) считают их титулами, чинами или прозвищами высокопоставленных лиц тюркского происхождения, другие (П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, Н. А. Баскаков, К. Г. Менгес) видят в них этнонимы — названия племен или родовых групп»[57] (*Мещерский, Бурыкин*. С. 468).

---

[56] Здесь А. Ю. Чернов восстанавливает ради рифмовки «этимологически правильные» формы двойственного числа среднего рода на *-ѣ* (*съкованѣ, закаленѣ — сѣдинѣ*). Ср.: *СПИВЛ*. С. 38, где доказывается, что для древнерусского языка эпохи «Слова» уже были нормальны формы двойственного числа среднего рода на *-а* (как и стоит в тексте первого издания). Впрочем, ничего невозможного в предлагаемой конъектуре нет, особенно если учесть, что среди примеров А. А. Зализняка отсутствуют предикативные употребления соответствующих форм. — *А. Д.*

[57] Эти этнонимы или титулы пока остаются гапаксами (т. е. словами, встречающимися только в одном памятнике). Перечень объясняющих гипотез см.: *Менгес*; при этом одни из наименований как будто естественнее толкуются как племенные названия, другие — как социальные термины. Например, *могутов* связывают с названием кыпчакского племени *Ma:qu:t* (возможно, к древнеуйгурскому *тауи* «слава», *Менгес*. С. 117–118), *ольберов* толкуют как сложение **alp* —«богатырь» и **är* — «муж, воин», соответственно, это название социальной группы (*Менгес*. С. 122–124); надо сказать, что все эти толкования довольно предположительны. — *А. Д.* Однако В. А. Козырев приводит и общерусское *могута* — сила, мощь (*Козырев 1975*. С. 140–141). Вероятно, и тут, как в случае с ольберами, говорится о черниговских тюрках-богатырях. — *А. Ч.*

Были — старейшины, высшие дружинники. Считается, что этот тюркский титул вошел в древнерусский язык от живших в Черниговской земле тюркских племен[58]. Полагаю, однако, что далее названы все же не «титулы или прозвища», а шесть племен (или родов) «своих поганых», половцев, осевших на Руси и подвластных Ярославу. В таком контексте это место становится смеховым (см. ниже).

Тіи бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. — Согласно летописи, Игорь попал в плен, когда дрогнули и первыми побежали с поля боя черниговские ковуи. Так что и эти слова звучат весьма иронично. Упоминание о «прадедовой славе», в которую звенят засапожными кинжалами ковуи, кажется комментаторам свидетельством какого-то пропуска в тексте (о какой славе прадедов может идти речь у «своих поганых»?). Но это всего лишь злая ирония Святослава, вложенная в его уста древнерусским поэтом. Заметим, что все «Злато слово» построено на юродстве Великого князя, который сначала по праву старшинства называет своих двоюродных братьев Игоря и Всеволода племянниками, а после станет величать «господами» других удельных князей. Последнего не мог понять Н. М. Карамзин, а за ним и те комментаторы «Слова», которые считают, что «Злато слово» надо ограничить кавычками после слов *туга и тоска сыну Глѣбову*. Однако похвальба Игоря и Всеволода, мол, они «сами мужи», объясняет причину юродства Святослава Киевского: в своем самоуничижении он лишь доводит до абсурда навязанную ему роль.

Как свидетельствует «Словарь русских народных говоров», слово *засапожник* (нож, который носится за голенищем) — архангельское, олонецкое и новгородское. Археолог А. В. Арциховский писал, что засапожники «были, вероятно, кинжалами, равно как и нож, которым Мстислав Владимирович зарезал Редедю» (*ЭСПИ*. Т. 2. С. 213). Но кинжал против сабли — заведомый абсурд и издевка над похвальбой ковуев.

...мужаимѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. — Как показал Д. С. Лихачев, «передние времена» — это начальные (те, что впереди некоей цепочки), а «задние» — последующие.

---

[58] *Была* — ранний булгаризм в старославянском (дунайско-булгарское *bule*), переводится «боярин, господин, пан», зафиксирован в старославянской Супрасльской рукописи, которая не имеет отношения к Черниговщине. Как большинство дунайских булгаризмов, это слово, по-видимому, распространялось по славянскому миру вместе с церковнославянским языком. — *А. Д.*

Поэтому «передняя слава», та, что собираются похищать Игорь и Всеволод, — слава Святослава Киевского, лишь год назад нанесшего половцам поражение и пленившего Кобяка. А «задняя слава» — слава грядущая. Почти теми же словами говорит о походе Игоря и Лаврентьевский летописец: «В том же году надумали внуки Ольговы пойти на половцев, так как не ходили в прошлом году со всеми князьями, но сами по себе пошли, говоря: „А что, мы разве не князья? Такую же себе славу добудем!“». Однако под «передней славой» имеется в виду еще и поход на половцев Владимира Мономаха (см.: *Чернов*. С. 278 и след.).

Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло княже ми непособіе… — Н. В. Шарлемань объяснил, что выражение *въ мытѣхъ бываетъ* на сленге охотников «обозначает линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, т. е. достигает половой зрелости. Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута» (*ТОДРЛ*. Т. VI. М.; Л., 1948. С. 112). В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что «в поздних списках „Повести об Акире“ появляются вставки в старый текст, упоминающие о линьке сокола. *Егда бо соколъ трехъ мытеи бывает он не даст ся с гнѣзда своего взяти*» (*Адрианова-Перетц*. С. 141). И это внятное эхо «Слова». Святослав стар, но он — перелинявший сокол. И год назад полонил Кобяка. А молодые князья ему *непособие,* то есть не в помощь. Слово (с)пособие до сих пор живет в народных говорах (*пск.*, *брян.*). Близ Карачева В. И. Чагишева записала: *Ат сына тожэ нет пасобия, помьчи* (*Козырев 1975*. С. 134).

…наниче ся годины обратиша. — Наизнанку времена обратились. Н. С. Тихонравов перевел *наниче* — иным образом, иначе — и привел пример из «Лексикона треязычного» Ф. П. Поликарпова: *наничь одежду одевати* — «надевать одежду наизнанку» (см.: *Тихонравов Н. С.* Слово о полку Игореве. М., 1866. С. 35). Перевод «наизнанку» поддержали А. А. Потебня и В. Н. Перетц, что нашло обоснование в повсеместном употреблении слова *наниче* в данном значении в великорусских говорах (см.: *Мещерский Н. А.* К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Ученые записки ЛГУ. 1956. № 198. Вып. 24. С. 3–9). Д. С. Лихачев, указывая, что *наниче* — наизнанку, писал: «В „Слове“ *наничный* мир противостоит некоему идеальному, о нем вспоминается непосредственно перед тем: воины Ярослава побеждают с засапожниками одним своим кликом, одною своею славою, старый молодеет, сокол не дает своего гнезда в обиду. И вот весь

этот мир *наниче* обратился» (*Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 20). В координатах «изнаночного времени» Игорь Святославич, вышедший в поход на половцев в день памяти своего небесного патрона Георгия Победоносца, — анти-Георгий, а потому и антигерой. Георгий освободил город от змея, запиравшего хвостом источник. И для этого ему не понадобилось даже копье (по житию, Святой Георгий не железом, а Божьим словом усмиряет змея, после чего того ведет в город на пояске дева Елисава). Игорь же, вознамерившись «преломить копье о край Поля Половецкого» и «испить шеломом Дону», копье и впрямь переломил, а коня загнал. Но до этого упился «кровавым вином», напоив им и свою дружину, и свата своего Кончака. И это после того, как для Игоря «померк свет солнца», а кочевники (образ кочевника ассоциировался на Руси со змеем) поделили русские города по рекам Суле и Роси, Карна и Желя «поскакали по Русской земле». Тема Игорь — анти-Георгий продолжится и дальше: Георгий спас от гибели принесенную в жертву зме́ю царскую дочь Елисаву, а в «Слове» дочь государя Осмомысла Ярослава Галицкого одним своим плачем на опаленных стенах Путивля освобождает князя из плена. И только после покаяния Игоря у Святой Пирогощей Богородицы изнаночный мир будет повержен, а лицевой — восстановлен.

Диалектные параллели к этому месту см.: *Козырев 1975*. С. 97–98. (Подробнее об изнаночном времени в «Слове» см. с. 245 и след. наст. изд.)

Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову. — Святослав Киевский узнал о тайном выступлении в поход северских князей в Новгороде-Северском, возвращаясь из Карачева (это недалеко от Вщижа и Дебрянска). Он тут же кинулся в ладьях по Десне к Чернигову, где и услышал от избежавшего плена боярина Беловолода Просовича подробности катастрофы на Каяле.

Ипатьевский летописец полемизирует со «Словом», в котором Святослав с обидой называет двоюродного брата Игоря Святославича не братом или сыном, а «сыновцом» (племянником). Летописный Святослав именует Игоря и Буй Тура Всеволода «любимыми своими братьями и сыновьями» и плачет об Игоре, «о как брате своем». И это также означает, что «Слово» написано по горячим следам, а летопись составляется, когда раны уже зарубцевались и покаявшийся Игорь прощен.

Но по летописи именно после этих слов киевский князь *посла сына своего Олга и* (второго сына) *Володимера в Посемье,* поскольку «взбунтовались города Посемские, и была скорбь и туга лютая, какой никогда не бывало во всем Посемье и в Новгороде-Северском, и по всей волости

Черниговской; князья отняты, и дружина отнята, перебита, *мятяхуться, акы в мутви* (мутовь, мутовка — маслобойка. Сейчас бы сказали „метались, как табун в загоне“. — *А. Ч.*), города восстают и не мило каждому его ближнее, *но мнозѣ тогда отрѣкахуся душь своихъ жалующе по князихъ своихъ...*» (*Ипат.* Стб. 645–646). То есть мятежи начались до разорения Посемья Гзаком. Святослав шлет гонцов к Давыду Смоленскому и Ярославу Черниговскому. Давыд приходит, но становится на Днепре у Треполя (чуть ниже Киева, в одном дневном броске от Переяславля), а Ярослав собирает войска в Чернигове, но в поход не спешит. Он знает, что теперь половцы сами явятся сквозь те «ворота на Русскую землю», которые не без его помощи открыли северские князья.

Половцы решаются на набег. Кончак устремляется к Переяславлю Русскому (Южному), и его князь Владимир Глебович посылает за помощью к Святославу Киевскому, Рюрику и Давыду. Святослав просит помочь Переяславлю стоящего у Треполя Давыда, но смоленские полки Давыда сходятся на вече и решают, что дальше не пойдут (цитирую в переводе): «Мы пошли на защиту Киева, и когда была бы там рать, то и бились бы, а другой рати искать не можем, и так уж изнемогли».

Святослав «с Рюриком и другими помощниками» выступает по Днепру против половцев. Те, узнав об этом, снимают осаду Переяславля и, отступая, берут Римов[59], город, который, очевидно, был расположен к востоку или юго-востоку от столицы Переяславского княжества. В переводе это звучит так: «Римовичи же затворились в городе и полезли на забрала. И тут, Божьим судом, обрушились две городницы с людьми. Тогда на ратников и на прочих горожан нашел страх. Которые горожане вышли из города и бились, и ушли по *Римскому болоту*, те избежали плена, а кто остался в городе, те все взяты были» (*Ипат.* Стб. 647–648).

Теперь надо отбивать пленных, и Владимир Глебович вновь шлет гонца к Святославу и Рюрику. Однако те ждут подхода Давыда с его смоленскими полками. Ждут напрасно. И сами опаздывают.

Пожалев Владимира Глебовича, князья возвращаются по домам.

В это время Гзак «по иной стороне» разоряет Посемье и подходит к Путивлю. Он сжигает острог (окруженный валом посад), но деревянный детинец (то, что мы называем кремлем) взять не может.

(О том, кто отстоял Путивль, см. на с. 393 и след. наст. изд.)

Рассказ о реакции Святослава в Ипатьевской летописи обнаруживает нетривиальную перекличку со «Словом». Вот что пишет летописец

---

[59] В тексте первого издания название города употреблено в форме *Римы* (pluralia tantum, как *Лукы* и подобное). — *А. Д.*

Игоря: *Святослав же то слышавъ и вельми воздохнувъ утеръ слезъ своихъ и рече*: «*О люба моя братья, и сыновѣ, и мужѣ землѣ Рускоѣ. Дал ми Богъ притомити поганыя но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю*...» (*Ипат*. Стб. 645. Обратим внимание на архаичную форму *русьскую*). Однако в «Слове»: *Загородите Полю ворота*...

Святослав, как мы уже сказали, тут же отправляет в Посемье, где *скорбь и туга люта*, своих сыновей Олега и Владимира.

Заметим, что прежде в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях выражение «отворить/загородить поганым/Полю ворота» не встречается.

Но кто кого цитирует?

Д. С. Лихачев предположил существование общего (устного) источника у летописца и поэта. Можно ли обойтись без усложнения текстологической конструкции? Б. А. Рыбаков, полагающий, что летописная повесть создана в 1185 г. в Киеве и ок. 1190 г. отредактирована в Галиче, отмечает уникальность ее заголовка: «Нигде ни один летописец не величал живого князя сверх отчества еще и именем деда. Этот необычный по своей торжественности заголовок, совершенно не соответствующий заслугам Игоря в описываемом походе, получит очень простое и убедительное объяснение, если допустить, что летописец-редактор был уже знаком со „Словом о полку Игореве“» (*Рыбаков*. С. 194). Историк приводит три параллели «Слова» и летописи. Однако их куда больше. Составим таблицу:

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЯ	СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ
1. В то же время **Святославич Игорь вноукъ Олговъ…**	1. Слово о пълку Игоревѣ, **Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова**
2. **Игорь жь возрѣвъ на небо и видѣ солнце… и рече бояромъ своимъ и дроужинѣ своеи…**	2. **Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ** отъ него тьмою вся своя воя прикрыты **и рече Игорь къ дружинѣ своеи: «Братіе и дружино…»**
3. ...и **жда два дни брата своего Всеволода** тотъ бя шелъ инемь поутемъ **ис Коурьска…**	3. **Игорь ждеть мила брата Всеволода…** а мои ти готови **осѣдлани у Курьска на переди… пути имь вѣдоми**
4. **и ѣхаша чересъ ночь (?)**	4. **и поѣха по чистомоу полю (?)**
5. **заоутра же пятькоу… оусрѣтоша полкы Половѣцькиѣ**	5. **Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы половецкыя**
6. **в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю. На рѣцѣ Каялы**	6. **и Жля** поскочи по Руськои земли... **жены руськія въсплакашась** ...**на рѣцѣ на Каялѣ** тьма свѣтъ покрыла... а мы уже дружина **жадни веселія**

7. а прочии **в морѣ истопоша**	7. и въ **морѣ погрузиста**
8. **Святослав** же то слышавъ и вельми воздохноувъ **оутеръ слезъ своихъ и рече: «О люба моя братья, и сыновѣ**, и моужѣ землѣ Роускоѣ. Дал ми Богъ притомити поганыя но не воздержавше оуности **отвориша ворота на Роусьскоую землю**... да како **жаль ми бяшеть на Игоря тако нынѣ жалоую болми по Игорѣ братѣ моемь»**	8. Тогда великіи **Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено и рече: «О моя сыновча Игорю и Всеволоде**, рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити а сѣбѣ славы искати...»; **загородите Полю ворота**... *Ранее в тексте*: **жаль бо ему мила брата Всеволода**
9. *Святослав посылает своих сыновей Олега и Владимира в Посемье, где* **бысть скорбь и тоуга люта**	9. **туга и тоска сыну Глѣбову**
10. **Молвяшеть бо Кончакъ… а Кза молвяшеть…**	11. **млъвить Гзакъ Кончакови… рече Кончакъ ко Гзѣ… и рече Гзакъ къ Кончакови…**
11. **Да не боудеть славы тобѣ ни живота. …и посла Игорь к Лаврови… река емоу перееди на оноу стороноу Тора с конемь… пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ и всѣде на конь и тако поидоста сквозѣ вежа…**	10. **комонь въ полуночи Овуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти; князю Игорю не быть кликну. Стукну земля вънумѣ трава, вежи ся половецкіи подвизашася**
12. **Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву**	12. вьются голоси чрезъ море **до Кіева**. **Игорь ѣдеть** по Боричеву

(Соответствия 1, 6 и 8 обнаружены Б. А. Рыбаковым.)

Как и в «Слове», в летописи рассказано о «которе» (распре) Гзака (Гзы) и Кончака. Только в летописи они спорят не о судьбе «соколенка» Владимира Игоревича, а о том, идти на Киев, или в Посемье. Летописец не мог слышать этой перебранки, но, похоже, он просто не в силах выйти из поля притяжения «Слова». Звучит диалог, начинающийся с одного и того же глагола *мълвяшеть*... (В «Слове» *мълвить*...) Как и в поэме, последнее слово остается за Гзаком. Упомянут в летописи и половец Лавр (это имя на Руси дадут Овлура), помогавший Игорю бежать и по уговору с Игорем заранее переправившийся с конем через реку. И, как и в «Слове», заключительный эпизод — прибытие Игоря в Киев.

Гипотеза Д. С. Лихачева не подтверждается при сравнении текстов, ведь в обоих сохраняется сам порядок параллельных эпизодов (с единственным исключением: №№ 10 и 11 по летописи — это №№ 11 и 10 в «Слове»). «Задонщина» тоже заимствует из «Слова», но последовательности в ее заимствованиях нет. Трудно вообразить, что летописец и поэт перескажут чей-то сюжет, сохранив порядок некоторых опорных

выражений источника. (На это, кстати, обратил внимание А. А. Зимин, первым выделивший около тридцати последовательных параллелей.)

Летописный рассказ о последнем подвиге Владимира Глебовича Переяславского, того самого, что в 1184 г. ходил в Поле вместе со Святославом и взял в плен Кобяка, проясняет непростую текстологическую ситуацию. При осаде Кончаком Переяславля князь Владимир Глебович, сын великого князя Глеба Юрьевича, во время вылазки был тяжело ранен сразу тремя копьями. Однако дружина князя отбила. Повествуя об этом, летописец говорит, что Владимир Глебович *бяше князь в Переяславлѣ*, и уязвлен был *язвами смертьными* (*Ипат*. Стб. 646 и 648). От смертных ран не оправляются, и 18 апреля 1187 г. Владимир умрет.

Прошедшее время глагола (*бяше князь* — «был князь») и провидческое знание летописца (меж тем князь умрет не в постели, а в новом походе), говорят о том, что рассказ о кампании 1185 г. если не писался, то, по крайней мере, редактировался после смерти Владимира. А в «Слове» о Владимире сказано как о тяжелораненом, но живом: он «под ранами», а потому — *туга и тоска сыну Глѣбову.*

«Туга и тоска» — но не «вечная память» и не «аминь». Следовательно, поэма написана до мая 1187 г., и летописные параллели со «Словом» надо признать заимствованиями из него. Не автор «Слова» черпает из летописи, а летописец демонстрирует нам и свое знакомство со «Словом», и всю меру его притяжения для книжника конца XII столетья.

Великый княже Всеволоде! Не мыслію ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти. — Всеволод — Всеволод Юрьевич (1154–1212), сын Юрия Долгорукого и внук Владимира Мономаха. Позднее его назовут Всеволодом Большое Гнездо. Титул Великого князя он принял первым из владимирских князей.

То, что устами автора «Слова» Святослав приглашает Всеволода на киевский престол, исследователям казалось невероятным. Но поскольку обращение к Всеволоду звучит сразу после упоминания о Переяславле и Римове, то, скорее, правы Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин: речь не о Киеве, а о Переяславле, традиционно находившемся во владении потомков Юрия Долгорукого. Оттуда Владимир Мономах ходил на половцев в 1111 г. Впрочем, контекст может быть еще более широким, мол, если б ты, Всеволод, был с Игорем в том походе, то беды не случилось.

Комментарий Д. С. Лихачева: «Знание глубочайших исторических явлений, происходивших в Галицкой земле и Владимиро-Суздальской, при этом поразительно. От автора „Слова“ не ускользнуло то, что стало ясным для позднейших историков. Он усмотрел опасность для единства

Руси именно в том, что и владимирские, и галицкие князья перестали интересоваться Киевом как центром Руси. Однако автор «Слова» не мог еще оторваться от представлений о Киеве как о единственном центре Руси. Он страстный сторонник идеи единства Руси, но единство это он еще понимает в устоявшихся представлениях XII в.» (*Лихачев*. С. 126).

Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. — Как заметил А. В. Соловьев, эту фразу пародирует современник автора «Слова» Даниил Заточник: *Ни моря уполовником вылияти, ни чашею бо моря расчерпати*. (*ЭСПИ*. Т. 1. С. 255.) Замечательна рифмовка: *В/Е/СЕВОЛОДЕ — В/О/Лгу ВЕСЛЫ раскропиТИ*. Еще одну цитату из «Слова» у того же Даниила Заточника см. на с. 189 наст. изд.

Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. — *Ногата* и *резана* — мелкие серебряные монеты (двадцатая и пятидесятая часть гривны). Цена невольника или невольницы была много выше. Но все встанет на свои места, если мы вспомним, что речь идет о Всеволоде Юрьевиче, который в 1183 г. ходил на Волжскую Булгарию, ближайших к Руси мусульман, и привел пленных. В этом фонетически и ритмически игровом отрывке автор играет на созвучии слов *нога́та* и *нагота́*, *ре́зана* и *обрезанье*. На невольничьих рынках рабыни и рабы выставлялись обнаженными, и в смеховой культуре оценивать достоинства молодого раба-магометанина можно было и по этому признаку. Так и в *ПВЛ* первое, что сообщают о своей вере пришедшие к Владимиру из Волжской Булгарии магометане, это то, что надо *обрѣзати уды таиныя* (*Ипат*. Стб. 72)[60]. Ниже именно это и названо «скверными делами их» (Стб. 93).

Комментарий Д. С. Лихачева: «В связи с этим особую важность приобретают и другие новгородские черты в „Слове о полку Игореве“. К новгородской летописи близка, в частности, формулировка полноты поражения по дешевизне рабов-пленников. Так, в „Сказании о знамении святей Богородици“ о поражении суздальцев у стен Новгорода в 1169 г. для изображения тяжести этого поражения суздальцев сказано: „и продаваху суздальца

[60] Вряд ли столь прихотливые ассоциации автор «Слова» намеренно пытался вызвать у читателя; во всяком случае, половцы в XII в. вовсе не были исламизированы (в основном они были язычниками, но часто переходили в православие), да и особые достоинства в обрезанном рабе, в противоположность необрезанному, мог бы найти только мусульманин или иудей — и православным, и язычникам это должно быть все равно. — *А. Д.* Речь не о половцах, а о волжских булгарах, ближайших к Руси мусульманах, на которых ходили Всеволод Юрьевич и рязанские Глебовичи. — *А. Ч.*

по две ногате“. Именно это определение имеется в „Слове“ в отношении Всеволода Суздальского: если бы ты был на юге и поблюл бы отень злат стол киевский, „то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ“. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в этом сюжете применяется новгородская денежная система: ногата и резана. Другая новгородская денежная единица в „Слове о полку Игореве“, исчезнувшая на юге Руси в XII в., — „бе́ла“, и она дана в „Слове“ в составе летописной формулы, зарегистрированной в *ПВЛ* под 859 г.: „имахуть по бѣлѣ отъ дыма“. О новгородских денежных единицах В. Л. Янин пишет: „в новгородских письменных источниках термин «резана» доживает до рубежа XIII—XIV вв.“ И в другом месте: „к числу новгородских денежных единиц, возникновение которых связано с перестройкой системы на основе счета на 7, несомненно принадлежит бела, хорошо известная в актах и нарративных источниках с начала XI в. В одних только новгородских пергаменных актах XIV—XV вв. она встречается не менее 50 раз“. В. Л. Янин предполагает, что упоминание „белы“ в „Слове о полку Игореве“ — результат заимствования из поздней редакции *ПВЛ*. Проще предположить, что это просто новгородская черта в „Слове“» (*Лихачев*. С. 169–170).

В устах Святослава упоминание о «ногате», за которую новгородцы продавали пленных суздальцев, — намеренное оскорбление владимиро-суздальского князя. А для нас важно, что автор «Слова», пусть и невольно, в который раз демонстрирует свою связь с Новгородом.

Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. — Только что прозвучавшее слово «резана» тут, в частности, и указывает на то, что эти Глебовичи — рязанские князья Святослав, Игорь, Ярослав и Владимир Глебовичи[61]. Речь идет о подчиненных Всеволоду сыновьях рязанского князя Глеба Ростиславича, ходивших с ним в поход 1183 г. Однако летом 1185 г. рязанские Глебовичи восстали против Всеволода. Считается, что автор «Слова» об этом еще не знает, но в контексте иронического обращения к «великому» Всеволоду куда логичней допустить обратное.

Слово «шерешир» более нигде не встречается[62], но полагают, что имеется в виду захваченный в 1184 г. при походе на половцев и приведенный

[61] Не слишком удачно со стороны автора «Слова» было бы тем же словом, которым он намекал на обрезание, намекать на рязанских князей? — *А. Д.* Рязанские Глебовичи, подняв мятеж, в то лето именно что отрезали себя от Всеволода. — *А. Ч.*

[62] См. гипотезы по возможным значениям и этимологиям этого слова в работе: *Менгес*. С. 180–184. — *А. Д.*

к Святославу Всеволодичу «муж бесурменин», который стрелял «живым огнем». Аппарат для метания «живого огня» («устройство») также достался Святославу. Это предположение укрепляется не только контекстом данного места, но обстоятельствами недавнего разорения «удалыми Глебовичами» обоза Святослава Киевского и его сына Владимира на реке Влене (см. с. 388 и след. наст. изд.).

6.2. Ты, Буй Рюрик, и ты, Давыд! Не ваши ли <бояре> золочеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина ревет как туры, раненные калеными саблями на неведомом поле? Вы вступите, господа, в золотое стремя за обиду этого времени, за раны Игоревы, отважного Святославича! Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле. Ты подпер горы угорские своими железными полками, преградив венгерскому королю путь, затворив Дунаю ворота, перебрасывая глыбы через облака, суды творя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву врата, стреляешь с отцова злата престола салтанов за землями. Стреляй, господин, Кончака, поганого кощея за Русскую землю, за раны Игоревы, отважного Святославича!

Термин «господин» в XIV—XV вв. вытесняется иным — «государь». Цитирую: «Обращение к князю „господин“ впервые стало употребляться на северо-востоке Руси, там, где складывалась новая сильная княжеская власть, начиная с середины 70-х годов XII в. <...> В политической жизни в отношении князя термин «господин» впервые встречается в речах жителей владимиро-суздальских городов, обращенных к владимирскому князю. Так называют Михаила Юрьевича суздальцы и ростовцы (горожане) в 1176 и 1177 г.; так называют Всеволода Юрьевича владимирцы (опять-таки горожане) в 1177 г.; так называют его же и в других случаях. В 1180 г., по-видимому впервые, этот термин переходит в уста князей-вассалов, в их обращении к своему главе, и опять-таки во Владимиро-Суздальском княжестве. Так называли Всеволода Юрьевича владимиро-суздальского, своего феодального главу, рязанские князья Всеволод и Владимир Глебовичи: „Ты господин, ты отец“, — говорили через послов Всеволоду рязанские князья...» (*Лихачев*. С. 140). Поскольку «господин» (вместо «отец») — новый политический термин, ясно, что в устах старого Святослава (номинального «отца» Русской земли) он не может звучать всерьез ни здесь, ни в призыве к Осмомыслу Ярославу Галицкому. Святослав юродствует, передразнивая этикетные нормы новейшего северо-восточного политического центра Руси. Обращение «господин»

звучит лишь после того, как закончилось обращение к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо. Налицо тончайшая издевка. Выходит, что официальный титул Всеволода ничтожен и в устах Святослава применим лишь к младшим князьям. Н. М. Введенская заметила, что, судя по плачу Ярославны, титул «господин» имеет древние сакральные корни. Это прежде всего обращение к богу (ср. с христианским *Ѥсподи*). Всеволод и претендовал на то, чтобы быть на Руси не феодальным отцом, а полубогом.

Ты буй Рюриче и Давыде, не ваю ли <бояре> злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ? — Здесь пропущено слово. На его место обычно подставляют *вои* (воины). Эту конъектуру предложил в 1926 г. В. Н. Перетц. Но у воинов не может быть «позолоченного» шлема (для XII в., как показал Д. С. Лихачев, «золотой» — исключительно княжеский эпитет). И даже когда речь идет о стрелах половецких ханов, они названы не золотыми, а «золочеными». Да и о дружине, то есть о воинах, говорится не здесь, а в заключительных строках этого фрагмента. Если мы зададимся вопросом, кто же ниже князя, но выше рядовых дружинников, аллитерация подскажет ответ: *БУИ РЮРИче — БОЯРЕ*[63].

Рюрик — Рюрик Ростиславич (умер в 1212) — сын Ростислава Мстиславича, внук Мстислава Владимировича, брат Давыда и Романа, организатор ряда походов на половцев. В 1173 г. он сел на княжение в Киеве, но был изгнан Андреем Боголюбским. В 1181 г. он вновь овладел Киевом, разбив Ольговичей — Святослава Всеволодича, его брата Ярослава и Игоря Святославича, но согласился на совместное княжение со Святославом. Святослав правил Киевом, а Рюрик городами киевской земли — Белгородом, Овручем, Вышгородом.

Давыд — Давыд Ростиславич (1140–3.IV.1197) — князь вышегородский, а затем смоленский. В Смоленск он был послан Рюриком Ростиславичем,

---

[63] Можно предложить и другую вставку: не *бояре*, а *были* (с тем же значением; см. выше). Переписчик мог легко опустить это слово, приняв его за сочетание очередных никому не нужных, с его точки зрения, частиц *бы* и *ли* (ср. сравнительно большее количество частиц в ранних древнерусских текстах — *ДНД*. С. 192–200). Оно тоже встраивается в определенную аллитерацию: *не ваю ли были / злачеными шеломы/ по крови плаваша*. — *А. Д.* Не могу согласиться, поскольку тут аллитерация держится не на одном звуке *л*, а на глубокой составной рифме. Кроме того, когда в 1176 г. Давид не помог брату, князья вынуждены были бежать с поля боя. Именно тогда половцы *много бояръ изъимаша* (*Ипат*. Стб. 603). — *А. Ч.*

когда тот сел княжить в Киеве. Б. А. Рыбаков указал, что еще в 1176 г. Давыд во время нападения половцев не поддержал Рюрика и старшего брата Романа (тогда киевского князя) и оказался виновен в поражении русских. Это из-за него «храбрая дружина рыкала, как раненые туры...». Давыд Ростиславич был женат на половчанке, дочери хана Билюка и, вероятно, поэтому воздерживался от походов в Поле. Рюрик и Давыд будут еще раз упомянуты в тексте: *Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы, нъ розно ся имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ*. Давыд откажется переходить Днепр, и в результате Кончак возьмет город Римов. Очевидно, поэтому автор «Слова» и называет смоленского князя просто Давыдом, не давая себе труда подыскать к его имени ни рифмы, ни звучного эпитета.

Н. К. Гудзий пишет: «Судя по повести Ипатьевской летописи, Рюрик и Давыд тогда же, летом 1185 г., откликнулись так или иначе на призыв Святослава и двинулись против половцев. Значит, надо думать, „Золотое слово“ было написано еще до того, как стало известно о выступлении Ростиславичей» (*ЭСПИ*. Т. 2. С. 70). Однако «Злато слово» — это не реальная речь Святослава, а ее поэтическая интерпретация. И дело даже не в том, что Давыд вновь уклонился от сражения. «Золотое слово» равно обращено к географически близким и далеким от Киева князьям, а, значит, речь в нем не о тактической задаче отогнать Гзака и Кончака, а о задаче стратегической — организации общерусского отпора Полю.

О. В. Творогов пишет: «Лихачев предположил, что речь идет о битве 1183 г. (1184. — *А. Ч.*) на Орели. Но в этой битве не участвовал Давыд, и она закончилась победой русских князей. В этом случае окажутся неуместными слова о дружине, ревущей как раненые туры: несмотря на неясность образа, все же создается не помпезно-победная, а тревожная картина. Поэтому Б. А. Рыбаков посчитал, что „нужно искать... реальную ситуацию, которая отвечала бы не победному, а трагическому концу какой-то битвы, когда дружина была изранена, а золоченые боярские шеломы плавали в крови. Участниками этого невеселого события должны быть оба брата“. Рыбаков допускает, что автор „Слова“ вспоминает события 1176 г. (дата по Н. Г. Бережкову, см.: Хронология русского летописания. М., 1963. С. 160; в *Ипат*. это статья 1177 г., стб. 603), когда во время набега половцев Давыд не поспел вовремя, Рюрик рассорился с братом, а половцы *побѣдиша полкы руськее и много бояръ изъимаша*» (*ЭСПИ*. Т. 4. С. 257. Ссылка на: *Рыбаков Б. А*. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 51–52, 125–128).

Заметим, что в летописи говорится именно о *боярах*. Значит, наша конъектура обоснована тремя способами — иерархически (образной системой данного фрагмента), эвфонически и исторически. Кстати, по

справедливому замечанию Б. А. Рыбакова, автор не хвалит, а укоряет Рюрика и Давыда, напоминая им о последствиях их ссоры 1176 г.

Еще цитата: «Для того чтобы опоэтизировать события, современные автору „Слова“, он привлекает русскую историю XI в. События XII в. для этой цели не годятся, и они для этого нигде им не упоминаются. В самом деле, свои поэтические сопоставления автор „Слова о полку Игореве“ делает с историей Олега Святославича и Всеслава Полоцкого, с битвой Бориса Вячеславича на Нежатиной Ниве, с гибелью в реке Стугне юноши князя Ростислава, с поединком Мстислава Тмутороканского и Редеди. Это все события XI в. Автор «Слова» вспоминает певца Бояна — также XI в. История XII в., предшествующая походу Игоря, как бы отсутствует в «Слове» — эстетически она не нужна» (*Лихачев*. С. 56).

Однако события XII в. в поэме все же упоминаются. С чего же для автора «Слова» начинается *современность*? Одно из самых давних «современных» событий — это именно ссора Давыда и Рюрика и напоминание о том, как из-за этого в 1176 г. половцы разбили русских и «многих бояр увели». В 1185 г. ситуация повторяется: Давыд вновь не поддержит брата, из-за этого будет тяжело ранен Владимир Глебович Переяславский и падет город Римов. А самое давнее *современное* событие — захват Киева Ярославом Осмомыслом (см. ниже).

Ярослав — Ярослав Владимирович Галицкий (1130–1187) — тесть Игоря, отец Ярославны. Его прозвище «Осмомысл» (Восьмимысленный) встречается только в «Слове». Могущественный князь, кремль которого находился в Галиче на высоком днестровском берегу. Граница Галичского княжества и Венгрии проходила по Карпатам. Ярослав защищал юго-западные границы Руси от венгерского короля. 22 декабря 1158 г. он действительно «отворил врата Киева», изгнав великого князя Изяслава Давыдовича, но широким жестом подарил великокняжеский стол Ростиславу Смоленскому (см.: *Рыбаков*. С. 120–121).

Под контролем Ярослава находился путь по Днестру к Черному морю, а также устье Дуная. Там стояли галицкие города Малый Галич (ныне Галац в Румынии) недалеко от впадения Сирета в Дунай, Бырлад, Текуч, Романов Торг (*Войтович Л.* Союз Візантії та Галицько-Волинської держави за Ангелів // Княжа доба: Історія і культура. Вип. 2. Львів, 2008. С. 30–39; *Он же*. Галицьке князівство на Нижньому Дунаї // Галич і Галицька земля в державотворчих процесах України. Матеріали міжнародної наукової конференції. Галич, 10–11 жовтня 2008. Галич, 2008. С. 3–18).

В некрологе Ярославу под 1187 г. сказано: «бѣ же князь мудръ и рѣченъ языкомъ, и богобоязнивь, и честенъ в земляхъ, и славенъ полкы: гдѣ бо

бяшеть ему обида, *самъ не ходяшеть полкы своими,* <но посылашеть я с вое>водами; бѣ бо ростроилъ землю свою» (*Ипат.* Стб. 656).

Невозможно согласиться с мнением Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина о том, что неизвестное летописям прозвище Осмомысл было внесено в одну из рукописей «Слова» позднейшим читателем (на том основании, что в издании 1800 г. «Осмомысле» — форма местного падежа, а не звательного)[64]. В этом случае следовало бы объявить позднейшими приписками любое отступление от древней языковой нормы, скажем, все случаи разрушенного двойственного числа (которое во многих случаях дает при восстановлении рифму или аллитерацию; см. с. 304—309).

Ярослав Осмомысл умер 1 августа 1187 г. Поскольку в «Слове» к нему как к живому обращается Святослав Киевский, очевидно, что поэма написана до этого времени.

...стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. — Титул «султан» был известен в Галиче: Л. В. Войтович пишет, что византийский принц Андроник Комнин, нашедший убежище при дворе Ярослава Осмомысла, до этого пребывал при дворах сельджукских султанов, а галицкая дружина участвовала в трагической битве византийцев с иконийским султаном Килидж-Арсланом II при Мириокефалоне 27 сентября 1176 г. (*Войтович Л.* Кілька реплік з приводу дискусії про автентичність «Слова о полку Ігоревім» // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 6. Київ, 2006. С. 595–605). На последнее обстоятельство обратил внимание А. В. Назаренко (*Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 636).

Однако, итальянский автор XIV в., живший в принадлежащем куманам крымском городе Солхате и оставивший сочинение «Codex Cumanicus», сообщает, что у тюрков во главе дружины стояли беки (княжичи). Глав орд или племен звали солтанами. На это указала С. А. Плетнева (см.: *ЭСПИ.* Т. 4. С. 263). Тюркское слово восходит к арабскому *sultân.* На берегу Северского Донца в Харьковской области существует Салтановское городище. Племена или орды были объединены под властью хана. Ханов выбирали из определенных знатных родов на совете старейшин. В том же XIII в., как свидетельствует в своей «Истории монголов» Плано Карпини, после смерти Чингисхана императором был избран его сын

[64] Конечно, это не местный падеж, а звательный, с допустимым по «народной» древнерусской орфографии написанием *ѣ* вместо *е* — см. многочисленные примеры в смоленских и новгородских грамотах. — *А. Д.*

Угедей, который, собрав князей, послал войска Бату «против Высокого Султана и против земли бисерменов, ибо они были сарацины, но говорили по-комански».

Но не автор «Слова», а мы неверно понимаем слова «хан» и «солтан». На языке XII в. последнее применимо к Гзаку и Кобяку[65]. Только Кончак, объединивший под своей властью большинство половецких земель, вероятно, мог претендовать на ханский (императорский) титул. При этом в обращении к Осмомыслу Ярославу речь и о том, что его воины участвовали в походах против турецких султанов, и о том, что он со своего златокованого престола может стрелять в половцев.

Д. С. Лихачеву принадлежит такое замечание: «...стол Галицкий назван „златокованым“, сделанным из сплошного золота, и этим подчеркивается только одна материальная сторона: богатство престола, а следовательно, и богатство Галича. Действительно, из всех княжеств Руси

---

[65] В описании команского языка, датируемом началом XIV века (начальные заметки — 1303 г., дошедшая рукопись по бумаге датируется 1330 г.), называемом Codex Cumanicus, в составе латинско-персидско-команского словаря-тезауруса в разделе «Nobilitas hoium et mulier» (т. е. названия почтенных господ и дам), действительно встречаем слово *soltan* в следующем ряду. Imperator: (*перс.*) *padisa* (т. е. падишах), (*коман.*) *can* (т. е. кан, хан); rex: (*перс.*) *patia* (?), (*коман.*) *soltan*; soldan: (*перс.*) *soltan*, (*коман.*) *soltan*; princeps: (*перс.*) *pser ul patia* (т. е. сын patia — царя), (*коман.*) *beg*; baron: (*перс.*) *amir* (т. е. эмир), (*коман.*) *bey*; regina: (*перс.*) *xen i patia*, (*коман.*) *can catonj* (хан хатун). *Бей* — это османское заимствование в куманский, этимологически тождественное собственному *бег*; возможно, таковым же является и *soltan*. Военачальник (armiragius) там же назван по-персидски *sorouar*, а по-комански *ceribasi* (буквально «глава войска»). Автор кодекса, таким образом, не сообщает нам, кто стоял во главе дружины, а кто — во главе орд или племен. Предположение С. А. Плетневой — довольно сильное и должно оставаться на ее совести. По степени силы оно примерно соответствует предположению о том, что среди римских или итальянских государственных должностей имелась должность *soldan*, раз уж это слово приведено в латинской части словаря.

Титул *солтан* применялся, конечно, только у мусульманских тюркских народов (как заимствованный из арабского) и у половцев не функционировал. Исламизация кочевников Дешт-и-Кыпчак (до того бывших частично язычниками, частично христианами) начинается фактически с правления хана Узбека, т. е. со второй четверти XIV в. (см., например: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей. СПб., 2004. С. 233–241). В «Слове» титул, очевидно, отнесен к сельджукским султанам (см., например: *Менгес*. С. 128–129). В Солхате, кроме куман, жили еще остатки хазар, среди которых давно было много мусульман, а также тюрков-огузов, также к этому времени омусульманенных. О системе власти у древних тюрков (и названиях правителей) см., например: *Бернштам А. Н.* Социально-экономический уклад древних тюрков. М.; Л., 1947; или *Ramstedt G.* Alte türkische und mongolische Titel. Paris, 1951. *Бек*, действительно, «правитель, глава рода», *хан* — «глава племени»; «предводитель племенного союза» — *эльхан* или *каган*. — *А. Д.*

XII в. Галицкое было самым богатым вследствие выгодного для Галича перемещения в XII в. соединявших север и юг Европы торговых путей из Поднепровья, где их прервали половцы, на запад — в безопасные районы Галицкого княжества» (*Лихачев*. С. 134).

Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея... — Этот призыв к тестю Игоря Осмомыслу Ярославу Галицкому показывает, что автор «Слова» очень хорошо представляет, кто есть кто и в Русской земле, и в Поле Половецком. Игорь — сват Кончака, а Кончак — объединитель половцев. Именно он (а не куда более кровожадный, но маломощный Гзак) представляет наибольшую опасность для Руси. Каламбурная рифма *Кончака — кощея* есть намеренное оскорбление, ведь имя хана по созвучию превращено в слово, которое бытовало в значении *раб*.

...за раны Игоревы... — Цитирую в переводе: «Кончак поручился за свата Игоря, поскольку тот был ранен» (*Ипат*. Стб. 644).

6.3. А ты, Буй Роман, и ты, Мстислав! Храбрая мысль направляет ум ваш на подвиг[66]. Высоко парите в отваге, словно соколы на ветрах распростершись, желая птиц в неистовстве одолеть. Есть у вас железные крылья[67] под шеломами латинскими. От них дрогнула земля и многие страны — Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела. И половцы сулицы свои побросали и свои головы склонили под ваши мечи харалужные. Но уже, о князь[68], для

---

[66] *Храбрая мысль носитъ васъ умъна дѣла* (минимальная из конъектур — замена *дѣло* на *дѣла*). Тогда перевод должен быть, как это ни грустно, скорее «храбрая мысль *уводит вас* (*двоих*) *от умных* (вар. — *мысленных*) *действий*». Либо необходима конъектура *васъ* > *ваю* (родительный падеж двойственного числа), тогда — как в переводе. — *А. Д.* Принимаю второй вариант, поскольку борьба с половцами, видимо, и есть «умные дела». — *А. Ч.*

[67] В оригинале *папорзи* — «наплечники», или даже «плечи» (диал. *папорзок* — второй сустав крыла птицы). См. более подробно: *Булаховский*. С. 491. — *А. Д.*

[68] *...нъ уже княже Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ*. Буквально: но уже, о князь Игорь, ослаб (аорист от *утьрпнути*) солнца свет; менее вероятно: «Но уже, о князь, для Игоря ослаб солнца свет». В качестве дательного падежа ожидалось бы скорее *Игореви*, да и два дательных рядом (*Игорю* и *солнцу*) в разных синтаксических функциях — существенный стилистический огрех. Предлагаемый выше перевод, таким образом, менее вероятен, следует оставить традиционное обращение к Игорю. — *А. Д.* Предложение А. В. Дыбо не могу принять потому, что далее вновь обращение к одному князю (Буй Роману): это его, а не Игоря «кличет Дон» и «зовет на победу», ибо «Ольговичи храбрые князья уже изготовились (поспели?) к брани». — *А. Ч.*

Игоря померк солнца свет, и Древо не к добру листву уронило: по Роси и по Суле <половцы> грады поделили, а Игорева храброго войска не воскресить. Дон тебя[69], князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, на брань собрались. Ингварь, и Всеволод, и все трое Мстиславичей, не худого гнезда соколы шестикрылые! Не победным жребием вы владенья добыли! Где же ваши златые шлемы, и сулицы ляшские, и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами — за землю Русскую, за раны Игоревы, отважного Святославича!

Буй Роман — Роман Мстиславич Волынский (1155–1205), праправнук Владимира Мономаха. Позднее правил в Галиче и захватил Киевский престол. В 1185 г. его столица — Владимир на Волыни. Как отмечает Д. С. Лихачев, один лишь Владимир Мономах мог бы сравниться с Романом в числе побед над половцами. При этом до 1187 г. Роман — второстепенный удельный князь, а его громкие победы над половцами, литвой и ятвягами относятся к куда более позднему времени (1197/98–1205). Но если, как полагает Д. С. Лихачев, Роман косвенно называется в «Слове» ниже (в обращении «ко всем трем Мстиславичам»), то здесь речь должна идти о каком-то другом князе, и тогда наиболее привлекательной может оказаться гипотеза о том, что громкое имя Романа интерполировано в текст памятника переписчиком в начале XIII в. (см., например, статью Н. Ф. Котляра о Романе Мстиславиче в *ЭСПИ*. Т. 4. С. 233–235. См. также с. 231 наст. изд.).

Однако такое решение «проблемы Буй Романа» представляется поспешным. Рифмоидная связка имен Буй Романа и Мстислава говорит о том, что это место дошло до нас в своем первозданном виде:

А ты Буи РОМАНе и М/Е/СТИславе
хрАБРАя МЫСль ноСИТ/Е

А-Б-РОМАН-М/Е/СТИ — АБРА-МЫС-СИТ/Е, а кроме того, созвучно началу и концу второй строки каждое из имен: *А ты Буи РОмА... — хрАБРАЯ*; *М/Е/СТИСЛАВЕ — МЫСЛ/Е НОСИТ/Е*.

(См. ниже о прочих рифмах этого фрагмента: *половци — по Роси*; *Литва — листвие*; *ятвязи — къняз*и...)

---

[69] *Донъ ти княже кличетъ* — либо «Дон, вот, о князь, кричит и зовет князей на победу», либо «Дон тебе, князь, кричит» — в зависимости от трактовки *ти* как частицы (см. о ней: *ДНД*) или энклитической формы местоимения 2 лица единственного числа дательного падежа. — *А. Д.*

Громкие победы Буй Романа на рубеже XII–XIII в. могли затмить память об известных поэту более ранних походах этого князя в Поле и в Литву. Кроме того, в конце XII в. мы не знаем другого Романа, победителя половцев и ятвягов.

Автор «Слова» выделяет и одаривает эпитетом *буи* лишь троих князей — Романа, Всеволода Святославича и Рюрика, соправителя Святослава Всеволодича Киевского. Поэт прекрасно осведомлен о характере Романа, который еще юношей с 1168 по 1170 г. княжил в Новгороде и в первый же год проявил себя достаточно ярко — ходил на Полоцк и Торопец. Однако в 1169 г. суздальский князь Андрей Боголюбский изгнал его отца Мстислава Изяславича из Киева и послал на Новгород огромную рать во главе со своим сыном Мстиславом. Софийская первая летопись сообщает, что в походе приняло участие семьдесят два князя «и просто вся земля Русская». Роман и посадник Якун окружили Новгород новым острогом и так организовали оборону, что 25 февраля 1170 г. после четырехдневного штурма суздальцы бежали. (Тому способствовали мор и падеж коней в войске Мстислава Андреевича.) В честь этого события был установлен праздник богородичной иконы «Знамения» и одим из самых любимых сюжетов новгородской иконописи становится «Чудо от иконы „Знамение“» («Битва новгородцев с суздальцами»).

Поражение войск Андрея было сокрушительным: суздальских пленников новгородцы продавали за символическую плату — по две ногаты за ратника. И не вина Буй Романа, что вскоре после этого в Новгороде начался голод, а поскольку хлеб в город шел из земель Андрея, новгородцы послали к нему, прося мира и нового князя (но с условием сохранения новгородских вольностей и обычаев). Кроме голода, у них была и еще одна причина: отец Романа безуспешно пытался отвоевать Киев у Глеба Юрьевича и умер в августе 1170 г.

Это значило, что за юным князем уже не стояла грозная сила.

Пятнадцатилетний Роман удалился во Владимир на Волыни и долгие годы не принимал участия в княжеских междоусобицах. Однако новгородская слава Буй Романа была еще свежа в памяти. В 1185 г. Роману около тридцати. Автор «Слова», конечно, еще ничего не знает о дальнейшей громкой его судьбе, но, по-видимому, из всех Мстиславичей (потомков Мстислава Владимировича) именно Роман должен был импонировать поэту: во-первых, он уже в юности показал себя не только полководцем, но и защитником Новгорода (шутка ли — разгромить войска Андрея Боголюбского!), во-вторых, Роману помогла сама Богородица, в-третьих, на фоне русских князей конца XII в. Роман Мстиславич — идеал мудрого и неалчного правителя.

Полтора десятилетия Роман занимался «устроением» своего княжества и защитой его от ятвягов и литвы. Около 1185 г. он женился на дочери Рюрика Ростиславича Предславе. В 1199-м он объединил под своей властью Владимиро-Волынскую и Галицкую земли.

Роман совершил победоносные походы на ятвягов, половцев и поляков, подчинил себе мятежное галицкое боярство. Ему приписывали фразу: «Если пчел не передавить, меда не есть». Он долго терпел обиды от своего тестя Рюрика Ростиславича, но потом развелся с его дочерью, захватил Киев, а Рюрика постриг в монахи.

Римский папа Иннокентий III прислал к Роману легатов, пытавшихся убедить его перейти в католичество. За это папа обещал провозгласить Романа королем Руси. На это Роман отвечал, что не нуждается в мече святого Петра, поскольку города и земли добывает с помощью меча собственного. При этом польский хронист Мацей Стрыйковский сообщает, что Роман называл себя русским королем.

В. Н. Татищев писал: «Сей Роман Мстиславич, внук Изяславов, ростом был хотя не весьма велик, но широк и надмерно силен. Лицом красен, очи черные, нос великий с горбом, власы черны и коротки; вельми яр был во гневе и косноязычен, ибо, когда сердился, не мог долго слова выговорить; много веселился с вельможами, но пьян никогда не был. Много жен любил, но ни одна им не владела. Воин был храбрый, хитрый на устроение полков, что показал, когда венгров великое войско с малым своим разбил. Всю жизнь свою в войнах препровождал, многие победы получил, а единою побежден был» (*Татищев*. С. 174–175).

Роман погиб в сражении с поляками и погребен в Галиче. Он стал героем народных баллад и легенд. Ипатьевский летописец называет его «приснопамятным самодержцем всея Руси» и сообщает, что он *храборъ бо бѣ яко и туръ* (*Ипат*. Стб. 715). Тут же говорится, что Роман ревновал к славе своего предка Владимира Мономаха, который *пилъ золотымъ шоломомъ Донъ* (Стб. 716). Это сравнение с туром и взятый, вероятно, из «Слова о полку Игореве» золотой шлем, которым Владимир Мономах пьет из Дона, убеждает, что «Буй Роман» — именно Роман Мстиславич, и на летописный текст о нем повлияло «Слово».

Татищев под 1203 г. приводит послание Романа к Всеволоду Большое Гнездо, в котором явственно откликаются идеи «Слова» (напомним, что историк этой поэмы не знал): «Вам, братия, известно о том, что Киев есть старейший престол во всей Русской земле, и надлежит на оном быть старейшему и мудрейшему во всех князьях русских, чтоб мог благоразумно управлять и землю Русскую отовсюду оборонять, а в братии, князьях русских, добрый порядок содержать, чтобы один другого не мог

обидеть и на чужие области наезжать и разорять. Ныне же видим все тому противное. Похищают престол младшие и несмышленые, которые не могут не только другими распоряжаться и братию во враждах разводить, но сами себя оборонить не в состоянии; *часто восстает война в братии*, приводят язычников половцев и *разоряют землю Русскую*, чем особенно и в других *вражду всевают*» (*Татищев*. С. 169).

В последних строках ясно звучат переложенные на политический язык метафоры «Слова». В конце XII в. на Руси жил еще один князь, который с помощью чуда Богородицы (так об этом сообщает летопись) в первом же своем ратном походе опрокинул полки многоопытного и могучего противника. За что этого юношу ровно через десять лет после победы Буй Романа над суздальцами, новгородцы пригласили на княжение, но спустя полтора года вынуждены были указать ему на ворота по тем же сугубо политическим причинам, что и в случае с Романом: новгородцам вновь потребовалось замириться с владимирским князем. Правда, теперь это был не Андрей Боголюбский, а Всеволод Большое Гнездо, которого тот же юноша Владимир Святославич Черниговский, сын центрального героя «Слова» Святослава Киевского, своим поразившим современников подвигом и посадил на владимирский престол.

И тот же Владимир Черниговский летом 1185 г. спас Путивль.

Мстислав. — Как полагали Б. А. Рыбаков и Д. С. Лихачев, имеется в виду Мстислав Ярославич Немой, сын киевского, а позднее луцкого князя Ярослава Изяславича, внук Мстислава Владимировича Великого, княживший в волынских городах Пересопнице и Луцке. Участник организованного Святославом Всеволодичем и Рюриком Ростиславичем похода на половцев 1184 г. Во время битвы с монголами на Калке (31 мая 1223) он придет на помощь раненому Даниилу Романовичу.

Предположение о том, что под Мстиславом имеется в виду другой князь восьмого от Владимира Святославича поколения — Мстислав Мстиславич «Удатный» (ум. 1228), можно отвести: в середине 80-х гг. XII в. этот князь еще не был известен. Впервые он появляется в летописи только в 1193 г. как трепольский удельный князь, одержавший победу над половцами вместе с Ростиславом Рюриковичем. Также на упоминание в этом месте «Слова» претендуют Мстислав Всеволодич городенский, внук Давыда Игоревича, и участвовавший в походах против половцев Мстислав Романович псковский (затем смоленский и киевский), сын великого князя Романа Ростиславича. (Погиб на Калке.) Однако оба этих князя генеалогически находятся куда дальше от Романа Мстиславича Волынского, чем его двоюродный брат и сосед

Мстислав Немой, а потому объединение их в одну пару с Романом ничем не мотивировано. К тому же далее в тексте следует обращение к родным братьям Мстислава Немого — Ингварю и Всеволоду.

...желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими. — У Буй Романа и Мстислава и впрямь должны быть латинские шлемы, поскольку их уделы находятся на границе с католическим миром. Ф. И. Буслаев полагал, что читать надо *паперси*[70] (нагрудники, панцири). Вряд ли можно воспользоваться ссылкой Ю. М. Лотмана на то, что «павор(о)зи» — ремешки, прикрепляющие шлем к подбородку (см.: *Лотман Ю. М.* О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 39), ведь земля не треснет от тяжести «железных ремешков» (даже при поэтической их гиперболизации). По Н. М. Карамзину *папорогъ* — верхняя часть брони, а на то, что термин восходит к птичьему крылу и имеются в виду железные крылья, указал в 1880 г. М. А. Максимович (см.: *СССПИ*. Вып. 4. С. 55–56). Ф. Я. Прийма приводит сербско-хорватское *poprsje* — бюст, нагрудник (*СССПИ*. Вып. 6. С. 231). Видимо, речь о доспехе с крылоподобными наплечниками, и относящееся к крылу птицы диалектное *папорзок* в этом контексте прекрасно вписывается в характеристику этих князей, словно бы парящих на железных крыльях своей брони. Оценим парадоксальную смелость метафоры: эти крылья, стремительные, как сама мысль, столь тяжелы, что при ударе не выдерживает даже земля.

Из письма Л. В. Войтовича:

«О латинских шеломах и даже наплечниках (которые в других частях Руси в то время на вооружении не состояли, а именно в волынском войске могли быть, так как они были у польских и мазовецких рыцарей) ничего не мог знать любой автор конца XVIII в., тем более монах (толковые исследования о рыцарских доспехах появились только в XIX в.)».

Из моего письма Л. В. Войтовичу:

«Пластинчатые наплечи или еще более похожие на „подкрылки“ набицепсники (их можно видеть на византийских иконах, фресках и мозаиках; см., например, староладожскую фреску чуда святого Георгия о змие, где у Георгия чешуйчатые набицепсники, а „крыло“ — парящий на ветру плащ). Но есть и еще одно простое объяснение, предложенное Вами мимоходом.

---

[70] Такого слова в древнерусском не зафиксировано, но оно было бы нормальным производным от *пърси* — «грудь». Развитие *папърси* > *папорзи* фонетически невозможно, поэтому приходится предполагать описку переписчика, с равной вероятностью из *папърси* или *паворози*. Ср. выше о диал. *папорзок*. — *А. Д.*

Возможно, имеются в виду крылья на латинских ведерных шлемах. Однако тогда в оригинале было не „подъ шеломы латиньскыми“, а „надъ шеломы латиньскыми“. Дошедшая до нас правка не может принадлежать первоиздателям. Она принадлежит переписчику, который уже не знал крылатых шлемов, но сам был и воином, и знатоком византийской иконографии святых воинов. На эту роль весьма подходит Ефросин Белозерский (великий князь Иван Дмитриевич; см. по А. Г. Боброву). Повлиять на правку могло выражение из того же „Слова“: *Подъ шеломы възлелѣяны*. Вдобавок Иван Дмитриевич несколько лет правил в Новгороде-Северском. Он понимал брянский диалект и не имел мотивировки править папорзи на паворози или паперси, но осмыслил папорзи как крылья.

Оба варианта равновероятны».

В том, что слово «папорзок» бытовало на русском севере еще в середине XIX века, убеждаемся из очерка С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монстырь» (1849 г.):

«День склонялся к вечеру, когда я оставил Грязовец. Извощик, который повез нас до следующей станции, был, как сказали мне, отличный песенник. Но он не хотел петь песен ради завтрашнего воскресенья и всенощной. Добрый парень послужил мне одним словом, которое сказал он о подстреленном *рыболове*. „Видно барин-то угодил ему в папорзок“. Папорзок тоже что папороток: косточки в птичьих крыльях, находящиеся между плечиком и кистью, как объяснено в Академическом Словаре. Это слово из уст народа отозвалось мне тотчас выражением в „Слове о полку Игореве“: „суть бо у ваю железныи папорзи под шеломы Латинскими“. Д. Н. Дубенский так и объясняет его посредством папороток. Но только ему неизвестна была народная форма слова, которая еще ближе к объяснению. Под именем железных папорзов должно разуметь железные наплечники и даже латы. Но папорзами они названы сравнительно с птицами, ибо перед тем говорено о соколе. Устный язык народа нередко помогает нам при объяснении слов в древних памятниках».

Переписчик древней поэмы, знал слово *папорзок* и потому сохранил его. Ефросин Белозерский не мог этого слова не знать.

Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела. — В этом ряду *Хинова* должна означать не «восточные народы» (так полагал Д. С. Лихачев), а венгров (наследников гуннов) — юго-западных соседей Руси. *Литва* — литовцы, северо-западные соседи Галицко-Волынского княжества; *ятвяги* и *деремела* — балтийские племена.

Сулица — дротик, короткое метательное копье.

…древо не бологомъ листвіе срони… — В народных говорах *не к бологу* — не к добру (см.: *Козырев 1976*. С. 94).

…по Рсіи и по Сули гради подѣлиша… — Рось — правый приток Днепра, Сула — левый. Это приграничные реки. В Лаврентьевской детописи сказано, что в 1185 году половцы *взявше всѣ городы по Сулѣ* (л. 135).

Замечательна панторифма (это когда две строки прорифмованы насквозь): *и половьци сулици своѣ повьргоша — по рьси и по сулѣ гради подѣлиша*. Между этими звуковыми повторами более шестидесяти слогов[71]. Но каламбурная рифма совсем не забавна, ведь она — иллюстрация к вывернутому наизнанку времени: прошла пора, когда половцы бросали свои дротики на землю и склоняли головы под харалужные мечи русских. Теперь, когда для князя Игоря «померк свет солнца, а древо не добром листву уронило» (биологи на основании данных дендрохронологии утверждают, что лето 1185 г. было на редкость засушливым и листопад мог начаться еще в августе), половцы поделили русские города по рекам Сула и Рось. (Что, кстати, соответствует реалиям летней кампании 1185 г., ведь Гзак пошел по Суле в Посемье, а Кончак на Рось, то есть в сторону Киева.) Перевертыш этой панторифмы поддержан и еще несколькими нетривиальными созвучиями: *харалужьныѣ — нѣ уже — къняже*; *Литва — листвие*; *Деремела — а дерево*; *страны — сърони*; (и, вероятно, в оригинале было *Ятвязи — кънязю Игорю*). При этом левая часть каждого созвучия находится в «лицевой» части повествования, а правая — в «изнаночной».

Справедливо замечание Д. С. Лихачева: «...река Дон, на которой находились кочевья половцев, но где имелись и многочисленные русские поселения, для автора „Слова“ — русская река. Дон зовет князя Игоря „на победу“» (*Лихачев*. С. 123). Впрочем, уточним, что призыв обращен не к Игорю, а к Буй Роману Мстиславичу Волынскому.

Олговичи храбрыи князи доспѣли на брань. — В. А. Козырев отмечает, что среди пятнадцати значений глагола *доспеть* (по *СРНГ*) ни одно не идентично тому, что следует из «Слова». В брянских говорах «доспеть» — приготовиться, собраться. В Трубчевске говорят: *Тольки даспели касить* —

[71] О возможности тмесиса скальдического типа в «Слове» см. выше. Возможна конъектура *гради поделиша*^{ся}, тогда это отдельная фраза. Но панторифма довольно убедительна. *Гради* вместо *грады* (форма именительного падежа вместо винительного) для текста «Слова» возможны, ср. винительный множественного *хлѣми*; такие формы появляются на северо-западе и западе рано, так что форма может быть принадлежностью протографа. — *А. Д.*

такой вураган. В Карачеве записано: *Жорьвли нъ атлёт даспели у тёплые сторьны* (*Козырев 1975*. С. 71). Но в «Слове» речь как раз о том, что Ольговичи поспели-таки к брани. Это ирония поэта, ведь до самовольного похода 1185 г. Игорь с братом всё «не поспевал».

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи… — Д. С. Лихачев полагает, что тут говорится об Ингваре, Всеволоде Ярославичах и их двоюродных братьях, сыновьях Мстислава Изяславича — волынских князьях Романе, Всеволоде и Святославе. Но тогда в случае с «тремя Мстиславичами» надо допустить, что автор «Слова» дважды обращается к Роману Мстиславичу, ведь к нему он уже взывал («А ты, Буй Роман...»). Принимаю замечание Б. А. Рыбакова, называющего в качестве «всех трех Мстиславичей» сыновей Мстислава Храброго — Давыда, Владимира и Мстислава «Удатного» (см.: *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 489; *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 131, 159). Рыбаков показал, что упоминание трех юных княжичей — дань памяти Автора их отцу Мстиславу Храброму, умершему несколько лет назад в Новгороде. (На новгородском престоле его сменил Владимир Святославич Черниговский!) Историк также заметил, что Святослав Киевский не обращается с призывом «загородить Полю ворота» к Ольговичам, ближайшим своим родичам. Поспорим с этим: Ольговичи — активные участники событий лета 1185 г., и отсутствие обращения к ним должно свидетельствовать лишь о том, что поэма и создана в стане Ольговичей.

…не худа гнѣзда шестокрилци… — «Шестокрыличи» — традиционный церковный эпитет к серафимам. Н. М. Дылевский и А. В. Соловьев, ссылаясь на примеры из южнославянского фольклора, утверждают, что этот эпитет был применим и к соколу, и к воину (*Соловьев А. В.* Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 371). Н. В. Шарлемань дает иное объяснение: у сокола «деление оперения крыла на три части... особенно ясно видно во время парения. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда „шестокрильци“» (*Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. 1948. Т. 6. С. 113).

…непобѣдными жребіи собѣ власти расхытисте. — Не ясно, как это понимать: то ли «недостойными, нечестными жребиями урвали свои уделы («власти»), то ли — «вы свои уделы добыли не в междоусобицах, а по праву наследства». Но, похоже, ирония и издевка здесь отсутствуют.

Загородите Полю ворота своими острыми стрѣлами… — Единственный в «Слове» случай, когда два смежных стиха не нуждаются ни в комментарии, ни в переводе на русский. Впрочем, примечание все же необходимо: узнав о поражении Игоря, Святослав Киевский сказал: *Дал ми Богъ притомити поганыя, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю…* (*Ипат.* Стб. 645). Это парафраз из «Слова».

СЕДЬМАЯ ПЕСНЬ

7.1. Уже и Сула не течет серебряными струями к городам Переяславля, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под кликом поганых. Один Изяслав, сын Васильков, позвенел острыми мечами о шлемы литовские, прирубил он славу к славе деда своего Всеслава, а сам под красными щитами литовскими мечами приласкан на кровавой траве. Возжелал ею укрыться, а про то и было прежде сказано: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь слизали!» Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода, в одиночестве он изронил жемчужную душу из храброго тела через злато ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы городенские [на городницах] трубят: «Ярославовы все внуки и Всеславовы! Склоните стяги свои, вонзите в землю свои мечи оскверненные. Вы отпали от дедовой славы, ибо своими раздорами начали наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеслава. Обернулись ваши распри насилием от земли Половецкой!»

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю… — Это, видимо, ошибка переписчика: Переяславль Русский расположен ниже Киева близ Днепра (при слиянии Трубежа и Альты), а пограничная с Полем Сула впадает в Днепр еще на сто километров ниже. В 1185 г. после поражения Игоря половцы «по Роси и по Суле города поделили». Можно сослаться, что для человека XII в. река — прежде всего дорога, и по Суле, которая течет с севера на юг по восточной границе Переяславского княжества, от разоренных городков можно приплыть к Переяславлю. Значит, допустимо сказать, что Сула «течет серебряными струями к Переяславлю». Так и Ярославна с путивльских стен может обратиться к Днепру с просьбой «прилелеять» к ней ее мужа: Путивль стоит на Сейме, Сейм впадает в Днепр, а Днепр в Черное море, из которого можно выйти в Азовское и доплыть до Дона. Однако более вероятно, что переписчик в очередной раз не разглядел выносного «м», и читать надо не *къ градоу Переяславлю*, а *къ градо*^{мъ}

Переяславля — к стоящим на правом берегу Сулы четырем известным нам городкам Переяславского княжества. Это те самые города, которые половцы взяли в 1185 г. (о чем говорит и Лаврентьевская летопись). Среди них и павший в ту же кампанию Римов.

уже бо сула не течеть
сьребреными струями
къ градОМ/О переяславля
и двина болотОМ/Е течеть
оНЫМ/О грозьНЫМ/О полочаНОМ/О
подъ кликОМ/Е поганыхъ

Шестикратное созвучие не может быть случайностью: текст чавкает, как болотная гать. Хотя поэтически это музыка самой высокой пробы.

Изяслав — Изяслав Василькович в летописях не упомянут. О его брате Всеволоде нам также ничего не известно. Летописи говорят только о третьем брате — Брячиславе, сыне Василька Святославича. Не ясно и в каком городе звучат «городенские трубы»: в Городце? в Гродно? Понятно только, что речь идет о полоцких князьях, потомках Всеслава. И, видимо, имеется в виду город где-то на границе с Литвой. На Немане стоял Городен (Гродно). Но Городенское[72] княжество находилось возле Пинска, на рубеже Галицко-Волынских и Полоцких земель между реками Стырью и Горынью. В Ипатьевской летописи под 1184 г. читаем: *Того же лѣта Городенъ погорѣ весь и церквы каменая от блистания молниѣ и шибения грома* (*Ипат.* Стб. 634). Вновь мы не знаем, о каком из городов идет речь, но, надо полагать, это о том же городе, чьи трубы повелевают русским князьям прекратить усобицы. Перед нами стандартное для средневекового мышления осмысление стихийного бедствия (Божья кара за грехи), подкрепленное реминисценцией из Апокалипсиса.

Ипатьевская летопись под 1159 г. сообщает, что Брячислав Василькович посажен Рогволодом Борисовичем, полоцким князем, в Изяславль: *Рогъволодъ же въда Изяславль Брячиславу того бо бяше отцина* (*Ипат.* Стб. 496). В том же году Глебовичи (сыновья Глеба Всеславича) *Яша... Володшу и Брячислава в Изяславли, и всадиша Володшу в поруб, а Брячислава окована держахут* (*ПСРЛ.* Т. XXV. Московский летописный свод.

[72] *Городенское* — это и есть *Гродненское*, восточнославянский эквивалент польского *Гродно* — *Городьно*, от которого прилагательное *городьньскии*. От *Городець* ожидалось бы прилагательное *городьцькыи*. — *А. Д.*

М., 1949. С. 67), но Рогволод пошел к Минску, осадил его, и после шести недель осады освободил Володшу и Брячислава.

В. Е. Данилевич в конце XIX в. считал, что этот Володша — малолетний Всеволод (*ЭСПИ*. Т. 1. С. 251). Но есть и иные версии (см. там же).

В 1180 г. Брячислав уже витебский князь.

Замечено, что рассказ об Изяславе не случайно попал в «Слово»: Святослав Всеволодич Киевский был женат на Марии Васильковне Полоцкой, которая, видимо, была сестрой Изяслава.

И схоти ю на кровать и рекъ... — Место это выглядит окончательно испорченным. Предлагались самые разные конъектуры.

В начале 1980-х лингвист С. Л. Николаев в одной из наших бесед о «Слове» заметил, что в древнерусском языке существовало слово «накровъ» — крышка посудины (зафиксировано в 1660 г.). Обычай хоронить в деревянных гробах приходит на Русь одновременно с крещением. Но поскольку Изяслава, умирающего на поле боя под красным щитом, даже похоронить некому, можно прочитать: *...а самъ подъ чьрлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи и съ хотию накрова, ать и рекомо...* («а сам под красными щитами и с желанием покрова на кровавой траве приласкан литовскими мечами. А ведь про то и сказано было...») Однако более убедительный вариант предложила А. В. Дыбо: *и съхоти ю на кровъ, ать и рекъмо...* — и восхотел ее (траву) в качестве покрова, а про такое и было сказано...[73] (Вспомним «зеленую паполому» черниговской речки Канины.)

Речь о правильном и неправильном похоронном обряде. Правильное погребение — в гробу под гробовой крышкой, неправильное — под собственным щитом в чистом поле. Изяслава некому похоронить по-христиански, некому обеспечить его тем самым покровом, который тут хорошо рифмуется с причастием «рекомо».

Этот воинский сюжет известен с античности. Римский историк Гай Светоний Транквилл в «Жизни двенадцати цезарей» пишет об Октавиане Августе, что тот, «когда кто-то униженно попросил не лишать его тела погребения, говорят, ответил: „Об этом позаботятся птицы!“».

Н. В. Шарлемань замечает, что, когда орлан-белохвост, гриф или иной крупный стервятник садятся на труп, они и впрямь прикрывают его крыльями, ограждая таким образом от посягательства других птиц.

---

[73] Здесь сложность представляет аорист от (*и*)*схотѣти*, должно быть *съхотѣ* (или *исхотѣ*), и других достоверных случаев мены *ѣ/и* в «Слове» не встретилось. Ошибка под влиянием *и* в приставке? — *А. Д.*

Тот же автор пишет, что фраза «звери кровь слизали» относится к лисицам, которые не пожирают трупы, но только слизывают с них кровь.

...единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. — Метафора «душа — жемчуг» нам известна по Хронике Георгия Амартола: *свое естество душевное видяхъ яко бисеръ блещащься* (см.: *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1. С. 440). Фольклор знает метафору «слезы — жемчуг». В «Слове» она звучит во сне Святослава. (См. также комментарий к строке *а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано*, с. 197.)

Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин пишут, что слова, вложенные в уста Изяслава, не соответствуют «как стилистике „Слова“, так и литературному этикету Древней Руси». Соавторы считают, что к этому месту можно найти аналогии в скальдических строфах-висах, произносимых перед смертью героями исландских саг («Сага о Гисли», «Сага о Греттире»), в частности, близкой аналогией являются слова Эгиля Скаллагримсона: «Охраняйте Анунда, вашего хозяина, и его дружину, чтобы звери и птицы не растерзали их трупов» (Исландские саги. М., 1956. С. 180). И предполагают, что слова Изяслава восходят к какому-то не дошедшему до нас стихотворному произведению знаменитого викинга-скальда, о котором повествует эта сага (см.: *Мещерский, Бурыкин* С. 473). Но в том-то и проблема, что, неплохо представляя этикетные нормы древнерусской книжной культуры, мы практически ничего не знаем о дружинной поэзии. И потому не замечаем в «Слове» того, чего не знаем по древнерусской прозе, объявляем чужеродным и отторгаем даже то, что находит параллели в иноязычных поэтических традициях.

Л. А. Дмитриев пишет: «Княжеская одежда, надевавшаяся под корзно (плащ), имела разрез во всю длину <...>. Круглый или квадратный глубокий вырез ворота обшивался золотом или драгоценными камнями, образовывавшими по краю широкую кайму, получившую название „оплечья“ или „ожерелья“ (История культуры Древней Руси. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 247). Изронить душу — умереть: *до изрону души моей* (Даль), то есть до смерти. По древним верованиям, душа человека, как только он умирал, отлетала от него через горло и уста...» (*Дмитриев Л. А.* Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 279). Так в «Слове» сказано и о Святославе Киевском, который, узнав о поражении младших Ольговичей, *изрони злато слово*. В другом памятнике XII в. находим аналогичное *сльзы изрони* (*СССПИ*. Вып. 2. С. 157). В. Ф. Ржига отмечал, что изронить слово — вымолвить его невольно, находясь в потрясении от случившегося (*СССПИ*. Вып. 2. С. 158). И хотя по Далю этот глагол значит «выронить,

обронить, потерять, выпустить невзначай из рук» и т. д. (так и в современных брянских говорах; см.: *Козырев 1975*. С. 124), в «Слове» в обоих случаях это не уроненное, а исторгнутое через уста.

Новелла Матвеева однажды заметила, что за эту жемчужную душу многие современные поэты заложили бы собственную.

...трубы трубятъ городеньскіи... — Изяслав мог княжить в Гродно, но А. М. Панченко, сославшись на средневековые миниатюры, в одной из наших бесед предложил перевод *трубы трубят на городнях* (*башнях*). Вспомним свидетельство Ипатьевской летописи о мятежах, прокатившихся по Посемью после вести о поражении Игоря. В этом случае трубят трубы восставших против розни князей русских городов, а последующие строки — озвученный поэтом голос народного протеста.

Ярославе и вси внуце Всеславли... — Д. С. Лихачева высветлил это темное место. Цитирую: «...из контекста „Слова“ ясно, что речь идет не о войне Ярослава в союзе с полоцкими князьями против половцев, а о междоусобной войне. Автор „Слова“ укоряет обе стороны за „которы“. Войны против „поганых“ автор „Слова“ мог только приветствовать. Автор „Слова“ звал русских князей выступить против половцев и в равной мере против литовских племен, нападавших на Русь. <...> По всему контексту ясно, что здесь в „Слове“ имеется в виду какое-то крупное историческое явление. Какое же? Я предполагаю, что в слове „Ярославе“ при его прочтении издателями вкралась ошибка. В этом слове издатели неправильно прочли выносное „л“ <...>. Читать следует не „Ярославе“, а „Ярославли“: „Ярославли и вси внуце Всеславли!“, или: „Ярославли вси внуце и Всеславли!“ Примеров неумения первых издателей правильно читать выносные буквы и окончания слов, а также делить текст на слова можно было бы привести много. <...> Перед нами призыв прекратить вековые „которы“ ярославичей и полоцких всеславичей. Родовое гнездо полоцких князей противостоит в сознании людей XII в. потомству Ярослава Мудрого. Летопись противопоставляет полоцких князей другим русским князьям, называя последних ярославичами. Под 1128 г. в Лаврентьевской летописи мы читаем рассказ о причинах вражды полоцких князей с ярославичами. Это известное повествование о Рогнеде и Владимире. Заключается рассказ Лаврентьевской летописи следующими словами: *И оттоле мечь взимають роговоложи внуци противу ярославлим внуком*. Через 50 с лишним лет автор „Слова“ имел право говорить не о „Рогволожих внуках“, а о „внуках Всеславлих“, но „Ярославли внуки“ остались все те же» (*Лихачев*. С. 91–92).

...вонзить свои мечи вережени... — В брянских говорах *вережёный* — поврежденный (см.: *Козырев 1976*. С. 94). А. В. Дыбо указала, что тут стандартное причастие от глагола *вередить*, а потому оно должно существовать везде, где есть данный глагол. *Вередить* (повреждать): *калуж., смол., новг., волог., арх., пск., твер.* (*СРНГ*).

...на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. — В XII в. под Русской землей обычно понималось среднее Поднепровье. Автор «Слова» использует этот термин расширительно. Однако «жизнь Всеславова» (достояние Всеслава, то есть Полоцкая земля) — нечто отдельное от Руси.

7. 2. На седьмом веку Трояна бросил Всеслав жребий о деве, ему полюбившейся. Он коварством, словно клюками подперся (вариант: оперся на требование коней, как бы подперся клюками), и скакнул ко граду Киеву, и коснулся древком золотого киевского престола. Отскочил в полуночи лютым зверем от киевлян из Белагорода, обернулся синим маревом, наворожив, урвал тройную удачу — отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярославу и прыгнул волком до Немиги с Дудуток. На Немиге снопы стелют головами, молотят цепами харалужными, на току жизнь кладут, отвеивают душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны — засеяны костьми русских сынов. Всеслав-князь людям суд судил, князьям города рядил, а сам в ночи волком рыскал, из Киева до первых петухов добегал до Тмутороканя, великому Хорсу волком путь перебегал. Ему в Полоцке чуть свет звонили к заутрене колокола святой Софии, а он в Киеве звон тот слушал. Хоть и вещая душа была в двух его телах, но часто он неудачи терпел. Ему вещий Боян и давнюю припевку, мудрый, изрек: «Ни хитрому, ни искусному, ни кобнику искусному — Суда Божьего не миновать!»

Этот фрагмент заимствован автором «Слова» (видимо, с минимальной правкой в конце) из дружинной былины Бояна[74] (см. с. 288 и след.).

Всеслав — Всеслав Брячиславич Полоцкий (умер в 1101) — правнук Владимира Святого и первой его жены Рогнеды. В русских былинах отразился в образе волшебника и богатыря Волха Всеславича. В *ПВЛ* (под 1044 г.) говорится: *его же роди мати отъ волъхвования* (*Ипат.* Стб. 143).

[74] Во всяком случае, этот отрывок как стихотворный текст резко выделяется из окружающего, производя впечатление значительно более отработанного и «окультуренного». — *А. Д.*

В 1065 г. Всеслав ходил на Псков, но вынужден был отступить, в начале 1067 г. он разграбил и сжег Новгород, увезя в Полоцк колокола и церковную утварь Святой Софии. 3 марта 1067 г. на Немиге Всеслав был разбит Ярославичами. Киевский князь Изяслав Ярославич целовал крест, что не причинит Всеславу вреда, но, заманив Всеслава в свой шатер, схватил и заточил полоцкого князя с двумя его сыновьями в порубе. Произошло это в июле. Через год на Русь пришел половецкий хан Шарукан. Это было первым крупным нападением половцев на русские княжества. Войска Ярославичей были разбиты, и киевляне потребовали у великого князя Изяслава коней и оружия. Изяслав отказал, и 15 сентября горожане восстали. Изяслав бежал из Киева, а Всеслава освободили и провозгласили киевским князем. Но идти против Шарукана ему не пришлось: Святослав Черниговский одержал над половцами победу и полонил самого хана. Когда Изяслав и Болеслав в 1069 г. пошли на Всеслава, он выступил им навстречу, но из Белгорода тайно бежал в Полоцк.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. — Д. С. Лихачев пишет: «Своеобразно церемониальное положение Всеслава Полоцкого — он добывает себе Киев — „девицу любу“, скакнув на коне и дотронувшись стружием до золотого киевского стола, что напоминает сватовство к невесте в русской сказке (Иванушка скачет на коне и успевает снять кольцо с руки у царевны, сидящей высоко в тереме)» (*Лихачев*. С. 60).

По мнению исследователя, под девицей разумеется Киев, ведь опершись в 1068 г. на требования восставших киевлян, Всеслав, чтобы сесть на киевский стол, действительно играл своею судьбой — «кинул жребий». Добавим: «полюбившаяся Всеславу дева» — это, конечно, главный художественный (и духовный) символ Киева, то есть византийская мозаика Богородица Нерушимая Стена на своде центральной абсиды Киевской Софии. Всеслав при всем желании не мог забрать ее в Полоцк, как, скажем, колокола Софии Новгородской.

Б. А. Рыбаков высчитывает «века Трояна», основываясь на современном представлении о веке как о столетии. Но «век» по-древнерусски — или срок человеческой жизни, или тысяча (а не сто) лет. В памятнике XII в. (1136) читаем: *Отъ Адама до сего времени минуло есть вѣковъ 6. А седмого вѣка минуло лѣтъ 644*. (*СССПИ*. Вып. 1. С. 96.) Речь о седьмом, то есть, по фольклорным представлениям о числе семь, последнем веке Трояна. Всеслав Полоцкий считался оборотнем, и, следовательно, как бы мы ни понимали имя Трояна (как римского императора или как языческого бога), имеется в виду конец языческой эпохи.

Тъй клюками подпръся о кони и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола кіевскаго. — У слова «клюка» в древнерусском было два значения: 1) палка, шест; 2) хитрость. Поэтому можно перевести так, как предлагает Д. С. Лихачев: «Он хитростями оперся на коней», которых требовали и не получили от Изяслава киевляне. Но можно перевести и по-иному: он шестами подперся... В Ипатьевской летописи сказано, что восставшие киевляне *высѣкоша Всеслава ис поруба* (*Ипат.* Стб. 161). У поруба нет дверей, только маленькое оконце, используя которое бояре предлагали Изяславу убить заключенного Всеслава, когда толпа пошла его вызволять. Для того, чтобы освободить Всеслава, киевляне должны были разобрать настил кровли и протянуть ему клюку (деревянную слегу, взятую с любой соседней крыши). Параллель к этому образу мы находим в словах о том, что Святослав *притрепеталъ лжу* своими сильными полками и харалужными мечами, а еще в обращении к Ярославу Осмомыслу, который *подперъ горы Угорскые своими желѣзными плъкы.* (Во втором случае метафора снижена созвучием до «железных палок», которыми Ярослав якобы подпирает Карпаты.)

В. А. Козырев приходит к выводу о развитии семантики от первичного «предмет непрямой формы» к широкому переносному «обман, хитрость» и заключает, что переносное значение представлено лишь материалами брянских говоров (*Козырев 1975.* С. 126). Но заметим, что летопись знает *клюку* в значении «хитрость».

А. А. Зализняк показал, что *окони* — частица «как бы». При этом ученый признает, что *клюка* — и «шест», и «хитрость» одновременно, но отрицает наличие коней в этом месте текста (*СПИВЛ.* С. 193). Однако из того, что «окони» частица, вовсе не следует, что у этой фразы нет смысла, заданного контекстом ситуации (и предписанного законами «темного стиля»). Да, вместо слова *конь* в «Слове» регулярно *комонь.* Но киевляне просили у Изяслава не комоней (боевых коней), а *оружья и кони* (*Ипат.* Стб. 160)[75]. А. А. Потебня показал, что украинским думам известен глагол *оконити* — сделать конным: «Де мого сына нагониш, / там его окониш, / добрым лицарем настановиш» (*СССПИ.* Вып. 4. С. 27).

---

[75] Вряд ли следует делить *комонь* и *конь* по значению: нет никаких оснований полагать, что *комонь* — боевой конь в отличие от просто коня; скорее всего, как и предполагает Фасмер (*Фасмер.* Т. 2. С. 304–305), это разные диалектные развития основы **котп'ь*, где в одних диалектах вставлялся *ъ* для разрешения сочетания (и потом прояснялся в о, как в *вихрь* — *вихорь*), в других сочетание упрощалось. Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, видимо, написаны на другом диалекте, чем протограф «Слова». Предполагаемая переводчиком игра возможна при использовании автором «Слова» инодиалектного заимствования. — *А. Д.*

Д. С. Лихачев отмечает, что Всеслав тут уподоблен сказочному герою, прыгающему на коне к высокому окну терема, в котором сидит красадевица. Однако вместо того, чтобы «добыть копьем» Киев, князь только древком (задним концом копья) «доткнулся» золотого престола.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда. — Здесь *отъ нихъ* — от киевлян. Пропущенное существительное компенсируется рифмой *окони — отъ нихъ* (кому дал коней, от тех и ускакал).

...обѣсися синѣ мьглѣ... — Это можно перевести как «повис на синей туче», «обернулся в синюю мглу», «сокрылся в синей мгле», «окутался синим туманом», «объятый синей мглой»[76].

...утръ же воззни стрикусы... — В Екатерининской копии: *утръже вазнистри кусы*. При разном словоразделении и минимальной правке возможны два перевода: 1) «утром же вонзил секиры» (от древневерхненемецкого *strit-akis* — «боевая секира»; еще первоиздатели полагали, что «по смыслу речи *стрикусъ* не что иное, как стенобитное орудие»)[77]; 2) «урвал три куска удачи» (*вазнь* — «удача с помощью волхвования»). Второе чтение предложил в 1958 г. Р. О. Якобсон. В древнерусском был глагол *кушатися* — пытаться (*СССПИ*. Вып. 3. С. 40), а в современных говорах *укусить* — попробовать, отведать (*Козырев 1975*. С. 139–140). Приняв чтение Якобсона, можно перевести: «Урвал ворожбой тройную удачу — отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава, скакнул волком до Немиги с Дудуток». До этого речь шла о ночи и, значит, возможно чтение: «Утром же наворожил, с третьей попытки отворил...»[78].

В рассказе о Всеславе, колдуне и оборотне, концентрация каламбурных перевертышей сгущается до магической темноты. Этот отрывок стремителен и лукав, как сама жизнь князя-кудесника.

---

[76] *Обѣсися* — обычно в др.-рус. и старославянском *повис*; местный падеж — нормальное управление этого глагола (об*ѣсися врьхоу дрьва* и под.); здесь по смыслу скорее все-таки «обвесился багровым туманом», ср. более позднее древнерусское *обьвѣшати* в значении, близком современному. — *А. Д.*

[77] Вариант *утром же вонзил секиры* — крайне произвольный, обсуждение см.: *Булаховский*. С. 473. Возражения против якобсоновского перевода, основанные на не слишком возвышенном стиле этого перевода, следует отмести — в тексте довольно много иронических высказываний в адрес князей. — *А. Д.*

[78] Все же *съ три кусы* не может значить «с третьей попытки, с третьего раза». *Кусъ* не значит «раз», *съ* в этом употреблении требовало бы родительного, а не винительного падежа, числительное стоит количественное, а не порядковое. По-видимому, надо сохранять якобсоновский перевод. — *А. Д.*

...оттвори врата Новуграду... — До этого места в тексте дважды встречается полногласная форма слова *ворота*, и каждый раз она подхвачена аллитерацией: 1) *затВОРивъ дунаю ВОРота*; 2) *загОРОдите полю вОРОта*. Играет поэт и на церковнославянском неполногласии:

отъворяеши кыеву вРАТА
стрѣляеши съ отьня зЛАТА СТОЛА
САЛЪТАни за землями

Поэтому, хотя в издании 1800 г. *оттвори врата Новуграду*, следует восстановить более богатую по звуку и смыслу аллитерацию *отъвори ворота Новугороду* (с троекратным повторением *вор — вор — в...ор*). Укравший софийскую утварь и софийские колокола Всеслав для новгородцев и был вором: как отмечает О. В. Творогов, более чем через век в 1178 г. Мстислав Ростиславич собирался идти на Полоцк, чтобы вернуть награбленное Всеславом (*ЭСПИ*. Т. 1. С. 257).

...разшибе славу Ярославу... — Разорив Новгород, Всеслав покусился на его порядки и свободы, дарованные новгородцам Ярославом Мудрым, который княжил здесь до 1016 г. Это упоминание Д. С. Лихачев связывает с какими-то известными автору «Слова» новгородскими преданиями (*Лихачев*. С. 85). Вероятно, это так и есть, но Н. М. Введенская обратила мое внимание на рассказ *ПВЛ* (1021 г.) о том, как полоцкий князь Брячислав Изяславич «взял Новгород, и, захватив новгородцев и имущество их, пошел к Полоцку снова. И когда пришел он к реке Судомири, и Ярослав из Киева на седьмой день нагнал его тут. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев воротил в Новгород, а Брячислав бежал к Полоцку» (*ПВЛ*. С. 202. Перевод Д. С. Лихачева).

При этом в Новгородской Софийской первой летописи уточнено, что Брячислав *поимъ новгородци и имѣние ихъ, и весь полонъ, и скоты,* а Ярослав все это новгородцам вернул (*ПСРЛ*. Т. 6. Вып. 1. Стб. 172).

Ситуации слишком похожи, но исход разный: в 1067 г. награбленное (а это, помимо прочего, колокола Новгородской Софии и церковная утварь) возвращено не было, и честь Новгорода («слава Ярославова») не восстановлена. Так Всеслав, сын Брячислава, хоть в результате и потерпел поражение, сумел «разбить славу Ярослава».

...скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. — По сведениям Н. М. Карамзина, Дудутки — место под Новгородом, где стоял некий монастырь.

Впрочем, еще в 1814 г. исследователь древнерусской письменности В. Г. Анастасевич, ссылаясь на Никоновскую летопись, предположил, что Дудутки — искаженное Будутки (в летописи «Будутина весь»). Так называлась местность, где родился Владимир Святославич, мать которого Малуша была сослана туда княгиней Ольгой.

Село это должно было находиться где-то недалеко от Пскова (откуда родом сама Ольга).

Однако еще раньше поэт В. В. Капнист отыскал город Дудичи на реке Птичи близ Минска.

Н. П. Барсов полагал, что Дудутки — местность под Киевом.

Р. О. Якобсон предложил читать «съду токъ» — подготовил ток. Увы, формула «дуть ток» до сих пор в славянских памятниках не найдена.

Поскольку речь о броске Всеслава из Новгорода к Немиге, предпочтение следовало бы отдать версиям Карамзина и Капниста.

Мнение Д. С. Лихачева: «Всеславу действительно пришлось бежать из Новгорода — „съ Дудутокъ“..., но о бегстве этом именно к Немиге нет сведений в „Повести временных лет“. Нет в *ПВЛ* и сведений о Дудутках: здесь, возможно, сказалось непосредственное, или „устное“, знакомство автора „Слова“ с топографией Новгорода <...> Во всей этой характеристике Всеслава только одна деталь заставляет искать какого-то иного источника, кроме *ПВЛ*: это упоминание о пребывании Всеслава в Тмутороканe. *ПВЛ* молчит об этом, такие сведения могли быть как раз в песнях Бояна, воспевшего ряд тмутороканских князей: Мстислава Владимировича, Романа Святославича — сына Святослава Ярославича Тмутороканского» (*Лихачев*. С. 99–100).

Однако, если верить новгородской Софийской первой летописи, Всеслав не бежал от Новгорода, но пожег Новгород до Неревского конца и, ограбив Софию, *отъиде* (*ПСРЛ*. Т. 6. Вып. 1. Стб. 187). Уходит ли он в Полоцк, не сказано. Ярославичи выступают против него, по-видимому, через некоторое время (*зимѣ суще велици*) и берут Минск. А поскольку Всеслав спешит им навстречу (*скочи вълкомъ*), но встречает только на Немиге (близ Минска), то Дудутки надо искать не в окрестностях Новгорода и не вблизи Минска (версию с Киевщиной не рассматриваем из-за ее абсурдности), но, возможно, где-то в Полоцкой округе. Однако остается не опровергнутой и гипотеза В. Г. Анастасевича о том, что имеются в виду Будутки близ Пскова.

Вполне вероятно, что, отправив возы с награбленным в Полоцк, от Новгорода Всеслав идет разорять Псковщину (и, в частности, волость своей прапрабабки), и потому не успевает защитить Минск.

Дудутки всё еще остаются загадкой «Слова».

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускыхъ сыновъ. — Река Немига — место одного из самых тяжелых поражений Всеслава. Это именно та битва 3 марта 1067 г., проиграв которую полоцкий князь в результате попадает в киевскую темницу. Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи изрубили мужское население Минска, взяли жен и детей в плен и уже стали возвращаться через Немигу, когда их настиг Всеслав.

Б. А. Рыбаков указывает, что Всеслав проиграл битву на Немиге, но предотвратил победоносное шествие Ярославичей по Полоцкой земле.

Фигуры Всеслава Полоцкого и Олега Гориславича знаменуют собой в «Слове» начало княжеских междоусобиц. Эти персонажи окольцовывают центральную часть поэмы заревом давних «крамол».

При этом начало рассказа об Олеге «Были века Трояновы...» силлабически находится на таком же расстоянии от начала «Слова», на каком начало повествования о Всеславе «На седьмом веку Трояна...» находится от заключающего поэму «аминя» (см. с. 330). Однако если в рассказе о распрях Олега Гориславича, ворвавшемся в описание Игорева побоища, все логично, то в случае с Всеславом с временем начинают твориться чудеса, оно буквально течет по кругу, и выходит, что, освободившись из Киевского поруба, князь-кудесник вновь попадает на Немигу.

События происходили так: захват Новгорода — Немига — Киев — бегство в Полоцк. В «Слове» же все наоборот: Киев — захват Новгорода — Немига — вновь Киев. Это идущее вспять время изнаночного мира — то, что мы называем «замкнутым кругом», — дурная бесконечность повторяющихся бед, порожденных в свою очередь другими бедами. Закольцевав время, поэт сам же пытается разорвать круг несчастий. Он обманывает рифменное ожидание своего слушателя, привыкшего к созвучным грамматическим конструкциям вроде *саблями калеными*, *серебряными струями*, *острыми стрелами*, и, вместо того чтобы закончить уже угаданным его слушателем выражением *костьми русьскы...ми*, разрубает страшную ткань рассказа неожиданной и потому громоподобной тишиной: *...посѣяни костьми русьскыхъ сыновъ*. Впрочем, рассказ про Всеслава продолжается, и созвучия вновь скрепляют разъятую ткань мертвой и живой водой эвфонии: *СЫНОВ/О — САмъ В/О НОчь ВО...*

...а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя... — Считают, что Всеслав прибыл в Тмуторокань осенью 1068 г., когда там княжил Глеб Святославич.

Слово «куръ» употреблено, видимо, в двух смыслах: по-древнерусски это петух, а по-тюркски, как предположил Н. А. Баскаков, — глагольная основа *qur-taq* (строить) могла быть заимствована в значении «стена» или «постройка»[79] (*Баскаков Н. А.* Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI–XVII вв. М., 1978. С. 62). Впрочем, толкование «до кур» как «до поселений» предложено, исходя из материала кавказских языков, Н. Я. Марром, В. В. Мавродиным и Д. Д. Мальсаговым (*Козырев 1975*. С. 129).

В народных говорах «кур» (петух) распространено повсеместно. Вот и в Трубчевске: *Да кур ишшо фстала* (*Козырев 1975*. Там же).

...великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. — Хорс — солнечный бог восточных славян (см.: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянская мифология // Мифы народов мира. М., Т. 2. С. 452–453). То, что Всеслав за ночь из Киева достигает Тмутороканя, при этом волком перебегая путь грозному языческому Солнцу, говорит и о том, что он наделен сверхъестественными способностями, и о том, что князь как лютый зверь (или нечистая сила) рыскал по ночам. Еще Ф. И. Буслаев заметил, что это место аукается с сербскими преданиями *о короле Трояне*, который в ночи, чтобы не быть застигнутым солнцем, до петухов преодолевал большие расстояния (*Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 385–391). Представление о волке как оборотне восходит к индоевропейской традиции (см.: *Иванов Вяч. Вс.* Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34, № 5. С. 399–408).

По поводу этого места у Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина сказано: «Географическая и астрономическая точность описания пути Всеслава столь велика, что оно воспринимается как метафоризированное только современными читателями: Всеслав, двигаясь из Киева в Тмуторокань (с севера на юго-восток), действительно, перебегал дорогу солнцу, двигающемуся с востока на запад» (*Мещерский, Бурыкин*. С. 475–476).

---

[79] К сожалению, такого тюркского названия стены или постройки нет. Есть *корган*, *курган*, в наборе значений которого имеется и «укрепленное поселение, стена» — но это слово не могло дать раннедревнерусское *куръ*; и есть позднее персидское заимствование в мусульманско-тюркские языки *гюр* «могила», не подходящее по времени и по смыслу. Есть также глагол *кур-* «строить», но от него не зафиксировано подходящих производных. — *А. Д.*

Мнение Д. С. Лихачева: «Всеслав действовал „напоследок языческих времен“, в обстановке реакции древнерусского язычества и старого, дофеодального уклада. Это определение, данное автором „Слова“, поражает нас своею историческою точностью. Связь Всеслава Полоцкого с движением смердов и с реакцией язычества выявлена в работе Н. Н. Воронина „Восстание смердов в XI в.“. Напомним те из наблюдений этой работы, которые кажутся нам убедительными. Полоцкая земля, по сравнению с Киевом, была более отсталой, с более прочно сохранившимся язычеством. Полоцкие князья („Рогволожи внуки“) принадлежали к местной знати и дорожили своими местными связями. Сам Всеслав никогда не пытался противопоставить себя вечу, и в этом „преимущественно, кажется, и состояла особенная сила Всеслава, несмотря на многие неудачи и несчастья“. Его борьба против Новгорода имеет антицерковный характер. Он грабит в Новгороде Софию и опирается в борьбе против Новгорода на население его периферии — „вожан“. Восстание киевлян 1068 г., благодаря которому Всеслав захватил в Киеве власть, также было отчасти связано с активизацией язычества» (*Лихачев*. С. 105).

Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. — Ирония в том, что колокола, прославляющие Всеслава в Полоцке, были, как об этом рассказывает Новгородская первая летопись, сняты им с Новгородской Софии: *Приде Всѣславъ и възя Новъгородъ, с женами и съ дѣтми*; *и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше бѣда въ час тыи*; *и понекадила съима* (*ПСРЛ*. Т. III. Лето 6574. С. 17). Затухающий колокольный звон, переданный рифмой *рано — он/о — звон/о*, Всеслав слушает в киевской темнице.

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. — В. Ф. Миллер, А. А. Потебня, А. И. Смирнов, Е. В. Барсов, В. Н. Перетц и другие комментаторы исправляли это место: *въ дрѣзе тѣлѣ* — в дерзком, храбром, смелом теле. Однако Л. А. Булаховский сослался на поэтический оборот скальдов *eigi einhamr* — «у кого больше одной оболочки», то есть у кого два тела. Дословно: «вещая душа в другом теле». Другое тело — уже не волчье, а человеческое, но волчье для Всеслава *основное*.

Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути. — Автор, вероятно, приписывает Бояну собственную припевку. Во-первых, имя Игоря звучит в словах «*нИ ГОРазду...*». Во-вторых, «птице горазд» —

это как «грамоте горазд»[80]. Волхвов, умеющих читать птичий полет, как книгу, на Руси называли ко́бниками. Но если учесть, что имя плененного Святославом половецкого вождя — *Кобяк*, и этот самый Кобяк «пал в граде Киеве во гриднице Святослава», можно предположить присутствие Кобяка и при исполнении «Слова» в тереме Святослава. Гипотезу о том, что осенью 1185 г. «Слово» исполнялось в Киеве на съезде князей, высказал в свое время Б. А. Рыбаков. Л. Е. Махновец полагает, что «Слово» читалось в гриднице Святослава 15 августа в день Успения Богородицы, когда Игорь покидал Киев; впрочем, это лишь предположение.

В списке Моления Даниила Заточника, с которым работал И. И. Срезневский (местонахождение списка сегодня неизвестно), читалось: *Поведаху ми, яко той ести суд Божий надо мною, и суда де Божия ни хитру уму ни горазну не минути*. Эту чуть искаженную цитату из «Слова» обнаружил В. Н. Перетц (*ЭСПИ*. Т. 4. С. 84). Еще одну цитату из «Слова» у Даниила Заточника см. на с. 158 наст. изд.

7.3. О, стонать Русской земле, помянув начальные времена и прежних князей! Того старого Владимира нельзя было приковать к горам Киевским, а ныне встали стяги Рюриковы, и другие, Давыдовы, но в разные стороны их полотнища плещут, не в лад копья поют.

…помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей. Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кыевскымъ… — «Первые времена и первые князья» — это времена крещения Руси, времена Владимира Святославича. Здесь и прозрачный намек на то, что креститель Руси в бурной своей жизни не во всем подражал тому, кто позволил пригвоздить себя к Голгофе. «Первый» в значении «прежний» и «давний» зафиксировано с XI в. Так и в народных говорах. В Карачеве записано: *Протиф первъй жызьни щяс ня жызнь, а малина* (*Козырев 1975*. С. 135).

Однако, разумеется, «первый» может быть и первым по счету.

…сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы, нъ рози нося имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ. — Это *нъ рози нося* Н. С. Тихонравов

[80] *ни хытру ни горазду ни птицю горазду* — здесь при предлагаемом чтении следует предполагать дательный от *птиць* — собирательное имя, «птицы». Возможно, стоит остановиться на предлагавшейся конъектуре *пытьцю горазду* — считая, что здесь искажено прочтение написания с выноской: *пы*^{т}*цу*. — *А. Д.*

в 1868 г. поправил на *нъ розьно ся*, и большинство исследователей эту конъектуру приняли. Поющие врозь копья — это свист ветра в копьях скачущих в разные стороны полков.

Хобот — «хвост». Из контекста очевидно, что имеются в виду хвосты стягов (двухвостых или треугольных, однохвостых). Олонецкое *хобот* — хвост змеи, на Брянщине хоботом называют пустой обмолоченный сноп, его охвостье (*Козырев 1975*. С. 142).

Перед нами метафора феодальной раздробленности: хвосты стягов могут веять в разные стороны, если полки идут или друг от друга, или друг на друга. Летом 1185 г. Рюрик и Святослав пошли на помощь Владимиру Переяславскому, а Давыд Ростиславич Смоленский (брат Рюрика) пошел по Днепру, но остановился у Треполя, сославшись на усталость, а потом и вовсе поворотил к Смоленску. Ждавшие его Святослав и Рюрик, не успели помочь Римову, и город был взят половцами.

ВОСЬМАЯ ПЕСНЬ

8.1. На Дунае Ярославны голос слышится, иволгой, неузнанный, поутру кычет: «Полечу, — молвит, — иволгой по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на израненном его теле!» Ярославна рано поутру плачет, в Путивле на стене причитая: «О Ветер-ветрило! Зачем, господин, веешь навстречу? Зачем мчишь хиновские стрелы на легких крылышках на воинов моего лады? Мало ль тебе было вверху под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселие по ковылю развеял?» Ярославна рано утром плачет, в Путивле-городе на стене причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы в земле Половецкой. Ты носил на себе Святославовы ладьи до стана Кобяка. Прилелей, господин, моего милого ко мне, чтобы я рано поутру не посылала к нему на море моих слез!» Ярославна рано утром плачет, в Путивле на стене причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и красно! Зачем, владыко, простерло палящие лучи на воинов моего милого? Зачем в поле безводном луки жаждой расслабило, бедой колчаны заткнуло?»

Ярославна — жена Игоря Святославича, дочь Осмомысла Ярослава Галицкого.

Если смотреть из контекста событий 1185 г., образ плачущей на путивльской стене княгини должен ассоциироваться с мозаикой в Софии Киевской, которую зовут Богородица Нерушимая Стена. (Молящаяся Богоматерь, воздев руки, словно поддерживает своды храма.)

После поражения Игоря Гзак сжег острог Путивля, но обломал зубы о кремль. С этих стен и взывает Ярославна. Одновременно Кончак взял город Римов, поскольку обрушились, не выдержав тяжести людей, две ветхие деревянные городницы (и стена между ними, на которой находились защитники). А путивльские башни и стены устояли, и поэт хочет нас уверить, что их удержала Ярославна своей любовью к Игорю. (Для европейской поэзии сравнение прекрасной дамы с Богоматерью традиционно: в XII в. такую параллель мы находим уже у трубадуров Прованса.) Ситуативно-контекстная проработанность этого ряда (Ярославна — Оранта — Римов) — свидетельство в пользу авторства Владимира Святославича, ведь это он со своей дружиной отстоял Путивль.

Исследователи задавали вопрос, почему Ярославна не вспоминает о сыне, или даже о двух сыновьях, оставшихся в Поле? Полагают, что это не ее дети, и замуж Ярославна вышла только в 1184 году. Но это ошибка: в Ипатьевской летописи под этим годом говорится лишь о том, что Владимир Ярославич Галицкий — шурин Игоря. (Другие аргуметы см. ниже.)

Для поэтического произведения достаточно скрытой цитаты или летучей реминисценции, чтобы рассеять читательское недоумение. В Евангелии от Матфея (2: 18) цитируется библейский рассказ о Рахили (Иеремия, 31: 15), которая в городе Раме плачет о попавших в плен сыновьях: *Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыдание, и вопль многъ*: *Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшитися, яко не суть*. И небесный глас успокаивает Рахиль (цитирую в русском переводе): «Удержи голос твой от рыдания и глаза твои от слез <...> и возвратятся сыновья твои в пределы свои» (Иеремия, 31: 16). Плач Рахили был на Руси любимым библейским мотивом (позднее он зазвучит и в повестях Куликовского цикла). Вот и в этом месте «Слова» явственна реминисценция из плача Рахили. Сравним: *Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть... — На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ...*; *Рахиль плачущися чадъ своихъ... — Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи...*

В. П. Адрианова-Перетц установила, что в летописях княгинь часто называли лишь по отчеству (так в «Слове» и жена Буй Тура Всеволода названа Глебовной). Первые издатели «Слова» считали, что Ярославну звали Евфросиньей. Л. А. Дмитриев показал, что это имя впервые возникает во вступительной заметке к переводу «Слова» (известна в трех списках XVIII в). В печати имя Евфросинья (Ефросинья) появляется в «Родословнике князей великих и удельных рода Рюрикова» (*Екатерина II*. Записки касательно Российской истории. Часть 5: Родословник князей великих и удельных рода Рюрикова. СПб., 1793. С. 105). Генеалогия черниговских князей известна по Любецкому синодику (список XVIII в.). Но, как

указала М. Д. Каган (*ЭСПИ*. Т. 5. С. 295–297), там имя Евфросиньи носит жена князя, чье христианское имя Феодосий, а Игорь в крещении Георгий. Если Феодосий — иноческое имя Игоря, то и Евфросинья — иноческое (*ЭСПИ*. Т. 5. С. 295). (С последним, впрочем, можно и не согласиться.)

По екатерининскому «Родословнику» Игорь женился на Ярославне в 1184 г. Первоиздатели императрице поверили. Однако М. Д. Каган предположила, что такая трактовка — следствие ошибочного чтения «Истории Российской» В. Н. Татищева, где под 1184 г. повествуется о Владимире Ярославиче Галицком, названном шурином Игоря. Владимир был изгнан из Галича отцом и принят Игорем в Путивле (*Татищев*. С. 133). Согласимся, но уточним: все это, кроме пометы Татищева «Брак Игоря», есть и в Ипатьевской летописи.

В то лето, когда Святослав пленил Кобяка (по Ипатьевской летописи это 30 июля 1184 г.), Игорь с Буй Туром Всеволодом, племянником Святославом Ольговичем Рыльским и сыном Владимиром разбили половцев за Мерлой (приток Ворсклы).

Этот ближний поход, ставший репетицией большого похода тех же князей в 1185 г., был следствием ревности Игоря к славе Святослава Киевского. На что намекает летопись и о чем прямо говорит Татищев. Игорь не пошел в Поле под началом Святослава, ему нужна была личная слава. Вообразив себя новым Мономахом, он затеял дальний поход.

Далее читаем: *В то же время Володимеръ Ярославичь Галичькии шюринъ Игоревъ бяшеть у Игоря* (*Ипат*. Стб. 633). Переведем: «В то время Владимир Ярославич Галицкий, Игорев шурин, был у Игоря». В 1184 г. Владимир Ярославич живет у Игоря в Путивле. Тут же оговаривается, что до этого он попытался найти приют у Романа (Волынского), Ингваря (Дорогобужского), Святополка (Туровского), Давыда (Смоленского). Но те, опасаясь гнева Ярослава, его не приняли: *Володимеръ же Галичькыи ни тамо обрѣте собѣ покоя приде к зяти своемоу Поутивлю ко Игореви Святославичю тои же прия с любовью и положи на немь честь великоу и за двѣ лѣтѣ держа и оу себе и на третьее лѣто введе и в любовь со отцемь его и посла с нимъ сына своего зятя Рюрикова Святослава* (*Ипат*. Стб. 633–634).

Итак, все убоялись Ярослава, а Игорь принимает его сына-изгоя в Путивле. Не испугался, хотя именно в это время (по версии Екатерины II) собирается жениться на дочери Ярослава?

Он что, хочет сорвать собственную свадьбу?

Продолжим перевод: «...нигде не найдя пристанища, пришел в Путивль к зятю своему Игорю Святославичу, и тот принял его с любовью и воздал большие почести, и более двух лет держал у себя, а на третье лето примирил с отцом его и послал с ним сына своего Святослава, зятя

Рюрикова». Пишется это в 1184 г. именно в связи с отъездом Владимира Галицкого из Путивля в Галич. За год до рокового своего похода Игорь тем и примирил Владимира Галицкого с его отцом, что отправил Владимира в Галич со своим сыном. Из этого следует, что родившийся в 1177 г. Святослав — внук Ярослава Осмомысла.

(Зачем деду смотреть на чужого семилетнего внука?)

Никакой свадьбы Игоря и Ярославны не было ни в 1183, ни в 1184 г.

Историки поверили августейшей комментаторше на слово, а она просто невнимательно прочитала летописное известие. Так ошибся и Л. А. Дмитриев, приняв на веру версию Л. С. Махновца (*Махновец Л. С.* Про автора «Слова» // Пам'ятники України. Інформаційно-методичний бюлетень Укр. тов-ва охорони памяток історії та культури. Київ, 1985. № 3. С. 24–27) о том, что в 1185 г. Владимир Галицкий организовывал оборону Путивля от Гзака (*ЭСПИ*. Т. I. С. 213–215).

Летописный рассказ о мытарствах этого князя в 1184 году построен на аористах, то есть в этот год шурин Игоря уже уехал из Путивля.

У Игоря пять сыновей и одна дочь. Владимир Игоревич родился 8 октября 1173 г., Олег в 1176 г., Святослав в 1177 г. Еще были сыновья Роман и Ростислав. Если этот тот Роман, который упоминается в Ипатьевской летописи (стб. 629), то можно допустить, что в юности Игорь был женат на другой. Но Владимир, Олег, Святослав — это дети Игоря и Ярославны, которой в 1185 г. около тридцати лет. И Владимир Галицкий нашел приют в Путивле в 1184 г. потому, что этот город был резиденцией его сестры.

В 1205 г. дети Игоря и Ярославны займут Галицкий престол (им помогут другие Ольговичи, половцы и поляки). На какое-то время Игоревичи утвердятся в Галиче. А это, как справедливо полагал А. В. Соловьев, означает, что Ярослав Осмомысл — их дед (*Соловьев А. В.* Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». 6: Жена и дети Игоря // *ТОДРЛ*. 1964. Т. 20. С. 378–382). Братья не жили в мире. Роман, поссорившись с Владимиром, бежал в Венгрию. Вернувшись, он взял Галич, и теперь уже Владимир бежал в Путивль. После долгих перипетий все закончилось трагедией: в 1208 г. Игоревичи казнили 500 галичских бояр. Но те, кто бежал, привели венгерское войско, Игоревичей схватили (лишь Владимир и его сын Изяслав спаслись бегством и ушли от погони). Полагают, что Владимир вернулся в Путивль. Двоих (или даже троих) Игоревичей галицкие бояре в 1211 г. выкупили у венгров и повесили.

На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ… — Дунай — здесь символ реки вообще. Дунай — одна из прародин славян, и трудно сказать, попала ли эта река в плач Ярославны как традиционный фольклорный мотив,

или, как предположил С. Л. Николаев (устное замечание), поэт здесь использует клише и структуру какой-то неизвестной нам былины Бояна (к примеру, о дунайских походах Святослава Игоревича). Напомним, что и горная «тропа Трояна» ведет от Дуная через Балканы.

...зегзицею незнаемь[81] **рано кычеть...** — Ярославна названа *зегзицей*. Долгое время считалось, что это «кукушка», но кукушка кукует, а не «кычет» (в «Задонщине» *зогзици кокують*). В «Реальном комментарии» к «Слову» Н. В. Шарлемань отмечает, что на Десне под Новгородом-Северским «гигичкой», «зигичкой» и даже «зигзичкой» называют чайку или чибиса: «Названия эти звукоподражательные, передающие отчасти крик птицы „ки-ки“, отчасти звуки, слышимые при взмахах ее крыльев во время полета — зиг, зиг». Однако Г. М. Левина обнаружила, что в воронежских говорах зегзицей зовут иволгу (*СССПИ*. Вып. 6. С. 219). Вот и А. А. Зализняк со ссылкой на «Словарь русских народных говоров» указал, что в курских диалектах *зегзица* — иволга (*СПИВЛ*. С. 119). И только такая атрибуция подтверждается текстом «Слова». В плаче Ярославны наблюдается сгущение концентрации *ятей*, произносившихся как дифтонг «иэ»[82]. В среднем *ять* в этой части «Слова» встречается в 1,3 раза чаще, чем во всем тексте (один *ять* на 24 буквы против одного на 32 буквы), но есть и такое:

...каменьныѣ горы
сквозѣ землю половецькую
ты лелѣялъ еси на собѣ...

И еще такое:

...въ путивли на забралѣ а рькучи

---

[81] Видимо, следует читать *незнаемъ*, с записью *ѣ* через *ь*, и считать наречием («незнаемо», «неузнанно»). — *А. Д.*

[82] Вообще говоря, в разных восточнославянских диалектах *ять* имел различные фонетические выражения. На Севере и на Украине это, по-видимому, был закрытый *э*, который при дальнейшем изменении дал в современных языках и говорах *и*, в части северных говоров он сохраняется до сих пор как *э* закрытый, в части действительно дает дифтонг *иэ* или *эи*. В современных псковских и некоторых других «якающих» говорах он, напротив, дает «якающий» эффект, что должно указывать на старое открытое произношение (как в старославянском, ср. рефлексы в современном болгарском типа *лято*; видимо, то же самое было в польском — *lato*). Трудно сказать, что из этого было представлено в произношении Ярославны или автора «Слова». Смоленско-полоцкие говоры как будто показывают полное совпадение рефлексов *ѣ* и *е*. — *А. Д.*

свѣтьлое и тресвѣтьлое сълньце
вьсѣмъ тепло...

Добавим сюда *на дунАИ, незнАЕмь, зегьзицЕЮ, кровавЫѣь, вѣъЕши* и т. д. вплоть до *веселИЕ, по ковылИЮ развѣьЯ, горячЮЮ, жажЕЮ, тугОЮ*. Все эти зияния парных гласных (по большей части разделенных йотированием) и впрямь похожи на пение иволги или на мяуканье котенка (орнитологи отмечают, что голос иволги ближе всего к голосу флейты, а крик растревоженной иволги напоминает кошачье «мяу»).

Голос иволги — тайная любовь русской поэзии. Недаром же именно в плаче Ярославны встречается, может быть, самая красивая рифма «Слова»: *рукавъ бебрянѣ въ рѣцѣ въ каялѣ — кровавыѣ его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ* (впрочем, переписчик не заметил, что тут прорифмовано каждое слово и переставил слова: *бебрянѣ рукавъ въ каялѣ рѣцѣ*). Иволгу легко услышать и трудно увидеть. Николай Заболоцкий писал: «Спой мне, иволга, леса отшельница...». См. также «Равноденствие», раннее стихотворение Осипа Мандельштама: «Есть иволги в лесах, и гласных долгота...» (лето 1914).

...бебрянѣ рукавъ... — Хотя известно, что *бебрь* — бобр, все же «бебряный рукав», которым Ярославна собирается утереть раны мужа, — не «бобровый» и не «рукав с бобровою опушкой» (Н. Заболоцкий), а шелковый. На это указал Н. А. Мещерский (К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 198. 1956. Вып. 24. С. 5–6), обнаруживший, что в тексте древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия *бѣбряная* значит «шелковая», а в древнерусском переводе книги «Есфирь» *бебрь* — шелк. Исследователь пишет: «Подобное двойное значение слова ведет исследователя на юго-восток. Известно, что в Хазарии одним и тем же термином „хаз“ — „каз“ обозначались одновременно как бобровый мех, так и шелк, в частности белый».

Надо полагать, что такая двойственность значений возникла во времена Гостомысла из практики обмена в Ладоге северных мехов на шелковые ткани (см. с. 132 наст. изд).

...утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. — До обнаружения брянских параллелей к «Слову» *жестоций* переводили как крепкий и сильный. Однако в брянских говорах *жестокий* — горячий (см.: *Козырев 1976*. С. 97). Вот и сербское *жѐсток* — горячий (о человеке). Это же может быть отнесено и к другому месту «Слова»: Святослав Киевский говорит, что сердца Игоря и Всеволода скованы

въ жестоцемъ харалузѣ. Видимо, имеется в виду раскаленная харалужная сталь (см. с. 113 наст. изд.). *Жестокий* в том же значении «горячий» зафиксировано и на Тамбовщине (*СРНГ*).

...насильно вѣеши... — навстречу веешь. *Ветер дуить насильна, пряма у лицо*; *Какой ветир в пирёт дуит — насильный* (*брян*. См.: *Козырев 1975*. С. 98). Как было на самом деле, см. на с. 446 наст. изд.

Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы... — Эпитет к стрелам автор «Слова» взял из фольклорных плачей или из слав Бояна. Поскольку половцы вряд ли могли пользоваться финскими или венгерскими стрелами, надо полагать, что выражение «хиновские стрелы» стало устойчивым еще в IV–V вв., когда дунайские славяне попали под власть гуннов. К этому же пласту следует отнести «тропу (землю, века) Трояна» и «время Бусово». Другими словами, *хиновские стрелы* — вражеские.

...на моея лады вои... — Лада — муж или жена (один из четы). В других древнерусских памятниках этого слова нет, но В. И. Даль указывает, что оно встречается в народных песнях. Примеры см.: *Козырев 1975*. С. 92–93.

О Днепре Словутицю... — Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин пишут: «Этот редкий эпитет Днепра встречается еще раз в «Повести о Сухане», где герой приезжает „ко быст<р>у <Д>непру Слаутичю“ (*Малышев В. И.* Повесть о Сухане. М.; Л., 1956. С. 141). „Днепр Словута“ встречается также в украинских думах. Эпитет фиксирует смысловую контаминацию слов „слава“, „слыть“ и названия реки Славуты — притока Припяти, впадающей в Днепр» (*Мещерский, Бурыкин*. С. 478).

...Святославли носады... — Предполагают, что носады (насады) — боевые ладьи с надставленными бортами (см.: *Богородский Б. Л.* Об одном термине из «Слова о полку Игореве» (насадъ-носадъ) // Ученые записки Ленинградского государственного Педагогического института им. А. И. Герцена. Кафедра русского языка. 1955. Т. 104. С. 228–254). В русских говорах носад — большая лодка, судно с гребцами (*новг., олон, калуж., иркут.*; см.: *Козырев 1975*. С. 132). А «надставленные борта» (сверху на борт и впрямь могла насаживаться доска) видимо, повлияли на то, что в ряде говоров носады стали называть насадами.

В августе 2001 г. в обрыве берега Десны у древней пристани Вщижа (Брянская область) была обнаружена долбленая ладья, лежавшая на правом борту носом в сторону реки. Сейчас ее можно увидеть в Брянском краеведческом музее. Правый борт и часть конструкций не сохранились:

утрачена четверть длины некогда двенадцатиметрового судна. Толщина стенок корпуса — 8–10 сантиметров, толщина днища — до 14 сантиметров. Под кромкой борта просверлено шесть пар отверстий для двенадцати весел. Между центральными шпангоутами в борт вбит изнутри вертикальный ряд из трех кованых гвоздей с загнутыми Т-образными шляпками. Это крепление мачты и такелажа. На таких ладьях-однодеревках русь ходила на Царьград (см. свидетельство Константина Багрянородного в его сочинении «О росах, отправляющихся с моноксилами из Росии в Константинополь»), в такой ладье Святослав Киевский поспешал летом 1185 г. по той же Десне из Карачева. Никаких «надставленных бортов» на вщижской ладье не обнаружено. Радиоуглеродная экспертиза, проведенная в Институте истории материальной культуры РАН Г. И. Зайцевой, показала, что метровый в диаметре дуб был срублен в 1247–1279 гг. (95 % вероятности). Считается, что ладья развалилась в процессе постройки (на том основании, что внутренняя обожженная поверхность оставалась покрытой сажей). Но эта версия, принятая сегодня археологами, неправдоподобна: у недостроенной ладьи не может быть ни шпангоута, ни такелажа. Думаю, что обнаружена некогда стоявшая у пристани ладья вщижского князя, которая затонула, когда ее правый борт прогорел. Гибель ладьи, видимо, надо отнести к 1238 г. В этом году Батый сжег Вщиж. Ошибка в одно десятилетие — мелкая (и в иных случаях приемлемая) погрешность радиоуглеродной датировки. Прояснить ситуацию могут повторное исследование места находки и повторный углеродный анализ.

...а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано. — Ярославна посылает свои слезы, как весточки. Тут в скрытом виде присутствует та же метафора, что и во сне Святослава, которому «поганые толковины ссыпают на грудь крупный жемчуг». С той лишь разницей, что во сне великого князя табуировано слово «слезы» (оно прозвучит позже, в начале «Злата слова»), а в плаче Ярославны не объяснено, как можно посылать слезы в речной воде да еще «на море». Разгадка заключается в метафоре «слезы — жемчуг» (речной жемчуг весьма ценился в Древней Руси)[83].

8.2. Плеснуло море в полночи. Тучи идут во мгле. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отцовскому злату престолу. Погасли вечерние зори. Игорь спит — Игорь бодрствует,

[83] Следовало бы выяснить, водится ли в Сейме речная жемчужница. — *А. Д.* Достаточно того, что жемчуг находят в раковинах черноморских мидий. — *А. Ч.*

Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Уже коня в полночи Овлур свистнул за рекой, дает князю знак. Князя Игоря и кликать не надо[84]. Стукнула земля, восшумела трава, шатры половецкие отпрянули.

Прысну море полунощи, идутъ сморци мьглами… — А. А. Зимин полагал, что слово *сморцы* (смерчи), было взято фальсификатором из украинского языка. Однако в 1985 г. в Новгороде была найдена берестяная грамота XII в. (№ 663), в которой обнаружено отчество *Сморочьва*, произведенное от прозвища *Смъръчь* (см.: *СПИВЛ*. С. 123–124).

Сморок — туча, темное облако (*брян.*, *пск.*). См.: *Козырев 1975*. С. 110.

Овлуръ свисну за рѣкою… — Овлур — половец, помогший Игорю бежать. Мать Овлура была русской. О его судьбе на Руси рассказывает В. Н. Татищев: Овлура назвали Лавром, женили, сделали боярином.

8.3. А Игорь-князь бросился горностаем к тростнику и белым гоголем на воду, вскочил на борзого коня и спрыгнул с него быстрым волком, и метнулся к пойме Донца, и полетел соколом под тучами, побивая гусей и лебедей на завтрак, и обед, и ужин. Если Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал. Отрясая студеную росу, загнали своих борзых коней.

А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду, въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ вълкомъ… — Гоголь — нырковая утка, которая, как отмечает Н. В. Шарлемань, «одна из наиболее осторожных птиц: держась на открытой воде, гоголь еще издали замечает человека и улетает». Не случайно в диалоге с Донцом Игорь скажет, что тот стерег (охранял, предупреждал) его «гоголем на воде».

В горностая Игорь обращается по созвучию: «*а ИГОРЬ князь поскочИ ГОРЬностаемь къ тростию...*» Лавр (Овлур) ждал Игоря с конями на другом берегу реки Тор (Ипатьевская летопись). Вероятно, не случаен и звучащий здесь в «Слове» и глагол «*преТЪРгоста*».

---

[84] *Князю Игорю не быть кликну* — князю Игорю будто крикнул (в том смысле, что свист в действительности был их условным знаком). О *небыть* «будто» см.: *Булаховский*. С. 478. — *А. Д.*

Босой волк (а не «бусый», то есть серый, как иногда правят это место) — в брянских говорах именно перелинявший после зимы[85], голодный, быстрый, «босой» волк (в переносном смысле — удачливый): *Босый волк — када шэрсть тиряит <...> Ну пабех, как босый волк, и ни дагониш, он абляхчил, ажывлённый дельицца вясною, бегъить быстрея.* (*Козырев 1976*. С. 95). О неподкованном коне еще и в XVIII в. также могли сказать: «босый конь». Выражение «босый волк» зафиксировано на Псковщине в Новоржевском и Опочецком уездах. В одной из здешних сказок босый волк — волшебный оборотень (*СССПИ*. Вып. 1. С. 64–65).

Обратим внимание и на то, как свистит рассекаемая конскими крупами тяжелая от студеной росы высокая степная трава (роса в конечном счете и убивает взмыленных коней): *ТРУСЯ СОбою СТУденую РОСУ преТ/О/РгоСТА бО Своя Б/О/РЗая комоня.*

А. А. Потебня приводит украинскую песню (*СССПИ*. Вып. 6. С. 71): *Ой, ты соловец, ранняя пташечка, / Ты не щебечи рано на зорі, / Да не обтруси раньнеи росі...*

ДЕВЯТАЯ ПЕСНЬ

9.1. Донец говорит: «О, князь Игорь! Не мало тебе величия, а Кончаку ненависти, а Русской земле веселья!» Игорь говорит: «О, Донец! Не мало величия тебе, который лелеял князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленого древа, стерег его гоголем на воде, чайками [чибисами]? на струях, чернедьми на ветрах… Не так ли, — сказал он, — река Стугна, тощая струя, пожрала чужие ручьи и потоки, раздвоилась к устью и юношу князя Ростислава затворила [на дне у темного берега]? На днепровском темном берегу плачет мать Ростислава по юноше князю Ростиславу. Поникли погребальные цветы, и Древо в тоске к земле склонилось».

---

[85] Почему волк после весенней линьки должен называться босым? Ведь он не меняет при линьке когти. Босой конь, действительно, — необутый, без подков. Высказывалась правдоподобная идея, что это волк со светлыми лапами, как *укр. бóсий* — «белоногий». — *А. Д.* В. А. Гордлевский, собравший сведения о культе волка у тюркских и монгольских племен и, особенно, о вере в оборотничество, производил эпитет «босый» от тюркского «boz» — «серый» и доказывал, что этот образ пришел на Русь из половецкого фольклора. См.: *Гордлевский В. А.* Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве») // *ИОЛЯ*. 1947. Т. 6. Вып. 4. С. 317–337 (то же: *Гордлевский В. А.* Избр. соч.: В 4 т. М., 1961. Т. 2. С. 482–504), а также статью А. Г. Боброва в *ЭСПИ* (Т. 2. С. 44–45). — *А. Ч.*

Донецъ рече… — Северский Донец, как отмечают многие путешественники, — коварная река. У него песчаное русло, и за один сезон он способен до неузнаваемости изменить очертания береговой линии, смыть или намыть новую отмель. Кроме того, в русле хватает коряг и топляков (см.: *Воронов Ю. Б.* 100 избранных маршрутов для путешествий на байдарке. М., 1993). В среднем течении береговые обрывы Донца и в самом деле «серебряные»: высокий правый берег состоит из меловых отложений. Эти берега из сцены побега Игоря запали в душу автору «Задонщины», но он, видимо, не слишком хорошо запомнил сам эпитет и превратил серебряные берега в «харалужные» (одного этого достаточно, чтобы понять, кто кому подражает — автор «Слова» автору «Задонщины», или наоборот).

Традиционно диалог Игоря и Донца воспринимался как обмен взаимными величаниями. И частица «ли» в словах *Не тако ли, рече, рѣка Стугна...* понималась как усилительная или правилась на частицу «ти» (ведь). Почти два века никому не представлялось странным, что «Малый Донец» Игорь называет «великим». Место казалось совершенно ясным, а логика такой: Донец хвалит Игоря, Игорь хвалит Донец и противопоставляет ему, «великому», тощую малую Стугну (приток Днепра), которая в 1093 г. утопила двадцатитрехлетнего Ростислава Всеволодича.

Ростислав вместе с братом Владимиром Мономахом отправился помогать великому князю Святополку Изяславичу против половцев, но, потерпев поражение, русские князья бежали. Во время переправы через Стугну, которая, по свидетельству летописца, в то время «*наводнилася вельми*», Ростислав стал тонуть на глазах брата. И спасти его Владимиру не удалось. Произошло это 26 мая в праздник Вознесения Господня.

По этому поводу в *ПВЛ* сказано: *И плакася по немь мати его и вси людье <...> уности его ради*.

Иное чтение этого фрагмента «Слова» предложил сибирский поэт Геннадий Карпунин. Не правя текст, он прочел его следующим образом: «Не так ли, — говорит, — река Стугна...» Карпунин пишет: «Какую же взаимосвязь устанавливают комментаторы между Донцом и Стугной? По какой ассоциации, по их мнению, автор привлекает образы реки Стугны и юного князя Ростислава? Автор, говорят комментаторы, противопоставляет любезному и приветливому Донцу нелюбезную и неприветливую реку Стугну: ты, Донец, — молодец, а вот река Стугна не такая... Странная и не совсем обязательная ассоциация» (*Карпунин Г.* Жемчуг «Слова», или Возвращение Игоря. Новосибирск, 1983. С. 201).

Согласимся: какая-либо «ассоциация» при традиционном чтении этого места вообще отсутствует. И вряд ли кто-нибудь сможет указать

еще хотя бы один случай в «Слове», где мотивировки поступков или речей героев строятся по принципу в огороде бузина, а в Киеве дядька.

Продолжим чтение карпунинской версии: «Игорь бежит из плена. Донец — последнее препятствие на пути князя: за Донцом — Русская земля. Донец не хочет отпускать князя Игоря. Он пытается удержать его всяческими соблазнами: лелеет князя на волнах, стелет ему зеленую траву на своих серебряных берегах, окутывает его теплою мглой под сенью зеленого древа...». Карпунин, конечно, прав: именно так в новгородской былине морской царь Поддонишко удерживает в плену купца Садко. Да и в поэтике «Слова» подстилание зеленой травы на берегу реки обещает герою смерть. (Вспомним *зеленый плащ*, который на Канине ручье «слава» расстелила смертельно раненому Борису Вячеславичу.)

Коварство реки и есть та ассоциация, которая заставляет Игоря, величая Малый Донец, вспомнить о *тощей* и *худой* Стугне, напитавшейся у своего устья чужими ручьями и утопившей Ростислава.

Цитируя летопись, поэт рассчитывает на понимание современников. Но у этой истории есть еще один подводный поворот: в Киево-Печерском патерике сообщается, что перед гибелью Ростислав приезжал молиться в Печерский монастырь.

На берегу Днепра Ростиславу и его воинам попался шедший за водой монах Григорий. Спутники Ростислава стали насмехаться над чернецом, брызгать на него водой, а тот сказал, что они сами в воде и потонут. На это князь воскликнул: «Мне ли, умеющему ходить по воде, пророчишь гибель от воды?». И приказал Григория утопить. Принимая во внимание этот эпизод, полагаю, что текст первого издания *...уношу князю Ростиславу затвори. Днѣпрь темнѣ березѣ плачется мати Ростиславя по уноши князи Ростиславѣ...* содержит лакуну. Переписчик (или первоиздатели) отредактировали фразу, приняв игру смыслами за механический повтор. Этот фрагмент должен выглядеть так: *...уношю кънязю Ростиславу затвори дънѣ при темьнѣ березѣ. Дънѣпри темьнѣ березѣ плачеться мати Ростиславля...*

Мать Ростислава оплакивала сына в Киеве, на «темном» в судьбе Ростислава днепровском берегу. То есть там, где он утопил инока Григория. Но Стугна, «затворившая Ростислава на дне при темном берегу», и впадает в Днепр. Для Ростислава «худая Стугна» стала «морем».

...стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ. — Отметим, что эта фраза должна была звучать *стрежаше его гоголемъ на водѣ*, но, видимо, переписчику показалось, что три подряд *го* — это уже чересчур, и он избавился от нескромного гоготания.

Чернедь, как и гоголь, — вид нырковой утки. Н. В. Шарлемань замечает, что гоголь, речная чайка и чернедь — одни из самых осторожных птиц, которые при приближении человека сразу же оглашают окрестность криками. Смысл этих слов Игоря в том, что птицы охраняли сон Игоря во время многодневного его пути вдоль берега Донца и лучше любой стражи могли предупредить об опасности.

В. А. Козырев пишет: «Слово *чаица* отсутствует в других памятниках письменности, а также неизвестно ни одному славянскому языку... В русских народных говорах (преимущественно в брянских) нами обнаружено слово *ча́ица*, обозначающее птицу Vanellus capella, то есть чибиса, или пигалицу. Например, в брянских говорах: *Чяица — аны сидять, где кочичька*; *ръзливаицца луг, аны ж вясной прилётывъють, тъ где вът бугарок, чяицы ужэ там садяцца* (*Козырев 1976*. С. 101). Исследователь, отмечая, что чибисы не менее пугливы, чем чайки, ссылается на А. Э. Брема: «Чибис избегает человека, потому очень редко селится поблизости его жилья... Это положительно умная птица. Ее осторожность, приводящая в негодование всех охотников, делает ей честь; она прекрасно знает, какому человеку можно доверять и кого следует избегать» (*Брэм А. Э.* Жизнь животных: В 3 томах. Т. II: Птицы. М., 1992. С. 215).

Но если речь о чибисе, то в триаде *вода–струи–ветры* второй член должен относиться не к водной, а к воздушной среде, а, значит, автор «Слова» играет на двух значениях слова «струя» — струя воды и струя ветра. Полагают, что во втором значении это слово в древнерусском языке не употреблялось, но любая метафора — чье-нибудь поэтическое открытие, а подчас и изобретение. Сотрудник *ГИМ* В. В. Ардент, писал: «Среди многочисленных приемов закалки нам известен и древний способ закаливания клинка в «буйной» струе холодного воздуха. Раскаленный клинок вручался всаднику, пускавшему коня в галоп. Клинок, поставленный вертикально, лезвием вперед, закалялся ураганной струей воздуха. Этот простейший прием давал, тем не менее, довольно удовлетворительный эффект, закаляя (как и требовалось) сильнее лезвие, слабее обух» (*Арендт В. В.* К вопросу о мечах харалужных «Слова о полку Игореве» // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 340–341). Впрочем, и в древнерусской прозе находим: *Отъ нетьлѣньна текуще потока духовьна благодатьныя струя* (1095 г.). И еще: *Подобает беспрестани умом възбраняти языку и въздержати струя его* (XIII в.) (*СССПИ*. Вып. 5. С. 241)

В «Слове» встречается и оборот «копья поют» (имеется в виду свист ветра при скачке в вертикально поднятых копьях). Следовательно, наши предки знали, что струя может быть и водная, и воздушная.

...рострена къ усту... — А. В. Дыбо заметила, что, судя по употребленному здесь глаголу, Стугна должна была расходиться на две протоки[86] (*растреный* — перепиленный пополам). Современная карта свидетельствует, что близ устья Стугна и впрямь разделяется на два рукава и образует дельту. (При начале дельты река разливается озером, а из него двумя рукавами впадает в Днепр.)

9.2. То не сороки стрекочут — едут по следу Игоря Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, — полозы переползали[87]. Только дятлы перестуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет возвещают. Молвит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, мы расстреляем соколенка нашими золочеными стрелами!» Сказал Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, мы опутаем соколика красною девицею!» И вот так сказал Гзак Кончаку: «Если его опутаем красною девицею, не будет нам ни соколика, ни красной девицы. И начнут нас птицы бить в Поле Половецком!»

...сорокы не троскоташа... — В. П. Адрианова-Перетц была уверена, что «сопоставление крика сорок с треском дерева — находка автора „Слова“» (см.: *Адрианова-Перетц*. С. 184). Однако это выражение обнаружено в брянских, псковских и тверских говорах: *Сароки как пачьнуть тръскатать, тък божэ мой* (*Козырев 1975*. С. 110–111).

...полозію ползоша только... — Полозы — неядовитые змеи. Узорчатый полоз широко распространен от Дальнего Востока до Левобережной Украины и Закавказья. Длина его около метра.

Сравнение кочевников со змеями традиционно для древнерусского мировосприятия и встречается в летописи уже в XII в.: *...побѣжени быша иноплеменьници кумани, рекше половци*. Это о походе Святослава Киевского на Кобяка. А пленивший Кобяка Владимир Глебович Переяславский говорит: *и сокруши главы змиевыя* (*Лавр*. Л. 134).

В Екатерининской копии «Слова», впрочем, читаем: *по лозію ползаша* (по ветвям ползали). Но сама звукопись *ПОЛОЗие ПОЛЗОша* подсказывает, что речь идет не о жмущихся к ветвям сороках, а о струящихся по скрипучей поверхности «безводного поля» крупных змеях.

---

[86] Альтернативное чтение *ростре на кусту* — что-то вроде «раздавила о береговые кусты». — *А. Д.* На Стугне нет водопадов, а в конце мая и льда. — *А. Ч.*

[87] Вариант перевода: «сороки не стрекотали, по ветвям жались». — *А. Ч.*

Полозы — лазающие змеи. Потому-то птицы их боятся и умолкают. Однако слово *только* из этой фразы следует исключить (см. ниже).

Возможно, в *полозие ползоша* скрыт и каламбур, ведь путь из Тмутороканя на Русь в XII столетии назывался *Залозным путем* (собственно, по нему и ползут в Посемье да на Киевщину змеи-половцы).

Биолог Г. В. Сумаруков, находя поведение зверей и птиц в «Слове» не вполне естественным, считал, что под птицами тут разумеются разные половецкие племена, у каждого из которых был, по мнению исследователя, свой животный тотем. Если смотреть с этой точки зрения, то выходит, что половецкие «тотемы дятлов и соловьев» помогают Игорю бежать из плена. По Сумарукову, беглецы не таятся в степи от погони, но с боями (!) пробиваются через половецкие становища. На мой взгляд, столь линейного подхода ткань «Слова» не выдерживает.

...только дятлове тектомъ... — Как указал Н. В. Шарлемань, в степи леса́ (так называемые байрачные) растут по дну балок, широких оврагов, которые затопляются водой лишь в паводок. По балке всегда можно выйти к реке, поэтому по перестуку дятлов можно определить местонахождение реки. Такой способ ориентировки особенно актуален в темное время суток. Традиционно знаки в этом фрагменте расставляются так: *...полозію ползоша только. Дятлове тектомъ...* Это еще одна ошибка, возникающая из игнорирования стиховой природы текста (в 1909 г. ее исправил Ф. Е. Корш, но на это просто не обратили внимания). Чтобы услышать здесь стук дятла, надо расставить знаки по-иному:

...тогда врани не граяхуть,
галици помълкоша,
сорокы не троскоташа,
полозие пълзоша.
Только дятьлове текътомь
путь къ рѣцѣ кажють,
соловии веселыми пѣсньми
свѣтъ повѣдають.

(«*ТОЛ/Е/КО ...Т/Е/Л... ТЕК/О/Т/О/... ...Т/Е К/О ...КА...Т/Е...*»). Фрагмент поражает фонетической живописью. Помимо перестука дятлов, в нем звучит стрекот сорок и грай воронов. В диалоге Гзака с Кончаком слышен свист стрел (*соколича рострѣляевѣ своиМИ злачеными стрѣлаМИ*), происходит трехкратное опутывание слушателей арканом звукового повтора (*...А ВѢ сокольца опутАЕВѢ красьною дѢВИцею...*).

Соловіи веселыми пѣс<н>ьми свѣтъ повѣдаютъ. — По Далю «поведать/поведовать» — возвещать, объявлять, говорить, оглашать, рассказать, объяснить, изъявить. На Брянщине «ведать» — предсказывать, а «поведать» — предвестить, предсказать. В Трубчевске записано: *Ластъчьки литають к дожжу, дож ведають* (*Козырев 1975*. С. 133).

И рекъ Гзакъ къ Кончакови… — Так в Екатерининской копии. В издании 1800 г. поправлено на более благозвучное *и рече*... Но это не спасает положения, потому как стык трех «к» остается.

Гзак с Кончаком рассуждают о грядущей судьбе Владимира Игоревича. И если мы вспомним, что «ъ» должен читаться как короткое «о», то от непроизносимости этой строки не останется и следа: *И реК/О Г/О/заК/О К/О КОньчаКОви*.... Видимо, шестикратное «ко/го» имитирует «тараторящую» речь «лебедян» (половцев), как *его гоголем* имитировало гоготание утки. Впрочем, может быть, дело не в «лебедином», а в «гусином» языке, ведь гогочут именно гуси. Как указал Н. А. Баскаков (со ссылкой на И. Н. Березину), тюркское *qaz* — гусь (см.: *Баскаков Н. А.* Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI–XVII вв. М., 1978. С. 64)[88].

9.3. Сказали Боян и Ходына[89], оба песнотворцы Святославовы, воспевшие старое время Ярославово и Олегово два государевых любимца: «Тяжело голове без плеч, худо и телу без головы. Так и Русской земле — без Игоря». Солнце светит на небесах — Игорь-князь в Русской земле! Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь съезжает по Боричеву взвозу к святой Богородице Пирогощей. Сёла рады, города веселы. Спели мы песнь старым князьям, а после молодым петь славу Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу. Да пребудут здравы князья и дружина, вставшие за христиан против поганых полков! Князей восславим, а дружину помянем. Аминь.

---

[88] Вообще-то имя *Гза* (*Къза*) должно быть заимствовано отнюдь не из тюрк. *каз* (с *а* долгим!), а из чего-то вроде *кыза*. К. Г. Менгес связывает его с шорским *qyza* «род ястреба» (*Менгес*. С. 114–116). Как имя собственное, оно может возводиться также, например, к др.-тюрк. *qyza* — «кузнечный горн» или к другому производному от глагола *qyz-* «раскаляться докрасна». — *А. Д.*

[89] Ср. топоним Ходынка, ср. также у Веселовского: Ходыка, Ходырь. Среди антропонимов в *ДНД* к подобному словообразовательному типу относятся Лбына, Медына, Белына, Шеломына, Тетына (*ДНД*. С. 835). — *А. Д.*

Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣстворьца, стараго времени Ярославля [и] Ольгова, коганя хоти... — Здесь вслед за именем Бояна звучит поэтическое имя автора «Слова» (подробнее см. с. 333 и след.).

...тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы... — Украинский филолог Л. Е. Махновец предположил, что здесь цитируется двустишие Бояна, повествовавшее о гибели в 972 г. на Днепровских порогах Святослава Игоревича. Из черепа Святослава, как сообщает *ПВЛ*, печенежский князь Куря сделал чашу (*ЭСПИ*. Т. 3. С. 226).

С этого места начинается акростих, обнаруженный в 1980-х московским инженером Арсеном Арсеновичем Гогешвили (*Гогешвили А. А.* Акростих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XIII веков. М., 1991. С. 101–110).

— **ТЯЖЬКО** ти головѣ кромѣ плечю,
ЗЪЛО ти тѣлу кромѣ головы, —

РУськои земли без Игоря!
Слньце свѣтиться на небесѣ —
Игорь кънязь въ Русьскои земли.

ДѢвици поють на Дунаи —
ВЬються голоси чрес море до Кыева.

Игорь ѣдеть по Боричеву
КЪ Святѣи Богородици Пирогощеи.

Страны ради, гради весели.
Пѣвъше пѣснь старымъ кънязем,
А по томь молодымъ пѣти:
Славу **И**горя **СВЯТЪСЛАВЛИЧА**

Икос — строфа акафиста, чередующаяся с кондаком. (Потому возможно и другое чтение: *Дѣви в/ѣ икъс/ѣ* — Деве в икос.)

Становится понятно, почему этот фрагмент поэмы написан словно бы другой рукой, почему в этом месте каждая стиховая строка (за единственным исключением) равна одному предложению. Кроме того, получает объяснение грамматическая несогласованность стиха в издании 1800 г. «слава Игорю Святъславлича» (это не опечатка, поскольку

в Екатерининской копии также не «Святьславличу», а «Святьславличь»). Вероятно, можно оспорить первую половину прочитанного исследователем акростиха, но вторая (*Дѣви в/ъ/ икъс/ъ/*: *спаси Святъславлича*) представляется надежной. Подобные древнерусские надписи (*Помози рабу Твоему...* или *Спаси...*) сохранились на стенах домонгольских храмов. Нетрудно догадаться, что речь в них часто идет о самих авторах этих граффити. И если уж автор несколькими строками выше назвал себя «Святославовым песнотворцем», то здесь, видимо, мы вновь имеем дело с игровой переадресовке отчества «Святославич» (см. с. 130). Вписанная в текст «краегранесием» (акростихом) молитва Пирогощей *Спаси Святославича* фиксирует отчество самого поэта.

Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣи Богородици Пирогощеи. — Боричев взвоз (современный Андреевский спуск) — дорога, ведущая с «Киевских гор» на Подол, к Днепру, где и стоит церковь Пирогощей Богородицы (Успения Богоматери), заложенная в 1131 г. Мстиславом, сыном Владимира Мономаха, для привезенной из Константинополя Пирогощей иконы. (О ее атрибуции см. с. 447–464.) Как показал Б. А. Рыбаков, Игорь едет от терема Святослава к Пирогощей на поклонение. Именно этому и радуется Русь. И именно поэтому солнце, чьим предупреждением пренебрег Игорь в начале похода, вновь «светится в небесах».

Страны ради, гради весели. — В летописи говорится о радости, с которой встречали вернувшегося Игоря: *...иде во свои Новъгородъ, и обрадовашася ему. Из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову помощи прося на Посемье. Ярослав же обрадовася ему и помощь ему да обѣща. Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву к великому князю Святъславу и радъ бысть ему Святославъ, такъ же и Рюрикъ сватъ его* (*Ипат.* Стб. 651).

Комментарий Д. С. Лихачева: «Роль Киева как центра Русской земли особенно отчетливо выступает в заключительной части „Слова о полку Игореве“. Согласно летописи, Игорь по возвращении из плена в Новгород-Северский едет в Чернигов, а затем уже из Чернигова отправляется в Киев к Святославу Всеволодовичу. Но „Слово“ не упоминает ни о его пребывании в Новгороде-Северском, ни о его пребывании в Чернигове. Игорь — русский князь прежде всего, важно его возвращение в Киев, а не в Новгород-Северский. <...> Итак, единство Русской земли мыслится автором „Слова“ с центром в Киеве. Это единство возглавляется киевским князем, рисующимся ему в чертах сильного и грозного князя» (*Лихачев.* С. 127).

Владимир Игоревич — сын Игоря Святославича, родился 8 октября 1173 г. (так в *Ипат*. Стб. 562; в посвященной ему статье во II томе *ЭСПИ* Г. М. Прохоров вслед за А. В. Соловьевым сдвигает дату на 1170 г.). Крещен Петром. В походы ходил со своим отцом с 1184 г. Вернулся из половецкого плена в 1187 г. По Ипатьевской летописи: *...приде Володимѣрь ис половѣць с Коньчаковною, и створи свадбу Игорь сынови своему и вѣнча его и с дѣтятемь* (Стб. 659). Видимо, в то же время пришел из Поля и Всеволод. Заметим, что о возвращении Владимира и Буй Тура Всеволода в «Слове» ничего не сказано. Вероятно, оно еще не состоялось, хотя и ожидается в ближайшем будущем. На это указывает то, что слава молодым князьям лишь обещается, она оставлена *на потом*: «Петь песнь старым князьям, а потом молодым петь...». Когда настанет это «потом», подразумеваются ли под «молодыми» сами князья, или речь о зеленом и пока губошлепистом (*мо–мо–ме–мо–мо*) поколении песнотворцев, которые когда-нибудь споют славу Игорю, Всеволоду и женившемуся в половецком плену Владимиру Игоревичу, — поэт не уточняет.

В 1191 г. Игорь и Всеволод вновь ходили в Поле. С первой попытки они захватили скот и коней. В следующем походе, в котором участвовал и сын Святослава Киевского Владимир, князья, встретив готовых к отпору половцев, ночью поворотили назад и сумели уйти от погони. Очевидно, 1185 г. научил Игоря и Всеволода осторожности. Но слава, восхваляющая ратный труд Игоря и Всеволода, так и не будет сложена. Всеволод умрет в 1196 г. и будет похоронен в церкви Святой Богородицы в Чернигове. Игорь переживет брата на шесть лет.

Княземъ слава, а дружинѣ аминь. — В современных изданиях непременно оговаривается, что союз «а» мог быть и соединительным, поэтому, мол, читать надо: «Слава князьям и дружине. Аминь».

Однако восклицание «Аминь!» (истинно, верно, подлинно) завершало церковные службы, и «задать аминя» — порешить. В Словаре В. И. Даля читаем: «Тут ему и аминь» — тут ему и конец. А вот еще: «Сколько ни петь, а аминем вершить». Прибавим к этому: *...сътвори пред сущими ту послѣднюю молитву... запечатлѣвъ воистину послѣднее „аминь“ <...> успе блаженым сном и неизреченнымъ* («Великие Четьи минеи». Цитирую по: *СССПИ*. Вып. 1. С. 38). Мы вновь должны вспомнить о «темном стиле» как о смыслообразующей доминанте всего текста. По законам темного стиля концовку «Слова» надо понимать двояко: слава князьям и дружине, но князьям слава, а дружине — аминь.

Второе чтение удостоверено рифмой: *А дружИН/ИЭ — АмИН/Е*.

СКАЗАЛИ БОЯН И ХОДЫНА

Поэтика «Слова о полку Игореве»

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене...

Константин Случевский

И впору бы мне тетивой удавиться,
У каменной бабы воды попросить.
О том ли в Путивле кукуешь, зегзица,
Что некому раны мои остудить?..

Арсений Тарковский

КАК НАШЛИ И ЧТО ПОТЕРЯЛИ

Опальный граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, археограф-любитель и действительный член Российской академии наук, с чувством исполненного долга провожал последний год XVIII столетья: в книжные лавки недавно поступила изданная им «Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная старинным русскимъ языкомъ въ исходе XII столетія съ переложеніем на употребляемое нынѣ нарѣчіе». Граф предвкушал успех предприятия, потому и тираж книги был более чем солидным — 1200 экземпляров[1].

По версии самого издателя, изложенной им 31 декабря 1813 года в письме к молодому историку К. Ф. Калайдовичу, рукописный сборник с «Хронографом», «Словом» и несколькими другими древнерусскими сочинениями он приобрел через своего посредника у бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля Быковского. Тот в 1787 году был уволен на пенсию, но остался жить при монастыре, преобразованном по указу императрицы в Архиерейский дом. Экс-архимандрит нуждался, и один из комиссионеров графа купил у него «все русские книги». Считалось, что произошло это в конце 80-х, ведь к 1788–1790 годам было принято относить выписку из «Слова» и восторженный отзыв о нем И. П. Елагина (1725–1793). Но в сентябре 2006 года в Ярославле на Седьмых чтениях памяти Д. С. Лихачева пушкинодомец А. Г. Бобров сделал доклад о том, что эти свидетельства не могли появиться ранее конца февраля 1792 года. Да и происходил мусин-пушкинский сборник вовсе не из Ярославля...[2]

Описи книгохранилища Ярославского Спасского монастыря за 1787 и 1788 годы говорят, что какой-то рукописный сборник с «Хронографом» хранился в ризнице Спасо-Преображенского собора, но был снят с хранения и уничтожен в 1788 году «за ветхостью и согнитием»[3].

---

[1] К 1995 г. было известно не менее семидесяти сохранившихся экземпляров (*ЭСПИ*. Т. 4. С. 20). Зимой 2004 г. еще два были найдены на Мойке в подвале библиотеки Санкт-Петербургского государственного педагогического университета.

[2] Подробнее этот сюжет изложен в приложении к наст. изд.: *Бобров А. Г.* Судьба Мусин-Пушкинского сборника. С. 466–483.

[3] Подробнее см.: *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. С. 138.

Однако, может быть, Иоиль по старости запамятовал и продал «зачитанную» монастырскую книгу как собственную?

Или в описях монастыря оставила след какая-то другая книга?

Казалось, что ответа на эти вопросы мы уже не получим.

У графа А. И. Мусина-Пушкина было две страсти — коллекционирование древностей и просветительство. Это он издал в 1792 году вместе И. Н. Болтиным и И. П. Елагиным «Русскую Правду» и «Книгу Большому Чертежу», в 1793-м «Поучение» Владимира Мономаха и «Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский» Василия Татищева, опубликовал в 1806-м «Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутороканском, найденном на острове Тамани в 1792 году» (автор А. Н. Оленин), сам написал исследование о Тмутороканском княжестве. Он достойно продолжал дело Татищева, Ломоносова и Новикова по введению в научный оборот русских древностей.

Мусин-Пушкин в молодости увлекся русской историей и, как о нем пишут, «развернул активную деятельность по собиранию памятников истории и культуры». Он приобретал холсты Рафаэля, Леонардо да Винчи и Рубенса. В нумизматическом его кабинете хранилась уникальная древнерусская монета «сребро Ярославля». Он собрал более тысячи древних рукописей, среди которых была и Лаврентьевская летопись 1377 года. Древнее только Синодальный список Новгородской первой летописи (XIII — начало XIV века).

Бескорыстная страсть к просвещению и страстная корысть коллекционера естественно дополняли друг друга. Собрание графа было доступно для исследователей, его материалами пользовался Карамзин. Однако Мусин-Пушкин умел слукавить, когда дело касалось того, где и когда он что-либо приобрел. В 1792 году он изъял Лаврентьевскую летопись из библиотеки Новгородского Софийского собора, воспользовавшись им же и подготовленным повелением Екатерины II (от 11 августа 1791 года) о присылке в Синод рукописей исторического содержания. Но в 1811 году, передавая летопись Александру I, сослался на то, что нашел ее в бумагах покойного П. Н. Крекшина[4]. (В 1950 году Д. С. Лихачев не поверил версии графа, а позже Г. М. Прохоров и Г. Н. Моисеева подтвердили правоту его сомнений[5].)

---

[4] Петр Никифорович Крекшин (1684–1763), автор записок о времени Петра I. Он собирал рукописные материалы по русской истории X–XVIII веков, которыми пользовались историки В. Н. Татищев, И. Н. Болтин, М. М. Щербатов.

[5] *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 16–18.

Копия «Слова» была снята не позже 1794 года и представлена императрице (в ее личном архиве она будет обнаружена в 1864 году).

В оправдание Мусина-Пушкина скажем, что перед 1812 годом он ходатайствовал о передаче своего рукописного собрания в архив Коллегии иностранных дел. Но дело затянулось до самой войны, и сборник со «Словом» погиб в Московском пожаре вместе с бесценным собранием графских раритетов. Общественное мнение собирателя осудило. Ситуация из сомнительной стала скандальной.

В состав древнего сборника входил «Хронограф», за ним шел «Временник» (как установил Д. С. Лихачев, это была Новгородская первая летопись младшего извода) и несколько других известных древнерусских сочинений — «Сказание об Индийском царстве» (судя по выпискам Н. М. Карамзина, также в древнейшей редакции, более не сохранившейся ни в одном из списков), «Повесть об Акире Премудром» (вновь древнейшая редакция) и «Девгениево деяние».

О. В. Творогов пишет: «Если не считать „Хронографа“ и летописи, „Слово“ находилось в окружении светских переводных повестей, причем все они — редкие в древнерусской письменной традиции и относятся к числу старейших переводных памятников XII–XIII веков»[6].

Слова «находилось в окружении» нуждаются в комментарии.

А. И. Мусин-Пушкин после гибели «Слова» сообщил К. Ф. Калайдовичу, что Игорева песнь была «писана на лощеной бумаге в конце летописи, довольно чистым письмом». О. В. Творогов на основании заголовка «Хронографа» показал, что это сочинение было помещено в сборник в редакции 1617 года.

Итак, рукописный сборник изготавливался уже после того, как ополчение князя Дмитрия Пожарского и нижегородского земского старосты Козьмы Минина освободило Москву от поляков, и в начале 1613 года царем России был избран Михаил Романов. Почему же Н. М. Карамзин, работавший с мусин-пушкинской находкой и знавший, что в сборнике есть произведение, доходящее до событий Смутного времени, уверенно датировал список «Слова» концом XV или началом XVI столетья? На этот вопрос ответил еще Е. В. Барсов: прочие тексты «были приплетены к „Хронографу“, хотя и были написаны гораздо ранее, как это часто встречается в древнерусских сборниках»[7]. (Такой тип сборника называется конволютом.)

---

[6] *Творогов О. В.* Мусин-Пушкинский сборник // *ЭСПИ*. Т. 3. С. 288.

[7] Журнал министерства народного просвещения. 1876 год. Сентябрь. С. 1–45; Октябрь. С. 109–132.

В 1992 году в журнале «Русская литература» (№ 1. С. 85–87) появилось сенсационное сообщение Е. В. Синицыной: Спасо-Ярославский «Хронограф» и сегодня хранится в собрании Ярославского музея (№ 15443). Вот и номер в старинной описи совпал с номером на сборнике. Однако ни переводных повестей, ни «Слова» в книге нет. Но тогда откуда же Мусин-Пушкин *беззаконно стяжал свое ученое сокровище* (мнение Калайдовича, высказанное в частном письме в феврале 1814 года)?

В Ярославле на Седьмых чтениях памяти Д. С. Лихачева А. Г. Бобров сообщил, что злополучный сборник со «Словом о полку Игореве» был изъят Мусиным-Пушкиным вместе с рядом других рукописных и старопечатных книг зимой 1791–1792 года из Кирилло-Белозерского монастыря. Это 243 тома, почти половина того, что граф собрал как обер-прокурор по повелению от 11 августа 1791 года. В реестре Кирилловского книгохранилища книга описана так: «В лист. Историческая. Гранограф. История церьковная Ветхаго и Новаго завета и гражданская с част<н>ых баснословных повестей прибавлением по 1687 год». (Продолжение этого сюжета см. в статье А. Г. Боброва на с. 466 наст. изд.)

Во время подготовки «Слова» к изданию Алексей Иванович успел стать тайным советником, президентом Академии художеств, графом и сенатором. Однако с воцарением Павла I лишился всех своих постов, и у него оказалась бездна свободного времени.

Как показал А. Г. Бобров, после снятия с должности отставной чиновник был официально запрошен о судьбе собранных им книг (он вернул все, за исключением десяти). По поводу «Хронографа» граф отвечал, что сборник и другие рукописи были «внесены» в личные покои Императрицы, то есть искать их надо в бумагах покойной Екатерины II. (Разумеется, в Зимнем дворце книга не была найдена, ведь императрице была передана лишь снятая со «Слова» копия.) Причина лукавства графа проста: в это время он сам работал над комментариями к «Слову».

За четырнадцать лет до прихода Бонапарта А. И. Мусин-Пушкин уехал из Петербурга в Москву и занялся «Словом». Умерли его учителя-петербуржцы Иван Никитич Болтин (октябрь 1792) и Иван Перфильевич Елагин (октябрь 1793), но в Москове помощниками графа стали археограф Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737–1814), работавший с 1762 года в московском архиве Коллегии иностранных дел и составивший опись новгородских грамот и князей[8], и историк-архивист

[8] В 1812 году он спас все архивные материалы, отправив их в сундуках во Владимир, а потом в Нижний Новгород.

Алексей Федорович Малиновский (1762–1840)[9]. И потому дело удалось завершить за два года.

Д. С. Лихачев писал:

> В доме А. И. Мусина-Пушкина сгорела не только рукопись «Слова» — сгорели и другие рукописи первостепенного значения, как, например, знаменитая пергаменная Троицкая летопись самого начала XV века, которой широко пользовался Н. М. Карамзин в своей «Истории Государства Российского». Сгорела и бóльшая часть экземпляров первого издания «Слова». Нас не должно удивлять, что «Слово о полку Игореве» дошло до нас в единственном списке. В единственном списке сохранилось и «Поучение Владимира Мономаха» начала XII века, и «Повесть о Горе и Злочастии» XVII века. В единственном списке было нам известно и «Слово о погибели Русской земли»; только недавно была найдена еще одна рукопись этого замечательного произведения[10].

Каменный особняк А. И. Мусина-Пушкина не сгорел, но выгорел: известно, что после пожара дом пришлось перестраивать. Но библиотека и рукописное собрание и впрямь погибли, о чем свидетельствуют те дошедшие до нас ничтожные шесть процентов от хранившегося в особняке тиража «Слова о полку Игореве». (Впрочем, может статься, что еще до пожара Троицкой летописью и «Хронографом» растопили камин наполеоновские гвардейцы.)

Граф Мусин-Пушкин совершил и должностное преступление, и преступление перед культурой. Совершил, как это ни парадоксально, потому, что понимал, с какой ценностью имеет дело.

Он не хотел выпускать «Слова» из рук и, видимо, из-за этого не снял с него точной копии. И все же плоды многолетнего труда очевидны: рукопись была изучена, переведена, откомментирована, издана. По воспоминаниям книгоиздателя С. А. Селивановского, корректуру «Слова» держали Бантыш-Каменский и Малиновский, а Мусин-Пушкин «не имел права помарывать»[11]. Когда выяснилось, что в комментарий вкралась ошибка, две тетрадки были перепечатаны и вклеены в уже готовую книгу.

Однако *ложь во спасение* обернулась непоправимой бедой.

Пока древний сборник со «Словом о полку Игореве» был доступен для исследователей, серьезных сомнений в подлинности текста не возникало. Впрочем, незадолго до нашествия Наполеона московский

---

[9] Его брат Василий Федорович Малиновский (1765–1814) стал первым директором Царскосельского лицея.

[10] *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве. М.; Л., 1955. С. 4.

[11] *Буланин Д. М.* Селивановский // *ЭСПИ*. Т. 4. С. 281.

профессор М. Т. Каченовский в статье «Взгляд на успехи российского витийства в первой половине истекшего столетия»[12] объявил, что текст полон «поздних речений» и представляет из себя «смесь многих наречий и языков». Кроме того, как полагал профессор, в древнерусской литературе нет следов ее знакомства со «Словом». В мае того же рокового года на заседании Общества Каченовскому ответил К. Ф. Калайдович, предоставивший текст письменного доклада «На каком языке писана Песнь о полку Игореве, на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг Священного Писания, или на каком-нибудь областном наречии?». Как писал Калайдович, скептики «не могли уверить себя, что поэма сия принадлежит XII веку, когда сравнивали тогдашнее варварство и невежество с теми высокими мыслями, которые отличают ее от русских летописей, простых и неокрашенных»[13].

Люди начала XIX века мало знали о Древней Руси: былины, иконопись Рублева и Дионисия, феноменальные археологические артефакты (в том числе новгородские берестяные грамоты) и десятки шедевров древнерусской книжности — все эти открытия были еще впереди. Однако высокомерное отношение к средневековой культуре задано самой парадигмой Просвещения: рамки рационализма слишком узки для того, чтобы рационалист смог догадаться, что дело в его собственном невежестве.

Контраргументы Калайдовича на Каченовского впечатления не произвели. Основатель «скептической школы» («злой паук» в пушкинской эпиграмме — это о нем) еще в 1809 году доказывал *баснословность* древнейших русских актов (в частности, договоров Олега и Игоря с греками), и «Слово», которым профессор специально не занимался, стало лишь иллюстрацией к его любимой концепции о дикости и неразвитости русского средневековья. Каченовский полагал, что «Слово» сочинено в XVI веке обрусевшим норманном или греком. Впрочем, он никогда не утверждал, что «Слово» — подделка Мусина-Пушкина. (При жизни графа отвечать за подобное, скорее всего, пришлось бы у барьера со стволом Лепажа в руке.) Взгляды Каченовского на «Слово» систематизировал и изложил в 1834 году в виде статьи его студент И. Беликов.

Идеи М. Т. Каченовского парадоксальным образом повлияли на О. И. Сенковского, С. М. Строева, И. И. Давыдова, М. Н. Каткова и К. С. Аксакова (в чем именно парадокс, см. на с. 228).

---

[12] Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. М., 1812. Ч. 1. С. 22.

[13] Подробнее см. статью О. В. Творогова «Скептический взгляд на „Слово“». (*ЭСПИ*. Т. 4. С. 306.)

Но после открытия в середине XIX века «Задонщины»[14] споры утихли. Только в 1890 году французский славист Луи Леже попытался пересмотреть последовательность этих двух текстов и предположил, что именно «Задонщина» в конце XIV или в начале XV столетья, а может быть, и в XVIII веке, вдохновила автора «Слова».

Через сорок лет эту мысль подхватил другой французский славист — Андре Мазон. Он полагал, что «Слово» — фальсификат, изготовленный в конце XVIII века в окружении Мусина-Пушкина и при участии самого графа. С 1938 года А. Мазон публикует ряд статей, которые были изданы отдельной книгой «Le Slovo d'Igor» в Париже (1940). При этом он доказывал, что «Задонщина» — подлинный шедевр древнерусской словесности, а «Слово» — всего лишь второстепенное подражание, отличающееся непоследовательностью и бессвязностью изложения. Находил французский академик в «Слове» и анахронизмы. Скажем, он считал, что Игорь, вернувшись из плена, не может ехать на поклонение к Пирогощей иконе, поскольку она в 1160 году была увезена во Владимир. (Согласно летописному свидетельству, Андрей Боголюбский увез не Пирогощую, а прибывшую с ней из Царьграда на одном корабле икону Владимирской Богоматери, и произошло это в 1155 году.)

23 февраля 1963 года в Пушкинском Доме историк А. А. Зимин прочел доклад о том, что «Слово» — подделка конца XVIII века, и сочинена она Иоилем Быковским. А в окончательной редакции этой подделки принял участие и Мусин-Пушкин, вставивший в текст упоминание о Тмутороканском истукане и приписку из псковского Апостола 1307 года. Через год историку позволили издать на ротапринте 101 экземпляр его книги «„Слово о полку Игореве“. Источники, время написания, автор» (трехтомник объемом в 660 машинописных страниц). Под подписку и с условием обязательного возвращения в спецхран книга была роздана участникам дискуссии, состоявшейся в Отделении истории АН СССР 4–6 мая 1964 года.

Начальство хотело превратить научный спор в идеологический, в результате которого «Слово», повествующее о княжеских распрях и тяжелом военном поражении, должно было получить официальный статус эталона советского патриотизма. Ирреальность ситуации была еще и в том, что с А. А. Зиминым спорили не работники «идеологического фронта», а исследователи древнерусской литературы.

---

[14] «Задонщина» — подражающая «Слову» прозаическая повесть Куликовского цикла, написанная в конце XIV века. Найдена в 1852 году. В настоящее время известна по шести спискам.

А. А. Зимин не услышал контраргументов Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова, А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, как Каченовский не услышал ни Калайдовича, ни Пушкина, полемизировавшего с ним о «Слове» в Московском университете.

Однако «скептики», обращая внимание на белые пятна в изучении текста, задавали «неудобные» вопросы, и в полемику с ними были написаны сотни исследований на многих языках мира.

Перефразируя классика, замечу: если бы «скептической школы» не существовало, ее следовало бы учредить. Она ведь так много сделала для популяризации древнерусской поэмы. Благодаря и ее скромным усилиям «Слово» переведено более чем на полсотни языков (к примеру, на английский оно с 1902 года переводилось семнадцать, а на японский язык с 1947-го — восемь раз).

Дмитрий Владимирович Набоков (сын писателя) в частном разговоре однажды заметил: надо совершенно не представлять психологию русского дворянства, чтобы вообразить, что граф Мусин-Пушкин мог изготовить подделку и направить ее список Екатерине Великой.

Уточним: как коллекционер граф мог зачитать книгу и слукавить о ее происхождении, но он не мог позволить себе подделкой бросить тень на собственное имя и на имена своих детей[15]. Человек, всю жизнь имеющий дело с подлинниками, достаточно наглядно продемонстрировал нам ту степень честолюбия, которая исключает участие в изготовлении и тиражировании того, что называлось «пастиш» (шутка, мистификация). А если бы фальшивку смастерил кто-то другой, скажем, тот же Иоиль Быковский, можно не сомневаться, что она вскоре была бы разоблачена. Так в 1815 году петербургский палеограф А. И. Ермолаев выявил искусную подделку древнего списка «Слова», изготовленную московским торговцем стариной Антоном Ивановичем Бардиным. Но одно дело, имея в руках текст, подделать список, другое — подделать сам текст. Неизбежно возникнут десятки и сотни тех микроскопических отклонений от древних языковых норм, которые выдадут мистификатора. Однако лингвисты всегда утверждали,

[15] Два сына А. И. Мусина-Пушкина ушли на войну с французами. Младший, Александр Алексеевич (1788–1813), которому граф хотел передать свое литературно-просветительское дело, в родовом своем имении собрал партизанский отряд и был смертельно ранен под Люнебургом. Его «Дневник», стихотворения, переводы и исторические сочинения также сгорели в Москве в 1812 году. До нас дошел лишь перевод «Речи Флавиана, патриарха Антиохийского, к греческому императору Феодосию». Второй сын Владимир (1798–1854) — декабрист; приятель А. С. Пушкина.

что «Слово» написано не позже XIII века, а его язык куда архаичней языка «Задонщины»[16].

К примеру, о тюркской лексике «Слова» Н. А. Баскаков писал:

> Исследователи-ориенталисты единодушно признают, что тюркизмы «Слова» относятся к заимствованиям из тюркских языков домонгольского периода, а по своей фонетике и грамматическому оформлению — к огузо-кипчакскому типу с некоторыми отзвуками булгарской фонетики, что объясняется последовательными волнами тюркских народов в Восточной Европе[17].

С позиций современной лингвистики, накопившей огромный материал после открытия в середине XX века новгородскими археологами берестяных грамот (только в Новгороде их с 26 июля 1951 года найдено уже около тысячи), академик А. А. Зализняк скрупулезно (строка за строкой, аргумент за аргументом) проанализировал возможность изготовления подделки такого уровня в XVIII столетии. Оказалось, что и в середине XX века условий для этого не было.

Исследователь категоричен:

> Нелингвисты совершенно не осознают мощности языка как механизма, а именно количества и степени сложности правил, которые надо соблюсти, чтобы получить правильный текст. Легкость, с которой человек произносит устные и письменные тексты на родном языке, лишает его возможности поверить в истинные масштабы той информации, которой он при этом бессознательно оперирует. Особенно доверчиво относятся к мысли о том, что некто засел за книги и научился говорить и писать на иностранном языке «как на родном» те, кто ни одним иностранным языком активно не владеет. Люди верят бойким журналистским рассказам о том, как способного русского паренька поучили в разведшколе немецкому языку, забросили в немецкий тыл, и там он успешно выдавал себя за немца[18].

Приведя аргументы и за, и против подлинности текста, Зализняк приходит к такому выводу:

---

[16] См., напр.: *Исаченко А. В.* Двойственное число в «Словѣ о полку Игоревѣ» // Заметки к Слову о полку Игореве. Београд, 1941; *Дылевский Н. М.* Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным // «Слово о полку Игореве» — памятник XII в.: Сб. статей. М.; Л., 1962. С. 169–254. Адрес в Интернете: www.feb-web.ru/feb/slovo/critics

[17] *Баскаков Н. А.* Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII вв. / Ответственный редактор О. А. Державина. М., 1978. С. 59.

[18] *СПИВЛ*. С. 14.

> ...только на стороне подлинности имеются системные аргументы. Это мощный блок эффектов всех языковых уровней: графики, орфографии, фонетики, морфологии, синтаксиса, семантики, — искусственно создать которые без знаний, достигнутых в XIX–XX веках, было практически невозможно. <...> В итоге картина противостояния лингвистических аргументов той и другой стороны выглядит совершенно ясно. Неверно было бы утверждать, что лингвистические аргументы противников подлинности все подряд недействительны и не весят ничего. Они кое-что весят. Но несопоставимо меньше, чем то, что лежит на противоположной чаше весов[19].

В новгородских грамотах были найдены слова, которые А. Мазон и А. А. Зимин считали анахронизмами (а потому и вернейшим из верных доказательством подделки текста). Так произошло, например, со словами *шизый* и *сморци*. Другие слова, вызывавшие недоумение у исследователей XIX и XX веков (в частности, эпитет *оварьские*), были обнаружены при новых открытиях древнерусских памятников.

А. А. Зализняк проанализировал и новейшие работы, авторы которых полагают, что «Слово» — мистификация.

Это исследования К. Троста, М. Хендлера, Р. Айтцетмюллера и книга американского слависта Эдварда Кинана (2003), где сделана попытка показать, что «Слово» написал исследователь славянских древностей Й. Добровский. Эта книга тут же удостоилась восторженного отклика украинского историка Алексея Толочко, который нашел уместным мимоходом выразить озабоченность «проблемой аутентичности „Слова“»[20]. Однако не думаю, что после прочтения исследования А. А. Зализняка у естественнонаучно мыслящего читателя останутся сомнения в том, прошло ли «Слово» лингвистическую экспертизу.

Правы оказались Пушкин, Жуковский, Мицкевич, Набоков, Якобсон, Мандельштам, Заболоцкий, Лотман, Лихачев (и еще десятки других русских и иностранных поэтов, переводчиков, филологов и лингвистов), а не «скептическая школа», которая, как это видится сегодня, — так и осталась маргинальной псевдонаучной структурой да гербарием частных проблем ее адептов.

Восстанавливать связи, необходимые для реконструкции исторического фона «Слова», помогают многие дисциплины, даже археология.

В 1983 году на левом берегу реки Великой неподалеку от Спасо-Мирожского монастыря найдена свинцовая княжеская печать, на аверсе

---

[19] *СПИВЛ*. С. 172–173.

[20] *Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 445.

которой оттиснут в рост святой Георгий (с копьем и щитом), а на реверсе погрудное изображение Николая Мирликийского.

Специалисты уверенно определили, что печать принадлежит Игорю Святославичу Новгород-Северскому (он был крещен как Георгий, а его отец носил христианское имя Николай)[21].

Авторы публикации предположили, что между 1164 и 1180 годами Игорь мог быть псковским князем. Видимо, печать происходит из монастырского хранилища древних актов. А если так, то ее владелец каким-то образом был связан со Спасо-Мирожским монастырем.

Печать Игоря Святославича
Свинец. 19 × 23 мм

В Пскове была найдена и средневековая приписка с цитатой из «Слова» на полях Апостола 1307 г. (см. с. 238 наст. изд.).

На основании языковых особенностей «Слова» А. А. Зализняк подтвердил вывод Н. М. Каринского (1873–1935) о том, что мусин-пушкинская рукопись переписана псковичом: «В качестве более узкой локализации наиболее вероятной оказывается псковская зона»[22].

Впрочем, псковичмог переписать «Слово» и не в Пскове.

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ. О КНИГЕ А. А. ЗИМИНА

Более сорока лет имя историка Александра Александровича Зимина было окружено ореолом интеллектуального диссидентства.

Шутка ли, человек в одиночку пошел на вы против двух мощных систем — идеологической и научной.

Убеждали отступиться — выстоял, не отрекся.

---

[21] *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* Печать князя Игоря // Сб. Древности славян и Руси. М., 1988. С. 105.

[22] *СПИВЛ*. С. 102.

До публикации не дожил четверти века.

И вот петербургское издательство «Дмитрий Буланин» выпускает в свет долгожданный и одновременно легендарный том[23].

Помимо ценного материала по истории «скептической школы» и текстологических (пусть небесспорных) наблюдений о взаимоотношении списков «Задонщины», здесь найдем и реконструкцию двух ее редакций (краткую и пространную), и реконструкцию «Сказания о Мамаевом побоище». Сюжет богатый, поучительный, захватывающий...

Однако перед нами не только довольно трудное, но и весьма специфическое чтение. Монография, в полемике с которой сделаны десятки замечательных находок, еще до своего выхода сама стала частью культурного слоя. Можно пропустить ритуальные апелляции к методологии советского источниковедения, «вооруженного марксистско-ленинским мировоззрением» (автор надеялся увидеть книгу изданной), но отделаться от казенного духа «марксистского подхода к старине» (Александр Галич) уже не удастся.

Читатель оценит такой пассаж:

> В условиях господства шовинистических представлений казенной науки николаевской эпохи традиции «скептического» направления в буржуазной историографии не получили сколько-нибудь серьезного продолжения (с. 403).

Историк не видит разницы между несвободой науки в 1830-х и 1930-х. И полагает, что, если бы не царское правительство, которое контролировало умы ученых, подделка «Слова» была бы разоблачена еще два столетья назад:

> Советским историкам и литературоведам органически чуждо антинаучное деление ученых на «скептиков» <...> и «нескептиков» <...>. Хорошо известно, что в 30–40 гг. XIX в. царское правительство пыталось с помощью некоторых реакционных ученых, защищавших древность Слова о полку Игореве, противоборствовать представителям передового направления исторической и филологической наук (с. 12).

Что за заговор против лучших умов *передовой науки* плел Николай Павлович Романов? Через без малого четыреста страниц выясняется,

---

[23] *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006. (Перед нами пятисотстраничная книга, первый вариант которой был издан на ротапринте в 1963 году. Однако там после слов «Слово о полку Игореве» значилось: «Источники. Время написания. Автор». Здесь же подзаголовок потерялся. Но такова, по свидетельству ответственных редакторов В. Г. Зиминой и О. В. Творогова, оказалась воля автора.)

что крамолой надо признать осторожные сомнения московского профессора И. И. Давыдова относительно древности «Слова».

Фактов, удостоверяющих заговор, не обнаружено. Кроме одного:

> Чтобы как-то уменьшить впечатление, которое производил Давыдов на слушателей, товарищ министра просвещения С. С. Уваров 27 сентября 1832 г. привел на его лекции Пушкина (с. 399).

Видимо, это Николай I и Бенкендорф рекомендовали махровому реакционеру А. С. Пушкину разоблачать опасные взгляды флагманов прогрессивной науки И. И. Давыдова и О. И. Сенковского. (Последний, кстати, полагал, что царь Кир воевал под Оршей, а «Илиада» написана по-белорусски.)

Увы, перед нами не желтое «журналистское расследование», а научная монография, атрибуирующая «Слово о полку Игореве» в качестве памятника XVIII века и обосновывающая авторство Иоиля Быковского.

Книга Зимина стала в два раза толще ротапринтного издания 1963 года. Добавлен и справочный аппарат, составленный О. В. Твороговым, последовательным оппонентом А. А. Зимина. Не считая корректным полемизировать с покойным в его книге, текстолог ограничился тем, что снабдил том историка ссылками.

Но эти внешне невинные сноски порой убийственны.

Скажем, А. А. Зимин отмечает «слабое знание древнерусского вооружения» автором «Слова» (с. 213) и утверждает, что «замена „меча“ (Задонщина) „саблей“ (Слово) также свидетельствует о слабом знании оружия XII в. автором Игоревой песни» (с. 214).

Действительно, слово «сабля» в поэме произнесено семикратно. Но историк поверил легенде, изложенной на первых страницах *ПВЛ*, и полагает, что сабля — оружие *исключительно* восточное. Стоит не полениться и открыть «Энциклопедию „Слова о полку Игореве“», чтобы отыскать короткую заметку О. В. Творогова:

> Как установили археологи, сабли бытуют на Руси приблизительно с X в. <...>. В XI–XIII в. <...> территория, где находят искривленные клинки, расширилась на север вплоть до Минска, Новгорода и Суздальского Ополья. Особую популярность завоевывает сабля у южнорусских конников. Почти половина всех находок происходит из курганов Поросья...[24]

О. В. Творогов ссылается на работы трех археологов, вышедшие еще до того, как Зимин увлекся «Словом». Историку на них указывали, но он от ненужной ему информации предпочел отмахнуться.

---

[24] *Творогов О. В.* Сабля // *ЭСПИ*. Т. 4. С. 258.

В летописях сабля (оружие, и впрямь завезенное с Востока) упоминается под 1086 и 1174 годом. И в далеком от Поля Половецкого Боголюбове заговорщики убивают князя Андрея именно саблями.

Того же рода и сюжет с харалужными мечами «Слова», которые в «Задонщине» заменены на «мечи булатные».

Как пишет А. В. Арциховский, и дамасская сталь, и булат родом из восточных стран[25]. Булатные клинки пришли на смену дамасским в XIV веке. Есть однако и иное объяснение: примерно в то же время должно было прекратилось производство стали у села Харалуг на Волыни (см. с. 113 наст. изд.), и слово «харалужный» стало просто поэтическим эпитетом.

А. А. Зимин указывает на «ошибки» поэта и на протяжении всей книги многократно декларирует открывшуюся ему истину.

Например, так:

> Автор Слова отлично знал летописную статью 1201 г., откуда он черпал ряд образов для своей Песни: «пилъ золотомъ шоломомъ Донъ» (так в летописи. — *А. Ч.*), «храборъ бо бѣ яко и туръ» и др. (с. 205).

Вопрос, а не попало ли это в летопись из «Слова», даже не ставится.

Чтения, предлагаемые А. А. Зиминым, по-своему последовательны: историк чаще всего видит фальшивку там, где текст многомерен. Впрочем, о веществе поэзии он отзывается пренебрежительно: «Перед нами чисто поэтические образы, далекие от действительности» (с. 199).

Знатная проговорка, если учесть, что предмет исследования — поэзия.

А. А. Зимин замечает, что Святослав Киевский своих двоюродных братьев Игоря и Всеволода называет «сыновцами» (с. 197), и на этом основании полагает, что Иоиль Быковский не знал разницы между словами «сын» и «сыновец» (племянник). Историк забыл, что Игорь еще в 1180 году назвал Святослава «отцом», и потому в устах Святослава горький каламбур *сыновья — сыновцы* вполне оправдан: это жест отстранения от себя ослушников (мол, какие же вы сыновья, вы так — неблизкие родственнички).

Упоминание в «Слове» о звонящих Всеславу колоколах Полоцкой Софии (тех, что Всеслав в XI веке снял с Софии Новгородской) наводит А. А. Зимина на размышление, что Полоцкая София была возведена около 1220 года, но «вместе с тем хорошо известно, что храм был построен заново в 1750 году». Последняя дата нужна историку, чтобы хоть как-то связать храм с серединой XVIII века (а там и рукой подать до некогда

---

[25] *СССПИ*. Вып. 6. С. 116.

связанного с Полоцком Иоилем Быковским). Но в первой половине XIII века князь Борис не построил, а отремонтировал (*вчинилъ*) знаменитый храм XI столетья, сложенный той же строительной артелью, что Киевская и Новгородская Софии. Да и в XVIII веке храм всего лишь перестроили. Однако А. А. Зимину надо дезавуировать ранние упоминания о Софии. И он идет на подлог, крадя у Софии полтора века ее истории.

Диалектическая логика никогда не подводит советского историка. И вот он уже учит древнерусского стихотворца азам рыцарской чести:

> Автор Слова рисует Кончака как «поганого кощея», а не как достойного противника. <...> Отсутствие понятия о законах феодально-иерархической морали резко выделяет Слово о полку Игореве из состава памятников древнерусской литературы (с. 211).

Видимо, мораль предписывала почитать лютого врага-иноплеменника, если тот оказывался сватом одного из русских князей?

А. А. Зимин резонно замечает, что поэт говорит на равных с князьями XII века. Историк даже цитирует мнение В. Ф. Ржиги о том, что дружинник не мог «идейно занять такую позицию, которая объяснима только как междукняжеская» (с. 212). Но поскольку А. А. Зимин знает априори, что автора надо искать в XVIII веке, то в сторону князей конца XII столетья он даже не смотрит.

Когда хочется что-то доказать, а сказать нечего, дело неизбежно дойдет до курьезов. Так, присоединив концовку одной фразы («Ольговичи храбрые князи к брани подоспели») к началу другой («Ингварь и Всеволод, и все три Мстиславича...»), А. А. Зимин делает справедливый вывод: «Ольговичей нельзя было считать Мстиславичами» (с. 204).

И это, конечно, также аргумент в пользу фальсификата.

Историк удивлен, почему в рассказ Ипатьевской летописи о событиях 1185 года «не проник ни один поэтический образ этой Песни».

То есть он полагает, что, если бы «Слово» было известно летописцу, следы этого были бы очевидны.

Но в Ипатьевской летописи мелькает *желя* (олицетворение скорби), о которой сказано, что Господь «навел ее на нас вместо веселия». А это контаминация двух образов «Слова»: «Желя поскакала по Русской земле» и «А веселие поникло...».

В «Слове» Святослав изронил злато слово, смешанное со слезами, а в летописной повести «Святослав... утер слезы свои и сказал: „О любезные братья и сыны... Отворили ворота на Русскую землю...“»

Яркая эта метафора и есть не замеченный А. А. Зиминым парафраз из «Слова», где киевский князь говорит: «Загородите Полю ворота...».

Большего требовать от летописца просто невозможно. Он явно находится под влиянием поэмы, но переводит на свой, сугубо прозаический язык.

А. А. Зимин негодует:

> И уже совсем необъяснимо, почему он (поэт. — *А. Ч.*) сохранил летописную последовательность рассказа, которая не вытекает из логики развития событий... (с. 188).

Однако нехронологическая последовательность эпизодов и есть главный аргумент за то, что сюжетное строение «Слова» повлияло на летопись. В противном случае надо допустить, что рукой летописца вела некая неясная нам *нехронологическая* установка, точно совпадающая с той, что реализована в поэме.

Троекратно повторяет А. А. Зимин любимую свою мысль:

> Автор Слова, если бы он был, как составители летописной записи 1185 г., современником этих событий, не мог бы не прибавить каких-либо новых подробностей о походе князя Игоря (с. 188).
>
> Точное следование известным нам источникам, отсутствие в «Слове» каких-либо новых фактов показывает, что его автор — писатель, не являющийся современником тех событий, которые он изображал (с. 193).
>
> В «Слове о полку Игореве» нет достоверного исторического материала, который выходил бы за рамки названных летописей, нет никаких следов того, что автор был современником описанных им событий (с. 224).

Поскольку археология не может быть востребована для подтверждения подлинности «Слова», ясно, что помимо летописей и других средневековых сочинений иного «достоверного материала» просто не существует.

Но тут же А. А. Зимин противоречит сам себе:

> Почему, например, при рассказе об осаде Путивля половцами летописец не говорит о Ярославне, которая, по «Слову», находилась именно в этом городе? (с. 190).

А. А. Зимин считает, что последнее — фантазия автора XVIII века, ведь, если верить летописи, Гзак сжег путивльский острог, и, значит, Ярославна никак не может плакать «на забрале». Однако историк Древней Руси не может не знать, как устроен древнерусский город: внутри острога *окольный град*, а в самом его центре *детинец* — кремль.

Гзак пожег внешний город, но взять кремль не сумел, и Ярославна плачет на кремлевской стене, а не на частоколе острога.

А. А. Зимин требует от поэтического произведения уникальной информации, но, когда она присутствует (как в случае Ярославны в Путивле), объявляет ее выдумкой фальсификатора. (То, что некорректен сам метод подобного ведения спора, полемисту и в голову не приходит.)

Правда ли, что поэт не сообщает новых подробностей о событиях 1185 года? Неправда. В летописи не сказано, что Кончак, узнав о походе Игоря, призвал Гзака, и они спешат к Дону, чтобы дать сражение у Каялы (один от Азовского Лукоморья с юго-запада, а другой с юго-востока, *из-за Дона*, где находились его кочевья).

Только в «Слове» сообщается, что битва произошла в «поле безводном», «на реке на Каяле у Дона великого» (но, судя по Ипатьевской летописи, где-то вблизи Донца). «Слово», помимо многого прочего, говорит и о ветре, что два дня гнал половецкие стрелы на прижатых к берегу Каялы русичей (и тем определил исход битвы; см. наст. изд. с. 446).

Роль Буй Тура Всеволода, который ведет Игорево войско к Донцу, прорубаясь через половецкие полки, становится понятна только из «Слова» (летописец отмечает мужество Буй Тура, но не сообщает, что именно Всеволод находится в авангарде, *на борони*).

Можно еще прибавить уникальный список родов (или титулов) черниговских ковуев, рассказ о неизвестном летописям Изяславе Полоцком и двух его братьях (один из них тоже нигде более не упомянут). Вспомним и отсутствующие в других источниках свидетельства о ранних походах на Литву, ятвягов и половцев Буй Романа Волынского.

И откуда Иоиль Быковский мог знать, что галицкая дружина Ярослава Осмомысла 27 сентября 1176 г. участвовала в битве византийцев при Мириокефалоне с иконийским султаном Килидж-Арсланом II?

Историки выяснили это только в XXI веке (см. с. 165 наст. изд.).

Однако самые оглушительные поражения «скептики» терпят там, где пытаются учить автора «Слова» военному делу и поэзии.

Вот, к примеру, А. А. Зимин присоединяется к мнению В. Б. Вилинбахова, который однажды обронил, что «поющие копья» — «позднейший вымысел», ведь метательные копья назывались сулицами (с. 213). Сулицы в поэме тоже упомянуты. Но дротик летит беззвучно (это не пущенная из лука стрела). А вот ко́пья, как давно замечено, могут петь: вертикально притороченное древко при сильном ветре (или при ска́чке) издает слабый звук. Если же вокруг «лес копий» — звук крепнет.

И еще о методологии. А. А. Зимин лишь делает вид, будто отвечает на критику. Факты, не укладывающиеся в его концепцию, он игнорирует. И не видит того, чего видеть не хочет. Однако если ошибка слишком уж очевидна, то окружает ее облаком рассуждений, не имеющих прямого отношения к предмету, и, измотав читателя окольными подробностями, вновь повторяет в качестве вывода начальный тезис.

Как ни печально и как ни парадоксально, но перед нами книга дилетанта — столь же агрессивного, сколь и убежденного в истинности

априорного своего знания. И своими немалыми профессиональными познаниями он распоряжается как носитель сверхценной идеи.

О. В. Творогов в начале 1960-х спрашивал А. А. Зимина, почему трудные, но надежно истолковываемые темные места «Слова», в «Задонщине» превращаются в бессмыслицу? В устной полемике историк уклонился от ответа, в своей монографии ушел и от самой постановки данного вопроса.

В книге А. А. Зимин цитирует отзывы о «Слове» своих предшественников. Это весьма любопытная подборка:

> Сенковский удивлялся, почему «бессвязность слов и мыслей», обнаруживающаяся в «Слове», расценивается обычно как показатель «древности творения» (с. 400).
> В 1840 г. в рецензии на книгу М. Максимовича «История древней русской словесности» М. Н. Катков, тогда либерал-западник, позднее крайний реакционер, упрекал автора за пристрастие к Слову <...>. Такая, пишет он, «уродливость в языке, ...такая бессвязица — ни одного слова живого» (с. 401).
> Языковые особенности Слова вызывали сильные сомнения у идеолога раннего славянофильства К. С. Аксакова <...>: «Именно этой-то жизни языка не видим мы в Слове о полку Игореве; мы видим в нем какую-то холодность, безучастие слога к жизни языка (с. 402).

И совсем иного рода сомнения терзали первого скептика:

> Каченовский задает слушателям вопрос: могла ли на Руси в то далекое время «процветать поэзия». При том «песнь эта, изобилующая красотами, не могла быть отдельным явлением в литературном мире... А песнь о полку Игореве одна, — как с неба упала...» (с. 396).

Итак, основатель скептической школы сомневался в подлинности потому, что текст ему казался слишком хорош для XII века, а в случае с прочими мы имеем дело с неприятием художественной системы, более сложной и совершенной, чем та, которая им представляется идеальной. (Так А. Мазон полагал, что художественные достоинства «Задонщины» выше достоинств *слабого и подражательного* «Слова».)

Профессиональную несостоятельность взявшегося не за свое дело историка проиллюстрируем и тем, как он обходится с обнаруженными Е. В. Барсовым реминисценциями «Слова» из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (с. 232)[26].

---

[26] *Барсов Е. В.* Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887–1889. Т. 1. С. 260.

В «Истории» кроме *обаполы*, *трубы трубять*, *луци напряжени*, *стружие*, *гневомъ затворише уши* (в «Слове» *уши закладаше*), *жалощами* и *заступивъ путь* встречаем целые выражения, откликающиеся эхом в древнерусской поэме: 1. *Прием умъ своею крепостию* (*Истягну умъ крѣпостию своею*); 2. *Поострите душа ваша* (*Поостри сердца своего мужествомь*); 3. *Исполньшимся ратнаго духа* (*Напълнивъся ратнаго духа*); 4. *И лепле смьрть славну взяти, негли жити пленени* (*Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти*); 5. *Подъ шеломомъ състаревшеся* (*Подъ шеломы възлелѣяны*); 6. *И стрелы на нихъ летяху, яко дождь* (*Ити дождю стрѣлами*); 7. *Бысть видети падающа жиды, акы снопы со забралъ* (*Снопы стелють головами*); 8. *Слаби есмы противится римляномъ, яко же и дух спряжен* (*жажею имъ лучи съпряже*).

А. А. Зимин, показывая, что некоторые из этих параллелей попадаются и в других памятниках, без всякой мотивировки заключает:

> Итак, если мы можем допустить влияние Иосифа Флавия на Задонщину и Ипатьевскую летопись, то нет никаких реальных следов того, чтобы этим произведением воспользовался автор Слова о полку Игореве (с. 233).

«Слово» хуже лишь тем, что А. А. Зимин считет его фальсификатом.

Но в «Истории» перед нами ряд клише, а в «Слове» они превращены в полноценные метафоры! Ясно, что из глины можно вылепить горшок, однако обожженный в печи горшок в глину уже не превратить.

А. А. Зимин декларирует, что автор «Слова» не мог воспользоваться «Историей» Иосифа Флавия. Декларирует, как всегда, без доказательств.

Но беспрецедентная концентрация реминисценций из Иосифа Флавия есть только в «Слове», в «Задонщину» же попала лишь часть их.

А это означает, что «Задонщина» по отношению к «Слову» вторична.

(Текст Иосифа Флавия столь мощно откликнулся в «Слове», что возникает вопрос, не был ли сам поэт переводчиком древней «Истории»?)

Когда все эти *детские* аргументы были коллегами оспорены и отвергнуты, А. А. Зимин бросил последний козырь. Обратимся к стенограмме его заключительного выступления на слушаниях в Отделении истории:

> Первым выступил в защиту древности или против Мазона П. Н. Милюков. Его аргументы повторяются в основных чертах и развиваются дальше Д. С. Лихачевым <...> Это историографический факт, о котором Д. С. Лихачев почему-то всегда умалчивает. Далее. Основной противник позднего происхождения Слова – небезызвестный профессор Р. Якобсон (США), политические и научные представления которого достаточно ясны. Его школа поднимается на щит в зарубежной славистике, и я что-то не слыхал, чтобы Д. С. Лихачев хоть когда-нибудь подвергал взгляды Якобсона и его последователей серьезной

> критике. <...> Д. С. Лихачев не упомянул и ренегата Лесного, бежавшего с немцами из Киева и подвизающегося сейчас в Австралии...[27]

После этого уличения бывшего политзэка Лихачева следуют два имени «главных столпов реакционной славистики украинского националиста Д. Чижевского, „патриарха“ эмигрантских историков Г. Вернадского...».

Известный душитель передовой науки Пушкин А. С. да и сам автор «Слова» еще легко отделались. Благо на календаре был 64-й, а не 37-й.

Виктор Шкловский ввел в оборот термин «энергия заблуждения» (это выражение он взял у Льва Толстого). Благодаря энергии такого рода А. А. Зимин спровоцировал новый виток изучения памятника. Но его книга показала, что реальных аргументов у «скептического направления» нет. На книжной полке этот том найдет свое место бок о бок с трудами Олжаса Сулейменова, Алексея Толочко и мифами творцов *новой хронологии*. Всех этих авторов объединяет верность методу, сформулированному шекспировским Полонием: «Условимся, что принц сумасшедший, это даст нам право считать его таковым, и, следовательно, мы доказали, что принц сошел с ума».

СЕМЬ СВИДЕТЕЛЬСТВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПРОЗЫ

А. А. Зимин заговаривал читателя:

> Одним из аргументов в пользу позднего происхождения «Слова о полку Игореве» уже давно являлось полное отсутствие его реминисценций в древнерусской письменности... (с. 233 и почти теми же словами на с. 404).

Если это правда, то дело «нескептиков», разумеется, безнадежно.

Но для того, чтобы понять картину, надо отойти от нее на должное расстояние. И мы никогда не услышим логику исторического процесса и полемику писателей со своими предшественниками, если будем исходить из сравнения лишь двух памятников.

Попытаемся увидеть всю картину и покажем, что до XVI века «Слово» было более чем популярно в среде древнерусских книжников.

---

[27] Цит. по статье Л. В. Соколовой «Новые мифы о старом: по поводу интервью на радиостанциях „Эхо Москвы“ и „Свобода“ в связи с выходом книги А. А. Зимина». Studia Slavicka et Balcanica Petropolitana: alm. SPb. (Петербургские славянские и балканские исследования.) 2007. № 1/2. 23–38. См. и на сайте Пушкинского Дома: http://odrl.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3229 Тут же ссылка на стенограмму: Архив РАН. Отделение истории. Ф. 457, опись № 3 (1964 г.), № 19. Л. 188–189.

В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что «в поздних списках „Повести об Акире“ появляются вставки в текст, упоминающие о линьке сокола: *Егда бо соколъ трехъ мытеи бывает он не даст ся с гнѣзда своего взяти*»[28]. Но это может быть и эхом «Слова», и независимой от него параллелью.

Первое свидетельство:

В Ипатьевской летописи находим похвалы галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу, среди которых звучит и похвала его прапрадеду Владимиру Мономаху (стб. 716). Роман Мстиславич, отождествляемый с Буй Романом «Слова», погиб летом 1205 года в польском походе. Выписки из Похвалы Роману, помещенные под 1201 годом, предшествовали рассказу о великом его княжении. О походах Романа на половцев сказано, что он *прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бѣ яко и туръ*. Это кажется общим местом, но в «Слове» говорится, что Роман «высоко плавает на дело в отваге, как сокол на ветрах паря». Тут же в летописи о Владимире Мономахе черным по белому: *пилъ золот<ы>мъ шоломомъ Донъ*. И это прямая отсылка к «Слову» (*а любо испити шеломомъ Дону*). Здесь в летописи следует ссылка на события лета 1185 года: речь о Кончаке, *иже снесе Сулу*. Но в «Слове» о Кончаке и его ордах сказано: *...по Сулѣ гради подѣлиша*. И это звучит как раз в обращении к тому же Буй Роману. (А, значит, летописец черпает именно из «Слова». Подробнее см. с. 155—157 наст. изд.)

К 1203 году В. Н. Татищев относит послание Романа к русским князьям, и в этом тексте также откликается «Слово»:

> Вы, братия, известны о том, что Киев есть старейший престол во всей Руской земли, и надлежит на оном быть старейшему и мудрейшему во всех князьях руских, чтоб мог благоразумно управлять и землю Рускую отвсюду оборонять, а в братии, князех руских, доброй порядок содержать, дабы един другаго не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять. Ныне же видим все тому противное. *Похисчают престол* моложшие и несмысленные, которые не могут не токмо других распоряжать и братию во враждах разводить, но сами себя оборонить не в состоянии; часто *восстает война в братии*, *приводят поганых половцов и разоряют землю Рускую*, чим наипаче и в других *вражду всевают*... (*Татищев В. Н.* История Российская: в 7 т. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 169).

В татищевском переводе «проекта конституционной реформы Романа Мстиславича» на политический язык переложены не только идеи,

---

[28] *Адрианова-Перетц*. С. 141.

но и метафоры «Слова». (Однако Татищев «Слова» не знал и, значит, приведенный им текст — подлинный.) Курсивом мною выделены четыре заимствования, идущие в послании Романа друг за другом. Параллели: «Не в победных жребиях власть расхитили», «Встала Обида в войсках внука Даждьбога», «...а поганые сами победно нарыскивают на Русскую землю», «Тогда при Олеге Гориславиче засевалось и прорастало усобицами».

Вот и в «Слове о князьях» (анонимная черниговская проповедь второй половины XII века) сказано, что князья «противятся старшей братии» и «поганых на братью свою призывают». Есть здесь и такой мотив: *рассѣдеся* (разошелся) *верхъ теремцю* и сквозь щель влетел **белый голубь**. Вспомним сон Святослава, где терем лишается кнеса/охлупня и слышно, как кричат **серые вороны**.

А. Г. Бобров, доказавший факт влияния «Слова о князьях» на «Слово о полку Игореве»[29], ссылается на переводной (с греческого) памятник «Сказание Афродитиана». Здесь возникает тема вещего сна, а у языческого храма расходятся стропила, и на голову кумира по имени Источник нисходит Вифлеемская звезда (она в «Слове о князьях» и замещена белым голубем). Логика развития образа помогает определить последовательность создания текстов: «Сказание Афродитиана» (до 1178) — «Слово о князьях» (1178) — «Слово о полку Игореве». (Видимо, наиболее подходящий кандидат в авторы «Слова о князьях» — черниговский епископ Порфирий, который по просьбе Святослава Всеволодича дважды пытался мирить рязанских князей с Всеволодом Большое Гнездо и в 1178 и 1186 годах приезжал для этого в Рязань и Владимир.)

Второе свидетельство:

Д. С. Лихачев показал, что автор «Задонщины» считает своим долгом перелицевать *каждый* образ древнерусской поэмы с *изнаночного* (кромешного, плохого) на *лицевое* (правильное и хорошее). Ценя орнаментальность стиля, создатель «Задонщины» обстоятелен в перечислениях, но, за редкими исключениями, равнодушен к веществу поэзии, а потому неизбежно демонстрирует свою вторичность[30].

---

[29] *Бобров А. Г.* Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. СПб., 1994. С. 88–89.

[30] *Лихачев Д. С.* Черты подражательности «Задонщины» (к вопросу об отношении «Задонщины» и «Слова о полку Игореве») // Русская литература. 1964. № 3. С. 84–107.

1) В «Задонщине» князья хвалятся: *А воеводы у нас уставлены, а дружина свѣдана, а под собою имѣем добрые кони, а на собѣ злачеными доспѣхи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряские, а мечи булатные...* (Список Ундольского).

Спохватившись, что не к месту увлекся номенклатурой амуниции и лучшего оружия, автор сам себя одергивает и цитирует «высокий образец»: *но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую* (вновь контаминация из «Слова». — *А. Ч.*) *и за вѣру крещеную.*

И тут же: *Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собѣ чести и славного имени.* Дружинники, которые *сами пашутся* (полощатся) на ветру, как живые хоругви (вообразим отлетевшие назад плащи), — не только редкий для «Задонщины» полновесный образ, но одна из самых ярких метафор древнерусской литературы. Это увидено глазами того, кто участвовал в воинских походах и мог наблюдать графическую рифму параллельно плещущих плащей и стягов.

Но и это контаминация из «Слова», где «врозь пашут» концы стягов, а удалые Глебовичи названы живыми шереширами (смысла этого выражения автор «Задонщины» не знает, оно встречается лишь в «Слове», где имеется в виду греческий «живой огонь»).

2) Автор «Задонщины» не знает слова *шеломя*, но как текстолог-любитель и стихийный лингвист, обративший внимание на «шоканье» «Слова» (*шизый орел*) и понимающий, что в некоторых случаях в языке *е* может соответствовать *о*, правит на неуклюжее: *Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.*

3) В «Слове» фраза *Чьто ми шюмить, чьто ми звенить давеча рано предъ зорями...* относится к самой сече. (Хотя в глаголе *звенить* откликается и звон княжеских крамол, выкованных Олегом Гориславичем, дедом Игоря; тот звон, от которого старые князья «затыкали уши».) «Задонщина» представляет дело так, что русские с лязгом и грохотом шествуют к месту битвы: *Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимеръ Андрѣевичь полки пребирает и ведет к великому Дону...* В «Слове» же о самом походе сказано просто: «Игорь к Дону воинов ведет».

4) В «Слове» Див — некий злой мифологический персонаж, а Диво в «Задонщине» — олицетворение удивленья и восхищенья: *укупим животу своему славы учиним землям диво.* Оно *кличет под саблями татарьскими*, но при этом, когда *вознесеся слава руская на поганых хулу, уже бо вержено диво на землю.* Автора повести невольно спровоцировал на ошибку автор «Слова»: *А чи диво ся, братие, стару помолодити...*

5) В «Слове» «черная земля под копытами костьми посеяна, а кровью полита», и этот посев всходит по Русской земле *тугою* (бедами). Но

в другом месте сказано, что Святослав Киевский, «наступил на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, возмутил озера и реки, иссушил потоки и болота». Две разные, но логичные в своей образной последовательности метафоры в «Задонщине» слиты воедино: *Черна земля под копыты а костми татарскими поля насеяша а кровью их земля пролита бысть. Сильнии полки ступишася вместо и протопташа холми и луги и возмутишася реки и потоки и озера*.

6) В «Слове» *золотой* — исключительно княжеский эпитет. «Злачеными» (позолоченными) могут быть шлемы бояр и стрелы половецких ханов. Автор «Задонщины» этой древней и сакральной иерархии золотого не знает, у него злаченые шлемы и доспехи и на князе, и на монахе Пересвете, и на простых ратниках.

7) В «Слове» Днепр пробивает «каменные горы» (это знаменитые Днепровские пороги), а в «Задонщине» это делает Дон (который, как известно, вовсе не «быстрый», а «тихий», и порогов на нем нет). Если Ярославна плачет на Сейме (Сейм впадает в Десну, а та в Днепр), и потому от моря (Азовского) Игорь и впрямь мог бы вернуться в Путивль по Днепру, то жена Микулы Васильевича Марья *рано плакаша у Москвы града на забралах стоя, а ркут тако*: «*Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеши в землю Половецкую. Прилѣлѣи моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ*».

Но по Дону в Москву не дано приплыть ни мертвому, ни живому.

8) В «Слове» Святослав Киевский, чьи ладьи Днепр «лелеял» до стана Кобяка, взывает: «Загородите Полю ворота!», а о Ярославе Осмомысле сказано, что он «затворил Дунаю ворота». Параллельное место в «Задонщине»: *Замкни государь князь великий Оке реке ворота чтобы потом поганые татаровя к нам не ездили*. Но монголы приходили на Русь совсем не на ладьях, да и Ока — своя река, она не течет, как Дунай, из глубин заморских и враждебных стран, ее истоки в центральной части Среднерусской возвышенности.

9) И главное: «Задонщина» начинается с того, что князь Дмитрий Иванович на пиру у Микулы Васильевича узнает о походе Мамая на Русь: «*Поидем брате тамо в полунощную страну жребия Афетова сына Ноева, от него же родися русь преславная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго Непра и посмотрим по всеи земли Рускои. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя поганые татаровя бусормановя*». И вдруг: «*Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов*» (Список Ундольского). Проговорка (или ссылка) «на Каяле» (не Калке!) не оставляет сомнений в том, что повесть о битве на Непрядве подражает песне о Каяльском побоище, то есть «Слову».

Долгое время считалось, что автор «Задонщины» — упомянутый в некоторых ее списках Софоний Рязанец. Относительно поздняя Тверская летопись называет его «брянским боярином»[31].

Р. П. Дмитриева показала, что краткий Кирилло-Белозерский список «Задонщины» составлен на основе не дошедшего до нас протографа редактором Ефросином[32]. Он и дал произведению название «Задонщина великого князя, господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимира Ондреевича» (в других списках «слово», «сказание», «похвала»). Исследовательница сделала важный вывод:

> ...исходя из содержания самой «Задонщины», следует признать, что Софоний не был ее автором; последний ссылается на Софония как на поэта или певца своего времени, творчеству которого он склонен был подражать. Имя Софония как писателя упоминается в рукописях (начиная с XV в.) только в связи с произведениями на тему Куликовской битвы. Следует признать, что автор «Задонщины» воспользовался двумя поэтическими произведениями — сочинением Софония и «Словом о полку Игореве».

Третье свидетельство:

Если проблема взаимоотношения «Слова» и «Задонщины» сегодня большинству исследователей представляется решенной, то кто же такой Софоний Рязанец, и нет ли среди известных нам древнерусских повестей его сочинений? Конечно, есть, ведь анонимный автор «Задонщины» цитирует не только «Слово о полку Игореве», но и «Повесть о разорении Рязани Батыем»[33]. Более того, этот текст — мостик между «Словом» и «Задонщиной». Его автора, Софония, создатель «Задонщины» и должен поминать как своего предшественника.

Начнем с косвенных доказательств. В «Слове» Игорь хочет напиться шеломом из Дона. Шлем превращается в смертную чашу на том пиру, где русичи чествуют своих «сватов». Это горькая ирония, ведь Кончак и впрямь — сват Игоря. При этом слово «чаша» звучит лишь внутри глагола *доконьчати*. Цитирую в стиховой записи:

ту кроваваго вина не доста
ту пиръ *доконьЧАША*

---

[31] *Дмитриева Р. П.* Задонщина // *ЭСПИ*. Т. 2. С. 203.

[32] *Дмитриева Р. П.* Был ли Софоний рязанец автором Задонщины? // *ТОДРЛ*. 1979. Т. 34. С. 24.

[33] Текст повести см.: Памятники литературы Древней Руси: XIII век // Общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1981. С. 184–199; примеч. 554–559.

храбрии русичи
сваты попоиша
а сами полегоша
за землю русьскую

В «Повести о разорении...» это превратится в «мудрый ответ» Батыю раненых русских ратников: *Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу — рать татарьскую.* А «Задонщина» начинается с пира, и в конце ее уже иноземцы-фряги издеваются над бежавшим с Куликова поля Мамаем: *Нѣшто тобя князи руские горазно подчивали ни князеи с тобою ни воевод? Нѣчто гораздо упилися у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковылѣ?* (Список Ундольского).

Для автора «Задонщины» рязанская повесть не менее важна, чем «Слово», поскольку она рассказывает о том, как именно сбылось каялское пророчество. В противопоставление «смертной чаше» (этот образ не раз встречается в рязанской повести) в «Задонщине» возникает образ «медовой чары»: *И рече брату князь Владимер Андреевичь*: «*Тут, брате, испити медовыа чары <...> своими полки силными на рать татар поганых...*».

Вновь обратимся к «Повести о разорении...»:

> И едва поимаша от полку Еупатиева пять человекъ воиньскых, изнемогших от великих ран. И приведоша их къ царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати: «Коеа вѣры еста вы, и коеа земля, и что мнѣ много зла творите?» Они же рѣша: «Веры християнскыя есве, раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя силна царя почтити и честна проводити, и честь тобѣ воздати. Да не подиви, царю, *не успевати наливати чаш на великую силу — рать татарьскую*». Царь же подивися ответу их мудрому. И посла шурича своего Хостоврула на Елупатиа, а с ним силныа полкы татарскыа. Хостоврулъ же похвалися пред царем, хотя Еупатия жива пред царя привести. И ступишася силныя полкы татарскыа, хотя Еупатиа жива яти. Хостоврул же сьехася сь Еупатием. Еупатеи же исполин силою и разсѣче Хостоврула на полы до седла. И начата сѣчи силу татарскую, и многих тут нарочитых багатыреи Батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше...

Д. С. Лихачев обратил внимание на прямую отсылку к «Слову»:

> *И рече братии своей*: «О господия и братиа моа, аще от руки Господня благая приях, то злая ли не потерпим! *Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти.* («Слово»: *И рече Игорь къ дружинѣ своеи: «Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти»*. — *А. Ч.*) Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святыа Божиа церкви, и за веру христьянскую, и за очину отца нашего великаго *князя Ингоря Святославича*».

Это могло быть заимствованием из какого-то иного произведения, но автор повести прямо указывает на генеалогическую преемственность: Евпатий Коловрат — воевода черниговского князя Ингваря Ингоревича, отец того — Ингорь Святославич (Игорь Святославич «Слова»), дед — Святослав Ольгович Черниговский. То есть герой «Слова» Игорь воспринимается не как неудачливый «крамольник», а как легендарный предок и образцовый борец со степняками.

В «Задонщине» (по списку Ундольского) читаем:

> И отскоча поганыи Мамаи от своея дружины серым волком и притече к Хафѣсте граду. (Это контаминация из «Слова»: *скочи отъ нихъ лютымь звѣремь*; *и скочи съ него босымь вълкомь, и потече къ лугу Доньца. — А. Ч.*) Молвяше же ему фрязове: «Чему ты, поганыи Мамаи, посягаешь на Рускую землю? То тя била орда Залѣская. А не бывати тобѣ в Батыя царя. У Батыя царя было четыреста тысящь окованые рати а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил Богъ Рускую землю за своя согрѣшения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамаи, со многими силами з дѣвятью ордами и 70 князями. А нынѣ ты, поганыи, бѣжишь сам-девят в лукоморье, не с нем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣшто тобя князи русские горазно подчивали, ни князеи с тобою ни воевод? Нѣчто гораздо *упилися у быстрого Дону* на полѣ Куликовѣ *на травѣ ковылѣ*?

Но вспомним, что *лежаша на земли пусте, на траве ковыле* — «Повесть о разорении...», а *любо испити шеломомь Дону* — «Слово».

О словах *Сии бо государи рода Владимера Святославича... внучата великого князя Святослава Олговича Черниговьского* обычно пишут, что возведение генеалогии рязанских князей к Святославу Ольговичу Черниговскому или Киевскому (герою «Слова») — неверно, ведь по летописи Ингварь Ингваревич умер в начале 1220-х. А по поводу самого «отца нашего Игоря Святославича» замечают, что неясно, кто этот Ингварь (Игорь) Святославич, поскольку рязанские князья — потомки Игоря Ольговича (умер в 1194-м).

Но тем ценней, что в рязанской повести родословная князя ведется от Игоря «Слова о полку Игореве», и для автора повести это тот Игорь, отец которого — Святослав Ольгович Черниговский. Д. С. Лихачев справедливо заметил, что здесь Игорь Ольгович эпически переосмыслен как Игорь Святославич, герой «Слова», а художественные традиции «Слова» перешли в Рязанскую землю через соседнюю Черниговщину.

Итак, автор «Задонщины» упоминает как своих предшественников не только киевского гусельника Бояна, но и Софония Рязанца, а автор рязанской повести цитирует лишь «Слово о полку Игореве». То, что он отождествил своего Игоря Игоревича с сыном Игоря Святославича, говорит лишь о популярности «Слова» в XIII и XIV веках.

Автором рязанской повести и был брянский боярин Софоний Рязанец, получивший свое прозвище, видимо, за то, что описал разгром Рязани Батыем, подвиг Евпатия Коловрата и восстановление города, то есть первым на всю Русь внятно произнес, что и с татарами можно и нужно биться. Ссылающаяся на «Слово» (и цитирующая его) рязанская повесть — недостающее звено между «Словом» и «Задонщиной».

Четвертое свидетельство:

В 1813 году историк К. Ф. Калайдович открыл приписку в Псковском Апостоле 1307 года, сделанную священником Домидом (*ГИМ*. Синодальное собрание. № 722). После слов *сего же лета бысть бои на Русьскои земли*: *Михаил с Юрьем о княженье Новгородьское* следует столь нам знакомое: *При сихъ князехъ сеяшется и ростяше усобицами гыняше жизнь наша въ князехъ которы и веци скоротишася человекомъ*.

Сравним со «Словом» по изданию 1800 года: *Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась*.

Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин считают что фрагмент какого-то источника XI века дошел без правки в записи на Апостоле и подвергся переработке под пером автора «Слова». Однако в XI веке княжеские крамолы воспринимались лишь как досадное отступление от нормы. Боян осуждал Всеслава Полоцкого (осудил бы и Олега Гориславича, когда бы дожил до 1078 года), но до обобщения «в князьях распри, и жизни людские укоротились» было еще далеко. А поскольку оба текста созданы на основании событий и «замышлений» XII столетья, они вряд ли могут принадлежать автору XI века.

Впрочем, такое рассуждение слишком умозрительно, чтобы иметь силу доказательства. Попробуем зайти со стороны поэтики. Итак, считается, что языковые формы в записи на Апостоле архаичней соответствующих форм в «Слове», а, значит, Домид имел в распоряжении более древний экземпляр «Слова», в котором Даждьбога не было.

Для поэта Игорь — внук Трояна (так следует из синтаксической конструкции), Боян — внук Велеса, ветры — внуки Стрибога, а Даждьбожий внук помянут даже два раза. И если внук Даждьбога — весь русский народ[34]

[34] Так понял Н. Ф. Грамматин, так позже читали М. А. Максимович, Д. С. Лихачев, Вяч. Всев. Иванов, В. Н. Топоров и многие другие. Однако автор статьи о Даждьбоге в *ЭСПИ* (Т. 2. С. 81) Л. В. Соколова вслед за С. А. Гедеоновым, Вс. Ф. Миллером, а также М. Н. Тихомировым, присоединилась к точке зрения автора работ по генеалогии Н. Г. Головина: «Наиболее удачной гипотезой является, вероятно, та, согласно

(включая и полочан, которые не ходили с Вещим Олегом на Царьград и не прозывались в Киеве *Русью*), то ясно, зачем в данном случае поэту понадобилось обращение к древней мифологии: другого понятия, которое объединило бы и «Русскую землю», и «жизнь Всеславову» (Полоцкую землю), в конце XII века в языке просто не существовало.

Если бы поэт выкроил полноценный образ *въ кънъжахъ крамолахъ вѣци человѣкомъ съкратишася* из заемной прозаической ткани, ему было бы весьма непросто столь удачно вписать в этот контекст *Дажьбожа внука*. И потому перед нами не вставка, а органичный элемент поэтики «Слова», восходящий к наследию Бояна и его «старым словесам».

Выходит, у Домида был «более исправный» список «Слова» (XIII или даже конца XII века), чем дошедший до Первоиздателей. Но, цитируя, Домид решил избавиться от поминания языческого бога и сам заговорил в рифму: *гыняше жизнь наша*. А потом переложил по памяти честной прозой: *въ князехъ которы и веци скоротишася человекомъ*.

Маловероятно, чтобы язык церковного переписчика был архаичней стихов поэта, жившего на столетье раньше и при этом ориентировавшегося на «старые словесы». Как же объяснить словоформу *русьскои,* употребленную Домидом перед цитатой из «Слова», ведь еры пали уже более полутора веков назад?

Полагаю, что в «Слове» (и в устном его варианте, и в рукописи) сохранялась старинная норма. О том говорят и аллитерации: *...руС/Е/Ская землѣ уже за шеломенемь еСИ СЕ вѣТРИ сТРИбожи вѣнуци...*

Домид же всего лишь механически скопировал старую норму.

Не случайно, такое же архаичное написание *русьскую землю* встречаем и в рассказе Ипатьевского летописца там, где Святослав Киевский,

---

которой „Даждьбожьим внуком“, то есть потомком солнечного бога, назван в „Слове“ княжеский род Рюриковичей, русских князей. Эта гипотеза соответствует языческим представлениям». Во-первых, Автор совсем не язычник, во-вторых, достаточно лишь продолжить цитату из «Слова» (в переводе): «Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны кричали, трупы деля...». Еще одно упоминание Даждьбога в «Слове» звучит так: *въстала обида въ силахъ Дажьбожа вѣнука въступила дѣвою на землю Трояню...* Никаких объединенных «сил Рюриковичей» в XII веке не было (уже сто лет как каждый князь сам по себе). И не Рюриковичам, а всей Русской земле несет страдание дева Обида. В-третьих, если бы Головин был прав, то и Игорь в «Слове» должен быть «внуком Даждьбога», а он «внук Трояна» (на что и указала лингвист А. В. Дыбо).

Упоминание языческих богов в поэтическом тексте конца XII века, столь шокировавшее в свое время Луи Леже, нас смущать не должно. Именно в это время и скандинавские скальды вновь начинают поминать Одина и Тора. Христианство победило, и древние боги из идеологических противников превратились в поэтические образы.

узнав о поражении Игоря и Всеволода, корит их и, очевидно, цитирует «Слово» (см. с. 155 наст. изд.). Видимо, и летописец подражает «старым словесам» поэта, а, значит, перед ним лежит рукопись «Слова».

Пятое свидетельство:

В. Н. Перетц обнаружил цитату из «Слова» у Даниила Заточника в списке, с которым работал И. И. Срезневский (список, увы, утрачен): *Поведаху ми, яко тои есть суд Божий надо мною, и суда де Божия ни хитру уму ни гораздну не минути* (*ЭСПИ*. Т. 4. С. 84). Вспомним однако: *Ни хытру, ни горазду, ни пътицю горазду, суда Божия не минути...*

А в середине XX века женевский историк А. В. Соловьев заметил, что Даниил Заточник пародирует фразу *Ты бо можеши Вългу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти*. Пародирует блистательно: *Ни моря уполовником вылияти, ни чашею бо моря расчерпати*[35] (*ЭСПИ*. Т. 1. С. 255). Цитировать можно и известный, и никому не известный текст, но пародисты всегда предпочитали знаменитые творения знаменитых авторов. И то, что раз стало пародией, уже не может возвратиться из смехового мира в мир героический. Первичен шлем, а не уполовник.

Шестое свидетельство:

Б. А. Рыбаков считал, что повесть о походе Игоря в Ипатьевской летописи создана в 1185 году в Киеве и около 1190 года отредактирована в Галиче. Историк отмечает уникальность ее заголовка:

> Нигде ни один летописец не величал живого князя сверх отчества еще и именем деда. Этот необычный по своей торжественности заголовок, совершенно не соответствующий заслугам Игоря в описываемом походе, получит очень простое и убедительное объяснение, если допустить, что летописец-редактор был уже знаком со „Словом о полку Игореве“[36].

Рассказ о последнем подвиге Владимира Переяславского подтверждает правоту историка. При осаде Кончаком Переяславля Владимир Глебович был во время вылазки тяжело ранен сразу тремя копьями. Но дружина князя отбила. Повествуя об этом, летописец говорит, что Владимир Глебович *бяше князь в Переяславлѣ*, и уязвлен был *язвами смертьными* (*Ипат*. Стб. 646 и 647). Он умер 18 апреля 1187 года. Прошедшее время глагола (*бяше князь* — был князь) и провидческое знание

---

[35] Здесь откликается еще и сон Святослава Киевского: *Чьрпахуть ми синее вино съ трудомь съмѣшено...*

[36] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 194.

летописца (меж тем князь умрет не в постели, а в новом походе) говорят о том, что рассказ о кампании 1185 года или писался, или редактировался после смерти Владимира. В поэме редактуры такого рода нет. Здесь о Владимире говорится как о тяжело раненом: он «кричит под ранами», ему — *туга и тоска*. Но не «вечная память». Следовательно, поэма написана до мая 1187 года.

Б. А. Рыбаков приводит три переклички «Слова» с летописью, однако их около тридцати (это показал А. А. Зимин). Или оба древних автора цитируют один источник, или один воспользовался текстом другого. (Но *совпадение последовательности* трех десятков параллелей делает первое предположение маловероятным. См. с. 155–156.) Летописные параллели надо признать прямыми заимствованиями из «Слова».

Седьмое свидетельство:

Это открытые Н. К. Гудзием в «Сказании о Мамаевом побоище» десять уникальных параллелей к «Слову». (Однако ограничимся ссылкой на статью Л. А. Дмитриева в *ЭСПИ* (Т. 4. С. 301).

(Два свидетельства безымянных древнерусских поэтов о подлинности «Слова» читатель найдет на с. 276, 279 и 280 наст. изд.)

ПОКЛОН ОТ СТАРЦА ЕФРОСИНА

В 1814 году Е. А. Болховитинов писал К. Ф. Калайдовичу, что «Слово» должно быть написано в конце XIV или в XV века, «когда воображение и дух россиян уже ободрился от успехов над татарами»[37]. Взглянув на дату письма, можно понять, почему будущий киевский митрополит это написал. Аргументация же была такой: Боян, названный «соловьем старого времени», в конце поэмы поет припевку Игорю. Значит, «Слово» не принадлежит XII веку.

Развивая наивное это соображение, воронежский преподаватель А. М. Ломов с пафосом объявляет, что «все выдающиеся произведения национальной литературы создавались в эпохи полной консолидации национальных сил», а в 1185 году «русскому народу было явно не до изящной словесности»[38]. (От комментариев воздержимся.)

---

[37] *Дмитриев Л. А.* Болховитинов // *ЭСПИ*. Т. 1. С. 136–139.

[38] *Ломов А. М.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Дилогия Софония старца? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1: Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 42–44.

Петербургский историк М. А. Шибаев пришел к выводу, что начальный текст «Задонщины» был создан в Кирилло-Белозерском монастыре между серединой XV века и 1474 годом[39] и привел семь параллелей, которые, по его мнению, говорят о приоритете «Задонщины». Пять из них убедительно отведены А. Г. Бобровым[40]. Но, считая, что «Задонщина» в отношении «Слова» вторична, Бобров все же допускает, что две параллели говорят *о записи* «Слова» в XV веке. Однако ссылка на захоронение великого князя Изяслава в Киевской Софии (а не в Десятинной церкви, как в *ПВЛ*) свидетельствует лишь о чтении поэтом новгородских летописей да о том, что автор «Слова» не киевлянин (или не коренной киевлянин).

Остается один аргумент — фраза Новгородской первой летописи: *Новгородци же сташа в лице железному полку противу великои свиньи* (1268 год). Но совпадение эпитета в этом рассказе о немецком строе и в гиперболе «Слова» («железные великие полки половецкие») доказывает лишь то, что Автор предпочитает парадоксальные метафоры: речь о легких всадниках, но степняков так много, что сам их строй становится железным. (О выворачивании в «Слове» летописных клише писал Д. С. Лихачев. См. сноску на с. 373.) Да и сам эпитет не уникален: «Железная рать — название войска в железных доспехах в старинных русских летописях» (Словарь Брокгауза и Ефрона).

В том-то и состоит работа поэта со словом, та работа с обычными, казалось бы, словами, о которой в XX веке Давид Самойлов сказал: «...Они понятны лишь сперва, /Потом значенья их туманны. /Их протирают, как стекло, /И в этом наше ремесло».

Вот в «Слове» Ярослав Осмомысл подпирает Карпаты железными полками, как будто горы без того не устоят, а Святослав Всеволодич Киевский *лжу* <...> *грозою бяшеть притрепеталъ своими сильными пълкы и харалужьными мечи*. Но это метафоры, рожденные из вывернутых наизнанку клише. Ярослав подпирает горы, словно клюками (при скандировании слово *пълкы* звучит почти как *палки*), а Святослав сильными полками да харалужными мечами прибивает *лжу* грозой (то есть побивает полками, как молниями).

Р. П. Дмитриева показала, что Кирилло-Белозерский список «Задонщины» составлен иноком Ефросином. (У этого книжника, как отмечал Д. С. Лихачев, весьма узнаваемая манера правки текста.)

---

[39] *Шибаев М. А.* «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 29–57.

[40] *Бобров А. Г.* Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2005. V. 22. P. 238–298.

А. Г. Бобров, следуя за М. А. Шибаевым, делает вывод, что «Задонщину» написал (а не переписал) Ефросин Белозерский. И он же записал бытовавшее в дружинной среде «Слово о полку Игореве», то есть стал автором «Слова» как *литературного произведения*.

Исследователь отмечает «значительное количество индивидуальных совпадений» текста Ефросина с текстом «Слова». Однако в других версиях «Задонщины» индивидуальных совпадений не меньше. Можно допустить, что авторы этих списков пользовались некоей полной версией Ефросина, но текстологически это не подтверждается. И вот почему:

1) Невероятно, чтобы Ефросин, якобы уже записавший «Слово», в «Задонщине» вместо *под трубами повити* поставил *под трубами поютъ* (а далее две строки точно по «Слову») и вместо *хинови* написал *хинела*. (В других списках многократно *хинова* и *хиновские*.)

2) Описка (перенесение слога *го* на строку выше) *вѣщаго го* (!) *Бояна в городѣ Киевѣ гораздо<го>* (!) *гудца* и еще два явных пропуска в двух других смежных фразах, показывают, что копируется чужой текст.

Вот и гипотеза о том, что Ефросин записал «Слово» со слуха, опровергается исследованием А. А. Зализняка: если б «Слово» три века бытовало в устном виде, оно утратило те языковые особенности, которые характерны лишь для XII—XIII столетий. (Статья А. Г. Боброва была сдана в печать до выхода книги А. А. Зализняка, хотя и появилась на год позднее.) Однако сделанное А. Г. Бобровым отождествление Ефросина с князем Иваном Дмитриевичем Шемякиным — весьма убедительная многоуровневая атрибуция.

Иван Дмитриевич — правнук Дмитрия Донского, единственный сын Дмитрия Шемяки, отравленного в 1453 году по наущению Василия Темного. Это последний великий князь той ветви Рюриковичей, которая потерпела поражение в феодальной войне XV века.

Но по сути война длилась четыре века, и Иван Дмитриевич (не позже 1437 — после февраля 1500) — последний из проигравших ее.

Он родился в Угличе. Осенью 1448 года его с матерью приняли новгородцы, и шесть лет изгнанники прожили в Юрьевом монастыре.

Иван хранит вывезенный его отцом великокняжеский архив, за которым многие годы охотятся москвичи.

В результате архив бесследно исчезает.

В 1454 году псковичи направили Ивана Дмитриевича к великому князю литовскому и королю польскому Казимиру. Но тот начал многолетнюю войну с Тевтонским орденом. Из-за этого в одночасье рухнули упования новгородцев и псковичей на союз с Казимиром и противостояние Москве под стягом великого князя Ивана Дмитриевича.

В 1456 году Василий Темный идет на Новгород, и мать Ивана великая княгиня Софья бежит к сыну в западнорусский город Оболчи. Через два года новгородцы заключают с Василием Яжелбицкий мирный договор, обязуясь не принимать Ивана Дмитриевича.

Видимо, в тот же год он становится новгород-северским князем. В 1463 году новгородцы вновь вспоминают о князе Иване, но он на их призыв отвечает, как пишет А. Г. Бобров, «уклончиво». При этом самая ранняя переписанная Ефросином рукопись (не что-то, а Апокалипсис) относится как раз к июлю 1463 года. С этого времени со страниц летописей Иван Дмитриевич исчезает. Однако по Коростынскому мирному договору 1471 года он вновь упоминается в числе тех князей, которых новгородцы не должны пускать в город. А это значит, что князь жив.

Его отца отравили, когда тот отверг пострижение. Ефросин/Иван это знает. Его волнует тема *князя-инока*, и из всех житий православных святых он, как заметил А. Г. Бобров, переписал лишь жития двух добровольно принявших постриг русских князей.

А. Г. Бобров предположил, что свой список «Задонщины» Ефросин запечатывает своим именем: *То ти, брате, не стукъ стучить и громъ гремить в славнѣ городѣ Москвѣ <...> стучить силная рать великаго князя ИВАНА ДМИТРИЕВИЧА*. (Вместо *Дмитрия Ивановича*!)

Согласимся: это не описка, а подпись (и к тому же попытка пророчества). По контексту сфрагиды Ивана Дмитриевича видно, что в 1474 году сорокалетний инок не оставил надежду скинуть рясу и стать великим князем *в славнѣ городѣ Москвѣ*: у Ефросина Дмитрий Донской называет братьев «гнездом *ИВАНА* Данильевича», предка Ивана III и Ивана Дмитриевича, мелькает некий *ИВАН* Сано, а Федосия (здесь вдова *ИВАНА Белозерского* — !), плачет: *Уже наша слава пониче в славнѣ городѣ Москвѣ*.

В других списках вдовы оплакивают не славу, а мужей: *Уже нам солнце померкло во славномъ граде Москве*, а само имя Иван звучит лишь раз (в Синодальном списке вскользь упомянут тот же Иван Калита).

Список «Слова» принято датировать рубежом XV—XVI веков (*ЭСПИ*. Т. 3. С. 370), и выросший в Новгороде, а живший Оболчах князь как нельзя лучше подходит на роль «псковско-новгородского» переписчика. К тому же Ефросин, как показывает А. Г. Бобров, — ценитель восточных и «баснословных» повестей. Но они-то и заключали белозерский «Хронограф». Если древнейшая часть мусин-пушкинского конволюта составлена после 1474 года Иваном Дмитриевичем, понятно, почему в «Слове» уцелели языческие реминисценции, и пласт брянской лексики (см. с. 360 и след. наст. изд.). Великий князь даже в постриге оставался князем-диссидентом, и вспомним, что одно время он был новгород-северским князем (смежная с Брянщиной территория). Изучение рукописного

наследия Ефросина, вероятно, позволит окончательно ответить на вопрос, действительно ли «Слово» переписал этот книжник.

Напомню лишь, что инока Ефросина как автора летописной антимосковской истории России XV века открыл в 1960-х Я. С. Лурье.

В «Задонщине» непропорционально большая роль в победе над Мамаем приписана белозерским князьям. Но известно, что Кирилл Белозерский воспитывался в семье у Тимофея Вельяминова, брата боярина Николая Вельяминова, на пиру у которого князь Дмитрий узнал о походе Мамая (с этого и начинается «Задонщина»). И еще: Кирилл стал иноком как раз после 1380 года. Предположение о том, он может быть автором «Задонщины», насколько мне известно, ранее не высказывалось.

ВРЕМЕНА НАВЫВОРОТ

Говоря о синтезе в «Слове» литературной и фольклорной традиций, В. П. Адрианова-Перетц ссылается на Изборник Святослава 1073 года, где есть статья «Об образех» (лл. 237 об. — 240 об.)[41]. Ее автор византийский филолог рубежа IV—V веков Георгий Херобоск, из «творческих образов» на первое место ставит аллегорию (*инословие*). Далее идут метафора (*перевод*), олицетворение (*лицетворение*), гипербола (*лихоречье*)...

На одной из метафор «Слова» стоит задержаться.

Во второй половине XI века что-то случилось с временем.

Закончились «лета Ярославовы», и по Руси огнем прокатились «крамолы» Всеслава Полоцкого и «полки Олеговы». Государство, с таким трудом удержанное Ярославом Мудрым, фактически распалось. Брат пошел на брата, над пожарищами повеяло духом библейских пророчеств.

В «Слове» сказано: *Наниче ся годины обратиша*. Можно перевести: «навзничь времена упали». Но еще Н. С. Тихонравов цитировал «Лексикон триязычный» Ф. П. Поликарпова (1704 год): *наничь одежду одевати* — надевать одежду наизнанку[42], а Д. С. Лихачев писал:

> В «Слове» *наничный* мир противостоит некоему идеальному: <...> старый молодеет, сокол не дает своего гнезда в обиду. И вот весь этот мир *наниче* обратился[43].

Итак, *наизнанку времена обратились*.

---

[41] *Адрианова-Перетц*. С. 27–28; 37.
[42] *СССПИ*. Вып. 3. Л., 1969. С. 139.
[43] *Смех*. С. 20.

Вспомним мнимое сумасшествие Гамлета и знаменитую фразу датского принца: «The time is out of joint» (Век вывихнулся). Русский вариант оказывается *куда кромешней*: вывих можно вправить, но если победы обернулись бедами, а гибель, как в детской страшилке, исходит от родной матери, современнику остается лишь молиться.

Как показывает Д. С. Лихачев, идея антимира и изнанки времен хорошо известна фольклору. Продолжим цитату:

> Весьма возможно, что загадочное «инишное царство» в былине «Вавило и скоморохи» — это тоже вывернутый наизнанку, перевернутый мир — мир зла и нереальностей. Намеки на это есть в том, что во главе «инишного царства» стоят царь Собака, сын его Перегуд, зять его Пересвет, его дочь Перекраса. «Инишное царство» сгорает от искры скоморохов «с краю и до краю».

Применительно к «Слову» это наблюдение нуждается в развитии.

Игорь Святославич вышел в поход против половцев в день памяти своего небесного покровителя Георгия Победоносца. Святой Георгий освободил город от змея, запиравшего хвостом источник, и для этого копье ему не понадобилось. Согласно древнейшим изводам жития, Георгий усмиряет змея не железом, а Божьим словом. Игорь же, вознамерившись «преломить копье о край Поля Половецкого» и «испить шлемом Дона», и впрямь переломил копье и отведал «кровавого вина», угостив им своего свата Кончака и до смерти упоив собственную дружину. А коня загнал, когда бежал из плена.

Святого Георгия на Руси называли Егорием Храбрым. Но дважды автор «Слова» произносит формулу *А Игорева храбраго пълку не крѣсити* (А Игорева храброго полку не воскресить). Мало того, что на слух выражение *Игорева храбраго*... звучит здесь почти как *Егорева храбраго*..., так еще и контекст употребления этой формулы отсылает нас к сюжету «Чуда Георгия о змие», ведь сказано, что сам Дон кличет русских князей. (Вспомним, что святой Георгий освободил не только царскую дочь, но и тот источник, который дракон запирал своим хвостом.) И это после того, как для Игоря «померк свет солнца», а кочевники поделили русские города по рекам Суле и Роси (образ кочевника ассоциировался со змеем, и летопись упоминает о «змеиных головах куманских»), Карна и Желя (Печаль и Скорбь, или даже Вопль и Стон) поскакали по Русской земле.

Тема Игорь — анти-Георгий продолжится и дальше: Георгий спас от гибели царскую дочь Елисаву, принесенную в жертву змею, а в «Слове» дочь государя Осмомысла Ярослава Галицкого одним своим плачем на опаленных стенах Путивля освобождает князя из плена.

И только после покаяния Игоря у Святой Пирогощей Богородицы изнаночный мир будет повержен, а лицевой восстановлен.

В изнаночном мире Игорь и Всеволод кинули вызов не только феодальному главе Руси Святославу Киевскому, но и самому Солнцу: «Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: „Один брат, один свет светлый, — ты, Игорь, а оба мы — Святославичи!..“» Переведем с поэтического на прозаический: Солнце насылает на нас тьму, но для меня есть один свет — светлый ты, Игорь, а мы оба — Святославичи.

Небесный ответ на этот вызов — солнечное затмение, которое на берегу Северского Донца тьмой накрывает полки Игоря.

В своем монологе Всеволод опирается на две вероятные реминисценции: 1) крестителя Руси Владимира Святославича былины называют Владимиром Красное Солнышко (полагаю, прозвище появилось потому, что он первым на Руси стал чеканить золотую монету, да еще и со своим на ней изображением); 2) во время литургии священник произносит формулу приглашения к причастию: *Святая святым!,* и в ответ хор общины поет: *Един свят, Един Господь Иисус Христос...*

Пародийным парафразом этого и звучат начальные слова монолога Всеволода: *Одинъ братъ, одинъ свѣтъ-свѣтьлыи ты, Игорю! Оба есвѣ — Святъславлича*! (И, вероятно, не случайно формула священника и формула хора здесь меняются местами, то есть тоже вывернуты наизнанку.) Не только выше Солнца, но и выше Христа в ратной своей гордыне ставит Всеволод брата (да и самого себя).

Д. С. Лихачев, однажды обронивший в интервью ярославскому поэту Юлиану Надеждину, что «Слово о полку Игореве» написано в жанре «антиславы», высказал такое соображение:

> В балагурстве значительную роль играет рифма. Рифма провоцирует сопоставление разных слов, «оглупляет» и «обнажает» слово. <...> Рифма объединяет разные значения внешним сходством, оглупляет явления, делает схожим несхожее, лишает явления индивидуальности, снимает серьезность рассказываемого, делает смешным даже голод, наготу, босоту. Рифма подчеркивает, что перед нами небылица, шутка. Монахи в «Калязинской челобитной» жалуются, что у них «репка да хрен, да чашник старец Ефрем». Ефрем — явно небылица, пустословие[44].

«Слово о полку Игореве» показывает, что смех с плачем произрастают из одного корня, но рифма не есть знак одного лишь балагурства.

---

[44] *Смех*. С. 21. (Однако не могу согласиться с Д. С. Лихачевым по поводу Ефрема. Это, конечно, пустословие, но отнюдь не небылица: для того чтобы угодить в пародию, чашник Ефрем должен был существовать реально. Иначе начальная шутка не была бы смешной, а потому вряд ли бы запомнилась.)

Поэт пишет, что перед битвой с моря, желая «прикрыть четыре солнца» (четырех русских князей, участников похода), идут черные тучи, а в третий день Каяльского побоища «два солнца (Игорь и Всеволод) померкнут...» и еще два (пятнадцатилетний Владимир Игоревич и восемнадцатилетний Святослав Ольгович) так и не успеют взойти, погаснут неразгоревшимися «багряными столбами».

И когда зачинатель усобиц Олег Святославич превращается у Автора в Олега Гориславича, балагурства тут нет (а рифма есть).

Рифму современное литературоведение устойчиво путает с рифмовкой — звуковым повтором, закрепленным в вертикальной структуре стихотворения на определенном месте (в конце, середине или начале строки). Но рифмовка — это принцип употребления рифмы в стихах, а сама рифма — типологически нечто совсем иное, не имеющее прямого отношения к предмету литературоведения. Рифма — не элемент структуры текста, а особый психоэстетический феномен[45].

Рифма есть метаморфоза образа при сходстве звучания.

Это не звуковой повтор, а магическое наследие колдунов, шаманов и волхвов, ведь зарифмовать человека — обратить его в то, с чем он рифмуется. Эта традиция и сегодня живет в детских дразнилках (точней — *обратилках*). Так и у автора «Слова» во время побега Игорь превращается по созвучию в горностая и в гоголя (*«а ИГОРЬ кънязь поскочИ ГОРЬностаемь къ тростию...»*), а *ОВЛур* в *ВОЛка*[46].

Для поэтического (как и для мифологического) сознания что с чем рифмуется, то и связано причинно-следственной зависимостью. Отношение к рифме как к инструменту исследования у поэта XII века столь серьезно, что, видимо, не желая напророчить новые беды от вернувшегося из плена Игоря, он нигде не употребляет слова «горе». Слово он знает (оно звучит в отчестве Игорева деда — Олег Гориславич), но предпочитает пользоваться синонимами: туга, тоска, напасть, печаль, жалоба́ (стенание), плач, уныние, страдание, беды, нужда (притеснение).

Рифма связана не только с двоичным кодом (в том числе добра и зла), но и с выработанным человечеством еще в дохристианские времена

---

[45] По этому поводу в 5 и 6 книжках журнала «Литературная учеба» за 1978 год опубликована дискуссия, в которой приняли участие Давид Самойлов, Михаил Гаспаров, Юрий Минералов и Дмитрий Лихачев. Открывалась она моей заметкой «Штрихи к двум портретам рифмы».

[46] В XII веке редуцированные звуки *ъ* и *ь* в живой речи были утрачены, но сохранялась традиция их произнесения в стихотворных текстах (*ъ* как *о* и *ь* как *е*).

троичным членением сущего. Это можно показать на триадах лицевого и изнаночного мира. Зададим следующие графические условия:

Обработав смысловое поле текста «треугольно-гнездовым способом» так, чтобы каждый элемент системы нашел место и в пространстве поля, и в троичной иерархии своей ячейки, мы получим *ценностную матрицу*. Детали ее могут варьироваться, но отсутствие или наличие в матрице лакун — надежный способ проверки цельности и культурной самодостаточности художественного произведения.

Оказывается, что «Слово о полку Игореве» успешно проходит такую проверку. Нетрудно заметить, что *лицевое* (верхняя часть матрицы) не только жестко структурировано, но и иерархично: в рамках ячейки три ее элемента каждый раз образуют классическую триаду (теза–антитеза–синтез), и в любом направлении по координатам самого поля мы получим цепочки диалектических триад.

К примеру, синтез *жалости* и *ласки* — *любовь*, но *ласка* плюс *любовь* — *власть*, а *любовь* и *власть* — *сила*. Если из той же точки двигаться в сторону соединения Духовного — Человеческого, то *любовь* и *мужество* ведут к *славе* и т. д.

ЛИЦЕВОЕ И ИЗНАНОЧНОЕ В “СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ”

1	Бог				
2	Святая София				
3	Святая Богородица				
4	Слово	Солнце			
5	Ум	Свет			
6	Внутренний мир (*сердце*)	Тепло			
7	Слава	Величие	Высота		
8	Хвала	Сила	Широта		
9	Честь	Власть	Чистота		
10	Дух	Мужество;	Доблесть	Достояние	
11	Вещий Дар	Внутренняя сила	(*буесть*);	(*жизнь*);	
12	Душа	(*крепость*);	Здоровье;	Обилие (*жир*);	
		Храбрость	Удаль	Богатство	
13	Христианство	Свычай и обычай;	Любовь	Веселье	Добро (*бологo*);
14	Воскрешение	Жизнь по обычаю (*воля*);	Ласка и нега	Красота	Жизнь (*живот*);
15	Человек	Защита и помощь	Жалость и умиление	Радость	Доля (*жребий*)

- 15	Идол (*болван*);	Отказ в помощи	Проклятие	Стенание (*жалоба*),	Удача волшбой
- 14	Убийство;	(*непособие*);	(*каяние*);	жалобы (*жалощи*);	(*вазнь*);
- 13	Язычество	Притеснение (*нужда*);	Страсть	Воспаление и жар	Гибель;
	(*поганый*)	Рознь и разлучение,	(*жалость*);	(*смага, жестоций*);	Зло
		неправда (*лжа*)	Ненависть	Кручина (*туга*),	
			(*нелюбие*)	беды, печаль, уныние,	
				страдание, тоска	
- 12	Труп;	Лютость;	Насилие;	Развеяние, расхищение;	
- 11	Хитрость (*клюка*);	Тягость;	Рана и недуг (*труд*);	Кровавые жатва и пир;	
- 10	Искушение (*похоть*)	Месть	Буйство	Напасти	
- 9	Нечестие;	Распря и мятеж	Муть, пыль, грязь;		
- 8	Позор (*хула*);	(*крамола; котора*);	Плен, рабство;		
- 7	Похвальба (*слава*)	Немощь (*пустыня*);	Дно		
	и горислава	Малое, худое, тощее			
- 6	Незнаемое;	Озноб (студеная роса);			
- 5	Ущербное	Угасание, тьма;			
- 4	и оскверненное	Жар и жажда,			
	(*вереженое*);	лихорадка (*смага*)			
	Стон, плач				
- 3	Дева Обида;				
- 2	Див (*гордыня*);				
- 1	Бес				

Это значит, что мы имеем дело, во-первых, с органичной системой мировоззренческих реалий, во-вторых, с произведением, дошедшим до нас без глубокой позднейшей редактуры.

Можно заметить, что христианские категории оказались сгруппированы на той стороне треугольника, где одной вершиной является Духовное, а другой — Человеческое. Понятия *ум, «сердце», слава, хвала, честь, вещий дар* были встроены и в архаическую матрицу, к категориям которой относился и весь спектр Природных и большая часть Человеческих сущностей. Христианство, перестроив порядок расположения элементов начальной матрицы, переосмыслило значение и место каждого элемента архаического миросознания, но каркас начальной структуры все же сохранился и потому может быть реконструирован.

В архаической матрице духовной вершиной было Солнце (Хорс или Даждьбог). Потому-то ему и кидают вызов отправляющиеся в Поле Игорь и Всеволод, а князь-оборотень Всеслав Полоцкий волком перебегает ему путь, в одну ночь совершив прыжок из Киева до Тмутороканя (то есть с севера на юг, наперерез идущему с востока солнцу).

Собственно христианских понятий в нашей таблице оказалось семь. Все они в лицевой части матрицы: *Бог* (*Христос*), *Святая София* (*Премудрость Божья*), *Святая Богородица, Слово, дух, воскрешение, христианство*.

Изнаночные категории (и Природные, и Духовные, и Человеческие) — тень лицевой структуры, некий опрокинутый и отраженный в бездне колеблемый мираж: Богу противостоит бес (он на дне изнаночной пропасти), Богородице — дева Обида и т. д. Но из этого не следует, что изнаночные категории не образуют собственной структуры. Хотя эта часть матрицы полна нюансов и синонимических понятий (вспомним: счастливые семьи счастливы одинаково, а каждая несчастная несчастна по-своему), принцип диалектической триадности в ней также работает.

Но если в центре лицевого треугольника находится *сила*, то в центре сердце «инешнего царства» — *немощь* («*пустыня*»).

Вырываясь из темных недр на дневную поверхность бытия, немощь способна подчинить себе силу, если в той есть некий нравственный дефект. О чем, собственно, и говорит автор «Слова»: «Уже немощь (*пустыни*) силу прикрыла». После этого в тексте и возникает образ шествующей по Русской земле Девы Обиды.

В зеркале изнаночного это не просто «обида», это анти-Богородица.

Изнаночное время «Слова о полку Игореве» — агония Киевской Руси. И потому столь ценимая советскими литературоведами цитата из письма Карла Маркса («Суть поэмы — призыв русских князей к единению как

раз перед нашествием собственно монгольских полчищ») не столь плоска, сколь истаскана публичной к ней любовью[47].

Перевертыш времени передается через рифменный перевертыш:

и половьци сулици своѣ повьргоша —
по ръси и по сулѣ гради подѣлиша

Когда эпоха кончается, поэт уже мало что может поправить.

Но великий поэт лучше профессиональных политиков и профессиональных идеологов видит и само грядущее, и его необратимость. Мобилизуя резонансы доступных ему смыслов, лирический поэт становится пророком.

В «Слове» есть такое выражение *уши закладаше*. Это и об *ушах* (пазах) городских ворот, которые утром, ожидая нападения, бревном закладывал Владимир Мономах, и, поскольку речь идет о звоне распрей, выкованных мечом Олега Гориславича, об ушах как об органе слуха.

Уши уклоняя от зла слышания, — читаем в «Изборнике» Святослава 1076 года. Поэт не может ни уклонить слух, ни заткнуть уши, поскольку, как заметил Иосиф Бродский, он — инструмент языка. А богатство языка и глубина исторической памяти тесно взаимосвязаны.

Автор «Слова» помнит и о «веках Трояна», однако, сравнивая современных ему князей с их дедами, ограничивает повествование двумя последними столетьями («от старого Владимира до нынешняго Игоря»). Значит, у него на слуху поэмы Бояна, который, если верить «Задонщине», в XI веке сравнивал своих современников с «первым князем Рюриком и Игорем Рюриковичем».

Былины Бояна до нас не дошли, и нам ничего не остается, как попытаться вообразить тот древний историко-мифологический (для поэта XII века — поэтический) код, на основе которого перед самым падением Киевской Руси создавалось «Слово о полку Игореве».

В 1114 году престарелый Нестор, чтобы ответить на вопрос, откуда пошла Земля Русская, отправляется в Ладогу. Последуем за ним.

---

[47] Как показал чешский славист Славомир Вольтман, Маркс всего лишь пересказывает мысль французского слависта Ф. Г. Эйххофа, о книге которого «История славянского языка и литературы» (1839) он писал Энгельсу 5 марта 1856 года. Однако то же самое говорил о «Слове» в 1841 году в двух прочитанных им в Париже публичных лекциях Адам Мицкевич. А на самого Мицкевича повлияли лекции профессора И. И. Чернявского и взгляды декабристов и Пушкина, с которыми Чернявский общался во время своей ссылки (*ЭСПИ*. Т. 1. С. 230; Т. 3. С. 222). Итак, можно сказать, что написано *Маркс*, а читать следует *Рылеев и Пушкин*.

ПЕРУН И ВЕЛЕС. СТАРОЛАДОЖСКИЙ СЮЖЕТ

Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров реконструировали «основной миф», лежащий в фундаменте культур многих народов, в том числе и индоевропейских (см. их работу: «Исследования в области славянских древностей», М., 1974.). Согласно этому мифу, бог неба раз в год поражает огненной стрелой выползшего на камень змееподобного бога земли. И начинается очистительный дождь. У скандинавов громовержец Тор бьется с мировым змеем, который хвостом обнимает все земные материки, у славян в роли Тора Перун, а имя его противника, видимо, — Велес (Волос). «Скотьим богом» (богом скота и богатства) Волосом клянутся при заключении договоров с греками Олеговы дружинники в 907-м и воины Святослава в 971-м.

В «Слове» отсутствует Перун (его заменяет Див), а в *ПВЛ* нет Велеса. Т. А. Бернштам так объяснила разницу между Велесом и Волосом:

> Велеса через его прибалтийские «водные» корни можно более соотнести с северо-западными (приморскими и озерными) землями к водным культам... Волос <...> является персонификацией лесного культа <...> поскольку имя Волос приписывается и архаическому «хозяину» поволжских лесов в обличье медведя (так называемый «медвежий культ»), и более позднему идолу и злому духу лесных пастбищ Ростово-Ярославского края[48].

Если Волос ассоциировался с медведем, то Велес со змеем (а, значит, и с библейским змием). Имя Велеса мелькает лишь в одном из списков «Хождения Богородицы по мукам» (XII–XIII вв.), где сказано, что язычники *Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша*, да еще в «Житии Авраамия Ростовского» говорится, что старец разрушил в Ростове каменный идол Велеса. Как сообщил мне С. Л. Николаев, та же картина и в финно-угорских языках: у коми «гондыр» — многоголовое чудовище, дракон, змей, а удмуртское «гондыр» — медведь.

В «Слове» князь-оборотень Всеслав Полоцкий кидает жребий «на девицу себе любу». Под девицей надо понимать Киев и главное его сокровище — мозаичную Оранту Киевской Софии (Богородицу Нерушимую Стену), с которой Всеслав при всем желании не мог поступить так, как с новгородскими колоколами, — забрать в Полоцк.

---

[48] *Бернштам Т. А.* «Слово» об оппозиции Перун–Велес/Волос и скотьих богах Руси // Канун. Вып. 2. СПб., 1996. С. 104–105.

Сквозь легенду о Всеславе зримо проступает миф о поединке Велеса и Перуна, а мотив кидания жребия на деву, приговариваемую к участи Велесовой невесты, приводит нас в Ладогу, первую столицу Рюрика. Здесь Вещий Олег гибнет от укуса змеи, когда обещает, вернувшись в Киев, перебить солгавших волхвов. («Волхвов бояться — к Велесу не ходить», — заметил однажды в Ладоге московский журналист Сергей Миров.)

Упомянутую в новгородских и северных летописях могилу Олега в Ладоге еще в пушкинское время Зориан Доленга Ходаковский отождествил с огромной сопкой на берегу Волхова, находящейся в километре к северу от Ладоги близ деревеньки Велеши. Эта сопка на повороте Волхова к озеру, — последнее, что видно из Ладожской крепости, если смотреть от церкви святого Георгия или от находящегося сразу за ней Земляного городища. Сопка защищает город с той стороны, откуда приходят находники-викинги. Она находится на пределе просматриваемого пространства (и зрительно замыкает его).

В Георгиевской церкви сохранилась фреска, на которой греческий мастер очень бережно и, похоже, даже с юмором пересказал красками страницу из жития святого воина. Георгий — совсем мальчик! — едет к городу на фоне иконных горок. Но одна из них, та, из-под которой дева Елисава и выводит змея, стилизована под ладожскую сопку. Конь у Георгия белый, в серых яблоках. Правое переднее копыто написано так, что невольно приходит на ум фальконетовский Медный всадник: копыто упирается в землю за спиной змея, но касается хребта чудовища. И смотрящему кажется, что всадник змея попирает. А змей покорно выползает из реки на белокаменную (!) набережную, и Елисава, всплескивает левой дланью: «Пожалуй-ка в ворота!»

Фреска в Георгиевской церкви (около 1180 года) должна была утвердить, что эпоха Велеса и Перуна завершилась.

Воспоминание о человеческих жертвоприношениях Велесу сохранилось и в «Слове», и на современной «Слову» фреске в диаконнике Георгиевской церкви.

Обе метафорические пары (Игорь–анти-Георгий и Всеслав–Велес), дополняя друг друга, восстанавливают органичное единство мифа, лежащего в основе древнерусской поэмы.

Святой Георгий побеждает змея Божьим словом и только потом убивает (но не копьем, а мечом). Если ж учесть, что на георгиевской фреске святой воин едет без меча и копья (на древке только флажок, но нет и, как утверждают реставраторы, никогда не было навершия), а в «Слове» автор призывает русских князей понизить стяги и вонзить в землю «оскверненные мечи», что подняты не на змея-половца, но на братьев,

можно предположить, что отнюдь не случайно в одно и то же время сюжет «Чуда Георгия о змие» был реализован и на ладожской фреске, и в созвучном ей «Слове о полку Игореве».

(Продолжение этого сюжета см. на с. 399 и след.)

ВЕЛЕС ПРОТИВ ДИВА

Мыслью или мыслию (белкой) взмывал Боян по Мировому Древу? Кажется, все-таки мыслью, ведь и само Древо в поэме названо мысленным. Но необходимо помнить и о незримом присутствии белки-мысли, иначе разрушается известная по скандинавской поэзии триада Мирового Древа (орел–белка–волк).

Уподобляясь скандинавской белке, сновавшей по Древу Мироздания и переносившей вести из заоблачного мира на землю, Боян ведал тайны иных миров, знал прошлое и грядущее, как герои и колдуны многих архаических народов, путешествующие по трем мирам вселенной.

Потому-то он, «вещий», и может спеть припевку Игорю.

Но эпитет к Древу (мысленное, воображаемое) показывает, что для стихотворца Древо не мировоззренческая, а поэтическая конкретность. В XII веке, когда христианство уже победило, древние мифологические мотивы вновь начинают звучать и у скальдов. (С XIII века скальдическая поэзия перестает быть устной и вскоре отмирает.) Перекличек со скальдами у «Слова» немного, но они есть: 1) Д. С. Лихачев предположил, что выражение *копия поють* означает «идет бой». И впрямь, у скальдов «песня копий» — битва[49]; 2) Двустишие Эгиля Скалагримсона «Кукушка не кукует, если кличет сокол» может объяснить, почему молчат птицы, когда в погоне за Игорем Гзак и Кончак обсуждают судьбу «соколенка» Владимира Игоревича; 3) Скандинавский кеннинг «древо града» (конунг) напоминает о *кнесе* — охлупне с крыши златоверхих палат Святослава Киевского.

Итак, перед нами Мировое Древо с эмблемами трех его ярусов. Гордо встали путивльские стяги. Солнце преградило путь, однако Див (он упомянут в древнерусских поучениях в числе языческих богов) кличет с вершины Древа, и поход продолжается. Но вот стяги Игоря пали. Древо в тоске склонилось к земле, терем князя стоит без князька, и с преклоненного Древа на землю бросается Див.

---

[49] *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1980. С. 647.

Какова бы ни была этимология имени Дива, его место на вершине Древа указывает на *дивинец* — верхнюю точку кургана или сопки. Отсюда *дивились*, то есть наблюдали за окрестностями сторожа́. По летописи и археологическим данным мы знаем, что дивинец венчался бдыном — вертикальным деревянным столбом. Посади на него птицеподобное чучело, и будет казаться, что сторожей на сопке нет. (Отсюда, видимо, и фигурка голубя на кресте Софии Новгородской, и легенда, что Новгород стоит, пока голубь на месте.)

Если Велес — хозяин Нижнего мира, то Див (спутник или двойник отсутствующего в «Слове» Перуна) — его антипод. Такое соотношение этих мифологических персонажей мы обнаруживаем на двух бронзовых арках середины XII века из разрушенной Батыем церкви во Вщиже (см. иллюстрации на с. 98 и 508 наст. изд.). Это каркас напрестольной сени. Ширина его по торцам между вертикальными штырями 44 см (локоть маховой сажени). Б. А. Рыбаков пишет:

> Самым важным и самым убедительным доказательством того, что люди русского средневековья твердо считали ящеров неотъемлемой частью общей космологической системы, являются знаменитые вщижские бронзовые арки, найденные в алтаре церкви середины XII в. в удельном городе Вщиже. <...> Они показывают, что и много позднее рассматриваемого времени в церковном искусстве Руси ящер был неотъемлемым элементом представлений о макрокосме. Арок две; они абсолютно тождественны, так как отлиты по восковой модели в одной форме. Изготавливал арки мастер Константин, сделавший на модели при первой отливке надпись: «Господи, помози рабу своему Костянтину...». Конец надписи был стерт с воска и в отливке не получился. <...> учет полукруглой формы конструкции, четырех ножек и точного расстояния между парными ножками в один локоть позволяет считать вщижские арки каркасом конструкции «напрестольной сени», воздвигаемой при торжественном богослужении над алтарем и священными предметами на алтаре. Судя по некоторым миниатюрам, такую сень вносили на специальных носилках и утверждали на алтаре над евангелием. Сама сень на этой миниатюре выглядит в виде шатра или дома[50].

И, пожалуй, наиболее важный для нас вывод:

> Идея напрестольной сени — небо, покрывающее землю. Поэтому мы должны обратиться к церковному пониманию образа Вселенной. Образ Вселенной очень четко и доступно (хотя и весьма примитивно) обрисован Козьмой Индикопловом, давшим описание в прямом смысле модели мира. Его модель представляет собою плоскую доску размером в 1 локоть шириной и 2 локтя

[50] *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 281–281; 289.

длиной. Над этой доской возвышается коробовый свод, опирающийся на длинные стороны модели. Все это уподоблено писателем кибитке кочевника, как правило, во все века крытой коробовым сводом и имеющей примерно такие же пропорции.

Ту же структуру славянского космоса и тех же мифологических персонажей мы встречаем и на киевском серебряном наруче из Тереховского клада (XII — начало XIII века)[51]. Наруч (см. с. 98) разделен по горизонтали на два мира: внизу дракон, вверху под сенью небесного свода существо, которое авторы альбома приняли за птицу.

Но крыло «птицы» на наших глазах превращается в пятипалую когтистую лапу.

Если в XII веке изображения Дива и Ящера были допустимы даже на церковной утвари, стоит ли удивляться, что автор «Слова», человек, несомненно, светский, допускает упоминание Велеса, и упоминание Дива? При этом змеиную природу Велеса он как поэт всячески старается обходить (ведь его Боян, а значит, и он сам — Велесовы внуки). Но Дива автор не щадит. Для него эта «птица» — олицетворение темной стихийной архаики — гордыни и «похоти».

После поражения Игоря Див то ли повержен, как падшие русские стяги, и сметен с вершины Древа, которое «не добром листву уронило», то ли сам бросается на землю и терзает ее.

Символизирующие Мировое Древо русские прялки нередко венчает птица-дева Сирин. Но поверженный с Древа Див и обращается в Деву-Обиду с лебедиными крылами. И вот Автор призывает всех князей «склонить стяги», ведь они «розно веют».

Вновь упомянуто Древо в разговоре Игоря с Донцом.

Поскольку Див уже сметен с вершины уронившего листву Древа, а тут Древо «зеленое», да еще под его сенью расстилается зеленая трава (вспомним «зеленую паполому» Бориса Вячеславича), вероятно, был прав биолог Г. В. Сумаруков, считавший, что это — реминисценция обрядового установления зеленого деревца и расстилания травы на Троицу. По рассчитанной Сумаруковым хронологической таблице, именно в Троицу Игорь и прощается с Донцом[52]. Значит, «зеленое древо» — альтернатива языческому Древу с его гордым Дивом, как покаяние Игоря у Пирогощей — альтернатива гордыне.

---

[51] *Плешанова И. И., Лихачева Л. Д.* Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985. Табл. 15–16.

[52] *Сумаруков Г. В.* Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М., 1983; *Он же.* Обрядовый календарь в «Слове о полку Игореве». Машинопись. 7 страниц. 14. 11. 85.

ГРАММАТИКА ТЕМНОГО СТИЛЯ

Мировую поэзию (и, может статься, и вообще культуру) можно рассматривать как борьбу «ясного» и «темного» стилей.

Известно, что почти каждая строка поэм Низами допускает ряд интерпретаций. Это заставляет исследователей предполагать, что «во многих деталях мы еще заблуждаемся, не чувствуем ряда тончайших намеков...»[53]. К «трудному языку» Низами добавим «магическую темноту» скальдов, миннезингеров и трубадуров. Очевидно, все это должно быть справедливо и для поэтики «Слова», если оно — поэтическое авторское произведение XII века.

Для конца XII века «темный стиль» — примета всей ойкумены.

Только в XIII столетии в противовес «темному» по ойкумене распространяется новый, «ясный» стиль. Одним из первых так начинает писать младший современник Автора «Слова» — Руставели. При этом он сам указывает на новизну своего стиля. (И это отличает его от древнерусского поэта, который связан с магической архаикой и сообщает, что поведет рассказ *старыми словесы*.) Дело идет к Возрождению с его прямой перспективой в живописи и прочими изысками покуда еще юного и обаятельного рационализма.

Но Шекспир — реакция на Возрождение, и «Гамлет» написан тем же «темным стилем». И мы, не понимая многомерности текста, верим поверхности слова даже там, где поэт вовсе не хотел нас обмануть[54].

Люди, встречаясь с незнакомым и непонятным, как правило, исходят из привычных установок и представлений. Комментатор же обязан войти в чужую систему и *судить художника по законам, им самим над собою признанным*. Если этого не происходит, то начинается вчитывание в текст того, чего в нем не может быть по определению. Одно-два *случайных сближений*, и вот уже готова концепция, не имеющая ничего общего с историческим и поэтическим контекстом памятника, но весьма эффектная для дилетанта.

«Темный стиль» — не значит бессмысленный.

В XIII веке Снорри Стурлусон, автор «Младшей Эдды», так заканчивает свою книгу:

---

[53] *Низами*. Пять поэм. М., 1946. С. 19, 21.

[54] *Чернов А*. Гамлет. Поэтика загадок // *Шекспир Уильям*. Гамлет. М.; Париж, 2003. С. 237.

Созвучны и слова, означающие гнев и корабль. К подобным выражениям часто прибегают, чтобы затемнить стих, и это называется двусмыслицей. <...> Подобные слова можно так ставить в поэзии, чтобы возникала двусмыслица и нельзя было понять, не подразумевается ли что-то другое, нежели то, на что указывает предыдущий стих[55].

Можно выделить семь основных свойств «темного стиля»:

1. *Смысл сквозь смысл* — это игра словом, в своем простейшем виде — каламбур, двусмыслица.

2. *Чужая цитата* — отсылка цитатой или реминисценцией к контексту чужого текста. Это позволяет включить в свой смысл описанную у другого автора ситуацию.

3. *Своя цитата* — включение в текст речевой самохарактеристики героя или отсылка к чему-либо ранее произошедшему.

4. *Очная ставка высказываний* — параллельность двух фрагментов текста, выявляющая неявный их смысл, а иногда и просто ложь персонажа.

5. *Расчлененная информация* — такой способ повествования, при котором читатель должен сам собрать информационную цепочку, вычленив ее звенья из разных частей текста.

6. *Парадоксализация обыденного* — выворачивание наизнанку и переосмысление устоявшегося в культуре клише или знака[56].

7. *Анаграммирование* — концентрация смыслов при помощи сгущения звуковых ассоциаций, шифровка сакрального имени в несакральном тексте.

В тех случаях, когда в тексте возникает двусмыслица, мы сначала должны попытаться понять ее природу. Любое «темное место» может быть и результатом порчи текста при его переписывании, и следствием нашего непонимания авторской игры словом. Но когда концентрация темных мест выше нормы, а из самого текста следуют два или несколько решений одной текстологической задачи, мы можем с большой долей уверенности говорить об авторской установке на «темный стиль».

Анализ полисемантических особенностей даже вне зависимости от ритмического анализа выявляет стиховую природу «Слова». Считается, что большинство темных мест говорит о порче «Слова» временем.

---

[55] *Снорри Стурлусон*. Младшая Эдда. Л., 1970. С. 179.

[56] Частный случай того явления, которое В. Б. Шкловский в 1925 году назвал остранением, имея в виду вычленение того или иного предмета (или явления) из привычного контекста, чтобы отнестись к нему как к новому и увидеть в нем новые свойства.

Осмелюсь утверждать обратное: «темные» места поэмы — свидетельство особых законов строения средневекового стихового языка. И игра смыслами пронизывает весь этот текст буквально от заглавия до «аминя».

Древнерусское *полк* — поход, битва, войско. «Слово о полку» — слово о походе, войске и битве... Но гражданский пафос поэта особо выделяет одно из значений слова полк. Дважды Автор воскликнет: «А Игорева храброго полку не воскресить!» И проходящий через весь текст плач о дружине горестным эхом отражен в последней фразе поэмы. Перевод: «Слава князьям и дружине. Аминь» — первый смысл.

Но *Аминь* — истинно, верно. Конечное положение *аминя* в церковных текстах определило и народную этимологию: аминь — конец. И поскольку союз *а* мог быть соединительным, а мог и разделительным (либо противительным), вспомним, как читали последнюю фразу Пушкин и Срезневский: князьям слава, а дружине — аминь!

Такое чтение подтверждается звуковым повтором. При произнесении по архаическим нормам древнерусского языка слышна рифменная метаморфоза: *А дружИН/ИЭ АмИН/Е*.

В *СССПИ* (Вып. 1. С. 37–38) попал пример, демонстрирующий игру двумя значениями *аминя*: *сътвори пред сущими ту послѣднюю молитву... запечатлѣвъ воистину послѣднее «аминь»... успе блаженым сном и неизреченнымъ*. Тут *аминь* — и «воистину», и «конец земного бытия». Как, впрочем, и в «Слове».

Во фразе *къняземъ слава а дружинѣ...* смысл, видимо, не такой уж и невинный. Автор полемизирует с дважды произнесенной формулой феодального этикета: дружины «ищут себе чести, а князю славы». Но после поражения удел князей — плен и бесчестие, слава же отдается дружине. Однако при этом: *дружине — амине*.

Автор начинал «от старого Владимира до нынешнего Игоря», а заканчивает «от Игоря до Владимира Игоревича». Славу Игорю, Всеволоду и Владимиру Игоревичу по логике этого места споют «потом», когда русские князья наконец объединятся в своей борьбе с Полем.

Так зачин и концовка поэмы отражаются друг в друге:

Пѣти было пѣснь Игореви... — ...пѣти: Слава Игорю...

Автор вместе с Бояном поют славу «старым» князьям (в том числе и шестидесятилетнему Святославу), а потом молодым песнотворцам петь славу молодым князьям.

Фонетика не существует без артикуляции, но артикуляция, мимика и жест при произнесении стиха едины. Исследуя фонетику, мы многое узнаем об интонации, а следовательно, и о смысле.

Услышим, как поэт передразнивает юного и робкого своего ученика:

...старыМ/О князе/МО, а потоМ/Е МОлодыМ/О пѣти.

Видимо, «слава» Игорю, Всеволоду и Владимиру — не более, чем пожелание на будущее. Сам же автор «Слова» молодым «Гориславичам» петь славу уклоняется.

Законы темного стиля таковы, что в нем исключаются «случайные сближения». Любое сближение, даже ассоциативное, должно подсказывать разгадку. Скажем, дважды в тексте упомянут «Старый Владимир», и каждый раз в следующем эпизоде появляется образ солнца: в одном случае, в плаче Ярославны, оно даже названо «красным». Но ведь и крестившего Русь князя звали Владимир Красное Солнышко. Так поэт указывает нам, какого из Владимиров он имеет в виду.

Поэтика загадок — архаическая основа темного стиля. И потому она напрямую связана с магической его природой. «Слово» — светское произведение, но если оно написано темным стилем, кроме рифмы и аллитерации в нем должен существовать и орнамент устойчивых фразеологизмов. Собственно, так и есть. Покажем это, последовательно выписав наиболее значимые фразеологические повторы:

1) **вещий Боян** (I песнь); 2) **старый Владимир** (I); 3) **на землю Половецкую** (I); 4) **за землю Русскую** (I); 5) **либо испить шлемом Дону** (I); 6) **Боян, соловей старого времени** (I); 7) **тропа Трояна** (I); 1) вещий Боян (I); 8) **мила брата Всеволода** (II); 9) **ища себе чести, а князю славы** (II); 10) **вступил в злато стремя** (II); 4) О Русская земля! 11) **Ты уже за Шеломянем!** (II); 9) ища себе чести, а князю славы (II); 12) **на реке на Каяле** (III); 4) О Русская земля! 11) Ты уже за Шеломянем! (III); 13) **отчий злат престол** (III); 14) **века Трояна** (III); 15) **крамолу ковал** (III); 16) **вступал в злато стремя** (III); 17); **внук Даждьбога** (III); 4) по Русской земле (III); 3) среди земли Половецкой (III); 4) по Русской земле (IV); 8) мила брата Всеволода (IV); 4) за землю Русскую (IV); 18) **а древо с печалью к земле приклонилось** (IV); 17) внук Даждьбога (III); 7) земля Трояна (IV); 15) на себя крамолу ковали (IV); 4) на землю Русскую (IV); 19) **а Игорева храброго полку не воскресить** (IV); 4) по Русской земле (IV); 4) по Русской земле (IV); 4) среди земли Русской (IV); 15) на себя крамолу ковали (IV); 4) на Русскую землю (IV); 3) на землю Половецкую (V); 13) с отчего злата престола (V); 5) либо испить шлемом Дону (V); 12) на реке на Каяле (III); 4) по Русской земле (V); 3) Половецкую землю (VI); 13) отчий злат престол защитить (VI); 16) вступите в злато стремя (VI); 4) за землю Русскую, 20) **за раны Игоря буего Святославича** (VI); 13) отчий злат престол (VI); 4) за землю Русскую, 20) за раны Игоря буего Святославича (VI); 19) а Игорева храброго полку не воскресить (VI); 4) за землю Русскую, 21) за раны Игоря буего Святославича (VI); 4) за землю Русскую (VII); 3) от земли Половецкой (VII); 14) седьмой век Трояна (VII); 13) злат престол киевский (VII); 1) вещий Боян (VII); 4) стонать Русской земле (VII); 2) старый Владимир (VII); 12) во реке во Каяле (VIII); 21) **Ярославна утром плачет в Путивле на забрале, причитая** (VIII);

21) Ярославна утром плачет в Путивле-городе на забрале, причитая (VIII); 3) сквозь землю Половецкую (VIII); 21) Ярославна утром плачет в Путивле на забрале, причитая (VIII); 3) из земли Половецкой (VIII); 4) на землю Русскую (VIII); 13) отчий злат престол (VIII); 4) Русская земля (VIII); 18) а древо с печалью к земле приклонилось (IX); 6) Боян и Ходына... песнотворцы старого времени Ярославля... (IX); 4) Русская земля (IX); 4) Русская земля (IX)

Если пропустить фольклорные и просто языковые клише (десять соколов, серый волк, борзый конь, широкие поля, великий Дон, красные девы, алые щиты, харалужные мечи, каленые сабли, град Киев и град Тмуторокань, Святая София), то перед нами состоящая из 21 элемента структура магического заклятия, чей орнаментализм уже сам по себе способен воздействовать на сознание (и, надо полагать, — на подсознание) слушателей. При этом словосочетание «Русская земля» также встречается 21 раз (ровно в три раза чаще, чем «земля Половецкая»). Фольклорные заговоры троичны, а потому не надо думать, что это *троекратное преимущество* — простая случайность, а не магический, пусть и бессознательный расчет.

Так структурировано сознание древнего стихотворца.

СТИХИ ИЛИ ПРОЗА?

В конце 1970-х музыковед и фольклорист Дмитрий Покровский сделал попытку силами своего ансамбля распеть древнерусский текст «Слова» и пригласил меня консультантом.

Наша работа окончилась, едва успев начаться: в первый же день Покровский установил, что собственно фольклорные средства тут бессильны[57]. У фольклориста не было сомнений относительно подлинности «Слова» или стиховой его природы. Однако оказалось, что спеть этот текст в фольклорной традиции невозможно: слишком ярко выражено авторское начало, чрезмерно густа для песенного произведения концентрация звуковых (рифменных и аллитерационных) повторов, а постоянно меняющийся ритм не оставляет возможности для песенного распева.

Вместе с Покровским мы пришли к выводу, что этот текст, написанный одним человеком не для пения, а для речитативного исполнения, принадлежит к традиции, исключающей (и исключавшей в прошлом) бытование поэмы в фольклорной среде.

---

[57] Весной 2005 года тот же вывод сделал новгородский фольклорист и реставратор древнерусских музыкальных инструментов В. И. Поветкин: «Это красиво, но это не фольклор».

Ни одно произведение древнерусской литературы так не искушает читателя стать исследователем, как «Слово о полку Игореве». Причина — бесконечная полисемия «Слова», основанная на поэтике непрекращающихся переосмыслений словесного материала. Переосмысляются Автором, превращаясь в яркие метафоры, феодальные клише[58]. Переплавляются в пламени поэтики «Слова» элементы фольклорные и книжные — славы, плачи, обрядовая лирика, мотивы славянских и тюркских мифов, стихи церковных песнопений, припевки Бояна, строки летописных преданий и воинских повестей. Постоянная борьба поэта с энтропией ведет к концентрации смысла, к череде метаморфоз ритма, к каскаду рифм и аллитераций.

То, чего не найти в подражающей «Слову» прозаической «Задонщине», почему-то неизменно обнаруживается в первоисточнике.

Пятитомная «Энциклопедия „Слова о полку Игореве“», в работе над которой приняли участие виднейшие пушкинодомцы, подвела итоги изучения «Слова» за истекшие два века.

И тем обнажила кризис в исследовании памятника.

Нагляднее всего это видно по статьям о поэтике «Слова». Их автор, петербургский профессор В. В. Колесов убежден, что стихов в «Слове» нет (за исключением «попевок Бояна»). К «поэтическим частям» Колесов относит «Плач Ярославны, Побег Игоря Святославича из плена, разговор Кончака с Гзой и некоторые другие». Но «поэтический» не есть синоним определения «стихотворный», и совершенно не ясно, какую именно часть текста занимают эти «некоторые другие» фрагменты. Колесов полагает, что основной корпус текста, сложенный «речитативным строем собственно ораторского „слова“, вряд ли можно определить как стихи»[59]. В десятке своих статей в *ЭСПИ* ученый пытается это доказать.

Однако уже сам список статей говорит об обратном. И впрямь, если быть уверенным, что перед тобой проза, какой смысл браться за написания сугубо стиховедческих обзоров «Аллитерация в „Слове“», «Анаграммы...», «Анафоры...», «Ассонанс...», «Звукопись...» и далее по алфавиту вплоть до «Рифма в „Слове“», «Стих „Слова“» и «Эпифора „Слова“»?[60]

---

[58] См.: *Лихачев Д. С.* Устные истоки художественной системы «Слова» // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 58.

[59] *Колесов В. В.* Стих «Слова» // *ЭСПИ*. Т. 5. С. 64.

[60] Аллитерация — один из видов звукового повтора в поэтических текстах; анаграмма — некое слово, чаще всего имя, зашифрованное в тексте при помощи созвучных слов и их частей; анафора — так называемое «единоначатие» смежных стихов или строф; ассонанс — рифма, построенная на созвучии одних гласных; эпифора — совпадение слов или звуковых повторов на концах смежных ритмических отрезков.

Впрочем, статья «Рифма в „Слове“» занимает неполную страницу, автор ограничивается лишь парой примеров глагольной рифмовки да несколькими существительными: песни — времени; ожерелие — веселие; хвалу — волю — землю.

Но, как ни парадоксально, собранные вместе статьи Колесова демонстрирует нам систему не ораторской, а собственно стиховой речи. Чего их автор не замечает, хотя и цитирует мнение В. Ф. Ржиги: «„Слово“ полно звуков как никакое другое произведение мировой литературы»[61].

Дело даже не в методологической ошибке (мол, если это стихи, то покажите, что они *регулярные*). Поэтическая глухота — явление обычное, да и литературоведение зачастую не замечает принципиальной разницы между прозаическим и стихотворным способом мировыражения. Но разница огромна: лирический поэт существует в категориях фонетического мышления, у которого своя логика и свои собственные законы построения текста. (К. И. Чуковский, как рассказывал мне В. Д. Берестов, называл это «звуковым мышлением».)

Поэтический *звук* (цеховой термин А. А. Ахматовой, о чем знаю также от Берестова), а не формальное «равенство строчек», становится межевой чертой, по одну сторону которой проза (даже если она написана четырехстопным ямбом с регулярной и точной рифмой), а по другую — стихи. Вывод «есть звук» или «нет звука» для Ахматовой был окончательным критерием поэтической подлинности.

Звук — не рифма и не аллитерация. Это раз и навсегда закрепленный в стихе комплекс эвфонии, артикуляционной пластики и ритмики самого дыхания стихотворца. В хороших стихах авторская интонация оказывается навеки запечатлена в стихе, чего не происходит в формально безупречных, но бездарных виршах, где интонацию надо не выявлять, а привносить извне. (Таковы и большинство песенных «текстов», даже весьма хороших, но, как правило, эстетически не существующих без их поддержки *музыкальной мелодией*.)

Со стихами картина обратная: чем сильней и явственней фонетическая их музыка, тем меньше шансов сделать их песней. Разумеется, и Пушкина, и Ахматову, и Мандельштама можно петь. Компромисс между фонетической и музыкальной мелодией обычно находится в пограничном жанре романса, или, как иногда говорят, — «романса на стихи».

Наличие *звука* приводит к повышению смысловой нагрузки на слово, то есть к еще одному информационному измерению текста.

---

[61] *Колесов В. В.* Звукопись в «Слове» // *ЭСПИ*. Т. 2. С. 218.

Но если отсутствие музыкального слуха люди обычно признают, то отсутствие слуха фонетического (другими словами — стихового), как правило, даже не замечается. Однако именно это может настолько объединять и скептика-историка, и апологета-литературоведа, что их разногласия о подлинности текста окажутся уже непринципиальными: многие традиционные текстологические недоразумения останутся таковыми, ибо обе стороны будут исходить из предпосылок, игнорирующих природу памятника.

Видимо, в древнем списке «Слова» стояли ударения. Об этом говорит сохранившееся в Екатерининской копии «Слова» ударение в словах не *худа́ гнѣзда*. Нетрудно догадаться, что ударение здесь поставлено ради сохранения рифмы. Однако, если текст скандировался (или читался нараспев), требование совпадения опорных гласных в рифме избыточно. Впрочем, корректная акцентологическая реконструкция «Слова о полку Игореве» — дело будущего[62].

Практически вся древнерусская литература — проза.

А это значит, что у специалистов по древнерусской литературе, как правило, просто нет опыта работы со стихом. Стиховой текст принципиально иначе организован, у него другое устройство семантического пространства, другая логика сюжетного развития. И потому многим академическим исследователям казалось, что в тексте «Слова» чего-то не хватает. Не видя «четвертого измерения» стиховой ткани (цеховой термин О. Э. Мандельштама), филологи должны были постоянно иметь дело с мнимыми пропусками и противоречиями.

О близости «Слова» к поэзии скальдов писали Й. Добровский, Адам Мицкевич, Ф. И. Буслаев, М. И. Стеблин-Каменский, Д. М. Шарыпкин. Идею о том, что «Слово» не фольклорный памятник, а древнерусская авторская поэма, «продукт придворной княжеской культуры Киевской Руси», обосновал в 1895 году немецкий славист Рудольф Абихт[63]. Он полагал, что произведение написано под влиянием скальдической поэзии и в стихе «Слова» видел чередование двух- и трехударных полустиший.

По меткому замечанию Абихта, отличие скальдического стиха от стиха «Слова» в том, что у северогерманских поэтов аллитерация является структурно организующим элементом стиха (начальная аллитерация

---

[62] К сожалению, первый опыт такой работы (*Колесов В. В.* Ударения в «Слове о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. Т. XXXI. С. 23—76) не нашел положительного отклика у специалистов-акцентологов.

[63] *Буланин Д. М.* Абихт // *ЭСПИ*. Т. 1. С. 20.

объединяет два полустишия), а у древнерусского стихотворца — всего лишь свободный элемент украшения речи[64].

Однако сегодня и этот справедливый тезис оспорен, причем довольно забавно: «...аллитерации в современном смысле слова в „Слове“ нет, поскольку чередуются не отдельные звуки (=буквы), а слоги в целом»[65].

При таком подходе стихами может считаться только то, что написано «столбиком», а аллитерации исследователь не увидит даже и в аллитерационном стихе скальдов. Обратимся, однако, к истории вопроса.

В разное время «Слово» возводили к разным традициям словесности. Первоиздатели, комментируя имя Бояна, пишут:

> Так назывался славнейший в древности стихотворец русский. <...> Когда и при котором государе гремела лира его, ни по чему узнать нельзя, ибо не осталось нам никакого отрывка, прежде великого князя Владимира Святославича писанного. От времен же его дошла до нас между прочими следующая народная песня, в которой находим уже правильное ударение, кадансом в стихотворстве называемое; но вероятно, что и та впоследствии переправлена[66].

Далее в издании следует отрывок из тринадцати стихов:

Во славном городе Киеве,
У князя у Владимира,
У солнышка Святославича,
Было пирование почетное,
Почетное и похвальное
Про князей и про бояр,
Про сильных могучих богатырей,
Про всю Поляницу удалую.
В полсыта баря наедалися,
В полпьяна баря напивалися,
Последняя ества на стол пошла,
Последняя ества лебединая:
Стали бояре тут хвастати...

---

[64] Первые десять примеров аллитерации в «Слове» привел в 1877 году Павел Вяземский, сын поэта Петра Андреевича Вяземского, заметивший, в частности, что строка *Съ зарания въ пятокъ потопташа* имитирует конский галоп. (См.: *Творогов О. В.* Вяземский // *ЭСПИ*. Т. 1. С. 267.)

[65] *Колесов В. В.* Аллитерация в «Слове» // *ЭСПИ*. Т. 1. С. 48.

[66] Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича. М., 1800. С. 2.

Развивая это наблюдение, в 1820 году Н. Д. Цертелев обнаруживает стилистическое сходство «Слова» с фольклорными «богатырскими повестями» (теперь мы называем их былинами)[67].

Выдержки из былин приводил в приложении к своему изданию и С. Т. Тихонравов[68].

В 1877 году А. А. Потебня восстанавливал в «Слове» редуцированные звуки *ъ* и *ь*[69]. В конце XII века они уже не произносились, но при распеве могли звучать. Его поддержал и академик Ф. Е. Корш, известный, в частности, тем, что знал несколько десятков современных и мертвых языков (В. О. Ключевский называл его «секретарем при Вавилонском столпотворении»).

Корш был первым, кто поставил проблему реконструкции поэтических текстов (в том числе и пушкинских) и предложил свою версию древнерусского текста «Слова». По версии Корша «Слово» — древняя былина[70]. К тому же выводу в конце 1930-х пришел А. И. Никифоров. Его неопубликованная четырехтомная докторская диссертация (две тысячи страниц машинописи) хранится в рукописном отделе Пушкинского Дома[71].

Еще в 1806 году А. Х. Востоков предположил, что стих «Слова» — подобие библейского стиха. Но он полагал, что это эпическое произведение, которое «с начала и до конца, как кажется, голая проза»[72]. С ним не соглашался Н. М. Карамзин, писавший в «Истории государства Российского» (1818): «Сие произведение древности ознаменовано силою выражения, красотами языка живописного и смелыми уподоблениями, свойственными стихотворству юных народов». Однако Вл. Бирчак (1910) находил параллели к «Слову» в традиции византийских церковных песнопений[73].

Украинский филолог М. А. Максимович (1833) видел в «Слове» «начало той южнорусской эпопеи, которая потом звучала и звучит еще в думах бандуристов». Хотя и оговаривал, что «Слово» сложено не для пения, а для чтения, «как Песнь о Калашникове Лермонтова»[74].

---

[67] *Цертелев Н. Д.* Взгляд на русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихотворений. СПб., 1820. С. 4., примеч. 2.

[68] Слово о полку Игореве. М., 1866.

[69] *Творогов О. В.* Потебня // *ЭСПИ*. Т 4. С. 158.

[70] *Корш Ф. Е.* Слово о полку Игореве // Исследования по русскому языку. СПб., 1909. Т. 2, вып. 6. С. I–LXIV; 1–29.

[71] *Руди Т. Р.* Никифоров // *ЭСПИ*. Т. 3. С. 315.

[72] *Лихачев Д. С.* Жанр «Слова» // *ЭСПИ*. Т. 2. С. 173.

[73] *Прохоров Г. М.* Бирчак // *ЭСПИ*. Т. 1. С. 119.

[74] *Творогов О. В.* Максимович // *ЭСПИ*. Т. 3. С. 203.

Почти через век, в 1922 году, уже другой украинский исследователь Ф. М. Колесса аргументировал связь «Слова» с украинскими народными думами, фольклорными плачами и заговорами. Он высказал мысль о том, что древний текст написан «неравносложными стихами», построенными так же, как произносимые речитативом стихи дум[75]. (В русской фольклорной традиции стиху украинских дум XVI–XVII веков близок «раешник» — стих скоморохов.)

Во второй половине XIX века о природе «Слова» спорили два однофамильца — Всеволод Федорович и Орест Федорович Миллеры[76]. Оба были филологами и фольклористами. Первый доказывал книжное происхождение текста, отрицая его связь с народным или дружинным эпосом и демонстрируя влияние на «Слово» византийских и болгарских прозаических сочинений (Бояна он считал болгарским поэтом). Второй смотрел на памятник как на некое переходное явление от фольклора к личностному художественному творчеству и сделал пронзительное для своего времени наблюдение.

По мнению О. Ф. Миллера, «Слово» как повесть — произведение эпическое, а как выражение души самого поэта — лирическое. Кроме того, он подметил, что в отличие от былин в «Слове» нет и тени чего-либо богатырского и даже эпический элемент почти не выражен.

В. Ф. Миллер пережил О. Ф. Миллера почти на четверть века и одну из последних своих работ (1912) посвятил «Слову» и Бояну. В ней он не упомянул ни о болгарском происхождении Бояна, ни о подражании «Слова» болгарским и византийским церковным сочинениям. Видимо, аргументы оппонента-однофамильца в какой-то мере сделали свое дело, и В. Ф. Миллер, как пишет Т. В. Руди, «уделил значительное внимание связи памятника с национальной традицией „эпических песен“»[77].

В 1937 году Н. К. Гудзий отмечал, что все попытки найти в «Слове» стихи провалились. И полагал, что по ритмической своей организации текст напоминает скандинавские саги, представляя собой «чередование прозаических и стихотворных, в основе своей песенных фраз»[78].

От этого до признания всего текста прозаическим был только шаг.

В 1950 году И. П. Еремин предпринял обстоятельную попытку доказать, что «Слово» написано в жанре ораторской прозы и его должно отнести к типу политического торжественного красноречия.

---

[75] *Водолазкин Е. Г.* Колесса // *ЭСПИ*. Т. 3. С. 62.

[76] *Руди Т. Р.* Миллер В.; Миллер О. // *ЭСПИ*. Т. 3. С. 249–254.

[77] Там же. С. 252.

[78] Слово о полку Игореве // Литературная учеба. 1937. № 5. С. 46.

Его поддержал Л. А. Дмитриев. С критикой гипотезы Еремина выступил А. А. Назаревский, показавший, что «Слово» — произведение многожанровое и сводить его к ораторской прозе некорректно[79]. Компромиссную позицию занял А. Н. Робинсон (1976): он считал, что перед нами первоначально устное, «но вскоре в незначительной мере литературно обработанное лироэпическое произведение»[80].

Д. С. Лихачев по этому поводу заметил:

> Обращает на себя внимание жанровая одинокость «Слова». Ни одна из гипотез, как бы она ни казалась убедительной, не привела полных аналогий жанра «Слова». Если оно светское ораторское произведение XII в., то других светских ораторских произведений XII в. еще не обнаружено. Если «Слово» — былина XII в., то и былин от этого времени до нас не дошло. Если это воинская повесть, то такого рода воинских повестей мы также не знаем[81].

Были сделаны десятки попыток уложить древнерусский текст «Слова» в прокрустово ложе какой-то одной известной традиции.

И каждый раз это *почти* удавалось. К сожалению, то, что не вмещалось в предложенную парадигму, нередко объявлялось результатом порчи текста позднейшими его переписчиками. Гипотезы, конъектуры, попытки правки оригинала (вплоть до перестановки страниц древнего текста и изъятия «вставок») привели к тому, что, если бы мы свели все реконструкции воедино, получилось бы произведение, лишь отдаленно напоминающее то, что опубликовал Мусин-Пушкин[82].

Создалась парадоксальная ситуация: поэты вот уже два века переводили «Слово» исключительно стихами, а ученые не нашли в памятнике ни одной из известных стиховых систем и по умолчанию видели в нем риторическую прозу. Давид Самойлов писал: «Не объяснен, к примеру, стих „Слова“. Нет сомнения, что оно написано стихами. Но какими?»[83]

Казалось, этот порочный круг вечен, и что хочешь отыскать в «Слове», то непременно и найдешь.

---

[79] *Лихачев Д. С.* Жанр «Слова» // *ЭСПИ*. Т. 2. С. 174.

[80] Там же. С. 175.

[81] Там же.

[82] В середине 1980-х Д. С. Лихачев сказал мне о предложенных Б. А. Рыбаковым перестановках текста: «Он правит автора „Слова“ как своего аспиранта». То, что Рыбакову, да и другим исследователям, казалось лирическим беспорядком, Лихачев объяснил *динамическим монументализмом* – особым стилем древнерусской литературы XI–XIII вв. (См. его статью «Против дилетантизма в изучении „Слова о полку Игореве“» в сб. «Исследования „Слова о полку Игореве“». Л., 1986. С. 183–196.)

[83] См. в сб. Слово о полку Игореве. 800 лет. М., 1986. С. 562.

Здесь мне придется попросить у читателя прощения за не вписывающийся в жанр академического исследования мемуар: переводить «Слово» я начал, когда учился в девятом классе московской 16 школы (класс был филологическом, лекции нам читали А. А. Тахо-Годи, В. Н. Турбин и другие преподаватели филфака МГУ). Дальше начальной страницы дело, разумеется, не пошло. Лет через семь, в середине 1970-х, на мой вопрос, с чего бы вы начали, если б занялись изучением «Слова о полку Игореве», Валентин Берестов ответил: «Я бы попытался понять, почему оно так прекрасно, как об этом пишет Лихачев. Сравните текст с самим текстом». Оказалось, что «Слово» насыщено рифмами и аллитерациями. Их изучение и дало ответ на вопрос о жанре и природе текста.

Еще в 1914 году Н. К. Гудзий упрекал С. В. Щуратова за то, что он использует в своем переводе (1909) рифмы: «Ведь в самом „Слове“ рифмы сравнительно редки, и вводить их в изобилии в перевод — значит нарушать стиль памятника»[84]. Из известных мне ученых второй половины XX века только Д. С. Лихачев, А. М. Панченко и О. А. Державина допускали, что «Слово» может иметь стиховую природу. Они и поддержали мою работу о рифмах «Слова». С предисловием Лихачева вышла моя заметка в «Литературной газете» (1977, № 49)[85].

В другой совместной нашей публикации Д. С. Лихачев писал:

> А. Чернов предлагает ритмическую реконструкцию памятника, исходя из своих наблюдений, касающихся рифмы и аллитерации в «Слове». Он показывает, что в тексте звучат уже утраченные к XII в. живым языком редуцированные *ъ* и *ь*, и при их произнесении возникают многочисленные рифмоиды[86] вроде *Святославъ — злато слово* (Святославо — злато слово), *Игорь — возре* (Игоре — возре) и т. д. <...> Подмеченное явление положено А. Черновым в основу его ритмической реконструкции и стихотворного перевода. Автор идет от синтаксического разделения текста, и потому его работа находится в русле традиционных ритмических реконструкций «Слова». <...> Интересно, что автор демонстрирует единство текста «Слова», показывает связь ритмики и фонетики памятника...[87]

Однако в середине 1980-х сколько-нибудь продуманной системы доказательств стиховой природы «Слова» у нас не было. Сегодня уже

---

[84] *Дмитриев Л. А.* Гудзий // *ЭСПИ*. Т. 2. С. 69.

[85] См. также: *Лихачев Д. С.* О статье Андрея Чернова // Литературная учеба. 1978. № 6. С. 168.

[86] Неточные (с точки зрения силлабо-тонической традиции) рифмы.

[87] *Лихачев Д. С.* Скрытые открытия автора «Слова» // Литературное обозрение. 1985. № 9. С. 6–8.

не на материале нескольких десятков рифмоидов, а на всем тексте можно показать, что «Слово» — это авторские стихи. Древнерусский текст практически без конъектур укладывается в русло тонического аллитерационного стиха. Но при этом силлабическая мерность определяет пропорции не строк, а частей (их в поэме три) и песен (их девять).

Подробнее об этом см. с. 328—330.

Чешский славист Славомир Вольман заметил, что у всех зачинов «Слова» восходящая интонация (*Не лѣпо ли ны бяшеть, братие...*; *Боянъ бо вѣщій...*; *О Бояне, соловію стараго времени...* и т. д.), а у всех концовок — нисходящая (*...славу рохотаху*; *...за землю Рускую*; *...а любо испити шеломомъ Дону* и т. д.). В результате Вольман пришел к выводу, что сама звукопись «Слова» (аллитерация, ассонансы, звуковые анафоры и эпифоры), а также многочисленные поэтические тропы подтверждают — это стихотворная «лиро-эпическая песнь с исторической основой, окрашенная сильным пафосом современности»[88].

В чем секреты стиха «Слова», нам и предстоит выяснить.

ЧТО ЕСТЬ СТАРЫЕ СЛОВЕСЫ

Если «Слово о полку Игореве» — единственный дошедший до нас без видимых утрат образец древнерусской дружинной поэзии, то как тогда быть с теми сугубо книжными параллелями, которые в этом произведении находят вот уже более двух веков?

Сам Автор определяет жанр своего произведения трижды. И каждый раз ответ у него получается разным.

В заголовке — «Слово...». А потом — «повесть» и «песнь».

Все три определения точны. В «Слове о полку Игореве» хватает политики и публицистики (слово), при этом в нем стихами (песнь) излагается конкретный сюжет современной поэту истории (повесть).

Неоднократно отмечалось, что в зачине Автор размышляет о том, «как повести речь, какого принципа изложения придерживаться»[89]. Такой зачин свойствен византийской литературе[90]. Но это значит, что с первых же

---

[88] *Гребнева Э. Я.* Вольман // *ЭСПИ*. Т. 1. С. 232

[89] *Еремин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 100.

[90] *Миллер В.* Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877. С 62.; см. также: *Соколова Л. В.* Зачин в «Слове о полку Игореве» / Ответственный редактор Д. С. Лихачев // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 65.

строк поверх собственного текста Автор обращается к метатексту. И дело не в авторской рефлексии по поводу еще не написанного сочинения, не в творческих колебаниях, не в проблеме выбора манеры. Поэт не выбирает манеру — талант, эпоха и сам материал повествования делают это за него.

А потому уместно, наверное, вспомнить скоморошью поговорку: каков мед, такие и песни.

Автору «Слова» достался не горький, а горчайший напиток. И чтобы осушить чашу скорбных времен, грудью вобрав всю глубину народной боли, поэту потребовался синтез слова, песни и повести.

Древнерусская литература знает конструкции, подобные первой фразе «Слова»: *Нъ нѣсть лѣпо праздьникъ съмотрити...* (Изборник Святослава, 1073 год); *Лѣпо бы намъ, брате, надежю имѣти къ Богу уповающее...* (Житие Феодосия, около 1088 года); *А лѣпо ны было, братье, възряче на Божию помочь...* (Ипатьевская летопись, 1170 год, Стб. 538); *Лѣпо бы намъ, братия, по вся дни зла не творити...* (Слово и поучение против язычества, XV век).

Однако зачин «Слова» *Не лѣпо ли ны бяшеть, братие...* почему-то врезается в память того, кто хоть раз его прочитал или услышал. Покажем, что дело в звуковой его организации, в совмещении двух типов эвфонической симметрии.

1. Зеркальная симметрия:

НЕ НЫ
ЛѢ ЛИ
ПО

2. Прямая симметрия:

Б' Бр
Аше А
Т/Е ТиЕ

Графически здесь и возникает что-то вроде чаши. А в ней эхом откликается первая фраза Библии («Берешит бара...»), которая в русском переводе звучит без какой-либо аллитерации («В начале сотворил...»), но в церковнославянском изводе, как и по-древнееврейски, акт творения и по смыслу, и фонетически проистекает из некоей начальной точки: *ИССТАРИ СОТвОРИ...*

Итак, *В начале сотворил Бог небо и землю...*

Сравним с оригиналом: *БЕРЕШИТ БАРА...* — *...БЯШЕТЬ, БРАтие, начати старыми словесы...*

В Пятикнижии далее следует описание новорожденной земли, ну а в «Слове» уже со второй фразы начинается рассказ о Мировом Древе — мифопоэтической модели мироустройства древних славян.

Значит, надо полагать, автор «Слова» знал, как звучит начало Торы по-древнееврейски, и «срифмовал» свой зачин с библейским.

И в этом нет мистики.

Во-первых, подобные *подразумеваемые рифмы* (как правило, впрочем, смехового характера) хорошо известны в пародийных древнерусских сочинениях. Скажем, «Служба кабаку» начиналась с парафраза молитвы: было *Отче наш...* — стало *Кабатче наш...*

Во-вторых, в городах Киевской Руси можно было встретить книжников самых разных народов, в том числе и греков, и иудеев.

В-третьих, мы еще не раз убедимся, сколь чуток к звучащему слову древнерусский поэт. (В пушкинских бумагах есть записи турецких слов, хотя турецкого языка Пушкин не знал.)

Древнееврейский текст аукается фонетически (*берешит бара — бяшеть, братие*), а его смысл передан вербально (*начати старыми словесы*; и ниже о Бояне: *...аще кому хотяше пѣснѣ творити*).

При этом *начати старыми словесы* — эхо не только к началу Библии, но и к первому стиху Евангелия от Иоанна: *В начале бе Слово...*

Значит, автор «Слова» воспринимает свой текст как продолжение библейского текста и продолжение русского летописания. И такое восприятие закономерно, оно задано не только поэтической дерзостью поэта, но самим фактом крещения Руси в 988 году.

А упоминание о «трудных повестях» вместе со словами *почнемъ же, братие, повѣсть сию* (начнем же, братия, повесть сию) отсылает нас и к первой фразе *ПВЛ*: *Се начнемь повѣсть сию...*, и к началу Евангелия от Луки: *Понеже убо мнози начаша чинити повѣсть...* Но ведь и сама русская летопись начинается с рассказа о разделении народов после потопа, а значит, мыслится как продолжение библейского повествования.

Итак, автор «Слова» — христианин и книжник, читающий на разных языках или, по крайней мере, представляющий, как звучит в оригинале начало Торы. А если принять во внимание звуковую симметрию зачина «Слова», можно сделать вывод (покуда предварительный), что мы имеем дело с поэтическим текстом.

Автор сообщает, что будет петь «старыми словесы», но сама поэма написана в то время, когда в древнерусском языке почти завершилось падение редуцированных. Однако исчезнувшие в древнерусских говорах к середине XII века полугласные *еры* и *ери* в стиховой традиции еще

продолжали звучать. Звучат они и сегодня в духовных стихах старообрядцев, да и в шаляпинском распеве былин. (Так во французской поэзии и сейчас может произноситься конечное немое «е».)

Мы еще не раз убедимся, что «Слово» — не ораторское произведение, а написанная вольными тоническими стихами авторская поэма. И в этих стихах, построенных как один непрекращающийся каламбур (только не смеховой, а страшный), в рифме и аллитерации слышны уже утраченные древнерусским языком редуцированные звуки *ъ* и *ь*.

«Слово» наполнено самоцитатами. В начале его солнце заступает Игорю путь, в конце — «светится на небесах». Сначала кровавые зори, а под конец соловьи *свѣтъ повѣдають*. При Олеге Гориславиче «часто вороны граяли», а во время побега Игоря «вороны не граяли, галки примолкли». И голоса, что «приуныли» после поражения Игоря, по его возвращении «вьются через море до Киева». Таких самопереосмыслений в поэме множество, и говорят они о том, что от заглавия до «аминя» текст написан на одном дыхании.

Единство места, времени и текста — фундаментальное свойство лирического сознания. Д. С. Лихачев не раз повторял, что автор «Слова о полку Игореве» не рассказывает о походе Игоря, его причинах и последствиях, но оценивает их. Отсутствие установки на последовательное изложение событий — аргумент за то, что «Слово о полку Игореве» написано вскоре после Игорева похода.

Если автор не излагает, но лишь оценивает произошедшее, значит, его читатели (или слушатели) сами находятся внутри контекста и обстоятельств эпохи.

В поэтическом произведении плотность текста обратно пропорциональна его эпической составляющей. Чем больше игры смыслов, тем меньше фабульности. И чем проявленней авторское лирическое начало, тем время создания текста ближе к реальным событиям, о которых в нем повествуется. Поэту неинтересно излагать общеизвестное. Его дело — сюжет и форма, а потому он должен найти тайный смысл, отыскать скрытые пружины события. Как на музыкальном инструменте он играет на нашей душе, выстраивая форму в ущерб фабуле и жертвуя подробностями ради *смыслообразующих деталей*.

По библейской версии, отражающей наиболее древние и фундаментальные представления человечества, мир творится Словом и при посредстве слова.

На земле работой, преобразующей хаос в космос, заняты поэты, художники и музыканты. И чем больше мера хаоса, тем более труда и вдохновения требуется для гармонизации бытия.

А потому поэтическое слово — способ преображения времени и пространства через преображение сознания читателей (да и самого поэта).

По-гречески «космос» — это порядок. С системы *упорядочения порядка* и начинает автор «Слова»:

Не лѣпо ли ны бяшеть, братие, начати старыми словесы трудныхъ повѣстии о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?

Частицу «ли» можно переводить как вопросительную, а можно как усилительную. А. С. Пушкин склонялся ко второму варианту:

> Все занимавшиеся толкованием «Слова о полку Игореве» перевели: «Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не славно ли, други, братья, братцы, было воспеть древним складом, старым слогом, древним языком трудную, печальную песнь о полку Игореве, Игоря Святославича?» <...> Во-первых, рассмотрим смысл речи: по мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же песнь по былинам сего времени (то есть по-новому) — а не по замышлению Боянову (то есть не по-старому). Явное противуречие! Если же признаем, что частица *ли* смысла вопросительного не дает, то выйдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна. Стихотворцы никогда не любили упрека в подражательности, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна...[91]

Пушкин и прав, и не прав. Он точно почувствовал противоречие, заложенное в зачин самим автором «Слова», но несколько спрямил логику синтаксической конструкции. Для того чтобы понимать зачин «Слова» по-пушкински, вовсе не надо воспринимать «ли» как усилительную частицу. При вопросительном «ли» смысл всего сказанного остается ровно таким, каким его понял Пушкин: «старыми словесы», но по делам и былям нынешнего времени.

Отчего же поэт XII века не хочет расстаться со «старым складом»?

А. М. Панченко полагал, что «Слово о полку Игореве» написано славянским «безразмерным» стихом, сложившимся в результате перехода с силлабической системы стихосложения на тоническую. (Здесь же ученый пишет о «традиции искусственного произношения редуцированных»[92], которая на материале «Слова» позднее была подтверждена многими примерами их рифменного звучания[93].)

---

[91] *Пушкин*. С. 148.

[92] *Панченко А. М.* Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства // *ТОДРЛ*. Т. XX. М.; Л., 1964. С. 263.

[93] То, что *ъ* и *ь* некогда произносились, открыл младший современник А. И. Мусина-Пушкина замечательный русский филолог Александр Христофорович Востоков (1781–1829). Странно, но до сих пор никто не высказал предположения, что он в десятилетнем возрасте и сочинил «Слово о полку Игореве».

Напрашивается такая гипотеза: падение редуцированных в XII веке создало ситуацию, при которой силлабическое равенство нарушилось, и наряду со слогом мерой все чаще стал выступать другой фактор — ударение. Поэт пытается держаться за «старые словесы», и потому в ряде случаев его стих силлабичен. Но поскольку уже не силлабическая, а тоническая стихия определяет рамки стиха, порой возникает подобие хорея, ямба или трехдольника. Так автор «Слова» на столетья опережает время. (Силлабо-тоническая реформа будет проведена только в XVIII веке Тредиаковским и Ломоносовым, а активную борьбу с силлабо-тоникой начнут в начале XX века Хлебников и Маяковский.)

Попутно возникает и нечто напоминающее принцип кинематографического монтажа, открытого Эйзенштейном и Пудовкиным. К примеру, в фильме «Цирк» гимнаст опаздывает на представление, и в зале начинается свист. В следующем кадре его продолжает свисток милиционера, который на улице задерживает гимнаста. Так и автор «Слова» обрывает рассказ о битве и при помощи рифмы отступает на столетье, показывая, что поражение Игоря обусловлено «крамолами» его деда Олега.

Однако не все так просто: мы еще увидим, что переход на тонику начинается до падения редуцированных, при Бояне.

Сказители быстро освоили тоническое стихосложение. «Слово о погибели Русской земли» написано около 1240 года сказовым (нерегулярным тоническим) стихом, а в цитирующей эту былину «Задонщине» есть вкрапление рифмованного раешника:

Уже намъ, брате,
в земли своеи не бывати,
а дѣтѣи своих не видати,
а катунъ своих не трепати,
а трепати намъ сырая земля,
а цѣловати намъ зелена мурова,
а на Русь намъ уже ратью не х<а>живати,
а выхода намъ у рускых князеи не прашивати[94].

(Первые четыре строки аукаются с плачем русских жен в «Слове».)

Но в конце XII века фольклорная традиция еще могла сохранять силлабику. Вот два примера из Даниила Заточника (реконструкция):

[94] Это цитирование одной из не дошедших до нас былин о Мамаевом побоище находим в списке *ГИМ*, № 3045 (И-2). Правка по списку Ундольского № 632 (У).

Кому Переяславль, *7 слогов*
а мьне Гориславль. *7*
Кому Боголюбово, *7*
а мьне горе лютое. *8*

Не зьри на мя, акы вълкъ на агъньца, *14*
но зьри на мя, акы мать на младьньца *14*

А вот один из древнейших образчиков стёба[95]. Это затемненная нехитрым шифром новгородская берестяная грамота № 46.

Читать этот текст XIV века следует сверху вниз и слева направо:

Н В Ж П С Н Д М К З А Т С Ц Т
Е Е Я И А Е У А А А Х О Е И А

Невежя писа *5*
недума каза *5*
а хто се цита... *5*

Последние пять слогов утрачены, но их подсказывает рифма к *каза*. Очевидно, это *а тои гуза* (задница), и оторванный правый край грамоты говорит о ярости прочитавшего. Переведем:

Что невежа написал —
Недоума показал.
А кто зарится,
Тот — задница.

Данная модель, как отмечает В. Л. Янин, дожила до наших дней: «Кто писал, не знаю, / А я, дурак, читаю»[96]. Но есть и более близкая параллель: «Кто сюда глянет, / У того нос отвянет».

Пример силлабики, доведенной уже до хорея, то есть до правильной силлабо-тоники, обнаруживаем в Новгородской первой летописи (год 1219): *Отымаша кони 700 и придоша сдрави вси.* (Отняли 700 коней, и все вернулись в здравии.) Объясним, как это надо читать. Число 700 записывалось буквой «ψ» (пси). Пригнать из Литвы табун в семьсот

[95] *Стёб* (*диалектное*) — словесная порка (родственное слово «стебель»).
[96] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. М., 1998. С. 68–69.

коней хоть и трудно, но возможно. Однако легче допустить, что автор, предвосхищая на восемь веков интонацию Василия Теркина, подсмеивается над теми читателями, которые читать-то уже научились, а считать до семисот еще не могут. Видимо, перед нами уникальный образчик стёба древнерусского школьного учителя:

Отымаша кони Пси	*8 слогов*
И придоша сдрави вьси.	*8*

Значит, силлабическая традиция в рудиментарном виде сохранялась и после падения редуцированных.

Здесь же стоит привести и реконструкцию московской сказочницы Татьяны Ивановны Александровой, которая в конце 1970-х однажды сказала нам с Берестовым, что догадалась, как первоначально звучали поговорки «Седина в бороду, а бес в ребро» и «Чем дальше в лес, тем больше дров»: «В браде серебро, / А бес в ребро» и «Чем далее в лес, / Тем более древес».

Языковая перестройка XII века трансформировала язык поэзии. Падение редуцированных окончательно разрушило мелодичный строй древнеславянской речевой системы, формулу которой обычно записывают *СГСГСГ*... (согласный + гласный, согласный + гласный и т. д.).

В результате открылись новые возможности для игры ритмом, возникла неравносложная рифмовка (так Маяковский будет рифмовать *врезываясь — трезвость*).

В «Слове» мы встречаем рифмовку обоих типов: *онъ — порождено — воронъ* и уже известное нам *Святъславъ — злато слово* (*ъ* звучит при огласовке как *о*), но *Игорь — възьрть, чьсти и живота — Чьрнигова* и т. д. (*ь* звучит как *е*).

Таким образом, под старыми словесами трудных повестей автор «Слова» имеет в виду звучание редуцированных, от которого он, судя по его рифмоидам, отказываться не собирается.

В древнейшем Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» читаем: *Первьье всѣхъ вшед восхвалимъ вѣщаго Бояна в городѣ в Киевѣ, гораздо<го> гудца. Тои бо вѣщии Боянъ воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскыимь княземь, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимеровичю, восхваляя ихъ пѣс<нь>ми и гуслеными буиными словесы...*

Переведем: «Прежде всего восхвалим вещего Бояна, искусного киевского песенника. Тот вещий Боян, возлагая свои златые персты на живые

струны, пел славу русским князьям — первому князю Рюрику и Игорю Рюриковичу, Святославу Ярославичу и Ярославу Владимировичу, восхваляя их песнями и гусельными ярыми словесами...»

За флером цитаты из «Слова» скрыт пласт новой для нас информации, которая косвенно подтверждается самим «Словом», но которую автор «Задонщины» взял из какого-то другого источника.

Эхо «Слова» угадывается и в поэтическом тексте XIII века, созданном во время первого или второго похода монголов на Русь (цитирую по изданию «Слово о полку Игореве», Л., 1967, с. 359):

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУСКЫЯ ЗЕМЛИ

О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая!
И многыми красотами удивлена еси:
озеры многыми удивлена еси,
рѣками и кладязьми месточѣстьными,
горами крутыми, холми высокыми,
дубравоми частыми, польми дивными,
звѣрьми разлычными, птицами бещислеными,
городы великыми, селы дивными,
винограды обителными[97], домы церковьными,
и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами.
Всего еси испольнена земля Руская,
о прававѣрьная вѣра хрестияньская!
Отселѣ до Угоръ и до Ляховъ, до Чаховъ[98],
от Чаховъ до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Немець,
от Нѣмець до Корѣлы, от Корѣлы до Устьюга,
гдѣ тамо бяху тоимици[99] погании, и за Дышючимъ моремъ[100],
от моря до Болгаръ, от Болгарь до Буртасъ[101],
от Буртасъ до Чермисъ, от Чермисъ до Моръдви, —
то все покорено было Богомъ крестияньскому языку
поганьскыя страны великому князю Всеволоду,
отцю его Юрью, князю Кыевьскому,
дѣду его Володимеру и Манамаху,

---

97 Садами монастырскими.
98 До чехов.
99 Видимо, языческое племя, жившее близ реки Тоймы (приток Сев. Двины).
100 Белое море. (Этот и три предыдущих стиха цитирует автор «Задонщины».)
101 Болгары и буртасы жили на Волге.

которымъ то половоци дѣти своя <поло>шаху в колыбѣли,
а литва из болота на свѣтъ не выникываху,
а угры твердяху каменыи горы[102] желѣзными вороты,
а бы на них великыи Володимеръ тамо не вьѣхалъ.
А нѣмци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ.
Буртаси, черемиси, вяда[103] и моръдва бортьничаху[104]
на князя великого Володимера,
и <к>юръ[105] Мануилъ Цесарегородскыи опасъ[106] имѣя,
поне и великыя дары посылаша к нему,
а бы под нимъ великыи князь Володимеръ
Цесарягорода не взял.
А в ты дни болѣзнь крестияномъ,
от великаго Ярослава и до Володимера,
и до ныняшняго Ярослава[107],
и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго...

Полагают, что это предисловие к не дошедшей до нас светской биографии Александра Невского, написанное по смерти князя. Но перед нами не проза, а стих (хотя и достаточно свободный, сказовый).

Считается, что «Слово о полку» и «Слово о погибели» объединяют лишь некая схожесть жанра да загадочное «сходство поэтических особенностей»[108]. Но А. В. Соловьев выделил двадцать семь пунктов близости этих текстов[109]. Остановимся лишь на двух строках:

а угры твердяху каменыи городы желѣзными вороты,
а бы на них великыи Володимеръ тамо не вьѣхалъ.

Венгры укрепляют каменные города железными воротами.

Зачем? А чтобы «Владимир там не въехал». Но поскольку на городские стены нельзя *въехать*, то очевидна ошибка, а точнее, неверная

---

[102] В списке ошибочно «каменыи городы». (См. ниже.)

[103] *Вяда* — не западное финское племя водь, живущее на Ижорском плато (как это полагают), а удмурты, живущие близ реки Вятки (указано Е. А. Рябининым).

[104] Платили дань медом.

[105] Господин (*греч.*).

[106] Опасение.

[107] В «Слове о полку Игореве»: «от старого Владимира до нынешняго Игоря».

[108] *Дмитриев Л. А.* Слово о погибели Русской земли // *ЭСПИ*. Т. 5. С. 7.

[109] *Соловьев А. В.* Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. 1948. № 25. С. 71.

интерпретация протографа, в котором речь шла не о каменных городах, а о каменных горах (конъектура А. В. Соловьева).

Их-то угры, страшась Владимира Мономаха, и крепили «железными воротами» (реминисценция с летописными «Железными Вратами» в предгорьях Кавказа, за которые Владимир Мономах загнал Отрока, отца Кончака). И только в этом случае образный ряд становится внятным: в болотах — литва, на Угорских горах — венгры, за синим морем — немцы. Но это в «Слове о полку Игореве» Ярослав Осмомысл «подпер горы Угорские своими железными полками» (как палками), а его дочь говорит, что Днепр «пробил *каменные горы* в земле Половецкой». Поэтому можно утверждать, что в «Слове о погибели Русской земли» мы слышим дальнее эхо «Слова о полку Игореве».

Д. С. Лихачев не раз писал, что на Руси слава предков передавалась не от отца к сыну, а от деда к внуку. Автор «Слова» обходит умолчанием поколение «отцов», чтобы рассказать о дедах и прадедах. Для него существует лишь один *отец* — Святослав Киевский.

По «Слову» можно сделать вывод, что Боян сочинял свои славы на протяжении полувека — с 1020-х или 1030-х до начала 1070-х годов (от «старого Ярослава, храброго Мстислава» до «красного», то есть еще юного Романа Святославича и Всеслава Полоцкого).

Однако в «Слове» нигде не сказано, что Боян сравнивал современных ему князей XI века с первыми князьями IX века. Манера «свивать славы вокруг сего времени» присуща самому автору «Слова», который в XII веке поет своему современнику Святославу Всеволодичу, а воспевает князей древности Ярослава Мудрого и «старого Владимира». (Напомним, что Вальдемаром Старым скандинавские скальды называли только крестителя Руси Владимира Святославича.)

Но если судить по тексту «Задонщины», маловероятно, что ее автор мог, исходя из ткани «Слова», не только реконструировать манеру Бояна, но и достаточно достоверно указать, с какими именно князьями Боян сравнивал своих современников. Скорее, фольклорная (дружинная) память о Бояне дожила до XV века, и автор «Задонщины» (или один из переписчиков), вероятно, некогда сам дружинник, знал о вещем певце Ярослава и Святослава Ярославича больше, чем он мог взять из «Слова».

ПВЛ сохранила для нас два фрагмента дружинной поэзии. Самый древний из них относится к 964 году и повествует о походах Святослава Игоревича.

Цитирую по Лаврентьевской летописи:

...Легъко ходя, аки пардусъ, воины многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину, на углех испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ пославъ и сѣдло въ головахъ. <...> И посылаше[110] *къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку рѣку и на Волгу...*[111]

Здесь превосходна не только ритмика, но и сама поэтика: чего стоит одна только имитация походки гепарда в первом же стихе (*леГЪКО ХОдя, аки пардусъ...*) — кошачья пластика, сопровождаемаязвонким постукиванием когтей[112]. В Лаврентьевской летописи сохранен реликтовый *ъ* в слове «легъко». В Ипатьевской летописи стихотворный строй в начале и конце этого отрывка полностью разрушен: *...бѣ бо и самъ хоробръ и легокъ, ходя акы пардусъ <...> но подъкладъ постилаше а сѣдло въ головахъ*[113].

Итак, XII век — эпоха перестройки древнерусского языка. Из речи уходили редуцированные (полугласные) звуки *ъ* («ер», звучавший как короткое «о») и *ь* («ерь», смягчавший предыдущую согласную и звучавший примерно как короткое «е»). В одних случаях они превращались в гласные, в других (например, в конце слова после согласных) утрачивались. Процесс этот шел неравномерно, и на юге уже к середине XII века редуцированные исчезли, а в Новгороде какое-то время еще сохранялись. Однако в стиховых текстах редуцированные звучали и звучат. Напомню, что огласовку редуцированных (даже в слабых позициях) можно услышать в шаляпинских граммофонных записях русских былин и в духовных стихах старообрядцев.

Гипотеза о произнесении редуцированных в «Слове» (А. А. Потебня и Ф. Е. Корш) была поддержана Е. А. Ляцким[114]. О том же писал и Николай Заболоцкий[115]. Ссылаясь на исследования историков музыки и мнение А. А. Потебни («древние редуцированные вовсе не так далеко остались за нами, как думают некоторые»), он напоминал, что «эволюция полугласных произвела целый переворот в культовом пении Древней Руси».

---

[110] Так в Лаврентьевской летописи (ритмически сомнительное и мало аукающееся с подхватывающим эту эвфоническую тему глаголом *постьлахъ*), а в Ипатьевской и вовсе *посылаце*.

[111] Повесть временных лет // Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. СПб., 1999. С. 31.

[112] У гепардов, которых на Русь привозили из степей Азии и с которыми князья охотились, как с гончими, «невтяжные», как у собак, когти.

[113] *Ипат.* Стб. 52, 53.

[114] *Ляцкий Е. А.* Звукопись в стиховом тексте «Слова о полку Игореве» // Slavia. Praha, 1938.

[115] *Заболоцкий Н. А.* К вопросу о ритмической структуре «Слова о полку Игореве» // Вопросы литературы. 1969, № 1. С. 176–187.

До XV века в певческих рукописях каждая редуцированная имела над собой музыкальный знак, а значит, произносилась». Скажем, слово *дьньсь* распевалось на три знака. С XV века, чтобы сохранить традиционный напев, записывают *денесе*.

Звучание (а точнее прояснение) слабых редуцированных в «Слове» было подтверждено в 1977 году примерами превращения прозаического текста этого древнерусского памятника в рифмованные стихи[116].

В «Поэме без героя» к строке «Не ко мне, так к кому же?» Анна Ахматова делает сноску: «Три „к“ выражают замешательство автора». Однако много труднее произнести фразу из «Слова» с тем же сближением трех «к»: *И рекъ Гзакъ къ Кончакови*. (Так в рукописи, снятой в конце XVIII века для Екатерины II, Первых издателей «Слова» эта фраза, видимо, столь шокировала, что они ее отредактировали: *И рече Гзакъ къ Кончакови*. Но злополучный стык трех «к» все же остался.)

Гзак с Кончаком рассуждают о грядущей судьбе Владимира Игоревича. И если мы вспомним, что *ъ* должен читаться как короткое *о*, то непроизносимость этой строки будет преодолена: *И реК/О Г/ОзаК/О К/О КОньчаКОви*... Пятикратное «ко» имитирует речь «лебедян» (половцев). Впрочем, согласно одной из этимологических версий, Гза (в «Слове» Гзак) — по-тюркски значит «гусь»[117].

Из-за падения редуцированных должна была перестроиться и система рифмовки. После того как «еры» в слабых позициях перестали звучать, «правильная» рифма в стихотворном отрывке о язычнике Святославе «постьлах/о — головах/о» не без переводческого изящества была заменена ассонансом, сохраненным в Лаврентьевской летописи: *пос<т>лав — головах*, а прочие глаголы в форме первого лица — ритмически адекватными им формами третьего лица (*творяше — возяше* и т. д.).

Первоначально же весь текст, видимо, строился на монориме[118] и произносился якобы от Святославова «я»: *творяхъ — возяхъ — ядяхъ — имяхъ — постьлахъ — головахъ — посылахъ*.

---

[116] *Чернов А.* У истоков русской рифмы // Литературная газета. 1977. № 49. С. 6; *Чернов А.* Комментированный перевод // Слово о полку Игореве / Составитель А. Е. Тархов. М., 1981. С. 124–295; *Чернов А.* Слово о золотом слове. М., 1985; *Чернов А.* Вслушаемся в «Слово о полку Игореве» // Литературное обозрение. 1985. № 9. С. 8–10; *Чернов А.* Бежали струны по гуслям // Слово о полку Игореве: 800 лет. М., 1986. С. 501–515; *Чернов А.* Поэтическая полисемия и сфрагида автора в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 270–293.

[117] *Березин И. Н.* Рецензия на книгу «Игорь, князь Северский» / Перевод Н. Гербеля. СПб., 1854 // Москвитянин. 1854. № 22.

[118] Наиболее простая система рифмовки, при которой многократно эксплуатируется какое-то одно созвучие.

Если держаться за созвучие *постлав — головах*, придется признать, что фрагмент этот явно позднего происхождения и должен быть написан после падения редуцированных в слабых позициях. Но это невозможно, поскольку рассказ о походах князя X века должен восходить к тексту, современному этим походам. Однако все встанет на свои места, если мы допустим, что перед нами перевод с того древнерусского языка, в котором редуцированные звучали и в слабых позициях, на язык XIII–XIV веков, притом перевод бережный, сохранивший, пусть и в ослабленном виде, конечную рифмовку. В фонетической записи оригинал звучал так:

Но подокладо постилахо
И сѣдло во головахо...

Хороша (и, может быть, для X века даже свежа) заключительная, с ударением на последних слогах, рифма: на Оку — <на> реку́.

Когда мы обратимся к лексике этого стихотворения, то увидим, что ключевые слова взяты как будто из «Слова о полку Игореве»: *възмужавшу*, *воины многи*, *изрѣзав*, *звѣрина*, *постьлавъ*, *пардус*. Разумеется, на самом деле все наоборот: это автор «Слова» черпает из дружинной «славы» о Святославе Игоревиче и, вероятно, даже без посредничества летописца.

В *ПВЛ* Святослав, объявив «*Хочу на вы ити*», направляется к Оке и Волге. А в «Слове» Игорь хочет преломить копье о край Поля Половецкого, и Див «велит послушать земле незнаемой — Волге, Поморию...».

Стихотворными следует признать двенадцать строк, построенных на чередовании длинного и короткого стиха. Речь, судя по рифме *постилахо — головахо*, идет от первого лица, то есть это монолог Святослава о себе самом. Цитирую в реконструкции (см. сноску 119 на с. 285):

...Легъко ходя, акы пардусъ,	*10 слогов*
воины многи творяхъ,	*8*
ходя возъ по собѣ не возяхъ,	*11*
ни котьла, ни мясъ варя.	*9*
Но потонку изрѣзавъ конину ли,	*12*
звѣрину ли, говядину, —	*8*
грядину на углехъ испекъ ядяхъ,	*13*
ни шатра имяхъ,	*6*
но подъкладъ постьлахъ	*9*
и сѣдьло въ головахъ...	*9*
И посылахъ къ странамъ, глаголя:	*12*
—Хочю на вы ити!..	*6*

Нечетные стихи — основа, четные — уто́к. Переплетены две ритмические структуры, и нечетные стихи (9–13 слогов) чуть длиннее четных (6–9 слогов). Следовательно, мы имеем дело с попавшей в летопись цитатой из древнерусской дружинной поэзии[119]. А поскольку перед нами не силлабическое, а тоническое устройство стихотворной ткани, или, сказать точнее, — переходный вариант между силлабикой и тоникой, это или цитата из Бояна, или фрагмент текста еще более раннего поэта.

Вариант того же ритмического рисунка (две длинные строки — одна короткая) мы обнаруживаем в рассказе о Лиственской битве Ярослава Мудрого и Мстислава Тмутороканского.

Под 1024 годом в Лаврентьевской летописи читаем:

И быв/ъ/ши нощи, бысть т/ь/ма.	*10 слогов*
Молонья и громъ, и дождь.	*10*
И бысть сѣча сил/ь/на,	*8*
Яко посвѣтяше молонья,	*10*
блещашеться оружье,	*9*
И бѣ гроза велика	*7*
И сѣча сил/ь/на и страш/ъ/на.	*10*

Двойное чередование двух пар длинных стихов (9–10 слогов) с одиночными короткими (8 и 7 слогов) завершается одним длинным (10 слогов). Видимо, перед нами семистрочная строфа Бояна (в *ПВЛ* с прозаической вставкой-комментарием после третьего стиха).

Боян и сочинил славу «старому Ярославу, храброму Мстиславу».

Из четырех припевок Бояна в «Слове» две сочинены не им, а поэтом XII века. В этом нетрудно убедиться, если внимательней к ним присмотреться. Мы уже видели, что автор «Слова» использует магический

---

[119] В Новгородской I летописи находим такую редакцию: *...а возовъ по собѣ не вожаше, ни котла, ни мясъ варяше, нь потонку мяса изрѣзавше конину или звѣрину, грядину на углехъ испекъ, ядяше...* (л. 36 об.) А. А. Гиппиус предложил видеть в грядине шампур, приведя убедительные семантические и иконографические подтверждения своего чтения. Но отверг отсутствующую в новгородском списке говядину (на том основании, что речь не может идти о коровах). См.: *Гиппиус А. А.* Как обедал Святослав? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (32), июнь 2008. С. 47–54. Однако говядина означала, видимо, не только мясо домашних коров, но еще и мясо диких быков. При этом в донских говорах *грядина* — 1. борт повозки (тоже, что грядушка); 2. небольшой сухой бугорок на сыром месте. А *грядка* — жердь (то есть подобие шампура), на которую вешали одежду. (Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. С. 120). Заметим: *грядина* рифмой входит в *говядину*, как тот шампур.

прием «превращения по созвучию», когда описывает побег Игоря: *тогда ИГОРЬ князь поскочИ ГОРЬностаемь къ тростию...*

В третьей «припевке Бояна» найдем тот же прием: *Ни хитру, нИ ГОРазду, ни пътицю горазду...* Тут анаграммировано имя Игоря и сделана каламбурная отсылка к имени плененного Святославом Всеволодичем Кобяка: того, кто был «птице горазд», то есть умел гадать по птичьему полету, на Руси звали *кобником*.

Во второй (от начала текста) припевке Бояна описана конкретная реальность весны 1185 года: «Кони (половецкие) ржут за Сулою, звенит слава в Киеве (слава Святослава Всеволодича), трубы трубят в Новеграде (в Новгороде-Северском Игорь собирает рать), стоят стяги в Путивле (полк Владимира Игоревича ждет, когда подойдет основное войско).

Только первая припевка («Не буря соколов занесла...») может быть неизмененной цитатой из Боянова наследия, а к двустишию последней («Тяжко ведь голове...») Автор добавил свой стих об Игоре.

Однако в «Слове» два поэта (древний и новый) и впрямь поют вместе: из двух «исторических отступлений» одно сочинено Бояном. И это при том, что оба начинаются весьма похоже: рассказу о крамолах Олега Гориславича предшествует фраза «Были века Трояновы...», а стих «На седьмом веку Трояна...» предваряет рассказ о крамолах Всеслава Полоцкого.

При восстановлении в «Слове» древних синтаксических, грамматических и орфоэпических норм оказалось, что эти фразы строго симметричны относительно центра текста (об этом см. на с. 329).

Все это и говорит о том, что структурно текст «Слова» дошел до нас почти в идеальной сохранности. (Должно быть, он и переписывался ценителями стихотворчества.) Еще один стихотворный текст (на сей раз, видимо, и подписанный Бояном) — граффити в «лестничной башне» Новгородской Софии. Это загадка о *волоте* (великане), а на самом деле о самой Софии. Привожу в упрощенной фонетической записи:

волоте железне чело	*8 слогов*
камянены переси	*7*
медяная голова	*7*
липовая челюсте	*7*
во золоте черево	*7*
се бояне дане	*6*

Вновь текст (скорее, силлабический) начинается длинной строкой. (Об этой записи см.: «Автограф Бояна?» // *Чернов*. С. 295.)

Во всех трех случаях перед нами или силлабика, или некая переходная модель между силлабикой и тоникой.

Иная ситуация в «Слове». Здесь тоника уже правит бал.

Приведем в реконструкции А. В. Дыбо (и в своей стиховой записи) оба исторических «отступления», для удобства чтения заменив графему *оу* на *у* (как это и произносилось). Итак, об Олеге:

Были вѣчи Трояни	*7 слогов*
минула лѣта Ярославля	*9*
были пълци Ольговы	*8*
Ольга Святъславлича	*8*
Тъи бо Олегъ	*6*
мечемь крамолу коваше	*9*
и стрѣлы по земли сѣяше	*9*
ступаеть въ златъ стремень	*10*
въ градѣ Тьмутороканѣ.	*9*
То же звонъ слыша	*6*
давьныи великыи Ярославъ	*12*
а сынъ Вьсеволожь	*8*
Владимѣръ по вься утра	*9*
уши закладаше въ Чьрниговѣ	*11*
Бориса же Вячеславлича	*9*
слава на судъ приведе	*8*
и на Канину зелену	8
паполому постьла	*7*
за обиду за Ольгову	*9*
храбра и млада кънязя	*8*
Съ тоѣ же Каялы Святопълкъ	*11*
полелѣя отьця своего	*10*
межю угорьскыми иноходьци	*12*
ко святѣи Софии къ Кыеву	*11*
Тогда при Ользѣ Гориславличи	*11*
сѣяшеться и растяшеть усобицами	*15*
погыбашеть жизнь Дажьбожа вънука	*14*
въ кънъжахъ крамолахъ	*9*

вѣци человѣкомъ съкратишася	*12*
Тогда по Русьскои земли	*9*
рѣтко ратаевѣ кыкахуть	*10*
нъ часто врани граяхуть	*9*
трупия собѣ дѣляче	*8*
а галици свою рѣчь говоряхуть	*13*
хотять полетѣти на уедие	*12*
То было въ ты рати и въ ты пълкы	*12*
а сицеѣ рати не слышано	*10*

Это не силлабические, а тонические стихи. Практически в каждой строке по три фонетических слова (это группа слов, у которых одно общее ударение). Несколько двухударных исключений не только акцентируют трехударность ритмической основы, но и берут на себя смысловую нагрузку главных слов-сигналов: *Ольга Святъславлича*; *въ градѣ Тьмутороканѣ*; *сынъ Вьсеволожь*; *паполому постьла*; *за обиду <за> Ольгову*; *въ къняжахъ крамолахъ*. Для того чтобы стихотворная речь не порвалась, эти строки надо скандировать как трехударные. Именно эти стмхи и являются акцентными с позиции не ритма, а смысла. И уж вовсе криком кричит самая короткая строка: *Тьи бо Ольгъ*...

Ритм (вкупе с фонетикой) сохраняет нам авторскую интонацию, и эта интонация оказывается столь же осмысленной и неслучайной, как если бы мы имели дело с авторскими пояснениями, как именно и в каком регистре надо произносить каждую строку.

(Так в начале XX века Владимир Маяковский боролся с энтропией «правильного» метра и неравносложной рифмовкой перегораживал мерно-ритмическое течение стихового потока.)

При этом в каждом строфоиде вышеприведенного фрагмента от четырех до шести стихов (исключение — последнее двустишие).

Значит, перед нами не прозаический, но именно стиховой текст.

Обратимся теперь к рассказу о Всеславе Полоцком:

На седьмомь вѣцѣ Трояни	*10 слогов*
вьрже Вьсеславъ жеребии	*9*
о дѣвицю собѣ любу	*8*
тьи клюками подъпьръся окони	*13*
искочи къ граду Кыеву	*9*
и дотъчеся стружиемь	*9*
злата стола кыевьскаго	*9*

скочи отъ нихъ лютымь звѣремь *12*
въ пълъночи из Бѣлагорода *11*
обѣсися синѣ мьглѣ *8*
утърже вазни съ три кусы *9*
отъвори ворота Новугороду *12*
расшибе славу Ярославу *9*
скочи вълкомь до Немигы съ Дудутокъ *14*

на Немизѣ снопы стелють головами *13*
молотять чепы харалужьными *12*
на тоцѣ животъ кладуть *9*
вѣють душю отъ тѣла *9*
немизѣ кровави березі *9*
не бологомь бяхуть посѣяни *12*
посѣяни костьми руськыхъ сыновъ *14*

Вьсеславъ кънязь людемъ судяше *13*
къняземъ грады рядяше *9*
а самъ въ ночь вълкомь рискаше *12*
ис Кыева дорискаше *8*
до куръ Тьмутороканя *9*
великому Хърсови *7*
вълкомь путь прерискаше *9*

тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю *16*
рано у Святыѣ Софѣи въ колоколы *14*
а онъ въ кыевѣ звонъ слыша *11*
аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ *12*
нъ часто бѣды страдаше *8*
тому вѣщеи Боянъ *8*
и пьрвое припѣвъку съмысленыи рече *15*

ни хытру, ни горазду *7*
ни пътицю горазду *7*
суда Божия не минути *9*

Вставная новелла о Всеславе Полоцком по ритмическому рисунку поразительно близка к стихотворному отрывку, процитированному в летописном рассказе о Лиственской битве. Как и в летописной цитате из статьи 1024 года, здесь каждая строфа насчитывает семь стихов.

Строфа начинается с длинных стихов (и в трех случаях длинным стихом завершается, причем в трех случаях второй стих также оказывается «длинным»).

Итак, перед нами новелла из пяти Бояновых строф и одной «припевки». Семистрочная организация строфы и окольцовывающие каждую строфу длинные стихи свидетельствуют о том, что это не стилизация под Бояна, а его собственный текст, лишь чуть отредактированный в последней, пятой строфе, в которую автор «Слова» вставил ссылку на Бояна.

Правы оказались те украинские и белорусские исследователи и поэты рубежа XIX–XX веков (И. Я. Франко, М. С. Грушевский, Е. А. Ляцкий, М. А. Богданович[120]), которые полагали, что перед нами включенный в «Слово» фрагмент самостоятельной «Песни о Всеславе». Это самый значительный (38 стихов) из дошедших до нас стихотворных текстов XI века. И он свидетельствует, что в древнерусском стихе переход от силлабики к тонике произошел не с падением редуцированных, а еще в XI веке.

При этом Бояновы «славы», «плачи» и «хулы» (три жанра, в которых, судя по аналогии со скальдической традицией, должен был работать Боян[121]) свиваются в единую повествовательную нить «Слова».

Конечно, мы не знаем, что именно в этом тексте поправил автор «Слова». Но достаточно сравнить новеллу о Всеславе с такой же вставной новеллой об Олеге Гориславиче, чтобы убедиться, как далеко ушла стиховая реформа. Во-первых, строфа превратилась в строфоид: из семистишной она стала четырех-шестистишной. Во-вторых, ни один из строфоидов новеллы об Олеге, в отличие от рассказа о Всеславе и загадки из Софии Новгородской, не начинается длинным стихом.

После двух десятков трехударных стихов автор играет на обмане и ритмического, и рифменного ожидания. Мы ждем грамматическую рифму *посѣяни костьми русьскыми* (вроде *стрѣлами калеными* или *сьребреными струями*): а получаем: *посѣяни костьми русьскыхъ сыновъ!*

В «Слове» сказано, что Боян пел «храброму Мстиславу» (Мстиславу Владимировичу Тмутороканскому). И действительно, в *ПВЛ* о нем читаем: *храбръ на рати и милостивъ, и любяше дружину по велику а имѣния не щадяще ни питья ни ядения не браняше* (*Ипат*. Стб. 138).

Вновь мы имеем дело с моноримным трехстишием (да еще с панторифмой во втором-третьем стихе). Реконструировать начальный вид не составит труда:

---

[120] *Творогов О. В.* Всеслав Брячиславич // *ЭСПИ*. Т. 1. С. 256.

[121] *Шарыпкин Д. М.* Рек Боян и Ходына... К вопросу о поэзии скальдов и «Слова о полку Игореве» // Скандинавский сборник. № 18. Таллин, 1973. С. 195–201.

и дружину по велику любяше	*11 слогов*
а имѣния не щадяще	*9*
ни питья ни ядения браняше	*12*

Поэт XII века не мог не заметить этой цитаты из Бояна.

По мнению лингвиста С. Л. Николаева, высказанном в частном письме, в «Слове» существует целый пласт цитат и парафраз из дружинных «ратных повестей» XI или даже X века[122]. Сюда следует отнести все упоминания о земле Трояна (Причерноморье), Хорсе, Велесе, Стрибоге и Даждьбоге, о готских девах, «море» и Дунае. Николаев полагает, что автор «Слова» воспользовался как матрицей некоей Бояновой «славой», а, возможно, и устным текстом кого-то из учителей Бояна.

Поэма Бояна (или Прото-Бояна) рассказывала, как считает С. Л. Николаев, о дунайских походах Святослава Игоревича.

На Дунай в свой Переяславец Святослав ходил на ладьях. Но для этого ему надо было по Днепру выйти в Черное море. (Вот почему в конце «Слова» мы читаем: «Девицы поют на Дунае. Вьются голоса через море до Киева».) В центре этой поэмы, как полагает С. Л. Николаев, стоял плач жены убитого печенегами Святослава.

«Дунайский след» позволяет объяснить и некоторые гапаксы (слова, более нигде не встречающиеся) «Слова о полку Игореве». Скажем, эптоним «русичи», загадочный для XII века, но вполне объяснимый с точки зрения зафиксированной в арабских и византийских источниках легенды X века о происхождении названия «Русь» от некоего (якобы исторического) предка Руса. При этом замечено, что особенно широкое распространение такая модель получила в южно-славянской эпической поэзии[123].

Перечитаем плач Ярославны и подсчитаем число слогов в каждом стихе:

На Дунаи Ярославьнинъ	*10 слогов*
гласъ ся слышить	*6*
зегъзицею незнаемь	*9*
рано кычеть:	*5*

[122] Архаический пласт в «Слове» попытался выявить писатель Андрей Никитин. (См. его работу: Испытание «Словом» // Новый мир. 1984. № 5. С. 182–206; № 6. С. 211–226; № 7. С. 176–208.) Но он столь вольно обошелся с текстом поэмы, что своей «реконструкцией» ее практически уничтожил. (См. об этом в статье Г. М. Прохорова: *ЭСПИ*. Т. 3. С. 311.)

[123] См.: *СССПИ*. Вып. 5. С. 63.

— Полечю рече зегъзицею по Дунаеви *15*
омочю бебрянъ рукавъ въ рѣцѣ въ Каялѣ *16*
утьру кънязю кровавыѣ его раны *14*
на жестоцѣмь его тѣлѣ *9*

Ярославьна рано плачеть *10*
въ Путивли на забралѣ а рькучи: *12*

— О Вѣтрѣ Вѣтрило *6*
чему господине *6*
насильно вѣеши *7*
чему мычеши *5*
хыновьскыѣ стрѣлъкы *8*
на своею нетрудьную крильцю *12*
на моеѣ лады вои *8*
мало ли ти бяшеть горѣ *9*
подъ облакы вѣяти *8*
лелѣючи корабли *7*
на синѣ морѣ *5*
чему господине *6*
мое веселие *6*
по ковылию развѣя *8*

Ярославьна рано плачеть *10*
Путивлю городу *6*
на заборолѣ а рькучи: *9*

— О Дънепре Словутицю *8*
ты пробилъ еси *6*
каменьныѣ горы *7*
сквозѣ землю Половецьскую *10*
ты лелѣялъ еси на собѣ *10*
Святославли носады *7*
до пълку Кобякова *7*
възлелѣи господине *8*
мою ладу къ мьнѣ *7*
а быхъ несълала *7*
къ нему слезъ *5*
на море рано *5*

Ярославьна рано плачеть	*10*
въ Путивли на забралѣ а рькучи:	*12*
— Свѣтьлое и Тресвѣтьлое Сълньце	*13*
вьсѣмъ тепло и красьно еси	*11*
чему господине простьре	*9*
горячюю свою лучю на лады вои?	*13*
въ полѣ безводьнѣ	*7*
жажею имъ лучи съпряже	*10*
тугою имъ тулы затъче	*10*

При всей привлекательности идеи С. Л. Николаева, плач Ярославны принадлежит тонической аллитерационной поэзии XII века, а, значит, это не фольклорное, но авторское творение.

Автор пользуется рифмоидами для переключения ритма двухударного стиха на трехударный, используя мнимое силлабическое равенство как разменную монету (по принципу округления 2 = 3, когда 2 = 2,5):

възлелѣи господиНЕ	*8 слогов*
мою ладу къ мьН/Е	*7*
а быхъ НЕсълала	*7*
къ НЕму сльзъ	*5*
на море РАНО	*5*
ярославьна РАНО ПЛАЧЕТ/Е	*10*
въ путивли на забРАЛѣ А Р/Е/КУЧИ	*12*

Это убегающее влево и потому взвинчивающее ритм «не» вместе с удлинняющим стих двухступенчатым созвучием *РАНО — РАНО ПЛАЧЕТ/Е — ...забРАЛѣ А Р/Е/КУЧИ* и показывают, каким образом дышит стиховая ткань «Слова»: она то увеличивается, то сокращается, оставаясь при этом собственно стиховой.

Обратим внимание, как, создавая иллюзию причитания, сгущается в плаче Ярославны концентрация ятей (*ѣ* в звучал как дифтонг *иэ*) и «зияющих» слогов (идущих друг за другом слогов без согласных звуков): *въ рѣцѣ въ Каялѣ*; *лелѣючи корабли*; *на жестоцѣмь его тѣлѣ*; *О Вѣтрѣ Вѣтрило*; *горячюю свою лучю...* И здесь же: *веселие*; *по ковылию развѣя*; *лелѣяль*; *възлелѣи...* (то есть *ие*, *ию*, *иэя*, *иэи*).

Прием *рифменного перетекания* не раз используется автором «Слова». Вот фрагмент из обращения к Осмомыслу Ярославу:

...подъпьръ горы угорьскыѣ
своими желѣзьными пълкы
заступивъ королеви путь
затворивъ Дунаю ворота
меча беремены через облакы
суды рядя до дуная
грозы твоѣ по землямъ текуть
отъворяеши Кыеву врата
стрѣляеши съ отьня злата стола
салътани за землями...

Концевые рифмы:
пълкы — облакы;
пут/е — текут/е;
и даже *ворота́ — врата́*.

Но *врата́* рифмуется с *злата́*, однако при этом стих не заканчивается, и *злата́ стола* перетекает аллитерацией в следующий стих: *салътани*...

Разумеется, при такой степени всепроникающей метаморфозы нелепо искать в тексте некий «единый» стихотворный размер.

Налицо превращение трехударного тонического стиха в четырехударный (предпоследняя строка) и как следствие в двухударный (последняя строка).

Это значит, что стих «Слова» основан на естественных речевых паузах после каждой речевой синтагмы (назовем его тоническим аллитерационным стихом), и вследствие самой своей речитативной природы способен *дышать*: он не укачивает слушателя однообразной мерностью, он то кристаллизуется чеканной тоникой, то взрывается рифмоидами и аллитерацией, то приближается к спокойному течению прозаической речи. И все это не мозаика из разных размеров, а единая (поскольку скреплена эвфонической метаморфозой) стиховая ткань.

Другое дело, что такое устройство стиха, основанного на двух-, трех- и четырехударной модели, не всегда возможно передать графической записью, ведь «двойка» легко превращается в «тройку», «тройка» в «четверку», а та, в свою очередь, делится на две «двойки».

Столкнувшийся с той же проблемой в начале XX века Владимир Маяковский очень скоро стал записывать свои стихи «лесенкой».

К этому же приему графической передачи текста «Слова» в середине XX столетья, но еще до того, как были найдены «маяковские» рифмы «Слова», вынужден был прибегнуть Д. С. Лихачев.

Для многих первых читателей его перевода это было шоком.

ЦИТАТЫ БЕЗ КАВЫЧЕК

В «Слове» не один, а два зачина.

Казалось бы, для эпического произведения два зачина с двумя разными (хотя отчасти и дублирующими друг друга) рассказами о начале похода — нонсенс. Однако редактор первого издания этой книги (СПб., Вита Нова, 2006) Алексей Дмитренко заметил, что здесь автор «Слова» следует за библейским каноном. Первая Книга Бытия также начинается с двух рассказов о сотворении мира. Один из них в первой, другой во второй главе. (Причем второй лишь несколько дополняет первый.)

Хотя идея перестановок в «Слове» постоянно возникает в каждом поколении его исследователей[124], можно утверждать, что на самом деле в этом тексте нет «перепутанных страниц». Но есть два плана повествования: от Автора и «от Бояна». Автор рассказал о выступлении Игоря и затмении, потом воскресил Бояна, и тот начинает издалека, с рассказа о сборах в поход. Поэтому предшествующий походу монолог Всеволода перенесен, и о затмении упоминается дважды. Но во второй раз вместо Автора (и вместе с Автором) говорит Боян.

Отказавшись следовать «замышлению Бояна», у которого струны сами рокотали славу князьям, но взяв на вооружение «старые словесы» своего легендарного предшественника, Автор сочиняет собственное начало «Слова», а потом заставляет певца XI столетья высказываться по поводу событий столетия XII: «Так пел бы ты песнь Игорю...», «Или так бы ты пел...». И каждый раз подтверждает эти свои высказывания «цитатами» из Бояна. «Слово» написано для восприятия со слуха, а поскольку в устной речи кавычек не поставишь (впрочем, и на письме ими еще не пользовались), все дальнейшее звучит словно бы уже и не из уст Автора.

Два поэта разделены целым столетьем, а поют вместе, и авторский голос сплетается с голосом Бояна. Так речь Автора переходит в речь Бояна, а речь Бояна перетекает в речь Всеволода. Автору «Слова» это необходимо для поднятия авторитета его текста. В средневековой русской (как и в византийской) традиции новый текст нередко приписывался перу почитаемого предшественника. Именно поэтому Автор дважды описывает и солнечное затмение (во второй раз он растолковывает слушателям поведение не внявшего знамению князя и показывает, что Игоря ведет языческий Див, олицетворение гордыни и темной старины).

---

[124] См.: *Творогов О. В.* Перестановки в тексте «Слова» // *ЭСПИ*. Т. 4. С. 78.

Перетекание речи героя в авторскую справедливо и для «Золотого слова», у которого тоже нет ясного окончания. Очевидно, это осознавалось как особый поэтический прием: если автору это нужно, он умеет отделить слова одного героя от слов другого («Игорь сказал... Донец сказал...»).

Обратимся к опыту скандинавской поэтической традиции. Когда умирающий скальд является во сне к своему отцу и слагает прощальную вису, даже современному исследователю не приходит в голову, что публиковать эти стихи надо среди наследия отца[125]. Так и современники Автора «Слова», доверявшие высказыванию поэта куда больше нашего, верили, что его устами вещает сам Боян.

Таков авторский принцип: поэту важно назвать событие и сразу его оценить, найдя причины и следствия, выстраивающие логику развития событий в сюжете поэмы. Значит, сюжет и фабула «Слова» подчинены не повествовательной, но лирической логике, и система авторских оценок реализуется в череде намеков, понятных только современникам:

— Не соколами, а галками Боян (устами автора) называет полки Игоря. Но сделано это весьма осторожно, двусмысленно, и при желании можно понять так, что «галки» — половцы.

— Всеволод зовет Игоря в поход и сообщает, что его дружина уже стоит перед Курском, но слушатели знают, что на берегу Оскола Игорь два дня будет поджидать Всеволода, и это определит исход битвы.

— Повествование о битве разорвано рассказом о крамолах Олега Гориславича, деда Игоря и Всеволода. Это не просто историческое отступление. Это исследование причин поражения Игоря. (Когда-то Олег первым из князей привел половцев на Русь.) Так и гибель полоцкого князя Изяслава объясняется распрями его предка Всеслава.

— Начав говорить о Святославе Киевском, автор называет его «отцом» двух Святославичей — Игоря и Всеволода. Может показаться, что автор спутал Святослава Всеволодича со Святославом Ольговичем, который никогда не был киевским князем. Но после того, как прозвучал эпитет «Киевский», поэт тут же начинает рассказ о пленении Кобяка. И только тогда слушатели понимают, что это не поэт, а они ошиблись: Святослав Киевский — феодальный «отец» всех русских князей. И потому даже отчество Игорю и Всеволоду автор дает не по земному их родителю, а по *отцу феодальному*.

Здесь Автор следует за летописью. В 1180 году *рече Святославъ братьи своеи се азъ старѣе Всеволода а нынѣ я вамъ во отця мѣсто остался а велю тобѣ Игорю сдѣ остати съ Ярославомъ блюсти Чернигова* (*Ипат.* Стб. 618).

---

[125] Поэзия скальдов. Л., 1979. С. 162–163.

— «Злато слово» Святослава — самая длинная песнь «Слова о полку Игореве». Это оправдано тем, что помимо поэтической, поэт ставит и конкретную политическую задачу. Его цель — сплотить русских князей.

Речь Святослава строго этикетна, а потому иерархична.

Сначала киевский правитель обращается к князьям своего, шестого от Святого Владимира поколения, после переходит к князьям седьмого и лишь потом — к князьям восьмого поколения.

Начинает Святослав с укоров Игорю и Всеволоду. Вслед за виновниками похода он обращается к Ярославу Всеволодичу Черниговскому и к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо. Далее следуют обращения к князьям седьмого поколения. Святослав призывает на защиту Руси Рюрика Ростиславича Киевского (своего соправителя), Давыда Ростиславича Смоленского и Ярослава Осмомысла Галицкого (отца Ярославны). И только вслед за этими призывами дело доходит до князей младшего, восьмого поколения.

Такая *иерархия старшинства* также свидетельствует о том, что «Слово» современно описанным в нем событиям.

Эту закономерность открыл Б. А. Рыбаков[126]. Но он не обратил внимания на то, что «Злато слово» начинается с обращения к Игорю и Всеволоду, которые тоже относятся к шестому поколению. Историк полагал, что Владимир Святой в «Слове» не упомянут, а под «Старым Владимиром» надо понимать Владимира Мономаха. И потому не увидел, что по линии Ольговичей генеалогическое древо «Слова» произрастает (без единого пропуска в тексте) от Владимира Святого (см. с. 326–327).

Имена большинства названных Святославом князей ни о чем не говорили человеку XV или XVII веков, и понадобился труд нескольких поколений историков новейшего времени, чтобы сначала было составлено генеалогическое древо Рюриковичей, а уж потом мы увидели систему в обращении Святослава Киевского к его современникам.

Заметим, что отсутствует призыв к упомянутому в «Золотом слове» Владимиру Глебовичу Переяславскому: поэт знает, что он тяжело ранен при защите своей столицы.

Если мы не будем относиться к тексту как к линейному (прозаическому) или отстраненно-объективному эпическому сообщению и вспомним, что живой речи неравнодушного современника свойственно то, что Пушкин называл *лестницей чувств*, мы услышим иронию поэта там, где до сих пор слышим мнимую его ошибку:

---

[126] *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 125–132.

— Святослав Киевский, укоряя Ярослава Черниговского, изумляется, что не видит его власти, и расписывает доблести подвластных Ярославу тюрков («своих поганых»), которые-де, воюя без щитов, с одними засапожными ножами, побеждают «кликом» вражеские полки. Но слушатели знают, что Ярослав сам отпустил Игоря и Всеволода в поход, сам придал им полк ковуев, и именно ковуи первыми побежали с поля, и это решило судьбу Игорева полка.

— Намек на недавний поход Всеволода Большое Гнездо на Волгу также сделан в расчете на понимание современников. Б. А. Рыбаков пишет, что именно летом 1185 года рязанские «удалые сыны Глебовы» восстали на Всеволода, но эта весть еще не успела дойти до Киева. Но очевидно, что Автор потому и упоминает о рязанских князьях, что знает об их мятеже. Ни к Ярославу Черниговскому, ни к Всеволоду Большое Гнездо Святослав не обращается с призывом «вступить в золотое стремя» и «загородить Полю ворота». Он иронизирует над Всеволодом, как и над Ярославом. Для этого ему и нужны «непобедимые» ковуи (еще и «звонящие в прадедову славу»!) и удалые Глебовичи, которыми Всеволод якобы может «стрелять посуху».

Так и слова Святослава о «передней» (предшествующей) славе, которую замыслили похитить «двое» (Игорь и Всеволод), и о славе «задней» (будущей), которую они захотели добыть и поделить, понятны только современникам, знающим, что за год до того Святослав Киевский добыл эту «переднюю славу» победоносным походом на половцев, а Игорь со Всеволодом от того похода уклонились.

Отсутствие призыва к Ярославу Черниговскому говорит о том, что автор прекрасно осведомлен: Черниговская земля и так приняла на себя летом 1185 года удар половцев. (Ярославна в Путивле плачет на обожженных, но устоявших стенах кремля.) А к Всеволоду Большое Гнездо взывать о подмоге не имеет смысла: он именно в это время занят выяснением отношений с рязанскими мятежниками.

Итак, мнимые «противоречия» текста снимаются, если мы даем себе труд услышать его так, как должны были слышать современники событий, описанных древнерусским поэтом.

В поэме упомянуты события, произошедшие до осени 1185 года. Единственное исключение — намек на то, что должно состояться, но еще не состоялось. Это возвращение из половецкого плена старшего сына Игоря, о котором Гзак говорит Кончаку: «Если соколенка опутаем красной девицей, не будет ни соколенка, ни красной девицы». Непонятно, вернулся ли из плена Владимир Игоревич к тому времени, как автор взялся за перо, но, судя по пропетой ему здравице, автор не сомневается,

что княжич жив. (Равно как и брат Игоря Буй Тур Всеволод.) Мы не знаем точно, когда прибыл на Русь женившийся в плену на дочери Кончака сын Игоря, но случилось это до смерти Ярослава Осмомысла Галицкого (отца Ярославны). Этот князь умер осенью 1187 года, однако в «Золотом слове» Святослав Киевский обращается к нему как к живому: «Стреляй, господин, Кончака!..» Как о живом Автор говорит и о Владимире Переяславском, умершем от ран в апреле 1187 года.

ИЗ «СЛОВА» ПЕСНИ НЕ ВЫКИНЕШЬ

Начнем реконструкцию звучания «Слова» с исследования эвфонии текста, с того, что обычно зовется *музыкой слова* (или в терминологии, принятой с начала XX века, — звуковыми повторами).

После того, как по моей просьбе А. В. Дыбо провела реконструкцию грамматики и синтаксиса древнерусского текста, оказалось возможным измерить силлабическую длину каждой песни древнерусской поэмы, то есть посчитать число ее слогов и сравнить между собой пропорции текста. Разумеется, такая работа могла дать сколько-нибудь интересный с научной точки зрения результат лишь в том случае, если текст «Слова» дошел до нас без радикальной редактуры. Помня о том, что Д. С. Лихачев называл «презумпцией художественности», я исходил из презумпции сохранности текста.

Упоминание о языческих богах и некоторые архаические особенности текста, сохранившиеся вопреки его грамматико-синтаксической адаптации переписчиками, говорили в пользу того, что «Слово» не слишком сильно пострадало от времени и человеческих рук.

Относительно хорошая сохранность дошедшего до нас текста могла быть обеспечена, если переписчики понимали, что перед ними не проза, а стихи («из песни слова не выкинешь»), и список конца XV века, с которым работали первоиздатели, был сделан пусть не с древнего оригинала, но с весьма исправной копии.

При восстановлении редуцированных *ъ* и *ь*, а также древнейших грамматических и синтаксических норм текст обогатился рядом новых рифмоидов (о чем в конце 1990-х в Новгороде мы не один раз говорили с А. А. Зализняком). Возникновение рифмоидов и аллитерации там, где они были утрачены в процессе перестройки древнерусского языка, — говорит о том, что перед нами памятник XII века.

Ни в XV, ни в XVII столетии подделать такое было невозможно хотя бы потому, что языковые нормы двойственного числа были досконально изучены лингвистами только в XX веке.

Поэт пишет созвучиями, как живописец красками. Вот, к примеру, как он передает тяжкие удары железа по человеческому телу:

на немизѣ снопы сТЕлюТ/Е головами
молоТЯТ/Е чепы харалужьными
на ТОцѣ живоТ/О кладуТ/Е
вѣюТ/Е душу отъ ТѢла...

Впрочем, этот текст почти наверняка принадлежит не автору «Слова», а Бояну (см. с. 288 наст. изд.).

Но вот конская скачка (галоп, потом рысь, а под конец тяжелый от усталости и пресыщения шаг):

Съ зарания въ пятъкъ потопъташа
поганыѣ пълкы половецькыѣ
и расушася стрѣлами по полю помьчаша
красьныѣ дѣвъкы половецькыѣ
а съ ними злато и паволокы
и драгыѣ оксамиты
орьтъмами и японьчицами и кожюхы
начаша мосты мостити
по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ
и вьсякыми узорочьи половѣцькыми

чьрленъ стягъ
бѣла хорюговь
чьрлена челъка
сьребрено стружие
храброму святъславличю

Если существует система, то должна иметь место и повторяемость приема. Это можно показать на примерах кольцевой аллитерации:

— аще кому хотяше;
— иже погрузи жиръ;
— вежи ся половецькыѣ подвизашася;
— а вѣ сокольца опутаевѣ.

В последнем случае дальше звучит *красьною дѣВИцею* и происходит магическое опутывание слушателей арканом тройного звукового повтора.

Именно поэтому и предыдущий пример *вежи ся половецькыѣ подвизашася* вряд ли может быть позднейшей вставкой, хотя А. А. Зализняк указывает, что совмещение препозиции и постпозиции частицы *ся* возникает не раньше XIV века[127].

Но здесь двойное *ся* — явление не языка, а поэтики. Вежи — это дома кочевников. Это дома на телегах, но для человека оседлой земледельческой культуры двигающийся дом — нонсенс[128]. Поэт и передает это двойной частицей, создающей здесь опоясывающую рифму: вежи впрямь «двинулись» — только не потому, что половцы погнали коней, а потому что Игорь удаляется от веж.

Рифма может быть и линейной, как аллитерация (это когда рифмующиеся или проаллитерированные слова находятся в одной строке и следуют друг за другом):

— иже зарѣза редедю;
— рища въ тропу трояню.

При помощи такой рифмы разгневанное солнце окликает Игоря: *тогда игоР/Е възьРѢ*...

А вот совмещение кольцевой аллитерации с линейной:

— дремЛЕть въ полѢ оЛ/Е/гово...
— аще и вѣща душа.

Тройные рифмы:

— въ жестоцемь харалузѣ съкованѣ
а въ буести закаленѣ
се ли сътвористе
моеи сьребренеи сѣдинѣ;

Нередко в «Слове» рифма скрепляет эпизоды или даже песни:

---

[127] *СПИВЛ*. С. 61.

[128] Исключение — избушка Бабы Яги на курьих ножках. Такие избушки — не сказочный вымысел. «Курьи ножки» (или «стулья») — пни деревьев, выкопанные с корнями. На них ставились амбары. В пень вбивался шип для закрепления нижнего венца сруба. В 1970-х на староладожском Земляном городище Е. А. Рябинин раскопал серию таких «стульев» 810–830 годов. Фото см.: У истоков Северной Руси: Новые открытия. СПб., 2003. С. 108. Так что Баба Яга живет не в человеческом доме, а в амбаре.

— съвычая и обычая
были вѣчи троя...ни...

— ни мало того потрепати
а въстона бо братие...

— по бѣлѣ отъ двора
та бо дъва хра...брая...

— буего святъславлича
уже бо сула не течеть...

Чаще всего аллитерация и рифма — смысловой скреп имени и того, что из этого имени проистекает. Это своеобразные антидразнилки (не хулящие, но возвышающие):

святъслав/о — злато слово;
богатаго — брата моего;
миЛА браТА вьсевоЛОДА;
чти и живота — чьрнигова;
се у римова — а володимиръ;
вьсеволоде — вългу веслы раскропити;
ты буи рюри... — не ваю ли бояре — рыкають акы тури;
осмомыслѣ ярославе — златокованѣмь столѣ;
а ты буи романе и мьстиславе — храбрая мысль носить —
на дѣло въ буести;
мьстиславличи — шестокрильци[129];
а Р/Е/кУЧИ — о дънепРЕ словУтиЦЮ;
притрепа славу дѣду своему вьсеславу

Но есть, как мы уже видели, в «Слове» и настоящие дразнилки:

коньчака — кощея;
и реК/О Г/О/заК/О К/О КОньчаКОви...

Рифма может быть мотивировкой поступка, намерения, призыва или декларации:

[129] Звуки *ц* и *ч* в говоре автора «Слова» звучат одинаково.

— МЪЛВИТИ — краМОЛу коВАТИ;
— давеча рано — заворочаеть;
— въступита господина
въ злата СтРЕМЕНИ
за обиду Сего вРЕМЕНИ;
— съ засапожьникы — кликомь пълкы;
— а дружинѣ — амин/е;

В конце 1970-х В. Б. Шкловский рассказывал мне, что Владимир Маяковский очень любил поговорку «сила солому ломит» и фольклорную загадку, в которой уже заключена и ее разгадка: «Черный конь прыгает в огонь»[130]. Что-то подобное находим в «Слове»: *на КАЯЛѢ — о русьсКАЯ земЛѢ*.

Рифма может быть и подразумеваемой: *уже лъжю убудиста которую*... Последнее слово здесь и местоимение «который», и существительное *котора* (распря).

Впрочем, не исключено, что в тексте оба слова следовали друг за другом, но переписчик убрал одно из них, приняв эту игру за описку своего предшественника.

Рифмой катящийся по полю вал пыли может обернуться строем вражеских полков:

ПОРОСИ поля прикрывають
стязи глаголють
ПОЛОВЬЦИ идуть отъ дона

Так визуальное превращение передано через звуковое и семантическое. «Половцы склубились», — сказала бы Ахматова, которая, как рассказывал Валентин Берестов, любила этот глагол («Вот и Валя склубился». Впрочем, автор «Слова» скорее бы сказал: *Валя ввалился*).

Рифма по началам стихов несколько раз встречается в тексте:

по уноши кънязи ростиславѣ
уныша цвѣти жалобою

Затухающий звон украденных Всеславом колоколов Софии Новгородской тоже передан рифмой:

---

[130] Видимо, начальный вариант звучал *КОнь ЧЕРный прыГАет в огонь*.

тому въ полотьскѣ позвониша заутренюю
рАНО у святыѣ софѣи въ колоколы
А ОН/О въ кыевѣ звОН/О слыша

А вот как свистит рассекаемая конями тяжелая от студеной росы высокая степная трава:

коли игорь соколомь полетѣ
тогда вълуръ вълкомь потече
ТРУСЯ СОбою СТУденую РОСУ
преТ/О/РгоСТА бО Своя Б/О/РЗая комоня

В одной строке четыре «с», в другом мы ждем тоже четыре, но их (вместе с «з») лишь три. Это потому, что роса убила разгоряченных коней и свист в ушах прервался.

Еще свист, но уже свист стрел:

соколича рострѣляевѣ
своиМИ злаченыМИ стрѣлаМИ

Голоса птиц и скрип ползущих по песку змей:

...тогда врани не граяхуть
галици помълкоша,
сорокы не троскоташа
полозие пълзоша

только дятьлове текътомь
путь къ рѣцѣ кажють
соловии веселыми пѣсньми
свѣтъ повѣдають

Поверим древность текста примерами употребления двойственного числа, частично разрушенного переписчиками.

Случай 1

одинъ братъ одинъ свѣтъ
свѣтьлыи ты игорю
оба есвѣ святъславлича

сѣдьлаи брате свои
бързыѣ комони

Это правильное (по Зализняку — «безупречно правильное») *есвѣ* представляется здесь чрезвычайно важным, ведь налицо смысловая аллитерация с игрой на созвучных корнях «свят» и «свет»: *СВѢтъ СВѢтьлыи... — еСВѢ СВЯтъславлича — СѢдлаи СВОи*.

Перевод этих слов Всеволода с поэтического на русский может быть примерно таким: ну и что, что солнце накрыло тьмою твоих воинов? Один ты, брат, — свет светлый. А оба мы — Святославичи!

Если бы вместо *есвѣ* стояло обычное *есмы* (*есме*), то аллитерация исчезла, а смысловая игра разрушилась.

Случай 2

ту ся брата разлучиста
на березѣ быстрыѣ каялы
ту кроваваго вина не доста

Ся разлучиста (3-е л. двойст. ч. аориста, возвр.) рифмуется с *не доста* (3-е л. ед. числа аориста). Следовательно, это не грамматическая, но изысканная рифма.

Случай 3

въсплескала лебединыма крылома
на синѣмь море у дону

Крылома (восстановлено из *крылы*) дает ассонанс с *у Дону*.

Случай 4

емляху дань
по бѣлѣ отъ двора
та бо два храбрая святъславлича

В тексте *тіи бо два*..., но аллитерационный подхват будет полнее, если восстановить двойственное число: *...по бѣлѣ ОТЪ ДВОРА — ТА БО ДЪВА ХРА...*

Случай 5

Обратим внимание на такой фрагмент: *се бо два сокола сълѣтѣста съ отьня стола злата*. Это панторифма (полная рифма):

се бо дъва сокола сълѣтѣста
съ отьня стола злата

Рифмуются последовательно: *се бо дъва — съ отьня*; *сокола — стола*; *сълѣтѣста — злата*.

Из текста следует, что совпадение опорных согласных для Автора было важно: в фольклорной традиции хватило бы и бедной рифмы *сълѣтѣста — стола*.

Четырежды в «Слове» звучит выражение *отьня злата стола* и один раз — *къ отьню злату столу*. Следовательно, тут сознательное (ради рифмы) разрушение устоявшегося клише (поддержка этого панторифмой исключает случайность). Кроме того, это один из двух случаев, когда эпитет «злат» в тексте памятника следует за определяемым словом (а не перед ним). Второй случай: *ис сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево* объясняется тем, что выражение *ис злата сѣдла, а въ кощіево сѣдло* дало бы неуместное здесь плясовое (то есть смеховое, а не трагическое) звучание. При этом древнерусский поэт не привязан к рифмовке концовок строк:

отъворяеши кыеву врата
стрѣляеши съ отьня злата стола
салътани за землями

Здесь на одиннадцатом слоге в первой строке ударное «та» (*врата*) и на десятом также ударное «та» (*злата*). А дальше, как мы уже видели, строчка удлиняется, и рифма переходит в аллитерацию: *СТОЛА — САЛЪТАни*. Есть здесь и игра на двойственном числе: *помъркоста — погасоста — мѣсяца...*

Красноречивы рифмоиды *погрузиста — буиство — подаста*.

Если б двойственное число было разрушено (как произошло в первом издании и в Екатерининской копии: *и съ нимъ молодая мѣсяца...*), существительное «буиство» эвфонически повисло бы (как, впрочем, и существительное *мѣсяца*).

Случай 6

...и рече
о моя сыновьча
Игорю и Вьсеволоде
рано еста начала
Половецьскую землю
мечи цвѣлити
а собѣ славы искати

нъ нечестьно одолѣсте
нечестьно бо кровь
поганую пролиясте
ваю храбрая сърдьца
въ жестоцемь харалузѣ съкованѣ
а въ буести закаленѣ
се ли сътвористе
моеи сьребренеи сѣдинѣ

«Стандартная» норма требовала бы формы «сыновьца», но отказаться от чоканья нельзя, поскольку оно поддержано аллитерацией: *рече — сыновьча — нача...ла — неч/е...стьно*.

В приведенном фрагменте мы исправили *скована* на *съкованѣ*, а *закалена* на *закаленѣ*. При этом мы учитывали мнение А. А. Зализняка, который утверждает:

> В нарушение классических древнерусских норм в «Слове о полку Игореве» все словоформы именительного падежа двойственного числа среднего рода имеют окончание *-а* (а не *-ѣ/-и*): *два солнца*; *ваю храбрая сердца въ жестоцемь харалузѣ скована, а въ буести закалена*. Но ныне благодаря берестяным грамотам мы знаем, что это ранняя инновация, начавшаяся на северо-западе не позднее XII в. и в дальнейшем распространившаяся и на другие зоны[131].

С А. А. Зализняком можно было согласиться, если бы не цепочка рифмоидов: *съкованѣ — закаленѣ — сѣдинѣ*. (Возможно, этот случай показывает, что текст действительно написан «старыми словесы», но переписан в конце XII или в XIII веке, когда эта инновация воспринималась уже как норма двойственного числа, а само двойственное число еще не вышло из употребления?)

Случай 7

не ваю ли храбрая дружина
рыкають акы тури
ранены саблями калеными
на полѣ незнаемѣ
въступита господина
въ злата стремени
за обиду сего времени
за землю Руськую...

131 *СПИВЛ*. С. 38.

Рифмы *дружина — господина* и *стремени — сего времени*.

В тексте Первого издания: *въ злата стремень за обиду сего времени*, но грамматическая норма дает полную и точную рифму.

Случай 8

а ты буи Романе и Мьстиславе
храбрая мысль носить
ваю умъ на дѣло
высоко плаваесте на дѣло въ буести

В первопечатном тексте:

— *плаваеши на дѣло въ буести*. Но при восстановлении двойственного числа появляется рифмоид: *плаВАЕСТЕ... — В/О буЕСТИ*.

— *васъ умъ*. Однако: *ВАЮ умъ — плаВАЕсте*.

Случай 9

Инъгварь и Вьсеволодъ
и вьси трие Мьстиславличи
не худа гнѣзда шестокрильци
непобѣдьными жеребии
собѣ власти расхытисте
кое ваши златыи шеломы
и сулици ляцькыѣ и щиты

Ассонансный подхват, поддержанный звуковым повтором согласных «с» и «т»: *шестокрил/е/ци — расхытисте*. Кроме того: *Мьстиславличи — шестокрил/е/ци* (видимо, — *шестокрил/е/чи*).

Случай 10

коли Игорь соколомь полетѣ
тогда Вълуръ вълкомь потече
труся собою студеную росу
претъргоста бо своя бързая комоня

Здесь без двойственного числа *претъргоста* мы бы не услышали аллитерацию *ся со — сту — осу — оста — сво*, передающую свист высокой и тяжелой от росы степной травы, через которую прорубаются кони.

Случай 11

рече Коньчакъ къ Гъзѣ
аже соколъ къ гнѣзду летить

а вѣ сокольца опутаевѣ
красьною дѣвицею

Кольцевая аллитерация *А ВЕ сокольца опутАЕВЕ* имитирует набрасывание и затягивание петли аркана.

рекъста Боянъ и Ходына
Святъславля пѣснотворьца
стараго веремени
Ярославля <и> Ольгова
коганя хоти:
тяжько ти...

Восстановленная норма (в первом издании «Рекъ Боян...») аукается рифмоидами: *рекоСТА — СвяТ/О...славля — СТА...раго*.

В пятнадцати эпизодах «Слова» 28 случаев двойственного числа, частично разрушенного переписчиком. Оно поддерживается звуковыми повторами в четырнадцати случаях. При восстановлении грамматических норм XII века двойственное число эвфонически оправдано еще в семи случаях. В оставшихся четырех двойственное число в первопечатном тексте сохранилось, но эвфонического акцента на нем нет. В трех случаях утраченное двойственное число не было поддержано звуковым повтором. Для нас важно, что в шести случаях, когда двойственное число целиком или частично утрачено переписчиками, при его реконструкции появляются новые рифмоиды или аллитерации.

Ни один фальсификатор XVIII века не смог бы этого подделать.

Возникновение дополнительных рифмоидов происходит при чтении *ъ* как *о* (даже в слабых позициях):

— не было н/о обидѣ порождено — ворон/о;
— рано — а он/о — звон/о;
— святъслав/о — злато слово

Так из самого имени Святослава и изронилось его «Злато слово».

Рифмоиды возникают и при чтении *ь* как *е*:

— игор/е — възьрѣ;
— а ты, буи романе и мьстиславе — храбрая мысль носить... — въ буести;
— мьстиславличи — шестокрильци;
— а дружинѣ — аминь.

В тексте явно отсутствует позднейшее *ё*. Слова *черныя* и *жены* звучат, очевидно, без ёканья (при этом *ь* вновь корреспондирует с *е*):

— чьрныѣ тучѣ — четыре солньца;
— жены — уже намъ;
— съ вечера — рече — чьрною — чьрпахуть.

А теперь покажем на наиболее наглядных примерах, что аллитерации и рифмоиды, возникающие при восстановлении двойственного числа, характерны для поэтики «Слова»:

— рече — русичи;
— сиѣ пълкы — подъ облакы — оба полы;
— коньчакъ ему — къ дону великому;
— пороси — половьци;
— чьсти и живота — и града чьрнигова;
— съвычая и обычая — были вѣчи троя...ни — ольга святъславлича;
— живота — отьня злата;
— милыѣ — минула;
— вино — съмѣшено — на лоно;
— врани — болони — сани;
— богатаго — брата моего;
— засапожьникы — кликомь пълкы;
— вьсеволоде — вългу веслы раскропити;
— коньчака — кощея;
— и половьци сулици своѣ повьргоша —
по роси и по сулѣ гради подѣлиша;
— страны — сърони;
— литъва — листъвие;
— ятвязи — кънязи;
— уже — кънъже;
— кънъже — приодѣша — полизаша;
— чрез злато ожерелие — пониче веселие;
— окони — скочи отъ нихъ;
— скочи — въ пълъночи;
— аще и вѣща душа — нъ часто бѣды страдаше;
— нынѣ сташа — хоботи пашють;
— бебрянъ рукавъ въ рѣцѣ <въ> каялѣ —
кровавыѣ его раны на жестоцемь его тѣлѣ

Но в этом случае, полагаю, в оригинале было *последовательно* прорифмовано каждое фонетическое слово: *рукавъ — кровавыѣ*; *бебрянъ — его раны*; *въ рѣцѣ — на жестоцѣмь*; *въ каялѣ — его тѣлѣ*.

— тулы затъче — море полунощи;
— ростьрена — ростиславу;
— по уноши — уныша;
— хоти — тяжько ти — зъло ти

В диалекте, на котором говорил Автор «Слова», звуки *ч* и *ц* звучали, видимо, одинаково (условно можно приравнять *ц* к *ч*).

Отсюда рифмовка: Донец/е — рече, волци — ищучи и др.

Итак, при восстановлении двойственного числа мы получаем ту же систему рифмовки и аллитерации, которая возникает при восстановлении звучания редуцированных. Но эта же система наблюдается и в тех местах текста, где древние нормы не были утрачены.

ТОПОГРАФИЯ ТРИДЕВЯТОГО ЦАРСТВА

Топографически царство «Слова» — и впрямь тридевятое.

В древнерусских рукописях не было принято делить текст на отдельные слова. И уж тем более — на части или главы. Однако это лишь графическая условность: любой хорошо построенный текст должен был члениться на составляющие. Так древнерусский крестово-купольный храм членится на три нефа (с востока на запад) и три нартекса (с юга на север), образуя в сумме девять локальных пространств. Именно такую структуру деления мы обнаруживаем и в «Слове».

Фабула «Слова» трехчастна: Поход — Поражение — Возвращение Игоря на Русь. Но и каждая часть естественно делится на три песни, а в каждой песни — по три темы. Умножив три на девять, как раз и получаем подходящий ключ к этому *тридевятому* царству.

Часть первая. Поход

Первая песнь. Выступление Игоря
— Выбор темы, жанра и рассказ о Бояне.
— Выступление Игоря и затмение солнца.
— Как Боян начал бы песнь Игорю.

Вторая песнь. Бросок к Каяле
— Обращение Буй Тура Всеволода к Игорю перед походом.
— Начало похода. Дурные предзнаменования и Див.
— Первый бой с половцами в пятницу.

Третья песнь. Битва
— Утро субботы: русские окружены.
— Начало решающего сражения. Буй Тур Всеволод в обороне.
— Историческое отступление о крамолах Олега Гориславича.

Часть вторая. Поражение

Четвертая песнь. Конец сражения и его последствия
— Полдень воскресенья: конец битвы.
— Дева Обида и княжеские распри как причина поражения.
— Карна и Желя — скорбь по всей Русской земле из-за поражения.

Пятая песнь. Святослав Киевский
— Рассказ о делах Святослава Киевского.
— Сон Святослава.
— Толкование сна боярами.

Шестая песнь. «Злато Слово» Святослава
— Обращение к князьям шестого поколения: осуждение Игоря и Всеволода, упреки Ярославу Черниговскому и Всеволоду Большое Гнездо.
— Обращение к князьям седьмого поколения: призыв к Рюрику, Давыду и Ярославу Осмомыслу Галицкому встать на защиту Руси.
— Обращение к князьям восьмого поколения: призыв к Буй-Роману и Мстиславу, Ингварю, Всеволоду и «трем Мстиславичам».

Часть третья. Возвращение Игоря

Седьмая песнь. «Жизнь Всеславля».
— Гибель Изяслава и призыв ко всем внукам Ярослава и Всеслава прекратить распри.
— Историческое отступление о Всеславе Полоцком.
— Противопоставление Старого Владимира современным князьям.

Восьмая песнь. Ярославна и Игорь
— Плач Ярославны.

— Бог указывает Игорю путь на Русь.
— Побег Игоря.

Девятая песнь. Возвращение Игоря на Русь
— Противоборство Игоря с Донцом.
— Погоня за Игорем Гзака и Кончака.
— Игорь в Киеве.

Попробуем проверить объективность такого членения текста. Выпишем все глаголы и деепричастия текста, но сделаем это а) по их первому употреблению; б) по «гнездовому принципу» (если этот или однокоренной глагол повторяется в других песнях, не станем его более учитывать).

Первая часть

I песнь: 1) начать 2) хотеть 3) творить, затворять, отворять 4) взмывать (*растъкашеться*), устремиться (*потечи*) 5) поминать 6) напускать 7) настигать 8) петь, воспеть 9) зарезать 10) воскладывать 11) рокотать 12) затянуть 13) поострить 14) наполняться 15) наводить 16) воззреть 17) видеть 18) прикрывать, покрывать 19) сказать 20) быть 21) всесть, насесть (*снестися*), высесть, сидеть 22) сжечь 23) заступить, вступать, обступать, наступить 24) искусить 25) приломить, сломать 26) приложить голову, ложиться 27) испить 28) воспеть (*ущекотать*) 29) скакать, поскакать, отскочить 30) летать, слететь, залететь 31) свивать, виться 32) рыскать (искать цель по ее следу), дорыскивать (*дорискать*), нападать (*нарискать*), перебегать путь (*прерыскивать*) 33) заносить, носить 34) бежать 35) ржать 36) звенеть и звонить 37) трубить 38) стоять, вставать

II песнь: 1) ждать 2) седлать 3) искать 4) ехать, ездить 5) стонать 6) пробудить, проснуться 7) взметнуться (*събитися*) 8) кликать 9) предупредить (*велеть послушать*) 10) кричать 11) вести 12) охранять (*пасти*) 13) бередить (*въсрожить*) 14) звать 15) брехать 16) меркнуть, померкнуть 17) зажечь 18) усыплять, усыпить 19) перегородить, преградить, загородить 20) потоптать, притоптать 21) рассеяться, сеять 22) умчать с собой (*помчать*) 23) мостить 24) дремать 25) направлять (*след править*)

III песнь: 1) предвещать (*поведать*) 2) идти 3) трепетать и прибить (*притрепетать*), 4) затупиться 5) веять (о стрелах) 6) гудеть 7) течь 8) глаголать 9) греметь 10) посвечивать 11) лежать 12) расщеплять (*поскепать*) 13) каять (как проклинать) 14) забыть 15) минуть 16) ковать 17) слышать 18) закладывать 19) привести 20) стелить 21) бережно доставить (*возлелеивать* и *полелеять*) 22) прорастать 23) погибать 24) сократиться 25) покрикивать (*кикахуть*) 26) граять (от грая воронов) 27) делить, поделить

Вторая часть

IV песнь: 1) трещать, треснуть 2) поливать 3) всходить 4) шуметь 5) заворачивать 6) падать 7) разлучиться 8) докончить 9) поить 10) лечь 11) никнуть, поникнуть 12) приклоняться, склонять и подставлять голову (*подклонить*) 13) плескать, восплескать 14) погибнуть 15) молвить 16) бить, возбивать, биться, избивать 17) воскресить 18) кликнуть 19) метать (*мыкать*) 20) восплакаться, плакаться 21) смыслить 22) сдумать 23) соглядать 24) потеребить 25) разливаться 26) собирать

V песнь: 1) возмутить 2) иссушить 3) исторгнуть, загнать (*претъргнути*) 4) пасть 5) жалеть (*каять*) 6) погрузить (в воду) 7) насыпать, сыпать 8) приуныть 9) одевать 10) черпать, 11) нежить 12) каркать 13) нестись (быстро ехать) 14) подрезать (*припешать*) 15) опутать 16) погаснуть 17) заволочиться тьмой 18) распространиться 19) накинуться (*вовращися*) 20) проломиться (*треснуть*) 21) жаждать

VI песнь: 1) изронить, уронить 2) досаждать (*цвелить*) 3) одолеть 4) проливать 5) закалить 6) побеждать 7) мужаться 8) похищать, расхищать 9) помолодеть 10) давать 11) обернуться 12) поблюсти 13) раскропить 14) вычерпать (*выльяти*) 15) мочь 16) стрелять, расстрелять 17) плавать 18) рыкать 19) ранить 20) подпирать, подпереться 21) метать 22) судить суд 23) рядить (устраивать, управлять) 24) парить (*ширятися*) 25) бросить (*повращи*), бросить (*вергнуть*) 26) ослабеть (*утьрпнути*) 27) поспевать

Третья часть

VII песнь: 1) прирубить, то есть прибавить, и подрубить, то есть зарубить (*притрепать*) 2) полизать 3) понизить 4) вонзить 5) выскочить, скакнуть 6) коснуться (*доткнися*) 7) обернуться (*обьсися*) 8) урвать (*утьргнуть*) 9) расшибить 10) молотить 11) класть 12) веять (о зерне) 13) страдать 14) пригвоздить 15) развеваться по ветру (*пахаться*)

VIII песнь: 1) кикать 2) омочить 3) утереть 4) развеивать (о веселье) 5) пробивать 6) посылать 7) простирать 8) иссушать (*съпрягать*) 9) заткнуть 10) прыснуть 11) указывать 12) спать 13) бодрствовать 14) мерить 15) свистнуть 16) разуметь 17) стукнуть 18) отодвинуться (*подвизаться*) 19) отрясать

IX песнь: 1) стеречь 2) иметь 3) поглотить (*пожрать*) 4) раздвоить (*ростреми*) 5) троскотать 6) ползать 7) светиться 8) бороться

Первая часть — 90 неоднокоренных глаголов
I песнь — 38; II — 25; III — 27
Вторая часть — 74 новых глагола
IV — 26; V — 21; VI — 27.
Третья часть — 42 новых глагола
VII — 15; VIII — 19; IX — 8

Статистически новизна глаголов (степень освоения текстового пространства) держится на одном уровне со II по VI песнь. Но третья часть показывает, что поэма завершается: пространство уже освоено.

Уровень глагольной новизны от I песни к IX падает в пять раз, а от VIII к IX в 2,6 раза. В последней песни лишь 8 новых глаголов.

Это то, что называется «кодой».

Стройность композиционной логики — верный признак художественной стройности и цельности произведения.

В древнегреческой драме триада — это композиционный принцип: строфа — антистрофа — эпод.

Триадность «Слова» также напрямую связана с его композицией. Каждая из частей, песен, и каждая самостоятельная тема в «Слове», развиваются по закону триады. И если триада — и впрямь основа механизма любого развития, то стихийная диалектика Автора не должна нас смущать. Когда бы в поэме существовали утраты, добавления или перестановки, триадное развитие сюжета было бы нарушено.

Теза — выбор темы и манеры повествования. Антитеза — замышления Бояна. А потом Автор предлагает два варианта синтеза: сам начинает «от старого Владимира до нынешнего Игоря», и вдруг призывает Бояна, воскрешает его *старыми словесы* («Так бы ты пел Игорю...»). И уже словно не Автор, а Боян устами Автора «свивает славу обаполы сего времени», поет слушателям XII века. (Прием театральный, но мощный.)

Так синтезируются «старые словесы» и «замышления сего времени».

Переплетение триад образует стройную, но не прямолинейную структуру поэмы. Три дня битвы — тоже триада. Теза — легкая победа первого дня. Антитеза — половцы, идущие «со всех сторон» утром в субботу. Воскресный полдень — страшный, гибельный синтез.

Игорь вышел в Поле на Светлой седмице. Летописец замечает это роковое «изнаночное» сближение: «Так, в день святого воскресения навел на нас Господь гнев свой; на реке Каяле навел на нас вместо радости — плач, и вместо веселья — печаль».

О том же говорит и Автор: русские, стяжавшие легкую победу в постную пятницу, именно в воскресенье, «в третий день», перебиты. И уже вовеки «Игорева храброго полка не воскресить!».

Но летописец ищет причину гибели войска и плена князей в грехах Игоря, поэт же глядит в глубину истории, выясняя реальный генезис катастрофы на Каяле. Прерывая описание боя, он вспоминает о «крамолах» деда Игоря, Олега Гориславича. Звон «котор» и «крамол» Олега летел по всей Русской земле. Слышал его Владимир, «затыкавший уши» в Чернигове,

«слышал» сам Ярослав Мудрый, заклинавший детей жить в мире. Слышит и поэт: «Что мне шумит, что мне звенит...» И если при Олеге «редко оратаи покрикивали, но часто вороны граяли», то тем горше звучат слова поэта «а такой рати и не слыхано!». Автор свивает славу и «гориславу», и потому историческое отступление невозможно перенести в другое место «Слова». Сложнейшие созвучия прошивают стык повествований так, что разорвать их просто-напросто уже никому не под силу.

Теза второй части — сон киевского князя. Антитеза — толкование сна. Синтез — «Золотое слово».

Логика третьей части: Ярославна плачет — Бог слышит — Игорь возвращается. Тройное созвучие скрепляет стык, а точней — переход Плача в Побег: *иМ/О ЛУЧИ — иМ/О тУЛы затъЧЕ — МОре поЛУноЩИ*. Три обращения в Плаче, три части и в Побеге: побег — диалог с Донцом — диалог Гзака и Кончака.

Три развернутых напоминания о князьях XI века — Олеге, Всеславе и Ростиславе — болевые точки прошлого в рассказе о настоящем. Но если рассказы про Олега и Ростислава имеют к судьбе Игоря непосредственное отношение, какая связь предания о Всеславе с событиями 1185 года?

На седьмомь вѣцѣ Трояни вѣрже Вѣсеславъ жеребии о дѣвицю собѣ любу. Для Всеслава *девица* — Киев. Но и поход Игоря *к сватам* заканчивается кровавой свадьбой: *Ту кроваваго вина не доста, ту пиръ доконьчаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша...*

Сваты — это тот же Кончак, а *девица* — Кончаковна, с которой помолвлен, видимо, еще до похода Владимир Игоревич.

Игорь говорил: *Хощю главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону*. Тут *любо* — всего лишь союз. Но вспомним *дѣвицю собѣ любу*, и союз *либо* словно превращается в наречие. Князю *любо* погрузить в реку золотой шлем. Это обернется невольным самопророчеством: *иже погрузи жиръ въ дънѣ Каялы, рѣкы половецькыѣ, русьскаго злата насыпаше...*

Хитростью, «клюкой» оперся Всеслав на коней, которых требовали киевляне у Изяслава. Хитростью, тайно от Святослава, выступает Игорь, чтобы похитить славу киевского князя.

Всеслав сидел в порубе и был освобожден при подходе половцев. Игорь — первый русский князь, попавший к ним в плен.

Всеслав в полночи бросил киевлян, не разделив их ратной судьбы. Игорь в полночи бежал из плена, оставив брата, племянника и сына на милость врага.

Всеслав судил людям суд, а сам оборачивался волком, перебегал Хорсу путь и за ночь поспевал от Киева до Тмутороканя. Перебежав солнцу путь, Игорь обрек свою дружину на гибель, а землю на поругание. Потом, превращаясь в горностая, гоголя и волка, от Тмутороканя прыгнул к Киеву.

Всеслав расшиб славу Ярослава, Игорь, носивший, как и Ярослав, христианское имя — Георгий, хотел «похитить» славу прошлых князей, но «выскочил из дедовой славы», славы Ярослава Мудрого.

Всеслав отворял «в три удара» ворота Новгорода, а Новгород-Северский князь в трехдневной сече отворил ворота половцам на Русь.

У Всеслава была Немига, где кровавые берега реки засеивались костьми русских сынов. У Игоря — Каяла, где «черна земля под копытами костьми была засеяна...».

Судьба Всеслава и судьба Игоря в «Слове» подробно сопоставлены, и про Всеслава рассказано лишь то, что откликается эхом в судьбе Игоря. Обоим за причиненные Руси страдания *суда Божия не минути*. (Тут имеется в виду не сама смерть, а Божий суд над душой после смерти.)

Замечательна и магическая кратность дат. Всеслав бросил свой жребий на седьмом (то есть, по фольклорным представлениям о числе семь, — последнем) веку Трояна. Игорь — в лето от сотворения 6693-е, за семь лет до окончания седьмого столетья седьмого тысячелетия.

«Век» по-древнерусски — не сто, а тысяча лет. В одном из текстов XII века (1136) читаем: *Отъ Адама до сего времени минуло есть вѣковъ 6. А седмого вѣка минуло лѣтъ 644*[132].

Древнерусский седьмой «век» начался в 492 году, то есть за три с половиной века до первого упоминания о Руси. И Всеслав, и Игорь (внук Трояна) бросают жребий *на седьмомь вѣцѣ Трояни*. Так поэт включает нас в калейдоскоп исторических реминисценций, и они становятся явными, когда мы начинаем ощущать текст не как ряд случайных эпизодов, а как стройное и саморазвивающееся единство, полное не только линейного, логического, но и ассоциативного, поэтического смысла.

У великого художника система доказательств не менее строга, чем у Ньютона, только строится она не на формальной логике, а на логике художественной. Ученый стремится к терминологичности, поэт же, напротив, к многозначности, к расширению семантического поля слова. Комментируя, скажем, строки *которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше*..., ученый избавится от ненужной ему двусмысленности. Что такое «та прежде песнь пела»? Прежде кого или чего? Прежде других? В прежние времена? Но для поэта ценен как раз такой семантический дуализм. Автор нередко сближает омонимы: *любо* (либо) и *любо*; *копие приломити конець поля Половецького* и *конець копия въскърмлени* и т. д.

Однако если бы этим и ограничилась полисемия поэтической речи, решить все проблемы можно было бы с помощью словаря.

---

[132] *СССПИ*. Вып. 1. С. 96.

Игорь и Вьсеволодъ уже лъжу убудиста, КОТОРОЮ то бяше усъпилъ отець ею Святъславъ...

И в другом месте: *...на землю Русьскую, на жизнь Вьсеславлю. КОТОРОЮ бо бѣше насилие отъ земли Половецькыѣ.*

Которою и которое — местоимения (современное «который»). Но *котора* — усобица. И местоимение поэт оба раза поставил так, что на слух оно может пониматься и как существительное.

Приведу еще несколько из многих подобных мест «Слова».

Для архаического мышления любое совпадение — знак или знамение. Вспомним о «магической темноте» скальдов или о «темном стиле» поэтов Прованса того же XII столетья. Мировоззрение у них христианское, а пристрастие к полисемии — архаическое.

Затыкал Владимир Мономах уши или закладывал уши (скобы) городских ворот бревном?

Вторая трактовка подкрепляется историческим контекстом, угаданным А. Н. Майковым и аргументированным Б. А. Рыбаковым.

Первая — словами самого Автора: *То же звонъ слыша давьныи великыи Ярославъ...* Ярослав слышал, а Владимир *уши закладаше*. Разумеется, не из страха, а от гнева.

Б. А. Успенский (по другому, впрочем, поводу) вспоминает полесское выражение «ужи закладать» — наводить порчу. И объясняет, что в древности насылание болезни представлялось как насылание змей или червей[133]. Однако Б. А. Рыбаков утверждает, что существовал неолитический культ ужей, с которыми связывалось представление о дожде и об охране человеческого жилья. Постройка неолитического дома начиналась с «закладывания ужей», с рисунка безвредных змеек на месте будущего жилища[134].

Видимо, позднее такие изображения стали почитаться за колдовство, а память об охраняющих жилище ужах (например, от мышей) сохранилась в созвучном выражении, известном нам по «Слову»: «уши закладать» — запирать ворота. (Вообразим, к примеру, такой диалог: «Мы вам ужи закладем!» — «А мы уши закладем!»)

Есть в «Слове» и «двуязыкая» полисемия. Всеслав из Киева дорыскивал «до куръ Тьмутороканя».

Древнерусское *куръ* — петух, а тюркское или кавказское *кур* — основа глагола «строить» (предполагают, что слово было заимствовано

---

[133] *Успенский*. С. 69.

[134] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 165, 171.

со значением «стена»). Поэтому можно перевести: «дорыскивал до пения петухов до стен Тмутороканя».

Любопытно, что именно в рассказе о князе-оборотне Всеславе, обладавшем «вещей душой в двух телах», Автор достигает предельной концентрации бисемантических оборотов. Это еще раз говорит о том, что «магическая темнота» понималась как вещее умение, а не как бессмыслица испорченного книгописцем текста.

В своей работе о рудиментах амебейности (двуголосия)[135] в тексте «Слова» Д. С. Лихачев показывает пласт параллельных тем и образов. Когда я возразил, что в тексте куда более ярко выражено трехчастное деление, он сказал (цитирую по памяти): «Если это так, то Автор и сам еще находится под властью магической традиции, традиции заговоров. Он пытается искупить Игореву вину, и тройственность ему нужна, чтобы сильнее воздействовать на слушателей».

Действительно, фольклорные заговоры основаны на приеме троекратного повторения, и если автор литературного произведения прибегает к этому способу организации художественного пространства, значит, он пытается магически (или молитвенно) воздействовать на реальность и, следовательно, сам находится в гуще описываемых им событий.

У современной «Слову» средневековой латинской поэзии (и вообще у западной средневековой культуры) было два корня — один в античности, другой в христианстве. Корни поэзии творца «Слова», соответственно, в языческом фольклоре и в византийском православии.

Триадный принцип — та основа, на которой зиждется все мироздание «Слова о полку Игореве». При этом древняя магическая традиция и троичные христианские воззрения автора с точки зрения поэтики ничуть не противоречат друг другу. И хотя отдельные звенья этой реконструкции в будущем могут быть опровергнуты или уточнены, вряд ли корректировка существенно повлияет на суммарный результат.

ЧЕЛОВЕК

Вербальная триада: слово — речь — песнь.

Целостность человека: голова — тело — душа; сердце — кости — кровь; грудь (лоно) — плечи — персты; очи — уши — волосы (седина).

Триада мыслительного: ум — мысль — дума.

Три физиологических состояния человека: бодрствование — дрема — сон.

Голосовые неречевые триады: голос — клик — свист; плач — стон — рык.

---

[135] *Лихачев Д. С.* Не рассчитано ли было «Слово» на двух исполнителей? // Знание — сила. 1985. № 6. С. 7–9.

Возрастная триада (для мужчин): юноша — муж — старик.

Три девичьих синонима: дева — де́вица — девка.

Триада женской доли: дева — женщина (*жена*) — мать.

Триада обращения с младенцем: пеленать — взлелеивать — вскармливать.

Девять степеней родства: прадед — дед — отец — сын — внук — брат — племянник (*сыновец*) — муж (*лада*) — жена (*хоть*).

ИСКУССТВО

Три жанра словесности: слово — повесть — песнь.

Три типа музыкальных инструментов: струнные (струны) — духовые (трубы) — ударные (колокола).

ХРИСТИАНСТВО

Триада духовной вертикали: Бог — человек — бес.

Три храма: Святая София Киевская, Святая София Полоцкая, Святая Богородица Пирогощая (в Киеве на Подоле).

Степени духовного восхождения: христианство — святость — София (Премудрость Божия).

ЯЗЫЧЕСКАЯ АРХАИКА

Три яруса Мыслена Древа: небесный (эмблема — орел), древесный (эмблемы — мысль/белка и соловей), земной (эмблема — волк).

Шесть языческих богов (три земных и три небесных по их первому упоминанию): Троян (верхний уровень земли; внук Трояна — Игорь Святославич) — Велес (Нижний мир) — Див (вершина Древа); Стрибог (прародитель ветров) — Даждьбог — (небесный бог; внук Даждьбога — русский народ) — Хорс (солнце).

Низшая мифология: дева Обида — Карна (олицетворение скорби) — Желя (олицетворение плача).

Степени языческой мудрости: опытный (*сведомый*) — мудрый (*смысленный*) — вещий.

Языческий путь постижения сакрального: через знамение (затмение солнца) — бросание жребия — гадание по полету птицы (*птице горазд*).

Магическая (приворотная?) любовная триада: *мыслию съмыслити — думою съдумати — очима съглядати*.

Три «клика»: клик Дива, клик половцев («бесовых детей») и клик Карны.

МИРОЗДАНИЕ

Триада зримого пространства: небеса — земля — вода.

Три уровня неба (сверху вниз): солнце и месяц — облака и тучи — ветры (веют под облаками) и туман (*мъгла*).

Три верхних уровня земли: гора — холм — поле.

Три нижних земных уровня (земля плюс вода): овраг — болото — топь (*грязивое место*).

Три вида большой воды: море — озеро — река.

Три уровня реки: волна — течение (*струя*) — глубина (*дно*).

Три вида ручьев: *ручей — поток — струга*.

Две триады границы воды и земли: берег реки — луг — *болонь* (пространство от реки до городских стен); устье реки — лукоморье (берег залива) — берег моря.

СЧЕТ

Девять чисел натурального ряда: все от единицы до десяти (кроме девятки, но песен в поэме именно девять).

ВРЕМЯ СУТОК

Три триады времени суток: завтрак — обед — ужин; утро — полдень — день; вечер — полночь — ночь.

Три небесных источника света: солнце — заря — месяц.

Три небесных явления, с которыми сравниваются русские князья: *солнце — багряный столп — месяц*.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Века Трояна (в них входит и *время Бусово*) — лета Ярослава — походы Олега.

ЖИВОТНЫЙ МИР

Девять видов животных: белка-летяга (*мысль*), белка (*бела*), волк (он же *лютый зверь*), лисица, горностай, гепард (*пардус*), тур, конь, полоз.

Пятнадцать видов птиц: орел, сокол, лебедь, соловей, галка, кречет, ворон, иволга (*зегзица*), гоголь, гусь, чибис (*чаица*), чернедь, сорока, дятел, петух (*кур*).

Двенадцать разновидностей языка птиц и млекопитающих (девять и три): щекот (пение) соловья, речь (и *говор*, то есть по А. А. Зализняку — гомон) галок, крик (и песнь) лебедя, клекот орлов, грай воронов, кыканье зегзицы, трескотанье сорок, текот дятлов, свист птиц; брех лисиц, ржание коней, рык туров.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ

Древесная триада: древо — ? ветви (*лозие*) — листва.

Три вида древесной растительности: ? бор (*дебрь*) — дубрава (*дубие*) — прибрежный кустарник (*тростие*).

Три вида полевой растительности: зелена трава — ковыль — цветы.

ПОГОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Три триады ненастья: туча — гроза — буря; молния — гром — дождь; ветер — вихрь — ? смерч.

Три вида облачности: черная туча — облако — туман (*мьгла*).

ГЕОГРАФИЯ

Пятнадцать народов: касоги, половцы, русичи, авары, венгры (*угры*), немцы, венецийцы (и шире — латиняне), греки, морава, хинова, готы, литовцы, ятвяги, дремела, ляхи.

Шесть племен (родов?) черниговских тюрков: *могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы*.

Три «земли»: земля Трояна (Причерноморье), земля Половецкая, земля Русская.

Шесть подчиненных Кончаку частей «земли незнаемой»: *Волга, Поморие, Посулие, Сурож, Корсунь, Тмуторокань*.

Девять определений Поля Половецкого: Поле, Пустыня, земля Половецкая, Земля Незнаемая, Поле Незнаемое, чистое поле, поле безводное, великие поля, поля широкие.

Города (от двенадцати до пятнадцати русских и три черноморских): Киев, Белоград, Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Курск, Переяславль, Римов, Великий Новгород, Полоцк, Галич, Плесенск, Гродно (?), Харалуг (?), Дудутки (?); Сурож, Корсунь, Тмуторокань.

Шесть киевских урбонимов: Киевские горы, Плесенск на болони (?), Кисанский лес (? *дебри Кисани*), собор Святой Софии, Боричев взвоз (дорога с Киевских гор на Подол), церковь Пирогощей Богородицы на Подоле.

Двенадцать рек: Дон, Сула, Волга, Каяла, Канина, Дунай, Рось, Двина, Немига, Днепр, Малый Донец, Стугна.

Горы: Карпаты (горы Угорские), Киевские, Днепровские.

Триада наземного передвижения: тропа — дорога — путь.

ГОРОД И ГОСУДАРСТВО

Структура ойкумены: города — земли — страны.

Три элемента городской стены: *забрало* (верхняя часть стены) — ворота — запоры ворот (*уши*). Но, возможно, еще и башня (*городня*) в эпитете *городенские трубы*.

Структура города: стена (*забрало*) — терем — двор.

Три уровня княжеского терема: охлупень (*кнѣсъ*) — кровля (*дъскы*) — пиршественный зал (*гридница*).

Три уровня гридницы: престол (*злат стол*) — кровать — пол (*и падеся Кобякъ въ градѣ Кыевѣ, въ гридьници Святъславли*).

Три высших титула правителей разных народов: каган (государь) у русских, король у католиков, султан (*салтанъ*) у мусульман; (отсутствует термин «хан», то есть «император» половцев).

Три эпитета Святослава Киевского: «*Грозный, Великий, Киевский*».

Шесть золотых символов княжеского достоинства: злат шлем, златоверхий терем, злат престол (и «златокованый престол»), злато ожерелие, злато седло, злато стремя.

Высшие уровни господства у русских: каган — великий князь — князь.

Высшее сословие: князья — вельможи (*были*) — бояре.

Народная триада (три части «внука Даждьбога»): воины — горожане (полочане, куряни и т. д.) — крестьяне (*ратаеве*).

Степени несвободы: данник — пленник — раб (*кощеи*).

Три способа решения спора или разрешения участи: Божий суд — суд княжеский — жребий.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Триада сева: посев — полив — всходы.

Триада жатвы: стелить снопы на току — молотить цепами — отвевать (зерно от плевел).

ВОЕННАЯ СФЕРА

Шесть слов для войны: полк, усобица, рать, брань, дело, оборона (*боронь*).

Три ратных символа: стяг — хоругвь — бунчук (*челка*).

Русское войско: *кмети* (старшие дружинники) — дружина — воины (все, включая ополчение).

Три вида режущего оружия: меч — сабля — засапожный нож.

Три вида оружия с наконечником: копье — дротик (*сулица*) — стрелы.

Триада лука: лук — колчан — стрелы.

Три элемента защиты воина: шлем — щит — доспехи (*папорзи*).

Три типа древней «артиллерии» — метательный огонь (*живые шереширы*) — камнеметание (*беремены*) — ? стрикусы (стенобитное орудие).

Три слоя одежды воина: кожух (меховая поддевка под доспех) — наплечники (*папорзь*) — плащ (*паполома*).

Снаряжение лошади: стремена — седло — попона (*орътъма*).

Три вида лошадей: боевой конь (*борзой комонь*) — иноходец — лошадь (слово *кони*, звучащее в частице *окони*).

Триада «гориславы»: *усобица*, *крамола* (междоусобица), *котора* (распря).

Замкнутый цикл междоусобицы (как пародия на две триады земледельческого цикла): посев костьми — поливка кровью — всходы горем; жатва (тела, уложенные, как снопы) — обмолотка *харалужными цепами* (мечами) — отвевание души от тела; посев костьми... (и т. д. по кругу).

ПИТЬЕ

Вода («испить шлемом Дону») — вино — кровь («кровавое вино»).

ПРОИЗВОДСТВО, ДЕНЬГИ, ТКАНИ, ДРАГОЦЕННОСТИ

Три металла: золото — серебро — железо.

Три вида обработки железа: ковка — закалка — заточка (*сабли изострени*).

Деньги: *бела* (шкурка белки, но во времена «Слова» — серебряная новгородская монета), *ногата* и *резана* (серебряные новгородские деньги).

Три вида драгоценных шелковых тканей (*всякие узорочьи*): паволоки (тип византийской шелковой ткани) — оксамиты (греческое «гексамит» — шестинитный) — белый шелк (*бебрь*).

Простые ткани: *ортьма* — *япончица* — *паполома* (покрывало).

Три вида драгоценностей: золото — серебро — жемчуг.

ОСВОЕНИЕ ЗЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА

Идти — ехать — плыть.

Три типа судов: корабль (морское судно) — насад (речное судно) — судно (? вторым смыслом во фразе «суды рядя до Дуная»).

Кочевое передвижение половцев: верхом — на телеге — в кибитках-вежах.

ЦВЕТОВОЙ МИР

Две триады цветового мира: багряный (эпитет к небесным столпам) — кровавый (эпитет к зорям) — червленый; золотой — зеленый — синий.

Четыре триады монохромной гаммы: тресветлый (эпитет к солнцу) — светлый — белый; бебряный (белый шелк) — серебряный (седина, вода и берега из белого камня) — жемчужный (эпитет к душе); мутный — серый — сизый; бусый (темно-серый, эпитет к ворону) — темный — черный.

МЕТАФОРЫ СКОРБИ

Первая триада: *Уже сънесеся хула на хвалу, уже тресну нужа на волю, уже вьржеся Дивъ на землю*. Вторая триада: слезы — жемчуг — студеная роса.

ПЯТНАДЦАТЬ РУССКИХ КНЯЗЕЙ-ДЕДОВ

Первое поколение:

— Владимир Святой («старый Владимир»)

Второе поколение:

— Ярослав Владимирович Мудрый («старый Ярослав»)

— Мстислав Владимирович Тмутороканский («храбрый Мстислав»)

Третье поколение:

— Изяслав Ярославич (упомянут как «отец Святополка»)

— Святослав Ярославич Киевский

— Всеволод Ярославич

— Вячеслав Ярославич (косвенное упоминание в виде отчества Бориса Вячеславича)

Четвертое поколение:

— Всеслав Брячиславич Полоцкий

— Борис Вячеславич (внук Ярослава Мудрого)

— Святополк Изяславич

— Олег Святославич Черниговский и Тмутороканский («Гориславич»)

— Роман Святославич Тмутороканский («красный Роман»)

— Владимир Всеволодич Мономах («сын Всеволодов Владимир»)

— Ростислав Всеволодич Переяславский («юноша Ростислав», сын Всеволода Ярославича, брат Владимира Мономаха)

Пятое поколение:

— Святослав Ольгович, отец Игоря и Всеволода

ТРИДЦАТЬ КНЯЗЕЙ-ВНУКОВ

Шестое поколение от «старого Владимира»:

— Святослав Всеволодич («Грозный, Великий, Киевский»)

— Игорь Святославич Новгород-Северский

— Буй Тур Всеволод Святославич Трубчевский и Курский

— Ярослав Всеволодич Черниговский

— Всеволод Юрьевич Большое Гнездо («Великий князь Всеволод»)

— Глеб Ростиславич (упомянут как отец «удалых сынов Глебовых)

— Глеб Юрьевич (отец Владимира Переяславского и, как считали первоиздатели «Слова», жены Буй Тура Всеволода Ольги; упомянут как отец Владимира)

— Василько Святославич (Рогволодич?) Полоцкий (упомянут как отец Изяслава)

Седьмое поколение:

— Владимир Игоревич Путивльский (сын Игоря Святославича)

— Олег Игоревич (сын Игоря Святославича)

— Святослав Всеволодич /?/ (сын Буй Тура Всеволода Святославича)

— Владимир Глебович Переяславский (сын Глеба Юрьевича, внук Юрия Долгорукого)

— Святослав Ольгович Рыльский

«Удалые сыны Глебовы», четыре рязанских князя, сыновья Глеба Ростиславича (названы лишь по отчеству):

— Святослав Глебович

— Игорь Глебович

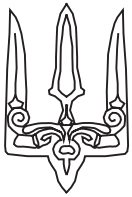
— Ярослав Глебович

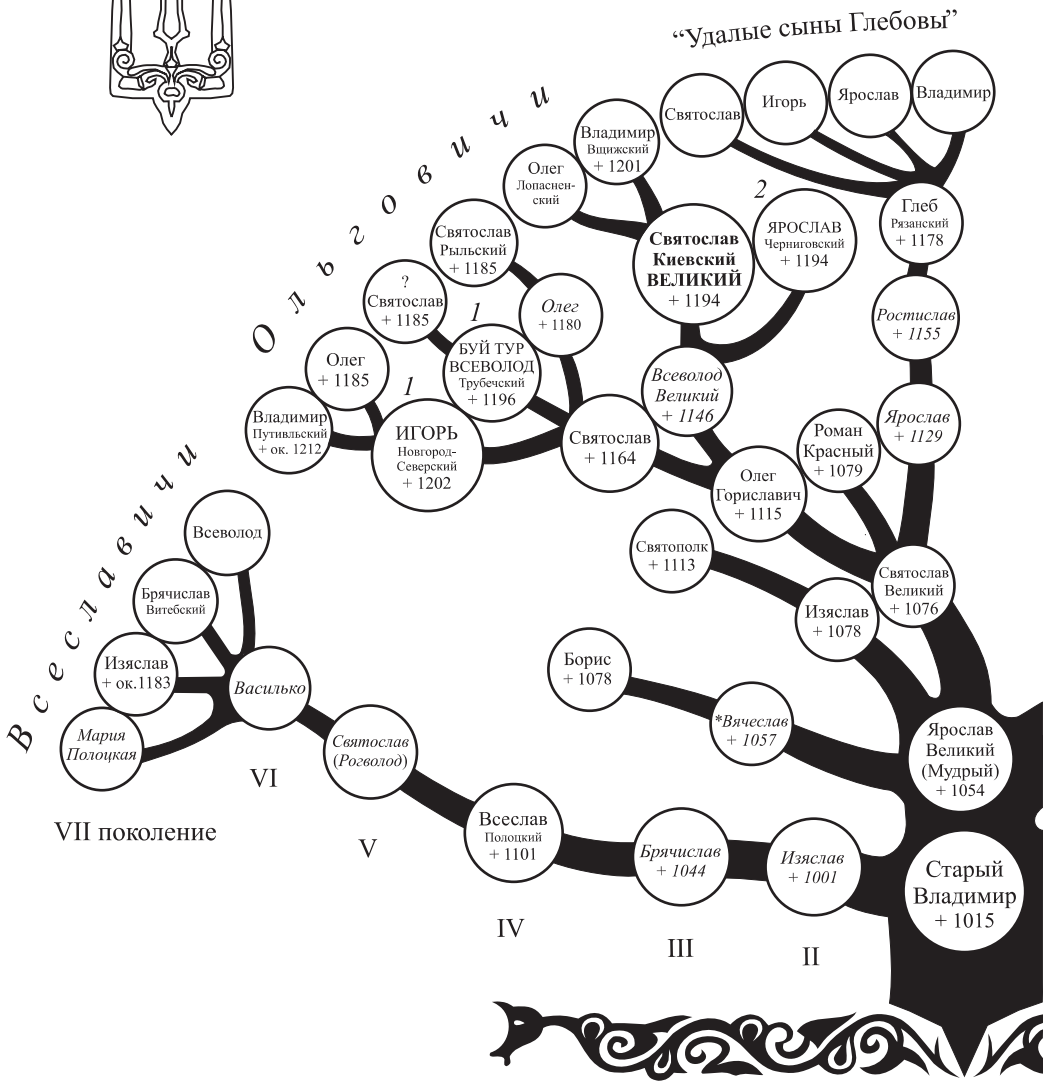
— Владимир Глебович

— Рюрик Ростиславич Киевский (соправитель Святослава Всеволодича)

— Давыд Ростиславич Смоленский

ДЕДЫ И ВНУКИ
«Слова о полку Игореве»





Мономашичи

“Все три Мстиславича”

6 БУЙ РОМАН Волынский + 1205

6 МСТИСЛАВ Немой + 1226

7 ИНГВАРЬ Луцкий

7 ВСЕВОЛОД Луцкий

Мстислав + 1170

Ярослав + 1180

БУЙ РЮРИК Киевский + 1212

4 **ДАВЫД** Смоленский + 1197

4

7 ДАВЫД Торопецкий

7 ВЛАДИМИР Псковский

7 МСТИСЛАВ Удалой Торопецкий

Изяслав + 1154

Ростислав + 1166

*Мстислав Храбрый + 1180

3 ВСЕВОЛОД Суздальский ВЕЛИКИЙ (Большое Гнездо) + 1212

Владимир Переяславский + 1187

Ярославна

Мстислав Великий + 1132

Ольга

Глеб + 1171

Юрий Долгорукий + 1157

Владимир Мономах Великий + 1125

5 ЯРОСЛАВ ОСМОМЫСЛ Галицкий + 1187

Владимирко + 1152

Ростислав + 1093

Володарь + 1124

Ростислав + 1066

Всеволод Великий + 1093

Мария (?)

Владимир + 1052

Мстислав Храбрый + 1036

VIII

VII

VI

V

IV

III

II поколение

Составил А. Ю. Чернов

Прописными буквами даны адресаты «Золотого слова».
Арабские цифры — последовательность в «Золотом слове».
Всеславичи и «Все три Мстиславича» даны по Б. А. Рыбакову (прочие версии см.: *ЭСПИ*. Т. 1. С. 261; Т. 2. С. 277; Т. 3. С. 283).
Из женщин в таблицу включены упомянутая в тексте «мать Ростислава» и неупомянутая Мария Васильковна Полоцкая (жена Святослава Всеволодича Киевского), а также жены инициаторов похода — Ярославна и Глебовна.
Курсивом даны имена тех, кто в «Слове» не назван.
Имена, помеченные звездочкой (*), — косвенное упоминание (в отчествах детей).
Схема дополнена именами сыновей Святослава Киевского, которые в 1185 году пришли на помощь Посемью, — Олега и Владимира.

— Ярослав Осмомысл Галицкий (отец Ярославны)

— Мстислав Ростиславич Храбрый (косвенное упоминание в виде отчества его детей «всех трех Мстиславичей»)

Васильковичи (по Б. А. Рыбакову):

— Изяслав Василькович

— Брячислав Василькович

— Всеволод Василькович

Восьмое поколение:

— Буй Роман Мстиславич Волынский

— Мстислав Ярославич Немой Луцкий

— Ингварь Ярославич Луцкий

«Все три Мстиславича» (по Б. А. Рыбакову):

— Давид

— Владимир

— Мстислав Удатный

ТРИ РУССКИХ КНЯГИНИ

— «Мать Ростислава» (жена Всеволода Ярославича)

— «Красная Глебовна» (жена Буй Тура Всеволода, дочь Глеба Юрьевича Переяславского, внучка Юрия Долгорукого)

— Ярославна (жена Игоря Святославича Новгород-Северского, дочь Ярослава Осмомысла Галицкого, внучка Юрия Долгорукого)

ТРИ СОВРЕМЕННЫХ ВРАГА РУСИ

— Гзак, Кончак, Кобяк

ЛИЦЕВЫЕ И ИЗНАНОЧНЫЕ ТРИАДЫ ДУХОВНОГО, ПРИРОДНОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО (см. таблицу на с. 250)

Не вписываются в триадность «Слова» два песнотворца Боян и Ходына, антский правитель Бус (?), половецкий хан XI — начала XII веков Шарукан, касожский вождь Редедя.

МЕТРОЛОГИЯ «СЛОВА»

Поэт угадывает меру без подсчетов. За него это делают внутренний слух и музыкальный инструмент (в нашем случае, скорее всего, — гусли).

Мышление поэта структурировано пропорциональными закономерностями. Текст «Слова» естественно делится на три пропорционально обусловленные части: Поход — Поражение — Возвращение героя.

В каждой части по три песни, в каждой песни по три темы (эпизода).

Часть первая. Поход — 884 слова; 2307 слогов (*откл. от D +3 слога*)

I песнь — 292 слова; 741 слог
II песнь — 289 слов; 772 слога
III песнь — 303 слова; 794 слогов

Часть вторая. Поражение — 1035 слов; 2626 слогов

IV песнь — 277 слов; 685 слогов
V песнь — 307 слов; 788 слогов
VI песнь — 451 слово; 1153 слога

Часть третья. Возвращение — 878 слов; 2304 слога (*откл. от D нет*)

VII песнь — 321 слово; 841 слог
VIII песнь — 280 слов; 722 слога
IX песнь — 277 слов; 741 слог

Всего в тексте 2797 слов; 7237 слогов
D (диаметр текста) 2304 слога
Радиус 1152 слога

В «Слове» действие поэмы идет по кругу (поход — поражение — возвращение), и потому у нас есть основания говорить о *диаметре текста*, или диаметре его композиции. Но практически любой сюжетный художественный текст обладает свойством в конце возвращаться к собственному началу и представляет собой либо окружность, либо виток спирали.

Чтобы вычислить диаметр «Слова», достаточно разделить общее число слогов текста на π. (И это будет длина первой и третьей частей.)

d и -d — серебряное сечение (диаметр текста и весь текст минус диаметр)

A — Тропа Трояна (628-й слог)
B — Века Трояна (1950-й слог; диаметр от этого отрезка равен 621 слогу)
C — Земля Трояна (2629-й слог), что равно длине второй части (2628)
E — Седьмой век Трояна (5284-й слог; 1953 слога до конца текста)

Гармония «Слова» построена на числе π. Соотношение частей поэмы такое же, как у абсид церкви Успения в Старой Ладоге (тот же XII век), и такое же, как у отношения внутреннего размера церкви (от входа до стены алтарной абсиды) к диаметру подкупольного барабана. Для «Слова» отклонение в 3 слога, это, если перевести в метрическую систему, ошибка менее полумиллиметра на метр. (Подробнее см.: *Чернов*, с. 163.)

У двух песен «Слова» (у первой и последней) одинаковая слоговая длина. В этом не было бы ничего удивительного, когда б первая и третья части не равнялись диаметру текста.

VI песнь (Злато слово) равна радиусу текста.

Пропорции «Слова» свидетельствуют, что древнерусский текст дошел до нас без радикальной редактуры.

В самом «Золотом слове» первая точка серебряного сечения (диаметр, взятый от начала) приходится на ключевую фразу «наизнанку времена обратились», а вторая серебряная точка на слова «стреляй, господин, Кончака, поганого кощея».

От начала текста до слов *были вѣчи Трояни* 1950 слогов, а от конца текста до *на седьмомъ вѣцѣ Трояни* (включая всю фразу) — 1952 слога. От начала текста до *земли Трояна* 2629 слогов. Это практически равно второй части текста (2626).

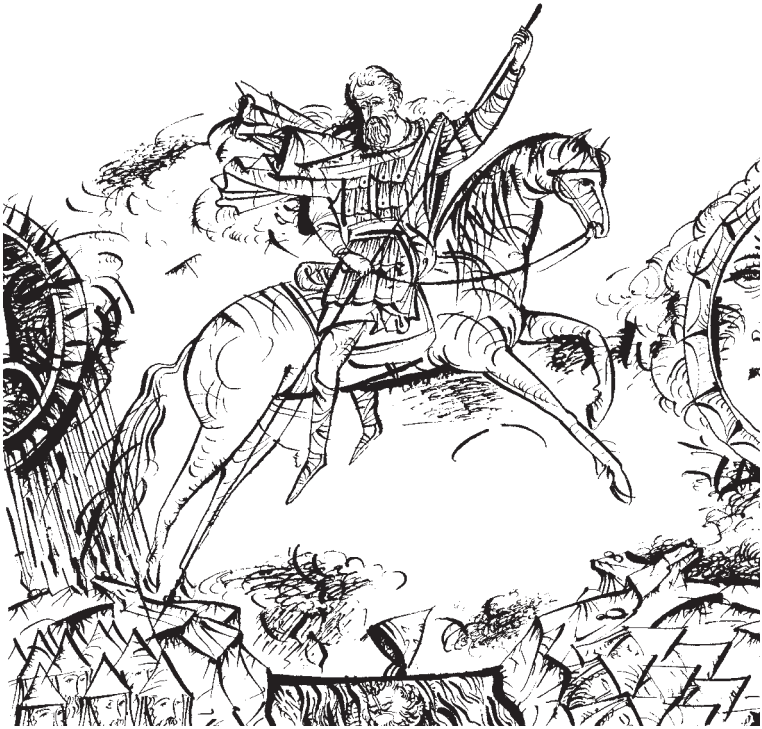
Такова математическая «мистика» поэмы.

Итак, «Слово» повторяет устройство и пропорции древнерусских трехнефных крестово-купольных храмов XII века. И именно такую композицию (три части по три главы в каждой) первоначально намеревался придать «Евгению Онегину» А. С. Пушкин.

Если в «Слове о полку Игореве» обнаруживается та же пропорциональная система, что и в системе древнерусских саженей (и в созданных на ее основе храмах), это должно означать, что «Слово» или написано под непосредственным влиянием гармонических особенностей древнерусской архитектуры, или гармония средневекового византийско-русского зодчества и гармония поэтического слова восходят к неким неизвестным нам пропорциональным законам, в основе которых лежат число π и, возможно, золотое сечение. Второе, впрочем, отнюдь не противоречит первому. Поскольку пропорции саженей антропоморфны, можно предположить, что сама архитектура домонгольских храмов должна была воздействовать на человека (и воздействует до сих пор) как некий резонатор, механизм которого нам неизвестен (хотя сегодня и нет недостатка в псевдонаучных спекуляциях на этот предмет).

Православный храм, как писал Д. С. Лихачев, — модель вселенной. Можно сказать, что домонгольский храм — действующая ее модель.

ТРИ ИМЕНИ АВТОРА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»



Текст как оттиск личности

– О князь, как звать того певца?
И князь ответит: – Вор.

Из старой тетрадки

ХОДЫНА. СФРАГИДА АВТОРА

В издании 1800 года читаем: *Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти*: *тяжко ти головы кромѣ плечю*; *зло ти тѣлу кромѣ головы*: *Руской земли безъ Игоря*. Здесь частично сохранено двойственное число: *Святъславля пѣстворца* («два Святославовых песнотворца», или «два песнотворца двух Святославов») и *коганя хоти* (два государевых любимца). В конце XIX века историк И. Е. Забелин предложил чтение «рекъ Боянъ и Ходына» (сказали Боян и Ходына), признав в Ходыне напарника Бояна[1].

Древний текст позволяет понимать его, к примеру, так: «Сказали Боян и Ходына, оба Святославовы песнотворцы, певшие старое время Ярославово, Олега государевы любимцы: — Тяжело голове без плеч, худо телу без головы. Так и Русской земле — без Игоря»[2].

Фразу «Так и Русской земле без Игоря» невозможно оторвать от двух предыдущих. Но тогда выходит, что Боян вместе с неким Ходыной поют князю, который живет через век после смерти Бояна.

К этому анахронизму мы еще вернемся, но вот чтение, предложенное в 1950 году И. Д. Тиуновым: «Возгласили Боян и Ходына, оба Святославовы песнотворцы, певшие старое время Ярославово-Олегово — государевы любимцы»[3]. Оно предпочтительнее, поскольку из этого следует, что автор «Слова» использует здесь свой любимый прием «свивания обаполы» одного времени с другим. (Вспомним: «Минули лета Ярославовы, были полки Олеговы».) И. Д. Тиунов подчеркивал, что при перестановке единственного знака (исследователь предлагал поставить запятую: «времени Ярославова, Олегова») текст становится понятным.

---

[1] *Забелин И. Е.* Заметка об одном темном месте в «Слове о полку Игореве» // Археологические известия и заметки, изданные Императорским Московским Археологическим обществом. 1894. № 10. С. 298–301.

[2] Иногда в этом видят обращение к неизвестно зачем и как здесь возникшей жене Олега Гориславича, прабабке Игоря и Всеволода: «О, супруга кагана Олега!». Однако столь экзотическое чтение входит в противоречие с поэтикой памятника.

[3] *Тиунов И. Д.* Несколько замечаний к «Слову о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей / Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 196–203.

В реконструированном виде:

Рекоста Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворьца, стараго веремени Ярославля [*и*] *Ольгова, коганя хоти.*

Считается, что в глубокой древности у многих народов было в обычае так называемое амебейное пение — парное исполнение эпоса.

Два певца садились рядом и импровизировали. Первый сочинял либо припоминал стих, второй этот же стих повторял в несколько измененном виде, давая время сопевцу вспомнить или сложить следующую фразу. До XIX века традиция амебейного пения дожила в практике карело-финских рунопевцев, и мы вслед за Д. С. Лихачевым[4] вправе предположить, что *рекъ Боянъ и Ходына* — реминисценция амебейности древнерусской эпической поэзии.

Однако если бы Боян пел на пару с другим певцом, мы никогда бы не узнали ни имени Бояна, ни имени Ходыны, ведь, как известно, при двухголосом пении исполнители не считали себя авторами.

Создание былины или баллады осознавалось как рассказ о чем-либо, а не как творение некоей новой формы. Таково эпическое, фольклорное, анонимное по самой своей природе сочинительство, в котором явлен архаический, доавторский тип сознания.

При двухголосом пении памяти о том, кто создает песнь, не сохраняется, и потому невозможно отыскать «авторов» древнерусских былин или скандинавских баллад.

Рассматривая на материале арабской средневековой поэзии проблему авторского самосознания, А. Б. Куделин ссылается на арабского филолога X века: «...ал-Хатими в принципе исключает возможность двойного или коллективного авторства. Касыда может быть продуктом творчества только одного человека, а не результатом сотворчества двух и более лиц. Двойная атрибуция произведения возможна лишь по ошибке или вследствие мистификации»[5].

В нашем случае правильно второе утверждение.

И мнение средневекового арабского ученого для нас тем ценней, что речь идет не о частном вопросе конкретной стиховой традиции, а об общей закономерности перехода от фольклорного сознания к авторскому. Этот переход у многих народов происходил в Средние века, и у нас нет оснований полагать, что на Востоке и Западе тут могли быть какие-то принципиальные различия.

---

[4] *Лихачев Д. С.* Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 9.

[5] *Куделин А. Б.* Средневековая арабская поэтика. М., 1983. С. 115.

Единственное исключение из правила амебейной анонимности — поэма древнеанглийского барда Видсида[6]. В ней говорится о «взаимности» поэта и правителя. Дошедший до нас отрывок начинается с того, что Видсид раскрывает государю «сокровищницу слова», а потом описывает, как, когда и чем государи его награждали. Считается, что Видсид называет имя своего поэтического напарника: «Мы со Скиллингом возгласили чистыми голосами...». Однако такая интерпретация — плод текстологического недоразумения. Песнотворца Скиллинга никогда не существовало. И хотя он упомянут Видсидом в 103-м стихе, ключ к разгадке спрятан десятью стихами раньше: оказывается, «владетель готский» подарил певцу обручье в шестьсот монет «счетом на скиллинги» (то есть шиллинги), но поэт отдал его Эадгильсу, «государю любимому», за «вотчину отчью», а Эальхильд потом одарила Видсида новым обручьем. Вот за это Видсид «со Скиллингом» и возгласили ей хвалу «чистыми голосами».

Видсид не делил обручье со Скиллингом, ведь Скиллинг тут — эвфемизм авторского гонорара.

Воспользуюсь случаем поблагодарить О. А. Смирницкую, подтвердившую такое мое чтение дополнительным аргументом: в оригинале эпитет «чистые» — тот же, что используется у Видсида для удостоверения чистоты пробы серебра. Поэт намеренно сближает чистоту голоса и чистоту пробы металла: *SKÆRE skatpund i SKILLING regning u Derpå jeg og SKILLING med SKÆREn røst*.

Итак, «мы со Скиллингом» — это «мы с Шиллингом», *мы при Монете*. (Так сегодня иконописец может сказать батюшке: «Мы с Рублевым храм распишем, но Рублева — вперед».) Единственная ссылка на имена авторов в гипотетическом амебейном тексте оказывается лишь буквальным (а потому и неверным) прочтением метафоры. И поскольку до нас дошло имя поэта, жившего в последней четверти (или даже трети) первого тысячелетия, его поэма по определению не могла быть амебейной.

Говоря о Бояне, автор «Слова» всячески подчеркивает его сакральную, вещую природу. По поэтическим представлениям Автора, «соловей» старого времени наделен магическим знанием, и все превращения Бояна в орла, соловья, волка — подчеркнуто индивидуальные метаморфозы. Из самого «Слова» ясно, что Боян пел старым князьям отнюдь не амебейно, и появление на последней странице «напарника Бояна» — более чем странный анахронизм, перечеркивающий все то, что было сказано о Бояне в начале поэмы.

---

[6] Древнеанглийская поэзия / Отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский; ред. перевода О. А. Смирницкая. М., 1982. С. 15.

Если мы не предполагаем какого-то особого пути развития авторского «я» в поэтических текстах Киевской Руси, мы должны отвергнуть предположение о возможной амебейности «слав» Бояна. К XI веку по всей ойкумене поэты, осознававшие себя авторами, не только порвали с архаикой двухголосого пения, но уже на протяжении нескольких веков противопоставляли амебейности состязания поэтов. Они уже не помогали друг другу вести рассказ, а спорили друг с другом, сочиняя на своих турнирах за один прием по стиху или строфе и после этого уступая право на ответное поэтическое высказывание, как рыцари право на удар (обычай, сохраненный дуэльной традицией). Напарник к этому времени окончательно превращается в соперника.

И тем более странно, что Боян и Ходына, по свидетельству Автора, «говорят» свою припевку именно так, как пропели бы ее анонимные и архаичные рунопевцы, которые всего лишь развивали во втором стихе мысль первого: «Тяжко ведь голове без плеч. Зло ведь телу без головы!»

Протестуя против Ходыны как сопевца Бояна, филолог и текстолог М. В. Щепкина писала: «Добро бы это было нечто исключительное, но данная „припевка“ ничего чрезвычайного в себе не заключает»[7]. Исследовательница совершенно справедливо отказывала Ходыне в праве быть соавтором и современником Бояна, ибо верно почувствовала архаическую примитивность припевки Бояна и Ходыны. Действительно, Боян, певший Ярославу и Святославу Ярославичу (в одной гриднице со скандинавскими скальдами, еще несколько веков назад простившимися с амебейной традицией), никогда бы не оставил о себе память как о «вещем» песнотворце, если бы был всего лишь фольклорным сказителем, исполнявшим свои «славы» с напарником.

Именно по этой причине имена народных сказителей стали известны лишь благодаря интересу фольклористов. В памяти же народа (а точней сказать — народов) они не сохранялись.

Поэтическая стройность «Слова» нарушается воистину загадочным сопевцом Бояна.

Доходя до имени Ходыны, мы попадаем в тупик: с одной стороны, если мы принимаем Ходыну, текст становится ясным и простым, с другой — Ходына как напарник Бояна по амебейному пению противоречит современным представлениям об амебейности.

---

[7] *Щепкина М. В.* Замечания о палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 21.

Невозможно появление на последней странице «Слова» неизвестного песнотворца и еще по одной причине. Автор «Слова» — отличный психолог. В его поэме звучит прямая речь Бояна, Игоря, Всеволода, Святослава Киевского, Ярославны, Донца, Гзака и Кончака, но *всякий раз* голосу героя предшествует некое упоминание о самом герое. Скажем, сначала словно вскользь обронена фраза про «замышления Бояна», потом следует рассказ о Бояне и только после: «...так бы ты, Боян, запел Игорю...».

Здесь же, в самом конце «Слова», неизвестный певец безо всякой мотивировки буквально врывается в текст на плечах Бояна.

Есть ли выход из подобного текстологического тупика?

Все станет на свои места, если предположить, что Ходына — имя самого Автора. Тогда окажется, что и появление своего имени в конце текста тактичный автор «Слова» подготовил заранее, употребив личное местоимение первого лица еще в рассказе о поворотном эпизоде битвы на Каяле: «Что мне шумит, что мне звенит давеча[8] утром перед зарей...»

Покажем, что это единственно возможное решение данной текстологической задачи, и убедимся, что, если мы будем исходить из контекста средневековой авторской поэзии, то перед нами всего-навсего общее место.

Гипотезу о том, что Ходыной звали переписчика «Слова» или его Автора, высказал московский переводчик А. Г. Степанов[9]. Но он подверг текст столь радикальной правке, что эта гипотеза научным сообществом даже не обсуждалась. Идею Степанова по достоинству оценил лишь Владимир Набоков. К тому времени он уже закончил работу над собственной англоязычной версией «Слова» и выпустил английский перевод[10]. Имя Ходыны в набоковском переводе не упоминается. Видимо, сначала писатель просто не обратил внимания на старую конъектуру И. Е. Забелина. Но через несколько месяцев пожалел о своем упущении.

---

[8] Употребление слова *давеча* (накануне, недавно) свидетельствует, что «Слово» написано летом 1185 года. Впрочем, еще переводчик «Слова» Яков Малашев, чье комментированное издание «Слова» вышло в Москве в 1871 г., писал, что поэт «был если не действующим лицом, то, во всяком случае, близко заинтересованным лицом в событии», поскольку в начале поэмы называет Игоря «нынешним», а о себе сообщает, что будет петь «по былинам сего времени» (цитирую по: *Руди Т. Р.* Малашев // *ЭСПИ*. Т. 3. С. 208). Из этого своего наблюдения Малашев делает еще один, весьма важный для понимания текста вывод (см. примеч. на с. 343 наст. изд.).

[9] Слово о полку Игореве: поэтические переводы и переложения / Под общей редакцией В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961. С. 364.

[10] The Song of Jgov's campaign / Translated from old russian by Vladimir Nabokov. New York, 1960. См. также: *Набоков В.* Бледный огонь / Перевод В. Набоковой. Мичиган, 1983. С. 232–233, 299.

Уже в следующей книге, романе «Бледный огонь», Набоков фактически признал правоту А. Степанова[11]. Правда, сделал это столь по-набоковски (в романе он назвал Ходыну мистификатором), что на это просто не обратили внимания.

Нас не должно смущать ни то, что Ходына говорит вместе с песнотворцем XI века, ни то, что оба они называются «песнотворцами Святославовыми», ни то, что «подпись» Автора звучит в третьем лице. Все это вписывается в канон средневекового авторского мышления, укладывается в закономерности исторической поэтики и, кроме того, — вполне в духе «Слова».

Данте путешествует с Вергилием, а грузинский поэт и царь Арчил II из глубин XVII века обращается к царю и поэту Теймуразу (начало того же столетия) и одновременно к поэту XII–XIII века: «Скажу царю и Руставели»[12], что, впрочем, даже по конструкции напоминает сфрагиду «Сказали Боян и Ходына».

Именно такое орнаментальное восприятие времени (вспомним набоковский «узор Мнемозины») характерно для средневекового сознания. А. Я. Гуревич пишет:

> Архаическое общество отрицало индивидуальность и новаторское поведение. Нормой и даже доблестью было вести себя как все, как поступали люди испокон веков. Только такое традиционное поведение имело моральную силу. Поэтому жизнь человека в традиционном обществе представляет собой постоянное повторение поступков, ранее совершенных другими. Неизбежно вырабатывается эталон, первообраз поведения, который приписывается первым людям, божеству, «культурному герою». Повторение людьми поступков, восходящих к небесному, божественному прототипу, связывает их с божеством, придает реальность им и их поведению. Вся деятельность людей, производственная, общественная, семейная, интимная жизнь получает смысл и санкцию постольку, поскольку участвует в сакральном, следует в «начале времен» установленному ритуалу. Поэтому мирское время лишается своей самоценности и автономности, человек проецируется во время мифологическое. В особенности это обнаруживалось в периоды празднеств, торжеств, устанавливающих прямое отношение с мифом, воплощающим в себе образец поведения. Миф не просто пересказывался, но разыгрывался как ритуальная драма и соответственно переживался во всей своей высшей реальности и напряженности. Исполнение мифа «отключало» мирское время и восстанавливало время мифологическое.

---

[11] *Соколова Л. В.* Ходына // *ЭСПИ*. Т. 5. С. 186.

[12] *Арчил II*. Спор Теймураза с Руставели // Поэзия народов СССР IV–XVIII веков. М., 1972. С 470.

И еще:

> В самом деле, если время циклично и прошлое повторяется, то и будущее время не что иное, как возобновляющееся настоящее или прошлое. Все три времени расположены как бы в одной плоскости[13].

У Бояна в XI веке был свой «каган» — Святослав Ярославич Киевский, а у Автора через столетье свой — Святослав Всеволодич Киевский. Его единственного признает Автор главой Русской земли. Святослав сначала мелькает напоминанием о звенящей в Киеве славе его недавних походов на половцев, потом говорится и о пленении им Кобяка и пересказывается вещий сон Святослава, а после толкования сна боярами следует знаменитое «Золотое слово». И даже Ярославна напоминает Днепру, что тот «лелеял Святославовы суда до стана Кобяка». Вот и Игорь после возвращения из плена спускается с «киевских гор» — едет из терема Святослава по Боричеву взвозу к церкви Пирогощей Богородицы.

Образ Святослава Всеволодича в «Слове» центральный в буквальном и метафорическом смыслах, а это означает, что поэт адресует свою песнь (в узком смысле слова) Святославу. Однако замечательнее всего не само объединение двух киевских Святославов в одном выражении, а то, что этот прием Автор уже использовал: именно Святослава Всеволодича поэт объединил с другим Святославом, сыном Олега Гориславича (Святославича), отцом Игоря и Всеволода: «Ибо те два храбрых Святославича... пробудили неправду, которую усыпил отец их Святослав...». Слушатели были вправе ждать рассказа о черниговском Святославе Ольговиче, но поэт неожиданно переосмыслил сказанное: «...Грозный, Великий, Киевский!» И заговорил о том, как двоюродный брат Игоря и Всеволода, феодальный «отец» всех русских князей, разбил Кобяка. Другими словами, отчество черниговским князьям дается не по их родителю, а по киевскому Святославу. (Напомню, что, как сообщается в Ипатьевской летописи, в 1180 году сам Игорь обратился к Святославу Киевскому «Отче!»)

Этот очень сильный и, безусловно, семантически наполненный поэтический прием, вписывающийся в поэтику «переосмыслений» Автора, — первое прямое упоминание в поэме о Святославе Всеволодиче.

---

[13] *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры, М., 1972. Гл. VI («Что есть время»). Ссылка на: *Finkenstaedt Th.* Das Zeitgefuhl im altenglischen Beowulf-Epos // Antaios. Bd. III. Stuttgart, 1962. S. 226 ff.; *Steblin-Kamenskij M. I.* Tidsforestillingene i Islendingasagaene // Edda. Bd. LXVIII. Hefte 6. 1968. S. 358–359.

Ну а последнее — такое же «объединение» его «по имени» со Святославом Ярославичем, отцом Олега Гориславича.

Зеркальность — яркая черта поэтики «Слова», где самореминисценции, выделяя соотнесенность разных частей поэмы, приводят к спиральному развитию сюжета.

Объединение имен двух живших в разное время правителей — не редкость для средневековой поэзии: современник автора «Слова» Низами «на пути любви к правителю» пишет в своей «Сокровищнице тайн», что приносит «на суд две книги двух славных поэтов, и на обеих печати Бехрамшахов»[14].

И для нас очень важно, что древнеанглийский поэт Деор, современник автора «Слова», называл себя «любимцем господина» и «певцом Хеоденингов» (хотя жил лишь при одном из этих правителей).

Деор рифмовал свое имя с выражением *dryhte dÿre* — государев любимец[15]. Так же поступает и автор «Слова»: *КОгАНЯ ХОТИ — реКОста боЯН/О и ХОДЫ*... И тут же: *коганя хо́ти — тяжъко́ ти*...[16]

У Низами уже третий стих его «Сокровищницы тайн» возглашает: «На дороге любви к тебе — песню пою».

Речь не о любви к красавице, а о любви к Бехрамшаху.

У средневековых поэтов Запада и Востока принято говорить о любви к государю. И не всегда это следствие корысти или страха.

В этом свобода поэта (в частности и средневекового): для него «закона нет», он любит кого любит, он вечный странник в пространстве и времени. (Так Пушкин на своих черновиках мог нарисовать себя и в виде Робеспьера, и в виде лошади, и в образе женщины.)

Автор «Слова» ценит умение Бояна «свивать славу обаполы сего времени» и сам заставляет время течь вспять (новелла о Всеславе Полоцком). Он поэтическим словом воскрешает Бояна, трижды заставляя того петь Игорю (дважды в начале и один раз в конце поэмы).

Из «Слова» следует, что Боян начал слагать свои славы не позднее 1036 года, а умирает после 1073-го, но до 1078 (или 1079) года.

Нижняя хронологическая граница творчества Бояна определяется по упоминанию в «Слове» о том, что Боян пел Мстиславу Владимировичу Тмутороканскому («храброму Мстиславу»). Летопись сохранила

---

[14] *Низами*. Пять поэм. М., 1946. С. 29.

[15] *Lehnert M*. Poetry and prose of the Anglo-Saxons. Berlin, 1955. P. 23.

[16] При восстановлении двойственного числа, частично разрушенного в издании 1800 года, возникают и другие рифмоиды: *рекоСТА — СвяТ/О/славля — СТАраго*. При этом *пѣснѣтворьца* рифмуется с *сокольца* (из предыдущего эпизода). См. наст. изд., с. 304.

семистрочную строфу о битве Ярослава и Мстислава в 1024 году. Ярослав, которому также посвящал свои славы Боян, скончался в 1054 году. Любитель песнотворчества Святослав Ярославич, чьим певцом назван Боян, стал киевским князем в 1073 году и был им до своей смерти в 1076-м. Роман Святославич (сын Святослава Ярославича), которому Боян тоже пел, в «Слове» назван «красным», то есть красавцем. Этим автор подчеркивает, что Боян пел Роману, когда тот был юн, то есть до того, как он стал тмутороканским князем, а в 1078 (или 1079) году был убит своими союзниками-половцами и брошен без погребения. (Летописец скажет: *Суть кости его и доселе лежаче тамо.*)

Упоминание о Романе в начале поэмы необходимо, чтобы слушатели вспомнили о его гибели, ведь она рифмуется с гибелью Изяслава Васильковича, которому автор «Слова» переадресует анонимную силлабическую припевку о Романе[17]:

дружину твою къняже	*8 слогов*
пътицѣ крилы приодѣша	*9*
а звѣри кровь полизаша	*9*

Но если припевка Роману принадлежит фольклорной традиции, значит, до походов Олега (начались в том же 1078-м) Боян не дожил.

Заметим, что в «Слове» отсутствуют припевки Бояна Олегу.

И не сказано, что Боян пел Олегу.

То, что Олег — каган, а Боян — Олегов любимец, — плод недоразумения. Просто однажды текст был некорректно прочитан и его автору приписали как раз то, против чего он столь яростно протестует.

В «Слове» сообщается, что Боян сочинил припевку, осуждающую Всеслава Брячиславича Полоцкого (умер в 1101 году, но прославился своими междоусобными походами в конце 1060-х). Боян осуждал крамолы Всеслава и потому должен был бы осудить и Олега, который первым привел половцев на Русь. Рассказ об Олеге в «Слове» отличается от пространной, очевидно, Бояновой цитаты о Всеславе и тем, что в нем отсутствует семистрочная строфа, и тем, что первые стихи каждого строфоида не длиннее последующих.

---

[17] Параллельное существование в XI веке фольклорной силлабической и авторской тонической традиции говорит о том, что Боян и был реформатором древнерусской стиховой гармонии. Почти через тысячелетие подобную задачу стиховой революции (от силлабо-тоники к тонике) поставили перед собой в начале XX века Велимир Хлебников и Владимир Маяковский.

Никакого отношения к Олегу и Ольговичам Боян не имел и, очевидно, не дожил до злополучного 1078 года, когда тмутороканский князь-изгой появился на Руси во главе половецкого войска. В противном случае от автора «Слова» мы бы, вероятно, знали, что сказал Боян об Олеге Гориславиче. Но поскольку Боян назван «песнотворцем Святослава», а Святослав Ярославич стал «каганом» только в 1073 году и умер в 1076-м, значит, время Бояна, начавшееся до смерти Романа в 1036 году (еще при Ярославе Мудром), закончилось практически одновременно со смертью Святослава. Следовательно, вещий Боян был, как об этом говорит автор «Задонщины», именно киевским песнотворцем (а не черниговским или тмутороканским). И свои славы киевским каганам он сочинял на протяжении как минимум сорока лет. (Напомним из «Задонщины»: «Прежде всего восхвалим вещего Бояна, искусного киевского песенника. Тот вещий Боян, возлагая свои златые персты на живые струны, пел славу русским князьям, — первому князю Рюрику и Игорю Рюриковичу, а также Святославу Ярославичу и Ярославу Владимировичу, восхваляя их песнями и гусельными ярыми словесами...».)

Итак, смысл этого места «Слова» может быть только таким: Боян — Святославов песнотворец, но и Ходына тоже (даром, что века и Святославы в Киеве разные); оба песнотворцы, а песнотворцы традиционно — «государевы любимцы».

Боян пел «время Ярославово», а Автор, вторя Бояну через столетие, пел о «времени Ярославовом и Олеговом», времени единства и времени усобиц («минули лета Ярославовы — были походы Олеговы»).

В начале «Слова» Автор обмолвился: *Боянъ... аще кому хотяше пѣснь творити...*

Этим Автор утверждает, что Боян свободен: он творил песнь лишь «кому хотел» и «если хотел». А в конце поэмы — зеркальное отражение этой фразы: «Боян и Ходына... песнотворцы... государевы любимцы». Боян «хочет творить» песнь лишь тому, для кого песнотворцы — *хоти*. Потому-то чтение «Боян и Ходына... любимцы государя Олега» входит в решительное противоречие с тем, что Автор рассказал нам о противнике княжьих «крамол» Бояне и о первом «крамольнике» Олеге Гориславиче.

Итак, Боян и Ходына — *коганя хоти*, то есть «государевы любимцы» и «певцы Святославовы». И. Д. Тиунов показал, что слово *пѣсньтворьца* (правильное двойственное число, то есть «два песнотворца») имеет здесь и двойную синтаксическую связь: песнотворцы чьи? (Святославовы) и песнотворцы о чем? (о старом времени).

Да, метафорически (*свивая славу оба полы сего времени*) Боян и Ходына оба — певцы старого времени: один жил в «старое время», другой это время воспевает, противопоставляя его своему «изнаночному». Поэт

любит играть с временем и в случае с Всеславом Полоцким даже заставляет время течь по кругу. Свои *многочисленные* и сознательные анахронизмы автор «Слова» использует в поэтических целях, а потому они лишь кажутся анахронизмами[18].

Теперь о том, почему Олег не мог быть назван каганом.

Аварский и хазарский титул «каган» (император) был выше княжеского и применялся только к киевским князьям — Владимиру Святославичу (каганом его назвал митрополит Иларион), Ярославу Владимировичу Мудрому, Святославу Ярославичу. Слушатели и читатели XII века знали, что великим Киевским князем Олег так и не стал. Обычно ссылаются на то, что Олег Гориславич мог себя именовать каганом как Тмутороканский князь. Но Тмуторокань — хазарская провинция, а не столица. К тому же автор «Слова» считает Олега (наравне с Всеславом) зачинателем междоусобиц и, пародируя отчество Олега, награждает его горьким прозвищем *Гориславич*.

Олег для автора «Слова» не каган, а разоритель Русской земли, из-за которого «погибало достояние внука Даждьбога» и при котором «жизни человеческие сократились».

Выражение «каган Олег» из уст автора «Слова» могло прозвучать разве что иронически, однако контекст против такого чтения.

Сравнить (и тем сравнять) Олега Гориславича с Владимиром Святым и Ярославом Мудрым автор «Слова о полку Игореве» не мог. Более того, совершенно невозможно представить, чтобы Боян, осуждавший крамолы Всеслава (а значит, и междоусобицы вообще), мог быть назван в «Слове» Олеговым любимцем.

---

[18] Вот единственный контраргумент, выдвинутый Л. А. Дмитриевым: «Приводимые Черновым параллели и высказанные им соображения в пользу своей гипотезы представляют интерес. Однако, как бы мы ни расставляли знаки препинания в этой фразе, определение Ходыны как песнотворца старого времени остается в силе. Так себя автор „Слова“ охарактеризовать не мог, а объединенность имени „Ходына“ с именем „Боян“ во времени обозначена не только определением, что они певцы старого времени, но и правильным употреблением в этом предложении двойственного числа» (*ЭСПИ*. Т. 1. С. 32). Но буквальное прочтение метафоры всегда ошибочно. Чтобы быть певцом старины, вовсе не обязательно жить в те времена, которые воспеваешь. Уточню: в припевке говорится не о том, что Ходына жил в старое время, а о том, что Боян и Ходына — песнотворцы двух Святославов и певцы того старого времени, когда поэты были любимцами государей. На то, что слова о Святославовом песнотворце Бояне указывают на принадлежность самого автора «Слова» ко двору Святослава (но не Ярославича, а Всеволодича), еще в 1871 году обратил внимание переводчик Яков Малашев (*ЭСПИ*. Т. 3. С. 208).

Таким образом, из двух вариантов чтения фрагмента, посвященного Бояну и Ходыне, приемлем лишь один: «Сказали Боян и Ходына, оба Святославовы песнотворцы, государевы любимцы, воспевшие старое время Ярославово и Олегово».

Только в таком контексте возможен этот «анахронизм»: Боян мог и не знать об Олеге, но, с позиции автора «Слова», Ярослав и Олег как ангел и демон стоят у врат, ведущих в «старое время».

Прием, которым Автор «подписывает» свое произведение в третьем лице, называется сфрагидой. Любопытно, что первые сфрагиды, которыми «опечатывал» свои творения античный поэт-эпиграмматист («И это сказал Фокилид»), напоминают сфрагиду Ходыны.

Низами и Руставели, два великих современника автора «Слова», также пользуются сфрагидой. Руставели оттискивает свое имя в последнем стихе «Витязя в тигровой шкуре». Разница лишь в том, что, упомянув в предыдущих строках имена своих предшественников-поэтов, Руставели называет их и себя певцами ими прославленных героев, но не играет на сходстве имен (ибо такого сходства просто нет).

Список сфрагид средневековых поэтов — от сфрагиды трубадура Турольда в конце «Песни о Роланде» («Завершается Турольдово сказание») до скальдов и персидских поэтов — займет не одну страницу. Назовем лишь тех, в чьих именах звучит та же семантика, что и в имени Ходыны: это трубадур Серкамон, буквально — странствующий по свету (вторая треть XII века) и древнеанглийский поэт Видсид — широкостранствующий. Прибегал к сфрагиде и Гугон Примас Орлеанский, «первый гений» вагантов, поэтов, чье латинское прозвище переводится как «бродячие». Известно, что не только средневековые поэты, но и прозаики использовали прием упоминания себя в третьем лице. Так поступали и древнерусские летописцы.

Но достаточно сопоставить сфрагиду Ходыны со сфрагидой того же Деора, чтобы убедиться, что Ходына — не прозаик или переписчик (так поначалу считал А. Г. Степанов), а поэт. Специфика поэтических сфрагид в аллитерировании имени автора с созвучным именем нарицательным. Деор и Ходына, как мы видели, аллитерируют себя со словами «государев любимец». Более того, Автор «Слова» тут же подхватывает: *коганя хоти — тяжько ти... зъло ти...* Перед нами особая «рифменная» семантика. (По рифменному смыслу «тяжко и зло» может быть тому, кто назван государевым любимцем, то есть Автору.)

И только после того, как припевка отзвучала, она переадресовывается Игорю, который, кстати, вовсе не глава Русской земли (сказать о нем так можно лишь иронически, что Автор и делает).

Обыгрывание образа собственной головы, которую поэт рискует потерять, если песнь не придется по вкусу адресату, для Средних веков — общее место, известное поэтам разных традиций. Можно было бы привести немало параллелей, но ограничимся указанием на скальдическую традицию «выкупа головы»[19].

Похожие фольклорные формулы каждый знает с детства: «Мой меч — твоя голова с плеч» и «Не вели казнить, вели слово молвить».

Не случайно о своей голове Автор вспоминает именно в концовке «Слова». В качестве параллели процитирую слова М. И. Стеблин-Каменского о структуре скальдических хвалебных песен: «Драпа обычно начинается с просьбы скальда выслушать сочиненные им стихи. Затем следует перечисление воинских подвигов прославляемого и восхваляется его храбрость и щедрость. Заключение драпы может содержать просьбу скальда о награде за его произведение»[20].

Автор «Слова» тоже говорит о награде, но эта награда — не «скиллинги» Видсида, а собственная голова певца (так это и у Эгиля Скаллагримссона, самого знаменитого из скальдов).

Ходына — не просто имя. Это или поэтический псевдоним, или прозвище. И в обоих случаях — судьба. (Так в начале XIX века некий шляхтич, под конвоем прошагавший Россию до Сибири и обратно и ставший русским историком и фольклористом, взял себе псевдоним Ходаковский.) Странник Ходына, очевидно, не был «придворным поэтом». Отсюда и смелость, с которой он ведет речь о княжеских распрях, и тот воистину «космический» взгляд на землю, с перечислением многих стран, народов, рек и городов, что и в древнеанглийской поэме певца со сходным по семантике именем — Видсид.

Замечательно, что в конце XII века Низами также считает, что придворный поэт рано или поздно проглотит «кусок железа»[21] и что песнотворец может посвящать свою хвалу государю, но долго оставаться вблизи его персоны не должен. В этом контексте становится понятно, почему во многих дошедших до нас значительных памятниках средневековой словесности поэты всячески подчеркивают, что они «гости» или «любимцы государей» — *коганя хоти*. Об этом точно сказал тот же Низами: «Кто мыслью поднялся до истины, не положит голову на каждый порог»[22].

---

[19] Поэзия скальдов. Л., 1979. С. 114; 137–139.

[20] Там же. С. 110.

[21] *Низами*. Пять поэм. С. 37.

[22] Там же. С. 36.

Единственный порог, которому может доверить свою голову автор «Слова», — порог Святослава Киевского. Об этом говорит и целый ряд историко-политических обстоятельств, и контекст самой поэмы. Однако поэтическая и политическая позиция «Святославова песнотворца» много шире, глубже, чем у киевского государя. За сорок лет до Калки поэт видит надвигающуюся из Поля катастрофу Киевской Руси, угадывает страшные последствия княжеской розни. Главный его герой, как неоднократно отмечали исследователи «Слова», — не Игорь или Святослав, а вся «Земля Русьская». (Недаром Автор, как следует из «Слова», так много *ходил* по этой земле.) Как и Видсид, Ходына целиком оправдывает, «оплачивает» свое поэтическое имя всем текстом поэмы, ведь «Слово о полку...» — «Слово о *походе*...». Он, если воспользоваться его же выражением, «мыслью поля мерит» — совершает весь путь Игоря от Новгорода-Северского до Каялы и от Каялы до Киева. Он ведет повествование «по былинам сего времени», противопоставляя этим «былинам» замышления Бояна. Помимо прочего, это еще и пространственное противопоставление. Боян недаром назван «соловьем старого времени», и недаром четырежды подчеркнута в «Слове» вертикальность его передвижения: «мыслью по Древу», «волком по земле — орлом под облаками», «соловьем по Мысленну Древу», «волком через поля на горы». Движение Ходыны параллельно движению русичей по плоскому Полю Половецкому.

Можно сказать, что Автор замечает каждую былинку (др.-рус. *былие* — сухая высокая трава) во время броска Игоревых полков к Каяле, играет созвучными словами «былины» — «былие», как в случае с Бояном играл созвучными «замышление» — «мысль» — «мысль» (зверек, белка). Такая игра встречается в «Слове» десятки раз, и это вполне соотносится с «темным», «магическим», «странным» стилем современников Автора — трубадуров, скальдов, Низами.

Другое дело, что Автор, видимо, и в самой полемике с Бояном опирается на традицию Бояна, во многом развивая и переосмысляя ее. Образ Бояна все же несколько снижен по сравнению с образом архаических шаманов. Три эмблемы «Мысленного Древа» в «Слове» относятся не к трем мирам, а к трем ярусам «срединного мира».

Выше облаков и в глубь земли Боян не проникает, и это говорит о том, что «Слово» написано человеком с христианским, а не языческим мировоззрением.

Мы помним, что, по свидетельству Кирилло-Белозерского списка «Задонщины», того самого, где имя Бояна прочтено переписчиком правильно, «горазд гудец» в Киеве сравнивал современных ему князей

XI века с первыми русскими князьями. В «Слове» только глухой намек на это, а в «Задонщине» говорится впрямую.

В Древней Руси до XV столетия еще бытовали какие-то легенды о вещем песнотворце. Иначе перед нами более чем странный случай: если автор «Задонщины» (или, может быть, Кирилло-Белозерский переписчик Ефросин) узнал о Бояне только из «Слова», мы должны признать его поразительные текстологические способности, ведь он не только правильно понял смысл выражения «Святославовы песнотворцы», но, исходя из манеры автора «Слова» сравнивать князей XII века с князьями времени Бояна, сделал вывод, что Боян также сравнивал князей двух столетий, *свивая славу обаполы*...

Перед первой припевкой Бояна, которую тот по воле Автора произносит не кому-либо, а Игорю, звучит: «О Боян, соловей старого времени...». Сравним: «Боян и Ходына, песнотворцы старого времени...».

Но первая и последняя припевки «объединены» не только самоцитатой: в начальной припевке Боян устами Автора поет его современнику Игорю, а в конце Игорю поют Боян с неким Ходыной. Если помнить текст, то вопрос *кто есть Ходына*? не просто возникнет.

Оказывается, что отнюдь не случайно перед начальной «цитатой» из Бояна сказано, что Боян бы так пел Игорю, «свивая славу обаполы сего времени». Тут, в конце поэмы, сам Автор накрепко «свивает» двух песнотворцев двух веков — Бояна и себя, «свивает» двух Святославов Киевских, «свивает» и время Ярослава с временем Олега.

Подытожим: в начале «Слова» Автор устами Бояна сочиняет два варианта припевки Игорю, своему современнику, и весь дальнейший рассказ ведется словно бы от лица воскрешенного воображением поэта Бояна («О Боян, соловей старого времени... так бы ты запел Игорю...»). А тут Боян с каким-то Ходыной («оба песнотворцы старого времени») поют Игорю припевку о его возвращении из плена.

Составим уравнение:

$$\frac{\text{Боян} + \text{Автор}}{\text{Игорь}} = \frac{\text{Боян} + \text{Ходына}}{\text{Игорь}}$$

Автор = Ходына

Переведем, пожертвовав звуковой организацией:

Возгласят Боян и Ходына,
двух Святославов песнотворцы,
ибо старое время
Ярослава и Олега
воспевали государевы любимцы:

— Тяжко голове без плеч,
зло и телу обезглавленному, —
Русской земле без Игоря!

Пока поэтическая традиция жива, живы и поэты. Потому-то с такой легкостью они протягивают друг другу руки через века: Данте — Вергилию, Арчил — Теймуразу и Руставели, Алишер Навои — Низами Ганджеви, Амиру Хосрову Дехлеви и своему современнику Джами:

Я верю — мне поможет Низами,
Меня Хосров поддержит и Джами.
Тогда смелее к цели, Навои!..[23]

С припевки Бояна и Ходыны начинается кода поэмы. Звучит она в том жанре, который скальды называли «выкупом головы» (так называлась песня, сочиненная во славу прогневанного певцом правителя): «Тяжело голове без плеч, худо телу без головы...» Вот и тут имеется в виду собственная голова поэта, который просит пощадить его самого, если его песня не понравится. (А *эта песня* должна была не понравиться очень многим.) И только в третьей строке припевки поэт делает вид, что пошутил, и переадресовывает прозвучавшее двустишие Игорю: «...так и

[23] *Навои А.* Смятение праведных: Отрывки из поэмы. Ташкент, 1983. С. 14. Полемизируя со мной, Л. В. Соколова в «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“» выдвигает лишь один контраргумент: «...Приведенные исследователем параллели из средневековой литературы нельзя признать убедительными, так как он сопоставляет далекие друг от друга, если не сказать совершенно различные поэтические явления. <...> В приведенных примерах — традиционное обращение поэта к своим предшественникам; такое обращение есть и в самом „Слове“: в зачине автор мысленно полемизирует с Бояном. Но в рассмативаемом фрагменте (*Рекъ Боянъ и Ходына*...) нет двух сторон — автора и его предшественника. Здесь автор „Слова“ говорит в третьем лице о двух певцах XI века, спевших цитируемую припевку» (*ЭСПИ*. Т. 5. С. 186). Как и чем «далека» сфрагида Ходыны от сфрагид античных и средневековых поэтов, почему в ней нет «двух сторон» и из чего именно следует, что Боян и Ходына были современниками, мой оппонент не расшифровывает.

Русской земле без Игоря». Поэтому Автор, словно подражая Деору, сначала зарифмовывает имена Бояна и свое с выражением *коганя хоти*, а потом переходит к «выкупу головы»: *коганя хо́ти — тяжъко́ ти...*

Рассуждая об атрибуции средневековых письменных произведений, Д. С. Лихачев пишет, что во всей древнерусской литературе он не знает ни одного случая, когда бы сведения, сообщенные с помощью тайнописи, были мистификацией. Ученый подчеркивает: «„Официальные“ данные об авторе в названии произведения менее достоверны, чем неофициальные. Косвенные указания более бесспорны, чем прямые...». И еще: «Надо в первую очередь внимательно изучить все высказывания автора произведения о самом себе, сделаны ли они в третьем лице или в первом»[24].

Сфрагида Ходыны в «Слове» сделана в третьем лице, но это «косвенное указание» как раз и свидетельствует о ее «неподдельности». А самый широкий контекст средневековой авторской поэзии Востока и Запада, равно как и поэтический контекст самого «Слова», подтверждают, что перед нами не двойная, ошибочная или мистификационная атрибуция припевки Бояна (вспомним мнение Ал-Хатами), а именно подпись Автора.

Впрочем, в сфрагиде «Сказали Боян и Ходына» все же есть элемент поэтической мистификации (и остается только отдать должное проницательности Владимира Набокова, который и сделал своего Ходыну древним мистификатором). Но имя этой мистификации самое благородное — метафора.

В 1975 году в Новгороде археологи нашли пятиструнные гусли середины XI столетия[25]. Музыкальный инструмент был опечатан сфрагидой: на его корпусе вырезано имя «Словиша» (Соловушка).

Нам известны имена трех древнерусских песнотворцев: Бояна, Словиши и Ходыны. И если наши рассуждения были корректны, то Ходына — поэтическое имя автора «Слова о полку Игореве».

Топонимы, которые могли быть образованы от имени Ходыны, отыскались на территории Северо-Западной и Центральной России в исконных владениях новгородских, владимирских, рязанских, черниговских и полоцких князей.

В Ленинградской области, то есть на некогда новгородских землях, еще во время Великой Отечественной войны существовала деревня Ходына (или Ходыны). Город Ходыничи находится в Белоруссии (бывший

---

[24] *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVIII вв. Л., 1983. С. 343, 344.

[25] *Колчин Б. А.* Гусли Древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 361–364.

Кобринский уезд Гродненской губернии), древнее село Ходынино — под Рязанью. Речка Ходына, отмеченная в писцовых книгах XVI века, дала название московскому Ходынскому полю. В сорока километрах от Путивля на Украине есть поселок Ходино (Глуховский район Сумской области), расположенный в междуречье Сейма и Десны на границе с Курской областью.

Кроме того, Ходыни — деревня на левом берегу Ловати к юго-востоку от Старой Русы. (Летописное упоминание в 1210 году.)[26]

ПОЧЕМУ МАРИЯ КИЕВСКАЯ НЕ ПИСАЛА «СЛОВА»

В середине 1980-х московский инженер Арсен Арсенович Гогешвили обнаружил в концовке «Слова» акростих[27]:

Тяжько зъло Руси, Дѣв/е икъс<ъ>: спаси Святъславлича.

(См. на с. 206.)

Икос — строфа в акафисте.

Вероятно, в оригинале вместо *слава Игорю Святъславлича* стояло *славу Игоря Святъславлича* (при такой конструкции отчество будет грамматически согласовано с основным текстом, и речь пойдет о молодых певцах, которые в будущем еще споют славу Игорю).

Можно спорить с деталями этой реконструкции, но чтение *спаси Святъславлича* представляется убедительным.

Примеру А. А. Гогешвили попытался последовать московский биолог Г. В. Сумаруков[28]. Исследователь поставил перед собой задачу доказать, что «Слово» написала Мария Полоцкая, жена Святослава Киевского. Пропустим аргументы вроде того, что перечни драгоценных тканей и богатство цветового мира поэмы свидетельствует в пользу «женской руки» автора «Слова».

В тексте поэмы Сумаруков выделяет несколько «акростихов»: трижды это имя «Мария», один раз *Сие писа Мария* и один раз «угловой акростих» (это, как и в акростихе, обнаруженном Гогешвили, когда начальная или

---

[26] *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли: Древнеславянские деантропонимные образования. Великий Новгород, 2005. С. 95–97.

[27] *Гогешвили А. А.* Акростих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XIII веков. М., 1991. С. 71–192. Другое возможное чтение: *Тяжько зъло Руси, Дѣви в<ъ> икъс<ъ>: спаси Святъславлича.*

[28] *Сумаруков Г. В.* Затаенное имя: Тайнопись в «Слове о полку Игореве». М., 1997.

заключительная часть читается не по вертикали, а «открытым текстом» по горизонтали): *Сие писа сестра БРЯЧИСЛАВА*.

Ссылки на Марию как на автора «Слова» уже попали и в сборники докладов профессиональных филологических конференций. И это не может не огорчать. Особенно, если вспомнить, что аорист *писа* (писал) встречается впервые в новгородской грамоте № 46, надежно датированной 30-ми годами XIV века. То есть эта форма глагола появляется лишь спустя полтора столетья после времени «Слова». В конце XII века место глагола *писати* занимал другой глагол — *пьсати*.

Но, положим, Мария Васильковна просто далеко обогнала свою эпоху (тем более что в акростихе допустимы вольности и, если, к примеру, *ь* может означать *е*, почему *и* не может означать *ь*?).

Г. В. Сумаруков, приняв на веру расчеты палеографов, согласно которым в строке протографа было приблизительно 30 букв, выделяет нужные для угаданного им имени буквы там, где они оказыаются (в любом месте любого слова). При этом колебание длины строки составляет 27–38 графем (то есть строки отнюдь не равны по числу букв).

С учетом утраченных редуцированных и записи звука *у* в виде *оу* длина некоторых строк еще более увеличится (до 41 графемы в четвертой строке). Впрочем, не будем придираться.

Реконструкция Сумарукова выглядит так:

С*палакнязюумъпохотиижалостьемузнамен*
И*езаступиискуситидонувеликагохощубор*
Е*чекопиеприломитиконецьполя*

П*оловецкагосъвамирусицихощуглавусвоюпр*
И*ложитиалюбоиспитишеломомъдонуобояне*
С*оловиюстараговременіабытыси*
А*плькыущекоталъскачаславиюпо*

М*ысленудревулетаяумомъподъобл*
А*кысвиваяславыобаполысеговремени*
Р*ищавътропутроянючресъполянагорыпет*
И*былопесьигоревитогоолгавнукунебур*
Я*соколызанесечрезъполяширокаягали*

На первый взгляд — убедительно. Но стоит сдвинуть пятую снизу строку всего на одну букву, и вместо Марии автором станет Олег (чье имя вдобавок еще и появится в конце последней строчки):

...**О***мысленудревулетаяумомъподъоб*
Л*акысвиваяславыобаполысеговрем*
Е*нирищавътропутроянючресъполяна*
Г*орыпетибылопесьигоревитого***ОЛГА**

Колебание длины практически идеальное: 29–31 буква в строке. И хотя слово «Олга» первоиздатели добавили сами (в издании 1800 года оно взято в круглые скобки), если бы мы пришли к выводу, что автора звали Олегом, вряд ли нам было бы легко себя убедить, что это всего лишь игра случайности.

Однако «украдем» из того же места две буквы, и автором будет дама с библейским именем (колебание 27–32 буквы, то есть интервал на целых шесть букв «лучше», чем у Сумарукова):

...**С***ленудревулетаяумомъподъобл*
А*кысвиваяславыобаполысеговремени*
Р*ищавътропутроянючресъполянаго*
Р*ыпетибылопесьигоревитогоолг*
А*внукунебурясоколызанесечрезъ*

Но, предположим, что таким способом нам надо доказать нечто вовсе абсурдное. К примеру, что «Слово» написано матросом. И действительно, «матрос» методом Сумарукова читается идеально:

...**М***ъподъоблакысвиваяславыоб*
А*полысеговременирищавъ*
Т*ропутроянючресъполянаго*
Р*ыпетибылопесьигоревитого*
О*лгавнукунебурясоколызане*
С*ечрезъполяширокаягалицыста*
ДЫБЕ*жатъкъдо***Н***увели***КО***му

К тому же наш матрос оказался еще и командующий красным Балтфлотом, ведь в угловом акростихе (см. последнюю строку) мы обнаруживаем фамилию известного большевика.

Жаль, что Г. В. Сумаруков, работая над этой последней в его жизни статьей, не поставил контрольного опыта и потому не заметил многоликой вариативности текста. Надо думать, ему просто не хватило времени. Впрочем, даже если бы сумаруковская система поэтической тайнописи была корректной, автор «Слова» все равно вряд ли смог бы ей воспользоваться.

Реальный угловой акростих *...спаси Святославлича*, найденный А. А. Гогешвили, убедителен потому, что а) находится в конце текста; б) связан с общим контекстом данного места; в) повторяет устойчивую молитвенную формулу; г) восходит к общепоэтической средневековой традиции «выкупов головы».

И при этом видно, с какими трудностями столкнулся древнерусский поэт, вписывая свое молитвенное *краеграниесие* по началам стихов: в этом месте каждый стих равен одному предложению и текст дробится на сумму семантически полуавтономных фраз.

Труд поэта все ж отличен от хитроумия кроссвордиста.

О КАКОЙ БРАТИИ РЕЧЬ?

В XX столетии в академической филологической среде считалось за аксиому, что текст «Слова» не дает оснований для его атрибуции. Попытки отождествить Автора с одним из исторических персонажей XII–XIII веков (Кирилл Туровский, «премудрый книжник Тимофей», «словутный певец Митуса», бояре Кочкарь, Беловод Просович и Петр Бориславич, новгородский тысяцкий Миронег, князья Игорь Святославич, Святослав Всеволодич, Святослав Рыльский, Владимир Ярославич Галицкий, княгини Мария Васильковна, жена Игоря Ярославна, Агафья Ростиславна и т. д.) лишь доказывали бесплодность подобных усилий[29].

Перед нами далеко не полный список того, что нельзя назвать даже гипотезами. Если воспользоваться детским словечком, это всего лишь *угадайка*. В атрибуциях-угадайках аргументация, как правило, основывается на риторике: мол, кто же еще, как не сам Игорь (Ярославна и т. д.), так хорошо мог знать мысли Игоря? Или: кто другой, если не Святослав Киевский, мог видеть свой сон?

И было бесполезно доказывать угадчикам, что если б Игорь Святославич мог мыслить так, как автор «Слова», он никогда бы не вышел в тот роковой поход. А когда б поэтом был Святослав Киевский, он не приводил бы на Русь половцев.

В 1970-х было ясно, что однажды авторство «Слова» припишут Кончаку или Гзаку. (Кто же еще мог слышать их распрю во время погони за Игорем?) Но этой высоты тогда не взял даже автор книги «Аз и Я» Олжас Сулейменов, простодушно утверждавший, что значительная часть «Слова» — «перевод с кыпчакского».

---

[29] О кандидатах в авторы «Слова» см. статью Л. А. Дмитриева: *ЭСПИ*. Т. 1. С. 24.

После издания Пушкинским Домом пятитомной «Энциклопедии „Слова“» мы должны вернуться к этой (увы, маргинализированной дилетантскими штудиями последних десятилетий) проблеме. Сегодня в нашем распоряжении несколько иной, чем у предшественников, набор исследовательских инструментов и, в первую очередь, иные ключи к основе основ текста — его поэтике[30].

Ошибка была в том, что искали автора «Слова о полку Игореве», пытаясь угадать его имя на основании других источников. А искать надо было поэта, воина, гражданина, исходя из текста самой поэмы.

Что мы знаем о его социальном статусе? Неоднократно отмечалось, что автору «Слова» до тонкостей известны следующие вещи:

— политическая география Руси (и, как можно догадаться по нескольким пассажам, — Европы);

— генеалогия Рюриковичей, их иерархия, политические предпочтения, этикет и пр.;

— ратный быт, вооружение, устройство доспеха и вообще тонкости военного дела (от основ стратегии и тонкостей тактики до номенклатуры воинских трофеев);

— соколиная охота.

Это кругозор не монаха или даже дружинника, а князя. Только находясь на одной с прочими ступени социальной лестницы, средневековый человек мог позволить себе публично обсуждать (а тем паче осуждать) политическую практику современных ему правителей. В 1934 году В. Ф. Ржига, споря с тем, что поэма могла быть написана дружинником, писал: «...неизбежна мысль, что „Слово о полку Игореве“ сложилось не в дружинной среде, а в княжеской»[31]. Согласимся: гипотеза о том, что Автор мог быть придворным поэтом или дружинником Игоря, весьма наивна. Поэт, осуждающий правителя («...двое сказали: „Помужествуем сами, прошлую славу сами похитим, а грядущую сами поделим“»), не мог присутствовать при его дворе.

Регламентированность генеалогического мышления также выдает в Авторе человека высшего сословия:

---

[30] В своей «Поэтике древнерусской литературы» (М., 1979) Д. С. Лихачев не касается стиховедческой проблематики «Слова». Выявление закономерностей поэтики и стиховой организации «Слова» осуществлено в 1976–2005 годах автором этих строк. Дмитрий Сергеевич следил за тем, как идет работа, и трижды высказывал в печати свое мнение о ней (Литературная газета. 1977. № 49; Литературная учеба. 1978. № 6; Литературное обозрение. 1985. № 9).

[31] Цит. по: *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // *ЭСПИ*. Т 1. С. 29.

— Обращения к князьям в «Золотом слове» строго иерархичны и следуют по поколениям от шестого (Игорь, Всеволод, Ярослав Черниговский, Всеволод Большое Гнездо) к седьмому (Буй Рюрик и Давыд; Ярослав Осмомысл Галицкий) и только после к восьмому (Буй Роман Волынский; Мстислав, Ингварь и Всеволод Ярославичи; «все три Мстиславича»);

— От Владимира Святославича Святого до Владимира Игоревича (которым Автор заключает поэму) цепочка в семь поколений. И только в этой ветви Рюриковичей поэт поминает всех князей, не пропуская ни одного генеалогического звена. Сказал, что будет петь «от Старого Владимира до нынешнего Игоря», и перевыполнил свое обещание (закончил даже не Игорем, а Владимиром Игоревичем).

В начале 1980-х страстный поклонник князя Игоря писатель Владимир Чивилихин в богатом разного рода вымыслом романе-эссе высказал несколько корректных соображений.

Вот одно из них:

> «Брате и сыну!» — так, согласно летописи, обращался современник Игоря, персонаж «Слова», великий князь Киевский Святослав к своему двоюродному дяде по матери Всеволоду Владимиро-Суздальскому, который, в свою очередь, точно так же обращался к Роману Галицко-Волынскому. «Сыну» — это была форма изъявления политического патронажа, «брате» — традиционное обращение князя к князю. Абсолютная идентичность понятий «братия» и «русские князья» сквозит в татищевском переложении события 1117 года: «Ярославец владимирский, сын Святополч, емлет согласие с ляхами противо братии своея, русских князь, и многие обидит волости». Б. А. Рыбаков однажды процитировал тот же источник, излагающий политическое кредо Романа Галицкого (1203 г.); киевский князь должен «землю Русскую отовсюду оборонять, а в братии, князьях русских добрый порядок содержать, дабы един другого не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять». Можно привести сотни летописных текстов, где слова «братие», «братия» исходят от князей, адресованы князьям и выражают не родственные, а политические отношения[32].

Ссылался писатель и на мнение академика А. С. Орлова:

> Светские примеры из русской летописи XI–XII вв., повествовавшей главным образом о междукняжеских отношениях, дают слово *братия*, *братья* преимущественно в значении то всей группы русских князей, то группы князей-союзников, и не только родных по крови[33].

---

[32] *Чивилихин В.* Память // Наш современник. 1984. № 3. С. 98–128; № 4. С. 90–130.

[33] Слово о полку Игореве / Редакция и комментарий А. С. Орлова. М.; Л., 1938. С. 88.

Это, пожалуй, наиболее интересное наблюдение Чивилихина (совместное с Орловым) над текстом «Слова», академическими учеными было опротестовано[34]. Выстраивая контраргументацию, Л. А. Дмитриев показал, что в древнерусской литературе слово «братие» — этикетный книжный оборот, то есть вообще обращение к читателям и слушателям. И тем, казалось бы, *закрыл тему*.

Однако то, что при расширении контекста — общее место, в частном случае может быть атрибуционной метой.

Девять раз в прямой речи князей и в авторской речи звучит слово «брат». Всякий раз имеются в виду князья, и только князья.

Обращение *братие* употреблено в «Слове» также девять раз.

Два раза оно встречается в прямой речи Игоря (*братие и дружино*), один раз в «Золотом слове» Святослава. И это также обращение князей к князьям.

Поэтому и шестикратное *братие* в устах автора «Слова» не может быть апелляцией к монашеской братии[35].

И дело не в том, что это создало бы неминуемую путаницу. Напомню, что автор «Слова» пишет «темным стилем» (поэтика загадок — это его поэтика). Автор, если ему это нужно, без видимого труда ставит «путаницу» на службу и смыслу, и политической задаче своей поэмы.

Но путаница путанице рознь.

Дело в том, что адресат «Слова» — все «хороброе гнездо» Рюриковичей. И только оно. Предположить иное — объявить Автора революционером, который агитирует монастырскую братию за введение на Руси республиканского строя. Но как антицерковная сатира вагантов никогда не переходит в антирелигиозную, так и критика автора «Слова» направлена лишь на восстановление древнего феодального обычая и «правильных порядков» старого времени.

Следовательно, расширительный контекст слова «братие» невозможен. Что, кстати, подтверждается и упоминанием в тексте о языческих божествах — Велесе, Трояне, Стрибоге, Даждьбоге, Хорсе. Хотя все эти упоминания касаются обычаев и событий «старого времени» и звучат не в мировоззренческом, а в поэтическом пространстве, понятно, что для ушей монастырской братии эта поэма не предназначена.

Итак, то, что в монашеской среде обращение «братие» тоже существовало, в данном случае аргументом быть не может.

---

[34] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // *ЭСПИ*. Т. 1. С. 29–31.

[35] Так и слово «сокол» в тексте десять раз употреблено по отношению к князьям, а «соколенок» (трижды) — это Владимир Игоревич.

В «Слове» *братие* и *брат* — обращение князей к князьям.

Более этого, — это обращение к князьям, звучащее из уст другого князя. причем такого, которого адресаты могут признать ровней.

А раз так, то круг поиска сужается: выбирать придется из нескольких десятков исторических персонажей, известных нам по летописям.

ТОЧКА ОТСЧЕТА: СВЯТОСЛАВ КИЕВСКИЙ

Некто Ходына написал беспрецедентно смелую поэму о Русской земле, гибнущей из-за раздоров разросшегося правящего класса.

Ходына надеется на заступничество Богородицы.

Контекст акростишной молитвы *...спаси Святославлича* (акростих, да еще в конце произведения) таков, что речь в этой тайной молитве может идти лишь о самом поэте: спасенному из плена Игорю Святославичу поется (а точнее — обещается в будущем) слава.

Ходына Святославич — еще и «Святославов песнотворец», то есть и сам Святославич, и воспевает какого-то Святослава.

Кто этот Святослав — ясно из текста. Автор «Слова» близок к Ольговичам, но из них выделяет лишь феодального главу Киевской Руси Святослава Всеволодича Киевского, который действительно старше всех Ольговичей и положением (Великий Киевский князь), и возрастом (ему около шестидесяти)[36]. Кроме того, одна из песен поэмы целиком

[36] Гипотеза Б. А. Рыбакова о том, что лишь сторонник Мономашичей мог называть черниговских князей Ольговичами, выдвинута исключительно для того, чтобы приписать авторство «Слова» киевскому боярину и летописцу Петру Бориславичу. Б. А. Рыбакову хотелось показать, что употребление термина Ольговичи прекращается после 1196 года, поскольку этот летописец умирает якобы в это время (*СССПИ*. Вып. 6. С. 231). Историк запамятовал, что в том же 1196 году умер Буй Тур Всеволод, а за два года до того глава всего «гнезда Ольговичей» Святослав Киевский. Через пять лет умрут Владимир Святославич (сын Святослава Киевского) и его дядя Игорь Святославич. Двоих или троих сыновей Игоря Святославича в 1211 году в Галиче казнят бояре. Термин Ольговичи исчезает не потому, что почил Петр Бориславич, а потому, что это «храброе гнездо» было разорено смертью. В Лаврентьевской летописи, как отмечает сам Б. А. Рыбаков, обобщенное «Ольговичи» встречается в последний раз под 1210 годом: *Того же лѣта прислаша с молбою к великому князю Всеволоду митрополита Матфѣя Всеволодъ Чермныи и вси Олговичи прося мира и во всем покаряющеся великыи же князь видѣвъ покоренье ихъ к собѣ не помяна злобы ихъ цѣлова к ним кресть а митрополита учредивъ отпусти и с честью* (*Лавр*. Л. 148). Описана политическая капитуляция Ольговичей. Петр Бориславич импонировал Б. А. Рыбакову «патриотизмом» и светскими своими манерами, но

посвящена полоцким князьям и их делам, вроде бы не имеющим никакого отношения к походу Игоря и событиям лета 1185 года.

Но жена Святослава — полоцкая княжна Мария Васильковна, и, как давно замечено, лирическое отступление о гибели ее брата (или дяди?) Изяслава должно быть адресовано прежде всего ей.

«Общепризнанным следует считать и предположение о том, что автор принадлежал к высшему классу тогдашнего общества. Аргументами для такого заключения служат отличное знание им междукняжеских отношений, профессиональная осведомленность в военном деле, независимость авторской позиции», — справедливо пишет Л. А. Дмитриев. И тут же: «Многие исследователи предполагают, что автор „Слова“ был киевлянин, человек близкий к киевскому князю Святославу Всеволодовичу»[37].

Но здесь мы вновь неожиданно сталкиваемся с, казалось бы, неразрешимым парадоксом.

Святослав Киевский, как и Игорь Святославич, был то врагом, то союзником половцев. До 1181 года он не отказывался от той практики решения политических проблем, которую завел на Руси их предок Олег Святославич (в «Слове» тот и назван за то *Гориславичем*). В конце 1170-х Святослав не раз наводил половцев и на землю Русскую, и на землю Полоцкую. Вместе они брали Дмитров и волжские городки, разоряли Киевщину, сожгли Друцк.

Если бы Автор был противником Святослава, он бы его осуждал, а не идеализировал, ведь одна из фундаментальных идей поэмы, внятно артикулированная ее автором, гласит: «...ибо вы (князья) своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеславово...».

Вот что говорит поэт о княжеских крамолах (в моем переводе):

Тот князь Олег распрю мечом выковывал, стре́лами землю засеивал...

Еще:

При Олеге Гориславиче посеянное зло усобицами по земле взошло. Достоянье правнука Даждьбо́га в княжеских раздорах погибало. Жизни людские сократились. Редко пахари покрикивали в Русской земле, а во́роны часто кричали — на тризне трупы делили...

напомним, что Никоновская летопись и В. Н. Татищев прямо называют этого кандидата в авторы «Слова» клеветником и предателем киевлян, главным виновником чудовищного разгрома Киева мономашичами в 1169 году. И потому трудно не признать уместным вопрос Владимира Чивилихина, усомнившегося, мол, как же такое чудовище могло написать «Слово»? (Подробнее см. в статье Л. А. Дмитриева «Петр Бориславич»: *ЭСПИ*. Т. 4. С. 195.)

[37] *ЭСПИ*. Т. 1. С. 25; *Яценко Б. И.* Святослав Всеволодович // *ЭСПИ*. Т. 4. С. 274.

И еще:

Ибо князья с погаными брань прекратили. Брат говорит брату: — И твоё, мол, — тоже моё! Тогда же князья про малое промолвили: — Вот великое!.. И каждый выковал крамолу на себя. А поганые набегами рыщут с победами по тебе, Русская земля.

Далее почти теми же словами:

Но сами князья куют крамолу на себя, а поганые набегами приходят с победами на Русскую землю — подавай им белку от каждого двора!

И обобщение:

Внуки Ярослава и Всеслава! Стяги свои склоните, мечи оскверненные в землю вонзите! Славу прадедов попрали и крамолами своими наводить поганых стали на землю Русскую, на нивы Полоцка! Обернулись ваши распри насильем от половца.

Равный обличает равных. Никакой монах, никакой боярин не могли бы решиться на такое: архаичная регламентация распространялась на все сферы жизни, включая, в первую очередь, самосознание. (Вспомним куда более осторожные обличения междоусобиц в «Слове о князьях».) Пожалуй, автором «Слова» мог быть киевский митрополит, но упоминание в поэме о языческих божествах делает это невероятным.

Единственное исключение — Новгород, где не служили князьям, а нанимали их на службу. И легко расставались, указав им с вечевой площади на ворота. Было б логичным допустить, что поэт — пропитавшийся республиканским духом новгородец. Тем более что, как показал Д. С. Лихачев (см. его статью в *ЭСПИ*, Т. 3. С. 323), в «Слове» существует целый пласт новгородских реминисценций[38]. Но кто позволит новгородцу витийствовать при дворе Святослава Киевского?

Искать поэта среди Мономашичей также бесполезно. Если бы Автор был Мономашичем, Святослав Всеволодич под его пером превратился бы в удачливый вариант того же Олега Гориславича, а его место в центре поэмы занял бы Всеволод Большое Гнездо.

Идеализируя Святослава, поэт должен обходить молчанием то, что русские князья *сами* приводят половцев на Русь, и пока Святослав не утвердился на киевском престоле, он был одним из первых «крамольников». Слова «вы своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую (Южная Русь), на достояние Всеславово (Полоцкое

[38] Поэт поминает новгородскую «славу Ярослава» (в летописях об этом ничего не сказано), упоминает о новгородских мелких монетах беле, ногате и резане; он не твердо знает киевские летописи, но знает новгородские: по Софийской новгородской летописи дан рассказ о похоронах в киевской Софии Изяслава Великого.

княжество)» звучат так, словно княжеские распри лишь провоцируют кочевников. Здесь же: «...а князья *сами на себя* крамолу ковали, а поганые *сами*...». Не сами, но нанятые Святославом половцы сожгли Дмитров и Друцк. Проговаривается поэт лишь раз, сравнивая половцев с выводком рыщущих по Руси дрессированных гепардов (охота с гепардами — исключительно княжеская забава).

Двойственность позиции — верная примета того, что Автор находится в непосредственной близости от Святослава. Он Святославу *свой*, вот только не может согласиться с тем, что тот творил на Руси в бытность черниговским князем. И потому речей, прямо осуждающих практику приглашения половцев, Автор в уста киевскому князю не вкладывает: глумление над Святославом в планы поэта не входит. Он полагает, что надо перестраивать систему внутриэлитных отношений и кончать с княжескими «крамолами». (То, что иначе Русская земля погибнет, поэт понимает за полвека до порабощения ее монголами.)

Именно эта живая «непоследовательность» сужает круг нашего поиска уже до десятка имен. И единственное объяснение парадоксальной позиции Автора должно быть таким: поэт не просто близок Святославу, он и впрямь, как сказано в акростихе, — Святославич, преданный и любящий сын старого киевского князя, легитимного, но номинального (по дедову обычаю, а не по политической реальности) правителя Руси.

Принимая важнейшие политические решения, Святослав советовался не с боярами, а с женой Марией Васильковной. От кого же еще властолюбивый Святослав может выслушать горькую (хотя и предельно тактичную по отношению к нему самому) филиппику, как не от родного сына?

Если Автор — кто-то из детей Святослава, то это, скорее всего, — не старший сын. По западноевропейской практике нам известно, что из обделенных наследством детей получаются странствующие рыцари, искатели гроба Господня и романтические виршеписцы. Кроме того, поздних детей больше балуют, им многое позволяют.

Однако Иван-дурак — не порядковый номер, а призвание и судьба.

ОТКРЫТИЕ ДИАЛЕКТОЛОГА ВЛАДИМИРА КОЗЫРЕВА

Беспокойный Святослав Всеволодич почти сорок лет провел в борьбе за киевский стол и лишь за четыре года до рокового похода Игоря окончательно утвердился на престоле «матери городов Русских» (В. Л. Янин заметил, что тут калькировано греческое «метрополия» — столица).

С 1141 года Святослав сидел в Турове, затем недолго во Владимире Волынском, вновь в Турове и Пинске. С 1158 по 1164 год — в Новгороде-Северском, а потом становится еще и черниговским князем, три года не уступая Новгорода-Северского своему брату Олегу. Значит, те его дети, кто родился до 1158 года, росли не в Русской земле, а в «Жизни Всеславовой», в землях дреговичей и западных кривичей. Для летописца конца XII века Русская земля — это Южная Русь или даже только Среднее Поднепровье (та Киевщина, где, если верить *ПВЛ*, русь и прозвалась Русью). А разделение страны на Русскую землю и «достояние Всеславо» — указание на полоцкие корни поэта. Для него Русская земля — все «русские земли» (включая Новгород и Владимир). Но не Полоцк:

вы бо своими крамолами
начасте наводити поганыѣ
на землю Русьскую,
на жизнь Вьсеславлю

Полоцк для поэта — особый мир. Но это значит, что поэт, как и сейчас сказали бы в землях кривичей, *так привыкши*.

Гениальный новатор в поэзии, Автор — приверженец консервативных взглядов и консервативного миропорядка. Его идеал — старое время Ярослава Мудрого, а потому он полагает, что каждый русский князь должен почитать «грозного великого киевского» князя больше, чем собственного отца. Данная модель государственного устройства утопична — это пирамида власти, построенная на идеальном авторитаризме — добровольном подчинении и добровольном самосмирении. Поэт верит в истинность данной модели, но его слова лишь тогда будут чего-то стоить, если сам он отказался от каких бы то ни было политических амбиций.

Гражданственно он очень и очень смел, но это гражданственность не республиканской новгородской, а, как это ни парадоксально, — патриархальной закваски (в домонгольском ее варианте). Если что и может ему нравиться в новгородской модели, так это возможность свободного высказывания и свободного отстаивания своего мнения и древнее родовое представление о том, что князья поставлены служить «внуку Даждьбога» — то есть не просто «Русской земле» (это официальный государственный термин и потому и подразумевает прежде всего вертикаль государственной власти), а всему *народу русскому*. Такого термина еще нет, и, по сути, перед нами нравственный и мировоззренческий прорыв на шесть столетий вперед — к Радищеву и декабристам (также детям правящего класса). Но таков поэт: он равно сострадает и князю, и дружиннику,

и пахарю. Он один нутром способен воспринять всю экосистему национального устройства, и потому для него невыносимы кровавые дела той элиты, к которой он сам имеет несчастье принадлежать.

В *ЭСПИ* дети Святослава Всеволодича и Марии Васильковны не расписаны, а участник кампании лета 1185 года Владимир Святославич и вовсе не упомянут. И поскольку в современных генеалогических таблицах есть разночтения, новые разыскания о сыновьях Святослава были проведены по моей просьбе Н. М. Введенской. Она и указала на неточности в монографии О. М. Рапова[39].

По старшинству дети Святослава выстроятся друг за другом так: Олег — Владимир — Всеволод — Глеб — Мстислав.

Ходыну Святославича, видимо, надо искать среди них.

Кто же из сыновей киевского князя мог написать «Слово»?

У Олега в 1177 году стол на Оке в Лопасне. Ипатьевский летописец особо оговорил, что это «его волость» (Стб. 602). Олег сидит на дальней границе черниговских владений по праву первородства (каждый рязанский князь ведал, что обидеть Олега — простится с отчиной). Мы не знаем, когда женился Олег, но его свадьба предшествовала бракосочетаниям Владимира и Всеволода. В 1191 году Игорь Святославич и Буй Тур Всеволод вновь задумают идти в Поле, к ним присоединится Владимир (второй сын Святослава Киевского), а Олег отпустит своего сына Давида. (Значит, Давид Ольгович родился до 1178 года, а его дядя Владимир только женился в 1179-м.)

Олег — исторический пращур пушкинского помещика Троекурова и нам вряд ли интересен: в 1177 году он безо всякого повода взял на шит Свирильск, объявив Глебу Ростиславичу Рязанскому, что это —

---

[39] *Рапов*. С. 116–118. Историк считал, что дети у Святослава родились в следующем порядке: Олег, Всеволод, Глеб, Владимир, Мстислав. О. М. Рапов не обратил внимания на то, что в летописи Всеволод назван средним сыном (то есть третьим из пяти): *Въ то же лѣто приведе Святославъ за Всеволода за среднего сына жену из Ляховъ...* (*Ипат*. Стб. 612, а не 119, как указал Рапов). Первенец — Олег Лопасненский, который впервые упоминается под 1177 годом (Стб. 602). Владимир — второй сын, поскольку в паре с Олегом летописец обычно называет Владимира на втором месте. Глеб и Мстислав — младшие дети, ведь Святослав в 1182 году сыграл свадьбу Глеба и Мстислава одновременно (Стб. 624–625), а Всеволод и Владимир женились также в одно лето, но тремя годами раньше.

О. М. Рапов полагал, что в 1161 году Олег Святославич сел в Курске. Но по именному указателю Ипатьевской летописи это не сын Святослава Всеволодича, а сын Святослава Ольговича. И действительно, под 1159 годом сказано: «Святослав Ольгович и сын его Олег» (Стб. 498).

«волость Черниговская». И весомо аргументировал свое заявление, разбив Гюргевича (Глебова племянника).

Не может быть автором «Слова» и средний сын Святослава. Проницательный Карамзин в третьем томе своей «Истории» характеризует его лаконично и убийственно: «Все способы казались ему позволенными». Этот Святославич не только не разделял мнения автора «Слова» о том, что русские князья не должны приводить половцев, но сам был союзником степняков и с их помощью в 1206 году пытался взять Киев.

Круг еще более сузился. Внутри его остались Владимир, Глеб и «меньшой» Мстислав (он погибнет в 1224 году на Калке).

О. М. Рапов верно замечает, что Владимир владел каким-то уделом в Черниговской земле: в Лаврентьевской летописи в записи о его смерти он назван черниговским, но не великим черниговским князем[40].

Ипатьевская летопись отвечает на вопрос, что это за удел: *Святославъ* <...> *сына посади въ Вщижи* (1167 г. Стб. 525 об.). Имя не произнесено: княжич, видимо, столь молод, что не назван даже среди участников этого похода на Вщиж.

Поскольку у Олега Святославича «своя волость», юный **Владимир Святославич** после смерти бездетного вщижского князя **Святослава Владимировича** (вновь изнаночная зеркальность имен) как второй по рождению должен сесть на престоле разделенного между Святославом и его братом Олегом удельного Вщижского княжества. (Олег сам претендовал на Вщиж, но неугомонный Святослав дал ему «лепшую волость» — уступил уже не нужный ему самому Новгород-Северский.) Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять: Святослав готовит поход на Рязань (и Новгород-Северский ему уже *не по пути*). Это конный бросок к Вщижу по прямой (или на ладьях, но по дуге да против течения Десны), а оттуда через Олегову Лопасню и Свирильск.

Задуманное осуществится лишь отчасти, когда Олег (якобы по своеволию) захватит этот третьестепенный городок. И счастье рязанцев, что в середине 1170-х Святослав сообразит: поскольку он сам и помог Всеволоду Большое Гнездо взять Владимир (послав своего сына Владимира сопровождать Юрьевичей), собственное его место не на Севере и не на Юге, а в историческом центре Русской земли — в Киеве.

Обратимся к лингвистическим данным. Исходя из диалектных особенностей текста, А. В. Дыбо пришла к выводу, что язык автора «Слова» близок северо-западному кривичскому диалекту. (Так, видимо, и должно быть, если Автор — сын полоцкой княжны.)

---

[40] *Рапов*. С. 118. (Но и в некрологе Игоря в *Лавр*. также нет слова «великий».)

Однако в поле зрения современных лингвистов, увлекшихся «Словом» уже в 1990-х, не попала одна публикация (а точнее — три, но одного автора). Во время экспедиций на Брянщину (1967–1972) студент-диалектолог Владимир Алексеевич Козырев обнаружил в брянских говорах пласт параллелей к «Слову»[41], и первая же его статья стала научной сенсацией начала 1970-х. (Заметка об одном-единственном слове столь глубоко взволновала Д. С. Лихачева, что он послал на адрес Герценовского пединститута письмо, адресованное «профессору В. А. Козыреву».)

Почти через сорок лет Козырев, теперь уже и впрямь профессор и проректор Петербургского педагогического университета, по моей просьбе рассказал, как было дело.

В середине 1960-х его преподаватель Вера Ивановна Чагишева услышала на Брянщине («где-то в автобусе») слово «смага». И поручила студенту-первокурснику Козыреву заняться диалектными параллелями к «Слову» и просмотреть все более ранние записи брянской экспедиции. (Эта работа продолжалась до 1988 года.) Впрочем, в 1969 г. В. И. Чагишева и Т. А. Бабешкина сами записали песню: *Смагу мыкъл гърямыкъй, дённъй пищи не имел* (*СССПИ*. Вып. 6. С. 238).

В брянских говорах Козыреву встретилось более ста слов, неизвестных современному русскому литературному языку. (После выхода новых выпусков «Словаря русских народных говоров» выяснилось, что в уникальности некоторых слов Козырев ошибался, но это дела не меняет.)

Могло показаться, что в силу каких-то особых причин на Брянщине сохранились те древнерусские слова и выражения, что попали в «Слово о полку Игореве» и приходятся на темные места текста. Специальных исследований на соответствие «Слову» других диалектов не проводилось (в апреле 1941 года Ф. П. Филин, Б. М. Ляпунов и В. И. Чернышев призвали академическую общественность к планомерному изучению новгород-северских говоров, но...).

Козырев поднял обширный материал всех опубликованных региональных словарей и пяти диалектических картотек (брянской, орловской, смоленской, псковской и общерусской) и обнаружил, что из 151 параллели к лексемам «Слова» 95% были «южнорусскими», 25% от общего числа — брянскими.

---

[41] *Козырев В. А.* 1) Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах // Брянские говоры. Вып. III. Л., 1975; 2) Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Л., 1976. С. 93 (*ТОДРЛ*. Т. XXXI).

В начале 1970-х В. А. Козырев не знал, чем объяснить такую концентрацию параллелей к «Слову» в брянских говорах, и призвал коллег к продолжению поиска. Единственной заметной находкой оказалась *зегзица* — иволга (а не кукушка и не пигалица), обнаруженная в середине 1970-х воронежских говорах Г. М. Левиной и через четверть века в курских диалектах А. А. Зализняком[42]. Отмечу при этом, что кукушку зовут по-иному: *загоза* (новг.), *загозочка* (смол.), *загоска* (пск., олон.), *загошица* (волог.), *зазуля*, *зазюля*, *зезюля* (граница Псковщины и Смоленщины) и т. д. Но зегзица — это только иволга.

За три десятилетия устарел сам термин «южнорусские говоры».

С помощью лингвистов Анны Дыбо и Анастасии Крыловой удалось частично перепроверить козыревский материал. Вот как сегодня представляется пласт лексики «Слова», который находит уникальные или редкие параллели в брянских говорах (и в смежных с ними):

Босый волк — недавно перелинявший, голодный, быстрый (В *СРНГ* нет. По Козыреву *брян.*). В старых словарях с семантикой «серый» (вероятно, путаница с *бусый*): *босый волк* — серый волк (*ржев., опочк.*, т. е. между Псковом и Полоцком, *севск.*, т. е. южнее Брянска).

Бусый — пепельный, серый (*брян.*). Бусая борода, бусые крыса или кошка (*арх., волог.*).

Въсплескати — начать усиленно разбрызгивать воду (*брян., курск., тул.*). *СРНГ*. Т. 5. С. 208–209.

Въсрожити>восрашити — възерошить, разбередить. (В *СРНГ* нет. По Козыреву *брян.*)

Възграяти — начать каркать (*арх., брян.*). Грай — карканье (смол.).

Грязивый — грязный или топкий, болотистый (словарь Даля, но без указания места записи). Помимо «Слова» встречается лишь в акте 1475 года. (В *СРНГ* нет. По Козыреву *брян.*) Ср.: грязливый (*пск.*).

Див — леший. В *СРНГ* нет. По Суетенко *брян.* (*Суетенко В.* // Литературная Россия. 1980. 5 сентября. № 36).

Дно — глубина (*брян., смол.*).

Доспети — 1) в значении приготовиться (*арх., брян.*); 2) в значении успевать (*арх., брян., новг.*).

Жестокий — горячий (*брян., тамбов.*). *СРНГ*. Т. 9. С. 146.

Жир — богатство > много (*брян., псков.*). *СРНГ*. Т. 9. С. 181.

Заворочати — поворачивать назад или в сторону (*смол., брян.*).

Зарание — раннее утро (*брян.*). *СРНГ*. Т. 10. С. 378. Стандартное прилагательное от него — *заранний* — имеющий место рано утром (*моск.*; глагол от него

[42] *СССПИ*. Вып. 6. С. 219; *СПИВЛ*. С. 119.

заранниться; *пск.*). Белорусское *зарание* — утро; существует также украинское *зарания* — утреннее время.

Заступати/заступити — преграждать путь; в варианте *преграждать путь лесному пожару* (*екатеринб.*). (В *СРНГ* нет. По Козыреву *брян., псков., смол.*).

Карна — мучение (*брян.*). *Карьна* — прилагательное от *кара* (оплакивание). Производный от *кара* глагол *каровать* (мучиться) — *нижегор., яросл.* Уменьшительное *карнуша* — трясавица, лихорадка (*онеж.*, т. е. *архангельские говоры*). *СРНГ*. Т. 10. С. 96.

Каяти (в значении «жалеть»). (В *СРНГ* нет. По Козыреву *брян.*).

Клюка (в значении «хитрость»). (В *СРНГ* нет. По Козыреву *брян.*).

Кнес — охлупень, гребень крыши. Это центральная балка или верх крыши (В *СРНГ* нет. По Козыреву *брян.*). *То же*: *кнёзь* (*новг., калужское., курск., орловск.,*), *князь* (*арх., вол., кост., курск., орлов., ряз., смол., яросл.*).

Кощей — 1) слуга (В *СРНГ* нет. По Козыреву *брян.*) 2) сказочный змей или скряга (*арх.*). В древнерусском — раб или кочевник; глава коша (рода).

Кресити — воскрешать (*брян., тул.*).

Лжа (в значении *распря, раздор*). (В *СРНГ* нет. По Козыреву *брян.*).

Насильно — навстречу. *Ветер дуить насильна, пряма у лицо*; *Какой ветир в пирёт дуит — насильный* (по Козыреву и Чагишевой *брян.*).

Неговати — наслаждаться негой, лаской, заботой (*брян., волог.*).

Посвечивати — в значении поблескивать. (По Козыреву *брян.* В *СРНГ* нет.). Ср.: *Посветкать* — посверкать (о молнии; *арх.*) *Посветить* (*арх.*) —1) поджечь, подпалить; 2) прийти в голову, угораздить (*арх., новг.*).

Правити следъ — указывать направление, дорогу. *Давай правь новую дорогу в луга* (по Чагишевой *брян.*).

Рассутися — рассыпаться (*брян., урал.*).

Рокотати — говорить невнятно. (По Козыреву *брян., пск.*).

Смага — 1) горе (*брян., клетнянское., пск., саратов.*); 2) сухость губ; лихорадка на губах; изжога, жажда (*курск., орлов., пск., смол.*; от этого существует производное *смаговать смол.*); 3) грязь (*курск.*); 4) грязь, чернота, сажа, копоть (*волог.*).

Сморкъ — туча, темное облако (Сморок — *брян., пск.*).

Троскотати (о сороках) — трещать (*брян., пск., твер.*).

Тутнети — гудеть (*брян., сибирск.*).

Ухи закладать — запирать засовом (*брян., твер.*).

Чаица — пигалица или чибис (*брян., смол.*).

Яруга — овраг (*брян., ряз.*).

34 брянских находки, но 8 из них еще и псковские, а 6 смоленские.

В 1377 году, заканчивая свой труд, «худой недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий»: *...оже ся гдѣ буду описалъ или переписалъ или*

не дописалъ, чтите исправливая, благо дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны а умъ молодъ... Он понимает, что мог описаться, сделать неверное исправление или пропустить текст. И просит его исправить. Но Лаврентий и переписчики «Задонщины» хотят быть понятны и чураются редкой некнижной лексики. А потому правят редкие и старые слова на новые и общеупотребимые (к примеру, «былей» меняют на «вельмож», а глагол «въсрожити» на глагол «выть»).

В. В. Колесов полагает, что список «Слова» за несколько веков «мог пройти через несколько книжных центров», и потому «если по отношению к мусин-пушкинскому списку проблема диалектизмов еще имеет какое-то оправдание, ее обсуждение в связи с самим текстом „Слова“ некорректно с научной точки зрения»[43].

Но в свете открытия В. А. Козырева именно такой взгляд и представляется некорректным («мог пройти» не значит прошел). Если в «Слове» мы встречаем пласт уникальных диалектизмов, значит, у переписчика поэмы не было мотивации заменять одни слова другими. (И тогда тем более вероятно, что первым переписчиком был, к примеру, *брянский боярин* Софоний Рязанец, а вторым — Ефросин Белозерский.)

Поскольку А. В. Дыбо атрибуировала текст поэмы как западно-кривичский, нас должны интересовать прежде всего Псков, Полоцк, Смоленск. Брянск — это смежная территория, однако до сих пор средневековых брянских памятников лингвисты не выявляли.

Не удивительно, что в Брянской области В. И. Чагишева обратила внимание на брянскую лексику «Слова». Так москвич в Питере постоянно натыкается на странные словечки, знакомые ему разве что по литературе: поребрик (а не бордюр), карточка (о проездном билете), булка (батон белого хлеба) и т. д.

Уникальные (на сегодня) брянские параллели к «Слову»:

1. *Босый волк* — перелинявший после зимы, голодный, быстрый.
2. *Въсрожити>восрашити* — възерошить, разбередить.
3. *Грязивый* — грязный или топкий, болотистый, вязкий.
4. *Див* — леший.
5. *Каяти* (в значении *жалеть*).
6. *Клюка* (в значении *хитрость*).
7. *Кнес* — гребень крыши, охлупень.
8. *Кощей* — в значении *слуга* (в древнерусском — *раб*).
9. *Лжа* — в значении *распря, раздор*.

[43] *Колесов В. В.* Диалектизмы в «Слове» // *ЭСПИ*. Т. 2. С. 108.

10. *Насильно* — навстречу.
11. *Посвечивати* — в значении *поблескивать*.
12. *Править след* — указывать дорогу.
13. *Рассутися* — рассыпаться (помимо Брянщины найдено на Урале).
14. *Тутнети* — гудеть (по картотеке *СРНГ* еще и иркутское).

Теоретически можно представить диалектную лексику памятника в виде нескольких отчасти перекрывающих друг друга окружностей и допустить, что, если бы мы обследовали псковские говоры, то получили срез специфически псковских элементов «Слова». Однако и в этом случае нам бы уже не удалось закрыть глаза на редкие брянские слова, ведь нельзя, к примеру, исправить *кнес* на *кнёз* или *князь*, или *конек*. Если даже обнаружится след какой-то иной региональной лексики, это будет означать, что автор связан и с этой землей (скажем, с Полоцком, потому что мать — полоцкая княжна). Но оказывается, что слова, зафиксированные в брянских говорах, покрывают более половины всей диалектной лексики «Слова», а среди оставшейся части нет диалектизмов, привязанных к какому-либо конкретному говору.

Вряд ли исследователи, работавшие в Трубчевском, Карачевском и других районах Брянской области, вычерпали все возможные брянские параллели. (Спрашивать напрямую, а не знаете ли такое-то слово, диалектологу запрещает профессиональная этика.) И потому до слова «Див» (леший) питерские ученые не докопались. (Дива обнаружил и обнародовал брянский журналист В. Суетенко.) Полагаю, что это же относится и к «зегзице». С той лишь разницей, что эта «леса отшельница» и на сей раз спряталась. И спряталась даже лучше, чем Див.

Итак, в «Слове» мы обнаруживаем ряд гапаксов, и большинство из них оказываются брянскими. Можно объяснять это случайностью, «энтузиазмом» конкретных диалектологов либо какими-то уникальными свойствами брянских дебрей. Но проще признать очевидное, потому что помимо курско-воронежской зегзицы/иволги ни в одном из русских диалектов не найдено ни одной *уникальной* параллели к лексике «Слова».

Полагаю, что научное сообщество просто оказалось не готовым воспринять данное открытие: вместо того чтобы поставить вопрос, почему именно брянские говоры дают столь оглушительный материал для комментария «Слова», проблема была нивелирована (и в конце концов снята) расширением контекста до общерусского. На самом деле все ровно наоборот: не брянские говоры сохранили редкие слова и выражения, встречающиеся лишь в одном древнерусском памятнике — «Слове о полку Игореве», но автор «Слова» употребляет более тридцати слов,

и сегодня известных брянским говорам (из них более десятка уникальных), потому что многие годы жил во Вщиже.

Вщиж — город на Десне, центр удельного княжества, к которому когда-то относился и Брянск. Город был разрушен Батыем. Сейчас это «неперспективное» село на Брянщине в семи километрах от Овстуга, родины Ф. И. Тютчева.

То, что во Вщиже сел именно Владимир Святославич, утверждают и современные генеалогические сайты[44]. Но даже если бы в летописной записи 1167 года имелся в виду старший его брат Олег, то Владимир все равно должен был бы сменить его на вщижском престоле, ведь до 1175 года Олег уже получает Лопасню.

Сам Святослав на княжение в Турове был посажен своим отцом в 1141 году, когда ему исполнилось лет пятнадцать. Если в 1167-м Владимиру столько же, то он родился в начале 1150-х. Но, надо думать, он даже несколько младше (около 1160 года).

СВЯТОСЛАВИЧ — СЫН СВЯТОСЛАВА?

Если «Слово» написал Святославич, то в тексте должны присутствовать какие-то (пусть косвенные) указания и на черниговское происхождение Автора. Статистически вслед за словосочетаниями «Русская земля» (21 раз) и «земля Половецкая» (7 раз) следует выражение «отчий злат престол» (5 раз). При этом в одном случае имеется в виду Галич, в одном — Переяславль и в трех — Чернигов. Да и уникальное для древнерусской литературы перечисление родов подвластных Чернигову «своих поганых», также весьма знаменательно.

Вот и сообщение о том, что в 1078 г. Борис Вячеславич погиб на малой речке Канине (а не у Нежатиной Нивы, как в летописи) говорит в пользу отменного знания поэтом окрестностей Чернигова.

И еще аргумент в пользу черниговской принадлежности автора: Ипатьевская летопись называет Владимира Всеволодича Мономахом (Стб. 580. Лето 6683), а автор «Слова» — Владимиром, сыном Всеволода.

---

[44] «Ветвь князей Черниговских. Родоначальником был сын князя Святослава Всеволодовича Черниговского, князь Владимир Святославич, владевший каким-то уделом в Черниговской земле (скорее всего, Вщижским). Его сын Филипп в 1201 году получил в удел Вщижское княжество. Он и его братья записаны в Любецком синодике. Скорее всего, ветвь угасла в 1238 году, когда Вщиж был разорен монголами». Источник в Интернете: www. genealogia.ru/projects/nr/rurik.htm

Автор не случайно игнорирует императорское прозвище Владимира: речь идет о приоритете престолонаследия на Руси, и упоминание о том, что Мономашичи — потомки византийской династии, в устах Ольговича было бы политическим самоубийством[45].

При этом Игорю с Всеволодом поэт «присваивает» отчество Святославичи не по их отцу Святославу Ольговичу, а по их двоюродному брату и «феодальному отцу» Святославу Всеволодичу Киевскому. Делается это, как мы помним, с помощью элементарной детской обманки: сначала сказано «...отец их Святослав грозный, великий, киевский...», а дальше не про Святослава Ольговича (он никогда не был киевским князем), а про то, как Святослав Всеволодич пленил Кобяка.

Отец Игоря умер в 1164 году, а в 1180-м Игорь Святославич признал Святослава Всеволодича своим феодальным отцом, обратившись к нему «отче» (*Ипат.* Стб. 616). И Автор это знает. Но в «Золотом слове» Святослав называет двоюродных своих братьев Игоря и Всеволода сыновцами (племянниками), то есть демонстративно отстраняет их от себя, отказывает им в праве называться его сыновьями (с чем решительно не согласен Ипатьевский летописец. См. статью 1185 года).

Поэт дважды понижает феодальный статус Игоря и Всеволода на одно поколение, видимо, потому, что сам принадлежит к седьмому поколению от «старого Владимира» (а не к шестому, как Святослав Киевский, Игорь и Буй Тур Всеволод). Чтобы говорить с дядьями как с «братьями», то есть на равных, он и затевает метафорическое переписывание реальной генеалогии. И имеет на это право, потому что в 1180-м эту «игру» начал сам Игорь Новгород-Северский[46].

---

[45] При всей революционности своей поэтики автор «Слова» — сторонник старинного порядка престолонаследия, при котором киевский князь — глава всего феодального рода. Начиная свой рассказ «старыми словесы», поэт и ориентируется на обычаи и нравы «старого времени», противопоставляя их тем новейшим политическим тенденциям, за легитимизацию которых выступала большая часть Мономашичей.

[46] Такая линия поведения следует из древнего лествичного принципа наследования, по которому престол переходил не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему. Иное дело — обращение Святослава (устами автора «Слова») к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо. Хотя оно наполнено иронией и злыми аллюзиями, можно подумать, что великий киевский князь всерьез называет Всеволода «великим», то есть признает ровней. Но элемент юродства присутствует и в этом, казалось бы, сугубо этикетном чествовании. Чтобы подчеркнуть это, Святослав тут же назовет «господами» еще трех князей — своего соправителя Рюрика, его брата Давыда и Осмомысла Ярослава. В устах Святослава Киевского, только что объявившего «князья мне не в помощь», это уже очевидное юродство. (Впрочем, начиная с Буй Романа, все князья — уже просто «князья». Они феодалы младшего, восьмого поколения, и юродствовать перед ними незачем.)

Указал ли Ходына Святославич имя, данное ему при рождении?

В парадигме темного стиля достаточно формального созвучия, чтобы внутри одного слова высветилось другое. Так, в прозвище Олега *Гориславича* звучат *Святославич* и *горе*, в глаголе *преторгоста* — название реки Тор, с которой Игорь бежал из половецкого плена, в словах *ни хытру нИ ГОРАзду* и *поскочИ ГОРЬностаемь* — имя Игоря. Восприятие текста как знаменья характерно для средневекового мышления, а тем более для поэтической парадигмы *темного стиля*. Подобное мы встречаем и в иконописной традиции: на старообрядческой прориси с иконы Андрея Рублева внутри евангельского текста *Приидете ко мнѣ всі труждающіися І҃Ѡ҃ БРемененіи* графически выделено и закреплено титлами указание на то, кто первым к кресту должен прийти — Иоанн Богослов (или Иоанн Креститель) и Богородица[47]. Так и на иконе «Спас в силах» (*ГТГ*, № 22124), которую сегодня приписывают Андрею Рублеву, тот же евангельский текст написан так, что последняя строка содержит лишь четыре заповедные буквы: ИѠБР.

Один из тропарей канона Михаилу Клопскому (XV век) начинается с имени Макария Великого, а из акростиха следует, что канон написан по благословению святителя Макария, когда тот был новгородским архиепископом. В акростихе имена двух святителей сливаются в одно[48].

Автор «Слова» начинает повествование «от старого Владимира до нынешнего Игоря», но заканчивает не Игорем, а Владимиром Игоревичем, до этого по имени не названным. Имя Владимира следует сразу после обращенного к Богородице углового акростиха *...спаси Святъславлича*:

Страны ради гради весели
Пѣвъше пѣснь старымъ кънязем ъ
А по томь молодымъ пѣти
Слав<у> **И**горя **СВЯТЪСЛАВЛИЧА**

буи тура ВЬСЕВОЛОДА
ВЛАДИМѢРА игоревича[49]

---

[47] См. в книге В. А. Плугина «Мировоззрение Андрея Рублева» (М., 1974. С. 129).

[48] *Спасский Ф. Г.* Русское литургическое творчество. Париж, 1951. С. 198–199. На эту параллель обратила внимание Н. М. Введенская.

[49] В издании 1800 г. грамматически нелепая форма *игорю святъславлича* говорит о том, что в протографе, вероятно, читалось: *...а по томь молодымъ пъти славу игоря СВЯТЪСЛАВЛИЧА буи тура ВЬСЕВОЛОДА ВЛАДИМѢРА игоревича*. Впрочем, парадигма темного стиля также не требует грамматического согласования, как графическая лигатура не требует стопроцентного совпадения графики.

(В полном виде акростих см. на с. 206.) Набор имен совпадает с именами отца, деда и личным княжеским именем Владимира Святославича, сына Святослава Киевского. Это и есть вторая часть авторской сфрагиды. При этом конструкция зеркальна двум другим, уже прозвучавшим.

Напомню аналогичную конструкцию заголовка поэмы: «Слово о полку Игореве, Игоря сына Святославова, внука Олегова».

Итак, в заголовке имя — отчество — дедчество виновника похода.

В центре текста дедчество — отчество — имя Владимира Мономаха, чьему походу 1111 года пытался подражать Игорь Святославич:

то же звонъ слыша
давьныи великыи ЯРОСЛАВЪ
а сынъ ВЬСЕВОЛОЖЬ
ВЛАДИМѢРЪ...[50]

В концовке поэтическое отчество (Святославич) — дедчество (Всеволодич) — и, наконец, княжеское имя Автора — Владимир.

Перечитаем то место, где звучит имя Ходыны: «Сказали Боян и Ходына, оба песнотворцы Святославовы, воспевшие старое время Ярославово и Олегово, два государевых любимца: „Тяжело голове без плеч, худо телу без головы. Так и Русской земле — без Игоря“».

После того, как отзвучали два первых стиха «выкупа головы», текст переадресовывается Игорю. Но Игорь не глава Русской земли, а Боян может петь ему лишь устами автора «Слова» (здесь и названного Ходыной). Такое чтение подтверждается акростихом, а также тем, что автор «Слова», начиная рассказ, обещал вести повествование «от старого Владимира до нынешнего Игоря», но закончил почему-то именем сына Игоря — Владимиром.

Отдав свое, поэт взамен берет не чужое, а свое же. Замыкая кольцо повествования, он, словно вывернув наизнанку магическую формулу «говорила на меня — переводишь на себя», использует имя сына Игоря для еще одной, уже последней сфрагиды. (Сказал про Владимира Игоревича, а указал на Владимира Святославича Черниговского.)

В XV веке так поступит и Ефросин/Иван Дмитриевич, четырежды запечатавший Кирилло-Белозерский список «Задонщины» именем Иван. Для этого ему пришлось помянуть своего предка великого князя Ивана Данильевича, князя Ивана Белозерского, некоего Ивана Сано,

[50] В издании 1800 года: *тоже звонъ слыша давныи великыи Ярославъ сынъ Всеволожь а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.*

а один раз даже заменить Дмитрия Донского Иваном Дмитриевичем, то есть собой (об этом подробнее на с. 244).

Таковы законы знакового средневекового мышления, законы авторского сознания средневековья. Таковы и законы поэтики автора «Слова» — той поэтики переосмыслений и выворачивания наизнанку устойчивых клише, о которой писал Д. С. Лихачев[51].

Круг поиска сузился до точки, и теперь дело за проверкой наших построений жесткой конкретикой исторических реалий.

АВТОРСКОЕ «Я» В «СЛОВЕ»

Автор называет себя среди участников событий лета 1185 года:

> Чьто ми шюмить, чьто ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь пълкы заворочаеть, жаль бо ему мила брата Вьсеволода. Бишася день, бишася другыи, третьяго дьни къ полудьнию падоша стязи Игоревы...

Поскольку это не рассказ, но лишь напоминание о произошедших *давеча*, а потому всем известных событиях, переведем и прокомментируем: «Что мне шумит, что мне звенит недавно рано утром перед зорями? Игорь полки поворачивает (пытается остановить побежавших ковуев и сам попадет в плен), ибо жаль ему милого брата Всеволода (который бьется в авангарде и с этого момента обречен). Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы...».

Это пишется для очень узкого круга посвященных. Не зная, зачем Игорю поворачивать какие-то полки и при чем тут Всеволод, здесь ничего не понять. Но поэтический смысл этого пассажа не в том, чтобы напомнить об известном.

Если перевести на язык прозы, автор «Слова» говорит примерно следующее: когда бы я был рядом, Игорю удалось бы остановить ковуев.

И стяги бы не пали.

Поэт не хвастается: он и впрямь так думает.

Есть ли у Владимира Святославича основания для такого рода публичных заявлений? Оказывается, есть, и более чем у кого бы то ни было. Слушатели прекрасно это знают, что ратная карьера самого Владимира Святославича началась с того, что однажды на поле брани, когда его

---

[51] *Лихачев Д. С.* Устные истоки художественной системы «Слова» // Слово о полку Игореве. М.; Л. 1950. С. 58.

собственный стяг уже пал, Владимир сумел повернуть дрогнувшую было дружину лицом к врагу.

Воображение поэта по-настоящему приковано лишь ко времени становления и единства Руси, а современность начинается для Автора с 1158 года (упоминание о том, как Ярослав Осмомысл захватил Киев; может статься, есть указание на год рождения поэта). Первое упоминание Владимира Святославича в летописи в 1176 году (реально дело было в 1175-м, см. здесь на с. 382), объявленное «новым чудом Богородицы» и потому ставшее духовным достоянием всей Руси, определило всю последующую судьбу юного князя. С этого авторского «я», лишь однажды звучащего в «Слове», начинается отсылка к чреде тех событий, в круге которых то в центре, то на вторых ролях, неизменно оказывается фигура Владимира Святославича Черниговского. Потому-то нас интересует предшествующий 1185 году сравнительно небольшой период в двадцать семь лет. Все остальные исторические реминисценции в поэме относятся к самому началу XII века (походы на половцев Владимира Мономаха) или еще более ранним временам. Они взяты из летописи или почерпнуты из дописьменных преданий. Между этой стариной и 1158 годом — разверстая пропасть шириной более чем в полстолетия.

Итак, — чудо Белехова поля: юный князь, павший стяг, дрогнувшая дружина... И это больше, чем подпись или указание на авторство в заголовке произведения. Подпись можно подделать, авторство мистифицировать, но подделать образный строй поэмы и вложить в текст жизненный опыт конкретного человека столь же нереально, как нереально в восемнадцатом веке написать поэтический шедевр на языке двенадцатого столетья. Это столь же надежный инструмент атрибуции, как и то уникальное поведение энклитик, о котором пишет А. А. Зализняк[52].

ЧУДО БЕЛЕХОВА ПОЛЯ

Его отец черниговский князь Святослав Всеволодич в 1143-м (лет восемнадцати от роду) женился на Марии Полоцкой. Владимир впервые возникает в летописи в 1176-м (на самом деле в 1175-м). Женится он в 1179-м. В 1185-м ему от двадцати пяти до тридцати лет.

Хотя о Владимире известно больше, чем о его братьях, никто из исследователей этим третьестепенным князем не интересовался, а главный его

[52] См.: *СПИВЛ*. С. 66.

подвиг, в конце XII века прогремевший на всю Русь, оказался просто-напросто забыт.

Начнем с событий, случившихся за одиннадцать лет до Каялы.

В ночь с 28 на 29 июня 1174 года в своей резиденции в селе Боголюбове заговорщиками был убит великий князь владимирский Андрей Юрьевич Боголюбский, сын Юрия Долгорукого.

Началась десятилетняя война за его наследство.

Русь раскололась на два лагеря: одни князья встали за братьев Боголюбского — Михаила и Всеволода Большое Гнездо, другим по душе были внуки того же Юрия Долгорукого — Ярополк и Мстислав Ростиславичи[53]. Одолевали то одни, то другие. В результате Михаил и Всеволод Юрьевичи бежали в Чернигов к Святославу Всеволодовичу. Когда же владимирцы призвали Михаила на княжение, Святослав послал с ними свой отряд во главе со своим сыном Владимиром. Возможно, старый князь рассуждал так: назвали тебя Владимир, вот во Владимир и пойдешь. Впрочем, может статься, что и сам княжич вызвался помочь Юрьевичам. Причины к тому у него были весомые, но о них позже.

Выступили 21 мая. Полагают, что через три с половиной века в память спасения Москвы от нашествия хана Махмет-Гирея в этот день будет установлено празднование иконы Владимирской Божией Матери[54].

Вряд ли это простое совпадение. Игорь пошел на половцев в день своего небесного покровителя Георгия Победоносца. Надо думать, что и Юрьевичи не выступили бы в решающий для их судьбы владимирский поход абы когда.

---

[53] В 70-е годы XII века на Руси жили два Мстислава Ростиславича. Первый — смоленский князь — получил прозвище Храбрый, его дети упомянуты в «Слове» (по Б. А. Рыбакову) как «все три Мстиславича». Второй — внук Юрия Долгорукого, храбростью и победами не отличался. В результате многолетней войны со своими дядьями Михаилом и Всеволодом Большое Гнездо он был взят в плен и «ослеплен», но чудесным образом «прозрел» в Смоленске и прозван Безоким. Оба Мстислава, с разницей в два года, умирают новгородскими князьями (в 1178 г. — Мстислав Безокий, в 1180 г. — Мстислав Храбрый).

[54] Видимо, и за три с половиной века до этого Владимирскую икону чествовали именно в этот день. И в 1521 году усердно молились у этой иконы, а после узнали, что крымский хан отступил. Позже это событие и заслонило начальную и, если судить по имени иконы, относящуюся еще к владимирскому периоду неведомую нам первопричину прославления образа Владимирской Богоматери именно 21 мая. Возможно, это день перенесения Андреем Боголюбским иконы во Владимир (1155). Но в Новгородской летописи под 1179 годом (лето 6687) указано, что 21 мая архиепископ Илья заложил каменную церковь Благовещения Святой Богородицы. Поэтому не исключено, что начало празднования в этот день образа Владимирской Богоматери может относиться и к киевскому периоду.

С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» (т. 2, глава VI) так пересказывает те события:

> ...Между тем Ростиславичи, узнав о приближении Михаила, советовались в Суздале с дружиною, что делать. Решено было, чтоб Ярополк (Ярополк Ростиславич, владимирский князь. — *А. Ч.*) шел со своим войском против Юрьевичей к Москве биться с ними и не пускать ко Владимиру. Михаил сел обедать, когда пришла весть, что племянник Ярополк идет на него; Юрьевичи собрались и пошли по Владимирской дороге навстречу неприятелю, но разошлись с Ярополком в лесах, тогда москвичи, услыхавши, что Ярополк, миновав их войско, продолжает идти к Москве, возвратились с дороги от Михаила для оберегания своих домов, а Ярополк, видя, что разошелся с Михаилом, пошел от Москвы вслед за ним, послав между тем сказать брату Мстиславу в Суздаль: «Михалко болен, несут его на носилках, и дружины у него мало; я иду за ним, захватывая задние его отряды, а ты, брат, ступай поскорее к нему навстречу, чтоб он не вошел во Владимир». Мстислав объявил об этой вести дружине и на другой день рано выехал из Суздаля, помчался быстро, точно на зайцев, так что дружина едва успевала за ним следовать, и в пяти верстах от Владимира встретился с Юрьевичами; полк Мстиславов, готовый к битве, в бронях, с поднятым стягом вдруг выступил от села Загорья; Михаил начал поскорее выстраивать свое войско, а враги шли на него с страшным криком, точно хотели пожрать его дружину, по выражению летописца. Но эта отвага была непродолжительна: когда дошло до дела и стрельцы начали перестреливаться с обеих сторон, то Мстиславова дружина, не схватившись ни разу с неприятелем, бросила стяг и побежала; Юрьевичи взяли много пленных, взяли бы и больше, но многих спасло то, что победители не могли различать, кто свои и кто чужие; Мстислав убежал в Новгород; Ярополк, узнавши о его поражении, побежал в Рязань, но мать их и жены попались в руки владимирцам. С честию и славою вступил Михаил во Владимир; дружина и граждане, бывшие в сражении, вели пленников.

Так по Лаврентьевской летописи (которая, как известно, восходит к владимиро-суздальскому летописанию и возвеличивает Всеволода Большое Гнездо). Следуя ей, С. М. Соловьев лишь в начале упоминает о юном княжиче. Увы, историк не перепроверил свой пересказ по Ипатьевской летописи, в которой главным героем той ратной драмы показан Владимир Святославич[55].

---

[55] Лаврентьевская летопись названа по имени монаха Лаврентия, переписавшего летопись в 1377 году по благословению суздальского епископа Дионисия. Заказчиком же был суздальско-нижегородский великий князь Дмитрий Константинович. Поэтому в текст многократно вставлено упоминание о Всеволоде Большое Гнездо и в его же пользу отредактирован сохранившийся в составе Ипатьевской летописи рассказ черниговского

Фабула та же — сюжет иной.

15 июня пересекли левый приток Клязьмы реку Колокшу (в списках: Лакшу, Калакшу; по В. Н. Татищеву — Кужляк).

До владимирских стен оставалось несколько верст, когда шедший впереди Владимир (*ѣдущю же Володимѣрю Святославичю на передѣ*) на Белеховом поле был неожиданно атакован Мстиславом Ростиславичем (в ближайшем будущем «Безоким»).

Войска Мстислава появились *изъ загорья*. Загорье — это и название доныне существующего в пяти километрах от Владимира села, и восточная сторона возвышенности, вершина которой на несколько верст западнее села. Дружинники Мстислава были *вси во броняхъ, ако во всякомь леду и удари на нихъ изнезапа и подъяша стягъ* (*Ипат.* Стб. 601).

Ипатьевская сохранила драгоценную подробность: ратники Мстислава «ударили внезапно и подняли стяг». Поскольку далее будет рассказано, что Ростиславичи[56] стяг бросят, имеется в виду взятый в качестве трофея стяг шедшего впереди Владимира.

В Лаврентьевской летописи не так: *и выступи полкъ изъ загорья вси во броняхъ яко во всякомь леду и подъяша стягъ* (л. 127). То есть выступили и одержали победу. Но никакой победы не было...

Мы не знаем христианского имени Мстислава, но повел он себя как человек, подражающий или Перуну, или Георгию Победоносцу. Местом битвы Мстислав избрал Велесово урочище[57]. Сюда, торопясь, боясь опоздать, он примчался из Суздаля, хотя мог встретить противника у стен Владимира (это было бы куда ближе).

Ход его рассуждений был примерно таким: пусть Юрьевичи начнут подниматься на холм и растянутся по взгорью змеей, а он грянет на них сверху, как Перун на Велеса или как Георгий на дракона.

летописца о битве на Белеховом поле. М. Д. Приселков в своей «Истории русского летописания XI–XV вв.» полагал, что в числе источников южнорусского летописного свода начала XIV века (т. е. Ипатьевской летописи) находятся киевский свод 1200 года князя Рюрика Ростиславовича и черниговская летопись Святослава Ольговича и Игоря Святославича. При этом исследователь считал, что сами Святослав и Ярослав Всеволодовичи летописания не вели. Последнее опровергается рассказами о Белеховой рати, женитьбе Владимира Святославича и приглашении его в Новгород.

[56] Внуки Юрия Долгорукого Мстислав и Ярополк в Ипатьевской летописи названы Мстиславичами, т. е. детьми Мстислава Юрьевича. Однако сейчас большинство исследователей считают их сыновьями Ростислава Юрьевича.

[57] Некогда у противоположной от села Загорья подошвы холма было капище Велеса, а потом монастырь и село с тем же названием Велисово (так!). Тут и сегодня бьет святой ключ, и люди к нему приходят за водой даже из Владимира.

Однако Мстислав слишком хорошо продумал ситуацию и потому стал рабом собственного режиссерского замысла.

Если бы потерявший стяг полк Владимира был опрокинут, он бы покатился с горы и смял шедших сзади Михаила и Всеволода. Но Владимир не шелохнулся, и Мстислав смекнул: что-то здесь не так... Видимо, — ловушка. Он слишком многим рисковал и потому предпочел сам откатиться на исходную позицию.

Ловушки не было. Мстислав вновь изготовился.

Но Юрьевичи уже развернули боевой строй.

Несостоявшийся громовержец решился атаковать вторично: *поидоша Мьстиславичи кличюче, яко пожрети хотяще стрѣлцемь стрѣляющимъ обоимъ межи полкома*. Смысл этого пассажа таков: воображали себя Георгием Победоносцем, а вели как рыкающее чудище. Вспомним в «Слове»: «Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи преградили им путь алыми щитами...».

Мстислав был потрясен провалом своего сценария: когда в дело вступили лучники, он на глазах изумленных Юрьевичей бежал, «бросив стяг» (разумеется, трофейный). Это чтобы Владимир не ринулся в погоню. Бросать свои стяги Мстиславу и Ярополку было незачем.

В «Слове»: сначала «алый стяг... — храброму Святославичу», а потом сюжет раскручивается в обратную сторону: «на третий день к полудню пали стяги Игоревы».

Уточню: в подражающей «Слову» Задонщине (по реконструкции текста Л. А. Дмитриева) стяги упомянуты три раза (и на редкость одинаково): «встали стяги»; «трепещут стяги»; «ветер ревет в стягах».

Ну а в «Слове» боевые знамена мелькают шестикратно, трижды взмывая и трижды падая (или склоняясь): «стоят стяги в Путивле»; «стяг... — Святославичу»; «стяги глаголют»[58], «на третий день к полудню

[58] У этого выражения несколько значений: 1) русские или половецкие стяги «переговариваются» (стягами в бою отдавались команды); 2) стяг — наименьшее воинское подразделение, которое в бою «стягивается» вокруг своего стяга, значит, это разные полки русских дают знать князю, что на них наступает враг; 3) Алишер Навои сравнивал арабскую букву алеф, записывающуюся вертикальной черточкой, с гордо поднятым стягом, но за два века до него древнерусский поэт увидел в развевающемся стяге славянскую букву «Г» («глаголь»); 4) по-древнерусски *глаголать* — не только говорить, но и пророчить. Смысл этого пророчества будет раскрыт в следующем упоминании о стягах: *третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы*. Дело в том, что буквой «Г» под титлом обозначалась цифра 3. И именно в воскресенье, в третий день битвы, если мы вслед за автором «Слова» будем считать с первого столкновения с половцами в пятницу, русские потерпят поражение.

Битва на Белеховом поле. Михалку везут на носилках два иноходца.
Юный Владимир делает жест левой дланью, уступая престол старшему князю

Владимирцы встречают Михалку, Всеволода и Владимира Святославича
Миниатюры Радзивиловской летописи. Л. 219 об. и 220

пали стяги Игоревы», «склоните стяги свои», «встали стяги Рюриковы, а другие Давыдовы, но врозь их полотнища веют».

Если «Слово» написал человек, чьим одним из самых сильных переживаний в жизни были потеря и чудесное обретение стяга, троекратная игра на антиномии стяговой семантики понятна и естественна.

При этом вовсе не случаен сбой графического ритма в двух последних примерах. Если Ярославовы и Всеславовы внуки склонят стяги, то это будет не поражением, а победой для всей Русской земли. А вот в разные стороны реющие полотнища Рюрика и Давыда (из-за этого летом 1185 года и не удалось дать отпор половцам) пророчат грядущие падения русских знамен. Значит, никакого сбоя в графике ритма нет: два первых звена этой цепочки одинаковы (вверх–вниз), ну и последнее звено точно такое, только «от обратного».

Битва на Белеховом поле произошла за несколько дней до празднования Боголюбской иконы Божией Матери, иконы, написанной по заказу Андрея Боголюбского в честь образа Владимирской Богородицы.

А потому чудо было налицо.

ВЛАДИМИРСКАЯ СЕСТРА МОСКОВСКОЙ ХОДЫНИ?

В Лаврентьевской летописи и Московском летописном своде XV века битва на Белехове поле названа «новым чудом Святой Богородицы»[59]. Здесь же уточнено, что битва состоялась в пяти верстах от Владимира (*ПСРЛ*. Т. XXV. С. 85–85). Действительно, деревня Загорье находится от города именно на таком расстоянии. Отсюда и атаковал Мстислав, хотя сама битва должна была произойти в нескольких верстах западней, на противоположном склоне «горы»[60].

Б. А. Успенский, иллюстрируя связь Волоса/Велеса и Николы, пишет: «Поскольку в св. Георгии можно усматривать ипостась Перуна, постольку в Николе можно предположить воплощение Волоса; это предположение, как будет видно ниже, находит достаточно достоверное подтверждение. Отметим в этой связи Волосов Николаевский монастырь,

[59] Эпитет «новое» говорит о том, что эта формулировка относится к протографу XII века. В Ипатьевской летописи данное определение опущено, хотя ее рассказ наиболее полон и, очевидно, ближе к протографу.

[60] Видимо, летописец принял слово «загорье» за название села и по селу определил расстояние. Приношу сердечную благодарность за помощь в расшифровке этого сюжета владимирскому историку и краеведу Игорю Арзамасцеву.

некогда существовавший во Владимирском уезде, в 16 верстах от г. Владимира при реке Колочке. По преданию, сохранявшемуся в народе, Волосов Николаевский монастырь был основан на месте языческого капища в честь Волоса, откуда название как самого монастыря (Волосов), так и соответствующего места (Волосово)»[61].

Речь именно о том месте, близ которого Владимир Святославич был атакован Мстиславом.

Село Волосово названо по монастырю. (Произносить и писать «Николо-Велесов монастырь было, очевидно, неудобно.) Но параллельно, вплоть до сегодняшнего дня, сохраняется и древнее название: село Велесово (Велисово) существовало до недавних дней. Находилось оно на вершине холма в километре от монастыря (в сторону Владимира)[62].

К 2005 году, как сообщила мне настоятельница Николо-Волосова монастыря мать Евфимия, от большого села остались лишь три дома, да и те давно нежилые. Первоначально монастырь располагался возле села «на месте уничтоженного языческого капища». Упоминается он с конца XIV века, но основан, как полагают, много раньше. До XVIII столетия здесь, если верить церковному преданию, находилась икона Николая Чудотворца, подаренная монастырю Владимиром Мономахом. Чудесным образом икона Николы переместилась под гору и была обнаружена там «висящей на волосах». Монастырь перенесли на это место. Позднее этот образ был передан в Николо-Труниловскую церковь Петербурга, упраздненную в марте 1932 года и снесенную в конце 1930-х. (Поиски иконы, предпринятые в 1990-х, успехом не увенчались.)

В 1176 (1175?) году Юрьевичи шли, хоронясь в лесах, чуть северней современной автотрассы. Река Колакша в 25 километрах от Владимира, монастырь в пятнадцати. Лесной массив заканчивается у Велесова урочища. Дальше единственная дорога идет по водоразделу на восток через обширное поле и, проходя мимо Велесова и Загорья, приводит к Медным воротам Владимира.

Проселок этот жив и сегодня, его можно разглядеть и на сделанном из космоса снимке. И на том же снимке чуть южней впадающей в Колочку Надейки (той речки, что течет по северной оконечности Белехова поля)

---

[61] *Успенский*. С. 33.

[62] Еще одна деревня Велесово (в современной записи Велисово) находится в соседнем Суздальском районе (почтовый индекс 601272). Здесь и сегодня стоит краснокирпичная часовня Георгия Победоносца. Эта часовня возведена в начале XX века, надо думать, что на месте некогда существовавшего тут Георгиевского храма.

отчетливо читается охристо-кирпичное пятно диаметром в несколько сотен метров. Это растащенная по пахоте кирпичная крошка древних монастырских построек.

Село Загорье, судя по названию, находится *за горой*. Но такое имя осмысленно, лишь если смотреть от монастыря. Значит, Велесово урочище (Велесово поле?) простирается от монастыря до вершины холма. Однако вспомним, что по «основному мифу» Громовержец поражает змея, когда тот вползает на гору (или камень).

Тактически Мстислав выбрал прекрасную позицию: он атаковал «из-за «горы», то есть в данном случае не в обход горы, а с ее вершины. К фактору неожиданности присовокуплялась сила того, что называется «лавой»: остановить скачущих под уклон тяжелых всадников практически невозможно. Хорошая тактика всегда учитывает и психологический (в данном случае — мифологический) фактор. Потому Мстислав и мчался сюда во весь опор: ему надо было встретить Юрьевичей там, где бы он оказался в роли мифологического победителя Велеса — в роли Перуна и Егория Храброго. Устояв, Владимир Святославич ужаснул нападающих (что и отмечает летописец).

Случилось то, чего произойти не могло.

Ипатьевская летопись утверждает, что чудо имело место «месяца июня в 15 день на святого пророка Амоса, в неделю» (в воскресенье). И это указание на то, что дело было не в 1176, а в 1175 году (в летописи датировка ошибочна).

18 июня владимирцы отмечали празднование Боголюбской иконы Божьей Матери, которое за два десятилетия до этого установил Андрей Боголюбский. Так убийство Боголюбского, почитание иконы (или даже два празднования двух Богородичных икон, одна из которых происходит от другой) и победа на Белеховом поле завязались в тот трансцендентный узел, который на Руси именовали знамением (*белегом* или *белехом*). Чудо приписали заступничеству Богородицы, и потому народ встречал победителей у Успенского собора, в котором находилась главная святыня княжества — Богоматерь Владимирская. Анаграмму «Белехово поле» (вероятно, невольную) мы встречаем в «Слове» там, где речь о первом удачном бое Игоря. Причем звучит она в контексте перечисления трофеев-белегов и сразу вслед за упоминанием об алом стяге: *чьрленъ стягъ БѢЛА ХОругоВЬ чьрлена челька сьребрено стружие храброму святъславличю. Дремлеть въ ПОЛѢ ольгово хороброе гнѣздо...*

Это могло бы быть случайным совпадением (вспомним ошибку биолога Георгия Сумарукова), но присутствие здесь «алого стяга», «Ольгова храброго гнезда» и «храброго Святославича» (два последних выражения

можно напрямую отнести и к самому Владимиру Святославичу) сводит вероятность случайности к нулю. Да и объясняется эта анаграмма не шифром, а ассоциативной логикой поэтического мышления: вспомнил о собственном червленом стяге, отбитом на Белеховом поле Ростиславичами, и, склубившись из ассоциации, анаграмма определила начало следующей фразы: «Дремлет в поле...».

Волосово — это к северо-западу от Владимира. Оно — географический, ландшафтный и, надо думать, мифологический аналог московского Ходынского поля.

Напомню, что на берегу Колочки близ Николо-Волосовского монастыря бьет святой источник. Именно к нему по легенде и переместился с горы от Велисовой деревни образ Николы. К нему ходили и до сих пор приходят, и из окрестных сел, и из Владимира. Может быть, одна из речек, текущих по краям Белехова поля (сегодня они зовутся Надейка и Воронки), звалась Ходынкой или Ходыней, поскольку вела к святому источнику? В этом случае после своей победы Владимир мог стать Владимиром Ходынским, как позже князь Александр — Невским, а Дмитрий — Донским.

Точка в этом сюжете пока не поставлена[63].

---

[63] Когда эта работа была написана, оказалось, что Владимир Святославич назван певцом Игоря и автором поэмы о его походе в якобы древнем тексте, опубликованном в 1993 году в качестве русского перевода утраченной булгарской летописи. Если верить этому тексту, *Караджар-Булымер* (Владимир Черниговский) потерял левую руку во время похода с *Сыб-Булатом* (Всеволодом Большое Гнездо) на Волжскую Булгарию и воспел этот поход в поэме, которую потом «переделал» в поэму об *Угыре Батавыллы* (Игоре Святославиче). Некий булгарский правитель начала XIII века Гази-Барадж пишет: «А языки давались мне легко, и я испытывал даже необходимость в их изучении. В заключении я прочитал немало урусских (русских. — *А. Ч.*) книг, и одна из них рассказывала очень живо о набеге Сыб-Булата на Буляр. Ее написал Булымер, звавший себя Хин-Кубаром, но затем, когда его господином стал его дядя Угыр Батавыллы, переделал ее...» (Бахши Иман, Джагфар Тарихы. Свод булгарских летописей 1680 г. / Издание подготовлено Ф. Г.-Х. Нуруттиновым. Оренбург, 1993. Т. I. С. 166). Атрибуция имен произведена И. Р. Мусиной. Казалось бы, можно поздравить издателя с находкой. Однако обвинения в фальсификации этого свода были выдвинуты татарским филологом Марселем Ахметзяновым («Турусы на колесах, или О новых фальсификациях в истории татарского народа» // Журнал «Идель». 1993. № 5). И хотя в статье З. А. Львовой «Летопись Гази-Барадж тарихы (1229–1246). Вопрос о подлинности документа» (Государственный Эрмитаж: Археологический сборник. Вып. 36. СПб., 2003) приведены доказательства подлинности отдельных сведений Гази-Бараджа, без дополнительных исследований (и новых разысканий в тюркских средневековых источниках) использовать «булгарскую версию» мы не можем. В слишком уж мутной воде выловлена эта золотая рыбка.

ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ СПАСИБО

Михаил и Всеволод по достоинству оценили силу духа и храбрость Владимира: Ипатьевская летопись, противореча прочим, отмечает, что после бегства Мстислава братья *одаривша Володимѣра Святославича отпусти и во свояси потом же Михалко и Всеволодъ поѣхаста въ Володимиръ* (Стб. 602). То есть во Владимир триумфаторы предпочли въехать без юного героя[64]. Они вовремя сообразили: после того, что тут же было названо «новым чудом Богородицы», и «знамением Богородицы», владимирцы могут посадить на престол не умирающего Михаила, а того, на кого Богородица указала своим знаменьем, — молодого Святославича (к тому же еще и тезку их города). Одарив героя прямо на поле битвы, Юрьевичи спешно спровадили его *восвояси*.

ГДЕ МЕТАФОРА — ТАМ И ПОЭТ

Рыцарская чешуйчатая броня в 1175 году была на Руси заморской диковинкой. «Все в броне, как во льду», — записал летописец со слов очевидца-поэта. Но кто мог быть и тем очевидцем, и тем поэтом, если не сам вернувшийся в Чернигов со славой Владимир Святославич?

Исследователи единодушно признают, что в Ипатьевскую летопись рассказ попал из черниговской. Однако черниговский летописец должен был записать или прямо со слов героя, или со слов его деятельной матери. Кого же еще расспрашивать официальному летописцу?

Потому и вся картина так подробна: Владимир впереди войска... Мстислав «из загорья»... Всадники в броне, точно лед закованные... Захваченный стяг... Ну и напоследок о награждении героя и срочной отправке его с поля брани *восвояси*, к отцу.

Эти события увидены глазами Владимира Святославича, и в рассказе о них мы обнаруживаем смелую поэтическую метафору, развитие которой встречаем уже в «Слове» (от тяжести брони треснула земля).

Вот и авторское «я», звучащее в поэме лишь в эпизоде пленения Игоря и падения его стягов, внятно напоминает о поразившем современников чуде Белехова поля.

---

[64] Татищев излагает этот эпизод по официальной версии владимирского летописца Юрьевичей: князья въехали в город вместе и несколько дней праздновали победу. Только после этого Владимир Святославич отправился к отцу в Чернигов.

Позже Владимир, конечно, оценит хитроумие замысла Мстислава, напоминавшее о ратно-театральных постановках Вещего Олега (тот под Царьградом поставил ладьи на колеса и пустил их на город посуху). Но там, на склоне Белехова холма, Владимир устоял не только потому, что был бесстрашным мальчишкой. А потому, что был поэтом. Он впервые увидел западноевропейские доспехи и залюбовался ими, а через миг осознал, что его стяг уже в руках врага.

Если б княжич остолбенел от испуга, все бы это увидели. А страх полководца передается войску в одно мгновение. И этом случае Владимир вряд ли бы успел заметить, что всадники *цельноледяные*.

И не рассказал бы летописцу всех этих, столь цепких подробностей.

Может удивить, что в «Слове» поэт не вспомнил о «ледяной броне». Однако ту броню он передарил в «Золотом слове» Буй Роману и (по ассоциации!) другому Мстиславу (по иронии «Немому», а не «Безокому»):

суть бо у ваю желѣзьныи папорзи
подъ шеломы латиньскыми
тѣми тресну земля и мъногы страны...

Рядом с Буй Романом назван Мстислав Ярославич Немой — князь Пересопницкий. (Он ходил на половцев вместе со Святославом и Рюриком.) На Романе и Мстиславе латинские шлемы и крылатые доспехи: броня на груди подобна птичьему оперенью, а сверху стальные пластины (возможно, что цельные), прикрывающие плечи, как пара крыльев.

У Романа и Мстислава и впрямь должны быть латинские шлемы: уделы этих князей находятся на Волыни, на границе с католическим миром.

Диалектное *папорзок* — один из суставов птичьего крыла. Значит, речь и правда о доспехах с наплечниками. Оценим смелость метафоры: князья парят на крыльях своей брони, и эти крылья, стремительные, как сама мысль, столь тяжелы, что, когда соколы бросаются на землю, даже земля не выдерживает удара, трескаясь, что тот лед.

Метафора 1175 года (броня/лед) была, конечно, хороша, но она сочинена юношей, который впервые увидел рыцарский доспех. За десять ратных лет у Владимира Святославича было время приглядеться к этому ледяному блеску и понять, что не всякий свежий оборот есть поэтическая удача. Броня похожа на лед не больше, чем война на катанье с зимней горки. Лед свеж и хрупок, доспех же тяжел, а после дня военной работы пахнет смертью и потным железом.

Метафора 1185 года груба и несентиментальна. Лишена она и юношеской романтики. Это метафора взрослого поэта-воина.

Из Мономашичей лишь Рюрика и Романа поэт награждает эпитетом «Буй». (Так же как Игоря и Всеволода Святославичей, и в этом смысле равновесие между Ольговичами и Мономашичами соблюдается.) Это объяснимо: Буй Рюрик проявил великодушие и, победив, уступил отцу автора «Слова» Киевский стол. Понятно и то, почему поэт симпатизирует Буй Роману: тот был изгнан новгородцами в 1170 году после их примирения с Андреем Боголюбским, войска которого четырнадцатилетний Роман и разбил у стен Новгорода. В 1185-м он правит во Владимире на Волыни. Но с Владимиром Святославичем через восемь лет приключилась почти та же история: новгородцы, желая замириться с Всеволодом Большое Гнездо, указали Владимиру на ворота.

Логика развития метафоры «броня — лед — земля» завязывается в единый узел с железной логикой жизненных перипетий.

Судьбы Владимира и Романа на удивление параллельны: оба, хотя и с разницей в десятилетие, в юности стали новгородскими князьями, с обоими связаны две поразившие современников ратные победы, объявленные «новыми чудесами Богородицы», оба были изгнаны из Новгорода по не зависящим от них сходным обстоятельствам.

Кроме Владимира и Романа в 1175 году на Руси нет никого, кто был бы отмечен покровительством Богородицы и явленными через ратный подвиг юных князей ее чудесами. Вот почему в «Слове» Буй Роману и достается Мстиславова броня.

Этот свой трофей Автор приносит в дань собрату по судьбе.

И КНЯЖНЫ ЛЮБИТЬ УМЕЮТ

В 1177 (или в 1176?) году война возобновилась. В июне на Сампсония Странноприимца Всеволод разбил на реке Гзе вновь затеявшего смуту Мстислава Ростиславича (в это время новгородского князя). Новгородская первая летопись старшего извода сообщает: *И възвратися Мьстиславъ въ Новъгородъ и не прияша его новгородьцы, нъ путь ему показаша...* (л. 40 об.)[65]. Тогда Мстислав склонил на свою сторону Глеба Рязанского. Тот призвал половцев и осенью сжег Москву. Всеволод поспешил навстречу. На подмогу ему пришли Олег и Владимир Святославичи и Владимир Глебович из Переяславля Русского. О нем автор «Слова» через восемь лет с грустью напишет: «Вот у Римова

[65] Через год его простят, и Мстислав еще раз станет новгородским князем.

кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами. Туга и тоска сыну Глебову». (И тут же — по ассоциации — продолжит текст обращением к Всеволоду Большое Гнездо.)

Глеб Рязанский разграбил церковь в Боголюбове, разорил округу Владимира. Но Всеволод, Олег и два Владимира встретили его на той же Колакше. Глеб с сыном Романом и Мстислав Ростиславич попали в плен, а союзные им половцы, как пишет Татищев, были окружены и перебиты Владимиром и Олегом Святославичами. После этого воронежцы выдали Всеволоду Ярополка Ростиславича. Жители Владимира потребовали казни Ростиславичей. Всеволод Большое Гнездо этого не хотел, но на словах согласился ослепить пленников[66]. Они вернутся в Смоленск и там, как сообщает Новгородской летопись, — прозреют.

Зимой 1177/78 года новгородцы пригласят Мстислава Ростиславича Безокого к себе на княжение, где он вскоре и умрет.

А Глеб Рязанский через два года скончается в темнице.

В 1179 году Всеволод Большое Гнездо призывает Владимира Святославича к себе и женит на дочери своего покойного брата Михаила. Всеволод, уже севший на владимирский престол, понимает, что в долгу у Владимира Святославича. Но Владимир мужает, он уже несколько раз прекрасно проявил себя в деле и, судя по всему, со временем станет главой Ольговичей. А потому с ним надо породниться.

Примерно так должен был рассуждать Всеволод.

Но Всеволод мог знать и еще кое-что.

Если молодые люди растут вместе, а потом через несколько лет разлуки идут под венец, вряд ли это брак по расчету. Вероятно, Владимир сам вызвался идти в 1175 году с Юрьевичами на Владимир, а на другое лето примчался на помощь им, потому что они с Пребраной (Евдокией Михайловной) полюбили друг друга, когда Всеволод и Михаил жили в Чернигове у Святослава. (То, что автор «Слова» свою жену любил, видно из того, как он описывает и любовь Буй-Тура Всеволода к «красной Глебовне», и любовь Ярославны к Игорю.)

В 1179 году Владимир возвращается к отцу с молодой женой. Это сообщает нам черниговский летописец, и поверх этих подробностей сквозит гордость за того, кто стал надеждой Ольговичей.

Теперь все по фольклорному канону справедливости: тот, кто освободил город от змея, и должен получить в жены царскую дочь.

---

[66] Если верить Татищеву, им только надрезали брови, чтобы кровь залила глаза и казалось, что князья и впрямь стали «безокими».

«ЖИВЫЕ ШЕРЕШИРЫ»: ГРЕХ И СМЕХ

Но на другой год Владимира зовут в Новгород, и такое усиление Ольговичей Всеволоду Большое Гнездо понравиться не может.

В 1180 году Святослав послал сына Глеба в помощь Роману Глебовичу Рязанскому, воевавшему с младшими своими братьями. Глеб был в Коломне, когда подошел Всеволод Юрьевич и велел Глебу явиться к себе. Глеб подчинился, был схвачен и в железах отослан во Владимир.

Святослав рассвирепел и затеял большую войну.

Прежде чем отомстить Всеволоду, он задумал изгнать из Русской земли (то есть из Поднепровья) Рюрика и Давыда Ростиславичей, аргументировав это тем, что *тѣ ми во всемъ пакостять* (*Ипат.* Стб. 614). Скрыв свой план даже от бояр, Святослав принял это решение на тайном совете с двумя самыми близкими ему людьми — женой и своим милостником Кочкарем. Преступив крестное целование, Святослав переправился через Днепр и напал на Давыда, который со своей княгиней был на охоте. Давыд еле успел бежать в ладье. Его обстреливали с берега, но безуспешно. Святославу пришлось вернуться в Чернигов и собрать совет Ольговичей. (На этом совете Игорь Святославич и назвал впервые Святослава своим «отцом».)

Давыд прибежал к Рюрику в Белгород. Рюрик занял Киев и призвал на помощь Ингваря и Всеволода Ярославичей. (Заметим, что в «Золотом слове» так, парами, и названы сначала Рюрик и Давыд, потом Ингварь и Всеволод.) Святослав призвал половцев, вызвал из Новгорода сына Владимира и двинулся на Всеволода. А тот с суздальскими, рязанскими и муромскими полками преградил ему путь, став в сорока километрах от Переяславля на Влене (приток Дубны в Суздальском княжестве). Ипатьевский летописец сообщает: *бѣ бо рѣка та твердо текущи бережиста* (Стб. 618–619).

Перейти реку Святослав не мог: на переправе его ждала неминуемая гибель. Но Всеволод не хотел биться и отправил рязанских князей в обход: те *борзо* напали на обозы Святослава и *борзо* же *утекоша*. Так Всеволод использовал «живых шереширов, удалых сынов Глебовых», чтобы наказать Святослава[67]. Святослав отправил к Всеволоду своего

[67] Мой товарищ Александр Пануца заметил, что «удалые Глебовичи» должны были сжечь обозы Святослава: на иное у них просто не было времени. Если так, то становится понятно, почему автор «Слова» называет их «живыми шереширами», которыми Всеволод «стреляет *посуху*». «Живой огонь» использовался греками в морских сражениях для уничтожения вражеского флота. В данном случае вместо моноксилов и ладей были телеги, и не столь важно, использовали Глебовичи какую-то горючую жидкость или просто обстреляли обозы Святослава стрелами с горящей паклей.

попа и послов. Называя соперника братом и сыном, черниговский князь посетовал: *много ти есмь добра творилъ и не чаялъ есмь сякого возмездья от тебе*. Предложив Всеволоду или дать ему брод, или самому переправиться на этот берег, Святослав отошел, уступая Всеволоду дорогу.

Всеволод не отвечал, а послов взял под стражу и отправил во Владимир. После этого Святослав вынужден был ретироваться: он пошел от Влены в Новгород. Всеволод шел сзади, позволяя Святославу сорвать весь его гнев на волжских городках. Тот их брал и отдавал на растерзание половцам. Первым пал Дмитров, город, основанный и названный в честь самого Всеволода Большое Гнездо, которому при крещении было дано имя Дмитрий (в память святого Дмитрия Солунского).

Так Владимир Святославич своими глазами увидел, чем оборачиваются для Руси княжеские крамолы. Но сам Владимир в этом черном деле участия не принял: новгородские летописи отмечают, что дружинники-новгородцы «все возвратились здравы».

Одна стычка с суздальцами, впрочем, все же была и закончилась разгромом последних. Но поскольку никто из дружинников Владимира не был даже ранен, значит, суздальцы бежали с поля брани, не оказав и символического сопротивления.

ЮВЕНАЛОВ БИЧ. ДРЕВНЕРУССКАЯ МОДЕЛЬ

Белинский, прочитав «Медный всадник», сетовал, что Пушкин не успел его должным образом обработать. Почему он так решил? Потому, мол, что поэт хвалит стихи графа Дмитрия Хвостова, а тот был плохим стихотворцем, и Пушкин сам не раз указывал на сей прискорбный для русской словесности факт.

Это о строках:

...Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов...

Литературные критики — люди на удивление серьезные.

Меж тем сарказм — черта не стиля, а натуры.

Обращение к «великому князю Всеволоду» с приглашением его поблюсти отчий престол — эпиграмма автора «Слова», летом 1185 года бьющая в самое больное для Всеволода место. (От такого оскорбления владимирский князь должен был взвыть.)

На насмешку указывает и лихой фонетический перепляс:

аже бы ты былъ то была бы
чага по ногатѣ
а кощеи по резанѣ
ты бо можеши посуху
живыми шереширы стрѣляти
удалыми сыны глѣбовы

С этими «удальцами» Владимир Святославич впервые встретился на Влене, а после, уже замирившись со Всеволодом, ходил на Волгу (сведения Лаврентьевской летописи).

Однако летом 1185 года в Рязани была «злая крамола»: «удалые сыновья Глеба» затеяли войну со своим покровителем Всеволодом Большое Гнездо. Но автор «Слова» делает вид, что ему про это ничего не известно, и обращение к «великому» Всеволоду становится сатирическим. Мол, не ты ли этих *живых шереширов* ты напускал на наши с отцом обозы?

Метил ими в нас с отцом, а они теперь тебя поджаривают.

Автор «Слова» знает толк в скоморошьей науке. К примеру, ему известно, что Ярослав Черниговский дал Игорю полк ковуев (оседлых черниговских тюрков), но в «Золотом слове» Святослав представит дело так, что «не видит власти» Ярослава над подчиненными ему Игорем и Всеволодом. Тут же будет сказано, что черниговские ковуи побеждают полки криком, воюя без щитов с одними засапожными ножами. Но все помнят, что на Каяле стяги пали после бегства ковуев.

Восставших против Всеволода Глебовичей (велика удаль спалить обоз и дать деру!) поэт не призывает на защиту Русской земли. От них, как и от многих других «внуков Ярослава и Всеслава», требуется не обнажить мечи, а, напротив, вонзить их в землю.

ИЗГНАНИЕ ИЗ НОВГОРОДА

По мнению В. Л. Янина, Владимир правил в Новгороде всего полгода[68]. Ученый повторяет неточность новгородского летописца, составившего список новгородских князей, видимо, на основании близкого к Ипатьевской летописи южного текста. Однако в самой Новгородской

[68] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 9.

первой летописи картина иная: 17 августа 1180 года Владимир приходит в Новгород, потом *на зиму* идет помогать отцу укоротить Всеволода Юрьевича. С Влены сын вернется в Новгород вместе с отцом. Поэтому фраза *Яропълка посадиша на Новемь търгу, и вънiде Святославъ великыи Всеволодиць Новугороду* была некорректно понята как сообщение о том, что Владимир уступил престол отцу. Но Святослав пришел не княжить, а готовить новый поход: далее следует статья 1181 года, где сказано, что летом Святослав пошел с новгородцами к Друцку. Это продолжение войны с Всеволодом, поскольку Друцк был захвачен «удалыми сынами Глеба». Но Всеволод и тут не желает ввязываться в драку со Святославом: он осаждает Торжок и держит пятинедельную осаду. В городе начинается голод, князя Ярополка ранят. Жители пытаются договориться с Всеволодом, но он берет горожан в плен (вместе с их князем), а город предает огню. А Святослав сжигает Друцк, и новгородский полк возвращается (но уже без ушедшего в Чернигов Святослава).

Новгородцы понимают, что Торжок — это только предупредительный выстрел. Расклад поменялся, и пора менять князя. (По Ипатьевской летописи, Владимира изгоняют, по татищевским выпискам — «отпускают», оказав некие большие почести.)

Итак, в Новгороде Владимир не уступал престола отцу. Амбициозному Святославу этот город с его боярской демократией и нанятым на время князем был и даром не нужен. (Другое дело, что Святослав провел в Новгороде полгода, и, похоже, уже сами новгородцы запутались, кто у них княжит — сын или отец.) Но в статье лета 6689 (1181) Новгородской первой летописи старшего извода читаем: *Тъгда же на зиму показаша путь Володимиру Святославицю, и иде къ отцю въ Русь, а ногородьцы послашася къ Всѣволоду по князь, и въда имъ своякъ свои* (л. 45).

Святослав не затем бросил новгородцев у Друцка (отскочил от них, как некогда у Белгорода Всеслав от киевлян), чтобы довольствоваться Черниговом. Его цель — Киев. Здесь его и союзных ему половцев разобьет Рюрик (тогда Игорь Святославич со своим будущим сватом Кончаком убегут с места сражения в одной ладье). Но Рюрик, чтобы прекратить смуту, уступит древнюю столицу побежденному, а сам возьмет себе «землю Русскую», то есть Киевщину.

Так возникнет дуумвират Святослав — Рюрик. В 1182 году Святослав и Всеволод заключили мир. Глеб Святославич прямо из владимирской темницы попал под венец: отец женил его на дочери Рюрика.

Как и положено поэту, Владимир не был злопамятен. По воле Всеволода Большое Гнездо он был лишен новгородского княжения, но через два года идет с обидчиком на волжских болгар. Кампания, впрочем, не задалась

(в самом начале погиб один из молодых князей), и потому утверждение, что Всеволод может «Волгу веслами раскропить», звучит столь же двусмысленно, как и похвала рязанским «живым шереширам».

ЧЕГО АВТОР НЕ ЗНАЛ О ПОХОДЕ ИГОРЯ

После 1175 года во Владимире Святославиче, как это можно понять из летописи, видели нового Владимира Мономаха. Очевидно, что многие пошли бы за ним, но в политической ситуации 1180-х и 1190-х это означало, что Владимир Черниговский должен был действовать теми средствами, против которых и выступает автор «Слова». Однако Владимир, точно следуя рекомендациям того же Автора, до конца дней предпочел оставаться в тени собственного отца, которого он любил сыновним, но никак не слепым сердцем.

Междоусобных походов Владимир не затевал, собственную политику на теле Русской земли концом копья не чертил.

И такой тип поведения также обнаруживает в нем поэта, то есть (вспомним пушкинское) человека, для которого его слова суть его дела. Призыв «Слова» к единению на какой-то миг будет услышан: к осени 1185 года создается антиполовецкая коалиция с центром в Киеве.

В целом ряде эпизодов жизнь Владимира Черниговского — комментарий к отдельным пассажам поэмы.

Это он опрокинул Мстислава, он отгонял от Святославовых обозов на Влене «живых шереширов», он ходил с Всеволодом по Волге в Булгарию. Перипетии отношений Владимира с Всеволодом Большое Гнездо и «удалыми сынами Глебовыми», а также параллельность судьбы Владимира с судьбой выделенного им среди многих прочих Буй Романа Волынского хорошо объясняют наличие тех, а не иных подробностей и акцентов «Золотого слова».

Если принять, что поэму написал Владимир Святославич, текст становится многомерным и мотивированным там, где он представлялся клишированным или, напротив, темным. То, что на ратных полях случалось с самим Владимиром, так или иначе откликается в тексте, делая его индивидуальным и авторским.

Может показаться, что поэт участвовал и в походе Игоря.

Не участвовал. Для того чтобы поэтически восстановить картину и Игорева похода, и самого побоища, у поэта достаточно собственного ратного и жизненного опыта. Ему не надо подслушивать диалог пустившихся в погоню за Игорем Гзака и Кончака. Игорь, Всеволод, Ярославна и

Кончак — для него живые реальные люди, которых он еще мальчишкой встречал при Черниговском дворе.

Автор знает, что Каяла по-русски называется Быстрой («два брата разлучились на берегу *быстрой* Каялы»), и, возможно, знает, что именно левый берег высокий и скалистый (отсюда тема жажды в поэме), но пишет: «Идти дождю стрелами с Дона великого...», и тут же: «Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами...».

Итак, поэт прекрасно осведомлен о подробностях похода и поражения Игоря, но дает противоречивые сведения о каяльской топографии. По его версии, ветры несут половецкие стрелы и от моря (с юго-запада), и от Дона (с юго-востока).

Разумеется, перед поэтом стоит задача точности поэтической, а не географической. И с этой точки зрения Автор прав, ведь Кончак подошел с одной стороны (от Азовского моря), а Гзак с другой (из-за Дона, от предгорий Кавказа). Можно было бы допустить, что в конкретном случае «с Дона» значит от устья Дона, то есть тоже с моря. Но «море» и Дон в «Слове» символизируют разные стороны света: «Половцы идут от Дона, и от моря, и со всех сторон русские полки обступили».

Одновременно с двух сторон ветер дуть не может.

Войско Игоря пробивалось к Донцу прижатое к левому берегу текущей с севера на юг «быстрой Каялы», и половцы два дня расстреливали русских с фланга с безопасного для себя расстояния.

В Ростовской области в это время года *постоянно* дует сильный восточный ветер, в просторечии — «калмыцкая пыль». Сегодня он известен каждому по казацкой песне: «Ой, налетели ветры злые да с восточной стороны...». Следовательно, Автор слышал, что ветер — виновник гибели русских дружин, но не знает, что ветер был не юго-западным, а восточным. Эта поэтическая «ошибка» и указывает нам на то, что Автор не был участником похода[69].

КТО ВИДЕЛ СЛЕЗЫ ЯРОСЛАВНЫ?

Одна из частей «Слова» посвящена картине той беды, которая обрушилась на Посемье и Посулье после поражения Игоря. И это тоже страница из жизни Владимира Святославича. По Ипатьевской летописи именно Олега и его брата Владимира, узнав о поражении Игоря,

[69] Подробнее о локализации Каялы см. с. 413 и след.

посылает в Посемье Святослав Киевский. Поэтому в то страшное лето плачущую на путивльской стене Ярославну могли видеть только Олег и Владимир. Они и утерли ее слезы. Утерли хотя бы тем, что в княжестве, лишившемся в одночасье всех своих князей, остановили мятежи и мародерство, а после преступили путь Гзаку.

Защищавший Переяславль Владимир Глебович молил Святослава Киевского о подмоге. Кто же помог Путивлю?

В. Н. Татищев, работавший с не дошедшими до нас источниками и создавший последний русский летописный свод, цитирует: *Святослав... немедля сына своего Ольга отправилъ в Северскую землю, велел ему стать с войски в Посемье*. (Владимир Святославич здесь у Татищева не упомянут, из чего, видимо, следует, что историк пользовался летописью, восходящей не к Ипатьевскому списку, а к владимиро-суздальскому варианту, близкому к Лаврентьевской летописи.)

По Татищеву, Святослав направил в Посемье Олега, а Гзак явился у стен Путивля «с великим войском». Он сжег острог, но детинец оказался кочевнику не по зубам. Гзак отступил, послав пятитысячный отряд грабить Посемье. Где-то «у реки» наиболее крупный отряд половцев встретили Олег Святославич и воевода Тудор, известный летописцу своей храбростью и военной хитростью:

> Тудор же, умысля их обмануть, хотя войска гораздо меньше имели и могли чрез реку не пустить, стали отступать, а половцы смело на них наступали. Тудор же, вшед в лес меж болота, разделился: Ольга с половиною оставил противо половцов, а сам, обошед, сзади напал. И так их, смявши, порубил, что едва 100 их назад возвратилось, ибо их более 2000 побито, а с 500 знатных и подлых пленено. Сын же и зять князя Кзи побиты. Гзя, о том уведав, с великою злобою и горестию возвратился.

Итак, Олег и Тудор встретились с половцами уже после того, как Путивль устоял. И бились вдали от стен города и только с одним, хотя и самым большим, отрядом. А значит, Путивль спас не Олег.

Ярославна на путивльской стене увидена глазами не просто очевидца, но и близкого родича: Игорь был двоюродным дядей Владимира Святославича, а Ярославна двоюродной сестрой его жены[70].

---

[70] Л. Е. Махновец полагает, что обороной Путивля руководил Владимир Ярославич Галицкий, живший два года у Игоря, и что этот князь написал «Слово о полку Игореве» (*Махновец Л. С.* Про автора «Слова» // Пам'ятники України. Інформаційно-методичний бюлетень Укр. тов-ва охорони памяток історії та культури. Київ, 1985. № 3. С. 24–27). Считая, что последний свой тезис исследователь не доказал, Л. А. Дмитриев

В «Слове» Ярославна плачет не в Новгороде-Северском, а в Путивле. Кажется, это необъяснимо. Однако посмотрим на карту: Путивль, где правил ее сын Владимир, на восемьдесят верст ближе к Полю, и, значит, Ярославна хотела встретить мужа и сыновей (Владимира и, видимо, Олега) на два дня раньше. Здесь летом 1185 года ее должен был увидеть Владимир Святославич.

Вот рассказ татищевской летописи о возвращении Игоря:

> И иде 11 дней до города руского, а оттоле в свой Новгород (имеется в виду Новгород-Северский. — *А. Ч.*). И не доехав мене полдница, спотчеся конь, и паде Игорь, мало ногу потолче, яко не можаше на конь всести. В той час прибеже в Новгород детск един и возвести. И ач надолзе не яша веры, княгиня же не могла часа терпети, нощию иде к нему...

Д. А. Мачинский, отмечая, что В. Н. Татищев не знал «Слова о полку Игореве», комментирует: «Та, которая могла, доверившись непроверенному сообщению, броситься ночью навстречу мужу, и та, которая выкликает его аркучи на городской стене Путивля, готовая птицей лететь к нему, — это, несомненно, одна личность»[71].

Согласившись с этим выводом, добавлю, что пребывание Ярославны в Путивле во время похода Игоря также говорит о подмеченной и летописцем, и автором «Слова» любви Ярославны к Игорю (а значит,

---

тем не менее пишет: «...В. Я., выгнанный отцом из Галича, переходил из одного города в другой (Владимир-Волынский, Дорогобуж, Туров, Смоленск, Суздаль), но нигде не находил приюта, так как князья, не желая ссориться с отцом В. Я. — Ярославом Осмомыслом, не принимали его, и только Игорь Святославич приютил своего шурина в Путивле: „Той (Игорь. — *Л. Д.*) же прия (В. Я. — *Л. Д.*) с любовью и положи на немь честь велику“ (*Ипат.* Стб. 634). По сообщению летописи, В. Я. пробыл у Игоря два года, а на третий год Игорь примирил его с отцом. В. Я. поехал в Галич вместе с сыном Игоря — Святославом (т. е. внуком Ярослава Осмомысла по материнской линии). Очевидно, что у В. Я. с Игорем были хорошие отношения и что во время похода Игоря на половцев В. Я. мог находиться в Путивле» (*ЭСПИ*. Т. 1. С. 213–215). Однако гипотеза Л. Е. Махновца построена на читательской ошибке: из летописной статьи Ипатьевской летописи следует, что Владимир Ярославич после двух лет странствий и гостевания в Путивле (здесь он, видимо, исполнял роль дядьки при малолетнем сыне Игоря), отъехал в Галич в 1184 году (грамматически весь этот текст построен на аористах, что означает законченное действие), где и жил, как отмечает летопись, любя *питие многое* и не любя советов со своими мужами. Он известен как клятвопреступник и насильник, в Галиче он отбил у священника жену, а через год после смерти Ярослава Осмомысла (1188) бежал в Венгрию (*Ипат.* Стб. 659–660).

[71] *Мачинский Д. А.* Вновь открытые источники по истории Руси IX–XI вв. // Ладога, первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003. С. 164–165.

и о подлинности татищевской выписки)[72]. Следовательно, мы можем верить и указанию поэта на то, что Ярославна ждала Игоря в Путивле. (Из Путивля в Новгород-Северский она вернулась до бегства Игоря из плена.)

Для тех, кто не видел сам, пребывание Ярославны в Путивле — малосущественная и странная подробность. Издалека деталей такого рода не разглядишь, и, если бы поэму писал кто-то сторонний, Ярославна бы стенала в стольном граде Северской земли. Для Ипатьевского и Лаврентьевского летописцев Игорев поход начинается в Новгороде-Северском, а для Автора — в Путивле, потому-то Ярославна здесь и ждет Игоря. И поэт заранее, еще в начале поэмы, подготовил нас к такому повороту: «Трубы трубят в Новеграде. Стоят стяги в Путивле». (Те самые стяги, которые достанутся Кончаку и никогда не будут отбиты.) Когда бы поэт не мог сам засвидетельствовать путивльский плач Ярославны, он бы эту деталь упустил. (Зачем трижды повторять, что стена — путивльская, скажи «на городской...», или просто — «на стене...»).

Но пишет тот, кто видел сам. Тот, кто не отдал Путивль на растерзание Гзаку. И по тексту видно, что слушатели это хорошо знают.

ОТСУТСТВИЕ — ЗНАК ПРИСУТСТВИЯ

Историк отмечает: «Автор не назвал в своих призывах ни одного „Ольговича“ из родичей Святослава и перечислил девять родичей Рюрика, которых он призывал „загородить Полю ворота“»[73].

Это не совсем так, ведь в «Золотом слове» Святослав укорами и сарказмом пытается пробудить совесть родного своего брата Ярослава Черниговского. Может показаться, что призыв остановить половцев обращен лишь к Мономашичам. Но Ярослав Галицкий не Мономашич. Тем не менее киевский князь призывает его встать «за землю Русскую, за раны Игоревы» и «стрелять Кончака, поганого раба».

Как мы помним, Ипатьевский летописец сообщает, что Святослав послал в Посемье своих сыновей Олега и Владимира. После этого киевский князь просит помощи у Давыда Смоленского и Ярослава Черниговского. Откликнулся на его призыв и Рюрик. К каждому из них Автор

---

[72] В Новгород-Северский Ярославна должна была вернуться не только после ухода Гзака из Посемья, но и после того, как двое Святославичей восстановили порядок в княжестве.

[73] *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 131.

от имени Святослава обращается в «Золотом слове». К каждому, но не к Олегу и Владимиру, к которым реальный Святослав апеллировал сразу, как узнал о Каяльской катастрофе.

Логика автора «Слова» понятна: публично агитировать самого себя — то же, что для нас посылать себе приглашение на собственный день рождения. И хотя одно дело — непосредственная реакция Святослава, а совсем другое — «Золотое слово», которое спустя какое-то время поэт вкладывает в его уста, отсутствие в тексте поэмы имен Олега и Владимира весьма примечательно, и также должно говорить о том, что Автор — один из Святославичей. (Другое дело, что мы уже знаем: Олег Святославич здесь ни при чем.)

СВИНЕЦ И ФРЕСКА

Новгородские реминисценции «Слова», выявленные в свое время актером МХАТа Ив. М. Кудрявцевым[74], объяснимы тем, что полтора года Владимир Святославич был князем в Новгороде. (Прибавим сюда и тот дух новгородской вольности, которым дышит вся поэма.)

В Новгороде нашли шесть свинцовых печатей (по Янину см. № 187)[75], на одной стороне которых Андрей Первозванный, на другой архангел Михаил. В. Л. Янин полагает, что это печати Владимира Святославича. Однако, как показал Л. В. Войтович, атрибуция эта ошибочна: согласно Любецкому синодику, Владимира звали не Андреем, а Борисом. Принадлежность печати № 187 определил по моей просьбе тот же Л. В. Войтович: «У Андрея Ярославича, брата Александра Невского, был сын Михаил, умерший после 1305 года. И ему было зачем писать в Новгород».

---

[74] *Дмитриев Л. А.* Кудрявцев // *ЭСПИ*. Т. 3. С. 109–110. Здесь автор статьи называет «очень ценной по сообщенному материалу» статью Ив. М. Кудрявцева (1898–1966), который указал, что в новгородской Софийской первой летописи местом погребения Изяслава названа не Десятинная церковь (так в «Повести временных лет»), но, как и в «Слове», — Киевская София. Это говорит о том, что Киева и его исторической молвы Автор по-настоящему еще не знает, ведь его отец лишь четыре года назад окончательно утвердился на Киевском престоле, но знаком с новгородской версией этого события. Добавим и упоминание о том, что сидящему в киевской темнице Всеславу звонят к заутрене колокола Полоцкой Софии. Если не знать, что колокола краденые (Всеслав снял их с Софии Новгородской), то непонятен вывод поэта о том, что этому князю «Божия суда не миновать».

[75] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 265. Табл. 17, 187. Воспроизведение печати по изданию: *Лихачев Н. П.* Сфрагистический альбом // РА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2, д. 444, табл. II: 18.

Нам повезло: печать Бориса Михайловича обнаружена в 1999 году под Курском. Описана она П. Г. Гайдуковым (*Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Великий Новгород, 2001. С. 179–197.): 228б**.** Поясное изображение св. Бориса с мученическим крестом у груди. По сторонам колончатая надпись. На обороте архангел.

П. Г. Гайдуков любезно позволил воспроизвести сделанное им фото.

Печать Владимира Святославича Черниговского
Свинец. 21 × 22 мм. Москва. Частная коллекция. Фото П. Г. Гайдукова

Итак, владельца печати звали Борис и носил он отчество архангела (или наоборот — по архангелу имя, а отчество Борисович). Л. В. Войтович согласился с моей атрибуцией, сообщив, что эта печать, скорее всего, принадлежат Владимиру/Борису Святославичу: князей Бориса Гаврииловича и Гавриила Борисовича не обнаружено. Правда, остается еще последний великий князь тверской Михаил Борисович (1453–1505). Но, познакомившись с фотографией печати, специалист по древнерусской сфрагистите С. В. Белецкий определил, что мы имеем дело с артефактом XII–XIII, а не XV веков.

Находка под Курском печати вщижского князя примечательна еще и тем, что Вщиж — территория, сопредельная с Курском и Трубчевском, где княжил Буй Тур Всеволод. В 1191 году эти князья вместе ходили в Поле. (Вспомним и то, как в «Слове» поэт восхищается Буй Туром.)

Игорь Святославич Новгород-Северский был крещен во имя святого Георгия и вышел в Поле в день своего небесного патрона. Святой Георгий без оружия смирил змея, запиравшего хвостом источник, освободил

город от мучительной и стыдной дани — по жребию раз в год отдавать чудищу на съедение юношу или деву. А Игорь в гордыне хотел «испить шлемом Дона», но упился кровавым вином, в буквальном смысле слова преломил копье о край Поля и выпустил змея-кочевника (фольклорный образ, попавший и в летопись) на Русь. И не Игорь вызволил царскую дочь, а дочь государя Осмомысла Ярослава своей мольбой освободила его из плена. Кроме того, «Егорий храбрый» — покровитель воинства, но в «Слове» дважды произнесено «А Игорева храброго полку не воскресить» (что на слух почти неотличимо от «А Егорева храброго...»).

Метафорический перевертыш Игорь — анти-Георгий вновь приводит нас в Георгиевскую церковь Старой Ладоги, где в диаконнике Георгий едет без копья и меча, но со щитом и красным (червленым) стягом на лишенном навершия древке. Это метафора ненасильственной победы добра, ведь, по житию Георгия, змей был побежден не сталью, а Божьим словом.

Как утверждает архитектор-реставратор С. В. Лалазаров, Георгиевская церковь построена в Ладожской крепости не позже 1179 года.

Приведу пассаж из монографии В. Д. Сарабьянова:

> Академическая выверенность фресок Георгиевской церкви, «оживленная» приемами динамичного стиля, который уже стал традиционным для новгородского искусства этого времени, представляет собой ту художественную формулу, которая знакома нам по Владимиро-Суздальским росписям позднего XII столетия, особенно по изображениям пророков на алтарных столбах Успенского собора (1189 г.). Нельзя исключить того, что ладожские мастера, выполнявшие, несомненно, княжеский заказ, были непосредственно связаны с той рафинированной художественной средой, которая определила сдержанно-экспрессивный дух Владимиро-Суздальской живописной культуры[77].

Полагаю, что все было ровно наоборот: реставратор георгиевских фресок В. Д. Сарабьянов отмечает, что стилистика ладожских фресок никак не откликается в известных нам новгородских росписях. Но это и означает, что, не осев в Новгороде, византийские мастера из Ладоги отправились во Владимир. (Вспомним, что как раз в 1181 году новгородцы простятся с Владимиром Черниговским и попросят себе князя у взявшего Торжок владимирского князя Всеволода Большое Гнездо.)

«Княжеский заказ» — это, надо думать, заказ Мстислава/Георгия Храброго. Храм строился как Георгиевский, и, видимо, с самого начала

[77] Церковь Св. Георгия в Старой Ладоге: История, архитектура, фрески // Монографическое исследование памятника XII в. / Автор-составитель В. Д. Сарабьянов. М., 2002. С. 288. Датировка постройки храма там же, с. 291.

предполагалось, что в диаконнике будет фреска с изображением святого воина[78]. Но если до росписи дело дошло лишь к началу лета 1180 года, только что произошедшие события должны были наложить отпечаток на работу иконописцев.

Может быть, новгородские заказчики надоумили византийских мастеров изобразить святого воина худеньким безоружным мальчиком и подсказали, что у воина не должно быть меча, а у стяга, парящего над головой Георгия, — копейного наконечника. (Что, конечно, не вполне соответствует житию, поскольку по житию Георгий отрубает главу змию, после того как Елисава приводит усмиренное чудище в город.)

А, может быть, сметливые греки и сами проявили инициативу, узнав о Белеховском чуде и о приглашении Владимира в Новгород.

Иконографически мастера не погрешили против канона: известны грузинские иконы X и XI веков, на которых Георгий едет не с копьем, а с крестом, а под ногами коня распростерт император Диоклетиан.

Это метафора победы православия над язычеством.

Можно допустить, что существовали и изображения Георгия со стягом, не увенчанным наконечником. Но и тогда соединение в одной композиции образа безоружного мальчика-воина, змея, которого конь попирает копытом, столь же знаково для новгородской реальности 1180 года, как и то, что на фреске одна из иконных горок написана в виде ладожской сопки.

1 августа 1998 года на земляном городище после сильного ночного ливня была обнаружена свинцовая вислая печать с греческой надписью «Матерь Божия, Богородица, помоги рабу твоему Леону, митрополиту Лаодикеи»[79]. (Публикую фото с любезного разрешения А. Н. Кирпичникова. См. на с. 401.) Первая часть надписи вписана в венец Богородицы, а на реверсе читается: <Λ>ΕΟΝΤΙ <Μ>ΗΤΡΟΠΟΛΙΤΗ ΛΑΟΔΙΚΕΙΑς

Лаодикея (в позднем русском написании Лаодикия) — византийский город в Малой Азии, столица провинции Фригии Пакатианской. В 1402 году ее разрушил Тамерлан. Среди немногих известных печатей лаодикейских митрополитов имени Леона пока не обнаружено.

Авторы публикации по иконографическим и сфрагистическим аналогам отнесли печать к X — первой половине XII веков и приписали

---

[78] О том же говорит и отсутствие в этой абсиде окна.

[79] *Казанский Н. Н., Кирпичников А. Н.* Византийская митрополичья печать, найденная в Старой Ладоге // Ладога и эпоха викингов: Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1998. С. 78. Печать вымыта дождем из земляной ступеньки, которая вела в раскоп № 2^1; ступенька же была сооружена из верхнего мешаного слоя Земляного городища, который перед началом раскопок был, увы, просто перемещен.

Печать митрополита Лаодикийского Леона (до реставрации)
Свинец. 25 × 29,5 мм. Земляное городище Старой Ладоги.
Фотография Андрея Усова

бежавшему на Русь от сельджуков митрополиту Леону. Грек с таким именем в 1070-х стал переяславским митрополитом, и если он действительно был беженец из Малой Азии, то, как допускают авторы, какое-то время мог пользоваться своей лаодикейской печатью.

Однако при сельджуках лаодикейская митрополичья кафедра не была утрачена. Гипотетического Леона сменил митрополит Михаил, и церковная жизнь в городе продолжалась.

Есть и более простое объяснение: по догадке хранительницы фондов Староладожского музея Зои Дмитриевны Бессарабовой, эта печать свидетельствует о том, что второй половине XII века ладожане обратились за помощью к Лаодикейскому митрополиту.

Просто лаодикейцы лучше других знали, как бороться с рецидивами языческого культа: по древнейшим вариантам жития, Георгий одолел змея именно близ Лаодикеи. Похоже, печать Леона была привешена к грамоте, посланной лаодикейским митрополитом в Ладогу вместе с мастерами-иконописцами.

Для ладожан, как заметил питерский поэт Илья Фоняков, было знаменьем само созвучие: *Лаодикея — Ладога*. А писали они в Малую Азию в 1070-х, или спустя столетие, для нас не столь важно.

Белеховское чудо подсказывает, что ладожская фреска написана в честь владимирского (и по имени города, и по имени князя) попрания Велеса 15 июня 1175 года, а «Слово» создано тем, кто это попрание осуществил. Новгородский князь Владимир, конечно, бывал в Ладоге, и, полагаю, эхо его посещения обнаруживается в «Слове». Доказательством тому — сама фреска. Змей выползает из реки, а дева по белокаменной береговой

отмостке ведет чудище в город на пояске-убрусе (как козу или собачку). И всплескивает левой дланью, указывая змею в направлении пробитых в скале ворот.

Фреска зримо прорифмована: рифмуются чешуя змея, словно бы рождающаяся из пенной кольчужницы волховской волны, золотой чашуйчатый доспех всадника, яблоки на крупе коня.

Ворота изображены весьма условно, и, если не знать, что на многих георгиевских иконах Елисава стоит именно у городских ворот, можно и вообще не догадаться, что же в этом месте нарисовано. Но дело не в небрежности мастера, а в живописной метафоре.

Фреска крылата, а точнее — *трехкрыла*: внизу крыло змея (его попирает копытом конь), вверху — летящий плащ Георгия (автор «Задонщины» сказал бы, что Георгий плещется по ветру, как живая хоругвь), а еще одно «крыло» — справа, прямо за плечом облаченной в белый саван девы Елисавы. Это пробелами прописанный свод прорубленных в стене городских врат. Он и превращает визуально Елисаву в деву-лебедя. (Обычный вопрос посетителей ладожского музея-заповедника: а это что за ангел?) Полагаю, что поэт XII столетия, столь ценивший метаморфозы поэтических тропов, поразился этой лебединой метафоре. И в «Слове» она аукнулась бредущей по берегу Дона девой Обидой.

В правом верхнем углу фрески сохранились четыре двойных горизонтальных графьи. Здесь была надпись. Учитывая длину и ширину строк, реконструировать ее можно по сохранившимся на древних иконах аналогам. Надо лишь вписать корректное для древнейших георгиевских текстов имя спасенной царевны и правильное название города:

ꙋѥодо свѧтаго
геѡргіа о ꙁмеи
дѣвѣ ѥлисавѣ
градѣ лаодикеи

В таком виде это рифмованные стихи[80].

Поэт должен был заметить и то, что змей выползает из-под изображенной между задними ногами коня сопки (а весь позем на фреске цвета конского навоза[81].) Это не условная «иконная горка», каких на фреске

[80] Вероятно, ради рифмы к позднейшей словоформе «змий», в русском написании Лаодикея превратилась в Лаодикию.

[81] В этом можно угадать отзвук борьбы церкви с языческими культами, в частности, с культом Вещего Олега, принявшего в Ладоге смерть от Велеса.

две, а узнаваемый портрет одной из ладожских сопок. Если бы стена была прозрачной, мы бы увидели, что прямо за этой «горкой» и находится упомянутая в новгородских и архангельских летописях «Олегова могила» — самая большая сопка в урочище Мóрьевщина. Этот топоним, не попавший в монографию Г. С. Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси (СПб., 2005), сотрудница музея Гузель Николаи в 1982 году услышала от бабы Насти, первой сторожихи только что созданного Староладожского музея. Фамилия ее ныне забыта, помнится только, что она первой и принесла в музей свою прялку (едва ли не лучшую в нынешней коллекции.)

Однажды баба Настя шибко ругалась: кто-то подкопал ее картошку в Морьевщине. На вопрос, где это, уточнила, мол, *там, где мертвые* (где сопки). А ее подруга Полина Андреевна говорила по-иному: Зáморье.

От города живых Морьевщину отделяет Морев ручей, и всего в километре за сопками Велеша.

В новгородских летописях читаем: «Шел Олег к Новгороду, а оттуда в Ладогу, иные же говорят, будто шедшего его *за море* ужалила змея в ногу...». Так и в чешском заклятье (запись XV века:) «К Велесу зá море». И в обоих случаях Заморье (местность за городом мертвых) по созвучию вытеснено морем. А на старой топографической карте Г. С. Лебедев нашел и другой вариант — Марьящина (так в самом конце XIX века военные топографы поняли слово *Морьевщина*.)

На Белеховом поле Мстислав ставил спектакль, в котором сам хотел сыграть Георгия Победоносца. Но Мстиславу выпало играть Велеса, а юношей, который поверг нехраброго Мстислава силой духа (а не оружия), стал Владимир Черниговский.

В изнаночном мире «Слова о полку Игореве» святая дева-лебедь превращается в деву Обиду, бредущую по берегу Каялы и плещущую лебедиными крылами[82]. И если Елисава на убрусе ведет смиренного змея, то дева Обида выпускает на Русскую землю Карну и Желю.

Эпизод с девой Обидой следует непосредственно за единственный раз прозвучашим в тексте авторским «я» и упоминанием о павших Игоревых

---

[82] Можно лишь гадать, знал ли Автор, что, по греческому мифу, дева Немезида тоже оборачивается лебедью, и от нанесенной ей Зевсом обиды рождается фактически и разрушившая Трою Елена, но изнанка имени девы Немезиды (Богини справедливой кары) по-древнерусски и есть дева Обида. Однако ссылка на Гомера (Омира) есть в Ипатьевской летописи (1233 г., Стб. 770): *Омиръ пишеть до обличѣниа же зла*: *есть кто в нѣи ходить, коньць золь приметь о злье зла* («Гомер пишет, обличая зло: если кто во зле пребывает, то злой конец примет, либо злее злого»).

стягах. И тут же говорится, что русичи «сватов попоили, а сами полегли за Русскую землю». Это об Игоре, чей сват — Кончак. Но это и о Всеволоде Большое Гнездо, который вызвал Владимира Черниговского в город Владимир и отдал ему в жены дочь брата. (А потом на год или два из свата превратился в лютого врага.)

Следствием поражения на Каяле стал воплощенный в «Слове» призыв Святослава к князьям прекратить распри, признать власть Киевского князя и дать отпор половцам. Для нас не столь важно, кто именно выдвинул идею нового корпоративного договора Рюриковичей, однако мысль эта должна была вызреть внутри правящего клана, и лучшего кандидата на ее авторство, чем Владимир Святославич, нам не найти.

Сопереживание автора «Слова» *страданиям простого народа*, отнюдь не характерно для феодала XII столетия. Однако поэт, оплакивая оратаев, горожан и дружинников, указывает, что «жизни людей сократились» именно из-за княжеских крамол. Но как раз о таком бережном отношении Владимира Святославича к дружине упоминает новгородский летописец, сообщающий, что из похода на Влену все новгородцы вернулись не только живыми, но и здоровыми.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

В 1191 году Игорь с Буй Туром Всеволодом и еще несколькими князьями опять идут на половцев, но те вновь оказываются предупреждены и отгоняют вежи вглубь Поля, а сами соединяются и готовятся дать сражение. Дойдя до Оскола, русские князья об этом узнают. И делают то, что не позволили себе в 1185 году. Под покровом темноты они поворачивают назад. Половци *и не узрѣша ихъ и гонившеся по нихъ и не постигоша ихъ*[83] (*Ипат.* Стб. 673).

Среди участников этого незадавшегося похода видим и Владимира Черниговского. Наверное, он просто не мог не пойти с теми, про чье поражение сам сложил «трудную повесть». Но реванш не состоялся, а потому обещанная в «Слове» слава Игорю и Всеволоду так и не была пропета.

Полагают, что с тех пор Владимир правит во Вщиже[84], а в конце жизни — в Переяславле Русском. Но последнее — интерпретаторская

---

[83] Это означает, что и этот поход был конным: в противном случае половцы догнали бы русских.

[84] *Войтович Л.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000. С. 7.

ошибка. В Лаврентьевской летописи под 1201 годом сказано: *Тои же осени преставися князь Черниговьскыи Володимеръ* (л. 141), а словами *и бысть радость велика в градѣ Переяславли* заканчивается предыдущая фраза, относящаяся к совсем иным событиям.

(Отметим и ошибку Воскресенской летописи, где в этом месте перепутано отчество и написано не Святославич, а Всеволодич. Однако других Владимиров Всеволодичей, а тем более Черниговских, тогда не было.)

В Лаврентьевской летописи семью строками ниже (уже под 1202 годом) — сообщение о кончине Игоря Святославича: *Преставися князь Черниговьскыи Игорь*. Так они и ушли друг за другом — великий поэт и воспетый им незадачливый, но весьма романтический герой.

Примечательно, что в Ипатьевской летописи вместо известия о смерти Владимира Черниговского находим перенесенный сюда переписчиком некролог Буй Роману Волынскому (Стб. 715–716). А в этом некрологе нас должно заинтересовать рассуждение о Владимире Мономахе, который *пилъ золотымъ шоломомъ Донъ* (парафраз из «Слова») и загнал хана Отрока в Обезы (Абхазию) «за Железные врата». Здесь же сказано, что от Отрока родился тот самый Кончак, *иже снесе Сулу*.

То есть упомянут не только сват Игоря Кончак, но и его набег на Посулье летом 1185 года. И рассказано о половецком «едином гудце Ореви» (гусляре по имени Орь), который должен был после смерти Мономаха отправиться в Обезы и вернуть Отрока в Поле Половецкое. (Об этом см. стихотворение Аполлона Майкова «Емшан».)

И хотя в Ипатьевской летописи ни слова не сказано о рифмующемся с *гудцом Ореви* русском *гудце Игореве*, трудно избавиться от мысли, что некролог Буй Роману потому и перенесен в это место, что в протографе здесь находился некролог Владимиру, «единому певцу Игореву» и певцу Буй Романа. Кстати, последний в своем «проекте конституционной реформы» еще и цитирует «Слово» (см. наст. изд., с. 169–170).

Владимир Черниговский не писал историю кровью, хотя именно от него этого ждали, и, в отличие от своего отца, никогда не приводил половцев на Русь. Автор «Слова» — первый русский интеллигент. То есть тот, кому не за державу обидно, а больно за людей.

По Любецкому синодику (позиция 20) жена Владимира Святославича — Евдокия: «Кн. Бориса Владимера Святославича и княгиню его Еудокию»[85].

---

[85] *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время // Летопись занятий Археографической комиссии за 1882–1884 гг. СПб., 1892. С. 1–256.

Погребение Владимира Святославича Черниговского
Миниатюра Радзивиловской летописи. Л. 243 об.

Славянское ее имя мы знаем из Лаврентьевской летописи — Пребрана.

По одной из версий церковного предания, супруга Владимира основала Ризоположенский женский монастырь в Суздале, который не сумел взять Батый. Она пережила мужа почти на полвека и была прославлена как Евфросиния Суздальская[86]. Эта версия убедительней, чем другая (о юной невесте князя Мины), ибо объясняет, почему по смерти супруга черниговская вдова ушла во Владимиро-Суздальскую землю: Евдокия сама родилась на этой земле, и здесь 15 июня 1175 года Богородица взяла под защиту будущего ее мужа Владимира Святославича.

Надо полагать, что зыбкая память предания свела в единый образ духовные подвиги двух суздалянок, носивших в иночестве одинаковые имена и живших в одном монастыре.

Дело в том, что под 1202 годом в Лаврентьевской летописи читаем о смерти Игоря Святославича и об упокоении Февронии, вдовы Михаила Юрьевича и матери Евдокии: «Преставился князь Черниговский Игорь, в то же лето преставилась княгиня Михалкова Феврония месяца августа

[86] *Спасский И.* Преподобная Евфросиния, княжна Суздальская // Журнал Московской патриархии. 1949. № 1. С. 61.

в 5 день, на память святого мученика Евстигния и положена в церкви Святой Богородицы в Суздале» (л. 141 об.).

Выходит, овдовевшая Евдокия постриглась под именем Евфросиньи и пожертвовала земли, которыми владела ее мать, новооснованному Ризоположенскому суздальскому монастырю.

Считается, что миниатюры Радзивиловской летописи, — копии с миниатюр XII — начала XIII веков. (Летопись доходит до 1206-го.) Протограф был изготовлен через несколько лет после смерти Владимира и Игоря. В Радзивиловской летописи на обороте 243 листа есть миниатюра, на которой изображено отпевание и погребение Владимира Святославича Черниговского. Над рисунком строки о смерти Владимира.

В правой части миниатюры иллюстрация к записи: *А тъе зимы явися знаменье в лунѣ месяца декабря 29*. (Исправлено из 24). В Лаврентьевской летописи под 1201 годом: *Тое же осени преставися князь Черниговьскыи Володимеръ. Тое зимы явися знаменье в лунѣ месяца декабря 24*.

На рисунке в Радзивиловской летописи луна кровоточит.

Вот и в Лаврентьевской говорится: *...яко кровь пролияну по снѣгу*.

Речь могла бы идти о затмении 22 декабря 1200 года, но, как подсказал мне Александр Журавель, еще одно частное затмение луны произошло 11 декабря 1201. (См.: *Святский Д. О.* Астрономия Древней Руси. М., 2007. С. 148–151; *Там же*. Комментарий М. Л. Городецкого С. 168).

В новейших изданиях указывается, что 29 декабря 1202 года в Лаврентьевской летописи названо днем смерти Игоря Святославича. Это не так: речь о дублирующей предыдущий текст приписке, где сказано лишь о лунном затмении. Однако в 1202 году лунных затмений не было.

Вщижский престол перешел к сыну Владимира Святославича — Филиппу (Любецкий синодик, позиция 26), а потом к другому сыну — Святославу, который правил тут (так по Л. В. Войтовичу) до взятия Вщижа в 1238 году. Последние защитники укрылись в храме. Их костяки найдены в середине XIX века при раскопках церкви на вщижском городища.

(Фото напрестольной сени из алтаря этой церкви см. на с. 508.)

Линия вщижских князей пресеклась. Город не был восстановлен.

Центром этой земли впредь станет спрятавшийся в лесах Брянск.

В Воскресенской летописи есть и такое сообщение: *А Всеволожи дѣти Олговича*: *Святославъ, Ярославъ, а Святославли дѣти Всеволодича*: *Володимерко Галицкой да Олег*[87]. Но это летописец перепутал Владимира Святославича с Владимиром Ярославичем Галицким.

---

[87] *ПСРЛ*. Т. VII. СПб., 1856. С. 232.

АТРИБУЦИОННАЯ СПРАВКА

Подытожим. На княжеское происхождение поэта указывает:

1. То, что Автор на равных обращается сразу ко всем Рюриковичам («Ярославовы и все внуки Всеславовы...»). Он обличает всю феодальную верхушку Руси, но при этом использует обращение «братие». Кругозор его мышления определяет систему полемической аргументации. Метафорические ряды охватывают сферу сугубо княжеских интересов от политики до соколиной охоты. Непричастность к церковно-монастырской среде (библейские реминисценции и христианский пафос всей поэмы при свободном упоминании языческих богов), как и династическая этикетность обращений (в «Золотом слове» строго по поколениям — с шестого от Владимира Святого к восьмому), также указывает нам на авторство кого-то из князей-современников.

2. В 1180 году Игорь публично назвал своего двоюродного брата Святослава *отцом*. Это позволяет поэту в двух разных местах текста понижать генеалогический статус Игоря и Буй-Тура Всеволода на одно поколение, давая им отчество не по их родному, а по их феодальному отцу Святославу Киевскому. Делается это, чтобы говорить с Игорем (дядей) на равных (как с братом). Из этого следует, что Автор принадлежит не к шестому, а к седьмому поколению от Владимира Святого.

3. Автор не только жалеет Игоря и Всеволода, он осуждает их за попытку «похитить прошлую славу» (славу Владимира Мономаха и Святослава Киевского) и «поделить грядущую». О том же он говорит и устами киевского князя: «...ибо не по чести кровь поганую проливали». (По этой причине сам Игорь не мог написать «Слова».)

4. Автор близок к Святославу Киевскому, которого он одновременно и идеализирует, и укоряет, выступая против его политики звать половцев на Русь (при этом он утверждает, что степняки приходят *сами*). Эта парадоксальная двойственность может быть объяснена тем, что Автор — один из сыновей Святослава.

5. В конце поэмы есть угловой акростих «...спаси Святославича», в котором речь, очевидно, идет не об Игоре, а о самом поэте. Спасенному Игорю здесь же поется (или обещается в грядущем) слава.

6. Жена Святослава Киевского была полоцкой княжной, а одна из песен посвящена не имеющим никакого отношения к событиям лета 1185 года полоцким князьям и гибели даже не упомянутого в летописях Изяслава, брата (или дяди) Марии Полоцкой. Лингвист Анна Дыбо усматривает в языке «Слова» полоцкие элементы.

7. Автор не был участником похода: он говорит о битве со стороны: «Что мне шумит, что мне звенит давеча рано пред зорями...». Он считает, что ветер, дувший «навстречу», был юго-западным («с моря») и одновременно восточным («с Дона»). Он знает, что ветер решил судьбу сражения, но не знает, что в Нижнем Подонцовье ветер весной дует с востока. Такой ветер позволил половцам с безопасного расстояния расстреливать русских, пробивающихся по скалистому берегу Каялы к Донцу.

На то, что автором «Слова» является Владимир Черниговский, второй сын Святослава и Марии, указывают такие обстоятельства:

1. Упоминание о гибели Бориса Вячеславича в 1078 году на малой речке Канине (а не у Нежатиной Нивы) свидетельствует, что поэт хорошо представляет окрестности Чернигова. Но и Новгород он знает изнутри (см. статью Д. С. Лихачева «Новгородские элементы в „Слове“» в *ЭСПИ*. Т. 3. С. 323). Владимир два года княжил в Новгороде, а Автор упоминает о некоей новгородской «славе Ярослава», из письменных источников нам неведомой, и о трех новгородских мелких монетах — беле, ногате и резане. Он не знает киевских, но знает новгородские летописи (по ним рассказывает о похоронах в Софии Киевской Изяслава Ярославича). Из трех старших сыновей Святослава только Владимир отвечает тому образу поэта, который мы представляем из самого текста: он никогда не затевал усобиц и никогда не приводил половцев на Русь, а в 1180 году удержал свою новгородскую дружину от участия в разорении его отцом и половцами городов в устье Тверцы. При этом в «Слове» поэт трижды оплакивает Игореву дружину (два раза звучит рефрен «А Игорева храброго полку не воскресить», а последняя фраза по законам темного стиля может быть переведена двояко, и один из переводов «Князьям слава, а дружине аминь»). Этого князя-поэта ведут по жизни сострадание ко всей Русской земле (от пахаря до великого князя) и то, что Пастернак сказал о Блоке: «дворянское чувство равенства со всем живущим».

2. Диалектолог В. А. Козырев выявил в брянских говорах пласт лексических параллелей к темным местам «Слова», из которых более дюжины бытуют только в этой местности, а Владимир Святославич не менее десяти лет жил во Вщиже (современная Брянщина, в последней трети XII века на территории Черниговского княжества), и вщижский престол перешел к его сыну.

3. Владимир Черниговский женат на двоюродной сестре Ярославны, Игорь Святославич приходится ему двоюродным дядей. Летом 1185 года Владимир и его брат Олег остановили начавшиеся в Новгород-Северском княжестве мятежи и дали отпор Гзаку. И только Владимир мог видеть Ярославну на путивльской стене (и знал, что она ждет мужа из похода

здесь, а не в Новгороде-Северском), поскольку он и руководил обороной Путивля. (Из Ипатьевской летописи следует, что Посемье обороняли Олег и Владимир. Татищев уточняет, что Олег встретил самый крупный отряд Гзака уже после отступления половцев от Путивля.)

4. Автор «Слова» в начале поэмы сообщает, что будет петь «от старого Владимира до нынешнего Игоря», но заканчивает повествование именем сына Игоря — Владимира, то есть начал с Владимира, Владимиром и закончил. Но Владимир — это имя самого Автора, а это значит, что перед нами еще одна сфрагида поэта.

5. Авторское «я» звучит в поэме лишь однажды, причем в ратном контексте — Игорь не сумел остановить бегущие полки, и его стяги пали. Эта ситуация — эхо «нового чуда Богородицы на Белеховом поле», первого ратного подвига Владимира Святославича, который сначала потерял стяг, а после одолел Мстислава Безокого, даже не обнажив меча. Белехово поле возникает в поэме в виде анаграммы в том месте, где и говорится о трофейном «алом стяге». Со слов черниговского летописца (тот, очевидно, записывает рассказ самого Владимира) мы знаем, что Мстислав ударил из-за холма, причем его дружинники были «все в броне, как во льду». Эта метафора находит свое развитие в «Слове», но трофейные железные доспехи автор передаривает любезным ему Буй Роману и Мстиславу Волынским.

6. Битва на Белеховом поле произошла близ древнего капища Велеса. В 1180 году, когда умирает Мстислав Храбрый, новгородцы зовут Владимира на княжение, и в Ладоге пишется фреска, на которой святой Георгий едет со стягом, но без меча и копья, а Велеса на пояске ведет Елисава. Но в 1180 году Владимир стал новгородским князем, и этим объясняется подтверждаемое текстом «Слова» его знакомство с фреской в диаконнике староладожской Георгиевской церкви.

7. Отраженные или откликнувшиеся реминисценциями в «Слове» события новейшей истории укладываются в период с 1158 (взятие Ярославом Галицким Киева) по 1185 год. Отношение Автора к участникам этих событий обусловлено взаимоотношениями Владимира Святославича с его родичами, друзьями и врагами — Святославом Киевским, Игорем Святославичем, Буй Туром Всеволодом, Буй Романом, Буй Рюриком, Владимиром Переяславским, Всеволодом Большое Гнездо и «живыми шереширами», рязанскими Глебовичами.

Друзей поэт воспевает. Это относится к Буй Туру Всеволоду (Вщиж лишь в ста верстах от Трубчевска, и, видимо, соседи дружили) и к мало кому известному в 1185 году Роману Волынскому, которого автор «Слова» также награждает эпитетом «Буй». Но судьбы Владимира и Романа зеркальны: оба стали героями двух ратных чудес Богородицы, оба в юности

были новгородскими князьями, и оба из-за интриг владимирских князей недолго продержались в Новгороде. С Владимиром Глебовичем Переяславским Владимир плечом к плечу дрался на Колакше, и потому, узнав летом 1185 года о его тяжелых ранах, кручинится о своем ратном товарище.

Из Мономашичей эпитета «Буй» удостоены лишь Роман и Рюрик. Рюрик заслужил это тем, что проявил смирение и великодушие: победив Святослава (отца поэта), он как старшему уступил ему Киевский стол.

Всеволоду Большое Гнездо, который был то другом, то врагом, достается лишь хлесткая ирония. Он и его брат Михаил получили Владимирский престол благодаря Белеховскому чуду (то есть подвигу Владимира). Всеволод женил Владимира на дочери покойного своего брата, но вскоре по вине Всеволода (и по воле Святослава) Владимиру пришлось с ним сражаться. Сжечь обозы Святослава и Владимира на реке Влене Всеволод *посуху* пустил «живых шереширов» (живой огонь обычно использовался на море). Поэт поминает это в тот момент, когда «шереширы» восстали против самого Всеволода. Столь же язвительно он напоминает Всеволоду о его походе на Волжскую Болгарию, участником которого был и сам, и о новгородской монетке ногате, за которую якобы можно было купить раба-половца, если б Всеволод пришел на помощь. Но все помнят, что по две ногаты новгородцы в 1169 году продавали суздальцев, а Всеволод — князь владимирский и суздальский.

Мне представляется, что этого достаточно для атрибуции.

Личность автора столь глубоко и отчетливо оттиснута в веществе поэмы, что текст многократно указывает нам на своего творца.

Мы знаем не одно, а три имени автора «Слова»:

1) Ходына (прозвище или псевдоним);

2) Владимир Святославич Черниговский (княжеское имя);

3) Борис Михайлович (христианское имя). Л. В. Войтович указывает, что в Любецком синодике этот князь назван (в паре с княгиней Евдокией) Борисом/Владимиром Святославичем (позиция 20)[88].

Д. С. Лихачев не боялся гипотез, поскольку знал, что информация в конечном счете порождает ее осмысление. Двадцать пять лет назад он попросил меня написать для юбилейного издания Пушкинского Дома статью о рифмах «Слова» и сфрагиде автора :

— Важно, чтобы ваша статья появилась *в нашем* сборнике.

---

[88] *Войтович Л.* Княжа доба на Русі: Портрети еліти. Біла Церква. 2006. С. 404–405.

О смысле этого его высказывания (удивившего и потому запомнившегося) я стал догадываться, когда полемика об атрибуции Ходыны как автора «Слова» попала на страницы «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“». Но атрибуция эта не моя, а переводчика А. Г. Степанова.

Я же только выстроил аргументацию.

Александр Георгиевич Степанов (12. V. 1907, Тифлис — 8. III. 1988, Москва) был тифлисским армянином и печататься начал под псевдонимом Степанэ. Как литератор он дебютировал в 1934 году русскими переводами Галактиона Табидзе. Человек Российской империи, он, влюбившись в «Слово», несколько десятилетий его переводил (первая публикация перевода 1967 год, новая редакция — 1985). Как человек не только русской, но и кавказской христианской культуры, он не мог не заметить, что имя Ходыны в конце «Слова» — это безусловная сфрагида, то есть личная печать автора. Однако открыть и самому же корректно обосновать собственное открытие — два разных дела. Степанов резонно полагал, что данное место испорчено переписчиком, и в конце концов реконструировал его так: «Реку Бояново, Ходына, Святославов песнотворец, — написанное Ярославу в старые времена Олега-князя в хартии». С текстологической и исторической точки зрения такое чтение уязвимо (Ярослав до крамол Олега Гориславича не дожил), но общий смысл угадан верно.

Андрей Платонов — не только великий русский писатель, но и профессиональный инженер, — в 1930-х высказался, мол, скольких же открытий человечество лишилось только потому, что они не были до конца додуманы. Согласимся: мы обязаны додумывать за наших учителей и предшественников, ведь каждое следующее поколение, как утверждал Натан Эйдельман, старше предыдущего на одно поколение. (Значит, будем надеяться, что кто-то додумает и за нас.)

Или, как любил повторять Валентин Берестов, каждая правильная идея должна пройти три инстанции, три стадии ее восприятия: 1. Чушь собачья. 2. В этом что-то есть. 3. Да кто же этого не знает.

Мы же повторим за иноком Лаврентием:

Радуется купец прикуп сотворив,
и кормчий в отишье пристав,
и странник в отечество свое пришед,
так же радуется и книжный списатель
конца книгам <дошед>...

ВТОРОЕ ИМЯ РЕКИ КАЯЛЫ

На бреге быстрой Каялы...

Слово о полку Игореве

Полагали, что Каяла (так называют эту реку и «Слово», и Ипатьевская летопись) — поэтическое имя реки *Суда и Скорби* (от глагола «каять»). Но в 1929 году М. Фасмер указал, что по-тюркски *kaja* — утес, скала, а *kajalū* — скалистый[1]. Так песнотворец XII столетья сталкивает *поэтическую этимологию* с иноземным названием этого гидронима: *...кають кънязя Игоря, иже погрузи жиръ во дънѣ Каялы рѣкы половецькыѣ, русьскаго злата насыпаше.*

Поскольку подробности события могут указать на его место, начнем с реконструкции *обстоятельств происшествия.*

Весной 1185 года на реке Каяле впервые за сто лет борьбы с Половецким Полем русские князья попали в плен к степнякам. Если вслед за автором «Слова» считать с начальной стычки в пятницу, то битва продолжалась три дня и закончилась доселе невиданной на Руси военной катастрофой. За четыре десятилетия до Калки, где соединенные русско-половецкие войска будут разбиты монголами, история преподала Киевской Руси урок, смысл которого понял лишь один человек — автор «Слова о полку Игореве».

Инициаторами похода, а значит, и виновниками своего поражения, стали младшие Ольговичи — Игорь и Всеволод Святославичи. Это не было неожиданностью. Их дед Олег первым из русских князей начал приводить половцев на Русь и «выковывать мечом распрю».

ПОХОД ИГОРЯ. СВОДКА СВИДЕТЕЛЬСТВ

По Ипатьевской летописи поход удельного новгород-северского князя Игоря Святославича (1151–1202) начался во вторник 23 апреля 1185 года. Это день святого Георгия Победоносца. Игорь, получивший при крещении имя Георгий, выступил в Поле в этот день, ибо уповал на помощь своего небесного покровителя. Был тут и некий патриархальный нюанс:

---

[1] *Бобров А. Г.* Каяла // *ЭСПИ.* Т. 3. С. 33.

в Юрьев день принято на Руси впервые после зимы выгонять в поле скотину и коней.

С Игорем пошли его брат Всеволод (князь курский и трубчевский), племянник Святослав Ольгович из Рыльска и сын Владимир из Путивля, а Ярослав Всеволодич Черниговский дал Игорю Ольстина Олексича с ковуями (отрядом местных тюрков, «своих поганых»).

Автор «Слова» говорит, что в Поле Половецкое Игорь «поехал по чистому полю». Это выражение легко принять за поэтический штамп. Но это не так: с юга Русь от Поля отделяет Донецкий кряж, гористая и поросшая лесами местность. По северной его границе течет Северский Донец, чей левый берег луговой, низкий. Из описанной в «Слове» картины следует, что по нему и пошел Игорь. При приближении Игоря половцы «неготовыми дорогами» побежали на юг, «к Дону», и Гзак поспешил им на выручку из-за Дона с юго-востока.

На берегу Донца под вечер 1 мая (согласно астрономическим расчетам в 3 часа 25 минут по киевскому времени) Игорь увидел «солнце, стоящее, как месяц». Он спросил у дружины, что может означать затмение, и получил ответ: «Не на добро это знамение». Игорь возразил: «Тайны Божьей никто не знает...» Форсировав Северский Донец, князь подошел к Осколу (видимо, в среднем его течении, ведь в устье были уже кочевья половцев) и двое суток ожидал идущего из Курска Всеволода.

Ценой этой задержки и будет гибель русских полков на Каяле.

Из Ипатьевской летописи (в переводе):

> ...Переправился через Донец и, пойдя к Осколу, ждал там два дня брата своего Всеволода: тот шел из Курска иной дорогой. И оттуда пошли[2] к Сальнице. Здесь приехали к ним разведчики, которых посылали ловить языка, и сказали: «Видели врагов, они в доспехах разъезжают. Либо не медлите и поезжайте, либо возвратимся домой: не наше сейчас время».

Пошли к Сальнице, где встретили разведчиков. Решили не медлить и *ѣхаша чересъ ночь*. (По Лаврентьевской летописи братья встретились «у Переяславля», но имеется в виду не город, а восточная граница этого княжества.) По Ипатьевской:

> ...Наутро же, в пятницу, в час обедни, встретились с полками половецкими. <...> И когда приблизились к реке Сюурлию, то выехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле на русских, ускакали. Еще не успела русь переправиться

[2] В *Ипат.* читаем: *и оттуда поидоша к Салнице*, но в Хлебниковском списке *воидоша* – вышли. Так и по Татищеву: *пришли к реке Салнице* (с. 494 наст. изд.).

через Сюурлий, как обратились в бегство даже те половецкие полки, которые стояли далеко за рекой.
Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями и стрелками бросились их преследовать, а Игорь и Всеволод двигались медленно, держа строй своих полков. Передовые русские избивали половцев и брали пленных. Половцы пробежали через вежи свои, а русские, достигнув веж, захватили полон. А другие с пленниками лишь ночью вернулись к своим полкам. И когда собрали всю добычу, обратился Игорь к братии своей и к мужам своим: «Это Бог силою своей даровал нам победу и честь, и славу. Но видим мы бесчисленные полки половецкие — а все ли половцы уже собрались? Так поедем же сейчас, ночью, а кто утром пустится нас преследовать, то не все догонят: лишь лучшие из половецких конников переправятся [через реку], а сами мы — как Бог даст». И сказал Святослав Ольгович дядьям своим: «Далеко гнался я за половцами, и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». И поддержал его Всеволод, и предложил заночевать здесь. И сказал Игорь: «Да не трудно, братья, догадаться, что и умрем здесь». И заночевали на том месте.

А вот как рассказывает о роковой пятнице автор «Слова»:

Поутру в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, умчали красных девок половецких, а с ними злато, и паволоки, и драгоценные оксамиты. Покрывалами, и плащами, и кожухами начали гати мостить по болотам и топким местам — и всякими нарядами половецкими. Червленый стяг, белая хоругвь, червленый бунчук, серебряный жезл — храброму Святославичу! Дремлет в поле Олегово храброе гнездо — далеко залетело. Но не было оно рождено на обиду ни от сокола, ни от кречета, ни от тебя, черный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь указывает к Дону Великому.

Итак, половцы, пустив через Сюурлий «по стреле», бежали за гору (гора упомянута у Татищева). Их преследовали Святослав, Владимир и Ольстин. Игорь и Всеволод следовали за ними *помалу*. К ночи передовые части вернулись с трофеями и пленными. Игорь предложил немедленно отходить, но Святослав сказал, что коням нужен отдых.

Всеволод поддержал Святослава, и решено было ночевать на месте.

Скажем о противниках Игоря. Это Гзак (Кза) — сын Беглюка, глава союза донских половцев Бурчевичей. В 1169 году вежи (кочевые кибитки) этого вождя кочевников были захвачены братом Игоря Олегом Святославичем. Его союзник Кончак Отрокович — сын Атрака (Отро́ка), внук Шарукана, первого из половцев, пришедшего на Русь в 1068 году и угрожавшего ее южным границам почти четыре десятилетия.

Ипатьевская летопись:

Когда же рассвело в субботу, то проступили полки половецкие, стоявшие, словно лес. И не знали князья русские, кому из них против кого ехать — так много было половцев. И сказал Игорь: «Ведаю, что собрали мы на себя всю землю Половецкую — Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, и Колобича, и Етебича, и Тертробича». И тогда, посовещавшись, сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донца, ибо говорили: «Если ускачем — спасемся сами, а простых людей оставим, а то будет грех перед Богом, коли уйдем, а их выдадим. Но либо умрем, либо все вместе живы будем». И сказав так, сошли с коней и двинулись с боем.

«Слово»:

На другой день рано поутру кровавые зори рассвет возвещают, черные тучи с моря[3] идут, хотят закрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дона Великого! Тут копьям преломиться, тут саблям притупиться о шеломы половецкие — на реке на Каяле, у Дона Великого. О Русская земля! Ты уже за Шеломенем! Это ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги глаголят: половцы идут от Дона и от моря[4], и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи преградили червлеными щитами.

Здесь автор «Слова» переключает свое внимание на Всеволода:

Яр тур Всеволод! Стоишь в обороне, сыплешь на воинов стрелами, гремишь о шеломы мечами харалужными. Куда, тур, поскачешь, своим златым шеломом блистая, там лежат поганые головы половецкие. Расщеплены саблями калеными шеломы аварские тобой, Яр тур Всеволод! И кляня раны, дорогие братья, забыл он почести и жизнь, и го́рода Чернигова отчий злат престол, и своей милой жены прекрасной Глебовны любовь и ласку...

О Всеволоде (ок. 1155–1196), который через два года вернулся из половецкого плена, тот же Ипатьевский летописец скажет в некрологе, что он был *во Олговичехъ всихъ удалье, рожаемь и воспитаемь, и возрастомь, и всею добротою, и мужъственою доблестью, и любовь имѣяше ко всимъ* (стб. 696).

Итак, русские спешились. Правда, если верить «Слову», Всеволод со своим конем не расстался. Но почему главный удар принял именно Буй Тур? Со слов Ипатьевского летописца мы знаем, что в пятницу Ольговичи построились в таком порядке: в центре — Игорь, слева Святослав, справа — Всеволод. А впереди — полк Владимира Игоревича, ковуи и

[3] Здесь «море», судя по географическому контексту, — Азовское.
[4] И тут речь об Азовском море.

сводный полк лучников. Если до этого шли по левому берегу Донца (пусть и на некотором удалении), а в субботу повернули к нему и впереди оказался Всеволод, то перегруппировку Игорь не производил.

Более суток русские пробивались к Донцу. Всеволод их вел.

Ипатьевская летопись указывает: Игорь еще до сражения был ранен стрелой в левую руку (значит, и впрямь повернули направо):

> Тогда Божьим попущением ранили Игоря в руку, и омертвела его левая рука. И была печаль великая в полку его: был у них воевода, а ранили его прежде других. И так ожесточенно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в русских полках.
>
> Настала субботняя ночь, но все еще шли они, сражаясь. На рассвете же в воскресенье вышли из повиновения и бежали ковуи. Игорь в то время сидел на коне, ибо ранен был, и поспешил к ним, желая возвратить их. Но заметив, что он слишком удалился от своих, сняв шлем, погнался вновь за бегущими, чтобы те узнали князя и вернулись. Но не возвратился никто, только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся. <...> Когда уже приблизился Игорь к своим полкам, перехватили его на расстоянии полета стрелы от полка его. И схваченный Игорь видел брата своего Всеволода, крепко бьющегося, и просил для себя смерти, чтобы не видеть гибели брата своего. Всеволод же так бился, что не успевал менять [ломавшегося] оружия. И сражались, обходя озеро.

Как сообщает Лаврентьевская летопись, «от жажды и кони, и сами изнемогли. Изнемогая от зноя и отчаянья, немногие пробились наконец к воде, а то ведь три дня (на деле два. — *А. Ч.*) их к воде не подпускали». То есть степняки отрезали русских от воды, и ратников мучила жажда. В «Слове» тема жажды прозвучит в рассказе Святославовых бояр о поражении Игоря («А мы уже, дружина, жаждем веселья»), и в плаче Ярославны, которая упрекнет солнце в том, что оно «в поле безводном жаждой им (воинам ее мужа. — *А. Ч.*) луки иссушило».

Почему, если идешь по берегу реки Каялы, нельзя напиться?

Авторы Ипатьевской (пространной) и Лаврентьевской (краткой) версий описывают одну и ту же ситуацию: если Каяла — «скалистая», то русские шли над крутым обрывом, а внизу, за неширокой рекой, в тростнике, скрывались половецкие лучники.

Окружение и в самом деле было полным, хотя из-под берега кочевники атаковать не могли. В «Слове» сказано: «Гзак бежит серым волком, Кончак ему след правит к Дону Великому». «Править след» — указывать направление. Значит, половцы, проведав об экспедиции Игоря, уговорились соединиться и дать сражение «у Дона». Игорь идет к Дону с северо-запада. Гзак, выдвигаясь от предгорий Кавказа, уже форсировал Дон и «бежит» навстречу Игорю. С юго-запада от Азовского моря поспешает Кончак, который

рыскал той весной между Днепром и Донцом где-то у Лукоморья (Северное Приазовье). Именно там в 1184-м Святослав Киевский взял в плен Кобяка и его сыновей, и теперь Кончак прибирал Лукоморье к рукам.

Посланные за языком Игоревы «сторожа» видели разведку Кончака, идущего на соединение с Гзаком. Сторожа сообщили, что заметили половцев «при доспехах». Князья решили оторваться от Кончака и углубиться в Поле. Шли ночь форсированным маршем. Кончак, спешащий наперерез, отстал на день, а Гзак еще не подошел с юго-востока, и потому у Сюурлия половцам ничего не оставалось, как бежать, бросив вежи и увлекая русских навстречу Гзаку. Иначе получается, что бежавшие в пятницу половцы каким-то образом зашли в тыл к русским, или Гзак с Кончаком промахнулись и теперь догоняют Игоря. Однако Лаврентьевская летопись сообщает:

> А остатки битых тех [половцев] бежали к войскам своим, куда прежде весть посылали, и поведали им о погибели своей. Те же, услыхав, пришли к ним, и за другими послали.

В пятницу, после первой победы русские похвалялись:

> А теперь пойдем следом за ними за Дон (! — *А. Ч.*) и перебьем их всех без остатка. Если же и тут одержим победу, то пойдем вслед за ними и до Лукоморья, куда не ходили и деды наши, а славу и честь свою всю возьмем до конца.

Это свидетельство, почему-то не попавшее в поле зрения тех, кто считает, что битва произошла где-то у северного побережья Азовского моря, не оставляет сомнений в замысле Игоря: его путь — на Дон. И только оттуда — к Лукоморью.

Если русские сразу пошли бы в Лукоморье, Дон был бы дальше.

А он — ближе. Сказано же: «На реке на Каяле у Дона Великого». Да в Лукоморье князья и не могли принять решение пробиваться «вокруг озера» к Донцу, ведь до него была бы не одна сотня километров.

Значит, верен только левобережный вариант маршрута с одной переправой через Северский Донец и броском к Осколу. Это путь к рекам Белой Калитве и Быстрой. И Донецкий кряж, выходящий на левобережье Донца (Караул-гора у города Белая Калитва), если смотреть с Быстрой, оказывается уже северней.

Что такое «море», о котором упоминают и автор «Слова», и Ипатьевская летопись: *А прочии в морѣ истопоша...* (А прочие в море утонули)?

А вот «Слово»: *дъва сълньца помъркоста, оба багряная стълпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца Олегъ и Святъславъ тъмою ся поволокоста <...> и въ морѣ ся погрузиста и великое буиство подаста хынови.*

Но тот же Ипатьевский летописец свидетельствует, что битва происходит «на реке Каяле», а сражаются русичи, «обходя озеро». Не упоминает о море и Лаврентьевская летопись (только о «воде», к которой пробились русские и у которой они дали последний бой). Поэт же «озера» просто не заметил. Для него битва «на реке на Каяле, у Дону Великого».

«Утонуть в море» и «погрузиться в море» — две идиомы, означающие смерть. Сравним с чешским заклятием, записанным в XV веке: «пойти к Велесу за море». И еще: *Тако же и море житиисское*: *ови мало въ немъ явивъшеся и потопишася, ови же на большее время пребывше, такоже погрузишася...* (Кормчая Варсонофиевская, XIV век)[5]. Переведем: «Так и море житейское: кто на малый срок на нем явится, —потонет, а кто на большее время задержится, — также <в пучину> по-грузится». Это символический, поэтический язык. Когда же речь о земной реальности, Ипатьевский летописец говорит: «И сражались, обходя озеро». Лаврентьевская летопись: «А к воде не давали им [русским] подойти».

Таким образом, «море», в котором утонули русичи, — это результат прозаического чтения поэтического текста.

Чуть северней реки Белой Калитвы (ее часто называют без эпитета) заканчивается разнотравье и начинаются типчаково-ковыльные степи. До Лукоморья — несколько дневных переходов. Вряд ли половцы предполагали, что Игорь идет «поискать Тмутороканя». Однако, зная скорость передвижения войска по степи, они высчитали, где реально соединиться и встретить русских.

Вечером в пятницу Игорь еще думал продолжать движение на юг, к Дону. Понимая, что в погоне от Сюурлия к Каяле его передовые полки устанут, он форсировал Каялу, чтобы сократить авангарду обратный путь. Надо думать, Игорю не хотелось повторять утренний сценарий, когда половцы, обстреляв русских из-за реки (по ветру с левого высокого берега), ушли в степь, и догонять их пришлось до вечера.

Игорь не придал значения этим утренним стрелам и перешел свой Рубикон. Теперь сзади — крутой берег, спереди — орды кочевников, выше — немилосердное степное солнце. Когда же Игорь повернул свои полки вправо и стал пробиваться к Донцу, Каяла оказалась по правую руку. Правда, Ипатьевский летописец утверждает, что в ночь на субботу Игорь уговаривал брата и племянника немедленно отступить. Но это означает, что князь понял опасность уже после того, как переправился через Каялу.

---

[5] *СССПИ*. Вып. 4. С. 108.

Переправа через невеликую эту реку стала роковой ошибкой Игоря. Утром в субботу он первым из всего войска был ранен в левую руку. (Полки повернули вправо, и Игорь стоял к врагу левым боком.)

Ранить князя могли только стрелой. Если б войска сошлись врукопашную, у ратников просто не было бы времени скорбеть об уязвленном в шуйцу Игоре. Автор «Слова» тоже не говорит об обстоятельствах этого ранения, но, описывая приближение степняков, дважды упоминает о летящих с юга половецких стрелах: «Идти дождю стрелами с Дона Великого!..», «Это ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги глаголят: половцы идут...». Позже Святослав Киевский устами автора «Слова» произнесет: «...стреляй, господин, Кончака, поганого кощея, за землю Русскую, за раны Игоревы...», а Ярославна будет укорять ветер: «О Ветер-Ветрило! Зачем, господин, веешь навстречу? Зачем несешь хиновские стрелы на своих легких крылышках на воинов моего мужа? Мало ли тебе, будучи вверху, под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Поэт не был участником похода. Это видно по тому, как он описывает конкретную топографическую ситуацию. Он знает, что к Каяле половцы подошли «от моря» (Кончак) и «от Дона» (Гзак). Но тут же утверждает, что дувший во время битвы *насильно* (то есть навстречу) ветер прилетел и с моря, и с Дона: *чьрныѣ тучѣ съ моря идуть... ити дождю стрѣлами съ Дону Великаго*; *се вѣтри Стрибожи вѣнуци вѣють съ моря стрѣлами, на храбрыѣ пълкы Игоревы*. Море — это на юго-западе. Но ветер не может одновременно дуть в противоположные стороны.

Поскольку шли на юг или юго-запад, прорубаясь сквозь ряды врагов, «насильный» ветер опасен не был. В ближнем бою от длины полета стрелы мало что зависит. Беда была в том, что дул именно боковой восточный ветер. Он и принес роковую стрелу.

Итак, Игорь форсировал Каялу, а теперь пробивается в сторону Донца, чей левый берег порос дубравами, а по правому — взгорья Донецкого кряжа. Бросок к Донцу по левому берегу Каялы — единственно возможный путь отступления. Иначе — неминуемая гибель на переправе через Каялу. Разумеется, всегда можно найти приемлемый спуск и перейти неширокую речку, но, если враги поджидают тебя и на другом ее берегу, не успеешь перестроиться для отражения их атаки и примешь бой по пояс в воде.

Всю субботу половцы наседали. Русские не дрогнули и стали их теснить, двигаясь, как сообщает Ипатьевский летописец, «вокруг озера». В «Слове» об озере ничего не сказано, но свидетельство летописца задает

азимут: поскольку в Поле русские пришли по левому берегу Северского Донца, то Донец справа от них.

На рассвете в воскресенье обратились в бегство ковуи.

По всей видимости, в ночь на воскресенье Гзак с Кончаком сменили тактику. Они осознали слабость Игорева строя и, видя, что русские хотят пробиться к Донцу, пошли на хитрость: расступились, оставляя между собой коридор и создавая иллюзию, что Кончака можно обойти. Гзак атаковал ковуев, прикрывавших Всеволода с напольной стороны, и те кинулись в ловушку. Клещи стали сжиматься, и теперь правый фланг Кончака встретил ковуев, которым ничего не оставалось, как повернуть к югу. Но там — левый фланг Гзака. Мышеловка захлопнулась, и лишь десяток беглецов смогли проскочить между Кончаком и Гзаком и ушли в степь. Об этом в «Слове»:

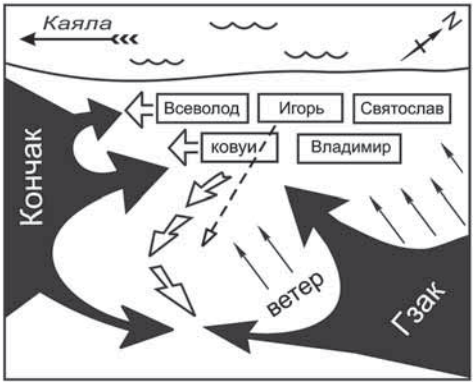
> С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья харалужные в поле неведомом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями засеяна и кровью полита, скорбью взошел тот посев по Русской земле. Что мне шумит, что мне звенит давеча рано пред зорями? Игорь полки поворачивает, ибо жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы. Тут кровавого вина не хватило, тут пир закончили храбрые русичи — сватов напоили, а сами полегли за Русскую землю. Никнет трава от жалости, и дерево в печали к земле склонилось.

Когда дрогнули ковуи, раненый Игорь поскакал наперерез беглецам, пытаясь их возвратить: «Игорь полки возвращает: жаль бо ему мила брата Всеволода...». Чтобы его узнали, князь снял шлем. Он понимал, что, если ковуи покинут поле боя, левый фланг брата будет оголен, и Гзак сбоку атакует бьющегося с Кончаком Всеволода.

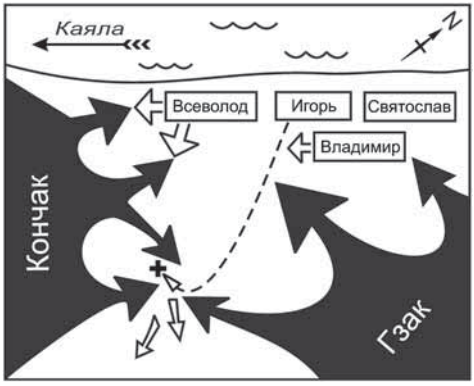
Игорь решается на отчаянный рейд. И перехватят его на обратном пути не потому, что за ним специально охотились, а потому, что Кончак в это время двинул вперед свой правый фланг. Последнее, что видел схваченный Игорь, — «крепко бьющегося Всеволода» (видимо, тот поспешил на выручку брату, но не поспел).

Из обстоятельств пленения Игоря также следует, что в субботу русская рать, не меняя описанного Ипатьевским летописцем начального своего построения, повернула вправо, и правый фланг (полк Всеволода) стал авангардом, а полк Святослава — арьергардом. Игорь, прикрытый спереди Всеволодом, сзади Святославом, а слева ковуями и Владимиром, находился вне контакта с противником. (Поэтому автор «Слова» о его подвигах и не рассказывает.)

Если бы построение русских было иным, Игорь, возвращаясь из погони за ковуями, не смог бы увидеть, как дерется Всеволод. Следовательно, Кончак стоял против Всеволода, а Гзак атаковал полки Святослава Рыльского, ковуев и Владимира. Так, кстати, и должно было произойти, поскольку Гзак подошел с юго-востока, а Кончак с юго-запада.



Бегство ковуев и рейд Игоря Святославича



Пленение Игоря

Летописец сообщает, что цель одиночного рейда Игоря — вернуть ковуев. Автор «Слова» описывает ту же ситуацию, но у него иная и, надо заметить, весьма проницательная мотивировка. Всеволод и так «стоит в обороне» против Кончака, но, раз ковуи побежали, его и в самом деле *жаль*: теперь по левому его флангу ударит Гзак.

Мнение автора «Слова» о том, что битва длилась три дня, — ключ к тактическому пониманию произошедшего. Если первая стычка в пятницу была началом решающего сражения, значит, Гзак и Кончак, которым не хватило дня до соединения друг с другом, переиграли Игоря, кинув ему «трофеи» в виде незащищенных веж. Отменная наживка оказалась насаженной на хорошо выкованный крючок.

Единственный за три дня битвы ратный поступок находящегося во втором эшелоне Игоря — его одиночный рейд наперерез бегущим ковуям. Больше Игорь просто ничего не успел предпринять. Он расставил полки так, что сам был обречен на фактическое неучастие в битве. Это значит, что автору «Слова» просто нечего поведать потомству о ратных подвигах Игоря на Каяле. Лаконизм высказывания поэта о действиях Игоря (всего одна фраза!) показывает, что стихотворец вник в тактические детали сражения основательнее, чем его современники-летописцы, и глубже, чем историки и комментаторы его поэмы. Героем битвы на Каяле был не Игорь, а его брат Буй Тур, которому и воздает по заслугам щедрый поэт. Удивительно, что Всеволод после бегства ковуев и пленения Игоря, продолжая движение вправо по берегу «озера», сумел продержаться до полудня (то есть еще не менее шести часов).

То, что оставшаяся без воеводы дружина Игоря вступила в бой лишь после бегства ковуев, подтверждает и Лаврентьевский летописец:

> И сошлись стрельцы, и перестреливались три дня, а копий не преломляли, ожидая подкрепления. А к воде не давали им [русским] подойти. И подошло к ним [половцам] все их огромное войско. Наши же, увидев их, ужаснулись и похвальбу свою забыли, ибо не ведали сказанного пророком: «Вотще и мудрость, и мужество, и хитрость, если Бог противится». От жажды и кони, и сами изнемогли. Изнемогая от зноя и отчаянья, немногие пробились наконец к воде, а то ведь три дня их к воде не подпускали[6]. Видя то, устремились на них враги и к воде прижали. И крепко бились, и лютая была битва.

Этот отрывок, который не принято цитировать из-за кажущегося его противоречия Ипатьевскому рассказу, показывает, что Лаврентьевская повесть написана, видимо, со слов кого-то из чудом спасшихся дружинников Игоря. С утра пятницы по воскресное утро дружина Игоря в бой не вступала. Прикрытая с трех сторон другими полками, она шла по

[6] Из этого мотива трехдневной битвы и трехдневной жажды, очевидно, и возник не подтверждающийся текстом Ипатьевской летописи рассказ о трехдневном веселье русских на захваченных половецких вежах.

высокому берегу, но к воде подойти не могла. Когда же берег понизился, измученные жаждой ратники бросились к реке.

Здесь Игорев полк и дал свой последний «лютый» бой.

КАЯЛА. ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ

Литературовед Б. М. Гаспаров утверждает, что автор «Слова» предельно мифологизирует поход Игоря и под его пером ни один из элементов текста не остается равнозначным своему внепоэтическому смыслу[7]. Так и Н. С. Демкова полагает, что поэт не описывает мужества Игоря во время битвы, ибо Всеволод — «эпический двойник» и, соответственно, заместитель Игоря[8]. Увы, оба этих изящных построения — плод кабинетной мифологизации поэтического текста.

О. В. Творогов пишет, что Шеломя — «древнерусский топографический термин, обозначающий холм, возвышенность»[9].

Но все-таки — *холм* или *топоним*?

Когда реальность описана зорким и внимательным современником, у нас есть шанс различить, где устоявшиеся фольклорные обороты (Дунай как вообще река, или «море» в значении озера), а где топонимы (Шеломя, Каяла, Лукоморье).

Загадочное Шеломя упомянуто в Ипатьевской летописи под 1151 и 1184 годами. В первом случае речь о битве Юрия Долгорукого где-то на Малом Рутце и Великом Руте (Рут — приток Роси), во втором — о том, как русские, «перейдя Хорол» и после «взойдя на Шеломя», высматривали, не идут ли половцы: «Кончак же стоял в луговой части, и его обошли, пройдя по Шеломени». Значит, Шеломя (во всяком случае, в летописях и в «Слове») — не вообще холм или холмы, а Донецкий кряж, протянувшийся по правому берегу Северского Донца на 370 километров (высшая точка 367 метров), и продолжающая его Приднепровская возвышенность, доходящая до Киева. Рут и Хорол находятся на западной оконечности этой гряды, река Каяла — на восточной, а посредине — гора Кременец («Изюмский курган»), отождествленная с Шеломенем еще в 1821 году П. Г. Бутковым[10].

---

[7] *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. См.: *ЭСПИ*. Т. 2. С. 16–17.

[8] *Демкова. Н. С.* Проблемы изучения «Слова о полку Игореве». Ереван, 1980; *Творогов О. В.* Демкова // *ЭСПИ*. Т. 2. С. 103.

[9] *Творогов О. В.* Шеломя // *ЭСПИ*. Т. 5. С. 228.

[10] Там же.

Итак, Шеломя — поросшая широколиственными лесами гористая гряда, разогнутой подковой отделяющая Южную Русь от Поля. (Так воспетый в *ПВЛ* Оковский лес отделяет Северную Русь от Южной.) По Шеломеню русские в 1184 году обошли Кончака. И именно к Шеломени, держа курс на Донец, станут во время решающей битвы пробиваться полки Игоря, ведь в горах половецкая конница малоэффективна.

Геологически Донецкий кряж заканчивается километрах в двадцати восточнее Северского Донца на левом берегу реки Быстрой. Но по летописи В. Н. Татищева, в пятницу половцы осыпали русских стрелами и «отступили от реки за гору», а самая высокая восточная точка Шеломени — Караул-Гора при впадении Белой Калитвы в Донец.

Средневековые ратники ходили в походы не по картам, а по ориентирам. И мышление идущего было азимутным, то есть строго горизонтальным и пунктирным. В лесу человека вели звериные тропы, а ориентирами служили засечки на деревьях, в поле — горки, излуки и урочища, то есть любые естественные маяки. На первых страницах *ПВЛ* сказано, что по Варяжскому (Балтийскому) морю можно доплыть до Рима. Что, конечно, справедливо, только при этом надо выйти в Атлантику, а потом войти в Средиземное море. Именно такое *пунктирное* отношение к маршруту мы обнаруживаем и в «Слове о полку Игореве».

Ипатьевский летописец ограничивается формальной последовательностью рек: 1) Донец; 2) Оскол; 3) Сальница; 4) Сюурлий; 5) Каяла.

Уже из пунктов 1 и 2 понятно, что Игорь идет по луговому берегу Донца, и, поскольку в летописи говорится лишь про одну переправу через Донец, значит, мы должны отвергнуть те варианты маршрута русского войска, которые уводят нас в сторону азовского Лукоморья.

Б. А. Рыбаков и М. Ф. Гетманец считают, что «Великим Доном» автор «Слова» называет Северский Донец[11]. И забывают, что и в Ипатьевской летописи говорится о затмении солнца не на берегу Дона, а на берегу Донца, причем имя реки упомянуто даже дважды.

И именно к Донцу (а не к Дону) станут пробиваться полки Игоря в роковую субботу (так по той же Ипатьевской летописи).

Отличает Донец от Дона и автор «Слова»: перед побегом на Русь «Игорь князь путь измеряет от Великого Дона до Малого Донца».

Лаврентьевский летописец приводит слова князей, сказанные после первого боя: «Пойдем за половцами на Дон, а оттуда в Лукоморье».

---

[11] *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991; *Гетманец М. Ф.* По пути князя Игоря // Наш девиз — поиск. М., 1987. С. 37–56.

С Донца можно пойти на Дон, а потом выйти к Азовскому морю. (Если б под «Доном» имелся в виду Донец, то летописец должен был написать: «Пойдем за половцами в Лукоморье, а оттуда на Дон».) Потому-то Донец в «Слове», в Ипатьевской и татищевской летописях — Донец, а Дон и есть Дон. Летописи подтверждают лишь *левобережную версию* похода Игоря в Нижнее Подонцовье. (И только в Лаврентьевской говорится, что летом 1185 г. половцы, воюя на Руси, отошли за Дон. Только тут Дон — Донец.)

Вспомним, как поэт приступает к рассказу о походе: «Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, что стянул свой ум крепостью и изострил его мужеством сердца, исполнился ратного духа и навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую». Это не метафора кузнечного дела, как принято считать, а метафора натягивания лука: Игорь сначала стягивает «крепостью» свой ум (натягивает лук), после заостряет ум мужеством сердца (пальцы правой руки, держащей стрелу, оказываются напротив сердца), исполняется ратного духа (вдох и задержанное перед выстрелом дыхание) и «наводит полки на землю Половецкую» (лучник прицеливается).

Начинается поход в Новгороде-Северском, где трубят трубы, собирая Игорево войско, и в Путивле, где стоят стяги Владимира Игоревича. А ориентиры маршрута: 1) Сула (за которой уже ржут половецкие кони); 2) «широкие поля» и дубравы на низменном берегу Малого (Северского) Донца (хотя само имя этой реки прозвучит только при возвращении Игоря из плена); 3) Шеломя; 4) река Каяла у Дона; 5) и «великие поля» на рубеже «безводного поля».

Это рассекающий Поле Половецкое путь к Дону по левому берегу Северского Донца. Пройдя его, и в самом деле можно «поискать града Тмутороканя», то есть выйти в Причерноморье. И автор не стесняется многократно повторить, что цель похода — «Великий Дон», а еще Тмуторокань, где некогда княжил Олег Святославич, предок Игоря.

Если следовать по ориентирам «Слова», уточняя детали по летописям, то путь Игорева войска лежит строго на юго-восток.

Пройдем по тексту еще раз.

1. Игорь говорит: «Да позрим синего Дону», «Хочу искусить Дона Великого», «Хочу копье преломить о конец (о край) Поля Половецкого», «Хочу <...> испить шеломом Дона».

2. Див «велит послушать» Волге, Поморью, Посулью, Сурожу, Корсуню, тмутороканскому истукану (это восточные и южные соседи).

3. Половцы бегут от Игоря «неготовыми дорогами к Дону Великому», а Игорь «к Дону воинов ведет». К ночи на пятницу Игорь подошел к Шеломени и Сюурлию. Гзак из задонских степей спешит наперерез

русским, Кончак «ему след правит (указывает путь) к Дону Великому». В пятницу половцы отступают к югу (по Татищеву — «за гору»), русские их преследуют. За пятницу Игорь и Всеволод *помалу* дошли от Сюурлия до Каялы, а Святослав Ольгович углубился в Поле и только к ночи вернулся с добычей (так по Ипатьевской летописи).

4. Об утре субботы говорится: «Идти дождю стрелами с Дона Великого». Битва начинается «на реке на Каяле у Дона Великого», и Автор еще раз подчеркивает, что Русская земля осталась за Шеломенем. Половцы окружают Игоря, идя с востока «от Дона» (Гзак) и с юго-запада «от моря» (Кончак подходит со стороны Азовского моря). Войска сошлись «в поле незнаемом среди земли Половецкой», и уже к полудню в воскресенье «два брата разлучились на берегу быстрой Каялы».

5. После поражения Игоря дева Обида «в стане внука Даждьбога» вступает «на землю Трояна» не где-то, а «на синем море у Дона», ибо Игорь насыпал русского злата «на дно Каялы, реки половецкой».

6. Бояре говорят Святославу Киевскому, что Игорь с Всеволодом пошли «поискать града Тмутороканя, либо испить шеломом Дону». (Дон впадает в Азовское море, а южней его устья находится на Таманском полуострове город Тмуторокань.) Уточняется, что поражение произошло «на реке на Каяле».

7. Ярославна собирается омочить шелковый рукав в Каяле-реке и в «поле безводном» утереть Игорю кровавые раны.

8. В плену Игорь находится где-то южнее Дона, у моря. Его путь на Русь лежит «от Великого Дона до Малого Донца» (до Северского Донца). Князь и бежит с Дона «к лугу Донца» (то есть к левому низменному его берегу).

9. Судя по диалогу с Донцом, Игорь возвращался на Русь вдоль этой реки (тем же путем он шел в Поле), а в конце пути переплывает на другой берег. А по летописи, бежав в некую пятницу, Игорь через 11 дней приходит в город Донец (то есть за день он проходил около сорока километров), а оттуда направляется в Новгород-Северский.

Исследователями предложены разные варианты локализации Каялы. Перечислим известные версии[12]:

1) река Кагальник, приток Дона (Карамзин, Беляев, Семенов, Семенов Тянь-Шанский, Глухов, Баскаков);

2) приток Кагальника (Новиков);

---

[12] см.: *Бобров А. Г.* Каяла // *ЭСПИ*. Т. 3. С. 31–32.

3) река Айдар, левый приток Северского Донца (Арцыбашев);

4) река Быстрая, левый приток Северского Донца (Афанасьев);

5) река Калитва, левый приток Северского Донца, впадающий в него чуть выше реки Быстрой (Стеллецкий);

6) река Калалы, приток Егорлыка, который впадает в реку Маныч, являющуюся, в свою очередь, самым нижним левым притоком Дона (Ковешников);

7) река Кальмиус или ее приток река Кальчик, впадающие в Азовское море с севера, где, как считается, в 1223 году произошло первое столкновение соединенных русско-половецких сил с монголами (Бутков, Броневский, Багалей, Кудряшов);

8) река Берда, впадающая в Азовское море с севера (Григорович);

9) река Самбок, впадающая в Азовское море с севера (Зотов);

10) река Миус, впадающая в Азовское море (Тиньков, Гетманец);

11) река Казенный Торец в среднем течении Северского Донца (Ваденюк);

12) река Макатиха в среднем течении Северского Донца (Сибиллов, Кудряшов, Гетманец, Сумаруков, Махновец);

13) река Каменка в среднем течении Северского Донца (Кудряшов);

14) Ложников овраг в среднем течении Северского Донца (Грум-Гржимайло);

15) река Мокрые Ялы в бассейне Днепра (Лонгинов, Рыбаков);

16) река Кривель в бассейне Днепра (Федоров);

17) район реки Самары в бассейне Днепра (Рыбаков, Плетнева);

18) овраг Скелеватый в бассейне Днепра (Рыбаков);

19) река Орелька, впадающая в Орель, которая, в свою очередь, является левым притоком Днепра (Корж);

20) река Казинка в междуречье Северского Донца и Оскола (Андриевский);

21) река Хахлань или река Холка в междуречье Северского Донца и Оскола (Иванов);

22) река Малая (Крайняя) Балаклейка в междуречье Северского Донца и Оскола (Гойгел-Сокол, Беликов, Сафонов, Пядышев);

23) река Гнилица в междуречье Северского Донца и Оскола (Гойгел-Сокол).

24) междуречье Ольховатки, Россоши и Черной Калитвы (Поливанов)[13].

---

[13] *Поливанов А. М.* «Восточная» гипотеза о месте битвы Игоря с половцами // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 3. Донецк, 2003. С. 431.

Итак, перед нами следующие варианты: Поморский, Верхнедонский, Среднедонский, Нижнедонский, Орельский, Самарский, Верхнедонецкий, Среднедонецкий, Нижнедонецкий.

Нам нужна река с высоким и скалистым южным (или восточным) берегом. Возможно, в паводок она образует озеро. «Слово» задает жесткие условия поиска: ищем в Поле Половецком на берегу «скалистой» реки, протекающей по краю «поля безводного». Каяла — левый приток Северского Донца. Находится она где-то «у Дона Великого», но севернее его.

Условия Ипатьевской, Лаврентьевской и татищевской летописей: ищем междуречье Сюурлия и Каялы (в поперечнике менее одного дневного перехода), находящееся на левом берегу Северского Донца ниже Оскола и северней Дона. При этом до Сюурлия прошли Сальницу (расстояние — полдня и ночь пути), а прямо у Сюурлия находится Шеломя (в переводе/пересказе Татищева — «гора»).

Летописи и «Слово» приводят нас к одной и той же топографической точке. Артефакты Каяльского побоища надо искать в Нижнем Подонцовье, на рубеже «поля безводного», на левом берегу излуки реки Быстрой (ниже поселка Жирнова). Тут заканчиваются холмы Донецкого кряжа («О, Русская земля, ты уже за Шеломенем!») и начинается безводная Донская степь.

Условиям, заданным «Словом» и летописями, удовлетворяет лишь одна версия: Каяла — это река Быстрая (№ 4 — Афанасьев).

Владимир Александрович Афанасьев (1873–1953) — военный историк, профессор, с 1912 года полковник Генерального штаба. До 1917 года — член Русского военно-исторического общества и кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года, автор книг и брошюр по военной истории. В 1930–40 годах его статьи выходили в «Военно-историческом журнале» и «Военно-историческом вестнике». Статья о походе Игоря на Каялу «Вероятный путь князя Игоря Святославича на половцев. Критическое исследование похода по летописям и „Слову о полку Игореве“» появилась в «Историческом журнале» в 1939 (№ 6. С. 45–56).

При этом историк рассматривал не левобережный, а правобережный вариант маршрута.

Анализируя его версию, А. Г. Бобров пишет:

> По мнению Афанасьева, начальный этап похода проходил по маршруту *Путивль — Белополье — Сумы — Белгород — Хотомля — Изюм*, где у переправы дружину застало солнечное затмение 1 мая 1185 года. 2 и 3 мая южнее Изюма (против устья Оскола) Игорь Святославич ждал Всеволода, а 4 мая началось наступление в направлении нижнего Дона мимо реки Сальницы (Сольницы), с которой Афанасьев отождествляет реку Тор. Оценивая дневной переход конного войска

с обозом в 40 верст в день (1 верста — около 1070 м), Афанасьев предложил искать реку Сюурлий (Суугли) в 220–240 верстах от устья Оскола (они могли быть пройдены за 6 дней с 4 по 10 мая). Исследователь полагал, что река Сюурлий — это река Должик, приток реки Каменки в 20 верстах к востоку от Ровеньков, а за 11–12 мая дружина Игоря была оттеснена на 80 верст к востоку в направлении Северского Донца, переправилась через него и потерпела поражение в междуречье реки Белая Калитва и реки Быстрая, в которой Афанасьев видит Каялу. Существенным недостатком концепции Афанасьева является предположение о том, что дружина Игоря была «умышленно завлечена половцами» в течение второй битвы на 80 верст в глубь половецких степей[14].

Однако при всей уязвимости реконструкции (скорее, это путь Владимира Мономаха в 1111 году) военный историк, видимо, правильно указал на реку Быструю, хотя вышел к ней другим путем и полагал, что битва произошла на правом берегу Быстрой.

Сделаем несколько уточнений.

Если половцы и заманили Игоря в глубь степей, то не во втором, а в первом сражении. Кроме того: а) нигде не говорится, что Игорь дважды переходил Донец; б) именно к Дону Кончак «правит след» (указывает направление) Гзаку, и от Дона идут на русских «черные тучи» половцев; в) путь в 80 верст можно пройти за полтора дневных перехода, но не во время двухдневной битвы (да еще с переправой через Донец).

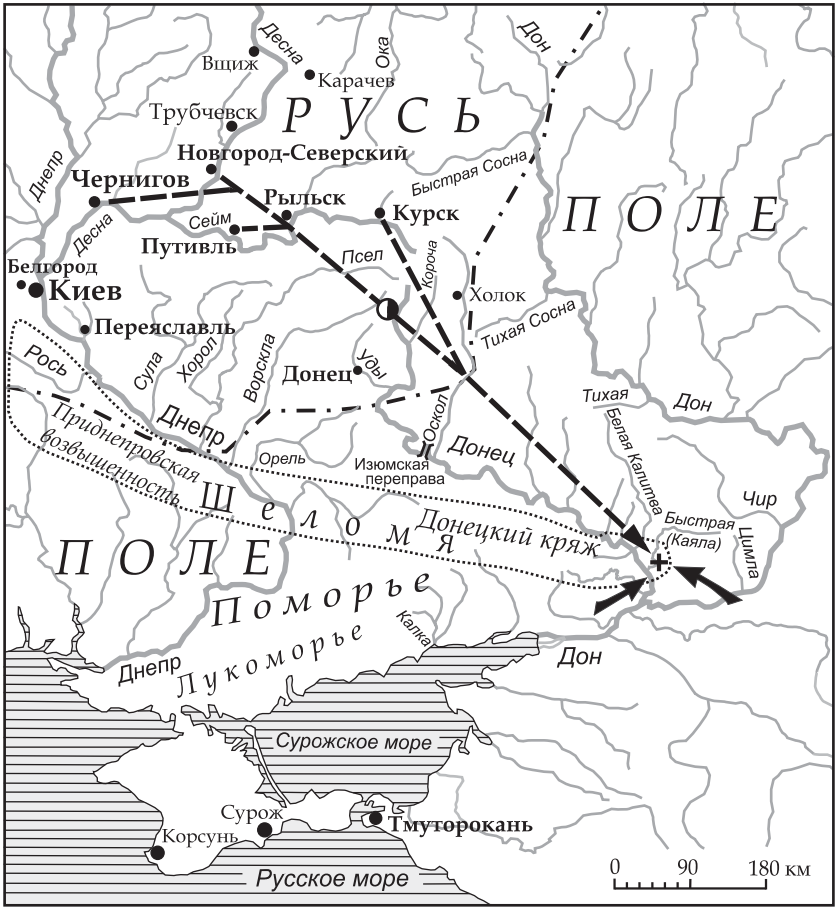
При этом все варианты, утверждающие, что разгром Игоря завершился в воскресенье 5 мая, заведомо ошибочны. В этих местах от Донца до Оскола минимум 50 км (в среднем более 70), а, значит, Игорь пришел на место встречи не раньше вечера четверга. И там два дня (четверг и пятницу или пятницу и субботу) ждал Всеволода.

Но в пятницу с утра русские, как известно, уже сражались.

Итак, Игорь перешел на левый равнинный берег Донца. Где находилась Сальница, спорят и сегодня[15]. Но это должен быть не правый, а левый приток Донца, иначе Игорю пришлось бы форсировать Северский Донец дважды. А это крайне нелогично да и противоречит всему, что мы знаем о дальнейшем маршруте Игоря. Путь из Новгорода-Северского к Каяле по левому берегу Северского Донца оказывается не просто прямой линией, но той самой «стрелой», которую князь «навел на землю Половецкую». Автор «Слова» превращает технические достижения своего времени в метафоры. В 1184 году Святослав Киевский захватил басурманина с машиной, изрыгавшей «живой огонь». В «Слове» это

[14] *Бобров А. Г.* Афанасьев // *ЭСПИ*. Т. 1. С. 78.

[15] См.: *Бобров А. Г.* Сальница // *ЭСПИ*. Т. 4. С. 263–267.



Поход Игоря и Всеволода Святославичей 23 апреля — 12 мая 1185 г.

◑ — место наблюдения Игорем затмения солнца (1 мая)

откликается «живыми шереширами»-Глебовичами, а гигантский лук-самострел (другой трофей Святослава того же 1184 года) оборачивается Игоревым замыслом идти в Поле *за многие реки* кратчайшей дорогой.

После Змиева (железная дорога Харьков — Красный Лиман) Северский Донец подходит к Донецкому кряжу и, повернув вдоль него на юго-восток, омывает его северные и северо-восточные склоны вплоть до слияния с Доном. Правый берег Донца гористый, на большом протяжении одет широколиственными, преимущественно дубовыми лесами. Левый берег, за небольшим исключением

(начало Изюмской луки), пологий, занят лугами, старицами и пойменным лесом (осокорь, вяз, дуб, ольха); поодаль, вплоть до Красного Лимана, протянулись сосновые леса. Ширина реки от 30–35 м в начале маршрута увеличивается до 60–80 м в конце, русло преимущественно песчаное, довольно много пляжей. <...> На первой половине маршрута с каждым новым десятком километров река становится живописнее (исключение составляет небольшой участок ниже Изюма), достигая апогея в районе Святогорья, где высокий правый берег с выходами гранита и величественными соснами напоминает пейзажи южного берега Крыма, а *луговое раздолье левого берега с привольно стоящими дубами-великанами вызывает ассоциации со «Словом о полку Игореве»*[16].

Присоединимся к мнению профессионального путешественника: дубравы, овраги и поля — это пейзаж левобережья Северского Донца.

Итак, Ипатьевский летописец ничего не напутал: Игорь пошел именно по левому (низкому) берегу Донца, ведь путь по гористому правому берегу труден для конницы.

РАСЧЕТ СКОРОСТИ. ДВА ВАРИАНТА

Готовя это издание, я уточнил по электронной карте Яндекса этапы Игорева похода. Расхождения с тем, что четыре года назад получалось у меня по бумажным советским картам (см. *Чернов*. С. 255—294) есть, но они незначительны, а потому непринципиальны.

Вариант первый. Полагают, что Игорь форсировал Донец на Изюмской переправе. От Новгорода-Северского до Изюма по прямой 420 км.

С утра 23 апреля по вечер 1 мая в день преодолевали по 50 км.

(Это — «медленно»? Да еще на «раскормленных конях»?..)

От Изюма до устья Оскола 12 км преодолели за вечер. С утра 4 мая по вечер 10 мая войска шли не шесть (как указывает А. Г. Бобров[17]), а семь дней. По прямой от устья Оскола до устья Белой Калитвы 280 км.

На этом втором этапе похода средний переход — 40 км.

Владимир Мономах в своем «Поучении» похвастался: «А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни». Это значит, что 140 километров он преодолевал в один день. Но с такой скоростью можно передвигаться, только меняя коней (в одиночку или с малым числом хорошо подготовленных спутников).

---

[16] *Воронов Ю. Б.* 100 избранных маршрутов для путешествий на байдарке. М., 1993. Сх. 93.

[17] *Бобров А. Г.* Афанасьев // *ЭСПИ*. Т. 1. С. 78.

Напомню, что в среду 1 мая Игорь увидел затмение на берегу Донца и тут же форсировал реку. (От Изюма до устья Оскола прошли еще до темноты.) Два дня (то есть 2 и 3 мая) Игорь ждал Всеволода, который шел из Курска. Оттуда 4 мая в субботу вместе двинулись к Сальнице. А «в пятницу» (по Ипатьевской летописи и «Слову») — первый бой с половцами.

Летописец не говорит, когда перешли Оскол. И какая-то Сальница, по некоторым спискам «Книги Большому чертежу» (1627), впадала в Северский Донец где-то ниже Оскола.

Но пусть, говоря о двух днях ожидания, летописец имеет в виду вечер среды 1 мая и 2 мая. Тогда к Сальнице (если это Сальница близ Изюма) вышли 3 мая, потом получили сообщение от разведчиков и шли всю ночь (чего половцы, как выяснится, не ожидали). Однако 4 мая — это уже суббота. А нам нужна пятница. Значит, надо прибавить еще шесть дней, чтобы выйти к Сюурлию. После предупреждения разведчиков Игорю было уже не до дневок. За семь дней он должен был углубиться в степь еще на километров на 300. Но тогда совершенно нелогичным оказывается решение от Изюмской Сальницы идти «через ночь» (то есть всю ночь). И значит, речь о какой-то другой пограничной Сальнице.

Да и столь стремительный бросок из Новгорода-Северского к Донцу противоречит летописному рассказу. Ипатьевский летописец говорит о начале похода: «И так двинулись они медленно, на раскормленных конях, собирая войско свое». Это чрезвычайно ценное свидетельство. Если бы в походе принимали участие пешие ратники, летописцу незачем было бы говорить о «раскормленных конях». Следовательно, даже «черные люди» Игорева ополчения были на лошадях[18]. Но все же ежедневный переход в 50 километров (да еще без дневок!) нельзя назвать «малым». (Согласно учебникам тактики XIX века, это норма конного «усиленного марша».) Придется допустить, что летописец ошибся, сообщив, что сначала шли медленно, а потом быстро.

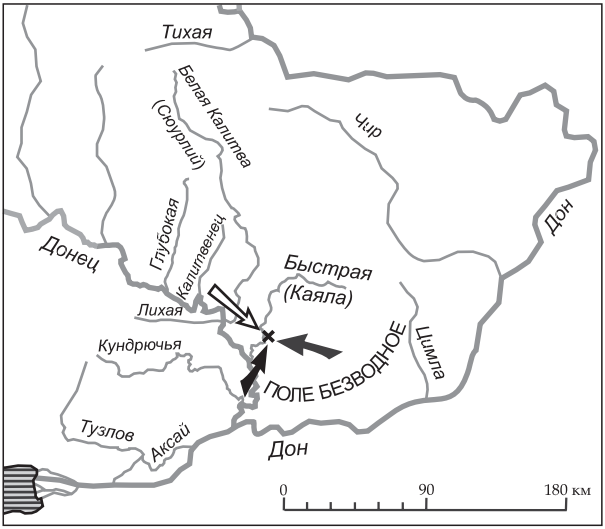
Итак, вариант броска к Изюму критики не выдерживает.

Вариант второй. Другое дело, если Игорь шел не к Изюму (как принято считать лишь потому, что тут была переправа и принимаемый многими за «Шеломя» Изюмский курган), а к ближайшей точке Северского Донца (у села Бугровка). Тогда скорость на первом этапе похода уменьшается.

---

[18] Конным будет и поход 1191 года. Игорь и Всеволод попытаются взять реванш, и вновь окажется, что половцы предупреждены, русские снимутся в ночи и ускачут (а половцы, как отмечает летописец, кинутся за ними, но не догонят).

И указание летописца на то, что до Донца шли медленно, становится осмысленным и информативным.



Утро 11 мая. Место битвы на Каяле

От Новгорода-Северского до Донца 317 км (или 269, если под Донцом понимать его приток реку Уды, на которой стоял город Донец).

С 23 апреля по 1 мая — более 8,5 дней пути. Скорость — 30—35 км в день. Затмение придало решимости. От Уды (или от нынешнего Северского Донца) до Оскола шли вдвое быстрей 125 (или 80) км вечер 1, день 2 и 3 мая. К Осколу вышли чуть ниже впадения в него речки Верхняя Двуречная, то есть почти там, где С. А. Плетнева в начале 1960-х обнаружила приграничные русские городища (См. *ЭСПИ*, т. 4, с. 118—119). Но Буй Тур пришел в назначенный срок, а потому его ждали вечер 3 и всё 4 мая. (В этой ситуации похвальба Всеволода про то, его кони оседланы перед Курском, звучит в устах поэта горькой иронией.) 5 мая в воскресенье двинулись в полном составе. У Сальницы были 9 мая и шли ночь до Сюурлия. Так мы выходим к междуречью Белой Калитвы и Быстрой.

Если Каяла — Быстрая, то Сюурлий — Белая Калитва, а Шеломя — Караул-гора в устье Белой Калитвы. Сальница же, от которой до Сюурлия ночь пути, — Калитвенец или река Глубокая.

Пусть Сальница — это Глубокая. От Оскола до Глубокой 240 км. Средняя скорость — 50 километров в сутки, то есть шли в день часов по десять. От Глубокой до Калитвы 55 км — полдня и ночь пути.

(Для сравнения: в 1245 году русские войска в один день прошли около 65 километров от Холма до Люблина[19].)

В 1915 году казаки проходили в день и больше: «...писал, что ходили за Карпаты, в Венгрию, три недели разыскивали свой 20-й полк, переходы делали по семидесяти верст...» (*Федор Крюков*. «Душа одна»).

От Калитвы до Быстрой 20 километров прошли за день *помалу*. (Юные князья гнались за половцами, старшие шли следом, не спеша.)

Указанные летописцем скорости передвижения корректны.

«Помалу» — до 35 км в день. Быстро — по 50 км.

По той летописи, с которой работал В. Н. Татищев, Игорь потерпел поражение «во вторую неделю Пасхи».

Ошибочность этой датировки заметил еще В. В. Капнист. (Но не заметил Б. А. Рыбаков.) Второе воскресенье по Пасхе — 28 апреля, однако затмение случилось лишь 1 мая. Речь может идти только о четвертом, включая пасхальное, воскресенье (третье мы уже отвергли: см. с. 432).

Б. А. Успенский пишет, что южные славяне поклонялись «Стари богу». В русском изводе это «Николин Батька». Его поминают накануне Николы Весеннего (8 мая, поскольку 9 мая по старому стилю — перенесение мощей Святого Николая). Но «в Купянском уезде Харьковской губернии „Николин батька“ празднуется <...> после Николы вешнего»[20], то есть 10 мая. Ну а в «Слове» Стрибожьи внуки (не сам Стрибог!) будут веять стрелами соответственно на день позже — 11 мая.

(Еще одну поэтическую датировку поражения Игоря см. на с. 111.)

Итак, Каяла — река Быстрая. Сумма информации о Каяле в летописных источниках и в «Слове» столь велика, что иная непротиворечивая локализация этой речки просто невозможна.

СЮУРЛИЙ ЗНАЧИТ ВОЛОК

Тюрколог Н. А. Баскаков среди прочих дает и такой вариант:

> Так название р. Сюурлия могло происходить от полов. глагола sùjre- «тащить, волочить», sùjrew «волочение, волок» аффикс обладания или наличия -li > sùjre-w-li «река с волоком»[21].

---

[19] *Кудряшов К. В.* Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 55.

[20] *Успенский*. С. 43.

[21] *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 114.

Белая Калитва — самый длинный и полноводный левобережный приток Северского Донца (ее длина около двухсот километров). Эта река течет параллельно Быстрой, но совсем на нее не похожа. Калитва до XX века была судоходной, а значит, говорить о порогах на ней не приходится. При устройстве в верхнем течении Калитвы волоков можно выйти в речку Тихую, а по Тихой спуститься в среднее течение Дона между станицами Мигулинской и Вешенской.

Зачем волочить ладьи на себе, когда куда приятней на них плыть? Да затем, что если идешь по Дону, а выйти надо к Таганрогскому заливу, экономия составит около двухсот пятидесяти километров, а если надо попасть на Северский Донец выше Калитвы и дальше плыть вверх по его течению, — более четырехсот пятидесяти.

Ради такой экономии стоит попотеть, волоком таща ладьи из Тихой в Калитву верст десять или двенадцать.

Параллельный путь мог существовать лишь в двухстах километрах выше по течению Дона: поднимаясь по его притоку Тихой Сосне (обратим внимание на перекличку не только функций, но имен двух «тихих», то есть непорожистых и относительно глубоких речек), можно дойти до верховий Оскола, и уже по нему спуститься в Северский Донец.

Калитва — важнейшая артерия между Доном и Северским Донцом. А если так, то в ее устье (на территории нынешнего города Белая Калитва) и должна была возникнуть некая «таможня», а потом город[22]. Это также говорит в пользу локализации богатого Шаруканя в устье Белой Калитвы, но, увы, археологических разведок здесь не проводилось.

Битва Игоря произошла несколько южнее, чем полагал Афанасьев, — не в междуречье Быстрой и Калитвы, а на левом, скалистом берегу Быстрой. То есть «...на реке на Каяле у Дона Великого».

Быстрая — самый южный из притоков Северского Донца. Реки к востоку от нее (Чир и Цимля), облегая обширную возвышенность, впадают в Дон, чей правый берег также высокий. На северной границе этого известнякового (и потому безводного) плато и должно лежать «озеро», по южному берегу которого русские пытались пробиться к Северскому Донцу. По левому берегу Донца они шли в Поле, по правому хотели возвратиться.

Игорь Святославич вернется из плена по луговому берегу Донца. Потому-то диалог Игоря с Донцом и включен в «Слово».

---

[22] Вот и название Сальницы, текущей где-то поблизости, происходит, как полагают, от древнетюркского *salih* — пошлина, по́дать (*ЭСПИ*. Т. 4. С. 265). Видимо, другая таможня была близ Изюмской переправы, и там другая Сальница впадала в Северский Донец на правом его берегу.

В «Слове» некое «поле» близ Дона названо «безводным», а из летописи известно, что во время битвы русские страдали от жажды. Значит, мы можем предположить, что южный берег искомого «озера» — высокий и обрывистый. Также на этом берегу должна быть горка, с которой Игорь Святославич собирался руководить боем и на которой он был ранен первой же половецкой стрелой.

В Ростовской области вода в небольших реках поднимается в марте-апреле на 1,5–2 метра, а еще полвека назад уровень воды в Быстрой был и летом на два метра выше, чем теперь. Кто-то из спасшихся, то есть переплывших Каялу участников похода, принял за озеро ее разлив по низкому правому берегу. Заметим, что о береге озера говорит только летописец. Автор «Слова» местом битвы называет берег Каялы. Но как раз левый берег Быстрой — высокий (до 25 метров над водой).

Н. А. Баскаков замечает:

> Господствующая в настоящее время и общепризнанная многими тюркологами, и в том числе в последней работе К. Менгеса, принятая ранее этимология названия реки Каялы от слова qaja «скала» + аффикс обладания — ly/-li > qaja-ly «скалистая, порожистая» представляется вполне возможной, хотя эпитет «скалистая» может быть приложен с точки зрения тюркской семантики этого слова только к берегу реки, а не к самой реке, а следовательно, можно сомневаться в истинности этой этимологии[23].

Но именно этот оттенок смысла (не просто «скалистая река», но «река с обрывистым скалистым берегом») как нельзя лучше подходит к реке Быстрой.

Далее Н. А. Баскаков пишет, что название реки Каялы могло произойти и от других основ, например от половецкого qyjyγ ~ qyjyγ, ср. тур., тат. qyjyq ~ qyjyγ ~ qyjy «берег реки, край, предел, узкая полоса берега между скалами и рекой, оторочка, место, находящееся в непосредственном соседстве» + аффикс обладания -ly/-li > qyjyγly «с узкой полосой берега между скалами и рекой» > рус. Каялы > Каяла, или от основы qyjy ср. тат., каз. qyjyγ «искривление, изгиб, кривой, косой, извилистый» + аффикс обладания -ly/-li > qyjyγly «извилистая, с изгибами».

И хотя ничего удивительного тут нет (где крутые скалы — там и крутые виражи), это тоже штрих к индивидуальному портрету Быстрой, ведь она отличается от всех южных притоков Донца и Дона тем, что делает несколько почти замкнутых петель.

---

[23] «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 243.

Левый берег Быстрой напротив поселка Жирнов

Собственно, это все, что осталось от некогда существовавших в ее нижнем течении «озер». Пройдя виражи, река в десяти верстах от устья вновь поворачивает к Донцу. И если Игорь пробивался к Донцу по левому берегу Быстрой, которая по весне на некоторых участках становилась похожей на озеро, то, огибая излучину, войска Игоря действительно шли «вкруг озера». Вспомним, что еще в ночь на роковую субботу Игорь уговаривал брата, сына и племянника немедленно уходить восвояси:

> Так поедем же сейчас, ночью, а кто утром пустится преследовать нас, то разве все смогут? Лишь лучшие из половецких конников переправятся, а нам самим — уж как Бог даст.

Разумеется, имелась в виду переправа через Донец, а не Каялу, которую накануне с ходу форсировали и половцы, и русские. Значит, даже в половодье на Каяле были броды. И потому обратный бросок через нее бессмыслен: впереди еще Сюурлий, за ним тот же Северский Донец и только после — его лесистый (то есть спасительный) правый берег.

Мы не знаем, как далеко было до Донца. Но подсказка в том, что отвечал Игорю Святослав Ольгович: «Далеко гнался я за половцами, и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». Святослав Рыльский знал, что отстанет до переправы и утром половцы нагонят его еще на левом берегу Донца. Следовательно, русские находились не в устье Быстрой, а километрах в двадцати-тридцати от нее. Именно здесь самое узкое место междуречья Быстрой и Калитвы, здесь начинается крутая излучина Быстрой. И здесь, как рассказывают старики, река еще

в середине XX века разливалась в паводок «насколько глаз хватало» (судя по перепаду высот на карте, это на пять-шесть километров).

Паводковые озера на левом берегу Быстрой существуют и сегодня, однако только выше хутора Михайлова (несколько северней поселка Жирнов): Круглое, Старое, Бурлацкое, Соленое...

Но Ярославна не зря именует место пленения Игоря «безводным полем»: Дон, Северский Донец, Быстрая, Цимла и Чир обтекают каменное плато, диаметр которого около ста километров.

Рек на плато нет. На правобережье Дона это самое сухое место.

ОСКАЛ КАЯЛЫ

Тюркское название типа «Кайла» распространено в Поволжье и на Урале (откуда и пришли половцы). На русский это можно перевести как «Каменка»[24]. Значит, Быстрая — не перевод с иноплеменного и не позднейшее, а изначальное имя. Монголы пришли сюда в XIII, половцы в XI, а русские в X веке, когда эти земли вошли в состав Тмутороканского княжества. Но русские поселения существовали здесь и при половцах, и при татарах. Одно из них на правом берегу Северского Донца (как раз напротив междуречья Калитвы и Быстрой) открыто в 2000 году[25]. Оно существовало с конца XII (!) до конца XIII века. Полагаю, здесь и должны были поселить русских пленников. После кого-то выкупили родичи, кто-то сбежал или умер. А кто-то прижился, поскольку степняки нуждались в услугах ремесленников. Так что древнее русское имя Каялы вполне могло сохраниться до прихода в эти места казаков.

Поскольку автор «Слова» пишет «темным стилем», у него есть возможность сообщить нечто такое, что могут понять лишь современник да исследователь.

И тут нам особенно интересны три случая темного стиля Автора:

1. Во время побега из плена Игорь по созвучию с собственным именем обращается в горностая: *а ИГОРЬ князь поскочИ ГОРЬнастаемъ...*

2. Если верить Ипатьевской летописи, то Лавр ждал Игоря с конями на другом берегу реки Тор. (Есть правый приток Северского Донца с таким названием, однако Игорь бежит от Дона к Донцу, и, значит, этот

---

[24] Благодарю за это указание С. Л. Николаева.

[25] *Прокофьев Р. В.* Раскопки древнерусского поселенья на Северском Донце: Предварительные итоги // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2005. С. 110–119.

Тор и надо искать где-то на Дону.) В словах о том, что Игорь и Овлур «загнали своих борзых коней», имя реки явственно просвечивает сквозь глагол *преТЪРгоста* (загнали).

3. В поэтическом тексте внутри одного слова может оказаться другое или даже два. Когда автор «Слова» сообщает нам о поражении Игоря, в глаголе «закончили» (*доКОНЬЧАША*) звучит и слово «чаша» (из которой пьют кровавое «свадебное» вино), и отчество Кончаковны (речь ведь о «сватах», а Владимир Игоревич был помолвлен с Кончаковной, видимо, еще до похода). И как Игорь насыпал «русское золото» «на дно Каялы, реки половецкой», так и поэт под видом эпитета утопил в тексте древнерусское имя Каялы: «*Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрыѣ Каялы...*» («Тут два брата разлучились на берегу *БЫСТРОЙ КАЯЛЫ*».)

Быстрая — древнее название. И автор «Слова» его знал.

Во второй половине апреля 2004 года сюда и направилась разведка нашей Каяльской историко-археологической экспедиции[26]. Нашей целью было найти поле, на котором половцы разбили князя Игоря.

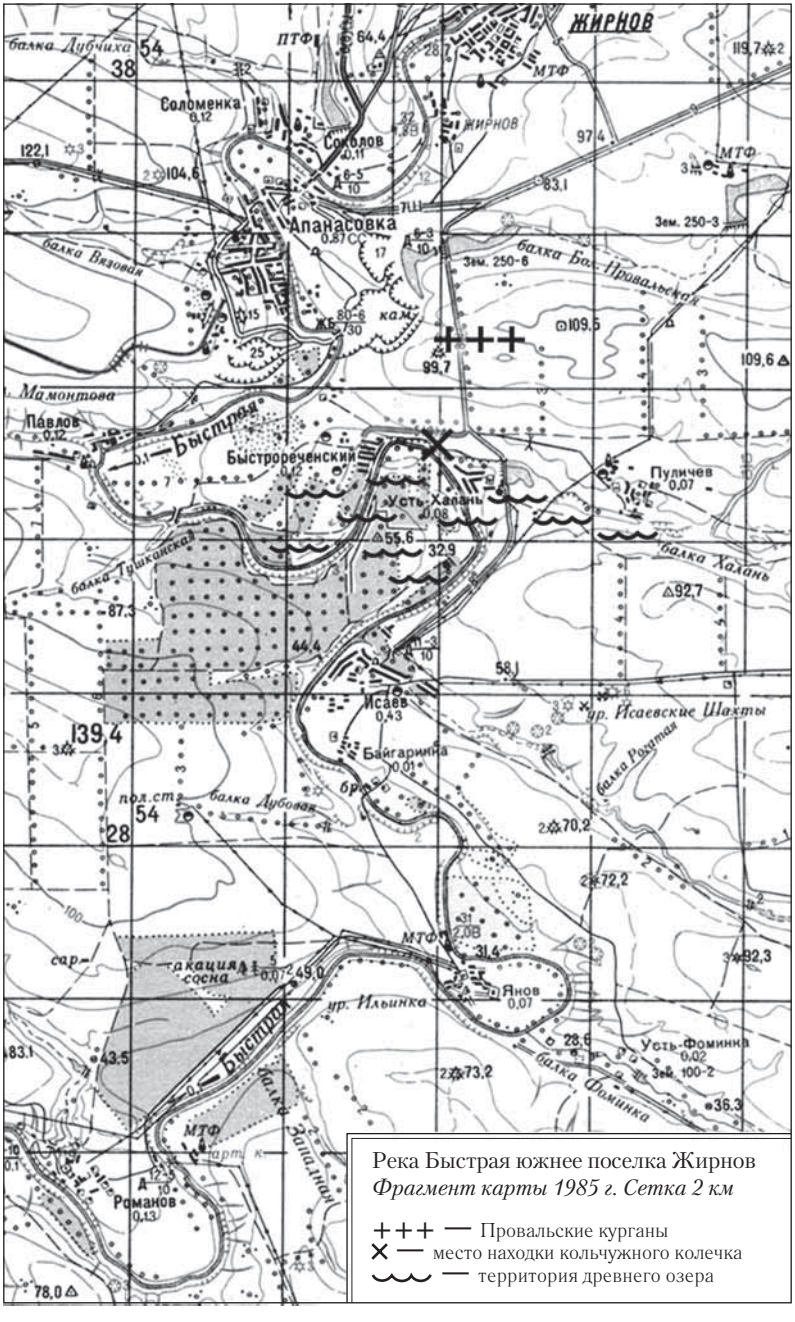
Средства — магнитный мониторинг (три металлоискателя).

Древний пейзаж поселка Жирнова и его окрестностей обезображен до неузнаваемости: каяльские кряжи были использованы в строительстве Волго-Донского канала, десятки миллионов тонн пустой породы передвинуты бульдозерами, сотни миллионов тонн известняка вывезены. Крупных карьеров всего три. Но каждый тянется на сотни метров, и на его территории могло уместиться место субботней битвы. Карьерами уничтожены именно самые мощные и ровные (а потому удобные для места сражения) каяльские «скалы». Почва и грунт с них здесь же, в отвалах.

Первое, в чем мы убедились своими глазами, — в том, что Быстрая то разливается (отсюда и ее петли, оставленные бывшими «озерами»), то превращается в стремительный поток, напоминающий о течении горных речек. И сегодня, когда река обмелела и кое-где почти уже превратилась в ручей, ее уровень у хутора Михайлова 33 метра по Балтийской шкале, а в устье, у впадения в Донец, лишь 12 метров. По прямой это около 35 километров. Выходит, среднее падение уровня Быстрой более полуметра

---

[26] Экспедиция была организована Фондом имени Д. С. Лихачева при поддержке студии веб-дизайна Артемия Лебедева, предпринимателя Николая Коблякова и «Новой газеты». Разрешение на проведение изыскательских работ дано администрацией Тацинского района Ростовской области (согласовано с Ростовской областной инспекцией охраны памятников и Полевым комитетом Института археологии РАН). В состав разведки входили московские поисковики Константин Смольников и Влад Мурашов, петербургский реставратор Антон Дубашинский и автор этих строк.



Река Быстрая южнее поселка Жирнов
Фрагмент карты 1985 г. Сетка 2 км

+++ — Провальские курганы
× — место находки кольчужного колечка
〰 — территория древнего озера

на километр, а на некоторых участках даже более метра. А у впадения в Донец Калитвенца (выше от устья Быстрой на пятьдесят километров) уровень зеркала воды лишь 19 метров. Но на то она и Быстрая, что в четыре раза стремительней Донца и в полтора раза резвее Калитвы.

Только у Исаева высокий и обрывистый левый берег Быстрой становится низким. Но Исаев — большой поселок. Он существует уже триста лет, и отыскать здесь следы сражения вряд ли возможно.

Полвека назад в марте-апреле подъем воды в районе поселка Жирнов был до трех метров. Но в середине мая, как здесь утверждают, вода могла стоять, «аки море», лишь в одном месте — близ хутора Усть-Халань.

Легче всего оказалось найти озеро: в северной его части на заплывшей песком котловине — сады плодопитомника «Зареченский». Под несколькими сантиметрами почвы — речной песок с ракушками. Озеро было обречено, ведь в этих краях не так уж редки песчаные бури. И до того как в XX веке были посажены лесозащитные полосы, песок после бурь (здесь говорят «*калмыцкая пыль*») мог замести двор по щиколотку. А весной, когда снег таял, ручьи текли в балки, а из балок мутные потоки заполняли котловину. Быстрая просто не справлялась переносить в Донец такое количество мутной взвеси, и при разливах дно котловины нарастало до тех пор, пока озеро не превратилось в заливной луг.

По краю этой котловины Быстрая и делает десятикилометровую излуку, на коей три почти замкнутых петли (близ Усть-Халани, Янова и Исаева). Излука — это большое «озеро», петли (они диаметром от километра до двух) — три малых. Самая большая петля — у Усть-Халани и Зареченского. Здесь в Быструю впадают сразу четыре балки: с востока Большая Провальская и Халань, с запада Большая Мамонтова и Тушканская. Две первых уходят в «поле безводное» на десятки километров и весной превращаются в полноводные реки. Чуть ниже по течению — три узких ущелья. Здесь после паводка вода держалась до лета.

В первый же день разведки у брода между Жирновым и Апанасовкой Антон Дубашинский поднимает наконечник железной стрелы (высота вместе с черенком 4,5 см). Продолжаем исследовать левый берег, спускаясь вниз по реке.

В третий день на мысу Быстрой и Халанской балки Влад Мурашов обнаруживает кованое колечко. Его диаметр 16 миллиметров, внутренний диаметр 11 миллиметров. В нескольких шагах от колечка — фрагмент подковы и полоски перетлевшего металла. Замечу, что здесь начинается «поле безводное»: на правом берегу Быстрой черноземы, а на левом — тонкий слой почвы, песок и глина. Под ними — скала. Любой крупный предмет за восемь веков тут должны были поднять.

Кольчужное колечко с Каялы.
Передано мною на хранение в Ярославский музей «Слова о полку Игореве»

В Москве, в лаборатории металловедения Института археологии РАН, Людмила Семеновна Розанова и Наталья Николаевна Терехова сделают металлографический анализ и подтвердят: да, стрела, и металл ее древний. Они же определят, что насквозь съеденное ржавчиной колечко — звено древнерусской кольчуги. И не простой, а весьма редкой и в свое время очень дорогой. Колечко сделано из кованого прута прямоугольного сечения 2,4–2,6×2 мм. Один конец прута был чуть шире, и потому место сварки хорошо читается. Два обрывка кольчуги (из тянутой и слегка прокованной проволоки) ранее были найдены в междуречье Быстрой и Калитвы у Северского Донца и сейчас лежат в витринах Белокалитвенского музея рядом с боевыми топорами и наконечниками копий.

Если поглядеть на колечко сбоку, оно напомнит латинскую букву «V». Когда-то по нему ударили клинком и звенья, с которыми это кольцо было скреплено, оказались разрублены. След от одного из них отчетливо читается под лупой в миллиметре от засечки, оставленной вражеским клинком. Значит, здесь, на мысу реки Быстрой и Халанской балки, в древности шел бой. Но тогда где-то поблизости должны находиться курганы, ведь погибших в сражении надо было похоронить (в противном случае половцы должны были бы сами уйти из этих мест, ведь такое побоище грозило эпидемией).

Курганы в Донецких степях еще со скифского времени устраивались по водоразделам полей (то есть так, чтобы их не размывало).

И действительно, в ближайшей от «озера» высокой точке — группа больших курганов — два десятка распаханных, четыре — нетронутые. На одном — вышка геодезического знака (отметка по карте 1985 г. 99,7 м).

О том, что это массовые захоронения, говорит, на мой взгляд, пологое проседание дерна вокруг вершины. Что ж, будем ждать, когда до Провальских курганов дойдут руки у профессиональных археологов.

Краеведы утверждают, что в начале XX века много находок было сделано на берегу Северского Донца между Быстрой и Белой Калитвой.

И это понятно: прорвавшиеся через окружение всадники, должны были выйти к переправе через Донец и здесь побросать (или зарыть до лучших времен) тяжелую амуницию и лишнее оружие.

НАЛЕТЕЛИ ВЕТРЫ ЗЛЫЕ ДА С ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ...

В Нижнем Подонцовье с марта по июнь дует сильный и практически постоянный восточный ветер. Здесь его зовут «ветрогон», «астраханец», «губатый». А еще — «калмыцкая пыль». Наша разведка работала под ним лишь неделю, но, когда солнце припекает, а ветрогон пронизывает, чувствуешь себя не в своей тарелке.

Калитва и Быстрая близ устья текут с севера на юг, и потому, перейдя на левый берег Быстрой и «обходя озеро», чтобы пробиться к Донцу, Игорь должен был приказать воинам спешиться. (А Ипатьевский летописец наивно рассудил, что князья убоялись бегства своих дружин.) Русские, «перегородив великие поля червлеными щитами», вели лошадей вдоль обрыва Каялы. Ведь коня щитом не прикроешь.

Здесь, в «поле незнаемом», где даже *дождь шел стрелами*, половцы более суток с безопасного расстояния расстреливали левый фланг пробивающегося к Донцу Игоря. Из-за восточного ветра луки степняков били куда дальше, чем Игоревы.

Татищев сообщает: *поганые, наскакивая, стрелы, яко град, пусчали...* О том же и в «Слове»: «Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого...»; «Это ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы...».

Вот и Ярославна станет пенять ветру на то, что он «веет навстречу» (в реальности — сбоку) и несет «хиновские стрелочки на воинов ее мужа», а солнце корить за то, что оно *расслабило* луки ее лады.

И только шедший в авангарде Всеволод оставался в седле. В ближнем бою восточные стрелы были ему не страшны.

Для меня эта экспедиция началась тридцать лет назад с гипотезы моего товарища и соавтора Александра Тархова о том, что Каяла — это Калка.

Спасибо за щедрую подонцовскую помощь Н. Б. Сулимовой, В. Г. Заярной, Любови Дуванской и всем преподавателям средней школы поселка Жирнова, учителям истории в школах хутора Исаев и поселка Шелоховский И. А. Шевакову и С. Н. Яицкову, директору краеведческого музея в станице Тацинской Д. Ф. Гречкину, Н. В. Черкасову и сотрудникам районной администрации, ростовским археологам Р. В. Прокофьеву, К. В. Синяпкину, М. В. Власкину, А. П. Орехову, а также В. А. Мамыркиной и Н. Ф. Беляеву.

ЯВЛЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПИРОГОЩЕЙ

Игорь едет по Боричеву
ко святой Богородице Пирогощей.

Слово о полку Игореве

В «Слове о полку Игореве» возвратившийся из половецкого плена Игорь Святославич держит путь к Богородице Пирогощей. Церковь со столь загадочным названием до середины 30-х годов прошлого столетия стояла на Подоле, у пристани. Значит, Игорь не въезжает в Киев, но покидает его[1]. Он получил от великого князя Святослава Всеволодича прощение за самовольный поход в Поле, получил и обещание помощи.

Тот, кто хоть раз прошел этой дорогой и знает крутизну Андреевского спуска (в древности он назывался Боричевым взвозом), тому не надо объяснять, что мы застаем новгород-северского князя в весьма неудобной для него позе: конь гарцует боком, а всадник наклонен и рискует покатиться с горы кубарем. Положение тела Игоря словно бы говорит о его раскаянии за содеянное. Этому раскаянию (а не одному лишь возвращению амбициозного князя) и радуются грады и веси Русской земли.

Посещение Игорем Пирогощей перед возвращением на Черниговщину может быть вызвано следующими причинами: 1) отъезд Игоря из Киева совпал с праздником Успения Богородицы (полагают, что Пирогощая была освящена во имя этого праздника); 2) князь просто едет в сторону своей земли. У пристани он должен пересесть с коня на свою ладью или же, переправившись на левый берег Днепра, продолжить путь верхом; 3) в плену Игорь дал обет Пирогощей.

Д. С. Лихачев пишет:

> Феодальный этикет княжеского поведения не допускал случайностей[2]. Поэтому мы должны попытаться найти объяснение поведению Игоря по возвращении из плена, а также тому, чем были для Игоря икона и храм Богородицы Пирогощей. <...> Как известно, русские люди издавна в трудных случаях жизни — в бурю на море, в плену или при каких-либо других обстоятельствах —

---

[1] Наблюдение Б. А. Рыбакова.

[2] Точнее, неэтикетное и нестатусное действие просто не заслуживало упоминания. Древнерусский стиль «монументального историзма» (термин Д. С. Лихачева) не допускал семантически ненагруженных подробностей. Впрочем, и у авторов новейшего времени принято за аксиому, что подробность, не сумевшая стать художественной деталью, не допускается ни в стихи, ни в прозу.

давали обет в случае своего спасения отправиться на поклонение какой-либо из святынь. Обет непременно соединялся с покаянием в совершенных грехах. Именно такой обет был, по-видимому, дан и Игорем, когда он попал в плен[3].

Исследователь развивает наблюдение, сделанное в 1891 году В. З. Завитневичем:

Подобно тому, как когда-то знаменитый Мстислав Тмутороканский, изнемогая в борьбе с Редедею, дал обет создать церковь во имя Богородицы, так теперь знаменитый герой «Слова о полку Игореве», изнывая в половецкой неволе, мог дать известный обет Богородице Пирогощей[4].

Почему Игорь дает обет именно Пирогощей?

С точки зрения феодального этикета, мы можем с полной определенностью ответить на вопрос о том, почему Игорь едет не к Богородице Десятинной и не к Софии: Игорь не был киевским князем, он не мог ехать к чужому княжескому столу и к чужой патрональной святыне. В эти два храма по возвращении из похода могли ехать только киевские князья, что и отмечено летописью в нескольких случаях под XII в[5].

Но ведь Игорь мог поехать в Успенский собор древнейшего на Руси Киево-Печерского монастыря. Значит, помимо феодального этикета, были какие-то иные причины, диктовавшие такую логику поведения.

Под 1155 годом Ипатьевская летопись повествует: *Том же лѣтѣ иде Андрѣи от отца своего из Вышегорода в Суждаль без отнѣ волѣ и взя из Вышегорода икону святоѣ Богородицы юже принесоша с Пирогощею исъ Царяграда въ одиномъ корабли <...> постави ю въ церкви своеи святыѣ Богородица Володимири* (стб. 482).

Икона, которую унес из Киева Андрей Боголюбский, — это знаменитая Богоматерь Владимирская.

Из текста следует, что икона Пирогощей Богородицы была привезена из Константинополя вместе с ней на одной ладье. Ту, что мы называем Владимирской, первоначально установили в Девичьем монастыре Вышгорода, для второй киевский князь Мстислав в 1132 году заложил новый

---

[3] *Лихачев*. С. 271–272.

[4] *Завитневич В. З.* К вопросу о происхождении названия и о местоположении киевской церкви «святой Богородицы Пирогощей» // Труды Киевской духовной академии. 1891. № 1. С. 161.

[5] *Лихачев*. С. 275.

храм на Подоле у днепровской пристани: *В се же лѣто заложена бысть церкви камяна святая Богородица рекомая Пирогоща* (*Ипат*. Стб. 294). Под 1136 годом летопись сообщает об окончании строительства: *Томъ лѣтѣ церкви Пирогоща свѣршена бысть* (*Ипат*. Стб. 300).

Но что такое Пирогощая?

В середине XIX века церковный историк митрополит Макарий (Булгаков) переводил это слово с греческого как Башенная (греч. πυργιωτις — пиргиотис)[6].

Филолог-античник А. В. Лебедев в частном письме сообщил мне, что церковь Богоматери Пиргиотисса (*Pirgiotissa*) существовала во времена туркократии в Афинах. А на Крите в префектуре Ираклиона есть провинция (епархия) с тем же названием, и названа она так по духовному ее центру — Богородичному храму[7].

Митрополит Макарий был прав: Пирогощая — Башенная.

Константинополь стоял на семи холмах, и расположенный близ него Влахернский монастырь, откуда привезены Владимирская и Пирогощая иконы, видимо, не случайно был семибашенным: он символизировал

---

[6] Предлагались и иные варианты. А. И. Соболевский считал, что Пирогощая — притяжательное прилагательное от имени купца Пирогоща, упоминаемого в Степенной книге, который, если верить этому источнику, и привез Юрию Долгорукому эту икону. Н. М. Карамзин, в отличие от Соболевского, сомневался в существовании купца Пирогощи. И, как убедительно показали О. А. Белоброва и О. В. Творогов (*ЭСПИ*. Т. 4. С. 105–106), имя купца — результат неверного прочтения уже известного нам летописного сообщения об уходе из Киева во Владимир Андрея Боголюбского. Историк Д. Н. Альшиц предположил, что слово «пирогощая» составлено из греческого *pyr* (огонь) и русского *гореть*, и отождествил икону с Неопалимой купиной, а Д. С. Лихачев совершенно справедливо с этим не согласился. Однако сегодня в популярных церковных и светских изданиях Пирогощая все чаще переводится как «огнеблещущая» или «огневидная». Такое осмысление немногим лучше макаронического кентавра Д. Н. Альшица, но вполне объяснимо: на Руси Неопалимая купина считалась защитницей от *огненного опаления*. А если вспомнить, что флот Игоря Рюриковича в 941 году был уничтожен у стен Царьграда греческим «живым огнем», становится понятно, почему мифологически настроенного читателя привлекала ложная *огненная* этимология «Пирогощей». Остается одно значительное «но»: икона Неопалимой купины была привезена с Синая палестинскими старцами лишь в 1390 году. Поэтому эта версия тоже несостоятельна. Как, впрочем, и существование купца по прозванию Пирогощ. Его или не было вовсе, или свое прозвище он получил благодаря вышеупомянутой иконе.

[7] Правда, греческое «пиргос» может означать не только башню, но и название пелопоннесского города Пиргоса, расположенного в 20 км к западу от Олимпии. Поэтому у Пиргиотиссы два возможных перевода: 1) «башенная»; 2) «происходящая из Пиргоса». Однако считается, что Пиргос (столица Илии) назван так по высокой башне, на самом деле построенной намного позже, лишь в 1520 году.

идею духовного Константинополя, являлся земным воплощением небесного его образа.

То, что Пиргиотисса на Руси стала Пирогощей, — заслуга «народной этимологии»: храм стоял близ днепровской пристани (Влахернская церковь также находится у пристани на берегу Золотого Рога), и для русского уха было естественным расщепление заморского слова на два хорошо знакомых: «пир» и «гости». (Вспомним, что «гости» и «погост» — слова-родственники.) Благодаря остроумию народной этимологизации, сохранившей, пусть и искаженное, слово Пиргиотисса, мы можем попытаться понять, что за образ прислал на Русь греческий патриарх.

В. З. Завитневич и И. И. Малышевский (1891), а затем Н. П. Кондаков (1915) и Д. С. Лихачев (1978) утверждали, что Пирогощая получила свое название или по самой церкви во Влахернах (базилике с круглой подкупольной башней), или потому, что Влахернский монастырь был семибашенным. Предполагалось, что на Пирогощей иконе Богородица должна быть изображена в окружении монастырских башен. Так позднее на монетах Михаила Палеолога (1261–1282) и некоторых других византийских императоров образ Божией Матери Оранты изображался внутри семибашенного замка[8].

Влахернская церковь (*Panayia Blaherna*) была воздвигнута в V веке на бьющем из скалы источнике. Здесь хранились риза Богоматери, ее пояс и мафорий (головное покрывало, окутывающее у ближневосточных женщин почти всю фигуру). За два десятилетия до нашествия турок церковь была разрушена землетрясением, и сейчас на ее месте стоит часовня, построенная в XIX веке.

Самое знаменитое событие, связанное с этой церковью, — чудо явления Пресвятой Богородицы (в русской традиции — праздник Покрова). По церковному преданию, во время осады Царьграда арабами в 910 году блаженный Андрей Юродивый увидел в храме Богоматерь, которая простерла над прихожанами свой покров. Есть и другая не менее популярная версия: в 860 году (дата по греческим источникам) к Царьграду подошло войско росов. Д. С. Лихачев так пересказывает этот сюжет:

> Под 866 годом в «Повести временных лет» рассказывается о поражении под Константинополем русских дружин, предводительствуемых Аскольдом и Диром. Русские ладьи, войдя в залив Суд, «много убийство крестьяном створиша, и в двою сот корабль Царьград оступиша». Император, находившийся вне

[8] *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Т. II. СПб., 1915. С. 67.

Константинополя, едва смог войти в город для его защиты и вместе с патриархом Фотием всю ночь молился во Влахернском храме. Затем с песнопениями вынесли ризу Богородицы (ту самую, в которой ее погребали) и омочили ее в море. Была перед тем тишина, и вдруг возникла буря с ветром и великими волнами и разбила корабли русских. Только немногие из них возвратились домой[9].

Если же верить патриарху Фотию, после того как край ризы опустили в залив, росы удалились так же неожиданно, как и пришли. В память этого патриарх написал «Акафист Богородице» (*Радуйся, Невесто Неневестная*), который читается во время Великого поста в «субботу Акафиста». Тогда же было принято празднование Положения ризы Богоматери во Влахерне (2 июля по церковному стилю).

Современный историк церкви пишет:

Составленное по этому же поводу по поручению Фотия хартофилаксом Софийского собора Георгием (будущим архиепископом Никомедийским) «Слово», восхвалявшее Влахернскую реликвию, прямо называло Константинополь «градом Богородицы»: «Сей царственный и богохранимый град, который говорящий или пишущий должен с похвалою назвать градом Богородицы, украшен многими, можно сказать, до бесконечной меры простирающимися божественными храмами; выше же и более всех заметны божественные храмы Девы-Богоматери». Особо Георгий Никомедийский выделяет Влахернский храм, где хранилась риза Богоматери. Впрочем, еще за полтора столетия до времени святителя Фотия преподобный Андрей Критский просил: «...град Твой сохраняй, Богородительнице...»[10].

В 867 году патриарх Фотий в «Окружном послании», обращенном к восточным церквям, пишет о нападении на Константинополь в 860 году «народа, <...> превосходящего всех жестокостью и склонностью к убийствам, — так называемого [народа] рос, который теперь стал подданным и дружественным». И у того же Фотия: «Не только этот народ [болгары]... но даже... росы, [которые] подняли руки против Ромейской державы [Византии], променяли... нечестивое учение... на чистую и неподдельную христианскую веру»[11].

Если видение Богородицы Андрею Юродивому было в 860 году, а в ту пору ему было лет двадцать, то умер он около 936 года почти столетним

---

[9] *Лихачев 1985*. С. 17–23.

[10] *Николай Погребняк, протоиерей*. Радуйся, Радосте наша... Заметка об истории и иконографии Покрова Пресвятой Богородицы // Московские Епархиальные ведомости. 2003. № 9–10.

[11] Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под редакцией Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 93.

старцем[12]. Следует признать, что в «Житии Андрея Юродивого» есть анахронизмы. Кроме того, календарное несовпадение праздников «Положения ризы Богоматери» и «Покрова» говорит о том, что отождествление событий 860 и 910 годов произошло уже на Руси.

Согласно *ПВЛ*, чьи сведения восходят к греческим источникам, обычай при подходе вражеских кораблей обносить ризу Богородицы вокруг Царьграда и опускать край ее в море существовал до чудесного явления Богоматери Андрею Юродивому. Дева Мария защищала всякий раз, когда к стенам подступала беда. Это она спасла город в 626 году от аваров, в 677-м от персов и в 717-м от арабов. Когда русский флот Игоря Рюриковича обложил Константинополь (*ПВЛ* датирует этот поход 941 годом) и ладьи язычника Игоря были сожжены рукотворным «живым огнем» (огнеметами)[13], у греков не было сомнений в том, кто им помог.

В 910 году Византия действительно воевала с арабами, и, вероятно, в ответ на их нападение на Константинополь к Кипру был направлен флот во главе с Имерием. А летом 911 года Кипр был захвачен арабским флотоводцем Дамианом. И хотя о приближении сарацинов к Царьграду в 910 году источники умалчивают, как писал в таких случаях Д. С. Лихачев, «косвенные указания более бесспорны, чем прямые...»[14].

910 год интересен еще и тем, что незадолго до этого времени у стен Царьграда побывал вещий Олег (в 906-м или 907-м). Если Олег и впрямь повесил свой щит на его вратах, то это не знак «победы», как утверждает автор *ПВЛ*, а понятный любому символ *защиты*. На библейских примерах это показал московский историк Игорь Данилевский. Но тогда видение Андрея Юродивого — полемика с варваром: не ты щитом, а сама Богородица своим мафорием прикрыла град Константина Великого[15].

---

[12] Если эта дата верна, то выходит, что Пирогощую на Подоле достроили и освятили к двухсотлетию упокоения Андрея Юродивого.

[13] Греческие хроники повествуют о двух морских битвах — 11 июня и 15 сентября 941 года. Греческий огонь упомянут применительно к первой битве. См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 116.

[14] *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVIII веков. Л., 1983. С. 343, 344.

[15] Византинист М. В. Бибиков рассказл мне, что греческие источники, ссылаясь на императора Льва VI Премудрого, сообщают, де, на крышке гробницы императора Константина Великого было начертано пророчество: «Семихолмый град падет, когда вражеский флот перейдет перешеек посуху, но падет не навсегда, а явятся люди от рода русокудрые и возьмут его под свою защиту». См. также: 1) *Данилевский И. Н.* Библия и Повесть временных лет // Отечественная история. 1993. № 1. С. 88–89; 2) *Он же.* «Повесть временных лет»: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 158. Это пророчество и реализовывает вещий Олег в 907 году. Язычник Олег

Воссозданная в конце XX века Пирогощая церковь на Подоле освящена во имя Успения Богородицы. Именно с этим праздником она ассоциируется с древности. Значит ли это, что построенная в начале XII века Пирогощая изначально создавалась для Успенской иконы?

Успенская икона из Влахернского монастыря была привезена на Русь в XI веке, когда, согласно церковному преданию, во Влахерне произошло явление Богородицы варяжскому князю Шимону и четырем греческим зодчим: «Хочу церковь воздвигнуть себе в Руси, в Киеве».

В 1073 году началось строительство Успенской церкви Киево-Печерского монастыря. Если бы Пирогощая икона (привезенная тоже из Влахерн) была Успенской, вряд ли б она получила какое-то особое название.

За два года до начала строительства в Киево-Печерском монастыре, 25 апреля 1071 года из Влахернского монастыря на Русь была привезена икона Богородицы, получившая имя Царьградской[16]. По-видимому, это список со знаменитой Влахернской иконы Богоматери[17].

двинул свои корабли под парусами через перешеек, и греки запросили мира. Так позднее поступили турки, когда в 1453 году по специально построенным желобам перетащили корабли во внутреннюю гавань Константинополя (о чем повествуют турецкие авторы). Любопытно, что Вещий Олег приходил к Царьграду как раз при Льве VI.

[16] По всей видимости, это для нее князь Изяслав срочно возвел в Вышгороде деревянную церковь, куда 2 мая 1072 года перенесли мощи Бориса и Глеба. В столетнюю годовщину убиения святых (1115) их перенесут еще раз, теперь уже в специально построенный там же в Вышгороде каменный храм. О том, что и он был Успенским, свидетельствует строительство впоследствии по крайней мере трех Успенских храмов: в 1115 году к столетию с убиения Бориса и Глеба в Чернигове закладывается Успенский собор Елецкого монастыря, в 1165 году к стапятидесятилетию — церковь Покрова на Нерли в Боголюбове (первоначально, как полагают, бывшая не Покровской, а Успенской), в 1215 году к двухсотлетию — Успенский собор в Ярославле.

[17] Эта икона, по преданию написанная евангелистом Лукой на доске стола, за которым трапезничал Христос, находилась сначала в Антиохии, а потом в Иерусалиме. В Константинополь ее привезла в 436 году Евдокия, супруга императора Феодосия II. Она подарила икону своей сестре Пульхерии, и та установила ее во Влахернах. Когда Богоматерь, явившись двум слепцам, привела их во Влахерны и те прозрели, икону стали называть «Одигитрия», то есть Путеводительница. С тех пор греческие императоры брали ее с собой в походы. Икона чудесным образом хранила властителей, и название прижилось.

Хотя про Царьградскую икону известно лишь то, что она написана тем же Лукой, этого вполне достаточно, чтобы отождествить ее с Влахернской. Да и судя по позднейшим спискам, эти образы мало чем отличаются (что видно по указующему или благословляющему жесту правой руки младенца). Церковное предание связывает с Лукой еще и икону Умиления (то есть привезенную из Влахернской церкви вместе с Пирогощей Владимирскую Богородицу). И это говорит о том, что и Царьградская, и Владимирская ассоциировались со своим иконописным протографом — Влахернской иконой, вывезенной Евдокией из Иерусалима.

То есть в XI веке почти одновременно греки прислали на Русь две иконы: одна — образ Богоматери, другая — некий сюжет, связанный с ней (Успение). По той же схеме могут соотноситься и привезенные через шесть десятилетий икона Умиления и Пирогощая (отсюда и «башни», которые возможны только на «сюжетной» иконе).

Андрей Боголюбский в 1155 году тайно увез во Владимир одну из двух прибывших из Константинополя в 1131-м реликвий, и позднее она получает имя Владимирской Богоматери.

Вероятно, князь желал бы увезти и вторую константинопольскую икону, но забрать Пирогощую почему-то не удалось. А поскольку для Владимирской иконы был выстроен именно Успенский собор, никто не сомневается, что обе иконы пришли из Влахернской Успенской церкви[16].

Князь Андрей — строитель трех храмов. И все они во имя Богородицы: Успенский собор был возведен во Владимире в 1158–1160 годах для Владимирской иконы. (Сегодня ее можно видеть в храме, устроенном специально для нее в Третьяковской галерее.) А в княжеской своей резиденции в Боголюбове Андрей построил церкви Рождества и Покрова Богородицы. Последняя датируется 1165–1167 годами. Принято считать, что это первая русская церковь Покрова, хотя называлась ли она так в XII веке, доподлинно неизвестно. Ясно только, что храм был освящен во имя Богородицы.

Какую именно икону в XII столетии называли Пирогощей?

Киевская Пирогощая была разрушена в середине 30-х годов прошлого века. Под ее фундаментом археологи обнаружили более древнюю кладку. Видимо, строители не учли особенностей грунта Подола, и первая церковь простояла недолго. А тот храм, что был разобран в XX веке, П. А. Раппопорт датирует второй половиной XII столетия[17].

Пирогощая — Успенская церковь. Однако в Ипатьевской летописи и в «Слове о полку Игореве» она названа просто «церковью Богородицы». Вспомним, что первая церковь в Киеве, Десятинная, была также Богородичной. Вот и Староладожская церковь Успения (построена до 1160 года) стала прозываться так лишь с начала XVII века после разорения Ладоги шведами, когда здесь возник женский Успенский монастырь.

---

[16] Поведение князя Андрея объясняется просто: к 1155 году прошло ровно полвека с того момента, как князь Владимир Мономах перенес икону Пресвятой Богородицы «Одигитрия» из Чернигова в Смоленск (прецедент, оправдывавший своеволие Андрея), а в 1165 году исполнилось сто пятьдесят лет со дня убиения Бориса и Глеба и пятидесятилетие второго перенесения их мощей.

[17] *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 48.

Но строился храм как приходской, и по писцовым книгам XVI века северный конец Ладоги звался не Успенским, а Богородичным[18].

Итак, посвящение Пирогощей церкви какому-либо из Богородичных праздников не дает оснований для атрибуции самой иконы.

Повторим вопрос: почему Игорь спешит поклониться именно Пирогощей? Сделаем еще одну выписку из Д. С. Лихачева:

> Сказание о чудесах Владимирской иконы Богоматери датируется Ключевским и Ворониным 60-ми годами XII в. К этому же приблизительно времени относится и «Слово на праздник Покрова». Это «Слово» замечательно. Оно все посвящено защите и обороне Русской земли. Как сам праздник Покрова, так и само «Слово» отнюдь не ограничивается только Владимиро-Суздальской землей. Это праздник всей Русской земли. И «Слово Покрову» направлено не только против внешних врагов Руси, но и против междоусобных ратей, а последнее чрезвычайно важно для нашей темы. Покров защищает Русскую землю, как сказано в «Слове», «от стрел летящих во тьме разделения нашего». В Службе Покрову во втором стихе 8-й песни говорится: «...гордыню и шатания низложи и советы неправедных князей разори, зачинающих рати погуби и благочестивому князю нашему рог возвыси». В первом стихе песни 9 читаем: «высокий Царю со Отцем седяй, призри на молитву матерню, спаси град и люди умножи и даждь князю здравие телесне и на поганыя победы». Против междоусобий князей имеются тирады и в проложном сказании о Покрове[19].

Другая подсказка — в древнерусском сочинении «Про́лог» (XII век). Эти слова следуют после рассказа о видении, посетившем Андрея Юродивого. Вот перевод:

> Когда услышал об этом, подумал: как страшное и милосердное видение это и заступление Богородицы осталось без праздника? Надеясь же на милосердные Твои словеса, Владычице, когда Ты в молитве Сыну Своему прорекла: Царю Небесный, приими всякого человека, прославляющего Тебя, — на эти слова Твои надеясь, захотел, да не останется без праздника Святой Покров Твой, Преблагая, но если Ты пожелаешь прославить честный праздник Твоего Покрова, то, Всемилостивая, укрась его, чтобы прославляющие Тебя возвеселились, видяще сияние многоразличных праздников Твоих...

---

[18] Вероятно, что и Пирогощая церковь на Подоле стала называться Успенской лишь после взятия и разорения Киева Батыем, ведь на Подоле полегли многие защитники Киева. Но именно в память того, что Владимирская икона прибыла из Влахернской церкви Успения, Андрей Боголюбский и построил для нее Успенский собор. При этом сама икона не Успенская. Значит, и для иконы Пиргиотисса, какой бы она ни была, также могли построить Успенскую церковь. А о том, какая это икона, следует судить по каким-то другим признакам.

[19] *Лихачев.* С. 280.

Профессор Харьковского университета М. А. Остроумов полагал, что эти слова принадлежат Андрею Боголюбскому и что праздник Покрова был установлен не в Киеве, а во Владимире при Андрее Боголюбском (ок. 1165) и «входил в целую серию его деяний по утверждению во Владимирской земле почитания Пресвятой Богородицы»[20].

Праздник Покрова Богородицы (1 октября по старому и 14-го по новому стилю) не входит в число двунадесятых. В греческих святцах его нет, и считается, что греки праздника Покрова не знали. Но из того, что икона о чуде, которое наблюдали Андрей Юродивый и его ученик Епифаний, должна была храниться там, где это чудо произошло, ясно, что праздник Покрова был местным праздником Влахернской церкви.

Начиная с XII века встречаются упоминания о некоем чинопоследовании, совершавшемся во Влахернском храме еженедельно во время всенощного бдения, в ночь с пятницы на субботу.

В самых старых источниках нет никаких подробностей — видимо, чинопоследование было общеизвестно; византийская принцесса Анна Комнина называет его «обычным чудом во Влахернах». Напомним, что Влахернская Богородица — походная императорская икона. И ее главной задачей считалась защита воинства во время ратного похода. А икона Покрова — икона-оборонительница. И ее мистический статус выше.

Церковное предание говорит о том, что Андрей Юродивый был не греком, а рабом — крещеным «скифом» (на Руси полагают даже, что «новгородцем»). То, что именно славянин Андрей увидел явление Богоматери во Влахернском храме, когда арабы осадили город, для русского человека того времени было наполнено особым символическим смыслом, а прибытие иконы Покрова на Русь означало, что Богоматерь простирала свой мафорий и над Киевом.

Так Киев становился если не преемником и наследником Царьграда, то в каком-то смысле его ровней. Собственно, с этого события и началась история духовного объединения русских земель. Да и прагматичные греки, когда передавали список с иконы Покрова потомкам тех самых варваров, от которых Богоматерь не раз защищала Царьград, наверняка удивлялись парадоксам истории. На Руси это событие было отмечено учреждением праздника Покрова Богородицы.

Но учредить новый праздник киевские архиереи могли только после получения иконы Покрова. (Считается, что мы не знаем о том, как и когда она появилась в пределах Русского государства.) Учреждение праздника

---

[20] *Остроумов М. А.* Происхождение праздника Покрова // Приходское чтение. СПб., 1911. № 19.

относится к первой половине XII века и совпадает по времени с прибытием на Русь Пирогощей иконы. Совокупность фактов позволяет утверждать, что икона Пирогощая — это и есть Покровская икона.

Такое предположение подкрепляется и тем, что у небесного мафория и у каменной монастырской башни одна главная задача — защита от внешнего посягательства.

Обретение иконы и учреждение праздника Покрова завершили процесс передачи Руси под духовную юрисдикцию Богородицы, который начался со строительства Десятинной церкви Владимиром Святославичем и спустя ровно полвека в 1037 году был продолжен закладкой киевского Софийского собора[21].

Еще спустя век, в 1136-м будет достроена и освящена Пирогощая церковь. И это значит, что прибытие двух царьградских икон было не случайным событием, а особой юбилейной «акцией» (вспомним, что Андрей Юродивый скончался «около 936 года»).

Как и Влахернский монастырь, Пирогощая церковь на Подоле находилась вне городских стен. И церковь Покрова на Нерли тоже была построена в некотором удалении от Владимира. А в XIV веке на окраине Суздаля возник Покровский монастырь. Желание оградить себя от влияния светской власти вполне понятно: Влахерны, хранимые Богородицей, не нуждаются в том, чтобы царьградские стены им *покровительствовали*. Напротив, это духовная сила Пречистой и Всеблагой защищает и монастырь, и сам Царьград.

Это объясняет подмеченную Д. С. Лихачевым градозащитную функцию не только Успенских, но и Покровских храмов. Касаясь похода Аскольда и Дира, исследователь пишет:

> Именно это событие способствовало особому почитанию русскими Богоматери, ее Успения и риз. Богоматерь стала покровительницей русского воинства, а праздник Покрова, посвященный ризам Богоматери, — праздником, который до XIX века праздновался только в России. Ни в Болгарии, ни в Сербии, ни в Молдавии и Валахии этот праздник до освобождения Балкан от османского ига вообще не был известен.
>
> Почему же событие, связанное с поражением Руси, стало знаком ее божественного покровительства, а Влахернский монастырь одним из самых почитаемых русскими паломниками? Здесь нужно принять во внимание и средневековую идеологию, и психологию. Наказание Божие, с точки зрения человека того времени, — это знак особой заботы Бога о наказываемом. Наказывались

[21] Как утверждает Д. С. Лихачев, культ Софии тесно связан с культом Богоматери и является одним из выражений последнего.

> русские язычники, победа же над ними греков-христиан была победой правоверных над неверными. Религиозные различия были для средневекового сознания важнее различий национальных. Все это позволяет понять особое «военное», «защитное» значение Покрова, Успения и самого Влахернского монастыря для Руси[22].

Видимо, киевская икона Пиргиотисса была утрачена при разорении города Батыем. Список же с нее должен был находиться в церкви Покрова на Нерли. Однако о его судьбе нет никаких сведений.

Но список с этого списка датирован 60-ми годами XIV века и сегодня хранится, как и Владимирская икона Божьей Матери, в Третьяковской галерее (№ 12755). Происходит он из суздальского Покровского монастыря. Воспроизведение см. на с. 56 наст. изд. Как отмечает М. В. Алпатов, ссылаясь на публикацию С. Я. Ямщикова[23], «эта глубоко архаичная по типу и по выполнению икона является прообразом более поздних среднерусских икон Покрова»[24].

Вот описание этой иконы:

> На иконе условно изображен интерьер храма. Вверху парит Богоматерь с красным покровом в руках. Края покрова несут ангелы. Внизу, на кафедре, стоит Роман Сладкопевец. Слева от него — группа отцов церкви во главе с Иоанном Предтечей. Справа — фигуры Андрея Юродивого и его ученика Епифания. Архитектура заднего плана передает конкретные черты постройки Влахернского монастыря — базилики и круглой купольной церкви (впервые замечено А. Н. Овчинниковым)[25].

Д. С. Лихачев и его предшественники были правы: за левым плечом Богородицы действительно изображена башня под конической из красной черепицы крышей. Сама же Богородица находится внутри башнеподобной купольной церкви, изображенной на иконе в разрезе.

Икона из Суздаля — видимо, единственное сохранившееся (во всяком случае, на Руси) изображение Влахернской церкви.

Существует образ Покрова Богородицы, написанный, вероятно, в то же время, что и киевская Пирогощая икона. Найден он в 1914 году в Восточной Галиции музейным работником Данилой Щербаковским и сегодня хранится в киевском Национальном художественном музее Украины.

---

[22] *Лихачев 1985*. С. 17–23.

[23] *Ямщиков С. Я.* Древнерусская живопись. Новые открытия. Л., 1969. Табл. 28.

[24] *Алпатов М. В.* Древнерусская иконопись. М., 1984. С. 32.

[25] Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Т. 1. М., 1995. С. 121.

В 1950-х годах в мастерских Государственного Русского музея Н. Перцев определил, что икона может быть отнесена к домонгольскому периоду. Сегодня эта датировка подтверждена радиоуглеродным анализом, показавшим, что дерево для доски было срублено на рубеже XI–XII веков (погрешность ±50 лет).

На галицкой иконе Богоматерь изображена в виде Оранты. За ней нет красноверхой монастырской башни (хотя композиция сдвинута вниз и для башни явно оставлено место). Само башнеобразное пространство храма венчает поддерживаемый двумя ангелами лоскут алой материи, который повторяет уже известную нам по суздальской иконе форму купола Влахернской церкви. Внизу — традиционные фигуры Андрея Юродивого и Епифания[26].

Рассмотрим «технические» подробности, подтверждающие корректность нашей атрибуции иконы из Суздаля. Пропорции доски Владимирской

---

[26] Галицкая Богоматерь на престоле изображена по чину Знамения (с младенцем на лоне). И ангелы держат не мафорий, а накрывающую Влахернскую башню завесу. Завеса есть и на суздальском образе, где Богоматерь поддерживает покров, а голова ее укрыта лишь обтягивающим платком. Но завеса, спадающая острыми складками в основании башни, — боковой мотив суздальской иконы, подробность церковной практики, принятой во Влахернах. На Галицкой иконе над молящимися простерт полог. На мафории же, находящемся на самой Богородице, написан младенец. Галицкая икона (79,5 × 47,5) — творение провинциального мастера, написанное почти детской рукой. Вряд ли этот список происходит из Влахернского монастыря и уж точно не относится к архетипу суздальской иконы. Это изделие другого иконографического извода, к которому имеют отношение более поздние — начала XV века — новгородские иконы Покрова, хотя на них Богородица Оранта изображена в рост и без младенца на лоне. Галицкая икона — самостоятельный извод иконы Пиргиотисса, а не список с киевской Пирогощей. Это говорит о том, что уже в XII столетии культ Покрова Богородицы достиг юго-западных пределов Руси. А это значит, что в 1165 году Андрей Боголюбский мог построить на Нерли не просто еще одну Успенскую церковь, а именно Покровский храм.

«В пользу византийского происхождения сюжета, возможно еще не сформировавшегося в конкретной иконной форме, говорит сама легенда о „Чудесном явлении Богоматери“ во Влахернском храме Константинополя. <...> Там же до разрушения храма находилось и особо чтимое изображение Богоматери Оранты, названной в честь храма Влахернитиссой. <...> Средневековые письменные источники упоминают также бывшую в храме икону, изображающую сидящую на престоле Богоматерь с младенцем Христом, закрытую пурпурным покрывалом-занавесом, который чудесным образом поднимался вверх во время богослужения с пятницы на субботу. Это явление воспринималось очевидцами и паломниками тоже как своеобразное чудо и сохранялось надолго в памяти и легендах. Отголоском этого явления могла быть и галицкая икона». См.: *Членова Л. Г.* «Покров» из Восточной Галиции // Восточноевропейский археологический журнал. № 3 (10). 2001.

иконы (104 × 69, а по другим данным 103,6 × 68 см) и иконы Покрова из Суздаля (68 ×44 см) в пределах округления одинаковы — 3 : 2[27].

И скорее всего, пропорции тут глубоко символичны: горизонтальной *земной* паре соответствует вертикаль *небесной* Троицы.

Заметим, что ширина первой иконы практически равна длине второй. При этом в первом случае пропорция 1,51 или 1,52 к 1, а во втором — 1,55 к 1. Но в последнем случае мы имеем дело не с оригиналом, а со второй копией с оригинала, причем снятой через два века. (Размеры доски оригинала Пирогощей в идеальном, с точки зрения пропорции, случае должны были быть 69 × 46 или же 68 × 45,3 сантиметров.)[28]

Двойное совпадение (самой пропорции и одного из размеров), на мой взгляд, говорит о том, что: 1) доски для Владимирского образа и для первоначальной Покровской иконы сделаны в одной мастерской и в одно время специально для Киева; 2) хотя икона Покрова — второй список с присланной из Константинополя, ее размер и пропорция показывают, с какой тщательностью на Руси дважды (в XII и XIV веках) обмерялись и мастерились доски для ее копий. Если так, то это свидетельствует об исключительном статусе данной иконы и говорит о том, сколь скрупулезно выполнялись оба списка (почему М. В. Алпатов и отмечает «глубокую архаичность» Покровского образа «по типу и по исполнению», хотя сам образ относится к XIV веку).

---

[27] У М. В. Алпатова этот размер округлен до 100 × 70 см (пропорция 1,4 к 1). Однако в издании постера Владимирской иконы, выпущенного Третьяковской галереей в 2001 году, размер указан точно: 104 × 69 см. Доска иконы составлена из пяти тесаных дощечек. Три из них вертикальные, а две (сверху и снизу) горизонтальные. Для сравнения: Богоматерь Владимирская, приписываемая Андрею Рублеву (1395 или 1408 г.), имеет ту же пропорцию, что и оригинал, и близкие размеры: 102,2 × 69,5 см. Успенская икона, привезенная в 1073 году, также имела пропорцию 3 : 2, но была горизонтальной: «в 9 вершков ширины и 6 высоты».

[28] Из 150 икон, представленных в монографии М. В. Алпатова, нет ни одной с размерами 104 × 69 см или 68 × 44 см, и только у 11 пропорции равны 3 : 2, то есть 1,5 : 1. Это 7% от всего разнообразия пропорций, у которых абсолютный пик приходится на 4 : 3, то есть 1,333... : 1 (54 доски, или 36%). Одна из досок с пропорцией 3 : 2 — новгородская икона Покрова начала XV века (по Алпатову, № 30; 74 × 50 см). Можно предположить, что она происходит из Покровского Зверина монастыря, первое упоминание о котором относится к 1148 году в связи с пожаром церкви Богородицы. Считается, однако, что это «покровское» название может относиться к более позднему времени, поскольку в летописи церковь также названа просто церковью Богородицы.

Даже порознь иконные размеры 104, 69–68 и 44 см встречаются нечасто. И нет ни одного случая, чтобы пропорция 3 : 2 и размеры иконы Владимирской Богоматери или Покровской иконы из Суздаля совпали одновременно и с пропорцией, и хотя бы с одним из размеров какой-либо иконы из антологии М. В. Алпатова.

По традиции народное прозвище прибавляется к каноническому имени иконы: «Спас Ярое Око», «Ангел Златые власы» и т. д.

Существует три основных типа не относящихся напрямую к двунадесятым праздникам Богородичных икон: Богоматерь «Умиление»[29], Богоматерь Одигитрия (Путеводительница), Богоматерь Оранта (Молящаяся)[30]. В данном случае мы имеем дело с другим, праздничным (то есть сюжетным) типом Богородичной иконы. Богоматерь Пиргиотисса, то есть Богоматерь Башенная (Защитница), в начале XII века была вписана Киевской митрополией в традиционный праздничный ряд: Благовещение (25 марта), Успение (15 августа), Рождество (8 сентября), Введение во храм (21 ноября). Под именем «Покрова Пресвятой Богородицы» она заняла место между двумя последними праздниками. (Напомню, что Покров отмечается 1 октября по старому стилю.)

Это могло бы свидетельствовать о том, что в 1131 году в этот день Пирогощую привезли на Русь, но на суздальской иконе ниже Богородицы мы видим Романа Сладкопевца, которого церковь поминает также в праздник Покрова. Это не означает, что Андрей Юродивый современник Романа (как считают некоторые исследователи), это указание на то, что именно в этот день произошло явление Богородицы Андрею и Епифанию.

«Дата праздника Покрова в годовом богослужебном круге была приурочена, по данным Проложного сказания, к 1 октября, очевидно, в связи с празднованием памяти блаженного Андрея 2 октября. В соответствии с православной литургической традицией, за основным праздником обычно следует прославление тех, кто был непосредственным участником воспоминаемого в праздничном богослужении события»[31]. С этим можно согласиться лишь в том случае, если праздник Покрова действительно установили не в константинопольской Влахернской церкви, а в Киеве или во Владимире. Однако наличие на суздальской Пирогощей иконе получившего свой дар от Богородицы Романа Сладкопевца (он, как и сама Богоматерь, изображен на центральной оси образа) говорит в пользу не обратного, а прямого порядка событий: 1 октября, в день поминовения Романа, блаженный увидел чудо, и потому его самого поминают на другой день после Покрова.

---

[29] Например, Владимирская Богородица.

[30] Сюда относится и мозаика в Киевской Софии «Богородица Нерушимая Стена» (Богоматерь словно бы поддерживает свод храма), и новгородская икона «Знамение».

[31] *Николай Погребняк, протоиерей.* Радуйся, Радосте наша... Заметка об истории и иконографии Покрова Пресвятой Богородицы // Московские Епархиальные ведомости. 2003. № 9–10.

Если принять, что Пирогощая — икона Покрова, то становится понятно, почему Игорь едет к ней на поклон. В плену он должен был молить Богородицу охранить города, оставленные им без защиты. И действительно, в Северской земле Гзаку не удалось взять ни одного города. Выстоял даже осажденный Путивль, хотя его окольный град был сожжен.

Для автора «Слова» важно подчеркнуть, что Игорь обращается к Пирогощей Богородице, ведь Покров защищает Русскую землю «от стрел летящих во тьме разделения нашего», а тема княжеских междоусобиц, приносящих несчастье русской земле, пронизывает все произведение.

Вот и метафора покро́ва, но покрова «изнаночного», проходит через всю поэму. Последовательность этих метафор такова:

1. Солнце тьмою прикрывает всех воинов Игоря.
2. Перед первым боем мгла покрывает поля.
3. Русичи мостят болота драгоценными тканями и «узорочьями» половецкими.
4. Черные тучи хотят прикрыть четыре солнца.
5. Перед решающей битвой поля прикрывает пыль.
6. Пустыня силу прикрыла.
7. Святославу Киевскому снится, что его одевают черной паполомой (покрывалом), а златоверхий его терем уже не накрыт кнесом (охлупнем).
8. Молодые месяцы Олег и Святослав тьмою поволоклись.
9. На реке Каяле тьма свет покрыла.
10. Смертельно раненый Изяслав на поле битвы хотел прикрыться хотя бы травою, но ему сказано, что его и его дружину птицы приоденут крыльями.
11. Всеслав занавесился синей мглой.
12. Игорь едет к Пирогощей.

Так в конце поэмы, после покаяния Игоря, время переворачивается с изнанки на лицевую сторону.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Г. Бобров

СУДЬБА МУСИН-ПУШКИНСКОГО СБОРНИКА

Найденная при туманных и загадочных обстоятельствах старинная рукопись сгорела вскоре после её публикации, и много лет ученые пытаются ответить на вопросы, действительно ли она существовала, что из себя представляла и где была обнаружена? История вопроса о судьбе принадлежавшей графу А. И. Мусину-Пушкину знаменитой рукописной книги со Словом о полку Игореве (далее — Слово) насчитывает многие десятки наименований работ. Сведения о составе Мусин-Пушкинского сборника известны по указаниям в Первом издании Слова 1800 г. и по уточнениям исследователей. Сборник «в лист» являлся конволютом, содержавшим в своей первой, более поздней части Хронограф Распространенной редакции 1617 г., а во второй, более древней — Новгородскую первую летопись младшего извода, Сказание об Индийском царстве, Повесть об Акире Премудром, само Слово и Девгениево деяние[1]. Сборник стал известен ученым в конце XVIII в. и сгорел в московском пожаре 1812 г.

Существовали различные версии истории обнаружения рукописи, наиболее раннюю из которых мы знаем со слов Н. М. Карамзина: «Два года тому назад **в наших архивах** был обнаружен отрывок из поэмы под названием Песнь воинам Игоря...» (1797 г.)[2]. Спустя четыре года, в 1801 г., историограф уточнил: «За несколько лет перед сим **в одной монастырской** [так! — *А. Б.*] **архиве** нашлось древнее русское сочинение...»[3]. Другая информация была у Евгения Болховитинова: «Он [А. И. Мусин-Пушкин — *А. Б.*] купил ее в числе многих старых книг и бумаг у Ивана Глазунова, всё за 500 р., а Глазунов после какого-то старичка за 200 р.» (запись-автограф на экземпляре Первого издания Слова)[4].

---

[1] *Творогов О. В.* Мусин-Пушкинский сборник // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3. С. 287–291 (здесь же библиография).

[2] См.: *Дмитриев Л. А.* Карамзин Николай Михайлович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3. С. 14.

[3] [*Карамзин Н. М.*]. Боян // Пантеон российских авторов. М., 1801. Т. 1. С. 1.

[4] См.: *Дмитриев Л. А.* Болховитинов Евфимий Алексеевич (в монашестве — Евгений) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1. С. 38.

Сам владелец рукописи А. И. Мусин-Пушкин в письме К. Ф. Калайдовичу уже после её гибели утверждал, что приобрел манускрипт у бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля Быковского, отстраненного от должности в 1787 г.: «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в Архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль... По уничтожении штата остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием Хронограф, в конце найдено „Слово о полку Игореве“»[5]. Это прямое свидетельство А. И. Мусина-Пушкина легло в основание наиболее известной, хрестоматийной версии о получении графом сборника со Словом от Иоиля Быковского, в свою очередь якобы нашедшего его в книжном собрании Спасо-Ярославского монастыря.

Г. Н. Моисеева детально обосновала гипотезу о происхождении Мусин-Пушкинского сборника из библиотеки этой обители[6]. Действительно, в Описи Спасо-Ярославского монастыря 1787 г. Г. Н. Моисеевой против № 285 «Хронограф в десть» было обнаружено стертое слово, читаемое как «отданъ», а в Описи следующего 1788 г. эта рукопись была отмечена как уничтоженная «за ветхостию и согнитием». Таким образом, исследовательница пришла к выводу, что Хронограф со Словом около 1787–1788 г. был изъят Иоилем Быковским из монастырского собрания и передан А. И. Мусину-Пушкину, для сокрытия чего и была сделана запись о его мнимом уничтожении. Казалось бы, проблема происхождения рукописи решена окончательно, о чём свидетельствовало включение этой версии в учебники и даже появление в Спасо-Ярославском монастыре Музея Слова о полку Игореве.

Вся стройная картина рассыпалась в прах из-за одной рукописной находки, сделанной в 1992 году. Е. В. Синицына обнаружила, что якобы «отданный» или «уничтоженный за ветхостию и согнитием» Хронограф под № 285 со временем вернулся в Ярославль, благополучно хранится поныне в собрании Ярославского музея под современным № 15443, и никаких прибавлений, в том числе Слова, в нём нет[7]. «Таким образом,

---

[5] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Зап. и Труды ОИДР. М., 1824. Ч. 2. С. 36.

[6] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1984. 2-е изд., доп. и перераб. (1-е изд. — Л., 1976).

[7] *Синицына Е. В.* К истории открытия рукописи со «Словом о полку Игореве» // Русская литература. 1992. № 1. С. 85–87.

гипотеза Моисеевой не может быть принята. <...> История приобретения сборника Мусиным-Пушкиным по-прежнему остается невыясненной», — заключил в итоговой энциклопедической статье О. В. Творогов[8].

Так был ли на самом деле Мусин-Пушкинский сборник? Если он существовал, то где хранился до поступления в библиотеку А. И. Мусина-Пушкина, когда и при каких обстоятельствах был обнаружен? Эти вопросы на протяжении уже почти двухсот лет вызывают в научной литературе оживленные споры. Долгое время датой открытия Слова было принято считать 1795 г., что следовало из уже упоминавшегося выше текста заметки Н. М. Карамзина (октябрь 1797 г.), где утверждалось, что отрывок из поэмы под названием «Песнь воинам Игоря» был обнаружен в наших архивах «два года назад». Лишь в середине прошлого века появились работы П. Н. Беркова и Л. А. Дмитриева, в которых высказывались предположения о знакомстве учёных со Словом уже в 1792 г.

П. Н. Берков обратил внимание на текст в февральском номере журнала «Зритель», издававшегося П. А. Плавильщиковым, в котором говорилось: «даже во дни Ярослава сына Владимирова были стихотворные поэмы в честь ему и детям его»; и далее, что «существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной»[9]. Сведения о «Слове» здесь приведены «в очень неотчетливой форме» (П. Н. Берков) и могут быть признаны свидетельством знакомства П. А. Плавильщикова с памятником не по рукописи, а по слухам, или же «по рассказам его толкователей» (В. А. Кучкин)[10]. Биография П. А. Плавильщикова показывает, что это предположение весьма правдоподобно: он был выдающимся актером Петербургского придворного театра, занимался также режиссерской деятельностью, преподаванием и

---

[8] *Творогов О. В.* История открытия «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2. С. 319.

[9] *Берков П. Н.* Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 135–136.

[10] Сомнения в том, что П. А. Плавильщиков имел в виду именно «Слово о полку Игореве» (*Кузьмина В. Д.* [Рец. на сб. «Слово о полку Игореве»] // *ИОЛЯ*. 1950. Т. 9, вып. 6. С. 301; *Кучкин В. А.* Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке «Слова о полку Игореве» // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 63; *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988. С. 150) не были поддержаны ни О. В. Твороговым, считающим приведенную цитату «безусловно отзвуком зачина» произведения (*Творогов О. В.* История открытия «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2 (Г — И). С. 318), ни А. А. Зиминым (*Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 373).

драматургией. Нет никаких сомнений в том, что он прекрасно знал старшего друга А. И. Мусина-Пушкина — И. П. Елагина, который был страстным театралом и на протяжении многих лет курировал деятельность как раз Петербургского придворного театра и его труппы[11]. Именно от него П. А. Плавильщиков и должен был услышать о появлении рукописи Слова в книгохранилище одного из «охотников до редкостей древности отечественной» — А. И. Мусина-Пушкина. В таком случае, это произошло не позднее 25 февраля 1792 г., когда было получено цензурное разрешение на печать журнала.

Другое предположение о знакомстве исследователей со Словом уже в 1792 г. принадлежит Л. А. Дмитриеву, который указал, что по своему содержанию ряд комментариев к тексту Екатерининской копии памятника может принадлежать перу старшего сподвижника А. И. Мусина-Пушкина — И. Н. Болтина, умершего 6 октября 1792 г. Это предположение подкрепляется некоторыми поздними свидетельствами об участии И. Н. Болтина в работе над памятником[12]. Таким образом, в работах П. Н. Беркова и Л. А. Дмитриева обретение Слова по косвенным свидетельствам отодвигалось с 1795 г. на три года назад — к 1792 г.

Позже В. П. Козлов обнаружил, что Слово было прямо процитировано И. П. Елагиным в неопубликованном труде «Опыт повествования о России», который создавался автором до самой смерти 22 сентября 1793 г. Стало окончательно ясно, что памятник был открыт не позже этой даты, но В. П. Козлов, посвятивший своему открытию цикл работ[13], а позже и В. А. Кучкин[14], выдвинули ряд аргументов в пользу более раннего, ещё в конце 1780-х гг., знакомства И. П. Елагина с древнерусской поэмой. Эти соображения, однако, не представляются убедительными[15].

---

[11] *Степанов В. П.* Елагин Иван Перфильевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А—И). С. 306–307.

[12] *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследование. М.; Л., 1960. С. 308–310.

[13] *Козлов В. П.* 1). «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 23–31; 2). К истории «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 159–171; 3). Доказательство «Словом» И. П. Елагина // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 85–97; 4). Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988.

[14] *Кучкин В. А.* Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке «Слова о полку Игореве» // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 62–73.

[15] См. подробнее: *Бобров А. Г.* «Заколдованный круг» (о книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // Русская литература. 2008. № 3. С. 65–118.

Как установил В. П. Козлов, в первоначальной версии текста «Опыта повествования о России» упоминания Слова не было. Вставка появляется на полях рукописи (РНБ, F.IV.651/3, л. 206–207 — список А); она сделана красными чернилами, как и вся заключительная авторская правка в этом томе. События второй половины XII — начала XIII вв. И. П. Елагин описывал в 1791 г., вплоть до 1 января 1792 г., но никакого упоминания о Слове эти части его работы не содержат, из чего уже можно заключить, что знакомство историка с древнерусской поэмой произошло не ранее 1792 г. Кроме того, правка красными чернилами содержит ссылки на печатные издания: шестую часть Никоновской летописи, вышедшую в 1790 г., а также на издание «Русской правды», подготовленное ближайшими друзьями и членами «кружка» И. П. Елагина — И. Н. Болтиным и А. И. Мусиным-Пушкиным, которое появилось на свет только в апреле 1792 г., следовательно, и по этой причине правка красными чернилами не могла делаться ранее этого года.

В. А. Кучкин предложил следующий аргумент в пользу ранней датировки вставки с цитатой из «Слова»: по его мнению, правка красными чернилами датируется фразой, упоминающей русскую золотую монету, хранящуюся «в собрании церемониймейстера Алексея Ивановича Пушкина» (РНБ, F.IV.651/3. Л. 236). Исследователь пишет: «Обращает на себя внимание указанная в приведенной цитате И. П. Елагиным *должность* (курсив мой — *А. Б.*) А. И. Мусина-Пушкина — церемониймейстер. Эту должность А. И. Мусин-Пушкин получил в 1775 году и исполнял до своего назначения обер-прокурором Синода 26 июля 1791 г.»[16]. Исследователь приходит к заключению, что правка красными чернилами в целом и цитирование Слова И. П. Елагиным в частности датируются временем до лета 1791 г. Но историк не учел того существенного обстоятельства, что церемониймейстер — не *должность*, а придворный *чин*. Это принципиально важно, поскольку, в отличие от должностей, придворные чины в дореволюционной России не терялись даже с отставкой. И. П. Елагин, сам принадлежа ко двору (обер-гофмейстер — один из первых чинов двора), поэтому вполне мог назвать придворный *чин* А. И. Мусина-Пушкина — церемониймейстер — и после того, как тот был назначен на *должность* обер-прокурора Синода. Более того, в тексте знаменитого «повеления» Екатерины II о собирании древнерусских рукописей от 11 августа 1791 г. А. И. Мусин-Пушкин прямо назван одновременно и по должности — «обер-прокурором», и по чину — «церемониймейстером»[17].

---

[16] *Кучкин В. А.* Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке... С. 67.

[17] РГИА, Ф. № 796, оп. 72, № 280. Л. 1 (см. подробнее об этом «повелении» ниже).

Таким образом, все наиболее ранние упоминания Слова, прямые или косвенные (включая сюда возможное знакомство с памятником И. П. Елагина, И. Н. Болтина и П. А. Плавильщикова, а также чешского слависта Йозефа Добровского во время его пребывания в Петербурге между 17 августа и 15 октября 1792 г.), могут быть отнесены к 1792 г., при этом самая ранняя предполагаемая дата упоминания Слова — это 25 февраля 1792 г., когда прошел цензуру журнал «Зритель» со статьей П. А. Плавильщикова.

Итак, до 1792 года никаких свидетельств о знакомстве со Словом кого-либо из учёных мы не имеем.

Эта дата имеет для нас принципиальное значение, поскольку если Слово было бы обнаружено ранее назначения А. И. Мусина-Пушкина обер-прокурором Синода летом 1791 г., то, как четко сформулировал В. А. Кучкин, снимались бы «всякие подозрения относительно того, что А. И. Мусин-Пушкин прямо или косвенно использовал свое служебное положение главы духовного ведомства для незаконного присвоения рукописи со «Словом» из библиотеки какого-либо монастыря или епархии»[18]. Если же рукопись была обнаружена после лета 1791 г., то, учитывая сомнительность объяснений А. И. Мусина-Пушкина о происхождении манускрипта, версия о незаконном получении его из какого-то церковного собрания становится более чем вероятной.

За семь месяцев до первого достоверного упоминания Слова в литературе, 26 июля 1791 г. А. И. Мусин-Пушкин был назначен обер-прокурором Святейшего Синода, а 11 августа 1791 г. появилось «повеление» Екатерины II о собирании относящихся к российской истории рукописей. Это «повеление», на которое впоследствии опираются все последующие делопроизводственные документы, сохранилось в Канцелярии Синода. Оно гласит: «О летописцах. № 277. 1791-го года августа 11-го дня. По предложению Синодального господина обер-прокурора, двора Ея Императорского величества церемониймейстера и кавалера Алексея Ивановича Мусина-Пушкина со объявлением имянного Ея императорского величества высочайшего повеления, о взносе к Ея императорскому величеству всех собранных из епархий и монастырей относящихся к Российской истории летописцов и других сочинений, и о предписании всем епархиальным архиереям и монастырским настоятелям о присылке оных, ежели где еще найдутся, в Святейший Синод»[19]. А. И. Мусин-Пушкин

---

[18] *Кучкин В. А.* Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке... С. 68.

[19] РГИА, Ф. № 796, оп. 72, № 280 («Дело по предложению обер-прокурора Синода о присылке в Синод всех летописных и других сочинений». Начато 11 августа 1791 г.). Л. 1. В конце текста проставлен № 348. Низ листа оборван.

решительно принялся за дело: уже через два дня после императорского повеления появляется подробная инструкция по поиску древних рукописей[20]. Важно отметить, что найденные книги предлагалось доставлять «на разсмотрение Синодальному господину обер-прокурору и кавалеру, и что от него приказано будет, по тому и поступать»[21].

Одним из итогов собирательской деятельности А. И. Мусина-Пушкина стало то, что уже после смерти Екатерины II, в октябре 1797 г. было заведено «Дело о возвращении присланных в Святейший Синод в 1791 году из епархий и монастырей летописцов в те места, откуда оные взяты»[22]. Согласно указу Павла I, Святейший Синод «по словесному предложению Синодального члена преосвященного Гавриила митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского» решил присланные «по именному Высочайшему повелению, последовавшему 1791-го года августа 10-го (sic!) дня от епархиальных преосвященных архиереев и из ставропигиальных и других монастырей от настоятелей летописцы и другие подобные сочинении, к Российской истории относящиеся, возвратить в те места, откуда оные взяты по-прежнему». Далее в документе перечисляются епархии и монастыри, откуда в Синод поступили рукописи, и указано: «...из которых книг некоторые взяты бывшим Синодальным господином графом Мусиным-Пушкиным, но в Святейший Синод не возвращены. В доставленном же от него Реестре написано его рукою, что те летописцы и выписки внесены по Высочайшему повелению покойной Государыни императрицы в Комнату, о чем де известно всему Святейшему Синоду, а прочия все присланные из епархий и монастырей книги по Реестрам хранятся в Священном Синоде». Было решено о «взнесенных в комнату к покойной Государыне императрице книгах предоставить с кем следует учинить справку, нет ли их в Придворной библиотеке», поручив дальнейшее расследование новому обер-прокурору Синода В. А. Хованскому[23].

В составе указанного дела 1797 г. до нас дошёл в копии и упомянутый выше «Реестр взятым к его сиятельству графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину, по бытности его обер-прокурором Святейшего Синода, относящимся к Российской истории книгам, которые от него не возвращены», то есть, иначе говоря, поступившим в его распоряжение и пропавшим[24]. Очевидно, что этот документ (далее — Реестр 1797 г.) представлял

---

[20] *РГИА*. Ф. № 796, оп. 72, № 280. Л. 8–9 (от 13 августа 1791 г.).
[21] *РГИА*. Ф. № 796, оп. 72, № 280. Л. 73 (от 29 сентября 1791 г.).
[22] *РГИА*. Ф. № 796, оп. 78, № 750. Л. 3 (от 21 октября 1797 г.).
[23] Там же. Л. 3 об. (от 21 октября 1797 г.).
[24] *РГИА*. Ф. 796, оп. 78, № 750. Л. 62. См. Илл. 1.

собой запрос о судьбе перечисленных в нём разыскиваемых 11 рукописных книг, на который собиратель ответил в собственноручной приписке к документу: «Подлинный Реестр подписан рукою его сиятельства графа Мусина-Пушкина тако: „Летописи и выписки требованы по имянному Ея величества покойной Государыни императрицы указу, которые и внесены по Ея же повелению тогда же в Комнату, о чем известно всему Святейшему Синоду“»[25]. Граф, таким образом, отвечал своим обвинителям, что разыскиваемые книги были отданы им без документального оформления лично покойной Екатерине II, однако ни в Комнате императрицы, ни во Дворце, ни где-либо ещё большинство из них так и не были никогда обнаружены. Только в двух случаях выяснилось, что манускрипты числились исчезнувшими по недоразумению — они были найдены в других хранилищах, но всё же, согласно исследованию В. П. Козлова, «по меньшей мере девять рукописей были изъяты Мусиным-Пушкиным в процессе реализации указа 1791 г.»[26].

Среди этих девяти пропавших рукописей в Реестре 1797 г. упоминается и одна весьма нас интересующая — *Хронограф в лист*[27], причём сам В. П. Козлов отмечает: «Её мы должны признать в числе изъятых Мусиным-Пушкиным»[28]. Впрочем, возможность отождествления этой рукописи и сборника со Словом исследователем даже не рассматривалось, поскольку он считал, что А. И. Мусин-Пушкин приобрел Хронограф в лист, содержавший список Слова, еще в конце 1780-х гг., за несколько лет до того, как он стал обер-прокурором Синода. Пересмотрев этот вывод, мы должны теперь более внимательно присмотреться к данной рукописи, столь напоминающей по составу и по формату Мусин-Пушкинский сборник со Словом, и при этом, как выясняется, изъятой графом для своей коллекции. Что же о ней известно?

В Реестре 1797 г. она числится в разделе «В лист», под порядкомым номером 4, а в графе «Какие на них номера» указан старый номер 624. Описание рукописи дано следующее: «Историческая. Гранограф, История церковная Ветхаго и Новаго Завета, гражданская по 1687 год. Из Кирилло-Белозерского монастыря»[29].

---

[25] *РГИА*. Ф. 796, оп. 78, № 750. Л. 62 об. См. Илл. 2.

[26] *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988. С. 110.

[27] *РГИА*. Ф. 796, оп. 78, № 750, л. 62 (впервые указано: *Козлов В. П.* Новые материалы о рукописях, присланных в конце XVIII в. в Синод // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 92, прим. 43).

[28] *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»... С. 105.

[29] *РГИА*. Ф. 796, оп. 78, № 750, л. 62.

По счастливой случайности сохранился в копии до наших дней и передаточный Реестр кирилловских рукописей 1791 г., озаглавленный так: «Реэстр, какия летописцы и другия им подобныя сочинении, к Российской истории относящиеся, в Святейший Правительствующий Синод от епархиальных преосвященных архиереев, ставропигиальных и других монастырей от настоятелей присланы. Гавриила митрополита Новгородскаго и Санкт-Петербургскаго» (далее — Реестр 1791 г.[30]). В этом Реестре для каждой рукописи указаны номер «по описи» (имеется в виду Опись книг Кирилло-Белозерского монастыря 1766 г.[31]), порядковый номер (по форматам) и сведения о содержании, реже — о сохранности книги. Наряду с прочими главами, Реестр 1791 г. включает раздел «Из Кирилова Белоезерскаго монастыря» (л. 18 — 20; упомянуто 26 рукописей: в лист — 3, в четверть листа — 18, в восьмую долю листа — 5). Известно, что уже в начале декабря 1791 г. митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Гавриил (Петров)[32] представил в Святейший

[30] Реестр 1791 г. находится в РГБ, Ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 222. Л. 17 об. — 24 (см. описание: *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. М., 1842. С. 279–280). Рукопись на 24 л. folio, на бумаге с белой датой «1815» (л. 2, 23). В. П. Козлов отметил, что копия была сделана библиотекарем новгородского Софийского собора протоиереем З. Скородумовым в 1816 г. для графа Н. П. Румянцева (*Козлов В. П.* Новые материалы о рукописях, присланных в конце XVIII в. в Синод // Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981. С. 92, прим. 41).

[31] РНБ, Собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 106/1342.

[32] Гавриил (Петров) родился 18 мая 1730 г., умер 26 января 1801 г. Как отмечал биограф митрополита В. Шереметевский, «в век варварского отношения к памятникам старины Гавриил заботился о сохранении их в своих епархиях: он собрал с Новгородской епархии в Софийский собор для лучшей сохранности древние рукописи и книги» (*Шереметевский В.* Гавриил // Русский биографический словарь. М., 1914. Вып. «Гааг — Гербель». С. 46). Очевидно, речь здесь идет как раз о собирании манускриптов из разных монастырей в 1791–1792 гг. Действительно, значительная часть Кирилло-Белозерских рукописных книг, присланных епархиальному архиерею в эти годы, обнаруживается в составе собрания Новгородского Софийского собора, теперь находящегося в Отделе рукописей РНБ. Р. П. Дмитриева обнаружила из числа рукописей XV–XVI вв. в Софийском собрании 65 книг, происходящих из Кирилло-Белозерского монастыря, и привела краткие сведения о каждой из них (*Дмитриева Р. П.* Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 148–156). Следует также отметить исследование А. П. Балаченковой, отождествившей 51 рукопись Софийского собрания с книгами, упомянутыми в кирилло-белозерской Описи 1601 г. (см.: Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное изд. СПб., 1998. С. 285–314). Упомянутые выше Хронограф и Палея, в отличие от многих других кирилло-белозерских манускриптов, в Софийское собрание не попали.

Синод «при Реестре разные рукописи, найденные <...> в Кирилло-Белозерском монастыре (26 книг)»[33].

Оказывается, что в Реестре 1791 г. интересующий нас список Хронографа описан в разделе большого формата под номером 3 (624) более подробно, чем в Реестре 1797 г.: «В лист. Историческая. Гранографъ, история церьковная Ветхаго и Новаго Завета, и гражданская, *съ частымъ* (*част*[*н*]*ым*? — *А. Б.*) *баснословныхъ повестей прибавлениемъ* (курсив мой — *А. Б.*), по 1687-й годъ». Тут же под номером 1 (592) находим еще одну кирилловскую рукопись, которую в 1797 г. пытались разыскивать у графа после смерти Екатерины II: «Палея, история о создании мира, о древних патриархах, въ листъ, о Моисеи и прочиихъ ветхозаконных, *съ разными баснословными примешанными повестьми* (курсив мой — *А. Б.*); въ той же книге Повесть о разделении латинъ отъ грековъ, такожде царские на письменное от папскаго посланника представление ответы»[34] (современное местонахождение обеих рукописей неизвестно). В пользу вывода, что речь идёт о тех же самых Хронографе и Палее с «баснословными повестями», которые А. И. Мусин-Пушкин якобы отдал императрице, а в действительности, скорее всего, изъял для своей коллекции, свидетельствует то обстоятельство, что в Реестре 1791 г. при описании обеих рукописей имеются сделанные тем же почерком, что и основной текст, пометы на полях, соответствующие уже знакомым нам разъяснениям А. И. Мусина-Пушкина о судьбе разыскиваемых книг: в первом случае (о Палее) — «остались во Дворце», во втором (о Хронографе) — «во Дворце»[35].

Описанные в Реестре 1791 г. 26 книг — это лишь первая часть кирилловских рукописей, отправленных в Новгород. Всего через семь с половиной недель была описана и отправлена из обители в Новгород вторая, значительно большая партия рукописных книг. 25 января 1792 г. архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Иакинф Карпинский послал митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу рапорт, в котором говорится: «в Кирилловской книгохранительнице много нашел таковых [относящихся к истории — *А. Б.*] книг:

---

[33] РГИА, Ф. № 796, оп. 72, № 280. Л. 185 (от 5 декабря 1791 г.). Впервые этот факт был отмечен в изд.: *Поленов Д.* О летописях, изданных от Св. Синода. СПб., 1864. С. 25 (с датой 3 декабря 1791 г.).

[34] РГБ, ф. 256, № 222, л. 18. Если принять тождество Мусин-Пушкинского Хронографа со Словом и упомянутого в Реестре 1791 г. Хронографа с прибавлением «баснословных повестей», то следует считать, что «по 1687 г.» были доведены добавления к тексту Хронографа 1617 г. или же приписки к этой рукописи.

[35] РГБ, ф. 256, № 222. Л. 18.

в лист — 52, в четверть — 127, в осмуху и менее — 37 [итого 216 — *А. Б.*]; всех с прежде отправленными 243 <...> все вышеписанные манускрипты, чрез семинарского расходчика Казанской церкви, дьякона Иоанна Григорьева, на двух нанятых подводах отправлены. О чем Вашему высокопреосвященству благопочтеннейше репортую»[36]. Все 216 рукописей, посланных со второй партией книг из Кирилло-Белозерского монастыря в Новгород, были перечислены в передаточном Реестре 1792 г., опубликованном И. Сахаровым[37], который ошибочно считал, что издаваемый им каталог отражает часть современного ему состава библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря[38].

Итак, не позже декабря 1791 г. епархиальным архиереем из Новгорода была отправлена в Санкт-Петербург первая партия — 26 рукописных книг, происходящих из Кирилло-Белозерского монастыря (их архимандрит Иакинф Карпинский в рапорте от 25 января 1792 г. назвал «прежде отправленными»[39]), а вскоре поступила и вторая (216 рукописных книг), крупнейшая среди посланных духовенством во исполнение повеления императрицы от 11 августа 1791 г. Число рукописных книг, упомянутых в Реестрах 1791 и 1792 гг., было для своего времени весьма значительным. Достаточно отметить, что всего при воплощении в жизнь повеления Екатерины II «в течении восьми лет в хранилищах, подчиненных духовному ведомству, а также у частных владельцев было выявлено и описано с разной степенью подробности около 600 рукописей»[40]. На этом фоне почти две с половиной сотни рукописных книг, происходящих из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, составляют существенную часть (около 40 %) всех находок археографов конца XVIII в.

---

[36] РГИА, Ф. № 796, оп. 72, № 280. Л. 224–224об. (от 25 января 1792 г.). Впервые этот факт был отмечен в изд.: *Поленов Д.* О летописях, изданных от Св. Синода. С. 25–26.

[37] РГБ, ф. 256, № 222. Л. 1–17. Заглавие: «Ведомость рукописным Кирилловской книгохранительницы до российской истории относящимся книгам, с показанием №, под коими в книгохранительнице состоят». Опубликовано с сокращениями и многими погрешностями: *Сахаров И.* Каталог рукописям, находящимся в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря // Русский вестник. 1842. № 11–12 (ноябрь и декабрь). С. 1–40 (3-я паг.)

[38] Там же. С. 2.

[39] Судя по подсчетам Иакинфа Карпинского, в первой партии книг, отправленных из монастыря в центр епархии, должно было находиться 27 рукописных книг (243 — 216 = 27), но в Реестре 1791 г. упоминалось только 26 рукописей; именно столько книг митрополит Гавриил представил в Святейший Синод. Возможно, Иакинф Карпинский просто допустил арифметическую ошибку, или же судьба еще одной кирилловской рукописной книги остается неизвестной.

[40] *Козлов В. П.* Новые материалы о рукописях... С. 98.

Уже первая партия из 26 монастырских книг чем-то до такой степени заинтересовала обер-прокурора Синода, что он в очень скором времени затребовал представить вторую, значительно более полную и тщательную выборку рукописей из кирилловской библиотеки. Архимандрит Иакинф Карпинский в рапорте от 25 января 1792 г. отметил, между прочим, что новое «повеление касательно требуемых исторических рукописных книг простирается и до мелочей, до Российской истории надлежащих, хотя бы и в книгах другого рода нашлись»[41].

Что же именно могло так заинтересовать А. И. Мусина-Пушкина среди присланных в Синод в 1791 г. кирилло-белозерских рукописей? Ответ на этот вопрос мы можем получить, вспомнив, какие именно из этих книг впоследствии были признаны невозвращёнными графом в Святейший Синод и, скорее всего, пополнили его личное собрание. Существенно, что обе разыскиваемые в 1797 г. кирилло-белозерские по происхождению рукописи имели описанные схожим образом прибавления: Хронограф «съ частымъ баснословныхъ повестей прибавлениемъ» и Палея «съ разными баснословными примешанными повестьми». Скорее всего, именно дополнительные «баснословные повести» так заинтересовали собирателя, что он решился на изъятие этих двух рукописных книг.

В ранних переводных источниках «баснословие» обозначало выдумку, сказки, мифы; ложное учение[42], соответствуя греч. μυθολογία, от μῦθος — предание, сказание и λόγος – слово, рассказ, учение. Обычно эта лексема и производные от нее формы употреблялись относительно языческих богов или представлений. В Великих Минеях четьих митрополита Макария встречается выражение «басньскые повести»[43], а спустя век стольник Иван Бегичев упрекал другого стольника Стрешнева в том, что он ничего не читал, кроме «баснословных повестей», а именно Повести о Бове королевиче и о Сказания о куре и лисице[44]. В XVII в. обнаруживаются случаи использования такого рода определений применительно к сочинениям об Александре Македонском («Глаголют же баснословцы, яко Александр Македонский на сеи птицы по воздуху носим бе» — в Алфавите[45])

---

[41] РГИА, Ф. № 796, оп. 72, № 280. Л. 224–224 об.

[42] Словарь древнерусского языка: (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 106.

[43] Великие Минеи-Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. М., 1911. Ч. 1, тетр. 2: [Ноябрь], Дни 16–17. Стб. 2655.

[44] *Яцимирский А. И.* Послание Ивана Бегичева о видимом образе Божием. По рукописи XVII века собрания А. И. Яцимирского // ЧОИДР. 1898. Кн. 2, Отд. 2. С. 4.

[45] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 78 (рукопись БАН, Арх. № 446).

и об Индийском царстве («Многие о Индии пишут баснословие, и я о томъ умолчю» — в Космографии[46]). В XVIII — начале XIX в. «баснословные повести» понимались как беллетристические сочинения на мифологические или фольклорные сюжеты. Согласно Реестру 1792 г. (№ 448 Q), «баснословными повестями» в составе кирилло-белозерского по происхождению сборника первой половины XVI в. (РНБ, Софийское собр., № 1471) назывались Повесть о царице Динаре и отрывок Троянской истории.

Для нас наиболее существенным является использование выражения «баснословные повести» Н. М. Карамзиным, поскольку есть веские основания утверждать, что историограф сам видел и достаточно хорошо знал Мусин-Пушкинский сборник. Как известно, он отмечал, что Слово напечатано первыми издателями «со всею точностью против подлинника, выключая слов вечи Трояни, вместо которых в подлиннике стоит сечи Трояни». Также Н. М. Карамзин указал, что поставленное первыми издателями в скобках уточнение к упоминанию одного из князей (Олега), «учинено для большей ясности речи», то есть в самой рукописи это чтение отсутствует. Определить это Н. М. Карамзин мог только путем сличения Первого издания с рукописью[47].

Проведенный Л. А. Дмитриевым текстологический анализ цитат Н. М. Карамзина из «Слова» в «Истории государства Российского» показал, что в 13 случаях его выписки «могут более точно воспроизводить древнерусский оригинал Слова»[48]. Кроме того, Н. М. Карамзин безусловно делал выписки из других произведений, находившихся в Мусин-Пушкинском сборнике. В примечании 272 к третьему тому своего труда историограф писал: «В той же книге, в коей находится Слово о полку Игореве (в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина) вписаны еще две повести: Синагрип, царь Адоров, и Деяние прежних времен храбрых человек». Назвав их «достойными замечания по древности слога», Н. М. Карамзин приводит обширные выписки из них, а также из третьего сопровождавшего Слово памятника (Сказания об Индийском царстве), которые, без сомнения, были сделаны историографом по самой рукописи.

Описывая состояние России «от нашествия татар до Иоанна III» (1237–1462 гг.), Н. М. Карамзин заметил: «Кроме церковных или

---

[46] Книга, глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1878. С. 370 (Изд. ОЛДП, № 21), список 1670 г.

[47] См.: *Дмитриев Л. А.* Карамзин Николай Михайлович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3. С. 14–18 (здесь же библиография).

[48] *Дмитриев Л. А.* Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 41–44.

душеспасительных книг, мы имели от Греков всемирные летописи и разные исторические, нравственные, баснословные повести; например: *о храбрости Александра Македонского*, перевод Арриана — *о Синагриппе, Царе Адоров — о витязях древности — о богатствах Индии*, и проч.»[49] Историограф назвал «баснословными повестями» следующие сочинения: «о храбрости Александра Македонского» [т. е. Александрия]; «о Синагрипе, царе Адоров» [т. е. Повесть об Акире Премудром]; «о витязях древности»; «о богатствах Индии» [т. е. Сказание об Индийском царстве], что, безусловно, напоминает литературное окружение («конвой») Слова в Мусин-Пушкинском сборнике. Особенно интересно, что заглавия, приведённые историографом, близки уникальным заглавиям сочинений в рукописи со Словом. Повесть об Акире Премудром упоминается Н. М. Карамзиным в числе «баснословных повестей» под названием «о Синагрипе, царе Адоров», что почти точно совпадает с заглавием в Мусин-Пушкинском сборнике («Синагрип Царь Адоров»), а упоминание сочинения «о богатствах Индии», несомненно, относится к Сказанию об Индийском царстве, причем заглавие вновь практически совпадает со сборником А. И. Мусина-Пушкина («Сказание об Индии богатой»), в то время как другие многочисленные списки произведения вообще не знают такого варианта заголовка[50]. Возможно, что Н. М. Карамзин, называя среди «баснословных повестей» сочинение «о витязях древности»[51], имел в виду не конкретное название произведения, а его топику. «Девгениево деяние», третье переводное сочинение, сопровождавшее Слово в Мусин-Пушкинском сборнике, озаглавлено как «Деяние прежнихъ временъ храбрыхъ человекъ», и вполне подходит под данное тематическое определение. Важно вслед за О. В. Твороговым подчеркнуть, что «все названные памятники или вообще редко встречаются в древнерусской письменности, или представлены в [Мусин-Пушкинском — *А. Б.*] сборнике своими древнейшими и малораспространенными редакциями»[52], поэтому совпадение заголовков не может быть обычной случайностью. Учитывая, что Н. М. Карамзин не только дословно повторил формулировку «баснословные повести» из передаточного Реестра 1791 г. по

---

[49] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 220.

[50] См.: *Бобров А. Г.* «Сказание об Индийском царстве» в версии Ефросина Белозерского // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 59. С. 264–292.

[51] Древнерусское сочинение, включавшее в свое название слова «о витязях древности», неизвестно.

[52] *Творогов О. В.* К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 140.

отношению именно к тем сочинениям, которые находились в Мусин-Пушкинском сборнике, но и прямо указывал на находку рукописи «в одной монастырской архиве» (см. выше), можно полагать, что историографу было известно и то, откуда А. И. Мусин-Пушкин получил рукопись, и то, какими словами она была описана в передаточном Реестре 1791 г. Иначе говоря, вполне вероятно, что Н. М. Карамзин догадывался о тождестве Кирилло-Белозерского Хронографа № 624 и сборника со Словом.

Похоже, что многие хорошо осведомлённые современники не были склонны верить графу на слово в том, что невозвращенные в Святейший Синод рукописи действительно были им переданы императрице Екатерине II и бесследно пропали во Дворце. Цитируя приписку А. И. Мусина-Пушкина на Реестре 1797 г., члены Святейшего Синода многозначительно добавили частицу «де» («о чем **де** известно всему Святейшему Синоду», вместо мусин-пушкинского «о чем известно всему Святейшему Синоду»). К. Ф. Калайдович в письме от 28 февраля 1814 г. высказал мнение, что А. И. Мусин-Пушкин «и другие подобные, *беззаконно стяжавшие* (курсив мой — *А. Б.*) свои ученые сокровища, предали их на жертву пламени»[53], а граф С. С. Уваров в 1837 г. прямо утверждал, что «летописи, *собранные в 1791 году, как известно*, *поступили в библиотеку покойного графа А. И. Мусина-Пушкина* (курсив мой — *А. Б.*) и сгорели с нею вместе»[54].

Страсть собирателя, по всей видимости, подтолкнула А. И. Мусина-Пушкина на сомнительный путь. И это был не единственный случай такого рода: граф утверждал, что подаренный им императору Александру I древнейший датированный список русской летописи — Лаврентьевская летопись 1377 г. — происходил из коллекции умершего в 1763 г. П. Н. Крекшина[55], но Д. С. Лихачев подверг сомнению эту версию, поскольку ей противоречило существование копии этого кодекса, сделанной в 1765 г. учениками Новгородской семинарии[56]. Теперь известно, что Лаврентьевская летопись поступила в собрание А. И. Мусина-Пушкина не из коллекции П. Н. Крекшина, а из библиотеки Новгородского

---

[53] *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»... С. 89.

[54] *Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 313.

[55] *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983. М., 1984. С. 17.

[56] *Лихачев Д. С.* Археографический комментарий // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 354. Современный шифр копии: БАН, 34.2.32.

Реестръ Вѣдомости къ его Сіятельству Графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому, по обстоятельству его осмотрѣнія Старшаго Синода относящимся къ Россійской Исторіи Именамъ Которыя отъ него Конфискованы.

62

Число книгъ	Книги Конфиск. Номеръ		Откуда они Старшіи Синодъ Считали:
1.	55.	Въ Голодетъ Хронографъ.	Изъ Синодальной Библіотеки.
2.	50.	Въ листъ: Апостолъ, Часть Новаго Завѣта отъ Деяній Апостолъ Отъ Иоанна Богословъ Тѣ Иже Апокалипсисъ.	Изъ Типографской Библіотеки
		Въ листъ Ал:	
3.	592.	Полная Исторія о Сѣверной войнѣ, Ордынскій Тотарскій, Ромоновъ Петръ:	Изъ Кирилло Бѣлозерскаго Монастыря
4.	624.	Историческая Грамматика, Исторія Церковная Всемірнаго Великаго Василія Діакона тво 1687 года.	
5	[illegible]	Полной Обстоятельной отвѣтъ Дочери Государевой, Тѣмъ Изъ Столоновъ Петръ:	Изъ Спасо Каменнаго Монастыря.
6	1128	Пандектъ Кіотскій.	Изъ Новоспасскаго Монастыря.
возвращены 7.	1145.	Хронографъ.	
8.	[illegible]	Апостолъ Дѣяніи, на старинномъ Греческомъ Языкѣ 6360, а по нынѣ 1045	Отъ Новгородскаго
9.	12	Апостолъ Іосифовъ Переводъ Кестора.	Изъ Новгородскаго Софійскаго Собора
10.	59.	Соборникъ Святыя Соборныя Церкви, Цѣнтъ Повелѣ обѣщанно Отъ Апостолъ Отъ Греческаго Новѣ Дѣлъ.	Новгородской Старой Варлаамовой Монастыря.

Число	Какой номер		Отнюдь Они Приняли
11.	81.	Въ честь судныя статьи Іоанна Васильевича	Изъ неаполитанскаго Синклита
		Остался Изъ Александровъ Скарикъ Ивановой Консисторіи Старшинъ Гимназіи Окольничьей достоинства тиностяны	Отъ Преосвященнаго Рязанскаго
		Грамоты данныя Шуйскому Монастырю Вклады 20.	Изъ Шуйскаго Монастыря
		Устюжскаго Монастыря Тело Святыя.	
		Подлинной Вѣдомость подписана Рукою Его Императорскаго Величества Марта Перваго 1711	
		Мы потомки Извѣстили требованы помянутому Ея Величества посланной государыни Императрицы Анны, которые Изъ Лиды, которые Изъ Рязани повелѣ Повелѣнія тогдашнія Вѣдомости; Чтобы Извѣстно всему Ея Императрицы Двору.	

Софийского собора, где она числилась под № 38[57]. Видимо, и эту рукопись граф получил от митрополита Гавриила.

Итак, сумма фактов свидетельствует, что в конце 1791 г. рукопись со Словом была привезена из Кирилло-Белозерского монастыря в Новгород, и владыка Гавриил переслал ее вместе с Палеей (и, возможно, Лаврентьевской летописью) в Санкт-Петербург обер-прокурору Синода А. И. Мусину-Пушкину. Уже на протяжении первого года после открытия о ней поведал в печати П. А. Плавильщиков, использовал для правки своего сочинения И. П. Елагин, а также, возможно, комментировал И. Н. Болтин и держал в своих руках Йозеф Добровский. Уйдя в отставку с должности обер-прокурора Синода, А. И. Мусин-Пушкин не смог расстаться с некоторыми попавшими в его руки рукописными книгами, в том числе и с Кирилло-Белозерским Хронографом № 624, который в дальнейшем стал известен в науке под названием Мусин-Пушкинского сборника. Но всё же не будем забывать, что А. И. Мусин-Пушкин с помощью своих учёных друзей подготовил первое издание Слова, и забытая на века древнерусская поэма вошла в сокровищницу литературы.

Илл. 1 и 2 на с. 481–482:
«Реестр взятым к Его Сиятельству графу
Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину,
по бытности Его обер-прокурором Святейшего Синода
относящимся к Российской истории книгам,
которые от него не возвращены»
РГИА. Ф. 796. Опись 78. Д. 750. Л. 62 и 62 об.

[57] *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина... С. 16–18; *Прохоров Г. М.* Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4. С. 84, прим. 26.

ТРИ ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О РУССКО-ПОЛОВЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1184–1185 ГОДОВ

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Перевод Наталии Введенской и Андрея Чернова

В год 6691 (1184) месяца февраля в двадцать третий день, в первую неделю поста*, пришли воевать на Русь к Дмитрову измаилтяне безбожные половцы с окаянным Кончаком и с Глебом Тириевичем, но Божьим заступничеством вреда не причинили. Князь же Святослав Всеволодич сговорился со сватом своим Рюриком и пошел против половцев. И остановились у села Ольжичи, ожидая Ярослава, который шел из Чернигова. Встретил их Ярослав и сказал: «Ныне, братья, не ходите, но условимся о времени, и если Бог даст, пойдем летом». Святослав же и Рюрик, послушавшись его, возвратились. Святослав послал полем сыновей своих с полками своими к Игорю, велев ему ехать вместо себя, а Рюрик послал со своими полками Владимира Глебовича. А Владимир Глебович послал к Игорю, прося разрешения выступить впереди его полков, ибо князья русские обещали ему, что пойдет впереди. Но Игорь не согласился на это. Владимир разгневался и возвратился. И идя оттуда, напал на города северские и захватил большую добычу. Игорь же повернул назад киевские полки и поставил над ними Олега и своего племянника Святослава, чтобы довели они войско без потерь, а сам поехал, взяв с собой брата своего Всеволода и Всеволода Святославича**, и Андрея с Романом, и некоторое число воинов из черных клобуков с Кулдюрем и с Кунтувдеем. И пришли они к реке Хирие. И было той ночью тепло, шел сильный дождь, и поднялась вода, и не нашли брода, а половцы, которые успели переправиться со своими вежами — спаслись, а какие не переправились, тех полонили. Говорили, что во время этой рати немало вежей, и коней, и скота утонуло в Хирие, когда бежали от руси. <...>

В тот же год Бог побудил Святослава, князя Киевского, и великого князя Рюрика Ростиславича пойти на половцев. И послали они к соседним князьям, и присоединились к ним Мстислав и Глеб Святославичи, и Владимир Глебович из Переяславля, Всеволод Ярославич из Лучска с братом Мстиславом, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович и Мстислав Городенский, Ярослав, князь Пинский, с братом Глебом, и из Галича от Ярослава пришла помощь, а свои братья не пришли, говоря: «Далеко нам идти к низовьям Днепра, не можем свою землю без защиты

---

* В 1184 г. это вторая седмица Великого поста. — *Здесь и далее прим. переводчиков.*

** Всеволод Черемный, средний сын Святослава Киевского.

оставить, но если пойдешь через Переяславль, то присоединимся к тебе на Суле». Святослав же, рассердившись на своих братьев, поспешил в путь, ведомый Божьим промыслом; потому-то старшие его сыновья и не поспели из Черниговщины*. Идя вдоль Днепра, достиг места, которое зовется Инжир-брод, и тут перешел на чужой берег Днепра и пять дней искал половцев. Тогда отрядил младших князей вперед полков своих; отрядил Владимира Переяславского, и Глеба, и Мстислава, сына своего**, и Мстислава Романовича, и Глеба Юрьевича, князя Дубровицкого, и Мстислава Владимировича. И берендеев было с ним две тысячи сто. Половцы же, увидев смело идущие на них полки Владимира, побежали, гонимые гневом Божьим и Святой Богородицы. Русские гнались за ними, но не догнав, возвратились и встали в месте, называемом Орель, которое на Руси зовется Угол.

Половецкий же князь Кобяк, полагая, что это и есть все русское войско, возвратился и стал преследовать русь. Когда половцы догнали русские полки, началась перестрелка через реку и хотели отогнать друг друга, и так продолжалось немалое время. Узнав об этом, Святослав и Рюрик послали им на помощь большую рать, а сами, поспешая, пошли за ними. Когда половцы увидели пришедшие на помощь полки, то решили, что это Святослав и Рюрик, и тотчас ускакали. Русские, утвердившись Божьей помощью, начали сечь половцев и брать в плен. Так явил Господь милость свою христианам, и в тот день Бог возвеличил Святослава и Рюрика за веру их.

И взяли в плен Кобяка Карлыевича с двумя его сыновьями, Изая Билюковича, и Товлыя с сыном, и брата его Бокмиша, Осалука, Барака, Тарха, Данила и Содвака Кулобичского. Взяли Корязя Калотановича и тут же убили его и Тарсука, а прочих — без счета. Даровал Бог победу эту месяца июля в тридцатый день, в понедельник, в день памяти святого Ивана Воиника***. А великий князь Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич, прияв от Бога победу над погаными, возвратились домой со славой и с честью великой.

В тот же год Игорь Святославич, услышав, что Святослав пошел на половцев, призвал к себе брата своего Всеволода, и племянника Святослава, и сына своего Владимира и обратился к братии своей и ко всей дружине: «Половцы ополчились против русских князей, а мы в отсутствие их нападем на их вежи». И когда перешли Мерлу, встретились с половцами, ибо ехал Обовлы Костукович с четырьмястами воинами воевать на Русь. И тотчас поскакали им навстречу. Половцы же, Божьим повелением бежали, а русь погналась за ними, и победила их, и возвратилась восвояси.

В это же время Владимир Ярославич Галицкий, шурин Игоря, жил у Игоря, ибо был изгнан отцом своим из Галича. Тот Владимир прежде всего отправился во Владимир к Роману, но Роман, убоясь отца его, не дозволил поселиться у себя. Оттуда ушел к Ингварю в Дорогобуж, но и тот, убоясь отца его, не принял Владимира. И оттуда поехал к Святополку в Туров, и тот также не пустил

* Олег Лопасненский и Владимир Вщижский (Черниговский).

** Глеб и Мстислав — младшие сыновья Святослава.

*** Дата верна для 1184 г.

его, и Давыд в Смоленске его не пустил, и ушел Владимир Галицкий в Суздаль к Всеволоду, дяде своему. Но и там не обрел покоя и пришел к зятю своему Игорю Святославичу в Путивль. Тот же встретил его с любовью и великими почестями и два года держал у себя, а на третий год помирил его с отцом и послал с ним сына своего Святослава, зятя Рюрикова. <...>

В год 6692 (1184). Пошел окаянный и безбожный и треклятый Кончак со множеством половцев на Русь, желая захватить и пожечь огнем города русские, ибо был у него некий басурманин, который стрелял живым огнем. Были у них такие луки-самострелы, что и пятьдесят мужей едва могли натянуть их. Но всемилостивый Господь Бог гордым противится и козни их разрушает. Кончак же, придя, стал на Хороле и послал к Ярославу Всеволодовичу, коварно предлагая ему замириться. Ярослав же, не подозревая обмана, направил к половцам мужа своего Ольстина Олексича. А Святослав Всеволодович послал к Ярославу, говоря: «Брат, не верь им и своего мужа не посылай, а я пойду против них». Святослав же Всеволодович и Рюрик Ростиславич со всеми своими полками сразу же вышли против половцев. Рюрик и Святослав отрядили Владимира Глебовича и Мстислава Романовича, а сами Рюрик и Святослав пошли следом. По пути встретились им купцы, шедшие из Половецкой земли, и сказали, что половцы стоят на Хороле. Святослав и Рюрик, услышав об этом, обрадовались и пошли туда. А Владимир и Мстислав, узнав о том, пришли на указанное купцами место. Но когда пришли туда, где стояли половцы, то не увидели никого, ибо половцы перешли на другое место возле Хорола. Передовой же полк, переправившись через Хорол, поднялся на Шеломя, чтобы узреть их. Кончак же стоял внизу. И ехавшие по Шеломени разминулись с ним, а другие заметили и напали на него. Кончак же, увидев это, бежал на ту сторону дороги, а наложницу его взяли и того басурманина захватили, у которого был живой огонь. И доставили его к Святославу с его машиной, прочих же воинов кого перебили, а кого полонили, захватив множество коней и оружия.

В год 6693 (1185). Даровал Господь избавление — дал победу князьям русским Святославу Всеволодовичу и великому князю Рюрику Ростиславичу, месяца марта в первый день. Узнав, что Кончак бежал, послали за ним Кунтугдыя с шестью тысячами воинов. Но тот не смог догнать, ибо помешала распутица за Хоролом. Святослав же и великий князь Рюрик одержали победу молитвами святых мучеников Бориса и Глеба и пошли каждый восвояси, славя Бога во Троице — Отца, и Сына, и Святого Духа.

Князь же Ярослав Черниговский не пошел с братом своим Святославом, сказав: «Я послал к половцам мужа своего Ольстина Олексича, и потому пойти не могу». И тем оправдался перед своим братом Святославом. Игорь же сказал мужам Святославовым: «Не дай бог отказаться идти на поганых: они — наш общий враг!» Потом стал гадать Игорь с дружиной: каким бы путем поехать, чтобы перегнать полки Святослава. Сказала ему дружина: «Князь, не можешь ты лететь, как птица: в четверг приехал к тебе муж от Святослава, а если сам он вышел из Киева в воскресенье, то как ты сможешь догнать его?» Игорю не любы были слова дружины, хотел он ехать полем прямиком за Сулу. Но была такая непогода, что воины и днем не видели дороги. И потому не могли ехать за Святославом.

Той же весной князь Святослав послал Романа Нездиловича с берендеями на поганых половцев. С Божьей помощью захватили вежи половецкие, взяв много пленных и коней двадцать первого апреля, на самую Пасху.

В ту пору князь Святослав отправился по своим делам в землю вятичей, к Карачеву.

В то же время Игорь Святославич, внук Олегов, выступил из Новгорода* месяца апреля в двадцать третий день, во вторник, позвав с собой брата Всеволода из Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника своего из Рыльска, и Владимира, сына своего, из Путивля. И у Ярослава попросил в помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с ковуями черниговскими. И так шли они медленно, на раскормленных конях, собирая войско свое. Когда подходили они к реке Донцу в вечерний час, Игорь, взглянув на небо, увидел солнце, стоящее словно месяц. И сказал боярам своим и дружине своей: «Разумеете ли, что значит знамение сие?» Они же узрели и все головами поникли. И сказали: «Князь! Не к добру сие знамение!» Игорь же отвечал: «Братья и дружина! Тайны Божьей никто не ведает, а знамению творец Бог, как и всему миру своему. А что нам Бог даст — на благо ли, на беду — то и увидим».

И, сказав так, переправился через Донец, и пришел к Осколу, и ждал там два дня брата своего Всеволода, ибо тот шел иным путем из Курска. И оттуда пошли к Сальнице. Здесь приехали к ним их разведчики, которых посылали ловить языка, и сказали: «Встретились с ратными, ратники их во всем вооружении ездят, так что либо поезжайте без промедления, либо возвращайтесь домой: не наше сейчас время». Игорь же сказал братии своей: «Если мы без битвы возвратимся, то срам хуже смерти; но пусть будет, как Бог даст». И, так рассудив, ехали всю ночь.

Наутро же, в пятницу, в час обедни, встретились с полками половецкими, которые вежи свои отправили назад, а сами, собравшись от мала до велика, встали на противоположном берегу реки Сюурлий. А наши построили шесть полков: Игорев полк посередине, а по правую руку — полк брата его Всеволода, по левую — Святослава, племянника его, спереди полк Владимира, сына Игоря, и другой полк, Ярославов, — ковуи с Ольстином, а третий полк впереди всех — стрелки, собранные от всех князей. И так построили полки свои. И сказал Игорь братии своей: «Братья! Того мы и искали, так дерзнем же!» И двинулись на половцев, уповая на Бога. И когда приблизились к реке Сюурлию, то выехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле на русских, ускакали. Еще не успела русь переправиться через Сюурлий, как обратились в бегство даже те половецкие полки, которые стояли далеко за рекой.

Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями и стрелками бросились их преследовать, а Игорь и Всеволод двигались медленно, держа строй своих полков. Передовые русские избивали половцев и брали пленных. Половцы пробежали через вежи свои, а русские, достигнув веж, захватили полон. А другие с пленниками лишь ночью вернулись к своим полкам. И когда

* Имеется в виду Новгород-Северский.

собрали всю добычу, обратился Игорь к братии своей и к мужам своим: «Это Бог силою своей даровал нам победу и честь, и славу. Но видим мы бесчисленные полки половецкие — а все ли половцы уже собрались? Так поедем же сейчас, ночью, а кто утром пустится нас преследовать, то не все догонят: лишь лучшие из половецких конников переправятся [через реку], а сами мы — как Бог даст». И сказал Святослав Ольгович дядьям своим: «Далеко гнался я за половцами, и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». И поддержал его Всеволод, и предложил заночевать здесь. И сказал Игорь: «Да не трудно, братья, догадаться, что и умрем здесь». И заночевали на том месте.

Когда же рассвело в субботу, то проступили полки половецкие, стоявшие, словно лес. И не знали князья русские, кому из них против кого ехать — так много было половцев. И сказал Игорь: «Ведаю, что собрали мы на себя всю землю Половецкую — Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, и Колобича, и Етебича, и Тертробича». И тогда, посовещавшись, сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донца, ибо говорили: «Если ускачем — спасемся сами, а простых людей оставим, а то будет грех перед Богом, коли уйдем, а их выдадим. Но либо умрем, либо все вместе живы будем». И сказав так, сошли с коней и двинулись с боем. Тогда Божьим попущением ранили Игоря в руку, и омертвела его левая рука. И была печаль великая в полку его: был у них воевода, а ранили его прежде других. И так ожесточенно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в русских полках.

Настала субботняя ночь, но все еще шли они, сражаясь. На рассвете же в воскресенье вышли из повиновения и бежали ковуи. Игорь в то время сидел на коне, ибо ранен был, и поспешил к ним, желая возвратить их. Но заметив, что он слишком удалился от своих, сняв шлем, погнался вновь за бегущими, чтобы те узнали князя и вернулись. Но не возвратился никто, только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся. А с ковуями из простых воинов да детей боярских немногие бежали, ведь все сражались в пешем строю, и среди них Всеволод, показавший немало мужества. Когда уже приблизился Игорь к своим полкам, перехватили его на расстоянии полета стрелы от полка его. И схваченный Игорь видел брата своего Всеволода, крепко бьющегося, и просил для себя смерти, чтобы не видеть гибели брата своего. Всеволод же так бился, что не успевал менять оружия. И сражались, обходя озеро.

И так в день святого воскресения навел на нас Господь гнев свой, вместо радости обрек нас на плач и вместо веселья — на го́ре на реке Каяле. Говорят, что воскликнул тогда Игорь: «Вспомнил я грехи свои перед Господом Богом моим, ибо немало кровопролития сотворил на земле христианской: как не пощадил я христиан, но взял на щит город Глебов у Переяславля. Тогда немало зла приняли безвинные христиане: разлучаемы были отцы от чад своих, брат от брата, друг от своего друга, и жены от мужей своих, и дочери от матерей своих, и подруга от подруги своей. И все порушено пленом и скорбью: живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики, огнем очистились. Старцев убивали, юношей ранили жестоко, мужей рассекали, женщин оскверняли. И все это сделал я, — воскликнул Игорь, — и недостоин я жить! А теперь вижу отмщение от Господа Бога моего: где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где мое чадо? где бояре мудрые? где мужи храбрые? где строй полков

моих? Где кони и оружие драгоценное? Не всего ли этого лишился я? И связанного предал меня Господь в руки беззаконным. Воздал мне Господь за беззакония мои и за жестокость мою, и обрушились теперь грехи мои на голову мою. Истинен Господь, и праведен суд его. И не для меня участь живых. Ныне вижу, что другие принимают венец мученический, но почему я, один во всем повинный, не нашел смерти? Но, Владыка Господь Бог мой, не отринь меня навсегда, но какова воля твоя, Господи, такова и милость к нам, рабам твоим».

И как окончилась битва, и полки [половцев] разведены были, пошли каждый к своим вежам. Игоря же взял в плен муж именем Чилбук из Тарголовцев, а Всеволода, брата его, взял Роман Кзич, а Святослава Ольговича — Елдечук из Вобурцевичей, а Владимира — Копти из Улашевичей. Тогда же на поле битвы Кончак поручился за свата своего Игоря, ибо тот был ранен. И мало кто смог спастись по случайности, нельзя было убежать даже тем, кто бежал — словно стенами крепкими огорожены были полками половецкими. Из русских пятнадцать мужей убежало, ковуев и того меньше, а прочие в море утонули.

В то время великий князь Святослав Всеволодович шел в Карачев и собирал в Верхних землях воинов, намереваясь идти на половцев к Дону на все лето. Когда же возвращался Святослав, у Новгорода-Северского услышал о братьях своих, что пошли на половцев втайне от него, и было это ему не мило. Святослав шел на ладьях и пришел к Чернигову. Тогда и прибежал туда Беловод Просович и поведал Святославу о случившемся в земле Половецкой. Святослав, узнав об этом, вздохнул горестно, утер слезы и сказал: «О дорогие мои братья, и сыновья, и мужи земли Русской! Дал мне Бог усмирить поганых, а вы, не сдержав юности, отворили ворота на Русскую землю. Да будет во всем воля Господня, но, как давеча досадовал я на Игоря, так ныне сокрушаюсь я по Игорю, брату моему».

После этого послал Святослав сына своего Олега и [сына своего] Владимира в Посемье, ибо слышал, что взбунтовались города Посемские, и была скорбь и туга лютая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и по всей волости Черниговской; князья отняты, и дружина отнята, перебита, люди мечутся, как в ловушке, в городах мятежи, и не мило каждому ближнее свое, но многие с душами своими расстались, о князьях своих сокрушаясь*. Затем послал Святослав к Давыду в Смоленск, со словами: «Сговаривались мы идти на половцев на все лето на Дон, а теперь половцы победили Игоря, с братом его и сыном; приезжай же, брат, стеречь землю Русскую». Давыд же приплыл к ним по Днепру, пришли и другие на помощь, и встали у Треполя, а Ярослав, собрав полки, стоял в Чернигове.

Поганые же половцы, победив Игоря с братией, возгордились и собрали все племена свои на Русскую землю. И был у них спор; молвил Кончак: «Пойдем на киевскую сторону, где перебиты были братия наши и великий князь наш Боняк». А Кза промолвил: «Пойдем на Сейм, где остались их жены и дети: там уже собран нам готовый полон, возьмем города без опаски». И так разделились: Кончак

* Смысл, очевидно, такой: начались мятежи и грабежи, но многие погибли, защищая княжеское имущество.

пошел к Переяславлю, и окружил город, и бился там весь день. В Переяславле княжил тогда Владимир Глебович. Был он дерзок и крепок в бою. Выехал он из города и пошел на врагов с немногими из дерзнувших дружинников. И бился крепко, и окружило его множество половцев. Тогда оставшиеся, видя князя своего крепко бьющегося, ринулись из города и отбили князя своего, раненного тремя копьями. Тот славный Владимир, тяжко раненный, въехал в город свой и отер пот свой мужественный, за отчину пролитый. Владимир послал к Святославу, и к Рюрику, и к Давыду, говоря: «Половцы у меня, помогите же мне». Святослав же послал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя со смолянами. Смоляне же собрали вече и так сказали: «Мы пошли на защиту Киева, и когда была бы там рать, то и бились бы, а другой рати искать не можем, и так уж изнемогли».

Святослав с Рюриком и иными помощниками, пошли по Днепру на половцев, Давыд же со своими смолянами ушел [в Смоленск]. Узнав об этом, половцы отступили от Переяславля. И, проходя мимо Римова, осадили его. Римовичи же затворились в городе и полезли на забрала. И тут, Божьим судом, обрушились две городницы с людьми. Тогда на ратников и на прочих горожан нашел страх. Которые горожане вышли из города и бились, и ушли по Римовскому болоту, те избежали плена, а кто остался в городе, те все взяты были. Владимир же вновь послал к Святославу Всеволодичу и к Рюрику Ростиславичу, призывая их на помощь. Но Святослав задержался, ожидая Давыда со смолянами. И так опоздали князья русские и половцев не догнали. Половцы же, взяв город Римов, отправились с полоном восвояси, а князья возвратились по домам, печалясь о сыне своем Владимире Глебовиче, смертельно раненном, и о христианах, попавших в плен к поганым.

Так Бог, казня нас за грехи наши, навел на нас поганых, не их жалуя, но нас казня и обращая к покаянию, дабы отреклись мы от злых своих дел. И казнит нас набегами поганых, чтобы мы, смирившись, опомнились и сошли со злого пути.

А другие половцы пошли по другой стороне к Путивлю. Гза с большим войском разорил окрестности и села пожег. Сожгли половцы и острог путивльский и вернулись восвояси.

Игорь же Святославич в то время был у половцев и говорил: «Не доблесть поганых сломила силу рабов твоих, Владыка Господь, а за дела мои повержен я по воле твоей. Готов я за злодеяния свои принять все, что назначишь, как уже и принял». Половцы же, робея перед ним, не чинили ему зла, но приставили к нему пятнадцать стражей из числа своих соплеменников и пять сыновей людей именитых, и всего их было двадцать, но не стеснили его: куда хотел, туда ездил, и с ястребом охотился, а своих слуг пятеро или шестеро с ним ездило. Сторожа его слушались и почитали, а если посылал он кого, то, не прекословя, исполняли волю его. И попа со святою службой призвал к себе из Руси, ибо не ведал Божьего промысла, но готовился долго еще там пробыть. Однако избавил его Господь за молитву христианскую, ибо многие печалились о нем и слезы проливали.

Когда же был он в земле Половецкой, то нашелся там некий муж, родом половец, именем Лавр*. И восприял он мысль благую и сказал Игорю: «Пойду с тобой в Русь». Игорь же сначала не верил ему, но лелеял по юности своей дерзкую мысль, задумав вместе со мужами своими бежать в Русь. И говорил: «Я славы ради не бросил дружину, и ныне бесславным путем не пойду». С Игорем были сын тысяцкого

и конюший его, и те убеждали его, говоря: «Иди, князь, в землю Русскую, и если захочет Бог, — вызволит тебя». Но все не было случая, какого он ждал. Но как мы уже сказывали, должны были вернуться половцы от Переяславля, и сказали тут Игорю советчики его: «Носишь в себе мысль дерзкую и не угодную Господу: ты ищешь случая бежать вместе с мужами своими, а про то не думаешь, что приедут половцы из похода. Слышали мы, собираются перебить они и тебя, князь, и мужей твоих, и всех русских. И не будет ни славы тебе, ни жизни»**. Запал князю Игорю в сердце совет их, и, опасаясь возвращения половцев, он решился бежать.

Но нельзя было убежать ни днем, ни ночью, ибо крепко стерегли его, но только на заходе солнца. И послал Игорь к Лавру конюшего своего, велев сказать ему: «Перейди на тот берег Тора с оседланным конем», ибо решился он бежать на Русь с Лавром. А в то время половцы напились кумыса. И вечером пришел конюший и сказал князю своему Игорю, что Лавр ждет его. Встал Игорь в страхе и в смятении, поклонился образу Божьему и кресту честному, молвив: «Господь-сердцевидец! Спасешь ли недостойного меня, Владыка?» И, возложив на себя крест и икону, поднял стену [шатра] и полез вон. Стражи его в то время играли и веселились, полагая, что князь спит***. Он же, пойдя к реке, перебрался [на другой берег], сел на коня, и так поехали вдвоем через вежи.

Даровал ему Господь избавление это в пятницу вечером. И шел пешком**** до города Донца одиннадцать дней, а оттуда — в свой Новгород, и там обрадовались ему. Из Новгорода пошел к брату Ярославу в Чернигов, помощи прося для Посемья. Ярослав же обрадовался ему и обещал помочь. Оттуда направился Игорь в Киев, к великому князю Святославу, и рад был Игорю Святослав, а также и Рюрик, сват его.

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Перевод Наталии Введенской и Андрея Чернова

В год 6693***** (1184). В то лето вложил Бог мысль в сердце князьям русским — ходили все князья русские на половцев: Святослав Всеволодович, Рюрик Ростиславич, Владимир Глебович, Глеб Святославич, Глеб Юрьевич Туровский, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович, Всеволод Мстиславич и Галичская помощь, и Владимирская, и Лучская. И, объединившись, пошли на половцев;

* Автор «Слова» называет его половецкое имя — Овлур.

** Анонимный советчик Игоря не включает себя в круг тех, кого могут убить половцы. А поскольку их монолог начинается с христианского наставления, вероятно, совет бежать в одиночку дают Игорю пришедшие из Руси священники (пленниками не являющиеся и расправы над собой не ожидающие).

*** См. в «Слове»: «Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля измеряет...».

**** В некоторых списках Ипатьевской летописи слово «пешком» опущено, ведь ранее сказано, что у беглецов были кони. Объяснение находим в «Слове»: «...загнали своих борзых коней».

***** В Лаврентьевской летописи даты сдвинуты на один год.

и перешли реку Угол, и пять дней их искали. Владимир же Глебович, внук Юрия, ехал впереди в сторожевом полку с переяславцами, и берендеев было с ним две тысячи сто.

Половцы же, услышав, что русь пришла на них, рады были, уповая на силу свою, и говорили: «Бог предал князей русских с полками их в руки наши». И устремились в бой, не ведая реченного: «Ни мужество, ни хитрость не помогут, если Бог воспротивится». Пошли они против Владимира с кличем, словно пожрать его хотели. Владимир же с помощью Бога и Святой Богородицы, укрепляем молитвой деда своего и отца своего, пошел против них, отпросившись у Святослава, сказав тому: «Волость моя разорена половцами, пусти меня, отец Святослав, с полком сторожевым вперед». А князья русские не поспели за Владимиром. Половцы же, увидев полк Владимира, храбро на них идущий, побежали, гонимые гневом Божьим и Святой Богородицы. А наши их погнали, и рубили, и семь тысяч полонили, одних князей половецких было четыреста семнадцать, и схватили Кобяка, Осолука, Барака, Тарга, Данилу, Башкорта, Тарсука, Изу, Глеба Тириевича, Ексна, Алака и Толгыя, тестя Давыдова, с сыном, Тетия с сыном, Кобякова тестя Турундая. И помогли Бог со Святой Богородицей Владимиру месяца июля в тридцать первый день, в понедельник*, на память святого Евдокима Нового.

Даровал Господь спасенье великое князьям нашим и воинам их, и победу над врагами нашими. Побеждены были иноплеменники куманы, называемые половцами. И сказал Владимир: «В сей день, данный нам Господом, возрадуемся и возвеселимся, ибо Господь избавил нас от врагов наших и поверг врагов наших под ноги наши, и сокрушил головы змиевы». И была радость великая: дружина ополонилась, и повели колодников, оружие добыли и коней, и возвратились домой, славя Бога и Святую Богородицу, скорую помощницу роду христианскому.

В год 6694 (1185). Месяца мая в первый день, на память святого пророка Иеремии, в среду, под вечер было знаменье в солнце, и стало так темно, что людям можно было звезды увидеть, и в глазах зелено было, и солнце как бы в месяц превратилось, а из рогов его словно уголья горящие исходили.

Страшно видеть людям знамение Божие. <...>

В том же году задумали Ольговы внуки пойти на половцев, поскольку не ходили в прошлом году со всеми князьями, но теперь сами по себе пошли, говоря: «Разве не князья себе? Пойдем так же и добудем себе хвалу!» И встретились у Переяславля** Игорь с двумя сыновьями из Новгорода-Северского, брат его Всеволод из Трубчевска, Святослав Ольгович из Рыльска и черниговская помощь. И вошли в землю их. Половцы же, услышав о том, пошли, говоря: «Братия и отцы наши перебиты, иные же в плену, а теперь вот и на нас идут». Послали весть по всей земле своей, а сами вышли навстречу и дожидались войск своих. А наши шли к кочевьям их. Половцы же не подпустили к вежам, а встретили, не дожидаясь подкрепления и сошлись в битве. И побеждены были половцы, и гнали их до веж,

* Ошибка: это вторник, а не понедельник.

** Речь идет о восточных границах Переяславского княжества.

и взяли много пленных — жен и детей, и стояли три дня на вежах, веселясь и говоря: «Братия наши ходили со Святославом, великим князем, и бились у Переяславля, когда половцы сами к ним пришли, а в землю Половецкую пойти не посмели. А мы в самой земле их избили их, и жен полонили, и дети их у нас. А теперь пойдем за ними за Дон и перебьем их всех. Если и тут победим, пойдем за ними и в Лукоморье, куда и деды наши не хаживали, а славу и честь всю себе возьмем»*.

Но не ведали Божьего промысла.

А остатки битых тех бежали к войскам своим, куда прежде весть посылали, и поведали им о погибели своей. Те же, услыхав, пришли к ним, и за другими послали. И сошлись стрельцы, и перестреливались три дня, а в копий не преломляли, ожидая подкрепления. А к воде не давали им [русским] подойти.

И подошло к ним [половцам] все их огромное войско. Наши же, увидев их, ужаснулись и похвальбу свою забыли, ибо не ведали сказанного пророком: «Вотще и мудрость, и мужество, и хитрость, если Бог противится». От жажды и кони, и сами изнемогли. По зною и в отчаянье немногие пробились наконец к воде, а то ведь три дня их к воде не подпускали**. Видя то, устремились на них враги и к воде прижали.

И крепко бились, и лютая была битва.

Меняли коней своих, а у наших кони изнемогли. И были побеждены наши гневом Божьим. Князей всех полонили, а бояр, и вельмож, и всю дружину перебили, а которые в плен попали, те ранены. И возвратились половцы с великой победой, а о наших по грехам нашим не было кому и весть принести.

Где радость была — теперь стенанье и плач повсюду. Исайя же пророк говорит: «Господи, в печали вспомнил тебя...».

И проходил мимо купец, и половцы велели ему передать [русским]: «Приходите за своими братьями, или мы к вам придем за своими». Князья же возопили, слыша о таком несчастии с братьями и боярами их, и повсюду стояли плач и стенания: у одних братья, у других отцы или близкие погибли, или в плен попали. А князь Святослав послал к сыновьям своим и ко всем князьям. И собрались у него в Киеве, и выступили к Каневу. А половцы, узнав, что идет на них вся земля Русская, бежали за Дон. Святослав же, услышав о том, возвратился со всеми князьями к Киеву, и разошлись по землям своим.

А половцы, узнав, что они отошли, напали вдруг на Переяславль, и взяли все города по Суле, и бились весь день у Переяславля. Владимир же Глебович, видя, что берут острог, выехал из города с малой дружиной и напал на них, и бился крепко. И обступили князя враги. И узрели горожане, что изнемогают свои, и ринулись из города, и бились, и едва отняли князя, пронзенного тремя копьями. И из дружины многие погибли. А оставшиеся вбежали в город, и затворились. Половцы же с большим полоном возвратились к кочевьям своим.

---

* Тот же мотив в «Слове»: «прошлую славу сами похитим, а грядущую сами поделим».

** Из этого мотива трехдневной битвы и трехдневной жажды, очевидно, и возник не подтверждающийся текстом Ипатьевской летописи рассказ о трехдневном веселье на захваченных половецких вежах.

Вскоре ускакал князь Игорь от половцев, ибо не оставит Господь праведника в руках грешников. Устремлены очи Господни на боящихся Его, а слух — к молитвам их. Гнались за Игорем, и не догнали. Как Саул гнался за Давидом, но Бог того избавил, так и Игоря избавил Бог от рук поганых. А остальных строго держали и стерегли, оковав и подвергая мучениям*.

ИЗ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» ВАСИЛИЯ ТАТИЩЕВА**

Игорь, князь северский, завидуя чести, полученной Святославом, возвратясь в Новгород, недолго медля, собрал войска и призвал из Трубчевска брата Всеволода, из Рыльска сыновца Святослава Ольговича, из Путимля сына Владимира и у Ярослава Всеволодича черниговского выпросил в помочь войско с Олстином Олешичем, внуком Прохоровым. И пошел из Новаграда апреля 13 дня, идучи тихо, сжидаяся с войски, а паче видя, что кони были тучны, берег, чтоб не сделать оных без ног. И тако продолжал путь свой к Донцу. На вечер же маиа 1-го дня увидели затмение солнечное, которого осталась часть, яко луна трех дней. В рогах его яко угль горячий был, и звезды были видимы, и в очах было зелено. И сказал вельможам своим: «Видите ли сие?». Они же, ужасшись, опустили головы и сказали ему: «Сие знамение не на добро есть». На что им Игорь отвечал: «Тайны Божия неисповедимы, и никто знать его определения может, он бо Творец есть мира, солнца и знамения сего, яко же и нас всех, что хочет, то и творит, добро или зло. Мы определения его пременить не можем. Не весте ли, яко без знамения кого хочет наказует, и знамения такия многократно никакого зла не приносят. И кто ведает, для нас или для других кого сие, понеже оно видимо есть во всех землях и народах». И то сказав, перешел Донец, пошел к реке Осколу и тут ожидал брата Всеволода 2 дни, которой шел из Курска другим путем, и совокупясь, пришли к реке Салнице. Тут приехали к ним скоуеди***. Тогда посланные наперед для взятья языков, приехав, сказали, что видели половцов ездячих в доспехах. Того ради советовали некоторые возвратиться, представляя, что половцы, видимо, весть имея, приготовились, и может их быть великое множество. А воеводы разсуждали: «Возврасчаться в стыд великий, которое тяжчае, нежели смерть, но лучше, положась на волю Божию, итти на них». Тако согласясь, пошли к ним чрез всю ночь и наутрие в пяток, около обеда, увидели половцов

---

* Переводы Ипатьевского списка Ипатьевской летописи и Лавреньевской летописи сделаны с учетом перевода О. В. Творогова (Летописные повести о походе князя Игоря / Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 230–253).

** *Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. М.; Л., 1964. Т. 3. С. 134–139.

*** У Татищева это место испорчено: скоуеди (далее коуеди) — ковуи, половцы, перешедшие на службу к Ярославу Черниговскому, которых тот под предводительством Ольстина дал в помощь Игорю.

в собрании, которые, убирая станы своя отступили назад далее, а руские стояли за рекою Суурли и устроили войска свои на шесть полков: Игорев полк в середине, направе брат его Всеволод, налеве сыновец их Святослав, напереди сын Игорев Владимир с двемя полками, а Ярославль полк с Олстином и коуеди назади, дабы могли помогать, где будут ослабевать. Стрельцов же, собрав, учинили третий полк впереди. Тако устроив Игорь полки своя и видя их печальных, созвал князей и воевод, говорил им: «Мы сюда пришли, желая сыскать неприятелей, которых ныне видим пред нами, но дивлюся вельми, что вижу многих печальных и прежде времяни ослабеваюсчих. Того ради надобно разсудить, что здесь нуждно вооружиться крепко на брань, и положась на Бога, с честию умереть или победить. Если же кому не мило биться, то лучше оному отойти, и других не смусчать, на что есть время. А я не могу уже со стыдом бежать, но предаюся в волю Божию». И велел оное во все войско обявить. И хотя многие желали бы от объявшего их страха возвратиться, но за стыд никто себя не явил. И того ж дня пришел к реке Суурли. Тут встретили их стрельцы от полков половецких и, пустя по стреле, побежали вспять. Воеводы же, видя их побежавших, не веря им в том, но видя их войско великое и что сами далеко за реки зашли, говорили, чтобы за ними не гнать. Но молодые князи, не слушая совета старых, желаюсче честь прежде времяни приобрести, не ведая, что к тому многое искуство потребно, Святослав Ольгович и Владимир Игоревич, да с ними Олстин, воевода черниговский, не взяв повеления от старших, пошли за реку к половцам. Что Игорь видя, пошел за ними помалу, не распусчая полков, а половцы отступили от реки за гору. Передние ж, напав на половцов, предних разбили, несколько побили и в плен брали. Дошедши же до станов половецких, много полона побрали, и ночью некоторых привели к полкам Игоревым, а сами с полками, не возвратясь, остановились на том месте. Игорь, слыша, что половцев множество в собрании, посылал к ним, чтобы шли назад, но они сказали, что их кони утомились, надобно отдохнуть. Игорь, созвав князей и воевод, говорил: «Ныне довольно видим на неприятелей наших победу, а нашу честь, от Бога данную, сохраненну; видим же половцов множество, собравшееся на нас, не можем противо их стать. Того ради пойдем прочь чрез всю ночь и оставим назади на лучших конях». Святослав же Ольгович, по принуждению к полкам возвратяся, говорил стрыем своим, что он далеко гонялся за половцами и, коней утомя, не может за ними поспеть, если сейчас идти. Которому и Всеволод согласовал, хотя протчие все советовали отступать, дабы дойти до реки. Но послушав Святослава, дал оным отдохнуть, а пошли уже пред днем все, совокупясь, к Донцу. Поутру рано половцы со всею силою напали на чистом поле на полки Игоревы и объехали кругом. Тогда многие начали на Игоря нарекать, что завел их в пустыню погубить, что ему весьма прискорбно слышать было. И говорил им: «Шли ведаючи на неприятеля, не исча несчастия, но кто о том мог ведать, чтоб такое множество половцов собраться могли, что Кончаки Казибаирович и Тускобич к ним пришли. Ныне же нет иной надежды, кроме Бога и своих рук. Нарекание же на меня есть безумно, которым не токмо себе не поможете, но паче, смутя войско, вред и погибель учините. Того ради нуждно стать всем единодушно». И разсудя, что на конех биться не можно,

все спешась шли, надеяся к Донцу дойти, ибо князи хотя могли коньми уйти, но Игорь сказал: «Я не могу разлучиться, но со всеми обсче добро или зло мне приключится, ибо если я уйду с воеводы, то простых воинов конечно предам в руки иноплеменником. Тогда какой ответ дам пред Богом, но большую во веки казнь, нежели смерть, прииму». И тако шли совокупно неколико времяни. Но Божиим гневом ранили Игоря в левую руку так тяжко, что он не мог ею владеть. Сие большую печаль и уныние в войске учинило. И тот день весь, бився крепко, шли до вечера. Многие от руских побиты были, ибо поганые, наскакивая, стрелы, яко град, пусчали, а немало саблями и копиями, въезжая, убивали. Хотя и их много оставалось, но им от великаго множества был упадок не виден. Також чрез всю ночь суботную шли и бились. В неделю же на разсвете смялся полк коуев и побежали. Игорь тогда ехал на коне и поскакал к ним, чтоб их возвратить. Но видя их отдалившихся, хотел назад возвратиться, скинул с себя для тягости шелом и скакал. Но половцы, усмотря, что от полков к нему никто не идет, бросясь, <об>ъехали его за перестрел от полку его и взяли жива. Тогда Всеволод, брат его, немало мужества показал, но не мог никоей помочи брату своему учинить и вельми опечаляся, говоря, что лучше мне умереть, нежели брата в плене оставить, бился с нечестивыми, идя подле озера так долго, как уже ни единыя стрелы ему не осталось и копие переломилось. Тогда половцы, видя главнаго предводителя в руках своих, жестоко напали, стреляя из тм<у>численных луков и самострелов. Таже с копьи и сабли, въехав в утомленные полки руские, многих порубили, а достальных с князи разобрали по рукам более 5000. Так кончися сей несчасливый бой во вторую неделю Пасхи, и бысть печаль и плач в Руской, паче же Северской, земли. Потом половцы разделили князей: Игоря взяли Торгов воевода Гилбук, Всеволода — Роман князь, Святослава Ольговича — Елдучок Барчевич, Владимира — Куптивул Шекчевич. Но Кончак, видя Игоря раненаго, взял его на свои поруки. Протчих же всех воевод и простых воинов руских разделили в разные роды. И неможно было никому уйти, понеже отвсюду были объеханы. Токмо 215 человек руских, пробився сквозь половцов в последнее нападение, пришли в Русь. А коуев хотя и много ушло, но мало спаслося, ибо множество их в мори потонули.

В то время Святослав Всеволодич пошел в Корачев и, собрав войска верховых земель, хотел идти паки на половцов. И как пришел к Новугородку, услыша, что Игорь с братиею, не объявя ему, пошел, не похвалил им того, что от него помосчи не просили. И оттуду идучи на низ по Десне в лодиях к Чернигову, тогда прибежав Беловод, возвестил ему несчастие Игорево и всех полков руских. Святослав, слыша, горько плакал о сей погибели, говоря: «О любимые братия и воини руские! Бог мне дал половцев довольно победить и в страх привести, но вы невоздержною младостию своею посрамили все победы руския, ободрили боясчихся нас нечестивых, и отворили им врата в Рускую землю. О, младость неразсудная! Мнят бо и надеются единой своей храбрости, еже они под предводительством старейших и искуснейших видели, не мня, что к тому много разума и искуства в военных делах потребно, ибо не столько сила, сколько смысл искусных неприятели побеждает. Но ныне тако уже учинилось, в том буди воля Божия». Вельми же сожалел паче всех о Игоре, братаниче своем, котораго паче роднаго брата любил.

Половцы, возгордяся сею небывалою победою, прислали к Святославу купцов руских с объявлением, чтоб князи руские шли к ним выручать братьев своих, или они по достальных придут. При том прислали роспись, колико за кого окупа прислать, положа цену несносную. И хотя Святослав Игоря хотел выкупить, но половцы его не отдавали прежде, как все молодшие князи и воеводы заплачены будут. Токмо Ярослав, имея много приателей в половцах, собирая половецких пленников, оными своих черниговских, також и княгиня Всеволодова, многих выменяли.

Князи руские, получа ведомость о таком великом несчастии, все сожалели, паче же в Северской земле по всем градом был плач неутешимый. Князь великий Святослав послал по всех князей и сынов своих, чтоб собрались с войски к Киеву, и немедля сына своего Ольга отправил в Северскую землю, велел ему стать с войски в Посемье [подле реки Семи], ибо тамо от страха люди пришли в смятение, бояся половцов, чтоб, пришед на них, яко безглавных, вконец не разорили, и городов не побрали, где хотя людей есче довольно могло быть, но распоряжать кому не было. Потом послал к Давиду в Смоленск, объявя ему о сем, и что они прежде согласились было идти на половцов и все лето быть около Донца, но ныне нуждно своих земель охранять, чтоб для того с войски приити не умедлил. По которому Давид немедленно пришел по Днепру в лодиях. И другие войска, собрався, стали у Триполя, а Ярослав совокупя черниговские войска, стал по Десне, поставя стражи к степи.

Половцы, победя Игоря с братиею, совокупили всех своих родов войска на Рускую землю, но Божиим милосердием учинилась в них распря. Кончак говорил идти на Киевскую область, отмстить кровь побитых та<м> многих князей половецких, а паче князя Боняка, а Кзя князь советовал идти в Северскую землю, представляя, что «тамо ни войск, ни воевод нет, остались токмо жены и дети, где нам пленников довольно готово». И тако разделяся, пошли Кончак к Переяславлю. И пришед, оступя град, бились весь день. Владимир, выехав из града, напал на них и, многих порубя, загнался в середину полков их, но с ним людей было мало, ибо, не осмотрясь, разделились в бою натрое. Половцы, видя Владимира малолюдна, объехали кругом. Из града же, видя, что князь их оступлен бьется крепко, выбежав, напали на половцов, яко звери лютии, билися за князя своего. Владимир же, погубя коня, бился пешком. И едва Бог помог, вышедшие из града смяли половцов и дошли до князя, вельми уже истомленнаго и тяжко тремя копии раненаго, взяв его на коня, свезли во град. На сем бою половцев весьма много побито, и принуждены они отступить от града за день езды, где ожидали к себе есче войск.

Владимир, опасаясь паки от половцов нападения, второе послал ко Святославу просить о помосчи, чтоб не отдать Переяславля в руки поганых. Святослав тотчас послал к Давиду, которой со смольяны стоял у Триполя, чтоб пошел к Переяславлю. Но смольяне стали советы народные делать и сказали: «Мы пошли только до Киева. И если бы пришел сюда неприятель, то бы мы билися, а дале неприятеля искать не можем, понеже мы, и так далече идучи, устали и всем издержались». Святослав же с Рюриком и другими полками перешли за Днепр и пошли противо половцев, а Давид возвратился в Смоленск. Половцы, услышав, что Святослав и Рюрик идут, отступили прочь и пошли к Римову. Римовцы же,

укрепяся, мужественно оборонялись, но два городничие, собрав людей, вышли из града* и, бияся, перешли за болото и тако спаслися. Половцы, видя, что часть немала войска из града ушли, жестоко стали приступать. И хотя много своих потеряли, но множеством град взяли, людей пленили и потом оной, ограбя, сожгли, и возвратились в свои жилисча, не столько руских пленя, сколько своих потеряли. Також и князи, оставя Владимира в тяжких ранах, весьма о нем скорбя, возвратились.

С другую сторону Кзя, князь половецкий, с великим войском пошел к Путимлю, и многия волости пожег, и, к Путимлю жестоко приступая, острог сжег. И потерял много людей, а паче знатных, не взяв града, отступил и послал в Посемье 5000 тамо жечь и разорять. Но Олег Святославич с воеводою Тудором, которой во многих боях храбростию и разумом прославился, учинили со оными бой об реку. Тудор же, умысля их обмануть, хотя войска гораздо меньше имели и могли чрез реку не пустить, стали отступать, а половцы смело на них наступали. Тудор же, вшед в лес меж болота, разделился: Ольга с половиною оставил противо половцов, а сам, обошед, сзади напал. И так их, смявши, порубил, что едва 100 их назад возвратилось, ибо их более 2000 побито, а с 500 знатных и подлых пленено. Сын же и зять князя Кзи побиты. Гзя, о том уведав, с великою злобою и горестию возвратился. Тако половцам обоюду равная удача была, и один пред другим не мог похвалиться, разве большею потерею своих.

Игорь Святославич, будучи в плене во всяком довольствии содержан, и никакой ему обиды и досады половцы не делали, токмо крепко стерегли, приставя к нему 15 человек и 5 знатных отцов сыновей, которые давали ему волю ездить куда хотел и, почитая, его слушали, куда кого посылал. Он же привел к себе попа и несколько одежд для себя и служителей, якоже довольство от запасов и денег для нужд. Не ведая о себе Божия промысла, чаял долго у них пробыть и, хотя у оных большую ласку приобрести, многих богато дарил, не мог бо окупа заплатить, понеже за него просили 2000, за протчих князей по 1000, а за воевод по 200 и по сту гривен. Но Божиим милосердием сыскался един муж, родом половчин, имянем Лавер, которой, пришед ко Игорю, говорил, если он хочет в дом ехать, обесчаваяся ему здрава проводить. Но Игорь, не смея ему поверить, сказал, что он охоты к тому не имеет и не хочет своим порукам неверным быть, говоря ему: «Я, не хотя чести моей потерять, с бою имея возможность уйти, не бежал и ныне безчестным путем идти не хочу». С ним же был конюший его и сын тысяцкаго. Те услыша о сем и разсмотря довольно состояние человека того, что был муж твердый, но оскорблен от некоторых половцев, мать же была его руская из области Игоревы, те понуждали Игоря идти, но он, не приняв их совета, запретил более о том говорить. Тысецкаго сын, уведав от жены князя Туглиа, с которою любовь имел, что половцы положили, если им в войне не удастся, Игоря убить, что он сказал конюшему. И тотчас оба, паки пришед к Игорю, говорили ему: «Почто, княже, не соглашаешься с мужем сим, или ждешь как половцы с войны возвратятся,

* Ошибка переписчика. Речь о двух ветхих городницах, которые обрушились вместе с пролетом стены. См. с. 490.

котор<ая>, если им не удастся, положили тебя убить. Тогда что твоя гордость и славолюбие может, но паче погубиши жизнь со славою». Сим ужасшися, Игорь советовал с ними, как то учинить. Но тогда было ему учинить неудобно, однако ж велел им онаго Лавра довольно уверить. По малом времяни, разсудя Игорь за удобно и согласясь с Лавром и своими, учинил пир, на котором приставников подчивал довольно медом и дарил. И как оные довольно пьяни были, на заходе солнца послал конюшего по Лавра. И как оной пришел, сказал ему, чтоб он по заходе солнца за Донцом приготовил коней. Лавер же рад сему быв, тотчас взяв коней с седлами, стал у реки. Конюшей, пришед, сказал Игорю, что кони готовы. Он же, встав с трепетом, бояся, чтоб его не поймали, и призвав других своих служителей, велел пред шатром своим играть и пить. И вышед вон, видя, что приставники все с его служители играли и веселились, думая, что Игорь уже спит. Он же, не говоря им ничего, пошел к реке, оную перебрел. И седши на кони, поехали сквозь жилисча половецкия сам пят. И ту ночь, миновав все их обиталисча, поехали чрез степь, и ехали 11 дней до рускаго города, оттуда пошел в свой Новград и, не доехав [меньше полуднисча] верст за 20, споткнулся конь под Игорем и ногу ему так повредил, что он не мог на коня сесть, принужден в селе святаго Михаила остановиться и ночевать. В тот час прибежал в Новград крестьянин того села и сказал княгине, что Игорь приехал. И хотя долго тому не верили, но княгиня, не могши более терпеть, тотчас вседши на кони, поехала к нему. Граждане, слыша то, все обрадовались и за княгинею поехали. Множество же, не имея близко коней, пеши пошли. Княгиня пришед, так друг другу обрадовались, что обнявся плакали, и говорить от радости и слез ничего не могли, и едва могли престать от слез. Игорь, целовав всех вельмож своих, немедля поехал во град. Люди же с женами и детьми все вышли в стретение его и так многолюдно, что во граде разве кто крайней немосчи ради остался. И была в Новеграде и по всей Северской земли радость неописанная. Радовалися же немало и во всей Руской земле, зане сей князь своего ради постоянства и тихости любим у всех был.

По прибытии своем Игорь немедленно послал ко всем князем, а паче к Ярославу и Святославу, объявить о себе и благодарить за учиненное охранение земель его. Потом, не могши оставить половцев без отмсчения и чтоб пленных выручить, положил намерение, выпрося у других помосчь, паки на них идти. И едва мог от своего труда и болезни отдохнуть, поехал сам в Чернигов к Ярославу просить у него помочи. Которой, с радостию и любовию его приняв, обесчал довольное войско в помочь ему дать. Потом поехал в Киев ко Святославу и в Белград к Рюрику. Оные вельми ему обрадовались и обесчали все как возможно ему помочь учинить и сами намерялись идти со всеми их войски. И тако Игорь с надеждою возвратился в свой Новград. Лавра же учинил вельможею, и крестя его, выдал за него дочь тысецкого Рагуила, и многим имением наградил, котораго дети ныне суть вельможами в Северской земли.

ТЕКСТ ИЗДАНИЯ 1800 ГОДА С РАЗНОЧТЕНИЯМИ ПО ДРУГИМ ИСТОЧНИКАМ

Разночтения первого издания 1800 г., Екатерининской копии и выписок из «Слова», сделанных Н. М. Карамзиным и А. Ф. Малиновским, принято публиковать не как самостоятельный текст, а с внесением принимаемых публикатором позднейших конъектур. Столь громоздкая структура существенно затрудняет работу, поскольку в результате появляется не документ, фиксирующий сумму исходных разночтений, а еще один список и еще одна реконструкция. К тому же на практике оказывается, что такие «транслитерированные тексты» не свободны от опечаток и ошибок.

Предлагаемый текст — результат перепроверки давно уже ставших классическими работ Л. А. Дмитриева (История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л. 1960. С. 257–266; далее: *Д.*) и В. Л. Виноградовой (*СССПИ*. Вып. 1. С. 15–25; далее: *В.*).

За основу взято *П.*, но в нескольких случаях приняты версии *Ек.* и в единичном случае вариант по одной из выписок Н. М. Карамзина.

Задача данной публикации — простая фиксация разночтений. Поэтому снят слой конъектур *В.*, исправлены лишь явные описки и опечатки. Для облегчения работы читателя снята расставленная в издании 1800 года пунктуация. Удалены маргиналии и литеры сносок. Все прописные буквы заменены строчными. Текст поделен на девять песен.

Сохранено словоразделение первоиздателей и буквы «ъ», «ь», «ѣ», «і». Буква «й», которой в протографе не было, заменена на «и». Записаны словами числительные, переданные в издании 1800 года и в *В.* буквами под титлами, а в Екатерининской копии арабскими цифрами. Дефис передается знаком =.

«Слово о полку Игореве» имеет разночтения по следующим источникам:

П. — текст первого издания «Слова о полку Игореве» 1800 г.

П2 — текст перепечатанных заново восьмушек первого издания.

Ек. — текст Екатерининской копии «Слова о полку Игореве».

М. — выписки из «Слова» А. Ф. Малиновского.

К. — выписки из «Слова о полку Игореве» в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.

А. Ч.

СЛОВО О ПЪЛКУ[1] ИГОРЕВѢ ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ ВНУКА ОЛЬГОВА

I

не лѣполи[2] ны бяшетъ братіе начяти[3] старыми словесы трудныхъ[4] повѣстіи о пълку[5] игоревѣ игоря святъславлича[6] начати же ся тъи[7] пѣсни по былинамь[8] сего времени а не по замышленію бояню боянъ бо вѣщіи аще кому хотяше[9] пѣснь[10] творити то растѣкашется[11] мыслію по древу сѣрымъ вълкомъ[12] по земли шизымъ[13] орломъ подъ облакы помняшеть[14] бо речь[15] първыхъ[16] временъ усобіцѣ[17] тогда пущашеть[18] десять[19] соколовь[20] на стадо лебедѣи[21] которыи дотечаше та преди пѣсь[22] пояше старому ярославу[23] храброму мстиславу иже зарѣза редедю предъ пълкы[24] касожьскыми[25] красному романови[26] святъславличю[27] боянъ же братіе не десять[28] соколовь[29] на стадо лебедѣи[30] пущаше нъ своя вѣщіа[31] пръсты на живая струны въскладаше[32] они же сами княземъ[33] славу рокотаху почнемъ же братіе повѣсть сію отъ стараго владимера до нынѣшняго игоря иже истягну умь[34] крѣпостію

своею и поостри сердца своего мужествомъ наплънився[35] ратнаго духа наведе своя храбрыя плъкы[36] на землю половѣцькую[37] за землю руськую[38] тогда игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты и рече игорь къ дружинѣ своеи братіе и дружино луцежъ бы потяту быти неже полонену быти а всядемъ братіе на свои бръзыя[39] комони да позримъ синего дону спала князю умь[40] похоти и жалость ему знаменіе заступи искусити дону великаго хощу бо рече копіе приломити конець поля половецкаго[41] съ вами русици хощю главу свою приложити а любо испити шеломомь дону о бояне соловію стараго[42] времени абы[43] ты сіа плъкы[44] ущекоталъ скача славію по мыслену древу летая умомъ[45] подъ облакы свивая славы оба полы сего времени рища въ тропу трояню чресъ поля на горы пѣти было пѣсь[46] игореви того[47] внуку не буря соколы занесе чресъ[48] поля широкая галици[49] стады бѣжать[50] къ дону великому чили въспѣти[51] было вѣщеи[52] бояне велесовь[53] внуче комони ржуть за сулою звенить слава въ кыевѣ трубы трубять въ новѣградѣ[54] стоять стязи въ путивлѣ

I [1] плъку *П2*; полку *Ек., М.* [2] лѣпо ли *Ек., М.*; [3] начати *Ек.* [4] трудны^{х} *М.* [5] полку *Ек., М.* [6] святъславича *Ек.* [7] начати жесятъ *Ек.* (*В. дает* начатижеся тъ) [8] былинамъ *Ек.* [9] *В части тиража П.* хотяще [10] пѣснѣ *Ек.* [11] растекашется *Ек.* [12] волкомъ *Ек., М.* [13] шизы^{м} *М.* [14] помняшетъ *Ек., М.* [15] рѣчь *Ек., М.* [16] первыхъ *Ек., М.* [17] усобицѣ *Ек.* (*нет у В.*) [18] пущаетъ *М.* [19] ї *П.*; 10^{ть} *Ек., М.* [20] соколовъ *Ек., М.* [21] лебедеи *Ек., М.* [22] пѣснѣ *Ек.*; пѣсни *М.* [23] *Так Ек., М.*; ярославу *П.* [24] полкы *Ек., М.* [25] косожьскыми *Ек.*; косожскыми *М.* [26] роману *М.* [27] святославичу *М.* [28] ї *П.*; 10^{ть} *Ек.*; 10^{ь} *М.* [29] соколовъ *Ек., М.* [30] лебедеи *Ек., М.* [31] вѣщія *М.* [32] вскладаше *М.* [33] князе^{м} *М.* [34] умъ *Ек.* [35] наполнився *Ек.* [36] полкы *Ек.* [37] половецькую *Ек.* [38] русскую (?) *Ек.* (*по В.* и *Д.* руськую) [39] бързыя *Ек.* [40] умъ *Ек.* [41] половецкого *Ек.* [42] старого *Ек.* [43] *Так П. Ек.*; а бы *В.* (*но словоделение не оговорено*) [44] полкы *Ек.* [45] умо^{м} *Ек.* [46] пѣснѣ *Ек.*; пѣсни *М.* [47] того (олга) *П.*; того (ольга) *Ек.*; *«олга» помещено в круглых скобках, как и литеры примечаний в П. По Н. М. Карамзину этого слова в рукописи не было. См.: ТОДРЛ.* Т. XVIII. М.; Л., 1962. С. 41. [48] чрезъ *П2, Ек., М.* [49] галицы *М.* [50] бѣжатъ *М.* (*у В. ошибочно* бъжать *М.*) [51] вспѣти *М.* [52] вещеи *М.* [53] велесовъ *Ек., М.* [54] новѣ=градѣ *Ек.*

II

игорь ждетъ мила брата всеволода и рече[1] ему буи туръ всеволодъ одинъ братъ одинъ[2] свѣтъ свѣтлыи ты игорю оба есвѣ святъславличя сѣдлаи брате свои бръзыи[3] комони а мои ти готови осѣдлани у курьска на переди[4] а мои ти[5] куряни[6] свѣдоми къ мети[7] подъ трубами повити подъ шеломы възлелѣяны[8] конець копія въскръмлени[9] пути имь[10] вѣдоми яругы имъ[11] знаеми луци у нихъ напряжени тули отворени сабли изъострени[12] сами скачють[13] акы[14] сѣрыи влъци[15] въ полѣ ищучи себе[16] чти а князю славѣ тогда въступи[17] игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю солнце ему тъмою[18] путь заступаше нощь стонущи ему грозою птичь убуди свистъ звѣринъ въ стазби[19] дивъ кличетъ[20] врьху древа велитъ послушати земли незнаемѣ влъзѣ и по морію и по сулію и сурожу и корсуню и тебѣ тьмутораканьскыи[21] блъванъ а половци неготовами дорогами побѣгоша къ дону великому крычатъ тѣлѣгы[22] полунощы[23] рци лебеди роспущени игорь къ дону вои ведетъ уже бо бѣды его пасетъ[24] птиць подобію влъци[25] грозу въ срожатъ[26] по яругамъ[27] орли клектомъ на кости звѣри зовутъ лисици брешутъ на чрьленыя[28] щиты о руская земле уже за шеломянемъ[29] еси дльго[30] ночь мркнетъ[31] заря свѣтъ запала мъгла[32] поля покрыла щекотъ славіи успе говоръ галичь убуди русичи великая поля чрьлеными[33] щиты прегородиша ищучи себѣ чти а князю славы съ заранія[34] въ пяткъ[35] потопташа поганыя плъкы[36] половецкыя и

рассушясь[37] стрѣлами по полю[38] помчаша красныя дѣвкы половецкыя а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты орьтъмами[39] и япончицами и кожухы начашя[40] мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и всякыми узорочьи половѣцкыми[41] чрьленъ[42] стягъ бѣла хорюговь чрьлена[43] чолка сребрено стружіе[44] храброму святьславличю[45] дремлетъ[46] въ полѣ ольгово[47] хороброе гнѣздо далече залетѣло[48] небылонъ[49] обидѣ порождено ни соколу ни кречету ни тебѣ чръныи[50] воронъ поганыи половчине гзакъ бѣжитъ[51] сѣрымъ влъкомъ[52] кончакъ ему слѣдъ править къ дону великому

II [1] речь *Ек.* [2] оди*н* *Ек.* [3] бързыи *Ек.* [4] напереди *Ек.* (*не отмечено В.*) [5] *Нет К.* [6] куряне *К.* [7] къ мѣти *М.* [8] възлѣлѣяни *Ек.*; взлелѣяни *М.* [9] вскръмлени *М.* [10] имъ *Ек., М.* [11] имь *Ек.* [12] изострени *Ек.*; изострѣни *М.* [13] скачютъ *Ек., М.* [14] аки *М.* [15] вълци *Ек., М.* [16] себѣ *Ек., М.* [17] вступи *Ек.* [18] тмою *Ек.* [19] свистъ звѣринъ въ стазби — *нет в Ек.* [20] кличеть *Ек.* [21] тъмутороканьскыи *Ек.* [22] телѣгы *Ек.* [23] полунощи *Ек.* [24] пасеть *Ек., М.* [25] волци *Ек.* [26] въсрожать *Ек.* [27] яругамь *Ек.* [28] чрленыя *Ек.* [29] шоломянемъ *Ек.* [30] долго *Ек.* [31] мрькнетъ *Ек.* [32] мьгла *Ек.* [33] чрлеными *Ек.* [34] с'заранія *Ек.* [35] пякъ *Ек.* [36] полкы *Ек.* [37] рассушась *Ек.*; рассоушѧ҃с *М.* [38] пополю *М.* [39] орътмами *Ек.* (*у В. ошибочно* ортъмами *Ек.*); орьтъ=мами *М.* [40] начаша *Ек.* [41] половецкыми *Ек.* [42] чрълень *Ек.* [43] чръвлена *Ек.* [44] строужіе *М.* [45] святъславличю *Ек.* [46] дремлеть *Ек.* [47] олгово *Ек.* [48] залѣтѣло *Ек.* [49] не было нъ *Ек.* [50] черныи *Ек.* [51] бѣжить *Ек.* [52] волкомъ *Ек.*

III

другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ[1] чръныя[2] тучя[3] съморя[4] идутъ[5] хотятъ[6] прикрыти четыре[7] солнца а въ нихъ трепещуть[8] синіи млъніи[9] быти грому великому итти дождю стрѣлами съ дону великаго[10] ту ся копіемъ приламати ту ся саблямъ потручяти[11] о шеломы половецкыя на рѣцѣ на каялѣ у дону великаго[12] о руская землѣ[13] уже не[14] шеломянемъ еси се вѣтри стрибожи внуци вѣютъ съморя[15] стрѣлами[16] на храбрыя[17] плъкы[18] игоревы земля тутнетъ[19] рѣкы мутно текуть[20] пороси поля прикрываютъ[21] стязи глаголютъ половци идуть отъ дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ рускыя плъкы[22] отступиша[23] дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша а храбріи русици преградиша чрлеными[24] щиты яръ туре всеволодѣ[25] стоиши на борони[26] прыщеши на вои стрѣлами[27] гремлеши о шеломы мечи харалужными[28] камо туръ поскочяше[29] своимъ златымъ[30] шеломомъ[31] посвѣчивая тамо лежатъ[32] поганыя головы половецкыя поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе яръ туре всеволоде кая раны дорога братіе забывъ[33] чти и живота и града чрънигова[34] отня злата стола и своя милыя хоти красныя глѣбовны свычая и обычая были вѣчи[35] трояни минула лѣта ярославля были плъци[36] олговы ольга[37] святьславличя[38] тъи[39] бо олегъ мечемъ[40] крамолу коваше и стрѣлы[41] по земли сѣяше ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ тьмутороканѣ[42] тоже[43] звонъ слыша давныи великыи ярославь сынъ всеволожь[44] а владиміръ по вся утра уши закладаше въ черниговѣ бориса же[45] вячеславлича слава на судъ приведе и на канину[46] зелену паполому[47] постла за обиду олгову храбра и млада князя съ тояже[48] каялы святоплъкъ[49] повелѣя[50] отца своего междю угорьскими[51] иноходьцы[52] ко святѣи[53] софіи къ кіеву[54] тогда при олзѣ гориславличи сѣяшется и растяшеть[55] усобицами погибашеть[56] жизнь даждь=божа[57] внука въ княжихъ[58] крамолахъ вѣци человѣкомь[59] скратишась тогда по рускои земли[60] рѣтко[61] ратаевѣ[62] кикахуть[63] нъ часто врани граяхуть[64] трупіа себѣ дѣляче а галици свою рѣчь говоряхуть[65] хотять[66] полетѣти[67] на уедіе[68] то было въ ты рати и въ ты плъкы[69] а сице и рати не слышано

III [1] повѣдаютъ *Ек.* [2] черныя *Ек.* [3] туча *Ек.* [4] съ моря *Ек.* [5] идуть *Ек.* [6] хотять *Ек.* [7] д҃ *П.*; 4 *Ек.* [8] трепещуть *Ек.* [9] молніи *Ек.* [10] великого *Ек.* [11] потручати *Ек.* [12] великого *Ек.* [13] земле *Ек.* [14] *Так Ек., П.* [15] съ моря *Ек., К.* [16] стрелами *Ек.* [17] *Нет в К.* [18] полки *Ек.*; полкы *К.* [19] тоутнетъ *М.* [20] текутъ *Ек.* [21] прикрывають *Ек.* [22] полки *Ек.* [23] *Так П., Ек.* [24] чръвлеными *Ек.* [25] всеволоде *Ек.* [26] *Так П., Ек.* (*у Д. и В.* наборони *Ек.*) [27] стрелами *Ек.* [28] харалоужными *М.* [29] поскочаше *Ек.* [30] златымь *Ек.* [31] шеломом *Ек.* [32] лежать *Ек.* [33] забывь *Ек.* [34] чернигова *Ек.* [35] сѣчи *К.* [36] полци *Ек.* [37] олга *Ек.* [38] святъславлича *Ек.* [39] тои *Ек., М.* [40] мечемь *Ек.* [41] стрелы *Ек.* [42] тмутороканѣ *Ек.* [43] то же *Ек.* [44] всеволожъ *Ек.* [45] борисаже *Ек.* [46] *Так П., Ек.*; казанину *М.* [47] па=поломоу *М.* [48] *Так П., Ек.*; тоя же *К.* [49] святополкъ *Ек.*; святоплкъ *К.* [50] по велѣ я *К.* [51] угоръскими *К.* [52] иноходцы *Ек.* [53] св. *К.* [54] *Так П., Ек.*; кыеву *К.* [55] *Так П., Ек.* (*у Д. и В.* ирастяшеть *Ек.*); и растяшетъ *М.* [56] погыбашеть *Ек.*; погыбашетъ *М.* [57] даждъ=божа *М.* [58] *Так П., Ек.*; княжих *М.* [59] человѣкомъ *Ек.*; человѣком *М.* [60] землѣ *М.* [61] рѣдко *М.* [62] ратаеве *М.* [63] кикахоуть *М.* [64] грояхуть *М.* [65] говоря, хуты *М.* [66] хотятъ *М.* [67] полѣтѣти *Ек.* [68] оуе҃діе *М.* [69] полкы *Ек.*

IV

съ зараніа до вечера съ вечера до свѣта летятъ[1] стрѣлы[2] каленыя гримлютъ[3] сабли о шеломы трещатъ копіа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли половецкыи чръна[4] земля подъ копыты костьми была посѣяна а кровію польяна тугою взыдоша по рускои земли что ми шумить что ми звенить давеча[5] рано предъ зорями игорь плъкы[6] заворочаетъ[7] жаль бо ему мила брата всеволода бишася день бишася[8] другыи третьяго дни къ полуднію падоша стязи игоревы ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои каялы ту кроваваго вина недоста ту пиръ докончаша храбріи русичи сваты попоиша а сами полегоша за землю рускую ничить трава жалощами а древо стугою[9] къ земли преклонилось[10] уже бо братіе не веселая[11] година въстала уже пустыни силу прикрыла въстала обида въ силахъ дажь=божа внука вступилъ[12] дѣвою[13] на землю[14] трояню въсплескала лебедиными крылы[15] на синѣмъ[16] море[17] у дону[18] плещучи[19] убуди жирня времена усобица княземъ[20] на поганыя погыбе рекоста бо братъ брату се мое а то моеже и начяша[21] князи про малое се великое млъвити[22] а сами на себѣ[23] крамолу ковати а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю рускую о далече заиде соколъ птиць бья къ морю а игорева храбраго[24] плъку[25] не крѣсити[26] за нимъ[27] кликну карна и жля[28] по скочи[29] по рускои земли смагу людемъ[30] мычючи въ пламянѣ розѣ жены рускія[31] въсплакашась[32] аркучи[33] уже намъ[34] своихъ[35] милыхъ[36] ладъ ни мыслію смыслити ни думою сдумати ни очима[37] съглядати[38] а злата и сребра ни мало того потрепати а въстона бо братіе кіевъ тугою а черниговъ[39] напастьми тоска разліяся по рускои земли печаль жирна тече[40] средь[41] земли рускыи а князи сами на себе крамолу коваху а поганіи сами побѣдами нарищуще на рускую землю емляху дань по бѣлѣ отъ двора

IV [1] летять *Ек.* [2] стрелы *Ек.* [3] гримлють *Ек.* [4] черна *Ек.* [5] давеча *Ек.* [6] полкы *Ек.* [7] заворочаеть *Ек.* [8] бишась *Ек.* [9] съ тугою *М.* [10] приклонилось *М.* [11] невеселая *Ек.* [12] въстоупилъ *М.* [13] дв҃ою *М.* [14] наземлю *М.* [15] *Так П., М.*; крилы *Ек.* [16] синемь *Ек.* [17] *Так П., М.*; морѣ *Ек.* [18] оудоноу *М.* [19] плещоучи *М.* [20] князем *Ек.* [21] начаша *Ек.* [22] молвити *Ек.* [23] себе *Ек.* [24] храброго *Ек.* [25] полку *Ек.* [26] некресити *Ек.* [27] нимь *Ек.* [28] карнаижля *Ек.* [29] поскочи *Ек.* [30] *В П. нет, добавлено из Ек.* [31] рускыя *Ек., М.* [32] всплакашась *М.* [33] а ркучи *М.* [34] намь *Ек.*; нам *М.* [35] своих *М.* [36] милых *М.* [37] о очима *Ек.* [38] зглядати *М.* [39] черниговь *Ек.* [40] утече *Ек.* [41] средѣ *Ек.*

V

тіи бо два храбрая святъславлича[1] игорь и всеволодъ уже лжу убуди которую то бяше успилъ отецъ[2] ихъ святъславь грозныи[3] великыи[4] кіевскыи[5] грозою бяшеть притрепеталъ своими сильными[6] плъкы[7] и харалужными мечи наступи на землю половецкую притопта хлъми и яругы взмути[8] рѣки[9] и озеры иссуши потоки[10] и болота а поганаго[11] кобяка изъ луку[12] моря отъ желѣзныхъ[13] великихъ[14] плъковъ[15] половецкихъ[16] яко вихръ выторже и падеся кобякъ въ градѣ кіевѣ въ гридницѣ святъславли ту нѣмци и венедици ту греци и морава поютъ славу святъславлю кають[17] князя[18] игоря иже погрузи[19] жиръ во днѣ каялы рѣкы половецкія[20] рускаго злата насыпаша ту игорь князь высѣдѣ[21] изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощіево уныша бо градомъ забралы а веселіе пониче а святъславь[22] мутенъ сонъ[23] видѣ[24] въ кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя рече чръною[25] паполомою на кроваты[26] тисовѣ чръпахуть ми синее вино съ трудомь[27] смѣшено сыпахутьми[28] тъщими тулы[29] поганыхъ тльковинъ[30] великыи женчюгь на лоно и нѣгуютъ[31] мя уже дьскы[32] безъ кнѣса вмоемъ[33] теремѣ златовръсѣмъ[34] всю нощь съ вечера[35] босуви[36] врани възграяху у плѣсньска[37] на болони бѣша дебрь кисаню и не сошлю къ синему морю и ркоша бояре князю уже княже туга умь полонила се бо два сокола слѣтѣста[38] съ отня стола злата поискати града тьмутороканя[39] а любо испити шеломомь дону уже соколома крильца[40] припѣшали поганыхъ саблями а самаю[41] опустоша[42] въ путины желѣзны темно бо бѣ въ третѣи[43] день два солнца помѣркоста[44] оба багряная стлъпа погасоста и съ нимъ молодая мѣсяца олегъ и святъславъ тъмою[45] ся поволокоста на рѣцѣ на каялѣ тьма свѣтъ покрыла по рускои земли прострошася половци аки[46] пардуже гнѣздо[47] и въ морѣ погрузиста и великое буиство подасть хинови уже снесеся хула на хвалу уже тресну нужда на волю уже връжеса дивь[48] на землю се бо готскія[49] красныя дѣвы въспѣша[50] на брезѣ синему[51] морю[52] звоня рускымъ златомъ поютъ[53] время бусово лелѣютъ месть шароканю а мы уже дружина жадни веселія[54]

V [1] святъславличя *Ек.* [2] отець *Ек.* [3] гроздныи *Ек.* [4] выликыи *Ек.* [5] кіевьскыи *Ек.* (*у В. ошибочно* кіевськыи *Ек.*) [6] силными *Ек.* [7] полкы *Ек.* [8] в'змути *Ек.* [9] рѣкы *Ек.* [10] потокы *Ек.* [11] поганого *Ек.* [12] излоуку *М.* [13] желѣзны^{х} *Ек.* [14] великыхъ *Ек.* [15] полковъ *Ек.* [16] половецкыхъ *Ек.* [17] каютъ *Ек.* [18] кн. *М.* [19] погроуѕи *М.* [20] половецкыя *Ек.* [21] высѣде *Ек.* [22] святъславъ *Ек.* [23] со^{н} *Ек.* [24] виде *Ек.* [25] черною *Ек.* [26] кровати *Ек.* [27] трудо^{м} *Ек.* [28] *У В.* сыпахуть ми, *но конъектура не оговорена* [29] тоулы *М.* [30] тлъковинъ *Ек., М.* [31] нѣгують *Ек.* [32] ужедъскы *Ек.* [33] въ моемъ *Ек.* [34] златовръсемъ *Ек.* [35] съвечера *Ек.* (*Д. и В. читают знак переноса как дефис* съ=вечера *Ек.*) [36] бо=суви *Ек.* [37] плѣньска *Ек.* [38] слетѣста *Ек.* [39] тмутороканя *Ек.* [40] крилца *Ек.* [41] самого *Ек.* [42] опуташа *Ек.* [43] г҃ *П.*; з^{и} *Ек.* [44] померкоста *Ек.* [45] тмою *Ек.* [46] акы *Ек.* [47] *У В. фрагмент от «на рѣцѣ» до этого места перенесен и следует после «подасть хинови». Но, вероятно, в переносе нет необходимости.* (*У скальдов прием переплетения фраз называется тмесис*). [48] дивъ *Ек.* [49] *Так П., К.*; готьскыя *Ек.,* [50] вспѣша *К.* [51] синяго *К.* [52] моря *К.* [53] поють *Ек.* [54] веселіа *Ек.*

VI

тогда великіи[1] святславъ[2] изрони злато слово слезами смѣшено и рече о моя сыновчя[3] игорю и всеволоде рано еста начала половецкую землю мечи цвѣлити а себѣ славы искати нъ нечестно одолѣсте нечестно бо кровь поганую поліясте[4] ваю храбрая сердца въ жестоцемъ[4] харалузѣ скована а въ буести закалена се ли створисте моеи сребренеи сѣдинѣ а уже не вижду[5] власти сильнаго и богатаго и многовои[6] брата моего ярослава съ черниговьскими

былями съ могуты и съ татраны и съ шельбиры[7] и съ топчакы исъ ревугы и съ ольберы[8] тіи бо бес[9] щитовь[10] съ засапожникы[11] кликомъ плъкы[12] побѣждаютъ[13] звонячи въ прадѣднюю славу нъ рекосте му жа имѣся[14] сами преднюю славу сами похитимъ[15] а заднюю ся сами подѣлимъ[16] а чи диво ся братіе стару помолодити коли соколъ въ мытехъ[17] бываетъ[18] высоко птицъ[19] възбиваетъ[20] не дастъ[21] гнѣзда своего въ обиду нъ се зло княже ми не пособіе[22] на ниче[23] ся годины обратиша се уримъ[24] кричатъ[25] подъ саблями половецкыми а володимиръ[26] подъ ранами туга и тоска сыну глѣбову великыи княже всеволоде не мыслію[27] ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти ты бо можеши волгу веслы раскропити[28] а донъ шеломы выльяти аже[29] бы ты былъ то была бы чага по ногатѣ а кощеи по резанѣ[30] ты бо можеши посуху[31] живыми[32] шереширы стрѣляти[33] удалыми сыны глѣбовы ты буи рюриче и давыде не ваю ли <. . . >[34] злачеными шеломы по крови плаваша не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ[35] акы[36] тури ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ вступита[37] господина[38] въ злата[39] стремень за обиду сего времени за[40] землю русскую[41] за раны игоревы буего святславлича[42] галичкы осмомыслѣ[43] ярославе высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ[44] столѣ подперъ горы угорскыи[45] своими желѣзными плъки[46] заступивъ королеви путь затвори въ[47] дунаю ворота меча бремены[48] чрезъ облаки[49] суды рядя до дуная грозы твоя по землямъ текутъ[50] отворяеши[51] кіеву[52] врата стрѣляеши[53] съ отня злата стола салтани[54] за землями стрѣляи[55] господине кончака поганого кощея за землю рускую за раны игоревы буего святславлича[56] а ты буи романе и мстиславе храбрая мысль носитъ[57] васъ умъ[58] на дѣло высоко плаваеши на дѣло въ буести яко соколъ на вѣтрехъ[59] ширяяся хотя птицю въ буиствѣ одолѣти суть бо у ваю желѣзныи[60] папорзи подъ шеломы латинскими[61] тѣми тресну земля и многи[62] страны хинова[63] литва ятвязи деремела и половци сулици своя повръгоша[64] а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи[65] нъ уже княже игорю утрпѣ[66] солнцю свѣтъ а древо не бологомъ[67] листвіе срони по рсіи[68] по сули гради подѣлиша а игорева храбраго плъку[69] не крѣсити[70] донъ ти княже кличетъ[71] и зоветъ[72] князи на побѣду[73] олговичи храбрыи князи доспѣли на брань инъгварь[74] и[75] всеволодъ и вси три мстиславличи[76] не худа[77] гнѣзда шестокрилци[78] непобѣдными[79] жребіи собѣ власти расхытисте кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкіи[80] и щиты загородите полю ворота своими острыми стрѣлами[81] за землю русскую[82] за раны за игоревы буего святъславлича

VI [1] *Так П., К.*; великыи *Ек.* [2] святъславъ *Ек.*; святославъ *К.* [3] сыновча *Ек.* [4] прольясте *Ек.* [4] жестоцѣмъ *Ек.* [5] невижду *Ек.* [6] много вои *Ек.* [7] шелъбиры *Ек.* [8] олбѣры *Ек.* [9] бесъ *Ек.* [10] щитовъ *Ек.* [11] *У В. ошибочно* засапожники [12] полкы *Ек.* [13] побѣждають *Ек.* [14] мужа имѣся *Ек.* [15] похытимь *Ек.* [16] подѣлимь *Ек.* [17] мытѣхъ *Ек.* [18] бываеть *Ек.* [19] птиць *Ек.* [20] възбиваеть *Ек.* [21] недасть *Ек.* [22] непособіе *Ек.* [23] наниче *Ек.* [24] у римъ *К.*; урим *Ек.* [25] кричать *К.* [26] володиміръ *Ек.*; володимеръ *К.* [27] немыслію *Ек.* [28] роскропити *Ек.* [29] а же *Ек.* [30] рѣзани *К.* [31] по суху *Ек.* [32] *Нет Ек.* [33] стреляти *Ек.* [34] *Во всех источниках пропущено слово* [35] рыкають *Ек.* [36] аки *Ек.* [37] вступи та *Ек.* [38] *Так П., К*; гна *Ек.* [39] златыи *К.* [40] зане *Ек.* [41] рускую *Ек.* [42] святъславлича *Ек.* [43] осмомысле *Ек., К.* [44] златокованнемъ *Ек.* [45] угорьскыи *Ек.* [46] полки *Ек.*; плъкы *К.* [47] затворивъ *Ек.*; затвори къ *К.* [48] *Так К.*; времены *П., Ек.* [49] облакы *Ек.* [50] текуть *Ек., К.* (*не отмечено В.*) [51] *Так Ек., К.*; оттворяеши *П.* [52] кыеву *К.* [53] стреляеши *Ек.* (у *В. ошибочно П.*) [54] *Так П., К*; салътани *Ек.* [55] стреляи *Ек.* [56] святъславича *Ек.* [57] носить *Ек.* [58] умь *Ек.* [59] вѣтрѣхъ *Ек.* [60] желѣзніи *Ек.* [61] *Так П., К.*; латиньскыми *Ек.* [62] многы *Ек.* [63] *Нет К.* [64] *Так Ек., К*; повръгоща *П.* [65] харулужныи *К.* [66] утрьпѣ *Ек.* [67] небологомь *Ек.* (*у Д. и В. ошибочно* небологомъ) [68] роси *Ек.* [69] полку *Ек.* [70] некресити *Ек.* [71] кличеть *Ек.* [72] зоветъ *Ек.* [73] напобѣду (у *В. ошибочно* на побѣду) *Ек.* [74] ингварь *Ек., К.* [75] *Нет К.* [76] *Так Ек.*; мстиславичи *П.*; мстиславича *К.*

[77] худá (*с ударением*) *Ек.* [78] шестокрильци *Ек.* [79] не побѣдными *Ек.* [80] ляцкыи *Ек.* [81] стрелами *Ек.* [82] рускую *Ек.*

VII

уже бо сула не течетъ[1] сребреными струями къ граду переяславлю и двина болотомъ течетъ[2] онымъ грознымъ полочаномъ[3] подъ кликомъ поганыхъ единъ же изяславъ сынъ васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія[4] притрепа славу дѣду своему всеславу а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи и схоти ю на кровать и рекъ дружину твою княже[5] птиць крилы пріодѣ[6] а звѣри[7] кровь полизаша[8] не бысь[9] ту брата брячяслава[10] ни другаго всеволода единъ же изрони жемчюжну[11] душу изъ храбра тѣла чресъ[12] злато ожереліе унылы[13] голоси пониче веселіе трубы трубятъ городеньскіи[14] ярославе и вси внуце всеславли уже понизить стязи свои вонзить свои мечи вережени уже бо выскочисте изъ дѣднеи славѣ вы бо своими крамолами начясте[15] наводити поганыя на землю рускую на жизнь всеславлю которое бо бѣше насиліе отъ земли половецкыи на седьмомъ[16] вѣцѣ трояни[17] връже всеславъ жребіи о дѣвицю[18] себѣ любу тъи[19] клюками подпръся[20] о кони и скочи къ граду кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола кіевскаго[21] скочи отъ нихъ[22] лютымъ звѣремъ[23] въ плъночи[24] изъ бѣла=града[25] обѣсися[26] синѣ[27] мьглѣ утръ же воззни стрикусы[28] отвори[29] врата нову=граду[30] разшибе[31] славу ярославу скочи влъкомъ[32] до немиги съ дудутокъ на немизѣ снопы стелютъ головами молотятъ чепи харалужными[33] на тоцѣ животъ кладутъ[34] вѣютъ душу отъ[35] тѣла немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть[36] посѣяни посѣяни костьми рускихъ[37] сыновъ[38] всеславъ князь людемъ судяше княземъ грады рядяше[39] а самъ въ ночь влъкомъ[40] рыскаше изъ[41] кыева дорискаше до куръ тмутороканя великому хръсови влъкомъ[42] путь прерыскаше тому въ полотскѣ[43] позвониша заутренюю рано у святыя софеи въ колоколы а онъ въ кыевѣ звонъ слыша аще и вѣща душа въ друзѣ[44] тѣлѣ нъ часто бѣды страдаше тому вѣщеи боянъ и пръвое[45] припѣвку[46] смысленыи[47] рече ни хытру[48] ни горазду ни птицю горазду суда божіа не минути[49] о стонати рускои земли помянувше пръвую[50] годину и пръвыхъ[51] князеи того стараго владиміра не льзѣ[50] бѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ[51] сего бо нынѣ сташа стязи рюриковы а друзіи давидовы[52] нъ рози нося имъ хоботы пашутъ[53] копіа поютъ

VII [1] течеть *Ек.* [2] течеть *К.* [3] полочяномъ *Ек.* [4] литовьскыя *Ек.* (*у В. ошибочно* литовскыя *Ек.*) [5] *Так П., Ек.*; княжую *М.* [6] пріоде *М.* [7] звери *Ек., М.* [8] полизаше *М.* [9] бы *Ек.* [10] брячаслава *Ек.* [11] жемчужну *Ек.* [12] чрезъ *Ек.* [13] уныли *Ек.* [14] *У В. ошибочно* городенъскіи [15] начасте *Ек.* [16] седмомъ *Ек.* [17] зояни *Ек.* [18] одѣвицю *Ек.* [19] тъ *Ек.* [20] *У В.* подпръ ся; *конъектура не оговорена* [21] кіевьскаго *Ек.* [22] отныхъ *Ек.* [23] звере^м^ *Ек.* [24] полночи *Ек.* [25] *Так П. и Ек. У В. слитно, но конъектура не оговорена.* [26] обѣси ся *Ек.* [27] сине *Ек.* [28] утръже вазнистри кусы *Ек.* [29] *Так Ек.*; оттвори *П.* [30] нову граду *Ек.* (*у В. не отмечено*) [31] разшибѣ *Ек.* [32] волкомъ *Ек.* (*у В. ошибочно* волкомь *Ек.*) [33] халужными *Ек., М.* [34] кладуть *Ек.* [35] о^т^ *М.* [36] бяхутъ *М.* [37] руски^х^ *М.* [38] сыновь *Ек.* [39] радяше *Ек.* [40] волкомь *Ек.* [41] исъ *Ек.* [42] волкомь *Ек.* [43] полотьскѣ *Ек.* [44] в' друзѣ *Ек.* [45] первое *Ек.*; перъвое *М.* [46] притовку *М.* [47] смысленныи *М.* [48] хитру *М.* [49] неминути *Ек.* [50] первую *Ек.* [51] первыхъ *Ек.* [50] нелзѣ *Ек.* [51] кіевьскымъ *Ек.* [52] давидови *Ек.* [53] пашуть *Ек.*

VIII

на дунаи ярославнынъ[1] гласъ слышитъ[2] зегзицею незнаемь рано кычеть полечю рече зегзицею по дунаеви омочю бебрянъ рукавъ въ каялѣ рѣцѣ утру князю кровавыя его раны

на жестоцѣмъ[3] его тѣлѣ ярославна рано плачетъ[4] въ путивлѣ на забралѣ аркучи о вѣтрѣ[5] вѣтрило чему господине[6] насильно вѣеши чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои мало ли ти бяшетъ[7] горъ подъ облакы вѣяти лелѣючи корабли на синѣ морѣ чему господине мое веселіе по ковылію развѣя ярославна рано плачеть путивлю городу на заборолѣ аркучи о днепре словутицю[9] ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю половецкую ты лелѣялъ еси на себѣ святославли носады до плъку[10] кобякова възлелѣи господине мою ладу къ мнѣ а быхъ неслала къ нему слезъ на море[11] рано ярославна рано[12] плачетъ[13] къ путивлѣ на забралѣ аркучи свѣтлое и тресвѣтлое слънце[14] всѣмъ[15] тепло и красно еси чему господине[16] простре горячюю свою лучю на ладѣ вои въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже тугою имъ тули затче прысну море полунощи идутъ[17] сморци мьглами игореви князю богъ путь кажетъ изъ земли половецкои на землю рускую къ отню злату столу погасоша вечеру зари игорь спитъ[18] игорь бдитъ[19] игорь мыслію поля мѣритъ[20] отъ великаго[21] дону до малаго донца комонь въ полуночи овлуръ свисну за рѣкою велить князю разумѣти князю игорю не быть кликну стукну земля вьшумѣ[22] трава вежи ся половецкіи подвизашася а игорь князь поскочи[23] горностаемъ[24] къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду вьврьжеся[25] на бръзъ[26] комонь и скочи съ него босымъ[27] влъкомъ[28] и потече къ лугу донца и полетѣ соколомъ подъ мьглами[29] избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ коли игорь соколомъ[30] полетѣ тогда влуръ влъкомъ[31] потече труся собою студеную росу претръгоста бо своя бръзая[32] комоня

VIII [1] ярославнымъ *Ек.* [2] слышить *Ек.* [3] нажестоцѣмъ *Ек.* [4] плачеть *Ек.* [5] вѣтре *Ек.* [6] гне *Ек.* [7] бяшеть *Ек.* [9] дне пресловутицю *Ек.* [10] полку *Ек.* [11] морѣ *Ек.* [12] *В Ек. вместо* «рано» *стоит* «на морѣ» [13] плачеть *Ек.* [14] солнце *Ек.* (*у В. ошибочно* слънцѣ *Ек.*)[15] всемъ *Ек.* [16] гне *Ек.* [17] идуть *Ек.* [18] спить *Ек.* [19] бдить *Ек.* [20] мѣрить *Ек.* [21] великого *Ек.* [22] въ шумѣ *Ек.* [23] поскачи *Ек.* [24] *Так Ек.*; горнастаемъ *П.* [25] въвержеся *Ек.* [26] борзъ *Ек.* [27] босым *Ек.* [28] волкомъ *Ек.* [29] мглами *Ек.* [30] соколом *Ек.* [31] волкомъ *Ек.* [32] борзая *Ек.*

IX

донецъ[1] рече княже игорю не мало ти величія а кончаку нелюбія а рускои земли веселіа игорь рече о донче не мало ти величія лелѣявшу князя на влънахъ[2] стлавшу ему зелѣну[3] траву на своихъ[4] сребреныхъ брезѣхъ одѣвавшу его теплыми мъглами[5] подъ сѣнію зелену древу стрежаше е гоголемъ на водѣ чаицами на струяхъ чрьнядьми[6] на ветрѣхъ[7] не тако[8] ли рече рѣка стугна худу струю имѣя пожръши чужи ручьи и стругы ростре на кусту уношу князю ростиславу затвори <. . . >[9] днѣпрь темнѣ березѣ плачется мати ростиславля[10] по уноши князи ростиславѣ уныша цвѣты жалобою и древо стугою къ земли прѣклонило[11] а не сорокы втроскоташа на слѣду игоревѣ ѣздитъ[12] гзакъ съ кончакомъ тогда врани не граахуть галици помлъкоша[13] сорокы не троскоташа[14] полозію[15] ползоша[16] только[17] дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ[18] соловіи веселыми пѣсьми[19] свѣтъ повѣдаютъ млъвитъ[20] гзакъ кончакови аже соколъ къ гнѣзду летитъ[21] соколича рострѣляевѣ[22] своими злачеными стрѣлами[23] рече[24] кончакъ ко гзѣ аже соколъ къ гнѣзду летитъ[25] а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею[26] и рекъ[27] гзакъ къ кончакови аще его опутаевѣ[28] красною дѣвицею ни нама будетъ сокольца ни нама красны дѣвице то почнутъ наю[29] птици бити въ полѣ половецкомъ рекъ боянъ и ходы на святъславля пѣстворца[30] стараго времени ярославля ольгова коганя хоти тяжко ти головы кромѣ плечю зло ти тѣлу кромѣ головы рускои земли безъ игоря солнце свѣтится на небесѣ[31] игорь князь въ рускои земли дѣвици поютъ на дунаи вьются голоси чрезъ[32]

море до кіева игорь ѣдетъ по боричеву къ святѣи богородици пирогощеи страны ради гради весели пѣвше пѣснь старымъ княземъ[33] а по томъ[34] молодымъ[35] пѣти слава игорю святъславлича[36] буи туру всеволодѣ[37] владиміру игоревичу[38] здрави князи и дружина побарая за христьяны[39] на поганыя плъки[40] княземъ слава а дружинѣ аминь

IX [1] донець *Ек.* [2] волнахъ *Ек.* [3] зелену *Ек.* [4] насвоих *Ек.* [5] мглами *Ек.* [6] *Так Ек., П.*; *у В. ошибочно отмечено наличие разночтения* [7] вѣтрѣхъ *Ек.* [8] нетако *Ек.* [9] *Здесь в П. и Ек., видимо, пропущена строка.* [10] *Так Ек.*; ростиславя *П.* [11] преклонило *Ек.* [12] ѣздить *Ек.* [13] помолкоша *Ек.* [14] нетроскоташа *Ек.* [15] *Так П.*; по лозію *Ек.* (*у В. ошибочно* полозіе) [16] ползаша *Ек.* [17] толко *Ек.* [18] кажуть *Ек.* [19] пѣсньми *Ек.*; *у В. опечатка*: пѣсьми *Ек.* (*правильно*: *П.*) [20] молвить *Ек.* [21] летит *Ек.* [22] ростреля=евѣ *Ек.* [23] стрелами *Ек.* [24] речь *Ек.* [25] летить *Ек.* [26] дѣвицею *Ек.* [27] *Так Ек.*; рече *П.* [28] опута евѣ *Ек.* [29] на ю *Ек.* [30] пѣснотворца *Ек.* [31] небесе *Ек.* [32] чресъ *Ек.* [33] княземь *Ек.* (*у В. ошибочно* княземь *П.*) [34] *Так П.*; потомъ *Ек.*; *у В.* потомъ; *словоделение не оговорено* [35] молодым *Ек.* [36] святъславличь *Ек.* (*у В. ошибочно* святьславличь *Ек.*) [37] всеволоде *Ек.* [38] игоревичь *Ек.* [39] христьяны *Ек.* (*у В. ошибочно* христьяны *Ек.*) [40] полки *Ек.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Абаев — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958–1995. Т. I–V.

Адрианова-Перетц — Адрианова-Перетц В . П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968.

Булаховский — Булаховский Л. А. Избранные труды: в 5 т. Т. 3: Славистика. Русский язык. Киев, 1983.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

ДНД — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2004.

Дурново — Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Дыбо — Дыбо А. В. Деклинационные различия в новгородских диалектах XIII–XIV вв. // Балто-славянские исследования–1987. М., 1989.

Ек. — Екатерининская копия *СПИ* (см.: *Симони П. К.* «Слово о полку Игореве» // Древности. Труды Моск. археолог. общества. XIII. № 2 [1890]. С. 34–46).

Записки НТШ — Записки Наукового товариства імені Шевченка.

ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН (СПб).

ИМЛИ — Институт мировой литературы РАН (Москва).

ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка АН СССР

Ипат. — ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1962.

Козырев 1975 — Козырев В. А. Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах // Брянские говоры. Вып. III. Л., 1975.

Козырев 1976 — Козырев В. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXXI.

Лавр. — ПСРЛ. Т. I. Вып. 1–3: Лаврентьевская летопись. М., 1962.

Лексика — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2000.

Лекции — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Лихачев — Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985.

Лихачев 1985 — Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля: Материалы и исследования. М., 1985.

Менгес — Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

Мещерский, Бурыкин — Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Л., 1985. С. 440–483. (Адрес в Интернете: www.infolio.asf.ru/Rlit/Drl)

НГМ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

П. — [Первое издание «Слова о полку Игореве»:] Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800.

ПВЛ — Повесть временных лет / Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 1999.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

Пушкин — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 12. М.; Л., 1949.

РАН — Российская академия наук (АН СССР с 1922 по 1991).

Рапов — Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Рыбаков — Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

Смех — Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

СДЛ — Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы. М., 1981.

Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII веков. Т. I– . М., 1975– .

Смол. — Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.

СПИ — Слово о полку Игореве.

СПИВЛ — Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004.

Срезневский — Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1: **А**—**К**; СПб., 1902. Т. 2: **Л**—**П**; СПб., 1912. Т. 3: **Р**—**Ꙗ** и Дополнения.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1– 41... М.; Л., 1965–2007...

СССПИ — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1–6. М.; Л., 1965, 1967, 1969, 1973, 1978, 1984.

Татищев — Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 3. М.; Л., 1964.

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) *РАН* (Ленинград / Санкт-Петербург).

Успенский — Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. I–IV. М., 1964–1973.

Чернов — Чернов А. Ю. Хроники изнаночного времени. СПб., 2006.

ЭСПИ — Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1–5. СПб., 1995.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1– . М., 1974– .

ЭСТЯ — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I–III. М., 1974–1980; [*Севортян Э. В., Левитская Л. С.*] Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ӂ», «Ж», «Й».М., 1989; [*Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И.*] Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ». М., 1997; [*Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И.*]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ». М., 2000.

Clauson EDT — Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

В КНИГЕ:

Предисловие
5

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ
Билингва
Стиховая запись и перевод Андрея Чернова
Реконструкция древнерусского текста А. В. Дыбо
9

Примечания к реконструкции древнерусского текста (*А. В. Дыбо*)
57

Андрей Чернов
КОММЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД
(с *примечаниями А. В. Дыбо*)
67

СКАЗАЛИ БОЯН И ХОДЫНА.
Поэтика «Слова о полку Игореве»
209

ТРИ ИМЕНИ АВТОРА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
Текст как оттиск личности
331

ВТОРОЕ ИМЯ РЕКИ КАЯЛЫ
413

ЯВЛЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПИРОГОЩЕЙ
447

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Г. Бобров
СУДЬБА МУСИН-ПУШКИНСКОГО СБОРНИКА
466

Три летописные повести о русско-половецкой войне 1184–1185 годов
484

Текст издания 1800 года с разночтениями по другим источникам
500

Список сокращений
509